

Фрэнк Герберт

ДЮНА

Annotation

Роман «Дюна», первая книга прославленной саги, знакомит читателя с Арракисом – миром суровых пустынь, исполинских песчаных червей, отважных фрименов и таинственной специ. Безграничная фантазия автора создала яркую, почти осязаемую вселенную, в которой есть враждующие Великие Дома, могущественная Космическая Гильдия, загадочный Орден Бинэ Гессерит и неуловимые ассасины.

- [Фрэнк Герберт](#)
 -
 - [Книга 1](#)
 - [Книга 2](#)
 - [Книга 3](#)
 - [Приложения](#)
 - [Приложение I. Экология Дюны](#)
 - [Приложение II. Религия Дюны](#)
 - [Приложение III. О мотивах и целях деятельности Бинэ Гессерит](#)
 - [Приложение IV. Аланак Эн-Ашраф](#)
 - [Терминология Империи](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Фрэнк Герберт

Дюна

Людам, чьи труды из области идей переходят в область реального, – экологам пустынь, где бы они ни жили, в какое бы время ни работали, – посвящается эта попытка предвидения – с благодарностью и восхищением.

Frank Herbert
DUNE

© Herbert Properties LLC, 1965

© Перевод. Ю. Соколов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Книга 1

Дюна

Начиная любое дело, следует строго определить известные факты. Это знает любая из Дочерей Гессера. Чтобы понять Муад'Диб, нужно сперва точно установить время его жизни – он родился на 57-м году правления Падишах-Императора Шаддама IV, – а потом, с особой осторожностью, его место – планету Арракис. Не следует обманывать себя тем, что он родился на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни прожил на этой планете. Лишь Арракис, известный еще и под именем Дюна, навеки останется местом Муад'Диб в истории.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

До отлета на Арракис оставалась только неделя, и, когда предотъездная суeta стала совсем уж непереносимой, к матери Пола прибыла какая-то старая карга.

Ночь была жаркой, и в древней каменной твердыне замка Каладан, служившем семейству Атрейдесов домом уже двадцать шесть поколений, становилось душно, как всегда перед сменой погоды.

Старуху впустили через боковую дверь, ведущую в сводчатый коридор, и позволили заглянуть в комнату юного Атрейдеса, лежащего в кровати.

В исходящем почти от пола тусклом свете притененного плавающего светового шарика пробудившийся мальчик увидел у двери дородную женскую фигуру, позади которой стояла мать. Старуха была похожа на призрак ведьмы: спутанная паутина волос, в глубокой тени, под капюшоном, поблескивают опалы глаз.

– Не слишком ли он мал для своего возраста, Джессика? – спросила старуха дребезжащим, словно расстроенный бализет, голосом.

Мать Пола ответила мягким контральто:

– Известно, что Атрейдесы поздно начинают расти, Преподобная.

– Знаю я, знаю, – продребезжала старуха, – но все-таки ему уже пятнадцать.

– Да, Преподобная.

– Он проснулся и подслушивает, – сказала старуха, хихикнув, – лукавый негодник. Но в крови властелина должно быть лукавство. А если он и впрямь Квизац Хадерач... Ну...

Пол чуть приоткрыл глаза в сумраке спальни. Овальные, яркие, словно птичьи, глаза старухи как будто светились и росли перед его взором.

– Что ж, сегодня спи спокойно, лукавый негодник, – произнесла старуха. – Завтра тебе потребуются все твои силы, чтобы достойно встретить мой гом джаббар.

А потом повернулась, подтолкнула мать мальчика к выходу и, выходя, звучно хлопнула дверью.

Закрывая глаза, Пол подумал: «А что такое гом джаббар?» Во всей сумятице переезда не было ничего страннее этой старухи.

Преподобная.

И она звала его мать просто Джессикой, как простую служанку... ее – госпожу из Дочерей Гессера, наложницу герцога и мать наследника титула.

«Не с Арракисом ли связан гом джаббар, раз я должен познакомиться с ним еще до отъезда?» – подумал он.

Он мысленно произнес странные слова: «Гом джаббар... Квизац Хадерач».

Нужно еще так много узнать! Арракис настолько отличался от Каладана, что знания о нем вихрем кружились в голове Пола.

Арракис – Дюна – Планета пустынь.

Начальник ассасинов его отца, Сафир Хават, все объяснил ему. Их смертельные враги Харконнены восемьдесят лет владели Арракисом, где добывали гериатрическое вещество по квазифайфу, контракту компании КАНИКТ, а теперь Харконнены покидали планету и сменить их в полном файфе должен был Дом Атрейдесов. Герцог Лето одержал

явную победу. Но в очевидности этой победы, сказал Хават, крылась и смертельнейшая угроза, – ведь герцог Лето популярен среди Великих Домов Ландсраада.

– Популярность всегда вызывает зависть могущественных, – пояснил Хават.

Арракис – Дюна – Планета пустынь.

Пол заснул, и ему привиделась пещера где-то на Арракисе, молчаливые люди, безмолвно снующие вокруг него в тусклом свете световаров. Пещера была величественна, как храм, а он сидел и все прислушивался к тихому звуку... кап-кап-кап. И еще во сне Пол уже знал, что запомнит это видение. Он всегда запоминал сны, которые были пророчествами.

Сон поблек.

Еще не совсем проснувшись, Пол задумался в теплой постели. Быть может, мирок замка на Каладане, где не было игр и ровесников, не заслуживал печали при расставании. Его учитель, доктор Юэ, уже намекал, что система каст фюфреллах не так уж строго соблюдается на Арракисе. На этой планете люди жили по краям пустынь, без баши и сеидов, а кроме них – фримены, бродячий народ, называвший себя Вольным и не имевший места в жесткой иерархии Империи.

Арракис – Дюна – Планета пустынь.

Осознав, что волнуется, Пол взялся за одно из тех упражнений для ума и тела, которым его обучала мать. Три быстрых вдоха сделали свое дело: волной накатила ясность... сознание сконцентрировалось... аорта наполнилась кровью... отхлынуло все бессознательное... он мыслит рассудком, только собственной волей... обогащенная кровь затопляет области перегрузки... пищи-свободы-безопасности не достигнуть, пользуясь только инстинктом... сознание животного не выходит за грани сиюминутного, ему недоступна мысль, что его жертвы могут вымереть... животное разрушает и не создает... удовольствия зверя всегда на уровне ощущений, они далеки от восприятия... человек нуждается в фоне, координатах восприятия Вселенной... сам фокусирует сознание – вот и система координат... телесная целостность, словно река, наполняется через нервы и сосуды, – глубочайшая потребность всех клеток... целостность тела... все: вещи-клетки-существа – все изменяется и борется за постоянство течений в себе.

Вновь, вновь и вновь омывала сознание Пола эта навсегда заученная ясность.

Едва день позолотил окна в комнате, мальчик уже почувствовал лучи сквозь закрытые веки, а когда открыл глаза, то услышал, что суета и спешка овладели замком, и тогда он принялся рассматривать знакомые пятна света на потолке спальни.

Дверь открылась, в комнату заглянула мать, отливающие бронзой волосы перетягивала на лбу черная лента. Лицо было бесстрастно, а в зеленых глазах мелькало что-то торжественное.

– Ты проснулся, – сказала она. – Хорошо спал?

– Да.

Он окинул взглядом высокую стройную фигуру матери, и, когда она, подойдя поближе к шкафу, задумалась, выбирая ему одежду на сегодня, по наклону плеч угадал ее волнение. Другой бы и не заметил, но она сама учила его этому искусству Дочерей Гессера – мгновенной оценке. Она повернулась, в руках ее был полуофициальный пиджак. Над нагрудным карманом его краснел герб-нашивка – красный ястреб Атрейдесов.

– Одевайся быстрее, – сказала она. – Тебя ждет Преподобная Мать.

– Она мне снилась, – сказал Пол. – Кто она?

– Моя учительница из школы Бинэ Гессерит, а теперь ясновидящая Императора. Пол... – Она заколебалась. – Ты должен рассказать ей о своих снах.

– Это из-за нее мы получили Арракис?

– Арракис мы не получили. – Джессика стряхнула пылинку с брюк и повесила их на вешалку у кровати. – Не заставляй ждать Преподобную Мать.

Пол сел на кровати, обняв колени.

– А что такое гом джаббар?

И вновь вышколенные ею же самой чувства позволили ему заметить мгновенную нерешительность, реакцию нервной системы, которую он истолковал как страх.

Джессика отошла к окну, раздвинула шторы и поглядела через речные сады на гору Сиуби.

– Ты узнаешь о... гом джаббаре достаточно скоро, – ответила она.

Он услышал в ее голосе страх и удивился.

Не поворачивая головы, Джессика сказала:

– Преподобная Мать ждет в моей утренней комнате. Пожалуйста, поторопись.

Гайя Елена Мохайем сидела в крытом узорчатой тканью кресле и смотрела на приближающихся мать и сына. Окна по обе стороны кресла выходили на юг, на излучину реки, к зеленым землям наследственных ферм Атрейдесов, но Преподобная Мать не интересовалась красотами природы. Сегодня утром собственный возраст она ощущала куда в большей степени, чем обычно. И относилась свою раздражительность на счет космического путешествия в корабле мерзкой Космической Гильдии, отвратительной во всех своих тайных повадках. Однако приведшее ее сюда дело требовало участия сестры из Бинэ Гессерит, наделенной даром прорицания. А потому даже она, ясновидящая Императора, не могла отказаться, раз того требовал долг.

«Проклятая Джессика! – подумала Преподобная Мать. – Если бы только она родила герцогу девочку, как ей было приказано!»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и сделала небольшой реверанс, слегка тронув левой ладонью юбку. Пол отвесил короткий поклон: кланяться подобным образом тем, в чьем положении ты не уверен, его научил танцмейстер.

Эти тонкости не ускользнули от глаз Преподобной Матери. Она сказала:

– А он у тебя осторожен, Джессика.

Рука матери легла на плечо Пола, стиснув его на мгновение. На долю сердцебиения ладонь сотряс страх. Мать немедленно взяла себя в руки:

– Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – мысленно удивился Пол.

Старуха окинула его мгновенным пронзающим взглядом: овал лица как у Джессики, крепкий костяк, волосы угольные, как у герцога, а брови как у деда по матери, которого нельзя называть... тонкий высокомерный нос, прямой взгляд зеленых глаз – как у старого герцога, покойного деда по отцу.

«Да, этот знал толк в браваре, не боялся и самой смерти», – подумала Преподобная Мать.

– Учение – это одно, – сказала она, – а глубинная сущность – другое. Посмотрим. – Старые глаза жестко глянули на Джессику. –

Оставь нас, советую тебе заняться медитацией... успокойся.

Джессика сняла руку с плеча Пола:

– Преподобная, я...

– Джессика, ты ведь знаешь сама: это необходимо.

Пол озадаченно глянул на мать. Джессика выпрямилась:

– Да... конечно.

Пол поглядел на Преподобную Мать. Вежливость матери и ее явный трепет перед этой старухой заставляли соблюдать осторожность. Но неожиданный испуг леди Джессики рассердил его.

– Пол... – Джессика глубоко вздохнула. – Эта проверка, которую ты должен сейчас пройти... очень важна для меня.

– Проверка? – Он удивленно поглядел на нее.

– Помни, что ты – сын герцога, – сказала Джессика, вихрем обернулась и, шурша юбкой, широкими шагами вылетела из комнаты, надежно затворив за собой дверь.

Обернувшись к старухе, Пол сдержал гнев:

– С леди Джессикой не следует обращаться словно со служанкой.

Улыбка коснулась уголков морщинистого рта.

– Мальчик, леди Джессика и была в школе моей служанкой целых четырнадцать лет. – Она кивнула. – И неплохой служанкой к тому же. А теперь, ты, иди сюда!

Пол обнаружил, что повинуется хлесткой команде прежде, чем осознал ее. «Воспользовалась Голосом», – подумал он и остановился, подчиняясь жесту, возле ее колен.

– Видишь это? – спросила она. Из складок одеяния она извлекла металлический куб размером сантиметров в пятнадцать. Она повертела его. Пол заметил, что одной стенки не было, и зиявшая черная пустота странно пугала, словно туда, в эту тьму, не мог проникнуть ни один луч.

– Вложи сюда правую руку, – приказала она.

Страх охватил его. Пол было попятился, но старуха сказала:

– Так вот как ты исполняешь волю матери?

Он посмотрел в яркие птичьи глаза. Медленно, борясь с неуверенностью, Пол вложил руку в ящик. Сперва, когда темнота поглотила руку, он почувствовал холодок, потом ощутил пальцами гладкий металл, а потом рука словно начала неметь.

Хищная судорога передернула лицо старухи, отняв правую руку от шкатулки, она поднесла ее сбоку к шее Пола. Краем глаза он заметил блеск металла и начал уже поворачивать голову.

– Нельзя! – резко сказала она.

«И снова она использует Голос!» – Он не отводил глаз от ее лица.

– Мой гом джаббар у твоей шеи. Строгий враг... гом джаббар... иголка с каплей яда на острие. Ах-ах! Не вздумай даже дернуться, иначе его яд попадет в твою кровь.

Пол попытался сглотнуть – непослушная гортань внезапно словно пересохла. Он и не смел отвести взгляд от этого изборожденного морщинами лица, бледно-розовых десен, хищно поблескивающих серебряными зубами при разговоре.

– Сын герцога должен разбираться в ядах, – сказала она. – Таковы времена, не так ли? Муски – яды, которые добавляют в питье; аумас – те, что кладут в пищу. Быстрые, медленные и средние яды. Гом джаббар тебе пока неизвестен – он убивает только животных.

Гордость одолела страх.

– Вы смеете думать, что сын герцога может быть животным?

– Скажем иначе, я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, – ответила она. – Не дергайся. Предупреждаю. Пусть я стара, но эту иглу я успею вогнать тебе в шею... не увернешься.

– Кто вы? – прошептал он. – Как удалось вам обмануть мою мать, чтобы она оставила меня с вами? Вас подослали Харконнены?

– Харконнены? Помилуй, Господь, – нет! А теперь помолчи! – Сухим пальцем она провела по его шее, и он подавил непроизвольное желание отдернуть голову.

– Хорошо, – сказала она. – Первое испытание ты прошел. Продолжим. Знай: если ты вынешь руку из коробки, умрешь. Вот единственное условие. Рука останется в коробке – будешь жить. Вытащишь – умрешь.

Пол глубоко вздохнул, чтобы подавить дрожь:

– Если я крикну, через секунду здесь будут слуги и умрете вы.

– Слуги не минуют твоей матери, которая сейчас охраняет дверь снаружи. Имей это в виду. Твоя мать когда-то сама прошла это испытание. Теперь твой черед. Тебе оказали честь. Мы редко подвергаем такому испытанию маленьких мужчин.

Любопытство поубавило страх, и Пол успокоился. В словах старухи он слышал правду, этого нельзя было отрицать. Если за дверью была мать... если это действительно было испытание... Но как бы то ни было, он попался, рука у шеи сковывала его... Гом джаббар. Он вспомнил литанию от страха из ритуала Бинэ Гессерит, которой его научила мать.

«Я не должен бояться. Страх убивает разум. Страх это малая смерть, грозящая полной гибелью. Я встречу свой страх лицом к лицу. А когда он пройдет, внутренним оком я разгляжу его след. Я дам ему дорогу – надо мной и во мне. Где прошел страх, ничего не будет. Останусь только я».

Ощувив вернувшееся спокойствие, он приказал:

– Начинай, старуха.

– Старуха! – фыркнула она. – В храбрости тебе не откажешь. Ну, посмотрим. – Она качнулась к нему и почти зашептала: – Та рука, что в коробке, почувствует боль. Боль. Но! Попробуй только шевельнуть этой рукой – и мой гом джаббар вопьется в твою шею. Смерть будет быстрее, чем от топора. Понял? Вытащишь руку – и гом джаббар заберет тебя.

– А что в коробке?

– Боль.

Почувствовав покалывание в ладони, Пол плотно сжал губы. «Почему это может быть испытанием?» – удивился он. Покалывание перешло в зуд.

Старуха сказала:

– Ты слышал, что животные иногда отгрызают себе ноги, чтобы вырваться из капкана? Так поступают животные. А человек останется в ловушке, выдержит боль... прикинется мертвым, чтобы убить охотника и навсегда отвести эту опасность от своего рода.

Зуд перешел в слабое жжение.

– Зачем вы это делаете? – потребовал он ответа.

– Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Жжение в правой руке усиливалось, и Пол стиснул левую в кулак. Боль росла медленно: пекло все сильнее и сильнее. Ногти его свободной руки уже впивались в ладонь, чтобы как-то ослабить боль. Он попытался шевельнуть пальцами горячей кисти, но не смог.

– Жжет, – прошептал он.

– Молчи!

Боль пульсировала в руке. На лбу его выступил пот. Каждый нерв требовал, чтобы он вытащил руку из этой жгучей мглы... но... гом джаббар... Не поворачивая головы, он попытался скосить глаза на ужасную иглу возле шеи. Он чувствовал уже, что задыхается от боли, попытался успокоить дыхание, но не смог этого сделать.

Боль!

Все исчезло. Во всем мире осталась только эта рука, погруженная в адскую муку, да древнее лицо, обращенное к нему.

Он еле разлепил спекшиеся губы.

Жжет! Как жжет!

Ему уже казалось, что кожа на руке вздувается, чернеет, лопается, обнажая обуглившиеся кости.

Боль исчезла!

Словно нажали кнопку... боль исчезла.

Правая рука Пола дрожала, на теле выступил пот.

– Довольно, – пробормотала старуха. – Кулл вахад. Ни одно дитя-женщина не выдерживало такого. Должно быть, я хотела, чтобы ты не прошел испытание. – Она откинулась назад и убрала гом джаббар от его шеи. – Вынь свою руку из шкатулки, юный человек, и посмотри на нее.

Подавляя подступившую дрожь, он глядел на темную пустоту, в которой теперь, казалось, уже собственной волей пребывала его рука. Воспоминание о боли не давало пошевелить ею. Разум подсказывал, что из тьмы он извлечет лишь обугленный обрубок.

– Вынь руку! – приказала она.

Он резко выдернул руку и в изумлении уставился на нее. Ничего! Ни малейшей отметины, никаких признаков терзавшей плоть смертной боли.

– Боль возникает прямо в нервах, – сказала она. – Но не может вырваться наружу к другим людям. Впрочем, некоторые дорого бы заплатили за тайну этой шкатулки. – И она спрятала ее где-то между складок своего одеяния.

– Но боль... – сказал он.

– Боль, – фыркнула она. – Человек сильнее любого нерва своего тела.

Пол почувствовал вдруг боль в левой руке, разжал кулак и увидел четыре кровавых отметины там, где ногти впивались в ладонь. Уронив руку вдоль тела, он поглядел на старуху.

– И с моей матерью вы тоже проделали такое?

– Тебе случалось просеивать песок через сито? – спросила она.

Неожиданный резкий вопрос сразу обострил его восприятие: песок через сито. Он кивнул.

– Мы, Дочери Гессера, просеиваем людей, чтобы найти *человеков*.

Он поднял правую руку, вызвав в памяти свежее воспоминание: «Неужели с помощью одной только боли?»

– Я следила за тобой, отрок, смотрела, каков ты в боли. Боль только ось испытания. Мать учила тебя наблюдать. Я вижу в тебе результаты ее обучения. Суть испытания – кризис и наблюдение.

Слова эти были правдой, и он сказал:

– Да, это так.

Старуха поглядела на него: «Он чувствует правду. Неужели это он? Возможно ли?» Напомнив себе, что надежда искажает результаты наблюдения, она справилась с внезапным волнением.

– Ты понимаешь, когда люди крепче верят в свои слова? – спросила она.

– Я вижу это.

Обертоны знания и уверенности звучали в его голосе. Она услышала их и сказала:

– Быть может, ты и есть Квизац Хадерач. Садись, маленький брат, у моих ног.

– Лучше я буду стоять.

– Твоя мать когда-то сидела у моих ног.

– Я не моя мать.

– Успел возненавидеть, а? – Она глянула в сторону двери и громко позвала: – Джессика!

Дверь распахнулась, показавшаяся на пороге Джессика жестким взглядом обвела комнату. Когда она увидела Пола, ожесточение исчезло с ее лица. Она выдавила легкую улыбку.

– Джессика, ты теперь перестала меня ненавидеть? – спросила старуха.

– Я и люблю и ненавижу вас, – ответила Джессика. – Ненависть – это память о боли, что не исчезнет, а любовь – это...

– Только главное, – оборвала ее старуха, впрочем, ласковым тоном. – Можешь войти, но помолчи. Закрой дверь и позаботься, чтобы нас не прервали.

Джессика вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. «Мой сын жив, – думала она. – Мой сын жив, и он... человек. Я знала это... но... он жив. Теперь и я могу жить». За спиной была жесткая дверь, и все в комнате было реально и ощутимо.

Мой сын жив!

Пол поглядел на мать. Старуха говорила правду. Он хотел бы остаться один и все обдумать, но понимал, что его пока не отпустят. Старуха приобрела над ним власть. Они обе говорили правду. Его мать выдержала это испытание. За всем чувствовалась ужасная цель его бытия... Боль и страх. Что такое ужасная цель, он понимал. Такие цели превыше прочего. В них властвует неизбежность. Пол давно чувствовал, что несет в себе страшное предназначение, какую-то ужасную неизбежность. Но он еще не знал, какова будет странная цель его существования.

– Когда-нибудь, отрок, – сказала старуха, – и ты встанешь за подобной дверью. Это непросто.

Пол поглядел на руку, познавшую боль, потом на Преподобную Мать. В голосе ее слышалось нечто, не похожее на любой другой голос. Слова ее были огранены, как бриллианты. Они резали, словно ножи. Он почувствовал, что ответом на любой вопрос, который он сумеет задать, она может вырвать его из мира плоти в какую-то высь.

– Почему вы испытываете людей? – спросил он.

– Чтобы освободить.

– Освободить?

– Когда-то люди решили, что думать за них будут машины, понадеявшись, что станут от этого свободнее. Но вместо этого они просто позволили хозяевам машин поработить их.

– «Да не сотворишь машины, наделенной людским умом», – процитировал Пол.

– Так было сказано со времен Батлерианского джихада, и так говорится в Оранжевой Католической Библии, – сказала она, – но в О. К. Библии должно было быть: «Да не сотворишь машины, наделенной *человеческим* умом». Ты изучал ментата вашего Дома?

– Сафир Хават занимался со мной.

– Великое Восстание выбило у людей костыль, – продолжила она. – Человеческий разум был вынужден развиваться. Открылись особые школы, чтобы развивать в нас таланты.

– Школы Бинэ Гессерит?

Она кивнула:

– Сохранилось два остатка этих древних школ: Бинэ Гессерит и Космическая Гильдия. В Гильдии, как мы думаем, упор делается на чистую математику. У Дочерей Гессера иная задача.

– Политика! – сказал он.

– Кулл вахад! – воскликнула старуха, строго глянув на Джессику.

– Я не говорила ему об этом, Преподобная, – пожалала та плечами.

Преподобная Мать вновь обратила свое внимание на Пола и ответила:

– Ты понял это по удивительно малому числу признаков. И в самом деле политика. Вначале школу Бинэ Гессерит направляли те, кто видел нужду в нити, связующей человеческие дела. И они поняли, что такой нити не будет, если не отделить людей от зверей... и еще – если не вывести породу.

Внезапно слова старухи словно расплылись, потеряли для Пола свою резкость. Он почувствовал, как они оскорбили его инстинкт правды, так называла это его мать. Не то чтобы Преподобная Мать лгала ему. Она явно верила в собственные слова. Здесь крылось нечто глубокое, родственное его ужасному предназначению.

Он сказал:

– Моя мать говорит, что в школах Дочерей Гессера ученицы не всегда знают своих предков.

– Все генетические линии зафиксированы в наших анналах, – ответила старуха. – И твоя мать знает, что она или родом из Дочерей Гессера, или же ее происхождение приемлемо для нас.

– Но почему же она не должна знать, кто ее родители?

– Некоторые знают... Многие – нет. Возможно, ее хотели скрестить с близким родственником, чтобы зафиксировать какую-нибудь генетическую доминанту. У нас может быть много причин.

И вновь Пол не почувствовал правды в ее голосе.

– Вы много берете на себя, – сказал он. Преподобная Мать с удивлением глянула на него:

«Не послышалось ли мне осуждение в его голосе?»

– На наших плечах тяжкий груз, – отвечала она. Пол все более и более приходил в себя после испытания. Обратив к старухе испытующий взор, он спросил:

– Вы сказали, что я, быть может... Квизац Хадерач. Что это? Гом джаббар в человеческом обличье?

– Пол, – сказала Джессика, – нельзя разговаривать таким тоном с...

– Я сама управляюсь, Джессика, – вмешалась старуха. – А теперь, отрок, что ты знаешь о зелье ясновидения?

– Вы принимаете его, чтобы усилить способность распознавать ложь, так рассказывала мне мать.

– Ты когда-нибудь видел ясновидящую в трансе?

Он качнул головой:

– Нет.

– Зелье это опасно, – сказала она, – но позволяет многое постигать. Когда ясновидящая вкусит его, она может заглянуть во многие уголки собственной памяти... в память своего тела, и мы далеко заглядываем в прошлое... но только путем женщины. – В голосе ее послышалась печаль. – Но есть и такое место, куда не смеет заглянуть ни одна ясновидящая. Оно отталкивает нас, ужасает. Сказано, что однажды придет мужчина и обретет с помощью зелья внутреннее зрение. Он заглянет, куда мы не смеем: и в мужское, и в женское прошлое.

– Это и будет ваш Квизац Хадерач?

– Да, тот, кто может быть одновременно во многих местах, Квизац Хадерач. Многие мужчины пытались... многие, но безуспешно.

– И всех, кто рискнул попробовать, ждала неудача?

– Нет, что ты, – она покачала головой, – всех, кто рискнул, – ждала смерть.

Пытаться постичь Муад'Диб, не зная его смертных врагов, Харконненов, все равно, что пытаться понять

правду, не зная кривды. Все равно, что пытаться узнать свет, не зная тьмы. Это немыслимо.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Дибе»

Унизанные кольцами пальцы жирной руки раскручивали рельефный глобус, стоявший возле стены на затейливой подставке. Все стены лишенной окон комнаты были увешаны полками с лентами, свитками и книгофильмами. Освещали комнату плавучие свет шары.

В середине комнаты поблескивал овальной крышкой розовой яшмы стол из окаменевшей древесины элакового дерева. Он был окружен приспособляющимися к форме тела креслами на гравипоплавках, два из них были заняты. В одном расположился мрачный темноволосый круглолицый молодой человек лет шестнадцати. В другом – низкорослый худощавый мужчина с несколько женственным лицом.

Оба, и юноша, и мужчина, глядели на глобус и на расположившегося за ним в тени человека.

Рядом с глобусом раздался смешок, и густой бас произнес:

– Ну вот, Питер, настроен самый большой капкан во всей истории. И герцог направляется прямо в его челюсти. Разве это не великолепное воплощение замыслов барона Владимира Харконнена?

– Безусловно, барон, – согласился мужчина певучим музыкальным тенором.

Жирная рука опустилась на глобус, остановив его вращение. Теперь двое сидевших перед ним могли разглядеть замершую поверхность – такие глобусы делались лишь для богатых коллекционеров либо для избранных Империей правителей планет. Работа была отмечена печатью имперской роскоши: сетка долгот и широт была выложена тонкой платиновой проволокой, полярные шапки набраны из великолепных молочно-белых бриллиантов.

Жирная рука провела по глобусу.

– Прошу вас поглядеть, – прогромыхал бас, – внимательнее, Питер, и ты, Фейд-Раута, мой дорогой. Поглядите на эти волны – от шестидесятой параллели к северу до семидесятой на юге. Этот цвет... он не напоминает вам карамель? И ни клочка синевы – ни озер, ни рек, ни морей. А эти очаровательные полярные шапки – они так малы.

Разве можно спутать эту планету с другой? Арракис! Уникальнейший мир. И великолепная почва для бесподобнейшей из побед.

Улыбка тронула губы Питера.

– Подумать только, барон, Падишах-Император полагает, что сам отдал герцогу вашу планету вместе со специей. Сколь пикантно!

– Какая чушь! – прогремел барон. – Ты хочешь запутать юного Фейд-Рауту, не морочь голову моему племяннику.

Мрачный юнец шевельнулся в кресле, разгладил морщинку на туго натянутых черных лосинах. В дверь за его спиной вдруг постучали, и он резко выпрямился.

Питер поднялся из кресла, наискосок прошел к двери и чуть приотворил ее, чтобы принять цилиндр с сообщением. Он закрыл дверь, развернул цилиндр, внимательно проглядел и хихикнул... раз... другой.

– Ну, – требовательным тоном сказал барон.

– Этот дурак ответил нам, барон!

– Ну когда же и кто из Атрейдесов упускал возможность принять красивую позу? – спросил барон. – И что же он пишет?

– Такой невежа, барон... Обращается к вам просто «Харконнен», ни титула, ни даже «Сир и любезный кузен...».

– Имя неплохое, – буркнул барон, тон его выдавал нетерпение. – Что же пишет наш добрый Лето?

– Он пишет: «Ваше предложение о встрече я отвергаю. Слишком часто приходилось мне наткаться на ваши ловушки, об этом знают все».

– И что дальше? – спросил барон.

– А еще он пишет: «Искусство канли еще находит поклонников в Империи». Подписано: «Герцог Лето Арракийский». – Питер расхохотался. – Арракийский! Боже! Это уж слишком.

– Помолчи, Питер, – сказал барон, и смех словно выключили. – «Канли» он пишет? – переспросил барон. – Значит, кровная месть. Доброе словцо подобрал, богатое, такое, чтобы я не ошибся в его намерениях.

– Формально вы сделали шаг к примирению, – сказал Питер. – Обычай выполнен.

– Для ментата, Питер, ты слишком разговорчив, – сказал барон и подумал: «От него скоро придется избавиться. Он уже сделался

практически бесполезным». Барон искоса поглядел на своего ментат-ассасина – глаза этого человека притянули бы к себе любой взгляд – туманная синева в синеве, глаза без белков.

Ухмылка судорогой искривила лицо Питера, превратив его в театральную маску с прорезанными щелями для глаз.

– Но, барон, кто слышал о мести, более прекрасной, чем ваша? Роскошен уже сам план этой ловушки: заставить Лето обменять Каладан на Дюну... и он не смеет отказаться – ведь это приказ Императора. Изысканнейшая мысль!

Холодным тоном барон выговорил:

– Питер, у тебя недержание речи.

– Но я так счастлив, мой барон! А вы... вы ревнуете.

– Питер!

– Ах-ах, барон! Разве не достойно сожаления, что эта изысканная идея не принадлежит вам?

– Питер, я вот-вот прикажу тебя удавить.

– Не сомневаюсь, барон. Дождался. Ах, ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

– Питер, ты сегодня наглотался вериты или семуты?

– Правда и смелость удивляют барона, – ответил Питер, лицо которого вновь застыло маской, на этот раз изображающей печаль. – Ах-ах! Но видите ли, барон, как ментат я буду заранее знать, когда вы пошлете ко мне палача. А вы не сделаете этого, пока я еще могу быть чем-то полезным. Торопиться-то с моей смертью будет накладно, ведь кое-какой прок от меня пока есть. Уж я-то знаю, чему вас научила эта очаровательная Дюна, – не транжирить. Верно, барон?

Барон не отводил взгляда от Питера.

Фейд-Раута шевельнулся в своем кресле. «Тщеславные глупцы, – подумал он, – зачем они препираются? Неужели оба считают, что у меня нет иного дела, кроме как слушать эти вздорные перебранки?»

– Фейд, – произнес барон, – я велел тебе слушать нас и учиться, для чего и пригласил сюда. Ты учишься?

– Да, дядя, – в голосе слышалась осторожная услужливость.

– Иногда я не понимаю Питера, – сказал барон. – Я причиняю боль по необходимости... он же... Клянусь, Питер просто наслаждается чужой болью. Мне лично жаль бедного герцога Лето. Скоро на сцену выступит доктор Юэ, и Атрейдесам придет конец. И,

вне сомнения, Лето поймет, чья рука направляла сговорчивого доктора, и в этом будет весь ужас его положения.

– Почему же тогда вы не велели доктору тихо и спокойно вогнать герцогу кинжал между ребер? – спросил Питер. – Вы говорите о милосердии, но...

– Герцог должен знать, что его гибель – дело моих рук. Пусть задумаются и прочие Великие Дома. Это их остановит. Я получу передышку. Сейчас она необходима, и мне не нравится это.

– Передышку, – фыркнул Питер. – Император не отрывает от вас глаз. Вы действуете слишком смело, барон. Однажды Император пришлет сюда, на Гайеди Прим, легион-другой своих сардаукаров... Тут и настанет конец барону Владимиру Харконнену.

– А тебе, Питер, хотелось бы увидеть это, не правда ли? – спросил барон любезным тоном. – Поглядеть, как корпус сардаукаров будет грабить мои города, брать этот замок. Ты ведь и впрямь получишь удовольствие.

– Ну как можно говорить подобные вещи, барон? – пробормотал Питер.

– Тебе надо стать башой корпуса, – отвечал барон, – слишком уж ты любишь боль и кровь. Наверное, я поторопился с распределением будущих трофеев на Арракисе.

Пятью курьезно осторожными шажками Питер просеменил за кресло Фейд-Рауты. В комнате воцарилась напряженность, и юноша, озабоченно хмурясь, глянул на Питера.

– Не надо играть с Питером, барон, – сказал ментат. – Вы обещали мне леди Джессику. Вы обещали ее мне.

– Ну зачем она тебе, Питер? – спросил барон. – Помучить?

Питер молча глядел на него.

Фейд-Раута отодвинулся в своем гравикресле:

– Дядя, я еще нужен? Вы сказали, что...

– Мой дорогой Фейд-Раута теряет терпение, – сказал барон. Он шевельнулся в тени рядом с глобусом. – Терпение, Фейд. – Он вновь обернулся к ментату: – А как насчет герцогского отпрыска, мальчишки Пола, мой дорогой Питер?

– И он тоже окажется в вашей ловушке, барон, – пробормотал Питер.

– Я спрашиваю не об этом, – сказал барон, – помнишь, ты предсказывал, что ведьма-гессеритка родит герцогу дочь. Ты ведь ошибся тогда... так, ментат?

– Я не часто ошибаюсь, барон, – ответил Питер, и впервые в его голосе прозвучал страх, – согласитесь: я ошибаюсь не часто. А вы сами знаете, что Бинэ Гессерит рожают чаще всего дочерей. Даже жена Императора... только дочерей.

– Дядя, – сказал Фейд-Раута, – вы обещали, что я услышу что-то важное для себя...

– Послушайте-ка моего милого племянника, – сказал барон. – Он дерзает наследовать мне, стремится принять из моих рук бразды правления, но пока не умеет править даже собой. – Барон вновь шевельнулся у глобуса, тень среди теней. – Хорошо, Фейд-Раута Харконнен. Я призвал тебя сюда, чтобы ты усвоил хотя бы немного мудрости. Ты не следил за нашим добрым ментатом. А ведь должен был кое-что почерпнуть из нашего разговора.

– Но, дядя...

– Не правда ли, Фейд, Питер весьма ценный ментат?

– Да, но...

– Ах! Действительно – но! Посчитаем, какие же «но»: он потребляет слишком много специй, ест ее как конфеты. Погляди на его глаза. Он словно явился сюда с биржи труда в Арракине. Да, он эффективен, но – слишком эмоционален и склонен к разным выходкам. Эффективен, но – может и ошибиться.

Мрачным и тихим голосом Питер проговорил:

– Вы пригласили меня сюда, барон, чтобы дать нагоняй и потребовать большей отдачи?

– Потребовать большей отдачи? Ты же знаешь меня, Питер. Я хочу лишь, чтобы мой племянник понял ограниченность возможностей ментата.

– А вы уже тренируете моего преемника? – резко спросил Питер.

– Твоего преемника, Питер? Да где же я найду другого ментата, наделенного твоим ядом и хитростью?

– Там же, где когда-то и меня, барон.

– Стоящая мысль, – задумчиво произнес барон. – Что-то ты последнее время несколько неспокоен. А сколько специй ешь?

– Разве мои развлечения так дорого стоят? Вы возражаете против них, барон?

– Мой дорогой Питер, удовольствия-то нас и связывают. Неужели я стану против них возражать? Просто я хочу, чтобы мой племянник подметил в тебе эту черту.

– Значит, я – предмет показа, – проговорил Питер. – Что же еще сделать? Сплясать? Или просто продемонстрировать функции ментата перед лицом их превосходительства Фейд-Ра...

– Именно, – ответил барон. – Я тебя демонстрирую. А теперь помолчи... – Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, на его пухлые поджатые губы – фамильный признак Харконненов, – тронутые теперь удивлением. – Это ментат, Фейд. Его психику воспитывали и формировали для выполнения определенных функций. Не следует упускать из вида и то, что она заключена в человеческое тело. Это крупный недостаток. Иногда мне кажется, что древние не так уж ошибались со своими мыслящими машинами.

– По сравнению со мной, это были игрушки, – огрызнулся Питер. – И вы сами, барон, превзошли бы такую машину.

– Быть может, – ответил барон. – Ах, ну... – Он глубоко вздохнул, рыгнул. – А теперь, Питер, вкратце изложи моему племяннику самые яркие моменты плана кампании против Дома Атрейдесов. Будь добр, исполни перед нами обоими обязанности ментата.

– Барон, я бы не советовал доверять такую информацию столь молодому человеку. Мои наблюдения...

– Решаю здесь я, – рявкнул барон, – и я приказываю тебе, ментат, выполняй одну из своих многочисленных функций.

– Да будет так, – сказал Питер, он выпрямился со странным достоинством, словно надел новую маску, на этот раз на все тело. – Через несколько стандартных дней герцог Лето со всеми своими домочадцами погрузится на лайнер Космической Гильдии, следующий до Арракиса. Корабль Гильдии высадит их, скорее всего, в Арракине, а не в Карфаге: ментат герцога Сафир Хават примет правильное решение, Арракин оборонять гораздо проще.

– Слушай внимательно, Фейд, – сказал барон, – ты понял: планы внутри других планов, которые содержатся внутри третьих.

Фейд-Раута кивнул и подумал: «Теперь все, похоже, в порядке. Старый монстр наконец доверил мне что-то секретное. Должно быть, и

впрямь решил считать меня своим наследником».

– Возможно несколько вариантов развития событий, – сказал Питер. – Я свидетельствую, что Дом Атрейдесов отправится на Арракис. Нельзя исключать, впрочем, и малую вероятность того, что герцог заключил контракт с Гильдией на доставку в безопасное место, за пределы Системы. В подобных ситуациях многие Дома переходили на положение изгоев, увозя фамильное атомное оружие и щиты за пределы Империи.

– Герцог для этого слишком горд, – произнес барон.

– Вероятность этого есть, – ответил Питер, – но результат для нас один и тот же.

– Нет, не один! – пробурчал барон. – Я хочу, чтобы его убили и его линия пресеклась.

– Вероятность такого исхода велика, – ответил Питер. – Определенные признаки всегда указывают на то, что Дом собирается уйти в изгой. Но не Дом Атрейдесов. Герцог не допускает подобной мысли.

– Так, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер.

– В Арракине, – сказал Питер, – герцог с семьей поселятся в резиденции, бывшем доме графа и леди Фенринг.

– Посла его величества к контрабандистам, – хихикнул барон.

– К кому? – переспросил Фейд-Раута.

– Ваш дядя шутит, – отвечал Питер, – он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, учитывая интерес Императора к контрабандным операциям на Арракисе.

– Почему же? – Фейд-Раута обратил изумленный взгляд к дяде.

– Не будь тупицей, Фейд, – отрезал барон. – Как может быть иначе, если Гильдия не находится под императорским контролем? Как еще могут передвигаться шпионы и ассасины?

Фейд-Раута беззвучно охнул.

– В резиденции мы предусмотрели ряд диверсий, – сказал Питер. – Возможно покушение на жизнь наследника Атрейдесов... и оно может завершиться успехом.

– Питер, – загромыхал барон, – ты высказал...

– Я высказал предположение о возможности несчастного случая, – ответил Питер, – который может закончиться вполне однозначно.

– Ах, но у мальчишки такое дивное юное тело! – сказал барон. – Потенциально он, конечно, опаснее отца... ведь его учит мать-ведьма, проклятая баба! Ох, ну, продолжай, пожалуйста, Питер.

– Хават, вне сомнения, поймет, что в окружении герцога есть наш агент, – сказал Питер. – Наибольшие основания подозревать доктора Юэ, который и есть наш агент. Но Хават уже все проверил и убедился, что доктор – выпускник школы Сукк и подвергнут психологической имперской обработке... то есть безопасен настолько, чтобы лечить самого Императора. Считается, что предельную обработку нельзя удалить, не убив субъекта. Но еще в древности кто-то заметил, если есть подходящий рычаг, можно сдвинуть с места даже планету. И мы нашли рычаг, которым можно снять обработку с доктора.

– Как? – спросил Фейд-Раута. Тема была потрясающе интересной. Любой знал, что снять имперскую обработку немыслимо.

– Об этом в другой раз, – ответил барон. – Продолжай, Питер.

– А вместо Юэ, – заговорил Питер, – подозрения Хавата мы направили на очень интересную персону. Сама смелость такой мысли заставит Хавата считать свои подозрения обоснованными.

– На какую же персону? – спросил Фейд-Раута.

– На нее саму... на леди Джессику, – ответил барон.

– Тончайшая мысль, – заметил Питер. – Разум Хавата будет настолько поглощен подозрением, что в результате он окажется не в состоянии безошибочно выполнять обязанности ментата. Он может даже попытаться убить ее. – Питер нахмурился. – Впрочем, я не думаю, чтобы это оказалось ему под силу.

– Ты ведь не хочешь этого, не правда ли? – съехидничал барон.

– Не отвлекайте меня, – сказал Питер. – И пока Хават будет занят леди Джессикой, мы отвлечем его внимание на беспорядки в нескольких городских гарнизонах. Бунты будут подавлены, и герцог решит, что обеспечил свою безопасность. И тут, в нужный момент, мы даем сигнал Юэ и вводим главные силы... эх...

– Продолжай, говори ему все, – сказал барон.

– Введем главные силы и подкрепления: два легиона сардаукаров в харконненских мундирах.

– Сардаукары! – выдохнул Фейд-Раута. Мысли его обратились к страшным императорским войскам, убивавшим без милосердия, к солдатам-фанатикам Падишах-Императора.

– Ты видишь, Фейд, как я тебе доверяю, – сказал барон. – Даже крохотный намек на это не должен дойти до ушей других Великих Домов, иначе Ландсраад может объединиться против императорского Дома и настанет хаос.

– Существенно здесь то, что с тех пор как Дом Харконненов взялся за выполнение грязной работы в Империи, у нас появились свои преимущества. Конечно, занятие это небезопасно, но, если не терять осторожности, Дом Харконненов может разбогатеть, как никто в Империи.

– Ты даже не представляешь, Фейд, сколько всякого добра вовлечено в оборот, – сказал барон, – и не сможешь представить даже в кошмарном сне. Начнем с того, что нам неоспоримо принадлежит директорат компании КАНИКТ.

Фейд-Раута кивнул. Целью было богатство, а ключ к этому богатству – КАНИКТ... каждый благородный Дом черпает из сундуков компании в той мере, которую допускает его участие в директорате. А посты директоров КАНИКТ... были реальным отражением расстановки политических сил в Империи, зависящих от распределения голосов внутри Ландсраада и соотношения сил его и Императора с окружением.

– Герцог Лето, – сказал Питер, – может решиться бежать к бродячим шайкам фрименов на окраине пустыни. Или же может попытаться послать туда свое семейство якобы в безопасное место. Но этот путь перекрыт одним из агентов его величества... экологом планеты. Быть может, вы помните его... Кайнс.

– Фейд помнит его, – ответил барон, – продолжай.

– Вы слишком уж торопите, барон, – сказал Питер.

– Приказываю продолжать! – рявкнул барон. Питер пожал плечами:

– Если все будет идти по плану, Дом Харконненов получит субфайф на Арракис по истечении одного стандартного года. И распределением постов в этом файфе будет ведать ваш дядя. Арракисом будет править его личный агент.

– Тем выгоднее, – сказал Фейд-Раута.

– Действительно, – согласился барон и подумал: «Впрочем, это всего лишь справедливо. Ведь это мы укротили весь Арракис... кроме разве что нескольких шаек этого сброда, зовущего себя Вольным

народом, что прячутся в пустынях... и нескольких прирученных контрабандистов, прилипших к планете, словно завсегдатаи биржи труда».

– Все Великие Дома узнают, что барон погубил Атрейдесов, – сказал Питер, – в этом невозможно усомниться.

– Невозможно, – выдохнул барон.

– Но прекраснее всего то, что об этом узнает и сам герцог. Он догадывается даже сейчас. Атрейдес наверняка чувствует ловушку.

– Бесспорно, герцог знает о ней, – промолвил барон, и в голосе его проскользнула печаль. – Он не может спастись и знает это... тем горше окажется его участь.

Барон поднялся из тени у глобуса Арракиса. На свету фигура оказалась громадной, чрезмерной для человека жирной тушей. Мягкие выпуклости под темным одеянием свидетельствовали, что тушу эту несут гравипоплавки. И хотя на самом деле он весил около двух сотен стандартных килограммов, ноги его едва ли носили больше пятидесяти.

– Я проголодался, – прогремел барон, потирая пухлые губы унизанными кольцами пальцами, и глянул на Фейд-Рауту утонувшими в жире глазами. – Прикажи подавать еду, дорогой. Подкрепимся, а потом отдохнем.

Так говорила св. Алия-от-Ножа: «Неприступное величие богини-девственницы Преподобная Мать должна сочетать с ужимками развратной куртизанки, пока крепки в ней силы молодости. А когда молодость и красота оставят ее, она увидит, что место, где обитали эти силы, стало источником хитрости и изобретательности».

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Диб»

– А теперь, Джессика, что ты скажешь в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать. Солнце клонилось к вечеру, заканчивался

день испытания Пола. Женщины остались вдвоем в утренней гостиной Джессики, а Пол ожидал в соседней – звуконепроницаемой медитационной палате.

Джессика стояла лицом к южным окнам. Она и видела, и не видела, как вечерние тени наползают на пойму и реку. Она и слышала, и не слышала этот вопрос Преподобной Матери.

Такое испытание уже совершалось... много лет назад. Тощая девчонка с шапкой отливающих бронзой волос, измученная томлением созревающей плоти, переступила порог кабинета Преподобной Матери Гайи Елены Мохайем, старшего проктора школы Бинэ Гессерит на Уаллахе IX. Джессика глянула на свою правую ладонь, шевельнула пальцами, припоминая боль, ужас и гнев.

– Бедный Пол, – шепнула она.

– Я задала тебе вопрос, Джессика, – придирчивым тоном повторила старуха.

– Что? Ох... – вздохнула Джессика, отрываясь от воспоминаний, и обернулась к Преподобной Матери, сидевшей спиной к каменной стене меж двух выходявших на запад окон. – Что вы хотите услышать от меня?

– Что я хочу услышать от тебя? Что я хочу услышать от тебя? – резко передразнила ее старуха.

– Да, я родила сына! – вспыхнула Джессика, прекрасно понимая, что старуха намеренно старается рассердить ее.

– Тебе было приказано рожать Атрейдесу лишь дочерей.

– Но сын так много значил для него, – с мольбой сказала Джессика.

– И ты в гордости своей решила, что можешь родить Квизац Хадерача!

Джессика горделиво подняла голову:

– Я почувствовала такую возможность.

– Ты думала лишь о том, что твоему герцогу нужен сын, – отрезала старуха. – А его желания не имеют ничего общего с нашими потребностями. Дочь Атрейдеса можно было выдать за наследника Харконнена и окончить вражду. Ты безнадежно запутала ситуацию. Теперь мы можем потерять обе наследственные линии.

– Даже ваши схемы не безошибочны, – возразила Джессика и выдержала прямой взгляд старухиных глаз.

Наконец та пробормотала:

– Впрочем, сделанного не воротишь.

– Я поклялась никогда не сожалеть об этом решении, – сказала Джессика.

– Как это возвышенно с твоей стороны, – насмешливо отозвалась старуха. – Не сожалеть ни на каплю. Посмотрим, что ты запоешь, когда станешь гонимой, за голову твою будет назначена награда и рука каждого мужчины будет вправе безнаказанно взять и твою жизнь, и жизнь твоего сына.

– Разве нет иного выхода?

– Иного выхода? И меня спрашивает об этом сестра, Дочь Гессера?

– Я спрашиваю лишь о том, что видите в нашем будущем вы, при ваших высших способностях.

– В будущем я предвижу лишь то, что уже предвидела в прошлом. Ты прекрасно знаешь положение дел, Джессика. Сознание расы чувствует собственную смертность и боится застоя наследственности. Она же в нашей крови... эта потребность смешивать гены... без всякого плана. Империя, компания КАНИКТ, все Великие Дома – все они лишь щепки, которые несет поток.

– КАНИКТ, – пробормотала Джессика. – Должно быть, там уже решили, каким образом лучше перераспределить доход, получаемый от Арракиса.

– Что такое КАНИКТ как не флюгер, следящий за направлением ветров нашего времени? – сказала старуха. – Император и его приближенные сейчас контролируют пятьдесят девять целых шестьдесят пять сотых процентов голосов директоров КАНИКТ. Естественно, все они чувствуют наживу, а раз ее чувствуют и прочие, похоже, число поданных за него голосов возрастет. Вот и вся история, девочка.

– Она-то и интересуется меня теперь, – сказала Джессика. – Исторический обзор.

– Не остроумничай! Ты не хуже меня знаешь, какие силы нас окружают. У нашей цивилизации три опоры: императорский Дом противостоит Федерации Великих Домов Ландсраада, а между ними лавирует Гильдия с ее чертовой монополией на межзвездные перевозки. Политический треугольник – наиболее нестабильная из всех структур. И все было бы куда хуже, если бы в Империи

доминировала несложная феодальная торговая культура, обратившаяся спиной к науке...

Джессика горько произнесла:

– Щепки на поверхности потока... вот эта – герцог Лето, эта – его сын, а эта...

– Заткнись, девчонка. Ты ввязалась в эту историю, с самого начала представляя последствия.

– «Я из Бинэ Гессерит: я живу, чтобы служить людям», – процитировала Джессика.

– Именно, – произнесла старуха, – и теперь нам остается лишь надеяться сохранить в грядущем всеобщем пожаре ключевые генетические линии.

Джессика закрыла глаза, чувствуя, как подступают к ним слезы. Она подавила внутреннюю дрожь, потом внешнюю, выровняла дыхание, пульс, высушила внезапно вспотевшие ладони. Наконец она произнесла:

– Я сама заплачу за свою ошибку.

– И твой сын заплатит вместе с тобой.

– Я буду защищать его всеми силами.

– Защищать, – фыркнула старуха. – Ты прекрасно понимаешь, что может тогда получиться. Защищай его понадежней, Джессика, и он вырастет слишком слабым для любой судьбы.

Джессика отвернулась к окну, за которым сгущалась ночь.

– А она и впрямь так ужасна, эта планета Арракис?

– Достаточно скверное местечко, но все-таки Миссионрия Протектива побывала там и несколько смягчила обстановку. – Преподобная Мать тяжело поднялась на ноги и разгладила складку на одеянии. – Позови сюда мальчика, мне пора уезжать.

– А это необходимо?

Голос старухи подобрел:

– Джессика, девочка, я хотела бы оказаться на твоём месте и разделить твои страдания, но у каждого своя судьба.

– Я знаю.

– Ты дорога мне, как собственная дочь, но я никогда не позволяла материнским чувствам брать верх над обязанностями.

– Понимаю... необходимость...

– Что ты натворила, Джессика, и почему... обе мы понимаем. Но по благосклонности своей я вынуждена тебе сказать: шансы на то, что твой мальчик окажется Всеобщностью Бинэ Гессерит, невелики. Так что не следует слишком уж обольщаться.

Джессика сердито смахнула слезы из уголков глаз.

– Вы снова заставляете меня вспоминать мой первый урок. – Она звучно произнесла: – «Человек не должен подчиняться животным побуждениям, никогда». – Сухое рыдание сотрясло ее тело. Она прошептала: – Мне было так одиноко!

– Это, кстати, один из критериев, – веско проговорила старуха. – Настоящий человек почти всегда одинок. А теперь позови мальчика. У него был сегодня долгий и страшный день. А потом – было время обдумать и припомнить... Теперь я должна еще расспросить его об этих странных снах.

Джессика кивнула, подошла к дверям комнаты для медитации и открыла дверь.

– Пол, войди, пожалуйста.

Пол появился в дверях подчеркнуто неторопливо. На мать он глядел словно на незнакомку. Взгляд его тревожно затуманился, когда он перевел глаза на Преподобную Мать и поприветствовал ее коротким кивком, как равную. Он услышал, как мать затворила за ним дверь.

– Молодой человек, – обратилась к нему старуха, – давайте-ка поговорим о ваших снах.

– Что вы хотите узнать? – спросил он.

– Сны тебе снятся каждую ночь?

– Не всегда такие, что стоит запоминать. Я мог бы припомнить каждый свой сон. Большую часть их можно забыть, но другие нет.

– А как ты их различаешь?

– Я просто знаю.

Старуха глянула на Джессику, потом снова на Пола:

– Что тебе снилось вчера? Этот сон стоило запомнить?

– Да. – Пол закрыл глаза. – Мне снилась пещера, очень большая... и вода... и худенькая большеглазая девушка. В глазах ее сплошь синева, белков нет, и я говорю с ней о вас, о том, что встречал Преподобную Мать на Каладане.

Пол открыл глаза.

– А то, что ты рассказывал девушке, исполнилось сегодня?

Пол подумал и проговорил:

– Да, в какой-то мере. Я сказал во сне девушке, что вы явились и отметили меня особой печатью.

– Особой печатью, – выдохнула старуха и вновь бросила взгляд на Джессику, а потом перевела глаза на Пола. – Скажи мне правду, Пол, часто ли тебе случается видеть такие сны, что сбываются после?

– Да. И девушка эта мне уже снилась.

– О? Так ты ее знаешь?

– Нет, но когда-нибудь я узнаю ее.

– Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

– Мы с ней в маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но еще жарко, через расщелину в скале вдаль виднеется песчаная равнина. Мы... ждем чего-то... мне предстоит встреча с какими-то людьми, я должен уходить. Она испугана, но скрывает свой страх от меня, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах своего мира – Усул». – Пол открыл глаза. – Ну, разве не странно? Имя моего мира – Каладан. Я никогда не слыхал о планете, которая называлась бы Усул.

– Ну, и это все? – поторопила его Джессика.

– Нет. Но может быть, она звала меня этим именем, я только что подумал об этом. – И Пол снова закрыл глаза. – Она просит меня рассказать ей о водах. Я беру ее за руку. И говорю, что прочту ей стихи. И я читаю ей... только приходится пояснять некоторые слова... пляж, и прибой, и водоросли, и чайки.

– А какие стихи? – спросила Преподобная Мать. Пол открыл глаза.

– Одну из грустных тонических поэм Гарни Холлика.

За спиной Пола Джессика начала:

Помню соленный дым костра на берегу,

Тени густые под соснами...

Чистая, ясная твердь...

Чайки сгруппировались на траве,

Белеют на зелени...

А ветер ерошит сосны,

Колышет тени,

Чайки взмахивают крыльями,
Взлетают.
И вдруг небосклон переполнен криками,
А ветер метет по пляжу,
Вздымает и рушит прибой.
И я вижу – костер наш
Испепелил водоросли.

– Да-да, именно это, – подтвердил Пол.

Старуха долго глядела на Пола, а потом сказала:

– Молодой человек, как проктор Бинэ Гессерит я ищу среди людей Квизац Хадерача – мужчину, который истинно подобен каждой из нас. Твоя мать считает, что ты можешь стать им, но она смотрит на тебя глазами матери. Такую возможность не исключаю и я – только возможность, не более.

Она замолчала, и Пол понял, что она ждет его слов. Но промолчал.

Наконец она произнесла:

– Ну как хочешь. Ты глубок. Я уверена в этом.

– Я могу идти? – осведомился он.

– Разве ты не хочешь, чтобы Преподобная Мать рассказала тебе кое-что о Квизац Хадераче? – спросила Джессика.

– Она уже объяснила мне, что все, кто пытался им стать, погибли.

– Но я могу намекнуть на причины неудачи, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намекнуть, – подумал Пол. – Значит, она на самом деле не знает». И сказал:

– Наめкайте.

– И будьте прокляты, – сухо усмехнулась старуха всей сеткой морщин на лице. – Правильно то, что изменяет правила.

Он удивился. Она говорила о таких элементарных вещах, как напряженность значения. Неужели она думала, что мать ничему не учила его?

– И это намек? – переспросил он.

– Мы здесь не для того, чтобы играть в слова и болтать об их смысле, – отрезала старуха. – Ива покоряется ветру и процветает, и

однажды на пути ветра оказывается много ив. В этом предназначение ивы.

Пол глядел на нее. Она сказала «предназначение», и он ощутил, как это слово врезалось в него, вливая в кровь ужасное предчувствие. Он вдруг рассердился: старая ведьма и сама бестолкова, и речи ее банальны.

– Значит, вы считаете, что я могу оказаться этим Квизац Хадерачем, – сказал он. – Но это все обо мне, и пока я не слышал ни единого слова о том, как помочь отцу. Я слышал, как вы говорили с матерью... словно отец уже умер. Он жив!

– Если бы для него можно было хоть что-нибудь сделать, мы бы сделали это, – проворчала старуха. – Хорошо, если нам удастся спасти вас двоих. Едва ли, правда, но это возможно. Что касается твоего отца... сделать нельзя ничего. И когда ты сумеешь отнестись к этому просто как к факту, тогда ты поистине усвоишь урок Бинэ Гессерит.

Пол заметил, как эти слова потрясли мать. Он обжег старуху взглядом. Как посмела она такое сказать об отце? Откуда такая уверенность? Ум его негодовал.

Преподобная Мать глянула на Джессику.

– Ты учила его Пути – я вижу признаки, и сама я поступила бы точно так же на твоём месте, и к чертям все правила.

Джессика кивнула.

– Но я предупреждаю, – сказала старуха, – нельзя нарушать регулярность его тренировок. Голос нужен ему для собственной же безопасности. Начал он неплохо, но мы обе знаем, сколько ему еще предстоит усвоить... это жестокая необходимость. – Она шагнула к Полу и посмотрела на него. – До свидания, юный человек. Я надеюсь, ты справишься. Но если нет... Впрочем, я думаю, мы преуспеем.

Она снова глянула на Джессику, и обеих женщин соединило мгновенное взаимопонимание. А потом, шурша одеянием, старуха заторопилась к выходу, ни разу не обернувшись. Словно вдруг позабыв о тех, кто оставался в комнате.

Но прежде чем Преподобная Мать отвернулась, Джессика успела заметить в ее взгляде слезы... капли влаги на морщинистых щеках. И слезы эти были ужаснее всего, что услышала она и увидела за весь день.

Все вы читали, что у Муад'Дибба не было приятелей-ровесников на Каладане. Это стало бы слишком большой опасностью. Зато у Муад'Дибба были великолепнейшие друзья-учителя. Скажем, Гарни Холлик, трубадур и воин. Эта книга напомнит вам несколько песен Гарни. Был и старый Сафир Хават, ментат и командир ассасинов, вселявших страх даже в сердце самого Падшах-Императора. Был и Дункан Айдахо, мастер фехтования из Дома Гинац. И еще – доктор Веллингтон Юэ, замаранный черным предательством, но светлый знанием. Леди Джессика, направившая сына путем Дочерей Гессера. И, конечно же, герцог Лето, отцовское влияние которого так долго недооценивалось.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Дибба для детей»

Сафир Хават скользнул в тренировочный зал Каладанского замка, мягко прикрыв за собою дверь. И на мгновение замер, почувствовав себя старым, усталым и измочаленным. Левая нога прибалывала, ныл рубец, полученный на службе еще у старого герцога.

«Третье поколение...» – подумал он.

Громадная комната была ярко освещена льющим из потолочных окон дневным светом. Мальчик сидел спиной к нему, углубившись в разложенные на Г-образном столе бумаги и карты.

Сколько же раз надо говорить юнцу, что нельзя усаживаться спиной к двери! Хават легонько кашлянул.

Пол не отрывался от дел.

Облачная тень прошла над потолочными окнами. Хават снова прочистил горло.

Пол выпрямился и, не поворачивая головы, проговорил:

– Знаю, я сижу спиной к двери.

Спрятав улыбку, Хават шагнул вперед.

Пол глянул вверх, седовласый старик остановился рядом с углом стола. Глаза Хавата, два прозрачных озерца на загорелом морщинистом лице, поблескивали энергией и готовностью.

– Я слышал, как ты шел вниз через зал, – сказал Пол. – И как ты открывал дверь.

– Эти звуки можно симитировать.

– Нет, я замечу разницу.

«Он способен и на это, – подумал Хават. – Эта ведьма, его мать, воистину учит своего сына. Интересно, что думает обо всем этом ее драгоценная школа. Может быть, они и послали сюда старуху проктора, чтобы поставить нашу милую леди Джессику на место».

Пододвинув кресло, Хават уселся наискосок от Пола, лицом к двери, откинулся на спинку и принялся изучать комнату. Он делал это с подчеркнутым вниманием. Внезапно она показалась ему странной, теперь, когда большая часть обстановки уже отправлена на Арракис. Оставался стол для занятий и фехтовальное зеркало... кристальные призмы его были темны, истрепанный фехтовальный манекен застыл рядом, словно старик-пехотинец, изрубленный и израненный в битвах.

«Как я», – подумал Хават.

– Сафир, о чем ты думаешь? – позвал его Пол. Хават посмотрел на мальчика:

– Я думал о том, что скоро уже мы оставим это место и наверняка впредь его не увидим.

– Это печалит тебя?

– Печалит? Чепуха! Печально расставаться с друзьями, а дом – всего лишь только дом. – Он глянул на разложенные на столе карты. – На Арракисе будет новый дом.

– Тебя послал сюда отец посмотреть, чем я занимаюсь.

Хават нахмурился – мальчишка видел его насквозь – и кивнул:

– Ты хотел бы, конечно, видеть его самого, сам понимаешь, герцог так занят сейчас. Он сказал, что зайдет попозже.

– А я изучал бури на Арракисе.

– Бури. Вижу.

– Довольно скверная штука.

– Скверная штука – слишком мягко сказано. На равнине эти бури проходят шесть-семь тысяч километров. Их порождает все, что несет энергию: кориолисова сила, другие бури, то, в чем есть хоть унция

энергии. За час они могут продвинуться на семь сотен километров и уносят с собой все, что попадется на пути... песок, пыль, все... Такая буря не только сдирает с костей плоть, даже кости истачивает в щепки.

– Почему же они не управляют погодой?

– У Арракиса свои проблемы, там все дорого... а еще обслуживание и ремонт. Гильдия требует ужасную сумму за метеорологический спутник, а Дом твоего отца не из самых больших и богатых. Ты это знаешь, парень.

– А ты видел кого-нибудь из фрименов?

«Ум парнишки сегодня так и мечется», – подумал Хават.

– Мог бы и не видеть, – ответил он. – О людях низин и грабенов особо сказать нечего. Ходят они все в этих болтающихся одеяниях. И воняет от них в любом помещении просто невообразимо. Это от костюмов, что они носят. Там их называют конденскостюмами – они сохраняют испаряемую телом воду.

Пол сглотнул, вдруг почувствовав влагу в собственном рту, – в том сне ему очень хотелось пить. «Люди на этой планете настолько нуждаются в воде, что им приходится сохранять воду своего тела...» – От этой мысли на него повеяло отчаянием.

– Да, вода там – драгоценность, – произнес он. Кивнув, Хават подумал: «Быть может, я сам навожу его на эти мысли... на то, что об этой планете нужно думать как о враге. Только безумец сунулся бы туда, забыв об этом».

Пол глянул на потолок, почувствовав, что начался дождь. Серое метастекло затягивала влага.

– Вода, – произнес он.

– Ты узнаешь скоро, что значит нуждаться в воде, – сказал Хават. – Как сын герцога, конечно, ты не будешь страдать от жажды. Но вокруг тебя...

Пол облизнул губы и вновь подумал о встрече с Преподобной Матерью неделю назад. И она тоже говорила что-то о жажде.

– Ты узнаешь о Погребальной Равнине, о великих пустынях, где нет ничего: только специя и песчаные черви, – говорила она. – Ты будешь чернить веки, чтобы не слепило солнце. А убежищем станет низина, где нет ветра, и ездить будешь на своих двоих – не на топтере или мобиле, и не верхом.

Пол ощутил, что его завораживали не ее слова... Голос, певучий, вздымающийся волной и опадающий словно прибой.

– Для тех, кто живет на Арракисе, – говорила она. – Пуста – кхала! – земля, луны – друзья, а солнце – враг.

Пол почувствовал, что мать подошла поближе, покинув свой пост у двери. Она поглядела на Преподобную и спросила:

– Значит, нет никакой надежды, Преподобная?

– По крайней мере, для отца. – И старуха махнула рукой, чтобы Джессика умолкла, и глянула на Пола. – Заруби себе на носу, юноша, мир держится на четырех ногах... – Она подняла вверх четыре костлявых пальца с крупными суставами. – На знаниях мудрых, справедливости великих, молитвах праведных, доблести храбрых. Но все это ничто, – она сжала руку в кулак, – ...без правителя, который знает искусство правления. Запомни же эту науку.

Неделя прошла с того дня, проведенного вместе с Преподобной Матерью. И смысл ее слов только сейчас начинал доходить до него в полной мере. Теперь, сидя в учебной комнате перед Сафиром Хаватом, Пол вдруг почувствовал острый приступ страха и глянул на озадаченного нахмурившегося ментата.

– Где же ты болтался все это время? – спросил Хават.

– А ты встречался с Преподобной Матерью?

– С ясновидящей ведьмой Императора? – В глазах Хавата блеснул интерес. – Я встречался с ней.

– Она... – Пол заколебался и понял, что не смеет заговорить об испытании. Запрет глубоко въелся в разум.

– Да? Что ты хочешь сказать? – Пол дважды глубоко вздохнул.

– Она кое-что сказала мне. – Он закрыл глаза, припоминая слова, а заговорив, бессознательно симитировал интонации старухи: – «Ты, Пол Атрейдес, потомок королей и сын герцога, должен научиться править. Кое-кто из твоих предков так и не научился этому».

Открыв глаза, Пол продолжал:

– Это рассердило меня, я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она ответила: «Он теряет ее». Я возразил: «Но он же получает более богатую планету». Она ответила: «Он потеряет и ее». Я хотел бежать и предупредить скорее отца, но она сказала, что его уже предупреждали многие, – ты, мать, другие...

– Достаточно верно, – пробормотал Хават.

– Тогда зачем же мы отправляемся туда? – требовательно спросил Пол.

– Потому что так приказал Император, и потому что кое-какая надежда у нас есть, что бы ни говорила ведьма-шпионка. Ну, что же еще излилось из древнего фонтана премудрости?

Пол глянул вниз, на сжатую в кулак под столом правую руку. Медленно, усилием воли, он заставил мускулы расслабиться. «Она каким-то образом овладела мной, – подумал он. – Но как?»

– Она попросила меня объяснить, что значит править, – сказал Пол, – и я ответил: это когда один командует. Тогда она сказала, что мне уже придется переучиваться.

«Прямо в цель», – подумал Хават и кивнул, чтобы Пол продолжал.

– Она сказала, что правитель должен уметь убеждать, а не заставлять. Еще она сказала, что наилучший кофейный прибор правитель должен предложить достойнейшим из своих людей, чтобы удержать их при себе.

– Как же она узнала, каким именно способом твой отец привлек таких людей, как Гарни и Дункан? – спросил Хават.

Пол пожал плечами.

– Еще она сказала, что хороший правитель должен выучить язык, на котором говорит его мир, а языки различны на всех планетах. Я решил, что она подразумевает язык обитателей Арракиса, но она возразила, что имеет в виду язык камней и трав, язык, который нельзя постичь только ушами. Я сказал тогда: «Это то, что доктор Юэ зовет тайной жизни».

Хават усмехнулся:

– И как она это проглотила?

– Я подумал, что она рехнулась. Она сказала тогда, что тайна жизни – это не загадка, которую надо решить, а реальность, которую надо прожить. Тогда я процитировал первый закон ментата: «Процесс нельзя понять, остановив его. Постигание процесса развивается, следуя за ним, догоняя его, сливаясь с ним». Это ее удовлетворило.

«Он осилит и это, – подумал Хават, – но старая ведьма его напугала... зачем?»

– Сафир, – спросил Пол, – а на Арракисе и в самом деле так скверно, как она говорит?

– Ну совсем плохо быть не может, – сказал Хават, выдавив улыбку. – Взять, например, Вольный народ, этих бродяг пустыни. По результатам аппроксимационного анализа могу тебе сказать, что их много... Много больше, чем числит Империя. Люди живут на этой планете, парень, очень много людей и... – Хават тронул глаз узловатым пальцем, – ...они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Ты не должен никому даже заикаться об этом. Я рассказываю тебе лишь как помощнику собственного отца.

– Он рассказывал мне о Салузе Секундус, – отозвался Пол. – Знаешь, Сафир, она весьма похожа на Арракис... Может быть, там не столь плохо, но не многим лучше.

– Ну о теперешней Салузе Секундус мы ничего не знаем, – сказал Хават. – Только о том, какой она была... Действительно, там почти как на Арракисе.

– А фримены помогут нам?

– Возможно. – Хават встал. – Сегодня я отправляюсь на Арракис. А ты тем временем позаботься о себе ради старика, который в тебе души не чает, а? Будь хорошим мальчиком, иди сюда и сядь лицом к двери. Я вовсе не думаю, что в замке тебе угрожает опасность, – это просто привычка, которую я хочу в тебе воспитать.

Пол встал, обошел вокруг стола.

– Ты уезжаешь сегодня?

– Сегодня, а ты последуешь завтра. Следующий раз мы встретимся с тобой уже на земле нового мира. – Он ухватил Пола за бицепс на правой руке. – Ну-ну, и не напрягай руку с ножом, а щит включай на полную мощность. – Он отпустил руку Пола, хлопнул его по плечу, резко повернулся и быстро зашагал к двери.

– Сафир! – позвал его Пол.

Хават обернулся в дверном проеме.

– Ты тоже не садись там спиной к дверям, – сказал Пол.

Ухмылка поползла по изборожденному морщинами лицу.

– Чего-чего – этого-то я делать не буду. Поверь мне, парень.

Он вышел, аккуратно затворив за собой дверь.

Пересев на место, где только что сидел Хават, Пол расправил бумаги. «Еще один день, – подумал он и огляделся. – Мы уезжаем». И отъезд стал для него вдруг куда более реальным, чем когда-либо... Он вспомнил, как старуха сказала тогда, что мир складывается из многого:

людей, грязи, растений, лун, приливных течений, солнц – величина эта неизвестна и называется природой, она не знает, что такое «сегодня». И он подумал: «Что есть природа?»

Дверь, лицом к которой сидел Пол, с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый нескладный человек с охапкой оружия в руках.

– Итак, Гарни Холлик, – обратился к нему Пол, – тебя назначили главным оружейником?

Холлик пяткой захлопнул дверь.

– Знаю, ты предпочел бы, чтобы я сыграл тебе.

Оглядев комнату, он заметил, что люди Хавата уже прошлись по ней, обеспечивая безопасность наследника герцога. Во многих местах об этом свидетельствовали кодовые знаки.

Уродец заторопился с грудой оружия к столу. Девятиструнный бализет болтался за его спиной, у головки грифа в струны был продет медиатор.

Холлик вывалил оружие на стол для занятий и принялся раскладывать рапиры, кинжалы, станнеры, стреляющие медленными пулями, пояса щитов. Кривой шрам на его лице растянула улыбка.

– Итак, чертенок, ты не хочешь мне пожелать доброго утра. Какой колючкой ты подколот старого Хавата? Он пронесся мимо меня в зале так, словно опаздывал на похороны врага.

Пол ухмыльнулся. Из всех людей своего отца больше всего он любил Гарни Холлика, знал его настроения, прихоти и привычки и считал его скорее другом, чем наемником.

Холлик скинул с плеча бализет, принялся настраивать его и буркнул:

– Хочешь молчать – молчи.

Поднявшись на ноги, Пол направился через комнату к Холлику со словами:

– Ну, Гарни, какая же сейчас может быть музыка, раз ныне – время битвы.

– Так сегодня говорят все начальники, – согласился Холлик. Он тронул струну на инструменте, кивнул.

– А где Дункан Айдахо? – спросил Пол. – Разве не он обучает меня владению оружием?

– Дункан командует второй волной нашего десанта на Арракис, – ответил Холлик, – и тебе оставили только бедного Гарни, забросившего битвы и налеты ради музыки. – Он тронул другую струну, прислушался к ней, улыбнулся. – И на совете решили поучить тебя музыке, раз уж ты совсем никудышный боец, чтобы жизнь твоя не прошла понапрасну.

– Может быть, ты споешь мне балладу, – сказал Пол. – Я бы хотел послушать, как не следует этого делать.

– Ах-ха-ха, – расхохотался Холлик и затянул «Галасианских девиц», рука его мелькала над струнами:

Ох-х, галасианская девка, ей-ей,
Сделает это за пару прозрачных камней.
В Арракине – просто за полстакана,
Но любовь, что пылает, как пламя в ночи,
Чей жарок огонь, чьи лучи как мечи,
Ищи лишь у дочери Каладана.

– Не так уж плохо для такой корявой руки, – объявил Пол, – но, если моя мать услышит, что ты допускаешь подобные вольности, она велит украсить твоими ушами стену замка.

Гарни тронул левое ухо:

– Хорошего украшения из него не получится: натер о замочную скважину, подслушивая, как один известный мне молодой человек наигрывал довольно сомнительные частушки на своем бализете.

– Значит, ты уже забыл, как себя чувствуешь, обнаружив в своей постели песок. – Пол потянул пояс щита со стола, застегнул его на груди. – Тогда придется биться!

Глаза Холлика раскрылись от притворного удивления.

– Так! Значит, злодейство это было содеяно твоей рукой! Защищайся, молодой хозяин, защищайся! – Он подхватил рапиру и взмахнул ею в воздухе. – Душа моя жаждет мести.

Пол взял парную рапиру, согнул в руках, встал на изготовку и выставил ногу вперед, передразнивая торжественную манеру доктора Юэ.

– Что за дурня прислал мне сегодня отец для занятий с оружием! Этот неумеха Холлик забыл первое правило, известное каждому, кто не впервые берет в руки щит и оружие, – объявил Пол, нажал на груди кнопку и включил щит, ощутив знакомое пощипывание и покалывание на лбу и вдоль спины. Звуки в комнате стали глуше, проходя через силовое поле щита. – В поединке со щитами защищаются быстро, атакуют медленно, – сказал Пол. – Атака. Цель атаки – заставить соперника ошибиться, открыться для решительного удара. Щит отражает быстрый удар, но уступит медленному кинжалу. – Пол поднял рапиру, увернулся и, отразив воображаемый удар, сделал медленный выпад, чтобы преодолеть бездумное сопротивление щита.

Холлик недвижно наблюдал и уклонился лишь в последнюю секунду, когда затупленное острие готово было соприкоснуться с его грудью.

– Скорость великолепна, – сказал он. – Только ты был все время открыт для удара снизу.

Раздосадованный Пол отступил.

– Я тебя выпорю за такое безрассудство, – сказал Холлик. Он поднял обнаженный кинжал со стола. – В руке врага он может выпустить твою кровь, а с нею и жизнь! Ты способный ученик, не более, но я тебя уже предупреждал, что даже в игре нельзя доверяться человеку со смертью в руке.

– Похоже, у меня сегодня нет настроения для фехтования, – ответил Пол.

– Настроения? – Гнев в голосе Холлика глухо доносился через поле щита. – Кого интересуют твои настроения? Человек принимает бой, когда вынужден, а не когда у него появляется настроение пофехтовать. Настроения бывают у животных... У человека они для любви или для музыки. Но к законам поединка настроения не имеют никакого отношения.

– Извини, Гарни, мне очень жаль!

– Еще мало жаль!

Холлик включил собственный щит и согнулся, выставив снизу кинжал в левой руке, высоко подняв вверх правую с рапирой.

– А теперь, говорю тебе, защищайся по-настоящему. – Высоким прыжком отскочив в сторону, он ринулся в яростную атаку.

Пол отступил, парируя. Поле потрескивало, когда щиты соприкасались, отражая друг друга. Ток мурашками покалывал кожу. «Что это с Гарни? – спросил он себя. – Так не прикидываются!» Шевельнув левой рукой, Пол вытряхнул нательный нож из ножен на запястье.

– Значит, оказалось, что одного клинка мало? – осклабился Холлик.

«Неужели предательство? – мелькнуло в голове Пола. – Нет, только не Гарни!»

Схватка перемещалась по комнате, удар – защита, выпад – контрудар. Воздух в силовых пузырях становился спертым – силовые барьеры щитов плохо пропускали его. Щиты с треском ударялись вновь и вновь, и запах озона становился все сильнее.

Пол медленно отступал, но теперь уже двигался к тренировочному столу. «Если я смогу заставить его повернуться у стола, тогда... Я кое-что покажу тебе, Гарни, – подумал Пол. – Ну, еще шажок».

Холлик шагнул.

Пол отбил удар книзу, рапира Холлика вонзилась в край стола. Пол уклонился вправо, высоко взметнул рапиру и ударил наручным ножом. Удар он остановил в дюйме от сонной артерии Холлика.

– Ты этого добивался? – прошептал Пол.

– Глянь-ка вниз, парень, – запыхавшись, вымолвил Гарни.

Пол повиновался и увидел, что над крышкой стола выступает острие кинжала, – почти у его собственной ноги.

– Ничья, мы оба покойники, – объявил Холлик. – Следует признать, что ты бился гораздо лучше, когда тебя вынудила необходимость. Похоже, к тебе пришло настроение. – И он по-волчьи оскалил зубы в улыбке, кривой шрам стягивал кожу на челюсти.

– Ты так на меня навалился, – ответил Пол. – Ты бы и в самом деле взял мою кровь?

Холлик убрал кинжал, выпрямился.

– Если бы ты бился хоть на йоту хуже, чем можешь, пришлось бы малость потерпеть, новый шрам ты бы запомнил. Я не могу допустить, чтобы мой любимый ученик пал жертвой первого же попавшегося на пути бродяги Харконнена.

Пол выключил щит и согнулся к столу перевести дух.

– Я заслужил трепку, Гарни. Но отец наверняка бы разгневался, если бы ты ранил меня. И я не могу допустить, чтобы тебя наказали за мою ошибку.

– В твоей ошибке есть и моя собственная. И не следует обращать внимания на какую-нибудь парочку шрамов на занятиях. Тебе везет, их у тебя еще мало, а что касается твоего отца, герцог накажет меня лишь в том случае, если я не сделаю из тебя первоклассного бойца. Я был бы не прав, если бы немедленно не доказал тебе вздорность всех этих настроений, которые у тебя вдруг завелись.

Пол выпрямился, вложил наручный нож в ножны на кисти.

– Это не игра, – произнес Холлик.

Пол кивнул. Необычная серьезность Холлика, напряженное выражение его лица внушали изумление. Он глянул повнимательнее на кривой свекольного цвета шрам на щеке барда и припомнил историю о том, как Гарни получил эту рану от Твари Раббана, будучи невольником, в бою гладиаторов на Гайеди Прим. И вдруг Пол почувствовал стыд – за то, что хоть на мгновение усомнился в Холлике. Вдруг до Пола дошло, что шрам этот от чернильной лозы, и оставленная ею рана болела тогда и болит теперь... и что, быть может, боль, перенесенная воином, была ничуть не меньше, чем та, что крылась в шкатулке Преподобной Матери. Эту мысль он постарался отбросить, слишком уж она была неудобной.

– А неплохо бы поиграть, – сказал Пол. – Слишком уж серьезными стали все вокруг.

Холлик отвернулся, чтобы спрятать лицо. Глаза его горели, словно в них догорало то, что время безжалостно отсекло когда-то.

«Как рано мальчику приходится становиться мужчиной, – подумал Холлик. – Скоро придется ему заполнять эту печальную строку: покойные родственники».

Не оборачиваясь, Холлик произнес:

– Я почувствовал, что ты хочешь поиграть, а я так люблю участвовать в твоих играх. Только игры окончились. Завтра мы отправляемся на Арракис. Это – реальность. И Харконнены тоже.

Пол прикоснулся ко лбу поднятой вертикально рапирой.

Холлик обернулся, заметил салют и ответил на него кивком. Он показал на тренировочный манекен.

– А теперь поработаем на время. Покажи мне, как ты умеешь наносить этой штуке смертельный удар. Я буду управлять отсюда, здесь хорошо видно. Предупреждаю, сегодня будешь иметь дело с новыми контрударами. Настоящий враг тебя предупреждать не станет.

Чтобы расслабиться, Пол потянулся, привстав на носках. Внезапно ему пришло в голову, что жизнь – только цепь перемен, почему-то эта мысль наполнила его душу непонятной торжественностью. Он подошел к манекену, тронул выключатель на его груди концом рапиры и ощутил, как силовое поле отбросило его клинок.

– Защищайся! – крикнул Холлик, и манекен перешел в атаку.

Холлик манипулировал переключателями и наблюдал. Ум его словно разделился на две части: одна следила за тренировочным боем, другая же порхала вокруг и жужжала как муха.

«Я – хорошо тренированное фруктовое дерево, – думал он. – Увешанное плодами: тонкими ощущениями и развитыми способностями, ну просто обсыпанное ими, приходи и собирай».

Почему-то ему вспомнилась младшая сестра – личико юного эльфа возникло перед внутренним взором. Но она уже давно умерла... в веселом доме для солдат Харконненов. Она любила анютины глазки или же маргаритки? Забыл... Он забыл это и потому расстроился.

Пол отразил медленный удар манекена, поднял левую руку.

«Умен, чертенок! – подумал Холлик, не отрывая глаз от вьющейся руки Пола. – Он занимается сам, и старательно. Это не в стиле Дункана. И я ничему подобному его не учил».

Но эта мысль лишь усилила печаль Холлика. «Он заразил меня настроением. – И подумал: – Приходилось ли уже мальчику со страхом вслушиваться в ночное молчание?»

– Если бы желания были рыбками, все бы забрасывали сети, – пробормотал он.

Так говорила его мать, и сам он частенько припоминал эти слова перед очередной черной невзгодой. А потом подумал, насколько странными покажутся эти слова на планете, не знавшей ни рыб, ни морей.

Юэ (Йу э), Веллингтон (станд. 10082–10191); доктор медицины школы Сукк, выпуск станд. 10112; жена – Уанна Маркус, БГ (станд. 10092–10186?), известен в основном предательством герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, приложение VII, имперская обработка и предательство).

Принцесса Ирулан. «Словарь Муад'Диб»

Пол слышал, как доктор Юэ вошел в учебную комнату уверенным четким шагом, но не поднялся со стола, на котором оставил его массажист. Он восхитительно расслабился после изнурительного поединка с Гарни.

– Уютная картинка, – сказал Юэ спокойным, высоким голосом.

Приподняв голову, Пол увидел перед собой стройную мужскую фигуру, облаченную в черное одеяние с многочисленными складками. На крупном квадратном лбу доктора, высоко над пурпурными губами и вислыми усами, синел вытатуированный бриллиант – знак имперской психологической обработки. Длинные черные волосы были перехвачены серебряным кольцом школы Сукк на левом плече.

– Ты обрадуешься: у нас нет сегодня времени на все обычные занятия, – сказал Юэ. – Вот-вот придет твой отец.

Пол сел.

– Но я приготовил для тебя проектор и кинофильм с несколькими уроками на дорогу до Арракиса.

– Ох!

Пол принялся натягивать одежду. Он обрадовался: ведь скоро придет отец. После приказа Императора занять фэйф на Арракисе они виделись слишком редко.

Юэ подошел к Г-образному столу. «Как возмужал мальчик за последние несколько месяцев! Какая это будет потеря! Какая печальная потеря! – И напомнил себе: – Не поддавайся слабости. Ты

пошел на это, чтобы убедиться, что твою Уанну больше не мучают в застенках барона».

Пол подошел к столу, застегивая куртку.

– Так что же я буду изучать на пути через пространство?

– Ах да, формы земной жизни, прижившиеся на Арракисе. Планета словно распростерла объятия некоторым земным видам. Но как это произошло, непонятно. Когда мы прибудем, я отыщу эколога планеты Кайнса и предложу ему свою помощь в исследованиях.

Юэ подумал: «Что я говорю? Зачем это ханжество перед самим собой?»

– А о Вольном народе там что-нибудь будет?

– О фрименах? – Юэ забарабанил пальцами по столу, заметил, что Пол увидел его волнение, и убрал руку.

– Может быть, у тебя найдется что-нибудь о населении Арракиса вообще? – спросил Пол.

– Да, конечно, – сказал Юэ. – Есть две крупных группы. Первая – фримены, а вторая – люди грабенов, впадин и котловин. Мне говорили, что они заключают и смешанные браки. Женщины народа впадин и котловин предпочитают выходить за фрименов, а мужчины – брать в жены фрименских девиц. У них есть поговорка: «Блеск приходит из города, а мудрость – из пустыни».

– У тебя есть снимки этих людей?

– Надо поискать. Самое интересное – глаза у них совершенно синие, без белков.

– Мутация?

– Нет, это из-за перенасыщения крови меланжем.

– Фримены, должно быть, смелый народ... жить на краю пустыни...

– Безусловно, – отвечал Юэ. – Они посвящают своим ножам песни. Их женщины свирепы не менее, чем мужчины. Даже дети Вольного народа склонны к насилию и опасны. Осмелюсь предположить, что тебе не удастся лично познакомиться с ними.

Пол слушал Юэ как замороженный, слова его о фрименах поглотили все внимание мальчика. Какой народ, какие союзники... если бы только привлечь их на свою сторону!

– А черви? – спросил Пол.

– Что?

– Я бы хотел еще почитать о песчаных червях.

– Ах-х-х, да. У меня есть книгофильм о небольшом черве. Всего сто десять метров длиной и двадцать два в диаметре. Его снимали в северных широтах. Надежные свидетели говорят о червях длиной более четырехсот метров, есть причины считать, что существуют и более крупные.

Пол глянул на расстеленную на столе карту северных широт Арракиса в конической проекции.

– Районы пояса пустынь и вблизи северного полюса считаются необитаемыми. Из-за червей?

– И бурь.

– Но ведь жить можно повсюду.

– Если это экономически целесообразно, – ответил Юэ. – На Арракисе много опасностей, и борьба с ними требует расходов. – Он погладил вислые усы. – Скоро здесь будет твой отец, а до его прихода я хочу сделать тебе подарок: наткнулся на него, пакуя вещи. – Он положил на стол небольшой предмет – черный, продолговатый, величиною с фалангу большого пальца Пола.

Пол поглядел на предмет. Юэ отметил, что мальчик и не попытался притронуться к вещи, и подумал: «Насколько же он осторожен!»

– Это очень старая Оранжевая Католическая Библия, изготовленная для космических путешественников. Это не книгофильм, она напечатана на бумаге из волокон. В нее встроен усилитель и электростатическая система. – Он взял ее в руки и показал. – Электростатический заряд держит книгу закрытой, обложка же подпружинена. Нажимаешь на край... вот так... Страницы отталкивают друг друга, и книга открывается.

– Она так мала.

– Но в ней восемнадцать сотен страниц. Нажимаешь опять на край, теперь так... и заряд сдвигает страницы по одной, пока ты их читаешь. Но не трогай страницы пальцем... волоконные страницы тонки. – Он закрыл книгу, вручил ее Полу. – Попробуй!

Юэ следил, как Пол учится управляться со страницами, и думал: «Я умиротворяю свою нечистую совесть. Знакомлю мальчика с основами веры, а потом предам, и буду иметь возможность сказать себе: он отправился туда, куда мне путь закрыт».

– Эту вещь сделали еще до книгофильмов?

– Она достаточно древняя. Пусть книга останется нашим секретом, а? Твои родители могут посчитать, что это слишком ценный подарок для столь молодого человека, – сказал Юэ и подумал: «Его мать, вне сомнения, заинтересуется причинами моего поступка».

– Ну... – Пол закрыл книгу, взвесил ее на ладони, – раз это столь большая ценность...

– Считай, что это просто прихоть старика. Мне подарили ее в молодости, – сказал Юэ и подумал, что следует заинтересовать и его разум, не только желания. – Открой ее на четыреста шестьдесят седьмой Кальме... там, где она гласит: «Из воды происходит вся жизнь». Край обложки там слегка поцарапан.

Пол ощупал книгу и обнаружил на ней две царапины, одна из них была поглубже. Он нажал на другую, книжка распахнулась на его ладони, увеличитель скользнул на место.

– Прочти вслух, – сказал Юэ.

Пол облизнул губы и прочитал:

– «Да подумают все о том, что глухой не может слышать! А потом о глухоте всеобщей, которой не избежать ни единому. Каких чувств не хватает нам, какого зрения, какого слуха недостает, чтобы ощутить иной мир вокруг нас? Что же окружает нас, чего...»

– Прекрати! – рявкнул Юэ. Пол удивленно глянул на него.

Юэ закрыл глаза, пытаясь вновь обрести спокойствие. «Что за адское совпадение заставило книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» Он открыл глаза. Пол все еще глядел на него.

– Извини, – произнес Юэ, – это был... это был любимый отрывок моей покойной жены. Не тот, который я хотел сейчас услышать. Он пробуждает воспоминания... слишком нелегкие.

– Там две отметины, – заявил Пол. «Конечно, – подумал Юэ. – Уанна отметила свой отрывок, его пальцы чувствительнее моих и нашли царапину. Случайность, не более».

– Возможно, эта книга покажется тебе интересной, – сказал Юэ, – в ней много исторической правды и хорошей этической философии.

Пол глянул на крошечную книжицу на ладони – небольшая вещица. Но в ней заключена была тайна... В нем что-то произошло, пока он читал. Эти слова расшевелили его ужасное предназначение.

– Твой отец может оказаться здесь в любую минуту, – произнес Юэ. – Спрячь книжку и читай на досуге.

Пол прикоснулся к ее краю, как показывал Юэ. Книжка закрылась. Он опустил ее в карман. В тот момент, когда Юэ возвысил голос, Пол успел испугаться, что доктор потребует книгу обратно.

– Благодарю тебя за подарок, доктор Юэ, – принес формальную благодарность Пол. – Он останется нашим секретом. Если ты желаешь от меня ответного дара или милости, прошу, не медли, назови свое желание.

– Я... мне ничего не надо, – отвечал Юэ, думая при этом: «Зачем я мучаю самого себя? Зачем я мучаю бедного мальчика... хоть он и не понимает еще этого. О! Проклятие на головы тварей Харконненов! И почему они выбрали именно меня для своей мерзости?»

Как подходить к изучению отца Муад'Дибба? Безгранично добрым и удивительно холодным был герцог Лето Атрейдес. Какие факты открывают пути к пониманию этого человека? Его неизменная любовь к своей даме из Бинэ Гессерит, мечты о будущем сына, самозабвенность служивших ему. Вот он перед нами: человек, попавший в ловушку судьбы... одинокая тень, утонувшая в лучах славы сына. Но всегда уместен вопрос: «Разве сын не есть продолжение отца?»

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Дибба»

Пол видел, что отец вошел в зал для занятий, охрана привычно занимала посты. Кто-то из свиты закрыл дверь. Пол ощутил некую телесность присутствия отца – он появлялся всегда как-то весомо и материально.

Герцог был смугл и высок ростом. Резкое худое лицо чуть согревали глубокие серые глаза. На нем был черный рабочий мундир с

гербом – красным ястребом на груди. Посеребренный широкий пояс щита, потершийся от долгого использования, охватывал узкую грудь.

Герцог спросил:

– Очень занят, сын?

Подойдя к угловому столу, он заглянул в бумаги, оглядел комнату, а потом перевел взгляд на Пола. Он устал, предельно устал, в том числе от того, что усталость эта должна оставаться для всех незаметной. «Надо будет по возможности отдохнуть во время перелета на Арракис, – подумал он, – на Арракисе отдыха не будет».

– Не очень, – отвечал Пол, – все так... – Он передернул плечами.

– Да. Завтра нам уезжать. Как хорошо будет, когда все это, вся суета останется позади.

Пол кивнул, вдруг ему припомнились слова Преподобной Матери: «...для отца – ничего».

– Отец, – спросил Пол. – Неужели действительно на Арракисе будет настолько опасно, как говорят все?

С привычным усталым движением руки, герцог присел на край стола и улыбнулся. Обычные в таком случае фразы промелькнули в его голове... ему не привыкать ободрять людей перед битвой. Промелькнули, да так и не воплотились в слова.

Это мой сын.

– Да, будет опасно, – согласился он.

– Хават сказал, что у нас уже есть план действий относительно Вольного народа, – сказал Пол и удивился: «Почему я не могу рассказать ему то, что говорила эта старуха? Как сумела она запечатать мой язык?»

Заметив, что сын расстроен, герцог проговорил:

– Хават, как всегда, видит главное. Но есть и еще кое-что. Не забывай про Картель «Новейшие и качественнейшие товары», компанию КАНИКТ. Отдавая мне Арракис, его величество вынужден отдать и директорство в КАНИКТ... тонкое приобретение.

– КАНИКТ контролирует специю, – сказал Пол.

– Арракис и специя мостят нам дорогу в КАНИКТ, – сказал герцог. – Эта компания контролирует не только меланж.

– Преподобная Мать предупреждала тебя? – с усилием выдохнул Пол. Он сжимал мокрые от пота кулаки. Сколько же сил потребовал этот вопрос!

– Хават уже сказал мне, что она напугала тебя своими пророчествами о наших будущих несчастьях на Арракисе, – ответил герцог. – Не допускай, чтобы женские страхи влияли на твой ум. Женщины всегда берегут своих любимых от опасности. За этими предсказаниями рука твоей матери. В них – знак ее любви к нам обоим.

– А она знает о фрименах?

– Да, и не только о них.

– И что же?

И герцог подумал: «Правда может оказаться ужаснее его опасений, но знание о грядущих бедах бесценно, тогда к ним можно подготовиться. Мы не скрываем от него опасность, только ношу опасений следует облегчить: он еще молод».

– Не многое избегает руки КАНИКТ, – начал герцог. – Бревна, ослы, лошади, коровы, древесина, навоз, удобрения, акулы, китовый мех... все: и самое прозаическое, и самое романтическое... даже наш скромный рис-панди с Каладана. Все это перевозит Гильдия: произведения искусства с Икаца, машины с Ричес и Икс. Но рядом с меланжем бледнеет все. За горстку специи на Тупайле можно купить дом. Ее нельзя изготовить, она добывается на Арракисе. Специя уникальна и действительно обладает гериатрическим действием.

– А теперь мы ее контролируем?

– В какой-то степени. Важно учитывать все Дома, которые участвуют в прибылях КАНИКТ. Подумай, какая колоссальная доля этих доходов зависит от одного продукта – от специи. Представь, что может случиться, если производство специи почему-либо уменьшится.

– Выиграет всякий, кто запасся меланжем, – сказал Пол. – Остальные остались в дураках.

Глядя на сына, герцог с мрачным удовлетворением подумал: «Мысль недурна, сказываются результаты воспитания». Он кивнул:

– Харконнены запасаются уже лет двадцать.

– Они хотят, чтобы добыча специи упала, а винили в этом тебя.

– Они хотят, чтобы имя Атрейдесов потеряло популярность, – сказал герцог. – Подумай о тех Великих Домах Ландсраада, которые некоторым образом воспринимают меня как своего предводителя, неофициального представителя. Подумай, как они отреагируют, если на меня ляжет вина за уменьшение их доходов. В конце концов, личная

выгода прежде всего. Проклятая Великая Конвенция: ты имеешь право помешать любой попытке разорить себя! – Суровая усмешка искривила рот герцога. – И они поступят именно так, как велят личные интересы, что бы ни случилось со мной.

– Даже если Харконнены применяют атомное оружие?

– До такой наглости не дойдет. Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Однако возможны любые прочие гадости... даже запыление атмосферы и местное отравление почвы.

– Тогда зачем нам все это нужно?

– Пол! – Герцог нахмурился, глядя на сына. – Если знаешь, где ловушка, – это первый шаг, чтобы в нее не попасть. Все это как в поединке, только много крупнее: финт в финте и вновь финт в финте... и так без конца. И нужно только все правильно понять. Зная, что Харконнены запасаются меланжем, зададим себе вопрос: а кто еще это делает? И получим список врагов.

– Так кто же они?

– И некоторые враждебные нам Дома, и некоторые из тех, на чью дружбу мы рассчитывали. Но сейчас нет необходимости их опасаться. Обнаружилась куда более важная фигура: наш обожаемый Падишах-Император.

Пол попытался сглотнуть, горло вдруг пересохло.

– А если созвать Ландсраад и разоблачить...

– И враг поймет, что мы знаем, в какой руке нож? Ах, Пол, сейчас мы хотя бы видим его. А кто знает, в чьи руки, куда его могут тогда перебросить? Если поднять этот вопрос на Ландсрааде, мы вызовем лишь великое смятение. Император будет все отрицать. Кто посмеет противоречить ему? И тогда мы выиграем лишь крохотную передышку, рискуя низвергнуть все в хаос... и откуда потом придется ждать следующей атаки?

– Запасаться специей могут начать все Дома.

– У недругов хороший отрыв... слишком давно они начали.

– Император, – проговорил Пол. – Это значит сардаукары...

– Безусловно, переодетые в харконненские мундиры, – сказал герцог, – но и в них они останутся такими же фанатично преданными Императору солдатами.

– Чем могут помочь нам фримены против сардаукаров?

– Хават говорил с тобой о Салузе Секундус?

– Об императорской планете-тюрьме? Нет.

– Что, если она не только тюрьма, Пол? Есть один вопрос о сардаукарах, о котором ты не думал. Откуда они берутся?

– Думаешь, с этой планеты-тюрьмы?

– Но ведь откуда-то берутся...

– А новобранцы для вспомогательного войска, которых Император требует от...

– В это нас хотят заставить поверить. Дескать, сардаукары – просто наемники Императора, которых готовят еще с юных лет. Иногда появляется какой-то слухок об инструкторах армии Императора, но баланс сил в нашей цивилизации остается неизменным. С одной стороны, вооруженные силы Великих Домов Ландсраада, с другой – сардаукары и вспомогательные войска. Но сардаукары – это всегда сардаукары.

– Но все сообщения с Салузы Секундус говорят, что эта планета – сущий ад.

– Вне сомнения. Однако, если ты собираешься воспитать крепких, сильных, свирепых воинов, в какие условия их надо поместить?

– Но как потом добиться преданности от этих людей?

– Есть проверенные способы: играть или на их чувстве собственного превосходства, или на мистике тайного объединения, или на духе общности пережитого страдания. Этого вполне можно добиться. Подобные вещи делались издревле и не однажды – на многих мирах.

Пол кивнул, не отрывая глаз от отцовского лица. Он чувствовал, что приближается некое откровение.

– Возьми Арракис, – произнес герцог, – за пределами городов и гарнизонов это ужасный мир, как и Салуза Секундус.

Глаза Пола округлились:

– Вольный народ!

– Да. У нас будет возможность создать войско столь же грозное, как и сардаукары. Для этого потребуется терпение – подобное предприятие требует секретности – и деньги, чтобы полностью обмундировать и вооружить бойцов. Но фримены живут на Дюне, и специя добывается там же. Поэтому и направляемся мы на Арракис, зная, что там ловушка.

– А Харконнены не знают о Вольном народе?

– Харконнены презирали фрименов, охотились на них, как на зверей, даже не потрудились пересчитать их. Как же, обычное отношение Харконненов к населению собственных планет – тратить на людей лишь минимум, необходимый для поддержания жизни!

Герцог изменил позу, и металлические нитки, которыми был вышит ястреб на его груди, блеснули перед глазами Пола.

– Ты понял?

– Значит, мы ведем сейчас переговоры с Вольным народом, – ответил Пол.

– Я послал к ним делегацию во главе с Дунканом Айдахо, – сказал герцог. – Дункан горд и жесток, но любит правду. Я думаю, фрименам он придется по нраву. Если нам повезет, быть может, они будут судить по нему о нас. Дункан – воплощение строгой морали.

– Дункан – воплощение морали, – продолжил Пол. – А Гарни – доблести.

– Именно, – подтвердил герцог.

Пол подумал: «Гарни – один из тех, о ком Преподобная Мать говорила: «Доблесть храбрых – основа миров».

– Гарни доложил мне, что ты сегодня неплохо управлялся с оружием.

– Мне он говорил совершенно другое.

Герцог громко расхохотался:

– Гарни сегодня был скуп на похвалу. Он сказал – его собственные слова, – что ты прекрасно ощущаешь различие между лезвием и острием.

– Гарни говорит, что убивать острием некрасиво. Мастер делает это лезвием.

– Гарни – романтик, – пробормотал герцог. Эти слова, произнесенные сыном, вдруг смутили его. – Хотелось бы, чтобы тебе никогда не пришлось убивать... но если случится нужда... все равно – лезвие ли, острие – делай как сумеешь. – Он глянул на потолочное окно, по которому барабанил дождь.

Проследив за отцовским взглядом, Пол подумал о влажных облаках над головой... На Арракисе их не увидеть... а за ними – пространство.

– Корабли Гильдии действительно колоссальны? – спросил он.

Герцог поглядел на него.

– Ты впервые покидаешь планету, – сказал он. – Да, они огромны. Путешествие дальнее, и мы едем на лайнере-экспрессе. А они воистину велики. Все наши фрегаты и транспортеры поместятся в одном уголке трюма... Мы же будем лишь крошечной частью груза.

– А покидать фрегаты мы не сможем?

– Такова часть платы за обеспечиваемую Гильдией безопасность. Корабли Харконненов могут оказаться в трюме рядом с нашими, но можно не опасаться – никто не станет рисковать своими транспортными привилегиями.

– Я буду смотреть на экраны, хочется увидеть кого-нибудь из Гильдии.

– Не увидишь. Даже собственные агенты Гильдии не видят навигаторов. Она столь же ревностно охраняет свое уединение, как и свою монополию. Не вздумай рискнуть нашими транспортными привилегиями, Пол.

– А тебе не кажется, что они прячутся потому, что мутировали и полностью потеряли человеческий облик?

– Кто знает? – Герцог пожал плечами. – А поскольку решением этой загадки мы с тобой не собираемся заниматься, остаются куда более неотложные проблемы. И среди них – ты.

– Я?

– Твоя мать хотела, сын, чтобы именно я сказал тебе это. Видишь ли, у тебя могут оказаться способности ментата.

Пол от неожиданности замолчал, а потом выдавил:

– Ментат? Я? Но ведь...

– И Хават согласен с ее мнением, сын. Ошибки нет.

– Но я думал, что обучение ментата начинается с детства, и сам он не должен знать об этом, чтобы не помешать раннему... – Он умолк. Все его воспоминания внезапно сошлись в мгновенном расчете. – Теперь понимаю, – сказал он.

– Настанет день, – произнес герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать о том, что с ним происходит. Он не может больше быть предметом обучения. Ментат сам должен сделать выбор: продолжать обучение или прекратить. Некоторые способны к дальнейшим занятиям, некоторые – нет. И только сам потенциальный ментат может решить это для себя.

Пол потер подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью – мнемоника, фокусирование восприятия, контроль над мускулами, развитие чувств, изучение языков и голосовых тонкостей – все это по-новому укладывалось в его голове.

– Когда-нибудь, сын, ты станешь герцогом, – произнес отец. – Герцог-ментат – очень внушительная перспектива. Ты можешь принять решение прямо сейчас... или тебе нужно дать время на размышления?

Колебаний не было.

– Я буду продолжать тренировки.

– Внушительная перспектива, – пробормотал герцог, и Пол подметил гордую улыбку на лице отца. Она вдруг потрясла Пола – словно из-под кожи узкого лица выглянул череп. Пол закрыл глаза, ощущение ужасного предназначения вновь пробудилось в нем. «Возможно, быть ментатом на самом деле ужасно», – подумал он.

Он сконцентрировался на этой мысли, но разум его возразил. Нечто, пробудившееся в нем, протестовало.

На примере леди Джессики и Арракиса особенно очевидны плоды, принесенные зернами легенд Бинэ Гессерит, что насаждались с помощью Миссионарии Протективы. Мудрость, с которой известная нам Вселенная охвачена сетью пророчеств, необходимых для защиты Дочерей Гессера, признана уже давно, но никогда еще не было в истории столь экстремального положения, в котором обычная подготовка Миссионарии так сочеталась бы с индивидуальностью. Пророческие легенды укоренились на Арракисе и стали неотъемлемой частью местной культуры (включая и само звание Преподобной Матери, распева и возгласы, большую часть Протект Профетикус Шари-а). Пора признать, что латентные способности леди Джессики ранее существенно недооценивались нами.

*Принцесса Ирулан. «Анализ кризиса в Арракине»
(БГ, секретно, номер документа: АК-81088587)*

Вокруг леди Джессики вдоль стен Большого зала резиденции в Арракине штабелями высились коробки, ящики, чемоданы и сундуки с багажом. Часть их была уже распакована. Шум возвестил, что рабочие с челнока Гильдии внесли в зал новую порцию груза.

Джессика стояла в центре помещения. Она медленно повернулась, оглядывая выступающие из потолка темные балки и глубоко врезанные окна. Гигантский старинный зал напомнил ей палату сестер в школе Бинэ Гессерит. Но в школьном зале было тепло и уютно. Здесь же вокруг был блеклый камень.

«Какой архитектор позаимствовал голые стены и темные гобелены из далекого прошлого?» – подумала она. Громадные балки свода в двух этажах над ее головой явно были доставлены на Арракис за чудовищную цену. Деревья, из которых можно было изготовить подобные брусья, на планетах этой системы не росли – разве что архитектор здесь ловко имитировал дерево.

Впрочем, едва ли.

При старой Империи в этом здании находилась правительственная резиденция. Цены тогда были ниже. Дом строили задолго до Харконненов – до того еще, как они возвели свой мегалополис Карфаг – безвкусную дешевку сотнях в двух километров к северу, за Ломаной Землей. Лето мудро выбрал место для своего пребывания. В имени города – Арракин – звенела древность... И еще: небольшой городок легче очистить от врагов и защитить от них.

У входа вновь раздался стук сгружаемых ящиков. Джессика вздохнула.

Справа от нее к коробке был приставлен портрет отца герцога. Кусок упаковочного шнура причудливым украшением свисал с него. Джессика все еще не выпускала его из левой руки. Около картины покоилась черная бычья голова на полированной доске. Темным островком выступала она из моря упаковочной бумаги. Деревянная панель лежала на полу, и блестящая морда быка задралась к потолку, словно зверь вот-вот взревет и вызовет противника на бой.

Джессика удивленно подумала, с чего вдруг достала она в первую очередь две эти вещи: бычью голову и картину. В своем поступке она

почувствовала нечто символичное. С того самого дня, когда покупщики герцога забрали ее из школы, не чувствовала она себя столь испуганной и неуверенной.

Голова и картина.

Смятение ее усилилось. Она поежилась, глянув на прорези окон высоко над головой. Было еще раннее утро, в этих широтах небо казалось холодным и черным – куда темнее привычной теплой синевы Каладана. Тоска по дому пронзила ее.

А Каладан так далеко отсюда!

– Ну вот и мы! – раздался голос герцога Лето. Она вихрем обернулась: герцог широкими шагами вышел из сводчатого прохода в зал. Его черный рабочий мундир с красным вышитым ястребом на груди был запылен и помят.

– Я вдруг подумал, что ты потерялась в этом отвратительном доме, – сказал он.

– Холодном доме... – произнесла она, глянув на его высокую фигуру: загорелая кожа напоминала ей об оливковых рощах и золотых отблесках на голубой воде. Серые глаза его казались словно подернутыми дымом костра, но лицо герцога было лицом хищника – худым, с резкими выступами и впадинами.

Внезапный страх стиснул ее сердце: таким яростным, свирепым он стал недавно, когда решил подчиниться приказанию Императора.

– Как холодно в этом городе, – снова произнесла она.

– Что с него взять – грязный и пыльный гарнизонный городишко, – согласился герцог, – но мы все здесь переменим. – Он оглядел зал. – Это зал для официальных приемов. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле. Там много лучше.

Шагнув к Джессике, Лето прикоснулся к ее руке, не скрывая восхищения точеной фигурой своей любимой. И вновь подумал о ее неведомых предках... Кто они? Какой-нибудь из ренегатствующих Домов-изгоев? Незаконная ветвь королевской крови? Величия в ней было куда больше, чем в собственных дочерях Императора.

Джессика чуть отвернулась под внезапно отяжелевшим взглядом, став к Лето боком. И герцог вдруг понял, что красота этого лица не сводилась к единственной черте. Овальное лицо под шапкой волос цвета полированной бронзы. Широко расставленные глаза – зеленые и

чистые, как утреннее небо Каладана. Небольшой нос, широкий благородный рот. Стройная и худая, чуть ли не тощая.

Лето припомнил, что сестры Ордена звали ее худышкой. Это сообщили ему покупщики. Но любое описание было бы слишком упрощенным: Джессика вновь влила в кровь Атрейдесов величие королей. Он всегда радовался, замечая, что Пол похож на нее.

– А где наш сын? – спросил герцог.

– Где-то в доме, занимается с Юэ.

– Должно быть, в южном крыле, – сказал он, – мне слышался там голос Юэ, просто не было времени заглянуть. – С высоты своего роста посмотрев на нее, Лето с легкой неуверенностью в голосе произнес: – Я зашел сюда лишь затем, чтобы повесить ключ Каладанского замка в столовой.

Она задержала дыхание, подавила желание прикоснуться к нему. Повесить ключ – это жест, преисполненный символизма. Не время терять бдительность.

– Когда мы входили, я заметила наше знамя над домом.

Он глянул на портрет отца:

– Где ты собираешься его повесить?

– Где-нибудь здесь.

– Нет. – Тон был окончательный и решительный. Теперь ей оставалось хитрить, ведь открытый спор стал невозможен. Но надо было попробовать хотя бы для того, чтобы напомнить себе: нельзя использовать против Лето приемы Бинэ Гессерит.

– Господин мой, – сказала она. – Если бы вы только...

– Ответ мой – нет. Я позорно много использую тебя во всевозможных делах, но не в этом. Я только что пришел из столовой, где...

– Господин мой! Ну пожалуйста!

– Выбирать приходится между твоим пищеварением и достоинством нашего рода, моя дорогая, – ответил он. – Реликвии будут висеть в столовой.

Она вздохнула:

– Да, господин мой.

– Ты можешь по-прежнему обедать при возможности у себя. Я ожидаю тебя лишь в официальных случаях.

– Благодарю, господин мой!

– И не будь такой холодной и формальной. Ты должна быть благодарна мне за то, что я так и не женился на тебе. Иначе ты была бы обязана присутствовать за столом рядом со мной за каждой трапезой.

Она кивнула, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Хават уже установил над обеденным столом ядоискатель, – сказал он, – в твою комнату поставили переносный.

– Ты предвидел... наше несогласие, – сказала она.

– Дорогая, я хочу, чтобы и тебе было хорошо. Я нанял слуг, они местные, но Хават разобрался – все они из Вольного народа. Пригодятся, пока мы не сумеем освободить от прочих обязанностей наших людей.

– А за пределами дома можно ли чувствовать себя в безопасности?

– Да, если ненавидишь Харконненов. Быть может, ты захочешь оставить домоправительницей Шадут Мейпс.

– Шадут, – сказала Джессика, – это какой-то титул у Вольных?

– Мне говорили, что он значит «Глубоко черпающая», – здесь это звучит по-другому. Быть может, она не покажется тебе услужливой, но Хават о ней прекрасного мнения, как и Айдахо. Оба убеждены, что она хочет служить нам, но в особенности – тебе.

– Мне?

– Фримены узнали, что ты из Бинэ Гессерит, – сказал он, – здесь о вас сложены легенды.

«Миссионария Протектива, – подумала Джессика. – Нет такой планеты, которая избежала бы ее влияния».

– Значит ли это, что Дункан добился успеха? – спросила она. – Они заключили союз с нами?

– Пока не могу сказать ничего определенного, – ответил он. – По мнению Дункана, фримены хотят какое-то время понаблюдать за нами. Пока они пообещали соблюдать перемирие и не делать набегов на дальние деревни все время перехода. Этот факт важнее, чем может показаться. Хават утверждает, что фримены были глубокой занозой в боку Харконненов, и степень причиняемого ими ущерба держалась в глубокой тайне. Барон не может допустить, чтобы Император узнал о слабости войск Харконненов.

– Домоправительница из фрименов, – удивилась Джессика, возвращаясь мыслями к Шадут Мейпс. – И у нее будут совсем синие глаза.

– Пусть внешний вид этих людей не обманет тебя, – сказал он, – в них скрыта сила и здоровая жизнестойкость. Я думаю, в этих людях заключено все, что нам нужно.

– Опасная игра, – возразила она.

– Давай не будем повторяться, – ответил герцог. Джессика выдавила улыбку.

– Приходится, вне сомнения. – Она быстро проделала весь обряд успокоения нервной системы – два глубоких вдоха, потом ритуальные фразы – и наконец сказала: – Я собираюсь распределять комнаты, какие у тебя пожелания?

– Научи меня когда-нибудь этому, – сказал он, – умению забывать любые заботы, обращаясь к повседневным делам. Тоже, должно быть, фокус Бинэ Гессерит.

– Женский фокус, – сказала Джессика.

Он улыбнулся.

– Хорошо, давай о комнатах... Проверь, чтобы рядом с моими спальными помещениями оказался небольшой кабинет. Возни с бумагами здесь будет больше, чем на Каладане. И комната для охраны, конечно. Чтобы охранять кабинет. А о безопасности дома не беспокойся. Люди Хавата проверили все, от подвала до чердаков.

– Не сомневаюсь.

Он глянул на наручные часы.

– Проследи, чтобы все часы в доме были переведены на местное арракинское время. Я выделил техника для этого. Он скоро подойдет. – Герцог отвел прядь волос со лба. – А теперь я должен вернуться на посадочное поле. Второй челнок вот-вот приземлится.

– Разве Хават не сумеет их встретить, мой господин? Ты так устал.

– Наш добрый Сафир занят еще больше, чем я. Ты знаешь, Харконнены буквально напиговали всю планету прощальными подарками. К тому же я должен попытаться уговорить остаться хоть кого-нибудь из опытных охотников за специей. Ты ведь знаешь, у них есть право выбора при смене фэйфа... а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили судьей перемены, не подкупишь.

Он разрешает выбор. И более восьмисот пар опытных рабочих рук собираются отъехать с ближайшим челноком, а корабль Гильдии ждет.

– Господин мой... – Джессика в нерешительности умолкла.

– Да?

«Не следует отговаривать его от попыток обезопасить для нас эту планету, – подумала она. – И я не имею права использовать на нем приемы Ордена».

– В какое время ты собираешься обедать?

«Она вовсе не это собиралась сказать, – подумал он. – Ах-х, моя Джессика, если бы мы вдруг очутились вдвоем где-нибудь вдалеке от этого ужасного места... вдвоем, без тревог и забот!»

– Я пообедаю с офицерами на поле, – сказал он. – Жди меня очень поздно. И... ах да, я пришлю за Полом машину с охраной. Я хочу, чтобы он поприсутствовал на нашем совещании по стратегическим вопросам.

Герцог прочистил горло, словно собираясь еще что-то сказать, потом, не произнеся ни слова, повернулся и зашагал к выходу, от которого опять доносился стук разгружаемых ящиков. Вновь прогудел его строгий и повелительный голос, таким тоном он всегда приказывал слугам:

– Леди Джессика одна в Большом зале. Немедленно присоединитесь к ней.

Хлопнула входная дверь.

Джессика обернулась, глянула на портрет отца Лето. Он принадлежал кисти знаменитого художника Албе, написавшего старого герцога еще молодым. Он был изображен в костюме матадора – через левую руку переброшен красный плащ с капюшоном. Лицо казалось молодым, едва ли старше лица нынешнего Лето, – те же ястребиные черты, тот же взгляд серых глаз. Стиснув кулаки, она негодуя смотрела на портрет.

– Проклятый! Проклятый! Проклятый! – прошептала она.

– Что угодно приказать, госпожа?

Прозвенел тонкий женский голос.

Джессика резко повернулась, перед ней стояла узловатая женщина в бесформенном, похожем на мешок, коричневом одеянии. Женщина эта была столь же морщиниста и суха, как и все в той толпе, что приветствовала их утром по дороге от посадочного поля. Все местные

жители, которых Джессика видела на этой планете, казались иссушенными, как чернослив, и истощенными голодом. Но Лето говорил, что они сильны и жизнестойки. И, конечно, глаза... глубочайшая темная синева без белков... таинственные, прячущие все глаза. Джессика заставила себя не вглядываться в лицо.

Женщина отвесила короткий поклон и сказала:

– Меня зовут Шадут Мейпс, благородная. Каковы будут ваши приказы?

– Можешь обращаться ко мне «миледи», – ответила Джессика, – я не благородная по рождению. Я – обязанная, наложница герцога Лето.

Вновь то ли поклон, то ли кивок, и женщина лукаво глянула снизу вверх на Джессику:

– Значит, есть и жена?

– Нет, и не было никогда. Для герцога я единственная подруга и мать его наследника.

Говоря эти слова, Джессика внутренне усмехнулась над гордостью, крившейся за такими речами. «Что там говорил Блаженный Августин? – спросила она себя. – «Ум командует телом, и оно повинует. Ум приказывает себе – и сталкивается с неповиновением». Да... теперь я сталкиваюсь все с большим сопротивлением. Сама бы я спокойно отступила».

Странный крик донесся с дороги около дома. Слова повторялись: «Су-су-суук! Су-су-суук!» Потом: «Икхут-эй!» И снова: «Су-су-суук!»

– Что это? – спросила Джессика. – Я слышала этот крик несколько раз утром, когда мы ехали по улице.

– Просто продавец воды, миледи. Вам они ни к чему. Цистерна в доме вмещает пятьдесят тысяч литров воды, и ее всегда держат полной. – Она опустила взгляд. – Знаете ли, миледи, в вашем доме можно не надевать конденскостюм и остаться в живых.

Джессика колебалась, не решаясь немедленно повыспросить все нужное у женщины из Вольного народа. Но необходимость приводить дом в порядок была важнее. И все же ей стало несколько не по себе от мысли, что основной мерой благосостояния здесь является вода.

– Муж мой сказал мне, что твой титул – Шадут, – заметила Джессика, – я узнала это слово. Оно очень древнее.

– Значит, вы знаете и древние языки? – спросила Мейпс, с непонятым вниманием дожидаясь ответа.

– Языки – первая ступень в знаниях Бинэ Гессерит, – сказала Джессика. – Мне известны и ботани-джиб, и чакобса, и все охотничьи языки.

Мейпс кивнула:

– Легенда говорит то же самое.

Джессика удивилась сама себе: «Зачем я говорю эту чепуху? Впрочем, Бинэ Гессерит следуют обстоятельствам, и пути наши извилисты».

– Я знаю и Темные Следы, и путь Великой Матери, – сказала Джессика. На лице Мейпс, в ее жестах она читала теперь явные знаки. – Мисенес преджъя, – сказала она на чакобсском, – андрал т'ре перал! Трада сик бускакри мисекес перакери.

Мейпс отступила назад, словно собираясь бежать.

– Я знаю многое, – говорила Джессика, – я знаю, что ты рожала детей, что ты теряла любимых, что пряталась в страхе, что вершила насилие и что насилие это не последнее в твоей жизни. Я знаю многое.

Тихим голосом Мейпс сказала:

– Я не хотела обидеть вас, миледи.

– Если заводишь речь о легендах и ждешь ответа, – сказала Джессика, – бойся того, что можешь услышать. Я знаю, что ты явилась сюда, готовая к насилию с оружием на теле.

– Миледи, я...

– Возможно, хотя и едва ли, что ты сумеешь выпустить кровь из моего тела, – проговорила Джессика, – но если тебе это удастся, ты сама навлечешь на себя беды, куда более горькие, чем в любом страшном сне. Ты знаешь, есть вещи страшнее смерти... даже для целого народа.

– Миледи! – умоляющим тоном сказала Мейпс. Она была готова пасть на колени. – Это оружие послано вам в дар, если вы и в самом деле Она.

– Я могу доказать это, пусть и ценой моей жизни, – выговорила Джессика. Она ожидала, внешне расслабившись... это умение делало всех обученных бою сестер Бинэ Гессерит ужасными в поединке.

«А теперь посмотрим, как она поступит», – подумала Джессика.

Мейпс медленно запустила руку за воротник своего одеяния и извлекла темные ножны. Из них выдавалась темная рукоять с бороздами для пальцев. Она взяла ножны в одну руку, рукоять в

другую, обнажила молочно-белое лезвие, подняла острием вверх. Казалось, лезвие светилось, оно было обоюдоострым, сантиметров двадцать длиною.

– Вы знаете, что это, миледи? – спросила Мейпс.

Это мог быть, поняла Джессика, лишь знаменитый арракийский нож-крис. Ни одного из них никогда не вывозили с планеты, и известны они были только по слухам и туманным намекам.

– Это нож-крис, – сказала она.

– Есть другое слово, которое не называют, – сказала Мейпс. – Вы знаете его? Что оно означает?

И Джессика подумала: «Вопрос не случаен. Эта женщина из Вольного народа осталась, чтобы служить мне... Зачем? Если я отвечу не так, она нападет или же... что? Она хочет знать, известно ли мне это слово. Ее титул, Шадут – слово чакобсы. Нож на этом языке – делатель смерти. Она норовиста, уже теряет терпение. Пора отвечать. Медлить опасно, но опасно дать и неверный ответ».

Джессика сказала:

– Это делатель...

– Эйе-е-е-е! – простонала Мейпс. В голосе ее слышались горе и облегчение. Она задрожала всем телом, и нож в ее руке разбрасывал во все стороны отблески.

Джессика напряженно ждала. Она собиралась было сказать, что нож есть делатель смерти, и добавить древнее слово, но все ее знания, весь опыт, позволявший понимать смысл как будто случайного сокращения любого мускула, протестовали против этого.

Ключевым было слово... делатель.

Делатель? *Делатель.*

Но Мейпс все еще держала нож словно бы наготове, и Джессика произнесла:

– Неужели ты думаешь, что я, искушенная в мистериях Великой Матери, не знаю о делателе?

Мейпс опустила нож:

– Миледи, пусть пророчество известно давно, но миг откровения потрясает.

Джессика подумала о пророчествах, о семенах Шари-а и Протект Профетикус, которые столетия назад посеяла здесь сестра из Миссионарии Протективы. Вне сомнения, ее давно уже не было в

живых, но цель достигнута – защитные легенды владели душами этих людей, ожидая часа, когда понадобятся Бинэ Гессерит.

И вот этот час настал.

Мейпс вставила лезвие в ножны и сказала:

– Этот клинок нефиксированный, миледи. Держите его на теле. Если вы снимете его на неделю, нож начнет разлагаться. Он ваш, этот зуб Шай-Хулуда. Ваш до конца жизни.

– Ты вложила в ножны клинок, что не вкусил крови, Мейпс!

Судорожно охнув, Мейпс выронила ножны и крис в руку Джессики и распахнула на груди коричневое одеяние.

– Бери воду моей жизни!.. – закричала она.

Джессика обнажила нож. О, как он блестел! Направив его острие на Мейпс, она увидела, что женщину охватила не паника, не смертельный ужас – нечто большее.

«Острие отравлено?» – подумала Джессика. Подняв кончик ножа, лезвием она осторожно провела над левой грудью Мейпс. Из царапины обильно выступила кровь, сразу же остановившаяся. «Сверхбыстрая коагуляция, – поняла Джессика, – мутация, способствующая сохранению влаги».

Она вложила крис в ножны и сказала:

– Застегнись, Мейпс.

Мейпс, дрожа, повиновалась. Синие глаза без белков смотрели на Джессику.

– Ты наша, – пробормотала она, – ты – та самая.

У входа вновь застучали, разбирая новую партию груза. Мейпс схватила вложенный в ножны клинок и спрятала его в складках одежды Джессики.

– Того, кто увидит этот нож, следует убить... или очистить, – оскалилась она. – И вы знаете это, миледи.

«Да, теперь знаю», – подумала Джессика. Грузчики вышли, не заходя в Большой зал. Мейпс взяла себя в руки и произнесла:

– Тот, кто видел крис, но не прошел очищение, не может оставить Арракис живым. Никогда не забывайте этого, миледи. Вам мы доверяем крис. – Она глубоко вздохнула. – И пусть свершится должное. События нельзя торопить. – Она глянула на штабеля ящиков и другое добро вокруг них. – У вас хватит работы здесь, пока не настанет наше время.

Джессика заколебалась. «Пусть свершится должное» – это была особая фраза из набора заклинаний Миссионарии Протективы, означающая: «Преподобная Мать грядет, чтобы освободить вас».

«Но я же не Преподобная Мать, – подумала Джессика, и вдруг ее осенило: – Преподобная! Они использовали здесь эту легенду! Значит, Арракис – поистине ужасное место!»

Повседневным тоном Мейпс сказала:

– С чего мне следует начать, миледи?

Инстинкт велел Джессике поддержать этот тон. Она произнесла:

– Вот портрет старого герцога, его надо повесить на стену столовой. Голова быка должна быть закреплена напротив портрета.

Мейпс подошла к голове.

– Такую голову носил на своих плечах громадный зверь, – сказала она и нагнулась. – Должно быть, сперва придется счистить вот это, не так ли, миледи?

– Нет.

– Но здесь же грязь на рогах.

– Это не грязь, Мейпс, а кровь отца нашего герцога. Эти рога обрызгали прозрачным фиксирующим составом через несколько часов после того, как этот зверь убил старого герцога.

Мейпс выпрямилась:

– Вот как.

– Просто кровь, – сказала Джессика, – засохшая. Пусть кто-нибудь поможет тебе повесить вещи. Эти отвратительные штуки тяжелы.

– Вы думаете, меня беспокоила кровь? – спросила Мейпс. – Я из пустыни и видела достаточно крови.

– Я... заметила это, – согласилась Джессика.

– В том числе и собственной, – добавила Мейпс. – Куда больше, чем от вашего крошечного пореза.

– Было бы лучше, если бы я порезала глубже?

– Ах, нет! Воды тела и так слишком мало, чтобы попусту выпускать ее в воздух. Вы поступили правильно.

Джессика, следя за тоном и словами, подметила глубокий подтекст в выражении «вода тела». Вновь ее охватило уныние при мысли о важности воды на Арракисе.

– Как следует разместить эту прелесть на стенах зала, миледи? – спросила Мейпс.

«Практичная женщина», – подумала Джессика и сказала:

– На твое усмотрение. Большой разницы нет.

– Как вам угодно, миледи. – Мейпс нагнулась, начала снимать остатки упаковки и холста с головы.

– Ты убил старого герцога? Надо же! – нараспев сказала она.

– Прислать грузчика в помощь тебе? – спросила Джессика.

– Я управлюсь, миледи.

«Да, она управится, – подумала Джессика. – Что в ней заметно, в этой фирменке, так это привычка управляться самостоятельно».

Ощувив на груди холодок криса, Джессика подумала о долгой цепи планов Бинэ Гессерит, звено которой было здесь, перед ней. Эти планы позволили ей избежать смертельной опасности. «События нельзя торопить», – сказала Мейпс. Однако само течение их словно бы затягивало Атрейдесов на Арракис, и это рождало в душе Джессики дурные предчувствия. Все приготовления Миссионарии Протективы, все тщательные проверки этой, слагающейся в дом груды камней, не могли ослабить дурные предчувствия.

– А когда ты повесишь портрет и голову, начни распаковывать ящики, – сказала Джессика. – У входа дежурит человек, отвечающий за груз. У него все ключи, он знает, как разместить вещи. Забери у него ключи и список. Если будут вопросы, ищи меня в южном крыле.

– Как прикажете, миледи.

Джессика отвернулась с мыслью: «Пусть обход Хавата и показал, что резиденция безопасна, – сейчас это не так. Я чувствую это».

Желание немедленно увидеть сына охватило Джессику. Она направилась к сводчатому проходу в обеденный зал и семейные покои. Она шла все быстрее и быстрее, наконец почти побежала.

Позади нее в зале Мейпс приподняла голову и поглядела в удаляющуюся спину.

– Конечно, та самая, – пробормотала она. – Бедняжка.

– Юэ! Юэ! Юэ! – повторяем мы. – Тысячи смертей мало для этого Юэ!

Принцесса Ирулан. «История Муад'Дибба для детей»

Дверь была распахнута настежь, и Джессика влетела в комнату с желтыми стенами. С левой стороны оказался покрытый черной шкурой небольшой низенький диван, два пустых книжных шкафа. Справа, обрамляя другую дверь, помещались такие же книжные шкафы, стол с Каладана и три кресла. У окон спиной к ней стоял доктор Юэ, внимательно рассматривавший окрестности.

Джессика еще раз неслышно шагнула вперед.

Она заметила, что пиджак Юэ помят, у левого локтя белеет пятно, словно он прислонился к мелу... Как будто на скелет из палочек натянули великоватое черное одеяние, так что со спины доктор казался карикатурной фигурной марионеткой в руках кукольника. Только голова с длинными эбеновыми волосами, перехваченными на плече кольцом школы Сукк, казалась живой и слегка шевелилась вслед каким-то движениям за окном.

Не найдя сына, она снова оглядела комнату. Закрытая дверь справа, она знала, вела в спальню, которая понравилась Полу.

– Добрый вечер, доктор Юэ, – спросила она, – где Пол?

Он словно бы кивнул кому-то за окном и, не поворачивая головы, отсутствующим тоном проронил:

– Ваш сын устал, Джессика. Я послал его в эту комнату отдохнуть.

Тут он вздрогнул и резко обернулся, усы свисали по бокам пурпурных губ:

– Простите меня, миледи! Я оговорился... я... не хотел быть фамильярным...

Она улыбнулась, подала ему правую руку. На мгновение ей показалось, что он рухнет на колени.

– Пожалуйста, Веллингтон.

– Так назвать вас... я...

– Мы знакомы уже шесть лет, – сказала она. – Все эти формальности с глазу на глаз давно можно было отбросить.

Юэ выдавил легкую улыбку с мыслью: «Кажется, сработало. Теперь она все необычное, что сумеет еще заметить во мне, отнесет на счет смущения. Она не станет докапываться до более глубоких причин, если ответ уже известен».

– Боюсь, я замечтался, – сказал он. – Когда я... особо сочувствую вам, извините, в мыслях я называю вас... ну, Джессика.

– Сочувствуешь мне? Почему?

Юэ пожал плечами. Он давно уже заметил, что у Джессики не было дара полного ясновидения, как у его Уанны. И все же, когда это было возможно, он оставался правдив с Джессикой. Так безопасней.

– Ну и дыра, ми... Джессика, – споткнувшись на имени, он продолжил: – Сущая пустыня в сравнении с Каладаном. А люди! Горожанки под покрывалами причитали на нашем пути. И как они глядели на нас!

Она охватила себя руками, ощущая кожей прикосновение ножа-криса с лезвием из зуба песчаного червя, – если в отчетах чего-то не напутали.

– Просто мы чужие для них, незнакомцы с неведомыми обычаями. Они знали лишь Харконненов. – Она глянула мимо него в окно. – Что это ты разглядываешь?

Он вновь обернулся к окну:

– Людей.

Джессика подошла к нему, глянула влево на фасад дома, куда было обращено внимание Юэ. Там в ряд росло двадцать пальм, в песчаной почве под ними не было ни травинки. Сплошной невысокий забор отделял их от дороги, по которой двигались люди в бурнусах. Джессика заметила, что воздух между ней и людьми слегка подрагивал, – значит, большой щит дома включен, – и вновь принялась изучать идущих, недоумевая, чем же они столь привлекали Юэ.

Вдруг она заметила общее во всех этих людях и скорбно приложила руку к щеке. Прохожие глядели на пальмы! Кто с завистью, кто с ненавистью... некоторые даже с надеждой. Но каждый оборачивался к деревьям.

– Знаете, о чем они думают? – спросил Юэ.

– Хочешь сказать, что читаешь мысли? – спросила она.

– Их мысли, – отвечал он. – Они глядят на эти деревья и думают: «Перед нами сотня людей». И ничего другого не приходит им в голову.

Она озадаченно нахмурилась:

– Почему же?

– Это финиковые пальмы. Одна такая пальма потребляет сорок литров воды в день. Человеку нужно здесь всего восемь литров. Двадцать этих пальм равны сотне людей.

– Но некоторые из прохожих глядят на эти пальмы с надеждой.

– Должно быть, надеются, что упадет пара фиников, но сейчас им не сезон.

– Мы слишком скептически смотрим на эту планету, – сказала Джессика, – я чувствую не только угрозу, но и надежду. Специя может озолотить нас. А с тугой мошной мы сделаем из этого мира все, что угодно.

Она мысленно расхохоталась: «Кого я пытаюсь убедить?» Хрупкий смешок вырвался, несмотря на ее самообладание.

– И все купим, кроме безопасности для себя, – сказала она.

Юэ отвернулся от нее, пряча лицо. «Если бы только можно было не любить их, ненавидеть этот Дом», – подумал он. Джессика многим напоминала его Уанну. Но эта мысль сковывала его, не давала уклониться от выбранного пути. Харконнены изобретательны в жестокости.

Уанна могла быть жива. Следовало убедиться в этом.

– Не беспокойся за нас, Веллингтон, – сказала Джессика. – Проблема эта наша, не твоя.

«Она считает, что я беспокоюсь о ней, – подумал он, подавляя усилием воли готовую выкатиться слезу. – Конечно же, беспокоюсь. Но когда все закончится, я должен предстать перед черным бароном и нанести ему удар в тот единственный момент, когда он не будет ничего ожидать, – в миг упоения победой!»

Он вздохнул.

– Я не разбужу Пола, если загляну к нему? – спросила она.

– Едва ли. Я дал ему успокоительное.

– Он хорошо воспринимает суету переезда?

– Разве что несколько переутомился. Он возбужден, но в пятнадцать лет кто не был бы возбужден на его месте? – Он подошел к двери, открыл ее. – Там.

Джессика следом за ним заглянула в затененную комнату.

Пол лежал на узкой кушетке, одна рука была под простыней, другая – закинута за голову. Полосатые жалюзи на окне рядом с кроватью бросали на лицо и одеяло сетку теней.

Джессика глядела на сына, очертания его лица так напоминали ее собственные! Но волосы были отцовские – угольно-черные и взъерошенные. Длинные ресницы прикрывали светло-желтые, песчаного цвета глаза. Джессика улыбнулась, страхи ее отступили. Она вдруг задумалась о сочетании их черт во внешности сына: овал лица и глаза ее, но острые черты отца уже проступают в лице сына – обещание грядущей мужественности.

Она подумала о бесконечной цепи случайных встреч, создавшей эти утонченные черты. Ей захотелось встать на колени перед кроватью сына... обнять его... Мешало присутствие Юэ. Она шагнула назад, тихо притворила дверь.

Юэ отошел к окну, не в силах больше выдерживать этого... Как Джессика глядела на сына... «И почему же Уанна так и не подарила мне ребенка? – спросил он себя. – Я – врач, и я знаю, что дело не в физическом недуге. Быть может, были на этот счет какие-то особые соображения у Дочерей Гессера? Или же она не имела на это права? У нее были иные обязанности? И все-таки почему же? Ведь она, вне сомнения, любила меня».

И впервые ему пришла в голову мысль, что и он сам, быть может, является всего лишь крохотной частицей колоссально сложного и запутанного замысла, непосильного для его ума.

Остановившись рядом с ним, Джессика сказала:

– С каким восхитительным самозабвением спят дети!

Он механически ответил:

– Если бы взрослые умели расслабляться, как дети...

– Да.

– И когда же мы теряем эту способность? – пробормотал он.

Джессика глянула на него, уловила странные интонации, но мыслями она была еще с Полом... теперь в его обучении возникнут новые трудности, вся жизнь его полностью переменялась... полностью – не такую жизнь они с герцогом когда-то замыслили для него.

– Да, мы действительно многое теряем, – ответила она.

Джессика поглядела направо, на горбатый холм, где под ветром трепетали запыленными листьями серо-зеленые кусты, постукивая

сухими костяшками ветвей. Непривычно темное небо чернело над холмами, в закатных молочно-белых лучах арракийского солнца окрестности серебрились словно крис, спрятанный на ее теле.

– Здесь такое черное небо! – пожаловалась она.

– В том числе из-за недостатка влаги, – ответил он.

– Вода! – резко сказала она. – Здесь, куда ни повернись, везде не хватает воды.

– Вода – драгоценная тайна Арракиса, – ответил он.

– Почему ее здесь так мало? Здесь есть вулканические породы. Мне известно еще с полдюжины возможных источников влаги. Наконец, у планеты есть полярные шапки. Говорят, что в здешних пустынях бурение не удастся; бури и песчаные приливы разрушают оборудование быстрее, чем его ставят, даже если прежде до него не доберутся черви. Но тайна, Веллингтон, настоящая тайна, заключается в тех скважинах, что бурят здесь в котловинах и впадинах. Ты читал о них?

– Сперва тонкая струйка – потом ничего, – сказал он.

– В этом-то ведь и кроется тайна, Веллингтон. Сперва есть вода, потом она высыхает, и все, больше воды нет. И если пробурить скважину тут же, рядом, результат будет тем же самым: струя высыхает. Интересно, кто-нибудь задумывался над этим?

– Любопытно, – сказал он. – Вы подозреваете какие-нибудь живые объекты? Разве это нельзя было определить по пробам из скважин?

– И что же мы должны там обнаружить? Животные ткани... или растительные, конечно, внеземного происхождения? Кто сумеет признать их? – Она вновь обернулась лицом к склону. – Вода сразу же перестает течь, словно нечто закупоривает скважину. Живое, мне кажется.

– Возможно, причина здесь известна, – возразил он. – Харконнены скрывают почти всю информацию об Арракисе. Быть может, у них соображения, по которым они прячут эти сведения.

– Какие же? – спросила она. – Потом есть ведь и атмосферная влага, ее немного, конечно, но она есть. И она здесь – основной источник воды, получаемой в ветровых ловушках и конденсаторах. Откуда берется эта влага?

– С полярных шапок?

– Холодный воздух несет мало влаги, Веллингтон. Харконнены напустили на Арракисе слишком много тумана, и не только на все, непосредственно связанное с производством специй.

– Действительно, мы словно блуждаем в этом тумане... Харконнены... Быть может, мы... – сказал он и осекся, почувствовав на себе ее внезапно ставший внимательным взгляд. – Что-то не так?

– Ты произносишь эту фамилию, – начала она, – с таким ядом, которого я никогда не слышала даже от герцога, когда ему случается произнести ненавистное имя. Я и не знала, что у тебя есть личные причины для ненависти к ним, Веллингтон.

«Великая Мать! – подумал он. – Я возбудил ее подозрения. Теперь следует употребить все штучки, которым учила меня когда-то Уанна. Но способ только один: говорить по возможности правду».

Он начал:

– Вы не знали, что моя жена, моя Уанна... – Юэ беспомощно пожал плечами, пытаясь справиться с судорогой, стиснувшей горло. – Они... – Слова не шли с уст. Он испугался, плотно зажмурил глаза, чувствуя старую муку в своей душе... и новую. Но тут к его руке легко прикоснулась ладонь.

– Прости, – сказала Джессика. – Я не хотела беречь старые раны. – И подумала: «Подлые твари! Его жена была из Бинэ Гессерит. Это словно отпечатано на нем. Несомненно, Харконнены убили ее. Еще одна жертва, добавившая друга Атрейдесам».

– Простите, – сказал он. – Я не в силах говорить об этом. – Он открыл глаза, отдаваясь стиснувшему сердце горю. Оно-то, по крайней мере, было истинным.

Джессика внимательно вглядывалась в него. Темные цехины – миндалины глаз, грубая фигура, вислые усы, обрамляющие пурпурные губы и узкий подбородок. Заметила она и морщины на щеках и на лбу, в которых равно проступали и печаль, и возраст. Глубокая симпатия к нему наполнила ее сердце.

– Веллингтон, – сказала она, – мне жаль, что мы привезли тебя в это опасное место.

– Я приехал сюда по своей воле, – ответил он. И это тоже было правдой.

– Но вся планета – харконненский капкан. Ты ведь и сам знаешь это.

– Чтобы одолеть герцога Лето, одного капкана мало, – произнес он. Что тоже было правдой.

– Быть может, я напрасно так боюсь за него, – сказала она, – он ведь блестящий тактик.

– Нас вырвали с корнем, – проговорил он, – потому-то нам и не по себе.

– Кроме того, выкопанное растение легче убить, – ответила она, – надо просто пересадить его во враждебную почву.

– А почва и в самом деле враждебная?

– Когда здесь узнали, сколько человек привез с собой герцог, начались водяные бунты, – сказала она. – Они прекратились, только когда мы дали понять, что ставим новые ветряные ловушки и конденсаторы, чтобы уменьшить нагрузку на старые.

– Воды здесь хватает, лишь чтобы поддержать жизнь человека, – сказал он. – Все понимают – воды немного, и, если придут пить новые люди, цены подскочат и бедняки умрут. Но герцог справился с ситуацией, и эти бунты не вызвали постоянной враждебности.

– А еще охрана, – сказала она. – Охрана повсюду. Со щитами. Куда ни глянь – их мерцание. На Каладане мы жили иначе.

– Придется привыкать, – сказал он.

Но Джессика твердым взглядом глядела в окно.

– Я предчувствую смерть, – сказала она. – Хават засылал сюда свой авангард, батальон за батальоном. Охрана снаружи – это его люди. Из сокровищницы без нужных обоснований изъяли крупные суммы. Объяснение может быть только одно: подкуп высокопоставленных лиц. – Она покачала головой. – По следам Сафира Хавата следуют смерть и обман.

– Вы несправедливы к нему.

– Несправедлива? Да я же хвалю его! Во лжи и смерти наша единственная надежда. Просто я не могу обманываться относительно его методов.

– Вам надо бы... больше времени уделять делам, – сказал он. – Не позволяйте себе отвлекаться на подобные скверные...

– Дела! А что, если они-то и занимают большую часть моего времени, Веллингтон? Я секретарь герцога, и каждый день приносит мне новые причины для опасений... он даже и не подозревает, что я понимаю их. – Она стиснула зубы и выдавила: – Иногда я даже

задумываюсь, что, когда он выбирал меня, нужнее всего ему была моя подготовка Дочери Гессера.

– Что вы имеете в виду? – Ее циничный тон, горечь в ее голосе, которой он раньше никогда не слышал, заинтересовали его.

– А ты не думаешь, Веллингтон, – спросила она, – что использовать секретаря, который тебя любит, намного практичнее?

– Ну, это недостойная мысль, Джессика.

Упрек этот без размышлений сорвался с его губ. Как именно герцог относился к своей наложнице, сомневаться не приходилось. Надо было только проследить, какими глазами он глядит на нее.

Она вздохнула:

– Ты прав, мысль действительно недостойная.

Джессика вновь обхватила себя руками; вложенный в ножны крис прижался к ее плоти, напомнив о еще не определившейся судьбе, которую он знаменовал собою.

– Скоро здесь будет большое кровопролитие, – сказала она. – Харконнены не успокоятся, пока или сами не сгинут, или не погибнет мой герцог. Барон не может простить моему Лето родовитости – королевской крови, сколько бы поколений ни отделяло герцога от предка в короне, ведь его-то собственный титул происходит из гроссбуха КАНИКТ. Но причина этой вражды глубже – ведь когда-то именно предок Атрейдесов добился осуждения Харконнена за трусость в битве при Коррине.

– Старая вражда... – прошептал Юэ. И на мгновение острая ненависть пронзила его. Зачем он впутался в паутину этой старой распри? Это она убила его Уанну... или, что еще хуже, обрекла ее на мучения в лапах Харконненов, и ему самому приходится теперь угождать барону. Старая вражда изломала не только его жизнь, она исковеркала жизни Атрейдесов, вечно травила их своим ядом. По иронии судьбы роковой финал этой вендетты должен разыгаться здесь, на Арракисе, единственной планете во всей Вселенной, где добывали меланж, дающий здоровье и жизнь.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Я думаю о том, что теперь один декаграмм специи стоит на свободном рынке шестьсот двадцать тысяч соляриев. Чего только не купишь на такие деньги!

– Неужели и тебя проняла жадность, Веллингтон?

– Это не жадность.

– Что же тогда?

Он пожал плечами:

– Тщета. – Он глянул на нее. – Вы помните вкус специи, когда попробовали ее впервые?

– Похож на корицу.

– И всегда разный, – сказал он. – Специя как жизнь – она обращается к нам новым лицом всякий раз, когда ее принимаешь. Некоторые предполагают, что она производит в организме рефлекторно-вкусовую реакцию. Тело само начинает понимать, что это вещество полезно, и воспринимает вкус как удовольствие... с легкой эйфорией. Как и саму жизнь, так и специю не удалось по-настоящему синтезировать.

– Я думаю, что уйти в изгнание подальше за пределы Империи было бы умнее, – произнесла она.

Юэ понял: она не слушает его, и удивился. Конечно, но почему же тогда она не уговорила герцога на это? Ведь она могла, в конце концов, заставить его сделать что угодно.

Он быстро заговорил. Это была правда, и к тому же слова его позволяли изменить тему разговора:

– Не будет ли с моей стороны слишком смелым, Джессика, если я задам один личный вопрос?

Внезапно смутившись, она прижалась к подоконнику:

– Конечно же, нет. Ты ведь мой друг.

– Почему вы не заставили герцога жениться на вас?

Вздернув голову, она обернулась, сверкнув глазами.

– Заставить его жениться на себе? Но...

– Мне не следовало спрашивать... – замялся он.

– Нет. – Она пожала плечами. – Для этого есть политические причины. Пока мой герцог не женат, любой из Великих Домов может надеяться на альянс. И... – она вздохнула, – убеждать людей, заставлять что-то делать против их воли... потом невольно глядишь на людские поступки с каким-то цинизмом. Он разрушает все, к чему бы ни прикоснулся. Я могла бы заставить его сделать это... но это был бы тогда не его поступок.

– Так, наверное, ответила бы и моя Уанна, – пробормотал он. И в этом тоже была правда. Невольно он прижал ладонь ко рту, чтобы не

проговориться. Никогда не был он еще так близок к признанию в своей тайной роли.

Но Джессика заговорила, и момент неуверенности минул:

— К тому же, Веллингтон, в герцоге на самом деле уживаются двое мужчин. Одного я очень люблю... он обаятелен, остроумен, решителен... нежен — такого пожелает любая женщина. Другой же холоден, жесток, придирчив, эгоистичен... подчас леденит, как зимняя вьюга. Все это воспитал в нем отец. — Лицо ее исказилось. — Если бы только этот старик умер сразу после рождения моего герцога!

В наступившем молчании было слышно, как дуновение вентилятора шевелило жалюзи. Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

— Лето прав, эти комнаты много уютнее, чем в других уголках дома. — Джессика обернулась, обвела комнату взором. — Если ты извинишь меня, Веллингтон, я хочу посмотреть еще разок на это крыло прежде, чем распределять комнаты.

Он кивнул:

— Конечно, — а потом подумал: «Если бы только у меня была возможность не делать того, что придется!»

Джессика уронила руки, пересекла зал, постояла мгновение в нерешительности, а затем вышла. «Все это время он что-то таил, умалчивал о чем-то, — подумала она. — Вне сомнения, щадил свои чувства. Он хороший человек. — Она снова заколебалась и едва не вернулась к Юэ, чтобы выпытать у него этот секрет. — Но тогда ему станет стыдно... он испугается, когда поймет, что настолько открыт. К собственным друзьям следует относиться с бóльшим доверием».

Многие отметили скорость, с которой Муад'Диб приспособился к нуждам Арракиса. Конечно, Бинэ Гессерит знают причину такой быстроты. А для остальных достаточно знать, что Муад'Диб учился быстро потому, что его с самого детства научили учиться. Первый урок в

том-то и состоял, что он может выучиться. Просто удивительно, сколько людей не верят в то, что смогут учиться, но еще больше считают, что учиться трудно. Муад'Диб знал, что в каждом жизненном опыте кроется свой урок.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб – человек»

Пол прикидывался спящим. Оставить снотворную таблетку доктора Юэ в ладони и изобразить, что проглотил ее, было несложно. Пол подавил смешок. Даже мать поверила, что он спит. Тогда ему захотелось было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но он понимал, что она станет возражать. Вокруг еще был хаос. Нет. Такой способ лучше.

«Если я выскользну, не спросив разрешения, то не нарушу запрета. И буду оставаться в доме, в безопасности».

Он слышал, как мать и Юэ переговаривались в соседней комнате. Слов он различить не мог... впрочем, речь шла о специи, Харконненах. Голоса то слышались, то затихали.

Внимание Пола привлекла к себе резная панель в изголовье кровати. Под декоративным панно скрывались устройства управления функциями комнаты. На деревянной панели рыба выпрыгивала из коричневых волн: если нажать на глаз рыбы, в комнате включится верхний свет; поворотом одной из волн приводился в движение вентилятор; другая волна меняла температуру. Пол спокойно сел в кровати. Слева у стены высился книжный шкаф. Его можно было сдвинуть вбок, при этом открывалось потайное помещение с полками по одну сторону. Ручка ведущей в зал двери повторяла очертания рукоятки управления орнитоптером.

Комната явно была оборудована так, чтобы заинтересовать его.

И комната, и планета.

Он подумал о том книгофильме, что показал ему Юэ: «Арракис. Пустынная ботаническая испытательная станция Его Императорского Величества». Старый книгофильм, созданный еще до открытия специи. Названия в голове Пола сменяли друг друга, каждому соответствовала картинка, впечатанная мнемоническим пульсом книги: сагуаро, кустарниковая амброзия, финиковая пальма, песчаная

вербена, ослинник двулетний, стволистый кактус, ладанник, дымное дерево, креозотовый куст, карликовая лиса, пустынный ястреб, кенгуровая мышь...

Растения и звери из прошлого, когда люди жили на Земле, — многих уже и не найдешь нигде во Вселенной, кроме Арракиса.

И так много еще нужно узнать о специи!

И о песчаных червях.

Дверь соседней комнаты закрылась. Шаги матери удалялись. Доктор Юэ, он знал, вне сомнения найдет какую-нибудь книгу и останется в комнате.

Теперь наступало время отправляться на разведку.

Пол выскользнул из кровати, направился к книжному шкафу, за которым скрывалось помещение. Позади закрипело, Пол обернулся. Резная панель вдруг откинулась на кровать, где он только что спал. Пол замер, и неподвижность спасла его жизнь.

Из-за панели выскользнул крохотный охотник-искатель длиной сантиметров пять. Пол сразу же узнал его — обычное оружие убийства, с такими отпрыски королевской крови знакомятся в раннем детстве. Верткую полоску металла направляли обычно рука и глаз оператора откуда-нибудь неподалеку. Она впивалась в движущуюся плоть и вдоль нервов прогрызала свой путь к ближайшему жизненно важному органу.

Искатель поднялся вверх, метнулся несколько раз поперек комнаты.

В мозгу Пола вспыхнула информация об этом оружии: его недостаток — узкое поле гравипоплавка и недостаточный угол зрения. В сумрачной комнате, где ничто не могло выдать цель, оператор будет рассчитывать лишь на движение... на легкое шевеление. Его щит на кровати. Из бластера такую штуку сбить просто. Но бластеры дороги, их обслуживание умопомрачительно сложно, и к тому же каждый, кто применяет их, должен считаться с опасностью взрыва, если лазерный луч попадет на включенный щит. Атрейдесы полагались не только на собственные щиты, но и на разум.

И потому Пол застыл в неподвижности статуи, понимая, что избежать смерти можно лишь воспользовавшись разумом.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра, заметался по комнате, поблескивая в полосках света из прорезей жалюзи.

«Надо попытаться схватить его, – подумал Пол. – Поддерживающее поле делает эту штуку скользкой к хвосту. Надо держать покрепче».

Полоска опустилась на полметра, свернула налево, обогнула кровать. Было слышно ее слабое жужжание.

«Кто же управляет ею? – подумал Пол. – Оператор неподалеку. Я мог бы позвать Юэ, но эта штука поразит его прямо на пороге».

Дверь в зал позади Пола скрипнула. Кто-то постучал. Дверь отворилась.

Охотник-искатель стрелой метнулся мимо его головы на движение.

Резко выбросив правую руку, Пол ухватил смертоносную полосу. Она жужжала и извивалась в его руке, но отчаяние придало ему сил, не разжимая руки, он с размаху ударил носом искателя по металлической пластине на двери. Носовой глазок хрустнул, и полоска обмякла в его руке.

Но на всякий случай он не выпускал ее.

Подняв голову, Пол увидел обращенную к нему синеву глаз Шадут Мейпс.

– Твой отец зовет тебя, – сказала она, – в зале ждут люди, которые тебя проводят.

Пол кивнул, зрением и прочими чувствами словно прощупывая эту странную женщину в похолодевшем на мешок одеянии коричневого цвета.

– Я слыхала о таких, – сказала она. – Эта штука убила бы меня, не так ли?

Он сглотнул, прежде чем сумел ответить:

– Она... искала меня.

– Но летела-то она ко мне?

– Потому что ты шевельнулась, – ответил Пол и подумал: «Кто она?»

– Значит, ты спас мою жизнь? – произнесла женщина.

– Я спас обе наши жизни.

– Но ты мог бы позволить ей нанести мне удар и спастись? – задумчиво сказала она.

– Кто ты? – спросил он.

– Шадут Мейпс, домоправительница.

– Откуда ты узнала, где найти меня?

– Мне сказала твоя мать. Я встретила ее на лестнице, ведущей из зала в странную комнату, – она показала направо. – Люди твоего отца ждут.

«Люди Хавата, – подумал он. – Надо искать оператора».

– Иди к людям моего отца, – приказал он, – и скажи им, что я только что поймал у себя охотника-искателя... надо обыскать дом и найти оператора. Прикажи им немедленно оцепить дом и окрестности. Они знают, как поступать. Может быть, оператор окажется из наших людей.

И невольно подумал: «А не она ли это?» Но тут же сообразил, что это не так. Искателем управляли, когда она входила.

– Прежде чем я выполню твою просьбу, маленький мужчина, – сказала Мейпс, – придется прояснить наши отношения. Я задолжала тебе воду, а я не люблю оставаться в долгу. Мы, Вольный народ, платим свои долги вовремя, черные они или белые. Нам известно, что среди вас есть предатель. Кто он, мы не знаем, но уверены в его существовании. Может быть, его-то рука и направила этот разрезатель плоти.

Пол молча впитал это слово: *предатель*. И прежде чем он успел ответить, странная женщина повернулась и заспешила к выходу.

Он уже хотел окликнуть ее, но что-то в ней говорило, что этого не следует делать. Она и так сказала все, что знала, а теперь выполняет его же распоряжение. Через минуту дом будет кишеть людьми Хавата.

Он стал обдумывать другие подробности непонятого короткого разговора: странная комната. Он поглядел налево, куда она указала. «Мы, Вольный народ». Значит, она из них, фрименов. Он принялся мнемонически впечатывать ее обличье в свою память: темное, морщинистое, как вяленый чернослив, лицо, полностью синие глаза без белков. Снизу подставил табличку – «Шадут Мейпс».

Не выпуская разбитый искатель, Пол вернулся назад в комнату, левой рукой подобрал с кровати пояс щита и застегнул его, выбегая из комнаты. В зале он повернул налево.

Она говорила, что мать его где-то там, внизу... У лестницы в странную комнату.

Что поддерживало леди Джессику во время испытаний? Поразмыслите над одной притчей Бинэ Гессерит, и вы, быть может, поймете: «Любая дорога, если дойти до ее конца, ведет прямо в никуда. Если держите путь на гору, поднимитесь чуть-чуть по склону, чтобы убедиться, что это действительно гора. С вершины вы этого не увидите».

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Диб»

В торце южного крыла Джессика наткнулась на спиральную лестницу, ведущую вверх к овальной двери. Она глянула назад в зал, потом перевела взгляд обратно на дверь.

«Овал? – удивилась она. – Что за странная форма для двери в доме!»

Сквозь окна под спиральной лестницей было видно, что громадное белое солнце Арракиса клонилось к закату. Зал пронзали длинные тени. Она вновь поглядела на лестницу. В жестком боковом свете стали заметны комочки сухой земли на металле ступеней.

Взявшись за поручень, Джессика начала подниматься. Металл холодил ладонь. Она остановилась у двери, заметила, что на ней нет ручки, а там, где ей следовало быть, в гладкой поверхности двери находилась неглубокая вмятина.

«Может быть, дакти-локер», – подумала она. Ключом к такому замку служит ладонь хозяина со всеми ее бугорками и линиями на коже. На дакти-локер действительно было похоже, а способам открывать подобные замки ее учили еще в школе.

Джессика оглянулась, проверяя, не видит ли ее кто-нибудь, приложила ладонь к углублению, вновь обернулась, заслышав шаги Мейпс у подножия лестницы.

– В Большой зал пришли люди, они говорят, что их послал герцог за юным господином, – сказала Мейпс. – Они предъявили герцогскую

печать, стража признала их. – И глянула на дверь, потом снова на Джессику.

«А она осторожна, эта Мейпс, – подумала Джессика. – Неплохо».

– Он в пятой по коридору комнате отсюда, в малой спальне, – сказала Джессика. – Если не сможешь разбудить его, позови доктора Юэ. Он в соседней комнате. Быть может, потребуется инъекция, чтобы он полностью проснулся.

И снова Мейпс бросила пронизывающий взгляд на овальную дверь, и Джессике почудилось осуждение в ее зоре. Но прежде чем Джессика успела спросить о двери и о том, что она скрывает, Мейпс повернулась и торопливо зашагала по залу.

«Хават проверял это место, – подумала Джессика. – Здесь не может быть никакой опасности».

Она толкнула дверь, та распахнулась в небольшую комнату, напротив располагалась другая дверь. На ней была рукоять в виде штурвала.

«Воздушный шлюз!» – подумала Джессика. Она глянула вниз, заметила, что дверной клин упал на пол небольшой комнаты. На нем была личная отметка Хавата. «Дверь оставили открытой и подперли клином, – подумала она. – Должно быть, кто-то случайно выбил его потом, не подумав, что внешняя дверь закроется на дакти-локер».

Она переступила через высокий порог в небольшую комнатку.

«Зачем в доме воздушный шлюз?» – спросила она себя и решила, что за дверью окажется что-нибудь экзотическое, нуждающееся в особом климате.

В особом климате!

На Арракисе это имело смысл, ведь здесь приходилось поливать даже растения, вывезенные из самых сухих мест всех известных людям планет.

Дверь сзади шевельнулась, едва не захлопнулась. Джессика поймала ее и надежно подперла оставленной Хаватом палочкой. И вновь она внимательно глянула на штурвал перед собою, заметила теперь на металле над рукояткой полустертую гравированную надпись. Узнав слова галака, она прочитала:

«О человек! Перед тобой дивная кроха
Божьего творения...

замри перед ней и безмолвствуй... учись любить
во Всевышнем друга».

Всем своим весом Джессика навалилась на колесо. Оно повернулось влево, и внутренняя дверь распахнулась. Легкий сквознячок перышком тронул ее щеки, шевельнул волосы. Она почувствовала, что повеяло влагой, пахнуло цветами, запахи стали богаче. Распахнув дверь настежь, она уставилась на обильные заросли, позолоченные желтым солнечным светом.

«Почему здесь желтое солнце? – подумала она. – Ах да, фильтрстекло...» Джессика перешагнула порог, и дверь захлопнулась.

– Оранжерея, – вздохнула она. Вокруг в горшках стояли растения и невысокие деревья. Джессика узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, пленисценту с зелеными лепестками, акарсо с белыми и зелеными полосами... розы...

Даже розы.

Она нагнулась, чтобы вдохнуть аромат громадного розового бутона, и, распрямившись, оглядела комнату.

Неподалеку что-то булькало. Она раздвинула нависающий полог листьев, заглянула в середину комнаты. Там оказался небольшой фонтан, в металлической чаше ритмично плескалась вода.

Джессика мгновенно собралась и принялась методично осматривать комнату. Она оказалась квадратной, со стороной метров в десять. По ее положению и по мелким деталям конструкции стен она догадалась, что оранжерею пристроили к уже завершенному дому.

Она остановилась с южной стороны комнаты перед панорамным окном из фильтрстекла и оглянулась. Вся комната была заставлена экзотическими растениями влажных планет. В зелени что-то зашуршало. Она насторожилась, а потом заметила узкое тельце полированного сервока, часовой механизм и рукав. Трубка поднялась и брызнула мелкой водяной пылью, увлажнившей ее щеки. А когда поливка закончилась, она поглядела, что же там поливали, оказалось – терновник.

В этой комнате влага ощущалась повсюду, и это на планете, где вода была драгоценным соком жизни! Здесь же ее расходовали столь

расточительно, что Джессика даже возмутилась, не подобрав имени подобному безобразию.

За фильтрстеклом желтело спустившееся солнце. Оно уже почти касалось зубастого горизонта – громадного хребта, именовавшегося здесь Барьером.

«Фильтрстекло, – подумала она, – превращает ослепительно-белое солнце в куда более знакомое и ручное. Кто же соорудил подобную комнату? Лето? На него это похоже, – он любит удивить меня царским жестом, но едва ли у него хватило времени еще и на это. Он был слишком занят и куда более серьезными делами».

Она припомнила место в отчете... Там говорилось, что во многих домах Арракина на дверях и окнах установлены герметичные уплотнения, позволяющие сохранить влагу, не выпускать ее из дома. Лето говорил ей, что в этом доме намеренно пренебрегают такими предосторожностями – это признак благосостояния и могущества: двери и окна его закрываются лишь от вездесущей пыли.

Но сам факт существования этой комнаты значил куда больше, чем отсутствие гермоуплотнений на дверях. Она прикинула: такая роскошь здесь, на Арракисе, обходилась в тысячу жизней по понятиям этой планеты... а может, и больше.

Не отводя глаз от середины комнаты, Джессика двинулась вдоль окна. У фонтана блеснула металлическая поверхность, что-то вроде стола, на ней блокнот и стиль, частично прикрытые веером листа. Она подошла к столу, увидела на нем листки, оставленные людьми Хавата, и взгляделась в написанное на верхнем листе:

«Леди Джессике.

Да принесет это место вам столько же радости, сколько и мне. Пусть эта комната напомнит вам урок, полученный нами от общих учителей: «Близость желаемого ведет к пресыщению». На этой тропе и ожидает опасность.

С наилучшими пожеланиями,

Марго, леди Фенринг».

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего представителя Императора здесь графом Фенрингом. Теперь следовало обдумать скрытый смысл всех намеков. Ясно, что писавшая была из Бинэ Гессерит. Мимоходом грустная мысль кольнула Джессику: граф-то женился на своей леди.

Не оставляя более времени на жалость к себе, Джессика нагнулась к столу в поисках тайного послания. Его следовало найти. В записке была кодовая фраза, которой всякая из Дочерей Гессера, если на то не было запрещения школы, обязана была предупредить сестру об угрозе. «На этой тропе и ожидает опасность».

Джессика провела пальцами по тыльной стороне записки, искала на ее поверхности точки кода, ощупала блокнот с торцов. Она положила его на стол, почувствовав необходимость поторопиться.

Но Хават уже побывал здесь и, вне сомнения, сдвинул блокнот. Она глянула на лист растения, нависший над блокнотом. Это же лист! Она провела пальцем по нему снизу вдоль края стебля. Здесь! Пальцы ее нащупали мелкие точки. Она сразу начала читать:

«Твой сын и герцог в серьезной опасности. Спальня меблирована так, чтобы привлечь внимание твоего мальчика. Х. начинил ее смертоносными ловушками, которые можно найти, а одну из них замаскировал так, что ее почти наверняка не заметят».

Джессика подавила желание немедленно ринуться к Полу. Пальцы ее нащупывали новые точки.

«Природа опасности мне неизвестна, знаю лишь, что она как-то связана с кроватью. Против герцога намечено использовать измену доверенного компаньона или лейтенанта. Х. планирует отдать тебя в качестве подарка одному из подчиненных. Насколько я знаю, оранжерея безопасна. Прости, что сказать больше нечего. Мои источники информации ограничены; граф не брал от барона денег. В спешке, МФ».

Джессика отбросила лист, метнулась назад. В этот момент дверь шлюзовой камеры распахнулась. Зажав что-то в руке, в нее влетел Пол и захлопнул за собой дверь. Он увидел мать и, раздвигая листья, направился к ней. Заметив фонтан, не разжимая кулака, он сунул руку под падающую струю воды.

– Пол! – она схватила его за плечо, глядя на руку. – Что это?

Он ответил с чуть деланным спокойствием:

– Искатель-охотник. Поймал его в своей комнате и раздавил нос, но я хочу все-таки удостовериться. Вода замкнет все контуры.

– Окуни поглубже! – приказала она. Он повиновался.

Она продолжила:

– А теперь разожми пальцы. Пусть эта штука останется в воде.

Он вынул руку, отряхнул с нее капли, поглядел на неподвижную полоску металла, застывшую на дне чаши фонтана. Отломав черенок листа, Джессика тронула им смертельно опасную полоску.

Она осталась недвижимой.

Джессика уронила черенок в воду. Поглядела на Пола. Глаза его внимательно изучали комнату, углубленность и сосредоточенность свидетельствовали: он усвоил путь БГ.

– Тот, кто хочет, может спрятать здесь все, что угодно, – сказал он.

– У меня есть основания считать эту комнату безопасной, – ответила она.

– Мою комнату тоже считали безопасной, Хават сказал...

– Это же искатель-охотник, – напомнила она ему. – Значит, в доме скрывается управляющий им оператор. Радиус управляющего луча искателя невелик. Он мог проникнуть сюда и после проверки.

Она сразу же подумала о письме на листе: «...предатель – доверенный компаньон или лейтенант». Но Хават не может быть изменником. Это невероятно.

– Люди Хавата сейчас обыскивают дом, – сказал он, – а этот искатель чуть не сразил старуху, пришедшую меня будить.

– Шадут Мейпс, – произнесла Джессика, припомнив встречу на лестнице. – Отец вызывал тебя...

– Теперь это может подождать, – сказал Пол, – почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Она показала на записку и объяснила.

Он слегка расслабился.

Но внутри Джессика вся словно сжалась в комок, внутренний голос твердил: «Искатель-охотник! Милостивая Мать!» Лишь предельным усилием всей тренированной воли она удержала тело от подступившей истерической дрожи.

Пол проговорил деловым тоном:

– Конечно, дело рук Харконненов. Диверсантов придется уничтожить.

В дверь воздушного шлюза постучали условным стуком подразделений Хавата.

– Войдите, – разрешил Пол.

Дверь распахнулась, и высокий мужчина в форме Атрейдесов со знаком Хавата на фуражке пригнулся и переступил через порог.

– Вы здесь, сэр, – произнес он, – домоправительница сказала, что вы должны быть тут. – Он оглядел комнату. – В подвале мы обнаружили груды камней, в ней был упрятан человек с пультом управления искателем.

– Я хотела бы принять участие в допросе, – проговорила Джессика.

– Извините, миледи. Пришлось помять его при поимке. Он умер.

– Определили, кто он?

– Явных улики, миледи, мы пока не обнаружили.

– А он не из местных жителей, не из Арракина? – произнес Пол.

Джессика кивнула, об этом следовало спросить.

– Похож на туземца, – ответил мужчина, – камнями его заложили, видимо, больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Когда мы обследовали это место вчера, камни и цемент были невредимы, клянусь своей репутацией.

– Никто не сомневается в вашей компетентности, – сказала Джессика.

– Теперь в ней сомневаюсь я сам, миледи. Нам следовало бы прощупать все внизу акустическими зондами.

– Думаю, что этим-то сейчас и занимаются ваши люди, – сказал Пол.

– Да, сэр.

– Передайте отцу, что мы опоздаем.

– Немедленно, сэр. – Он глянул на Джессику. – Хават приказывал в подобных обстоятельствах отправлять юного господина с охраной в безопасное место. – Глаза его вновь обежали комнату. – Здесь безопасно?

– У меня есть причины не сомневаться в этом, – ответила она. – Эту комнату проверял Хават, а потом я сама.

– Тогда, миледи, я поставлю стражу снаружи, пока мы не осмотрим весь дом заново. – Он поклонился, глядя на Пола, прикоснулся к фуражке, попятился и притворил за собой дверь.

Пол прервал наступившее молчание:

– Не лучше ли нам самим чуть позже обойти весь дом? Наши глаза не упустят тех знаков, которые не заметят они.

– Я не успела осмотреть лишь это крыло, – ответила она, – отложила это напоследок, потому что...

– Потому, что Хават лично обследовал его... – перебил он.

Она вопросительно глянула на него.

– Ты сомневаешься в Хавате? – спросила она.

– Нет, просто он стареет... и слишком много работает. Нам следовало бы освободить его от некоторых обязанностей.

– Позор только подстегнет его, – сказала она, – теперь в это крыло не забежать и заплутавшему насекомому. Хавату будет стыдно, что...

– Надо принять собственные меры, – ответил Пол.

– Хават с честью служил трем поколениям Атрейдесов, – возразила она. – Он заслуживает всяческого уважения и доверия... во много раз большего, чем мы способны ему оказать...

Пол произнес:

– Ты не замечала, когда отцу не по нраву какой-нибудь твой поступок, он произносит два слова – Бинэ Гессерит – так, словно это ругательство?

– И что же во мне раздражает твоего отца?

– Это бывает, когда ты с ним споришь.

– Но ты же не отец, Пол!

«Она станет волноваться, – подумал Пол, – но я обязан передать ей слова Мейпс о предателе в наших рядах».

– Ты о чем-то умалчиваешь, – сказала Джессика. – Пол, на тебя это не похоже.

Он пожал плечами и пересказал весь разговор с Мейпс.

А Джессика думала о тайном послании, выколоте точками на листе. Внезапно решившись, она показала лист и рассказала все Полу.

– Следует немедленно объявить все отцу, – проговорил он. – Я передам ему кодированное сообщение.

– Нет, – ответила она, – подожди, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

– Значит, по-твоему, доверять нельзя никому?

– Есть ведь и такая возможность, – произнесла она. – Письмо специально подготовили, чтобы оно попало к нам на глаза. Та, что

передала его, могла искренне верить в свои слова, но может быть, вся цель и заключается именно в том, чтобы отвлечь нас подозрением.

Лицо Пола оставалось невозмутимым.

– Чтобы посеять взаимные подозрения и недоверие в наших рядах и этим ослабить нас, – произнес он.

– Ты должен рассказать все отцу с глазу на глаз и напомнить ему и об этой стороне дела, – сказала она.

– Понимаю.

Она повернулась к высокому обзорному окну из фильтрстекла и поглядела на юго-восток: там в утесы опускался позолоченный шар – солнце Арракиса.

Пол обернулся следом за нею:

– Я все же не думаю, что это Хават, скорее всего, предатель – Юэ.

– Он не лейтенант, не компаньон, – ответила она. – И я могу заверить тебя, что Харконненов он ненавидит лютой ненавистью.

Пол перевел глаза на скалы и подумал: «Это и не Гарни... и не Дункан. Кто-нибудь из сублейтенантов? Невозможно. Все они происходят из семей, бывших верными нам многие поколения... и у всех на то были причины».

Джессика потеряла лоб, почувствовав усталость. Кругом одни опасности! Она перевела изучающий взгляд на золотистый от фильтрстекла ландшафт. За землями герцогского дворца простирался склад специй, окруженный высоким забором, – ряды подземных колодцев-резервуаров, а вокруг них – сторожевые башенки-треноги, напоминавшие озадаченных пауков.

К скалам Барьера уходило по крайней мере двадцать подземных хранилищ, и все они ничем не отличались друг от друга.

Солнце за фильтрстеклом медленно опустилось за линию горизонта. Блеснули первые звезды. Одна яркая звезда висела совсем низко и все моргала четко и точно: блинк-блинк-блинк-блинк-блинк.

Пол шевельнулся в полумраке.

Но Джессика не отрывала глаз от этой одиночной яркой звезды, вдруг осознав, что та висит слишком низко, ниже вершин утесов.

– Кто-то сигналиит!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был ей неизвестен.

На равнине ниже утесов загорелись и прочие огоньки – желтые точки в синей мгле. И только один огонь слева становился вся ярче и

вдруг начал мигать, отвечая сигналу с утесов... очень быстрые вспышки следовали друг за другом.

Внезапно он погас.

Искусственная звезда на утесе тоже сразу же погасла.

Сигналят... ох, не случайны эти предчувствия...

«Зачем кому-то светом переговариваться через котловину? – спросила она себя. – Разве нельзя связаться через коммуникационную сеть?»

Ответ был очевиден: любые переговоры через сеть будут подслушаны агентами герцога Лето. И световые сигналы означали одно: переговаривались враги, агенты Харконненов.

А потом в дверь за спиной постучали, и голос того же офицера Хавата произнес: «Все спокойно, сэр... миледи. Юному господину пора к отцу».

Говорят, что герцог Лето сам слепо шагнул навстречу опасности Арракиса и сам, забыв об осторожности, ступил в ловушку. А не правильнее ли будет предположить, что он настолько долго жил среди окружавших его грозных опасностей, что не заметил стремительный рост их числа? Можно предположить и то, что он сознательно пожертвовал собой ради будущего счастья сына. Достоверно нам известно лишь то, что герцог не был простаком.

Принцесса Ирулан. «Семья Муад'Диб»

Герцог Лето Атрейдес оперся на парапет навигационной башни посадочного поля вблизи Арракиса. Первая луна овальной серебряной монеткой уже повисла невысоко над южным горизонтом. Сухая глазурь иззубренных утесов Барьера поблескивала под нею в пыльной дымке. Налево, в тумане, светились огни Арракина – желтые... белые... голубые.

Лето подумал о своих объявлениях, развешанных во всех людных местах этой планеты, – каждое с его подписью: «Наш высочайший Падишах-Император повелел мне принять правление этой планетой и прекратить все раздоры».

От ритуальности самой процедуры ему стало особенно одиноко. Кого могут обмануть пустые формальности? Конечно, уж не Вольный народ. И не Малые Дома, контролирующие внутренний рынок Арракиса... все они почти до единого – люди, преданные Харконненам.

Они попытались взять жизнь моего сына!

С яростью было трудно совладать.

Он видел огоньки: какой-то наземный транспортер катил к посадочному полю из Арракина. Он надеялся, что это – бронемашина с охраной и что на ней привезли Пола. Задержка раздражала, пусть даже она, как сообщил лейтенант Хавата, вызвана осторожностью.

Они попытались взять жизнь моего сына!

Герцог потряс головой, чтобы отогнать гнев, и глянул обратно на поле, по периметру которого монолитными башнями высились пять его собственных фрегатов.

Лучше промедлить из осторожности, чем...

«Этот лейтенант хорошо справляется с делами, – напомнил он себе. – Намечен к повышению, полностью предан».

Наш высочайший Падишах-Император...

Если бы только жители этого захолустного городишка могли увидеть записку, адресованную Императором своему благородному герцогу, прочесть ее презрительные завуалированные выпады против мужчин и женщин в конденскостюмах: «...чего же еще ожидать от варваров, мечтающих всем сердцем лишь об одном – жить вне жесткой безопасности кастовой системы фюфрелх?».

В этот момент герцогу казалось, что и сам он всю жизнь мечтал только о том, чтобы уничтожить все классовые различия, их гибельный опостылевший порядок. Из окутавшего поле облака пыли он глянул вверх на неподвижные звезды и задумался: «Вокруг одного из этих маленьких огоньков вращается Каладан... Но мне не дано еще раз увидеть родной дом». Тоска по Каладану пронзила его грудь. Ему казалось, что родилась она не в душе его, но что Каладан вдруг сам

потянулся к нему. Даже в мыслях не мог он назвать выжженную пустыню Арракиса своим домом, когда думал о будущем.

«Следует скрывать свои чувства, – думал он. – Ради мальчика. Его дом будет здесь. Сам я могу считать Арракис адом, куда меня ввергли перед кончиной, но он должен отыскать здесь источник вдохновения. Непременно».

Волна жалости к самому себе, впрочем, немедленно с презрением подавленная, охватила его, почему-то ему вдруг припомнилась пара строчек из стихотворения, которое часто повторял Гарни Холлик:

Грудь мою наполняет аромат времени,
А ветер уносит песок вдаль...

«Ну, ветер не унесет здесь песок от Гарни», – подумал герцог. За посеребренными луной скалами тянулись бесконечные пустыни – голые скалы, дюны, пыльные сухие пустоши, иногда даже не нанесенные на карты. По окраинам их – а возможно, и внутри – прятались поселения фрименов. Если кто-нибудь мог еще обеспечить будущее Дома Атрейдесов, то только они – Вольный народ.

Разве что Харконнены ухитрились уже отравить даже людей пустыни своими ядовитыми кознями.

Они попытались взять жизнь моего сына!

Скрежет металла сотряс башню, дрогнул и парашют под руками. Перед ним упали боевые ставни, закрывая обзор.

«Челнок идет на посадку, – подумал он. – Пора спускаться к людям и браться за работу». Он обернулся, направился к лестнице, спустился в большой зал для пассажиров, пытаясь по дороге изобразить на лице спокойствие и подготовиться к встрече с людьми.

Они попытались взять жизнь моего сына...

Люди с поля уже вваливались внутрь, когда он наконец добрался до комнаты с желтым потолком. Все тащили сумки через плечо, орали и балагурили, как студенты, возвращающиеся с каникул.

– Эй! Чувствуешь, что-то ходить жестковато?

– Это называется гравитацией, старина.

– Сколько «же» в этом местечке? Как-то тяжело!

– Ноль девять по справочнику.

Словесная перепалка охватила всю комнату.

– А ты хорошо разглядел сверху эту дыру? Где же здесь наша добыча?

– Харконнены забрали! Лично я – в душ, а потом сразу в постельку.

– Разве ты не слыхал, дурень? Забудь про душ, набери-ка песка и три свою паршивую задницу.

– Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог вступил с лестницы во внезапно притихшую комнату.

Гарни Холлик вышел навстречу ему из толпы. На одном плече – сумка, в другой руке – гриф девятиструнного бализета. Его длинные пальцы и инструмент всегда наготове – на тот случай, если герцог вдруг пожелает услышать пленительное пение бализета.

Герцог глядел на Холлика, не скрывая восхищения грузным уродцем, этим талантливым дикарем. Человек этот жил вне системы фOFFрелах, хотя повиновался каждому ее предписанию. Светлые волосы Холлика прикрывали залысины на лбу. Рот сложился в приятную усмешку. Кривой шрам на щеке, казалось, ожил и зазмеился по собственной воле. Браво и с готовностью он подошел к герцогу и поклонился.

– Гарни, – сказал герцог.

– Милорд, – он махнул бализетом в сторону остальных, – это последняя группа. Я предпочел бы, конечно, явиться с первой волной, но...

– Ну, Харконненов тебе хватит, – произнес герцог. – Отойдем в сторону, Гарни, надо поговорить.

– Повинуюсь, милорд.

Они отошли к нише рядом с торгующим водой автоматом, люди в комнате беспокойно зашевелились. Не выпуская из рук бализет, Холлик бросил сумку в угол.

– Сколько человек ты можешь выделить Хавату? – спросил герцог.

– У Сафира неприятности, сир?

– Он потерял двоих, но его авангард полностью раскрыл тактическую сеть Харконненов. Надо поторопиться, чтобы обезопасить себя, получить необходимую передышку. Он примет столько людей, сколько ты сможешь ему дать... мужчин, которые не боятся поработать ножами.

– Я могу выделить три отборные сотни, – ответил Холлик. – Куда их прислать?

– К главным воротам. Там их ждет человек Хавата.

– Их следует отправить немедленно, сир?

– Сейчас же. Есть еще одно дело. Комендант посадочного поля под каким-нибудь предлогом задержит челнок до рассвета. Доставивший нас сюда лайнер Гильдии отправляется дальше. И челнок должен переправить на грузовой корабль партию специ.

– Нашей специ, милорд?

– Нашей. Заодно на челноке покинут планету охотники за специей, верные старому режиму. Они решили уехать при смене фэйфа, и судья перемены не возражает. Это ценные работники, Гарни, их приблизительно восемь сотен. Прежде чем челнок улетит, ты должен, по возможности, уговорить их остаться!

– Какими методами убеждать, сир?

– Я хочу их сознательного содействия, Гарни. У них опыт и мастерство, которых нет у нас. Они уезжают, а это значит, что эти люди не из войск Харконненов. Хават считает, что между ними порядочно дряни, но ведь ему мерещатся ассасины в каждой тени.

– Сафиру случалось в свое время обнаруживать тени, так и кишащие ими.

– Случалось и пропускать их. Но я думаю, что пристраивать агентов и в отъезжающую группу слишком уж изобретательно для Харконненов.

– Безусловно, сир. Где эти люди?

– Внизу, в зале ожидания. Думаю, тебе стоит спуститься к ним, сыграть для начала пару мелодий, чтобы умягчить души. А потом хорошенько нажми на них, можешь предлагать остающимся руководящие должности, заработок – на двадцать процентов больше, чем при Харконненах.

– Не мало ли, сир? Насколько я знаю, в этом Харконнены не скупилась. А для мужчин с подъемными в кармане и жаждой странствий в крови... ну, сир, двадцати процентов может оказаться мало.

Лето нетерпеливо проговорил:

– Можешь поступать в некоторых случаях по собственному разумению. Только помни, что моя казна не бездонна. Старайся, где

возможно, ограничиться двадцатью процентами. В особенности нам нужны водители добывающих комбайнов, дюннеры, метеосканеры – вообще люди с опытом работы в открытых песках.

– Понимаю, сир. *«Ведь он идет для грабежа; устремив лице свое вперед, он забирает пленников, как песок».*

– Приятно слышать, – отвечал герцог. – Передай своих людей лейтенанту. Коротко проинструктируй его о водной дисциплине и уложи людей спать в бараках у посадочного поля. Персонал поля укажет. И не забудь выделить людей для Хавата.

– Три мои лучшие сотни, сир, – он подобрал космическую сумку, – где мне найти вас, чтобы доложить о выполнении?

– Я занял здесь наверху комнату совета. Там у нас штаб. Я хочу установить новый порядок движения на планете; впереди обязательно должна находиться бронегруппа.

Холлик замер, не завершив движения, и обернулся, чтобы заглянуть Лето в глаза.

– Уже дошло и до этого, сир? Но ведь здесь же судья перемены?

– Теперь, кроме тайных, я жду явных битв, – ответил герцог. – Без кровопролития нам здесь не укрепиться.

– *«...и вода, взятая из реки, сделается кровью на суше»*, – вновь процитировал Холлик.

Герцог вздохнул:

– Поскорее возвращайся, Гарни.

– Великолепно, милорд, – шрам дернулся в улыбке. – *«Как дикий осел в пустыне, выхожу на дело свое».*

Он повернулся, возвратился на середину комнаты, постоял немного, отдавая приказы, и заспешил куда-то, раздвигая толпу.

Глядя на его удаляющуюся спину, Лето покачал головой. Холлик... просто удивительно... в голове вечно песни, цитаты, цветистые фразы... а сердце – сердце ассасина, когда приходит пора расплачиваться с Харконненами.

Потом Лето, не торопясь, наискосок направился через комнату к лифту, небрежным движением руки отвечая на приветствия. Заметив офицера из корпуса пропаганды, остановил его, чтобы отдать распоряжение, которое следовало немедленно распространить по каналам связи. Все, кто брал с собой своих женщин, должны узнать,

где их найти и что они в безопасности. Остальных следовало оповестить о том, что женщин хватает и на этой планете.

Герцог похлопал пропагандиста по руке – это значило, что сообщение относится к числу самых важных и его следует передать немедленно, – и направился далее. Он благосклонно кивал своим людям, улыбался, даже обменялся любезностями с одним из субалтернов.

«Командир должен всегда казаться уверенным, – подумал он. – А вся эта правда – она только для твоих плеч... раз уж тебя угораздило взять на себя ответственность, никогда не показывай ее тяжести».

Войдя в кабинку лифта, герцог облегченно вздохнул. Перед ним были не лица – дверь.

Они попытались взять жизнь моего сына.

На арке посадочного поля в Арракине грубым, словно бы тупым инструментом выбита надпись, Муад'Диб часто повторял ее. Она попалась ему на глаза в ту самую первую ночь на Арракисе, когда его эскортировали на первое общее заседание штаба отца. В словах подписи была просьба, обращенная к покидающим Арракис, и мрачной тяжестью легла она на душу мальчика, только что избежавшего смерти. Она гласила: «Вы, знающие, как мы страдаем здесь, помяните нас в своих молитвах».

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

– Вся теория войны основана на расчете и риске, – проговорил герцог, – но если дело доходит до того, что приходится рисковать собственной семьей, элемент расчета поглощается... другими соображениями.

Он чувствовал, что в гневе вот-вот потеряет самообладание, а потому встал и прошелся вдоль длинного стола и обратно.

Вдвоем с Полом они находились в отведенном для совещаний и скудно обставленном зале космопорта: длинный стол окружали старомодные трехногие стулья, проектор и карта на стене располагались у одного из торцов помещения. Пол сидел у стола рядом с картой. Он только что рассказал отцу обо всей истории с искателем-охотником, передал и сообщение об угрозе предательства.

Герцог остановился перед Полом чуть поодаль и стукнул кулаком по столу:

– А Хават утверждал, что дом безопасен!

Пол нерешительно промолвил:

– Я тоже сперва было рассердился. И обвинил Хавата. Но опасность исходила не из дома. Все было задумано просто, умно и весьма практично. И попытка удалась бы, если бы не та подготовка, которую я получал и от тебя, и от многих, в том числе и от Хавата.

– Ты защищаешь его? – спросил герцог недовольным тоном.

– Да.

– Он стареет. Вот так. И он мог бы...

– Он умудрен опытом, – возразил Пол, – какие еще ошибки Хавата ты можешь припомнить?

– Это я должен защищать его, – ответил герцог, – а не ты.

Пол улыбнулся.

Лето сел во главе стола и положил руку на ладонь сына.

– Ты... повзрослел за эти дни, сын. – Он отнял руку. – Это меня радует. – И улыбнулся в ответ сыну. – Хават сам накажет себя: нам даже вместе не удастся наказать его в той же мере.

Пол глянул в ночную тьму за потемневшим окном у карты. Свет из комнаты отражался снаружи на перилах балкона. Там шевельнулась фигура – он различил форму Атрейдесов на часовом. Пол перевел взгляд на белую стену за спиной отца, потом на блестящую поверхность стола, на которой лежали его сжатые кулаки.

Дверь напротив герцога с шумом распахнулась. Вошел Сафир Хават, казавшийся куда более старым и морщинистым, чем обычно. Пройдя вдоль стола, он замер навывтяжку перед Лето.

– Милорд, – начал он, глядя в точку, расположенную где-то над головой Лето. – Я только что узнал, как подвел вас. Я обязан просить отст...

– Садись и не валяй дурака, – сказал герцог. Он махнул в сторону кресла перед Полем. – Если ты и допустил ошибку, то лишь переоценив Харконненов. Плоские умы – плоские замыслы. Мы не рассчитывали на простоту. А мой сын весьма усердно объяснял мне, что сумел выжить лишь благодаря твоим урокам. Уж в этом промаха не было. Садись, говорю!

Хават сел в кресло:

– Но...

– Я не желаю более слышать об этом, – сказал герцог. – Инцидент исчерпан. У нас есть куда более насущные дела. Где остальные?

– Я просил их подождать снаружи, пока...

– Позови их.

Хават заглянул Лето в глаза:

– Сир, но...

– Я знаю, кто мне истинный друг, Сафир, – сказал герцог. – Гарни, зови людей.

Хават судорожно сглотнул.

Холлик впустил в комнату офицеров, они входили друг за другом: серьезные мрачноватые штабисты, исполненные усердия помощники их и специалисты. Люди рассаживались, в комнате застучали стулья. У стола слабо запахло рэчемом – легким стимулятором.

– Для желающих есть кофе, – сказал герцог. Он глянул на своих людей – неплохие ребята, в такого рода войне работать эффективнее трудно. Он подождал, пока из соседней комнаты внесли и подали кофе. На некоторых лицах была заметна усталость.

Наконец, с привычной маской спокойствия и уверенности на лице, он встал и, постучав костяшками пальцев по столу, потребовал внимания.

– Итак, джентльмены, – начал он, – похоже, наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку к противоборству, что мы не можем даже выполнить простой приказ Императора, не передравшись по старинке.

Вокруг стола сухо засмеялись, и Пол почувствовал, что отец его сказал именно то, что следовало сказать, и именно тем тоном, которым можно было бы приободрить этих людей. Даже тень усталости, проскользнувшая в этих словах, была на своем месте.

– Мне кажется, в первую очередь нам следует знать, может ли Сафир что-нибудь добавить к своему сообщению о Вольном народе, – сказал Герцог. – Сафир?

Хават глянул вверх:

– После доклада мне пришлось заниматься в основном кое-какими экономическими проблемами, сир, но я могу сказать, что все больше и больше вижу теперь во фрименах союзников, которых нам так не хватает. Они пока выжидают, чтобы понять, можно ли нам доверять, но против нас они зла не таят. От них мы получили подарки – сделанные в ситчах конденкостюмы, карты некоторых участков вокруг укреплений, которые оставили Харконнены... – Он взглянул на стол. – Полученные от них разведывательные данные оказались абсолютно достоверными и помогли нам во взаимоотношениях с судьей перемены. Прислали и еще кое-какие безделицы: драгоценности для леди Джессики, специю, бальзам, сладости, лекарства. Мои люди сейчас обрабатывают подарки. Пока никаких фокусов не обнаружено.

– Тебе нравятся эти люди, Сафир? – спросил человек, сидевший в дальнем конце стола.

Хават повернулся лицом к спросившему:

– Дункан Айдахо утверждает, что ими можно восхищаться.

Пол перевел взгляд на отца, потом на Хавата и отважился спросить:

– Нет ли новой информации о полной численности Вольного народа?

Хават глянул на Пола:

– По пищевым отбросам и прочим свидетельствам Айдахо заключил, что пещерный комплекс, в котором он побывал, укрывает до десяти тысяч человек. Их предводитель сказал, что правит ситчем в две тысячи очагов. Есть причины предполагать, что таких сообществ у них много. Похоже, все подчиняются человеку по имени Лайет.

– Это что-то новое.

– Здесь я пока могу ошибаться, сир. Кое-что указывает на то, что этот Лайет может оказаться и туземным божеством.

Другой человек, сидевший поодаль, тоже прочистил горло и спросил:

– Они точно имеют дела с контрабандистами?

– Караван контрабандистов с приличным грузом специи выступил из ситча в присутствии Айдахо. У них были вьючные животные, в караване говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

– Мне кажется, – сказал герцог, – что контрабандисты удвоили свою активность во время смуты. Это следует тщательно обдумать. Не следует придавать большого значения фрегатам, без лицензии взлетающим с нашей планеты в космос, – это происходит повсюду. Но когда они полностью избегают нашего наблюдения – это нехорошо.

– У вас уже есть свои соображения, сир? – спросил Хават.

Герцог поглядел на Холлика:

– Гарни, я хочу, чтобы ты возглавил делегацию, – посольство, если хочешь, – к этим романтикам от бизнеса. Сообщи им, что, пока они будут платить мне герцогскую долю, я буду смотреть сквозь пальцы на их операции. По оценке Хавата, подкупы и боевики, обеспечивающие их деятельность, пока обходились им раза в четыре дороже.

– Что, если об этом проведаст Император? – спросил Холлик. – Он весьма ревниво относится к своим выгодам от КАНИКТ, милорд.

Лето улыбнулся:

– Всю герцогскую долю мы открыто поместим в банк на имя Шаддама IV и законно вычтем ее из затрат на вспомогательные войска. И пусть Харконнены оспорят это! Заодно мы разорим и горсточку местных жителей, жиревших под рукой Харконненов. Никаких взяток отныне!

Ухмылка искривила лицо Холлика:

– Ах-х, милорд, превосходный удар ниже пояса! Хотелось бы видеть лицо барона, когда он узнает об этом.

Герцог обернулся к Хавату:

– Сафир, ты скупил все счетные книги, которые тебе предлагали?

– Да, милорд. Сейчас их изучают в мельчайших подробностях. Я проглядел их и могу выдать результаты в первом приближении.

– Слушаю.

– За каждые триста тридцать стандартных дней Харконнены выручали отсюда десять миллиардов соляриев.

Глухой удивленный вздох обежал стол. Даже младшие помощники, уже начинавшие скучать, выпрямились и обменялись

удивленными взглядами.

Холлик пробормотал:

– «...ибо они питаются богатством моря и сокровищами, сокрытыми в песке».

– Джентльмены, вам теперь ясно, – сказал Лето, – что не следует наивно предполагать, будто Харконнены спокойно упаковались и отбыли отсюда просто потому, что так приказал Император.

Выражая согласие, все закивали головами и забормотали.

– Все вокруг придется завоевывать острием меча, – сказал Лето. Он обернулся к Хавату: – Хорошо бы услышать про оборудование. Сколько песчаных краулеров, уборочных машин, комбайнов-фабрик и вспомогательного оборудования они оставили нам?

– Полностью все количество, положенное по императорскому инвентаризационному списку, оглашенному судьей перемены, милорд, – ответил Хават. Следуя движению руки, помощник передал ему папку с бумагами, открытую в нужном месте. – Не упомянуто судьей было лишь то, что в рабочем состоянии находится менее половины краулеров, что лишь треть из них имеет каргоны для доставки к месторождениям специи в пески... и что все, оставленное нам Харконненами, вот-вот развалится на части. Хорошо, если нам удастся привести в действие хотя бы половину оборудования и если за шесть месяцев хотя бы четверть его останется в рабочем состоянии.

– Другого мы и не ожидали, – сказал Лето. – Итак, сколько именно единиц основного оборудования?

Хават заглянул в папку:

– Через несколько дней можно будет выставить около девятист тридцати комбайнов-фабрик. И около шести тысяч двухсот пятидесяти орнитоптеров для разведки, посыльной службы и метеосканирования... Каргонов – немногим менее тысячи.

Холлик спросил:

– А не лучше ли возобновить переговоры с Гильдией и добиться разрешения вывести на орбиту фрегат в качестве метеорологического спутника?

Герцог глянул на Хавата:

– Ничего нового по этому вопросу, а, Сафир?

– Следует попытаться действовать иным путем, – сказал Хават. – Агент Гильдии даже не начинал переговоров. Он просто дал понять,

как ментат ментату, что цена нам не по карману и останется таковой, на какой срок мы ни хотели бы заключить контракт. И прежде чем вновь начинать переговоры, следует выяснить причины этого.

Один из адъютантов Холлика пошевелился в кресле и буркнул:

– Разве это справедливо?

– Справедливо? – посмотрел на него герцог. – Кто просит справедливости? Мы сами должны установить ее. И мы добьемся справедливости на Арракисе... или умрем. Быть может, вы жалеете о том, что связали свою судьбу с нашей, сэр?

Человек не мигая глядел на герцога:

– Нет, сир, вы хотите подчинить себе богатейший источник дохода во всей Вселенной... Мне не остается ничего иного, как следовать за вами. Простите мне эту вспышку. Но... – Он повел плечами. – Иногда все мы чувствуем горечь.

– Горечь, я понимаю, – согласился герцог, – но давайте не взывать более к справедливости, пока у нас еще есть руки и воля их использовать. У кого еще скопилась горечь? Если она есть, дайте ей волю сейчас, на совете друзей, где каждый может высказать, что у него на сердце.

Холлик шевельнулся и сказал:

– Меня смущает, сир, что среди нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они лишь направляют послания Лето Справедливому и клянутся в вечной дружбе, ведь это им ничего не стоит.

– Они еще просто не поняли, кто победит в этой схватке, – ответил герцог. – Большинство Домов обрюзгли и не решаются на риск. Их нельзя винить в этом, их можно лишь презирать. – Он поглядел на Хавата. – Мы говорили об оборудовании. Ты не можешь показать примеры и познакомить людей с машинами?

Хават кивнул, помахал подчиненному у солидо-проектора.

На поверхности стола в ближней к герцогу половине появилась солидо – трехмерная проекция. Кое-кто в дальней части стола поднялся, чтобы лучше разглядеть ее.

Не спуская глаз с машины, Пол наклонился вперед.

Судя по крохотным фигуркам людей рядом с ней, эта штука была около ста двадцати метров длиной и сорока метров шириной. И в общем напоминала жука, поставленного на широкие гусеницы.

– Уборочная фабрика, – начал Хават. – Для этого снимка мы выбрали комбайн получше. Одна из трех драг, которые были введены в строй первой группой экологов Империи, и она еще на ходу... но как это возможно и почему – я не знаю.

– Если это та, которую они зовут «Старой Марией», – она из музея, – сказал помощник. – Я думаю, Харконнены держали ее как наказание, угрозу для работников. Веди себя хорошо, или сошлем на «Старую Марию».

Вокруг стола засмеялись.

Пол не отвлекался на смех. Внимание его было отдано солидопроекции и вопросу, который вертелся у него в голове. Указав на изображение на столе, он спросил:

– Сафир, неужели есть такие черви, которые способны проглотить эту машину?

За столом воцарилось молчание. Герцог выругался про себя, но подумал: «Он прав, они должны все хорошенько представить».

– В глубокой пустыне есть черви, которые могут проглотить машину одним глотком, – сказал Хават, – а поближе к Барьеру, где в основном добывается специя, хватает таких, которые могут сперва раздавить ее, а потом на досуге сожрать.

– А разве нельзя применить щиты? – спросил Пол.

– По свидетельству Айдахо, – сказал Хават, – использовать щиты в пустыне опасно. Даже индивидуальный щит моментально созовет всех червей в округе за несколько десятков километров. Излучение щитов приводит червей в смертельную ярость. Так нам объяснили фримены, и причин сомневаться в их правдивости у нас нет. Во всем ситче Айдахо не заметил ни одного щита.

– В самом деле? – переспросил Пол.

– Если бы ими пользовались несколько тысяч человек, все щиты не спрятали бы, – ответил Хават. – Передвижения Айдахо по ситчу не ограничивали. И он не видел ни щитов, ни признаков их использования.

– Да, загадка, – протянул герцог.

– А вот Харконнены здесь использовали уйму щитов, – сказал Хават, – ремонтные мастерские есть в каждом гарнизонном городке, и документация свидетельствует о крупных расходах на починку и запчасти.

– А способа обнуления щитов Вольный народ не создал? – спросил Пол.

– Непохоже, – ответил Хават. – Теоретически это, правда, возможно... Статический контрзаряд величиной с большой город должен бы дать нужный эффект, но пока никто не пробовал проверить опытным путем.

– И мы бы уже услышали об этом, – сказал Холлик. – Контрабандисты отлично знакомы с фрименами и немедленно обзавелись бы подобным устройством, если бы оно существовало. А уж им-то просто некому помешать увезти любой прибор с планеты.

– Не люблю, когда столь важные вопросы остаются без ответа, – сказал Лето. – Сафир, я хочу, чтобы ты уделил внимание в первую очередь разрешению этого вопроса.

– Мы уже работаем, милорд. – Он откашлялся. – Ах да, Айдахо сказал и еще кое-что. Он говорил, что насчет отношения фрименов к щитам невозможно ошибиться: те их просто-напросто забавляют.

Хмурясь, герцог напомнил:

– Речь сейчас идет о добывающем оборудовании.

Солидоизображение комбайна-фабрики сменилось изображением крылатой машины, рядом с которой человеческие фигуры казались гномами.

– Это каргон, – пояснил Хават, – очень большой топтер, единственная обязанность которого – доставлять фабрику в богатые специей пески и забирать ее оттуда, когда появляется червь. А они приходят всегда. Вкратце процесс сбора специи выглядит так: ныряешь в пески и выныриваешь, ухватив побольше.

– Великолепно соответствует морали Харконненов, – сказал герцог.

Резкий общий смешок был, пожалуй, слишком громок.

В фокусе проектора каргон сменился орнитоптером.

– Эти топтеры мало чем отличаются от обычных. Основные конструктивные изменения позволяют увеличить радиус действия. Усилена защита от песка и пыли самых важных частей конструкции. Щитом снабжен разве что один из тридцати... быть может, это делается для увеличения дальности.

– Не нравится мне это отсутствие щитов, – проворчал герцог и подумал: «Не в этом ли секрет Харконненов? Нам не спастись и на

щитоносном фрегате, если все обернется против нас». Чтобы отогнать эти мысли, он тряхнул головой и сказал: – Ближе к делу. Какой доход можно ожидать?

Хават перевернул две страницы в записной книжке.

– Оценив стоимость ремонта и количество функционирующего оборудования, мы определили эксплуатационные расходы. Естественно, для страховки мы приняли минимальный уровень. – Он зажмурил глаза и в полутрансе ментата произнес: – При Харконненах на обслуживание и заработную плату шло не более четырнадцати процентов дохода. Хорошо, если нам для начала удастся ограничиться тридцатью процентами. С учетом повторных инвестиций и их роста, а также доли КАНИКТ и военных расходов, наша прибыль составит шесть-семь процентов, пока мы не сумеем заменить изношенное оборудование. Тогда прибыль возрастет, и ее можно будет поддерживать на уровне двенадцати-четырнадцати процентов. – Он открыл глаза. – Если только мой господин не желает обратиться к методам Харконненов.

– Нам нужна прочная и постоянная планетарная база, – сказал герцог, – а для этого следует обеспечить счастье большой доли населения, в особенности Вольного народа.

– В первую очередь Вольного народа, – согласился Хават.

– Наша власть на Каладане основывалась на морских и воздушных силах. Здесь нам придется создавать, так сказать, пустынные силы. Возможно, воздушные войдут в их состав, но не исключено, что этого не случится. Я хочу, чтобы вы обратили внимание на отсутствие щитов на их топтерах. – Он покачал головой. – Харконнены надеялись, что мы используем на планете в основном их людей. На это трудно решиться. В каждой новой группе окажутся их агенты.

– Тогда придется примириться с куда меньшими доходами и уменьшением сбора, – сказал Хават. – В первые два сезона величина его составит не более трети от средней величины при Харконненах.

– Вот-вот, – сказал герцог. – Именно этого мы и ожидали. Придется поторопиться с Вольным народом. До первого слушания в КАНИКТ я хочу иметь пять полных батальонов из одних фрименов.

– Времени, сир, на это немного, – сказал Хават.

– У нас вообще мало времени, как ты знаешь. Барон при первой же возможности вернется сюда, прихватив переодетых в свою форму сардаукаров. Сколько войска они могут использовать?

– По всей видимости, четыре-пять батальонов. Едва ли больше при ценах, которые теперь заламывает Гильдия.

– Тогда пять батальонов фрименов с учетом наших собственных сил должно хватить. Если удастся предъявить Совету Ландсраада горсточку пленных сардаукаров, победа останется за нами, насколько бы ни уменьшилась прибыль.

– Постараемся, сир.

Пол поглядел на отца, потом на Хавата, вдруг подумав о том, как стар ментат, ведь старик служил трем поколениям Атрейдесов... Карие глаза нездорово поблескивали, щеки растрескались и побагровели под дыханием бурь многих миров... согбенные плечи, на тонких губах клюквенное пятно сока сафо.

«Сколько же зависит от этого старика!» – подумал Пол.

– В данный момент мы ведем войну ассасинов, – сказал герцог, – она еще не развернулась вовсю. Сафир, в каком состоянии сейчас военная машина барона?

– Мы выявили двести восемьдесят пять ключевых людей Харконнена, осталось не более трех ячеек организации численностью около ста человек.

– Эти креатуры барона, что вы устранили, – спросил герцог, – они – обеспеченные люди?

– Все с положением, милорд, в классе предпринимателей.

– Я хочу, чтобы ты подделал сертификаты альянса с подписями каждого из них, – сказал герцог. – Представьте копии судье перемены. Мы объявим официально, что они остались здесь по фальшивым контрактам. Конфискуйте все их добро, отберите все, выгоните из дома их семьи, разденьте их до нитки. Но чтобы Корона при этом получила свои законные десять процентов. Все должно быть абсолютно легально.

Сафир улыбнулся, за карминовыми, запятнанными семутой губами мелькнули красные зубы:

– Такой ход достоин вашего деда, милорд. К моему стыду, я его не предусмотрел.

Холлик удивленно нахмурился, лицо Пола выражало глубокую печаль и несогласие. Остальные улыбались и кивали.

«Чему они радуются? – думал Пол. – Это заставит остальных сопротивляться отчаяннее, ведь они ничего не выгадают от капитуляции».

Он знал, что по Конвенции в канли нет ограничений, но такой ход мог погубить их, поманив перед этим победой.

– *«Я стал пришельцем в чужой земле»*, – процитировал Холлик.

Пол поглядел на него, узнав слова из О. К. Библии, и удивленно подумал: «Неужели и Гарни недоволен губительным замыслом?»

Герцог поглядел во тьму за окнами, перевел взгляд на Холлика:

– Гарни, скольких дюннеров ты убедил остаться с нами?

– Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. По-моему, придется довольствоваться этим и еще считать, что нам повезло. У всех нужные специальности.

– И только? – герцог закусил губу. – Ну что же, передайте...

Шум у двери помешал ему. Дункан Айдахо протолкался сквозь группу охранников, поспешно вдоль всего стола подошел к герцогу и склонился над его ухом.

Герцог махнул ему:

– Говори громко, Дункан. Сам же видишь, что это стратегический штаб.

Пол внимательно разглядывал Айдахо. Кошачьи движения, быстрота реакции делали его учителя фехтования непревзойденным мастером боя. Загорелое круглое лицо Айдахо было обращено к Полу, но в глубоко сидящих глазах не было и намека на то, что учитель разглядел мальчика. Впрочем, глазам Пола было заметно волнение, скрываемое под маской спокойствия.

Глянув вдоль стола, Айдахо произнес:

– Только что мы перехватили группу наемников Харконнена, переодетых Вольным народом. От фрименов прислали гонца предупредить нас. Атакуя, мы обнаружили, что Харконнены перехватили этого гонца по пути обратно и тяжело ранили. Мы везли его сюда в госпиталь, но он умер. Я видел, насколько он был плох, и остановился по возможности помочь ему. Тогда он попытался выбросить что-то. – Айдахо посмотрел на Лето. – Нож, милорд, да такой, какого мы еще не видели!

– Нож-крис? – переспросил кто-то.

– Вне сомнения, – ответил Айдахо, – молочно-белый и словно светится. – Он засунул руку в тунику и извлек оттуда ножны с торчащей из них черной гребенчатой рукоятью.

– Оставь это лезвие в ножнах! – прогремел пронзительный голос от двери в торце комнаты, все в удивлении поднялись.

Высокая фигура в длинном одеянии выросла в проеме двери за скрещенными мечами охраны. Светло-коричневое одеяние с головы до ног охватывало вошедшего, лишь под капюшоном, над черным лицевым платком, блестели глаза – синие, без белков.

– Пусть войдет, – шепнул Айдахо.

– Пропустите этого человека, – приказал герцог.

Стражи заколебались и нерешительно опустили мечи.

Мужчина широкими шагами подошел к герцогу и остановился.

– Это Стилгар – вождь ситча, где я гостил, предводитель тех, кто предупредил нас о переодетой харконненской шайке.

– Приветствую вас, сэр, – обратился к нему Лето. – Почему же мы не можем обнажить этот клинок?

Поглядев на Айдахо, Стилгар проговорил:

– Ты знаешь, что у нас есть свои правила чести и чистоты. Тебе я мог позволить увидеть лезвие человека, который стал тебе другом. – Он оглядел всех остальных. – Но я не знаю прочих. Их взгляд может осквернить достойное оружие.

– Я герцог Лето, – произнес герцог. – Можно ли взглянуть на этот нож?

– У тебя есть возможность заработать право на это, – сказал Стилгар. Заглушая недовольный ропот вокруг стола, он поднял вверх тонкую руку с выступающими венами. – Напоминаю вам: это клинок вашего друга.

В наступившем молчании Пол поглядел на этого человека, явно источавшего ауру силы. Таков был один из вождей Вольного народа.

Человек, сидевший в центре стола напротив Пола, пробормотал:

– Кто он, чтобы указывать, что нам можно видеть на Арракисе, а что нет?

– Говорят, что герцог Лето правит, считаясь с чувствами подданных, – начал вождь, – поэтому скажу. Среди нас принято считать, что на человека, видевшего чужой крис, падает определенная

ответственность. – Он мрачно глянул на Айдахо. – Ножи наши. Они никогда не покинут Арракис без нашего согласия.

Холлик и еще несколько человек, сердито озираясь, стали подниматься. Холлик начал:

– Это герцог решает...

– Одну минуту, будьте добры, – произнес герцог, сам спокойный тон его разрядил ситуацию. – Конфликта нельзя допускать. – Он обратился к вождю фрименов: – Сэр, я чту и уважаю личное достоинство всякого, кто уважает мое собственное достоинство. Я весьма обязан вам. И я всегда плачу свои долги. Если ваш обычай требует, чтобы нож оставался в ножнах, пусть так и будет... я приказываю. Если есть еще какой-нибудь способ почтить память того, кто умер за нас, назовите – и будет исполнено.

Фримен поглядел на герцога, медленно потянул в сторону лицевой платок, открывая узкий нос и пухлые губы, утонувшие в черной глянцевой бороде. Он медленно нагнулся над полированным столом и плюнул на него.

Вокруг стола стали подниматься, но властный голос Айдахо скомандовал:

– Ни с места!

В наступившей напряженной тишине Айдахо произнес:

– Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар – за воду твоего тела. Мы принимаем ее с тем же чувством, с каким она была дана. – И Айдахо тоже плюнул на стол перед герцогом.

А герцогу тихо шепнул:

– Помните, сир, как драгоценна вода на этой планете. Плевок здесь знак уважения.

Лето осел обратно в кресло, заметил скорбную усмешку на губах сына, ощущая, как успокаиваются вокруг люди, как напряженность уступает место пониманию.

Фримен поглядел на Айдахо и сказал:

– Дункан Айдахо, в моем ситче ты был измерен, и мера твоя – высока. Крепка ли твоя обязанность твоему герцогу?

– Он предлагает мне перейти к нему, сир, – сказал Дункан.

– Быть может, его удовлетворит двойное подданство? – спросил Лето.

– Вы хотите этого, сир?

– Я хочу, чтобы ты сам решил этот вопрос, – ответил Лето, и в его голосе мелькнуло нетерпение.

Айдахо поглядел на фримена:

– Ты согласен на такое условие, Стилгар? Иногда мне придется возвращаться назад, на службу к моему герцогу.

– Ты хороший боец, ты сделал все возможное для нашего друга, – ответил Стилгар. Он поглядел на Лето. – Да будет так: сей муж Айдахо оставляет себе крис в знак своей службы нам. Ему, конечно, придется очиститься, но это не сложно. Пусть он будет солдатом Атрейдесов и человеком из Вольного народа. Такое возможно – и Лайет служит двум господам сразу.

– Ну, Дункан? – спросил Лето.

– Понимаю, сир, – сказал Айдахо.

– Значит, решено, – произнес Лето.

– Дункан Айдахо, вода твоего тела принадлежит теперь нам, – сказал Стилгар, – а тело нашего друга остается герцогу. Его вода теперь связывает нас.

Лето вздохнул и глянул на Хавата, заметив выражение глаз старого ментата. Хават удовлетворенно кивнул.

– Я буду ждать внизу, – сказал Стилгар, – пока Айдахо прощается с друзьями. Нашего покойного друга звали Турók. Вспомните его, когда наступит время его духу освободиться. Вы все друзья Турока.

Стилгар было обернулся.

– А ты не удержишься здесь? – спросил Лето.

Фримен повернулся обратно, привычным жестом прикрыл лицо платком, поправил что-то под одеянием. Прежде чем вуаль скользнула на место, Пол успел заметить у подбородка нечто похожее на тонкую трубку.

– Для этого есть причины?

– Мы воздадим тебе честь, – сказал герцог.

– Честь требует, чтобы я побыстрее оказался вдали отсюда, – ответил фримен. Он еще раз глянул на Айдахо, обернулся и широкими шагами прошел мимо стражи у дверей.

– Если и остальные таковы, мы и Вольный народ будем хорошо служить друг другу.

Айдахо сухо проговорил:

– Сир, они все такие.

– Ты понимаешь, что следует делать, Дункан?

– Я теперь – ваш Посол к Вольному народу, сир?

– Дункан, от тебя много зависит. Нам нужно успеть набрать, по крайней мере, пять батальонов этих людей, пока сардаукары еще не свалились нам на головы.

– Это будет нелегким делом, сир. Вольный народ весьма независим. – Поколебавшись, Айдахо добавил: – Сир, вот еще что. Один из тех наемников, которых нам удалось захватить в плен, пытался снять это лезвие с нашего мертвого друга – фримена. Он говорит, что Харконнены предлагали награду в миллион соляриев любому, кто принесет целый крис.

Подбородок Лето дернулся – движение выдало явное удивление.

– Зачем же им так понадобились эти ножи?

– Их вырезают из зуба песчаного червя, они неотъемлемый знак принадлежности к Вольному народу. С таким ножом человек с полностью синими глазами может попасть в любой ситч. Мне мешало отсутствие такого ножа. Но об этом знали заранее. Сам я не похож на людей из Вольного народа, но...

– Питер де Врие, – сказал герцог.

– Человек дьявольской хитрости, милорд, – заметил Хават.

Айдахо спрятал нож вместе с ножнами под рубаху.

– Береги нож, – сказал герцог.

– Понимаю, милорд. – Он похлопал по висевшему на поясе передатчику. – Сообщу о себе при первой возможности. У Сафира есть код и мои позывные. Используйте боевой язык. – Он отсалютовал, обернулся и поспешил следом за вождем ситча.

Шаги его гулко отдавались по коридору. Лето и Хават глянули друг на друга с пониманием. Оба улыбались.

– Следует еще много сделать, сир, – сказал Холлик.

– А я отрываю вас от работы, – заметил Лето.

– У меня есть еще сообщение об аванбазах, – сказал Хават, – доложить в другой раз, сир?

– Оно долгое?

– Не слишком. Среди фрименов говорят, что во времена Пустынной ботанической испытательной станции здесь, на Арракисе, было построено более двух сотен этих аванбаз. Предположительно,

все они были покинуты, но есть сообщения, что сперва их герметически закупорили.

– Со всем оборудованием? – спросил герцог.

– Так сообщал Дункан.

– И где же эти базы? – поинтересовался Холлик.

– Ответ на этот вопрос неизменно один, – ответил Хават, – Лайет знает.

– Бог знает, – пробормотал Лето.

– Возможно, все не так плохо, сир, – возразил Хават. – Вы слышали, как Стилгар употребил это имя? Словно бы говорил о реально существующем человеке.

– «Служит двум господам сразу», – проговорил Холлик, – как будто цитата из какой-то священной книги.

– Подумай и, без сомнения, вспомнишь.

Холлик усмехнулся.

– А этот судья перемены, – сказал Лето, – императорский эколог Кайнс... ему-то положено знать об этих базах?

– Сир, – предупредил Хават, – Кайнс служит Империи.

– Ну, до Императора далеко, – сказал Лето. – Мне нужны эти базы. Они должны быть набиты всякими материалами, которые мы могли бы использовать для починки рабочего оборудования.

– Сир! – начал было Хават. – Эти базы по закону принадлежат фэйфу его величества.

– Известно, что здесь дикие ветры и непогода могут просто уничтожить что угодно, – сказал герцог. – Этим предлогом легко воспользоваться. Мы всегда можем сослаться на погоду. Свяжись с этим Кайнсом и, по крайней мере, установи, существуют ли аванбазы.

– Занимать их опасно, – сказал Хават. – Дункан ведь уверял, что эти базы, даже сама мысль об их существовании, имеют глубокое значение для фрименов. Мы оттолкнем их, заняв эти базы.

Пол глянул на лица вокруг: все собравшиеся члены штаба сосредоточенно внимали каждому слову – мнение герцога их явно встревожило.

– Послушай его, отец, – тихо сказал Пол. – Он говорит правду.

– Сир, – обратился к нему Хават. – Эти базы могли бы полностью обеспечить нам ремонт оборудования... и все же они вне пределов нашей досягаемости... по стратегическим соображениям. Делать

подобные жесты, не имея точной информации, опрометчиво. Кайнс облечен судебной властью Империи. Этого не следует забывать. А фримены прислушиваются к его мнению.

– Тогда это следует делать осторожно, – сказал герцог, – пока я лишь хочу знать, существуют ли эти базы.

– Как вам угодно, сир. – Холлик сел, опустив глаза.

– Ну ладно, – сказал герцог. – Мы хорошо знаем, какая нас ждет работа. Мы многому научились. У нас есть и некоторый опыт. Мы знаем, что сулит нам успех, понимаем его альтернативу, у всех есть задания... – Он глянул на Холлика. – Гарни, разберись с контрабандистами.

– *«Изыду я к возмущившимся, что обитают в пустынях»*, – нараспев проговорил Холлик.

– Ну, хоть бы раз поймать этого парня нагишом – без цитаты!

Вокруг стола, натужно, как показалось Полу, захихикали.

Герцог обернулся к Хавату:

– Организуй на этом этаже еще один командный пост разведки и связи, Сафир. Когда все будет готово, я хотел бы увидеть тебя.

Хават приподнялся, огляделся, словно пытаясь отыскать поддержку у сидящих. За ним потянулись к выходу остальные. Люди торопились, стучали стульями, в смятении сбивались в группы.

«Все закончилось полной сумятицей», – подумал Пол, глядя в спины уходящим. Раньше заседания штаба всегда проходили и заканчивались в куда более решительном тоне. Нынешнее совещание не закончили, оно завершилось словно само по себе, как бы скончалось от собственных противоречий, чтобы не перейти в общий спор.

Впервые Пол позволил себе подумать о возможности поражения... не из страха, нет... и не опасаясь пророчества Преподобной Матери – просто оценив самостоятельно ситуацию.

«Отец блефует, – подумал он. – Наши дела складываются не лучшим образом».

И Хават... Пол припомнил поведение старого ментата на заседании... еле заметные колебания, явные признаки беспокойства.

Что-то глубоко встревожило Хавата.

– Лучше оставайся-ка здесь до утра, сын, – сказал герцог. – Рассвет уже скоро. Я извещу мать. – Он медленно и скованно поднялся

на ноги. – Можешь составить в ряд несколько стульев и вздремнуть.

– Я не слишком устал, сир.

– Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся расхаживать вдоль стола.

«Как пойманный зверь», – подумал Пол.

– Ты собираешься вместе с Хаватом обдумывать вопрос о предателе? – спросил Пол.

Встав против сына лицом к темным окнам, герцог проговорил:

– Мы столько раз уже обсуждали это.

– Старуха говорила весьма уверенно, – сказал Пол, – да и та записка, которую получила мать...

– Мы предприняли ряд предосторожностей, – сказал герцог, окинув комнату диким затравленным взором. – Оставайся здесь, я хочу поговорить с Сафиром о командных пунктах. – Он повернулся и вышел из комнаты, коротко кивнув страже.

Пол все глядел на место, где только что стоял отец. Оно было пустым... оно было пустым даже тогда, когда герцог еще стоял там. Ему припомнились слова старухи: «...но для отца – ничего».

В тот самый первый день, когда Муад'Диб ехал со своей семьей по улицам Арракина, многие у дороги припоминали пророчества и легенды и осмеливались прокричать: «Махди!» То было не утверждение – вопрос, – тогда они могли только надеяться, что он-то и есть обещанный Лисан аль-Гаиб, Голос Извне. Внимание их было обращено и на мать: все слышали, что она из Бинэ Гессерит, а значит, и сама подобна Лисан аль-Гаибу.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Диб»

Сафир Хават в одиночестве ожидал герцога в угловом помещении, куда его проводил часовой. В соседней комнате шумели: связисты

устанавливали свое оборудование, налаживали его, но здесь было относительно тихо. Пока Хават поднимался из-за заваленного бумагами стола, герцог успел оглядеться. В комнате с зелеными стенами кроме стола было три гравикресла с поспешно споротым вензелем барона, оставившим темное пятно на выгоревшей ткани.

– Кресла проверены и вполне безопасны, – сказал Хават. – А где Пол, сир?

– Я оставил его в конференц-зале. Надеюсь, что он все-таки отдохнет, если я не буду мешать.

Хават кивнул, подошел к двери в смежную комнату и закрыл ее, заглушив треск разрядов и пощелкивание электронных устройств.

– Сафир, – сказал герцог, – меня интересуют запасы специй, собранные Императором и Харконненами.

– Милорд?

Герцог поджал губы:

– Как известно, склады можно разрушить.

Он поднял руку, не давая Хавату возразить:

– Не стоит трогать Императора. Втайне он будет доволен, если у Харконненов возникнут затруднения. Кстати, разве может барон объявить, что погибли запасы, которых, как он уверял, у него не существует?

Хават покачал головой:

– У нас не хватает людей, сир.

– Возьми кое-кого у Айдахо. Быть может, и кто-нибудь из Вольного народа захочет развлечься космическим путешествием. Рейд на Гайеди Прим... Такая диверсия, Сафир, дает ряд тактических преимуществ.

– Как вам будет угодно, милорд.

Хават отвернулся, герцог заметил, что старик взволнован, и подумал: «Быть может, он все еще считает, что я не доверяю ему. Он должен знать, что я уже и так осведомлен о предателе. Лучше... да, лучше развеять его страхи немедленно».

– Сафир, – сказал он, – ты относишься к числу тех немногих, кому я могу полностью доверять. Есть еще одно дело, которое следует обсудить. Ты и сам знаешь, сколько усилий мы оба с тобой прилагаем, чтобы избежать проникновения предателей в войска... Но у меня два новых сообщения.

Хават обернулся и поглядел на него. Лето повторил все, что слышал от Пола.

Но старый ментат не углубился, как следовало ожидать, в расчеты, а только еще более разволновался.

Лето внимательно глядел на него и наконец сказал:

– Ты о чем-то умалчиваешь, старина. Я заметил это уже на заседании штаба – ты волновался. Так что же ты не решился выложить перед всем штабом?

Запятнанные сафо губы Хавата сжались в узкую прямую линию, лишь крошечные морщинки разбегались от них. Почти не шевеля этими губами, он произнес:

– Милорд, я не знаю даже, как и приступить...

– Сафир, мы с тобой получили не по одному шраму друг за друга, – проговорил герцог. – Сам знаешь, что ты можешь говорить мне все.

Хават, не открывая рта, подумал: «Потому-то я и люблю его. Он – человек чести и заслуживает полной преданности, в том числе и моей. Почему именно мне приходится делать ему больно?»

– Ну? – требовательно произнес Лето. Хават пожал плечами:

– К нам попал клочок записки. Мы отобрали его у курьера барона. Записка предназначалась для агента по имени Парди. У нас есть все основания считать, что Парди возглавлял здесь подполье, оставленное Харконненами. А содержание записки... может иметь или громадные последствия, или никаких... Как сложится...

– И что же было в столь важном послании?

– Это просто обрывок записки, милорд. Часть микрофибра с обычной разрушающей капсулой. Мы успели остановить действие кислоты, когда часть записки еще осталась целой. Но текст ее весьма располагает к размышлениям.

– Да?

Хават тронул губу:

– Она гласит: «...ее никогда не заподозрит, а когда удар нанесет ему любимая рука, одного сознания этого будет достаточно для его гибели». Записка была запечатана подлинной печатью барона, я установил это.

– Предмет твоих подозрений очевиден, – проговорил герцог вдруг ставшим ледяным голосом.

– Я бы скорее дал отрубить себе руки, чем согласился бы причинить боль другим, – сказал Хават, – что если...

– Леди Джессика, – сказал Лето, чувствуя, как гнев душит его. – А из этого Парди извлечь какие-нибудь факты вы не смогли?

– К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых, а курьер, естественно, даже понятия не имел о том, что в письме.

– Конечно.

Лето покачал головой: «Что за скверная история! Она не предательница. Нет! Этого не может быть... Я знаю свою женщину».

– Милорд, если...

– Нет! – отрубил герцог. – Ты ошибаешься, и...

– Но мы не можем так просто пренебречь этой запиской, милорд...

– Мы вместе уже шестнадцать лет! И за это время у нее было столько возможностей для... Кстати, ты сам тогда проверял и ее, и школу.

Хават с горечью проговорил:

– Теперь известно, что мои глаза не все видят.

– Говорю тебе, это невозможно. Ведь Харконнены хотят уничтожить сам род Атрейдесов... значит, и Пола. Уже пытались. Разве станет женщина злоумышлять против собственного сына?

– Быть может, она злоумышляет не против сына. И вчерашнее покушение всего лишь ловкий обман...

– Такой обман невозможен.

– Сир, считается, что ей неизвестно собственное происхождение... но что, если на самом деле она его знает? Может быть, она сирота и в этом виноваты Атрейдесы?

– Отомстить мне она могла бы давным-давно. Подсыпать яду в питье, или воткнуть в бок стилет. У кого еще было для этого больше возможностей?

– Но Харконнены хотят погубить вас, милорд, – не просто убить. В канли это разные вещи. Такая месть будет шедевром рядом с прочими.

Плечи герцога поникли. Он закрыл глаза, лицо сразу стало усталым и старым. «Не может быть, – подумал он. – Эта женщина открыла мне все свое сердце».

– Как можно вернее погубить меня, если не посеять в моей душе подозрения к любимой? – спросил он.

– Это объяснение я учел, – сказал Хават. – И все же...

Герцог открыл глаза, поглядел на Хавата и подумал: «Пусть подозревает. Подозревать не мое – его дело. И если будет казаться, что я поверил этой лжи, быть может, выдаст себя кто-то другой».

– Что ты предлагаешь? – прошептал герцог.

– Пока неусыпный надзор, милорд. За ней следует наблюдать постоянно. Я пригляжу, чтобы все было незаметно. Для такого дела идеально подходит Айдахо. В его группе есть молодой человек – мы обучаем его, – который может оказаться идеальным послом к Вольному народу. У него дар дипломата.

– Не следует ставить под угрозу наши связи с фрименами.

– Конечно же, нет, сир.

– А как насчет Пола?

– Быть может, разбудить доктора Юэ?

Лето повернулся спиной к Хавату:

– Оставляю это на твое усмотрение.

– Посмотрю по обстановке, милорд.

«По крайней мере, на него можно рассчитывать», – подумал Лето и произнес:

– Пойду пройдуся. Если я потребуюсь, ищите меня внутри периметра. Охрана может...

– Милорд, пока вы не вышли, я хочу передать вам некую видеоленту. На ней результаты анализа религии Вольного народа в первом приближении. Я исполнил – вы не забыли? – вашу просьбу.

Герцог остановился и проговорил, не поворачивая головы:

– Подождать эта лента не может?

– Безусловно, милорд. Вы спросили тогда, что там кричат. Это было слово «Махди». Им они называли молодого господина. Когда они...

– Называли Пола?

– Да, милорд. Здесь бытует легенда, точнее, пророчество, что однажды они обретут вождя, сына Дочери Гессера, который поведет их к истинной свободе. Обычная легенда о Мессии.

– И они думают, что Пол и есть... этот...

– Всего лишь надеются, милорд. – Хават протянул ему капсулу с видеолентой.

Герцог взял ее и сунул в карман.

– Прогляжу попозже.

– Как вам угодно, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и вышел из комнаты. В зале он повернул направо. И пошел, заложив руки за спину, не слишком обращая внимание на окружающее. Он шел коридорами, поднимался и опускался по лестницам, выходил на балконы... повсюду были люди, молча приветствовавшие его.

Наконец он добрался до конференц-зала. Было темно, и Пол уже спал на столе, прикрытый плащом часового, с воинским ранцем под головой вместо подушки. Герцог прошел по комнате и вышел на нависающий над летным полем балкон. Часовой в углу балкона, заведя в неясном свете посадочных огней герцога, вытянулся.

– Вольно, – пробормотал герцог и оперся о прохладный поручень балкона.

Впадину в пустыне охватила предутренняя тишина. Он глянул вверх. На темно-синей шали неба поблескивали золотые цехины звезд. Склонившись к югу, вторая ночная луна просвечивала сквозь тонкую туманную дымку – ехидный недоверчивый диск, заливающий Лето своим циничным светом.

Пока он глядел, луна спустилась за Барьер, посеребрив голые скалы. И во внезапно сгустившейся тьме его пробрал озноб. Тело затрясла дрожь.

«Я терплю эти козни барона. Харконнены гонят меня, травят, и эта стычка с бароном – последняя! Вечные козни этого Дома, – думал он. – И кто эти людишки? Дерьмо с умишком палача. Все до единого! Здесь я стою! – И печаль коснулась его. – Придется править и оком, и когтем, как ястреб правит птицами». Непроизвольно его рука потянулась к вышитому гербу. На востоке медленно загоралась заря. Сперва небо посерело, звезды незаметно растаяли в перламутровом свете, наконец колокол зари зазвенел над зубчатым горизонтом.

Невиданная красота рассвета захватила его. «Все-таки есть что-то общее в зорях на разных мирах», – подумал он.

Он не мог даже представить себе ничего прекраснее зубчатого багрового горизонта, пурпурных и охряных утесов вокруг. У края

посадочного поля, где слабые капли росы вливали жизнь в торопливые растения Арракиса, он заметил большие клумбы красных цветков, а между ними четкую фиолетовую линию... словно отпечатки чьих-то гигантских шагов.

– Прекрасное утро, сир, – произнес часовой.

– Да, ты прав.

Герцог кивнул, размышляя: «Может быть, мы приживемся. Эта планета еще станет хорошим домом для моего сына...»

А потом он заметил людей, скользнувших в цветочные поля со странными косами – устройствами для собирания росы. Вода на этой планете была так дорога, что здесь туземцы не пренебрегали даже каплей росы.

«... Впрочем, она может оказаться и ужасным местом».

Возможно, самый ужасный момент в жизни – когда ребенок впервые осознает, что его отец тоже человек, сотканный из простой человеческой плоти.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

Герцог произнес:

– Пол, я собираюсь сделать мерзость... Я не хочу этого, но обстоятельства заставляют.

Он стоял возле портативного ядоискателя, доставленного в конференц-зал перед завтраком. Руки-сенсоры устройства застыли над столом, напоминая Полу лапки какого-то странного дохлого жука.

Герцог стоял, обратившись к выходящим на посадочное поле окнам, в утреннем небе клубились облака пыли.

Перед Полом был портативный проектор с коротким фильмом о религиозных обрядах Вольного народа. Составил его кто-то из экспертов Хавата, и Пол невольно смущался, читая печатные комментарии штабиста, относящиеся к нему лично.

«Махди».

«Лисан аль-Гаиб».

Закрыв глаза, он припомнил крики толпы. «Так, значит, вот на что они надеются! – подумал он. – А как называла меня та старуха – Преподобная Мать? Квизац Хадерач». Вызванное воспоминаниями предчувствие ужасной судьбы копошилось в сознании, а странный мир вокруг казался знакомым, но почему – он не мог понять.

– Мерзость, – повторил герцог.

– Что вы хотите сказать, сир?

Лето обернулся и поглядел на сына:

– Харконнены пытаются одурачить меня, они думают, что я поверю в предательство твоей матери. Откуда же им знать, что я скорее перестану верить самому себе?

– Не понимаю, сир.

Лето вновь заглянул в окно, утреннее белое солнце успело уже подняться достаточно высоко. Молочный свет лился на пылевые облака, клубящиеся над глухими каньонами Барьера.

Медленно и тихо, чтобы сдержать гнев, герцог рассказал Полу о таинственной записке.

– С равным основанием ты мог бы не доверять и мне, – сказал Пол.

– Но им должно казаться, что замысел удался, – сказал герцог, – они должны поверить, что я именно такой дурак, каким они хотят меня видеть. Все должно быть убедительно. Нужно, чтобы даже твоя мать не заметила этой хитрости.

– Но почему?

– Твоя мать может выдать себя поступком. О, она способна на благороднейшие жесты... но сейчас решается слишком многое. Я надеюсь, это предатель выдаст себя. Посторонним должно казаться, что я совсем перестал ей доверять. Придется ей претерпеть эту боль, чтобы не пришла бóльшая.

– Почему же тогда ты, отец, рассказываешь это мне? А если проговорюсь я?

– За тобой не будут следить, это бессмысленно, – сказал герцог. – И я уверен, ты будешь молчать. Ты должен. – Он отошел к окну и проговорил, не поворачивая головы: – Вот что, если со мной что-

нибудь случится, ты расскажешь ей правду, что я не сомневался в ней... ни на миг. Я хочу, чтобы она тогда все узнала.

Ощувив дыхание смерти в словах отца, Пол быстро проговорил:

— Что может с тобой случиться? Ведь...

— Помолчи-ка, сын.

Герцог стоял к сыну спиной, и Пол заметил усталость во всем его облике: в наклоне головы, в постановке плеч, в замедленных движениях.

— Ты просто устал, отец.

— Да, я устал, — согласился герцог. — Я морально устал. Должно быть, меня наконец поразила меланхолическая дегенерация Великих Домов. А когда-то в нашем роду были крепкие люди.

Внезапно рассердившись, Пол воскликнул:

— Да не в упадке наш Дом!

— Разве нет? — Герцог обернулся, глянул на сына. Под глазами его чернели круги, рот кривился в циничной усмешке. — Я должен был жениться на твоей матери, сделать ее своей герцогиней. Пусть... Но сам знаешь, отсутствие жены давало мне возможность породниться с другими Домами и заключить союз. — Он передернул плечами. — Поэтому я...

— Мать объясняла мне.

— Ничто не обеспечивает вождю преданность подданных больше, чем хвастовство, — сказал герцог, — а потому я и бравирую.

— Ты хороший вождь, — запротестовал Пол. — Ты умеешь править. Люди с охотой следуют за тобой и с любовью...

— Мои пропагандисты одни из лучших, — согласился герцог и вновь глянул на котловину. — Арракис предлагает нашему Дому больше возможностей, чем считает сам Император. Но все же я иногда думаю, что лучше для нас было бы бежать, стать ренегатами. Иногда мне хочется затеряться среди людей, скрыться из вида...

— Отец!

— Да, я устал, — сказал герцог. — Кстати, ты знаешь, мы начали использовать отходы производства специи в качестве сырья, и наша собственная фабрика уже производит пленку...

— Сир?

— Пленки для видеолент должно быть в избытке, — сказал герцог. — Как же иначе мы сумеем наводнить города и деревни информацией?

Люди должны узнать, как прекрасно я ими правлю. А как они это узнают, если мы не расскажем им об этом сами?

– Тебе надо отдохнуть, – сказал Пол.

И вновь герцог обернулся к сыну:

– У Арракиса есть еще одно достоинство, о котором я почти позабыл. Специя здесь содержится почти по всем. Ты дышишь ею, ешь ее, она почти во всех продуктах. Известно, что она создает некоторую невосприимчивость к кое-каким ядам из «Справочника ассасина». А необходимость следить за использованием каждой капли воды заставляет строжайшим образом контролировать всю пищевую промышленность: культуру дрожжей, гидропонику, хемавиты – словом, все. Большую часть нашего населения нельзя отравить ядом, значит, такой путь нападения бесполезен. Арракис делает нас этичными и моральными.

Пол попытался заговорить, но герцог отрезал:

– Сын, я должен был сказать это кому-нибудь.

Он вздохнул и посмотрел на сушь за окном. Цветы и те исчезли, то ли затоптанные сборщиками росы, то ли спаленные лучами утреннего солнца.

– На Каладане мы правили, опираясь на силу, – на море и в воздухе, – проговорил герцог. – Здесь же мы должны добиваться господства в пустыне. Она – твоё наследство, Пол. Что ты будешь делать, если со мной что-нибудь случится? Твой Дом не должен уйти в изгой – он не должен стать партизанским, гонимым, преследуемым.

Пол напрасно подбирал слова, силясь что-нибудь произнести. Он еще никогда не видел отца в таком настроении.

– Чтобы удержать Арракис, – сказал герцог, – мне придется принимать решения, после которых, быть может, я и сам перестану себя уважать. – Он указал на окно, где черно-зеленое знамя Атрейдесов вяло свисало с флагштока на краю посадочного поля. – С этим честным стягом люди, быть может, свяжут много всякого зла.

Пол сглотнул пересохшим горлом. В словах отца слышались надлом, покорность судьбе, оставившие пустоту в груди мальчика.

Герцог извлек из кармана тонизирующие таблетки и не запивая проглотил одну из них.

– Сила и страх – вот орудия власти. Надо бы углубить побыстрее твои познания в партизанской войне. Этот ролик – там еще тебя

называют «Махди», «Лисан аль-Гаиб» – словно последнее прибежище. Ты должен его использовать.

Пол поглядел на отца, таблетка уже сделала свое: плечи его распрямились, но страх и неуверенность, вызванные этим разговором, не исчезали из памяти мальчика.

– Где там застрял этот эколог? – пробормотал герцог. – Я же велел Сафиру доставить его сюда пораньше.

Однажды отец мой, Падишах-Император, взял меня за руку, и наукой, усвоенной от матери, я почувствовала, что он взволнован. Он увел меня в зал портретов, к проекции герцога Лето Атрейдеса. Я отметила сильное сходство отца и человека с портрета: сухие, благородные лица с резкими чертами, на которых особенно выделялись холодные глаза. «Принцесса-дочь, – обратился ко мне отец, – если бы только ты была старше, когда этот мужчина выбирал женщину!» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше человека на портрете, а мне было четырнадцать. Но, помню, в этот момент я поняла, что отец втайне хотел, чтобы герцог был его сыном, и мне стало жаль, что политические разногласия делали их врагами.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Первая же встреча с людьми, которых было ему приказано предать, потрясла доктора Кайнса. Он-то гордился, считая себя ученым, для которого легенды – лишь ключ, намек на какие-то культурные подосновы. Но мальчик словно вышел из древнего пророчества, глаза его и впрямь пронзали, и весь он был, как и следует, исполнен сдержанной прямооты.

Естественно, пророчество допускало некоторую неопределенность: из него не было ясно, приведет ли Мать Богиня

Мессию с собой или произведет его уже на планете. И все же предсказание странно соответствовало обоим новоприбывшим.

Они встретились утром, ближе к полудню, на краю посадочного поля Арракина, рядом с административным зданием. Неподалеку грузно сел пузатый орнитоптер, мягко жужжа на холостом ходу, как сонное насекомое. Около него стоял часовой Атрейдесов с обнаженным мечом, вокруг него маревом дрожало облачко щита.

Заметив его, Кайнс насмешливо подумал: «Ну, Арракис приготовил для них неплохой сюрприз!»

Планетолог поднял руку, жестом приказав отстать своей охране из Вольного народа, и проследовал ко входу в это сооружение – темной дыре в облицованной пластиком скале. «Каменный монолит так и прет из земли, – подумал он. – Но в нем совсем не так удобно, как в пещерах моего народа».

Какое-то шевеление в темноте входа привлекло его внимание. Он остановился, воспользовавшись моментом, чтобы поправить одеяние и конденскостюм на левом плече.

Входные двери широко распахнулись. Из них торопливо выступила охрана в форме Атрейдесов, все с тяжелым вооружением: мечи, щиты, станнеры, стреляющие «медленными» ампулами. Сзади шел высокий мужчина, темноволосый и смуглый, с ястребиным лицом. На нем был плащ-джубба с нашивкой Атрейдесов на груди, и сидел он так, что было ясно: этот человек надевал джуббу впервые. Плащ то и дело лип к конденскостюму, обвивал ноги и мешал свободному, размашистому шагу.

Рядом с мужчиной шел юноша, тоже темноволосый, но с более округлым лицом. Он был маловат для своих – Кайнс знал это – пятнадцати лет. Но в юном теле угадывался дух повелителя, уверенного в себе, словно глазам его было открыто многое, что сокрыто от прочих. И плащ на нем был такой же, как у отца, однако шел он столь непринужденно, что казалось, мальчик вырос в подобной одежде.

«Махди будет видеть сокрытое от глаз людских», – гласило пророчество.

Кайнс потрянул головой, напомнив себе: «Они всего лишь люди».

Рядом с ними шел третий, как и они, одетый для пустыни. Кайнс сразу признал его – Гарни Холлик. Кайнс глубоко вздохнул, чтобы

подавить в себе раздражение... Холлик осмелился учить его в присутствии герцога и его наследника.

«Герцога вы можете называть «милорд» или «сир». Правильно говорить и «благороднорожденный», но это обращение более формально. К сыну можно обращаться «молодой господин» или «милорд». Герцог – человек свободных взглядов, но не выносит фамильярности».

Не сводя глаз с приближающейся группы, Кайнс подумал: «Скоро они узнают, кто истинный хозяин Арракиса. А сейчас... Или они снова прикажут своему ментату полночи допрашивать меня? Или же они считают, что я должен сопровождать их в инспекционном полете по месторождениям специи?»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кайнса. Им нужны были базы Империи. А о базах они узнали, конечно, от Айдахо.

«Придется приказать Стилгару отослать голову Айдахо этому герцогу».

Герцог со спутниками были уже лишь в нескольких шагах, под их сапогами поскрипывал песок.

Кайнс склонил голову:

– Милорд герцог.

Подходя к этой одинокой фигуре у орнитоптера, Лето разглядывал стоящего – высокий, худой, в свободном балахоне, конденскостюме и низких сапогах. Капюшон его был откинут назад, лицевой клапан сдвинут в сторону, открыв длинные волосы песочного цвета, редкую бороду. В глазах под густыми бровями светилась та же синева в синеве. Они были обведены кругами пыли.

– Вы здешний эколог?

– Мы предпочитаем здесь старый титул, милорд, – сказал Кайнс, – планетолог.

– Как угодно, – ответил герцог. Он поглядел вниз на Пола. – Сын, это судья перемены, разрешитель споров, поставленный здесь, чтобы все было выполнено правильно во время перехода к нам власти над файфом. – Он глянул на Кайнса. – А это мой сын.

– Милорд, – сказал Кайнс.

– Вы из Вольного народа? – спросил Пол. Кайнс улыбнулся:

– Я здесь свой и в ситче, и в деревне, молодой господин, но я слуга его величества – планетолог Империи.

Пол кивнул, удивленный силой, исходящей от этого человека. Холлик показал Кайнса Полу еще из окна верхнего этажа административного здания: «Вон тот, посреди группы фрименов... тот, что сейчас идет к орнитоптеру».

Пол быстро поглядел на Кайнса в бинокль: прямой твердый рот, высокий лоб. Холлик шепнул ему на ухо:

– Странный человек. Говорит, как чеканит: все четко, никаких рваных краев, как обрезал.

А герцог из-за спины проговорил:

– Типичный ученый.

Теперь, оказавшись лишь в нескольких футах от него, Пол чувствовал в Кайнсе силу, личность... словно бы королевскую кровь, привыкшую к повиновению.

– Я понимаю, что мы должны поблагодарить вас за конденскостюмы и эти плащи, – сказал герцог.

– Надеюсь, что они будут сидеть хорошо, милорд, – ответил Кайнс. – Их делали мастера из Вольного народа, по возможности, в соответствии с размерами, которые дал мне этот ваш Холлик.

– Я удивился, когда вы сказали, что не можете взять нас в пустыню без этих одеяний, – сказал герцог. – Мы можем запасти много воды. Долго быть там мы не собираемся, к тому же нас будет прикрывать с воздуха эскорт – вон он над головой. Едва ли нас собьют.

Кайнс поглядел на него, на налитую водой плоть, и проговорил:

– На Арракисе нельзя заранее быть уверенным в чем-нибудь. Можно говорить только о вероятностях.

Холлик дернулся:

– К герцогу следует обращаться только «милорд» или «сир»!

Лето условленным жестом руки приказал ему прекратить:

– Мы вступили на новый путь. Следует учитывать это.

– Как прикажете, сир.

– Мы обязаны вам, доктор Кайнс, – сказал Лето. – И эти костюмы, и заботу о нас... я не забуду.

Внезапно, повинуясь порыву, Пол произнес цитату из Оранжевой Католической Библии:

– *«Дар благословляет дающего».*

В утреннем воздухе слова прозвенели, пожалуй, громковато. Эскорт из фрименов, остававшийся на корточках в тени у дома, повскакивал, не скрывая возбуждения. Один из них громко выкрикнул:

– Лисан аль-Гаиб!

Кайнс обернулся, резким движением руки отослал свою свиту назад. Бормоча что-то, они отступили подальше к зданию.

– Очень интересно, – проговорил Лето.

Жестко глянув на герцога и Пола, Кайнс произнес:

– Туземцы пустыни весьма суеверны. Не обращайтесь на них внимания. Они не причинят вреда. – А сам припомнил строки пророчества: «И они приветствуют вас святыми словами, а дары ваши будут благословением».

В представлении Лето – в основном по краткому словесному портрету, с оговорками и подозрением составленному Хаватом, – вдруг выкристаллизовался облик Кайнса: это был человек из Вольного народа. Кайнс явился сюда со своими людьми, что, быть может, значило лишь то, что Вольный народ прощупывает новое право свободно перемещаться по городу. И все же эскорт казался почетной свитой. По виду Кайнс был горд, он привык к свободе, речи его и поступки ограничивало только собственное разумение. Так что слова Пола оказались точны и уместны.

Кайнс был туземцем.

– Не пора ли отправляться, сир? – спросил Холлик.

Герцог кивнул:

– Я полечу на собственном топтере. Кайнс может сесть спереди проводником. Ты и Пол займете место сзади.

– Минутку, будьте добры, – сказал Кайнс, – с вашего разрешения, сир, я должен проверить, правильно ли вы одеты.

Герцог хотел возразить, но Кайнс проговорил:

– Своя плоть мне дорога не менее, чем вам ваша... милорд. Я прекрасно знаю, кому перережут глотку, если что-нибудь случится с вами, пока вы оба находитесь на моем попечении.

Герцог, нахмурясь, подумал: «Какой деликатный момент! Если я откажусь, он может обидеться. А если этот человек впоследствии не будет иметь для меня цены? И все же... чтобы он встал рядом без щита между нами, прикоснулся ко мне, когда я так мало знаю о нем?..»

Сомнения вихрем промчались в его голове, по пятам преследуемые решением.

– Мы в ваших руках, – сказал он и распахнул одеяние, Холлик рядом качнулся на пятках, но застыл на месте. – И если вы будете столь добры, – продолжил герцог, – хотелось бы получить описание этого костюма от привычного к нему человека.

– Безусловно, – произнес Кайнс. Он ощупал под плащом Лето плечевые гермозастежки, давая по ходу дела пояснения. – Этот многослойный костюм – высокоэффективный фильтр и система теплообмена. – Он подрегулировал застежки. – Контактующий с кожей слой порист. Пот проходит сквозь него и охлаждает тело, обеспечивая нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... – Кайнс затянул ремешок на груди потуже, – ...содержат теплообменные волокна и солепоглотители. Соли используются заново.

Герцог удивленно всплеснул руками и произнес:

– Весьма интересно.

– Вдохните поглубже, – сказал Кайнс. Герцог повиновался.

Кайнс ощупал гермозастежки у него под мышками, подтянул одну.

– Телодвижения, особенно дыхание, – сказал он, – и осмотический процесс обеспечивают нагнетающую силу. – Он слегка ослабил нагрудный ремешок. – Восстановленная вода поступает в специальные карманы, откуда вы потребляете ее через трубку у шеи.

Герцог наклонил голову и посмотрел на конец трубки.

– Удобно и эффективно, – объявил он. – Умно спроектировано.

Кайнс нагнулся, чтобы осмотреть гермозастежки на ногах.

– Моча и кал обрабатываются в карманах на ягодицах, – сказал он. Поднимаясь, пощупал воротник, поднял клапан. – В открытой пустыне этот фильтр прикрывает лицо. Нософильтры вставляются в ноздри, их заглушки способствуют плотной подгонке. Вдыхайте через фильтр на рту, выдыхайте через носовую трубку. В хорошем, исправном костюме, изготовленном фрименами, вы теряете не более наперстка жидкости в день, даже если вам предстоит провести его в Великом Эрге.

– Наперсток в день, – повторил герцог.

Нажав пальцем на лобовую накладку костюма, Кайнс сказал:

– Она может натирать. Если будет раздражать, пожалуйста, скажите мне – я подтяну ее чуть повыше.

– Благодарю, – отозвался герцог.

Он пошевелил плечами, когда Кайнс отошел на шаг. Костюм теперь казался удобным и не мешал движениям.

Кайнс повернулся к Полу:

– Что же, парень, теперь глянем и на тебя.

«Хороший человек, придется, правда, научить его правильно обращаться», – подумал герцог.

Пока Кайнс обследовал костюм, Пол стоял не шевелясь. Этот скрипящий гладкий костюм он натягивал на себя со странным чувством. Его сознание говорило, что никогда не приходилось ему до сих пор надевать конденскостюм, и все-таки каждое новое прикосновение адгезионных лент под руководством неопытного Гарни казалось инстинктивным, естественным. Затягивая потуже грудь, чтобы добиться максимального нагнетающего эффекта от дыхательных движений, он знал, что делает и почему. Туго затянув ткань на шее и накладку на лбу, он понимал, что нужно это, чтобы избежать появления водянистых мозолей.

Кайнс выпрямился, озадаченно шагнул назад.

– Ты уже носил конденскостюм? – спросил он.

– Нет, я надеваю его впервые.

– Значит, кто-то отрегулировал его?

– Нет.

– Твои пустынные сапоги опущены на лодыжках. Кто сказал тебе так сделать?

– Просто... по-моему, так правильно.

– Действительно, так правильно.

Кайнс тронул щеку, припоминая легенду: «Он будет ведать пути ваши, словно рожденный на них».

– Мы теряем время, – сказал герцог, показав на ожидающий топтер, и направился к нему первым, ответив кивком на приветствие часового. Опустившись на место пилота, он застегнул ремни безопасности, проверил панель управления и приборы. Аппарат покачивался, пока остальные забирались внутрь.

Кайнс пристегнулся, оглядел комфортабельную кабину, мягкие подушки, серо-зеленую обшивку, поблескивающие приборы. Прохладный и чистый воздух омыл его легкие, едва двери захлопнулись и ожили кондиционеры.

«Слишком уж мягко здесь», – подумал он.

– Все в порядке, сир, – доложил Холлик.

Лето подал мощность на крылья, посмотрел, как они поднимаются и опускаются, – раз, другой. И вот топтер был уже метрах в десяти над землей – перья на крыльях плотно сложены, задние реактивные двигатели со свистом разгоняют машину по крутой дуге.

– К югу-востоку за Барьер, – сказал Кайнс. – Я сказал руководителю пустынных работ сосредоточить оборудование там.

– Хорошо.

Герцог развернулся к воздушному эскорту, аппараты окружили орнитоптер, защищая его. Они направились на юго-восток.

– Конструкция и технология изготовления свидетельствуют о высоком уровне знаний.

– Когда-нибудь я покажу вам фабрику одного из ситчей, – проговорил Кайнс.

– Это будет интересно, – сказал герцог. – Я знаю, такие костюмы изготавливаются еще и в некоторых гарнизонных городках.

– Грубые подделки, – сказал Кайнс, – любой из жителей Дюны, если он только ценит свою шкуру, носит костюм пустынной работы.

– И потеря воды в таком костюме не более наперстка в день?

– Если костюм надет правильно – шапочка сидит плотно и все прочие гермоуплотнения в порядке – основным источником потерь воды останутся ладони, – объяснил Кайнс. – Можно носить и перчатки, если вы не собираетесь делать что-нибудь особенное. Фримены в пустыне чаще натирают руки соком креозотового кустарника. Он уменьшает потливость.

Герцог глянул налево, на изломанный горный ландшафт под собою, на разрывы ущелий, желто-коричневые полосы, пересеченные черными линиями трещин. Словно кто-то уронил все это с большой высоты, да так и оставил обломки на месте.

Они пересекли неглубокий бассейн, четкая линия очерчивала песчаный язык, впадавший в него из каньона в северной части. Песок тянул свои пальцы в котловину – сухая песчаная дельта на темной скале.

Кайнс откинулся назад, думая о пропитанной водой плоти под этими костюмами. Поверх балахонов они надели пояса щитов, на

поясах — капсульные станнеры, на шеях — монетки передатчиков срочного оповещения. И у герцога, и у сына в наручных ножнах виднелись ножи. Ножны были заношены. Вид этих людей удивил Кайнса странной смесью мягкости и мощи. Они совсем не походили на Харконненов.

— В вашем донесении, когда настанет пора уведомить Императора о смене правительства на планете, вы сообщите, что мы соблюдали правила? — спросил Лето. Он глянул на Кайнса, потом снова вперед, на приборную панель.

— Харконнены ушли, вы пришли, — ответил Кайнс.

— И все в порядке? — спросил Лето.

Челюсти Кайнса напряглись:

— Как планетолог и судья перемены я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд.

Герцог мрачно улыбнулся:

— Но мы оба представляем себе действительное положение дел.

— Я напоминаю вам, что его величество поддерживает мою работу.

— В самом деле? И в чем же она заключается?

В наступившем молчании Полу подумалось: «Он слишком поспешно навалился на этого Кайнса». Пол глянул на Холлика, но менестрель-воин смотрел вниз, на пустынный ландшафт.

— Вы, конечно, имеете в виду мои функции планетолога? — жестко проговорил Кайнс.

— Естественно.

— В основном это биология и ботаника сухих земель и кое-какие геологические работы — бурение коры, эксперименты. Возможности одной планеты трудно исчерпать.

— Вы проводите исследования специй?

Кайнс повернулся, Пол обратил внимание на суровую линию щеки.

— Любопытный вопрос, милорд.

— Имейте в виду, Кайнс, теперь это мой файф. И мои методы иные, чем у Дома Харконненов. Пока я знаю результаты ваших исследований, я спокоен. — Он посмотрел на планетолога. — Харконнены не поощряли работ в этой области, не так ли?

Кайнс глянул назад, не отвечая.

– Можете говорить открыто, – сказал герцог, – не опасаясь за свою жизнь.

– Императорский суд отсюда действительно далеко, – пробормотал Кайнс, думая: «Чего добивается от меня этот мягкий, налитый водой пришелец? Неужели он считает меня дураком, способным записаться к нему на службу».

Не отрывая глаз от курса, герцог сухо усмехнулся:

– Слышу кислую нотку в вашем голосе, сэр. Мол, явились на планету с толпой ручных убийц, не так ли? Да еще хотят, чтобы все тут же признали, что они не Харконнены.

– Читал я вашу пропаганду, которой вы затопили деревни и ситчи, – ответил Кайнс. – Любите доброго герцога! Ваш корпус про...

– Эй, там! – рявкнул Холлик. Оторвавшись от окна, он наклонился вперед.

Пол положил ладонь на руку Холлика.

– Гарни, – сказал герцог и обернулся, – этот человек слишком долго прожил под пятой Харконненов.

Холлик осел назад:

– Эйя!

– Ваш Хават человек умелый, – сказал Кайнс, – но цель его достаточно ясна.

– Значит, вы откроете нам эти базы.

Кайнс резко ответил:

– Они – собственность Его Императорского Величества.

– Но их же не используют!

– Их *можно* будет использовать.

– Разве его величество соперничает со мной?

Кайнс твердо глянул на герцога:

– Арракис мог бы стать раем, если его правители умили бы прыть в погоне за специей.

«На мой вопрос он не ответил», – подумал герцог и спросил:

– Неужели планета может стать раем за так, бесплатно?

– Зачем деньги, – отвечал Кайнс, – если на них нельзя купить необходимого?

«Именно», – подумал герцог и произнес:

– Обсудим это потом. Как раз сейчас мы, похоже, вылетаем за пределы Барьера? Лететь тем же самым курсом?

– Тем же самым, – пробормотал Кайнс.

Пол выглянул из окна. Каменные развалины под ними стали уступать место мягким складкам, резким обрывом переходившим в каменную равнину. За обрывом до горизонта громоздились полумесяцы дюн, и то тут, то там на песке виднелся темный мазок, неровное пятно, а может быть, это проступали скалы. В нагретом воздухе Пол не мог точно разглядеть.

– Есть внизу какие-нибудь растения? – спросил он.

– Немного, – отвечал Кайнс. – Зона жизни этих широт в основном образована теми, кого мы зовем «малые похитители влаги». Они нападают друг на друга, отнимая выступившие капли росы. Некоторые участки пустыни просто кишат жизнью. И все они научились выживать в этих условиях. Если вы затеряетесь где-то внизу, придется или приспособиться к этой жизни, или умереть.

– Значит, придется... красть воду друг у друга? – поинтересовался Пол. Мысль эта взбесила мальчика, и тон выдал его возмущение.

– Бывает и так, – отвечал Кайнс, – но я хотел сказать несколько иное. Видите ли, моя планета требует особого отношения к влаге. Ее приходится все время искать. Нельзя терять ничего, в чем есть хоть немного воды.

«...моя планета!» – подумал герцог.

– Возьмите градусы на два к югу, милорд, – сказал Кайнс, – с запада надвигается песчаный ветер.

Герцог кивнул. Он уже заметил вздыбившееся светло-коричневое облако пыли. Лето чуть накренил топтер, замечая на крыльях догонявшего эскорта молочно-оранжевые блики рассеянного пылью солнечного света.

– Обойдем бурю по краю, – сказал Кайнс.

– Этот песок, должно быть, и впрямь опасен, если влететь прямо в облако, – заметил Пол. – Неужели он может разьесть даже самый прочный металл?

– На такой высоте это не песок, а пыль, – ответил Кайнс, – опасны отсутствие видимости, воздушные ямы, засорения воздухозаборников.

– А мы сегодня увидим настоящий добывающий комбайн? – спросил Пол.

– Весьма вероятно, – отвечал Кайнс.

Пол откинулся назад, вопросов он более не задавал, пытаясь в состоянии свехвосприятия, как учила его мать, зарегистрировать личность планетолога. Кайнс был записан теперь в его памяти: тон голоса, черты лица, каждый жест. Небольшой бугорок на левом рукаве балахона – там нож в ручных ножнах. Грудь тоже странно вздымалась. Говорили, что в пустыне на поясе носят необходимые вещи. Судя по всему, под балахоном скрывалась всякая всячина, но никак уж не силовой щит. На шее одеяние Кайнса было сколото медной булавкой с гравированным зверьком наподобие зайца. Другая булавка со схожим изображением свисала с уголка капюшона, отброшенного за плечи.

Холлик повертелся в своем кресле рядом с Полем, потянулся назад и извлек оттуда свой бализет. Пока Холлик настраивал инструмент, Кайнс оглядывался по сторонам, а потом все свое внимание уделил курсу.

– Что бы вы хотели услышать, юный господин? – спросил Холлик.

– Выбирай сам, Гарни, – ответил Пол.

Холлик приложил ухо к деке, тронул струну и мягко пропел:

Наши отцы ели манну в пустыне,
Где земля опаляет, где смерчи проходят.
Боже, выведи нас из ужасной земли!
Спаси нас... ах, спаси нас —
Выведи из сухой и безводной земли.

Кайнс глянул на герцога и сказал:

– Вы путешествуете с небольшим отрядом охраны, милорд. Все ли из них одарены таким количеством талантов?

– Гарни? – усмехнулся герцог. – О, Гарни у нас – один. Я ценю его глаза. Они не упускают ничего.

Планетолог нахмурился.

Не пропустив даже ноты мелодии, разговор прервал Холлик:

Ведь я как филин в пустыне – оу!
Ай-я! Как филин в пусты-не!

Герцог потянулся вниз, взял микрофон с приборной доски, нажатием большого пальца включил его и произнес:

– Лидер эскорта Гемма. Летающий объект на девять часов в секторе Б, определите.

– Птица, – сказал Кайнс и добавил: – У вас острые глаза.

Громкоговоритель на панели затрещал, потом выговорил: «Эскорт Гемма. Объект обследован с максимальным увеличением – это большая птица».

Глянув в указанном направлении, Пол заметил вдали крошечное пятнышко, шевелящуюся точку, и подумал: «Насколько же насторожен отец! Все чувства в полной готовности».

– А я и не знал, что столь крупные птицы могут так далеко залетать в пустыню, – сказал герцог.

– Должно быть, орел, – ответил Кайнс, – земные существа приспособились и к этим местам.

Орнитоцер летел над голой каменистой равниной. Глядя вниз с высоты в две тысячи метров, Пол заметил на неровной земле тени их топтера и эскорта. Земля внизу казалась плоской, но изломанная тень свидетельствовала об обратном.

– А кто-нибудь выходил живым из пустыни? – спросил герцог.

Музыка Холлика притихла. Он наклонился вперед, желая расслышать ответ.

– Не из глубокой пустыни, – ответил Кайнс. – Несколько человек вышли из второй зоны. Они выжили потому, что шли каменистыми местами, где мало червей.

Интонации в голосе Кайнса привлекли внимание Пола. Он весь собрался, как его и обучали.

– Ах-х, черви, – сказал герцог. – Хорошо бы поглядеть хотя бы на одного!

– Это может случиться уже сегодня, – проговорил Кайнс. – Где специя, там и черви.

– Всегда? – спросил Холлик.

– Всегда.

– А черви и специя как-нибудь связаны? – спросил герцог.

Кайнс обернулся, и Пол увидел, как шевельнулись его сухие губы:

– Они защищают пески со специей. У каждого червя есть своя территория. Что касается специи... кто знает? Те экземпляры червей,

которые мы обследовали, заставляют предположить, что в их органах происходят сложные химические реакции. В их трахеях мы находим следы соляной кислоты, а в других частях тела – и более сложные кислоты. Я подарю вам свою монографию об этом.

– Значит, щит бесполезен? – спросил герцог.

– Щит! – Кайнс пренебрежительно усмехнулся. – Да только включите силовой щит неподалеку от червя – и ваша судьба решена! Черви немедленно забывают про все границы участков и бросаются туда, откуда исходит силовое поле. Никто из включивших в пустыне щит не выжил после подобной атаки.

– Как же тогда происходит ловля червей?

– Убить червя целиком можно только одним способом – высоковольтным разрядом по каждому сегменту, – ответил Кайнс. – Их можно оглушить и разорвать на части взрывчаткой – но каждый сегмент будет жить собственной жизнью. Кроме атомного взрыва, я не знаю другого способа уничтожить крупного червя целиком. Они невероятно живучи.

– Значит, их никогда не пытались перебить? – спросил Пол.

– Слишком дорого, – согласился Кайнс. – Слишком большие площади.

Пол откинулся на сиденье. Его чувство правды и чуткое восприятие оттенков интонаций говорили, что Кайнс лжет, отговаривается полуправдой. Он подумал: «Если специя и черви как-то связаны, покончить с червями – значит покончить и со специей».

– Скоро никому больше не придется выходить пешком из пустыни, – произнес герцог. – Вот передатчик на груди. Нажми кнопку – и спасатели уже в пути. Скоро такие будут у каждого из наших работников. Мы организуем специальные спасательные отряды.

– Весьма похвальное намерение, – отозвался Кайнс.

– Но тон ваш выдает несогласие, – возразил герцог.

– Несогласие? Почему же? Я не против, но помехи, спровоцированные песчаными бурями, заглушают любой сигнал. Передатчики закорачивает. Знаете ли, это уже пробовали, но Арракис строг к приборам. К тому же, когда червь вышел на охоту, много времени не остается. Чаще всего не больше пятнадцати или двадцати минут.

– И что же вы посоветуете? – спросил герцог.

– Вам нужен мой совет?
– Да, совет планетолога.
– И вы последуете ему?
– Если он будет разумным.
– Очень хорошо, милорд. Никогда не путешествуйте в одиночку.
– А если отряд разметала буря и ты вынужден идти на посадку? – спросил Холлик. – Что-нибудь сделать можно?
– Что-нибудь можно сделать всегда, – ответил Кайнс.
– А что сделаете вы? – спросил Пол.

Кайнс сурово глянул на мальчика, вновь перевел взгляд на герцога:

– Я проверю, цел ли конденскостюм. Там, где червь не достанет, например в скалах, я бы остался у орнитоптера. В открытых песках нужно немедленно отойти от машины, подальше и побыстрее. Достаточно километра, а затем я бы укрылся под балахоном. Червя достанется аппарат, но он, может быть, минует меня.

– А потом? – спросил Холлик.

– Надо подождать, пока червь не уберется восвояси. – Кайнс пожал плечами.

– И это все? – спросил Пол.

– Когда червь удалится, можно попробовать уйти из этого места, – продолжил Кайнс. – Идти надо тихо, избегать барабанных песков и приливных котловин – прямо к ближайшим скалам. Их много. Так что можно и добраться.

– Барабанные пески, что это? – переспросил Холлик.

– Определенное состояние песка при уплотнении, – ответил Кайнс. – Легкий шажок по ним отзывается барабанным боем. Черви никогда не пропускают такого.

– А приливные котловины? – продолжил герцог.

– Углубления в почвах пустыни, столетиями заполняемые пылью. Некоторые настолько велики, что в них есть и течения, и приливы. Они поглотят любого, кто по неосторожности ступит в них.

Холлик откинулся назад и провел рукой по струнам. Наконец он запел:

Дикие твари рыщут доныне,
Ожидая заблудшего,

Ох-х-х, не искушай же демона пустыни
Во избежание ху-у-удшего.
Всюду угрозы...

Он резко оборвал песню, наклонился вперед:

– Впереди пылевое облако, сир.

– Вижу, Гарни.

– Его мы и ищем.

Пол перегнулся, чтобы заглянуть вперед, и заметил километрах в тридцати перед ними желтое облако пыли на поверхности пустыни.

– Одна из ваших фабрик-краулеров, – сказал Кайнс. – Она на поверхности, – значит, под ней специя. Облако – это выброшенный песок, когда специя уже отсортирована. Такое облако не спутаешь с другим.

– Над ней летательные аппараты, – сказал герцог.

– Вижу двух... трех... четырех споттеров, – проговорил Кайнс. – Они ждут появления следа червя.

– Следа? – переспросил герцог.

– Песчаной волны, движущейся к краулеру. На поверхность выбрасывают и сейсмозонды. Иногда черви передвигаются так глубоко, что не видно никакого следа. – Кайнс оглядел небо. – Вблизи должен быть и каргон, только я его что-то не вижу.

– А червь приходит всегда? – спросил Холлик.

– Всегда.

Нагнувшись вперед, Пол тронул Кайнса за плечо:

– А какой величины участок у червя?

Кайнс нахмурился. Дитя это задавало взрослые вопросы.

– В зависимости от размера.

– А какие вариации? – поинтересовался герцог.

– Большой охраняет три-четыре сотни квадратных километров, маленькие же... – Он умолк. Герцог внезапно включил тормозные двигатели.

Аппарат дернулся, хвостовые двигатели с шипением отключились. Теперь машина функционировала уже полностью как орнитоптер, крылья которого размеренно и плавно вздымались и

опадали. Не отпуская управления, герцог указал левой рукой на восток от комбайна.

– Это и есть след?

Чтобы разглядеть, Кайнс перегнулся через герцога.

Пол и Холлик, прижавшись к окну, глядели в ту же сторону. Пол успел заметить, что застигнутый врасплох маневром эскорт вырвался было вперед, но теперь уже медленно разворачивался. Комбайн-фабрика была все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда указывал герцог, полумесяцы дюн простирались до горизонта. Эту рябь пересекала прямая линия, начинавшаяся движущейся горой песка. Полу это напомнило след, на мгновение оставленный на воде крупной рыбиной, плывущей у поверхности.

– Червь, – проговорил Кайнс. – Большой. – Он нагнулся, схватил микрофон с панели, переключился на новую частоту. Глянув на карту с сеткой координат, прикрепленную над головой, он быстро произнес в микрофон: – Вызываю краулер в Дельта Аякс Девять. Предупреждение – след. Краулер в Дельта Девять. Предупреждение – след. Сообщите прием.

Громкоговоритель на панели сперва затрещал, потом из него донеслось:

– Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

– Что-то они и не думают волноваться, – заметил Холлик.

Кайнс говорил в микрофон:

– Полет вне расписания, – пролетаю в трех километрах к северо-востоку от вас. След червя на пересечении с курсом, ожидаемое время контакта с вами – через двадцать шесть минут.

В громкоговорителе загремел другой голос:

– Группа наблюдения. След подтверждаю. Остановитесь для фиксации контакта. – После паузы голос произнес: – Контакт – минус двадцать шесть минут. Оценка точная. Кто летит вне расписания? Прием.

Холлик, забросив свою музыку, просунул голову вперед между герцогом и Кайнсом:

– Это обычная рабочая частота?

– Да. Зачем тебе знать?

– Кто слушает?

– Рабочие экипажи в округе, меньше интерференция.

Громкоговоритель вновь затрещал и произнес:

– Говорит Дельта Аякс Девять. Кому начислять премию за обнаружение? Прием.

Холлик глянул на герцога.

Кайнс сказал:

– Существует премия в зависимости от добычи в этом месте тому, кто первый заметил червя. Они хотят знать...

– Скажите им, кто первым заметил червя, – сказал Холлик.

Герцог кивнул.

Немного поколебавшись, Кайнс взял микрофон:

– Премию за обнаружение – герцогу Лето Атрейдесу. Герцогу Лето Атрейдесу. Прием.

Внезапный треск статических помех исказил и лишил выражения ответ:

– Слышим и благодарим.

– А теперь скажите, пусть они разделят эту премию между собой, – приказал Холлик. – Скажите им, что такова воля герцога.

Кайнс глубоко вдохнул и произнес в микрофон:

– Герцог желает, чтобы вы разделили премию между экипажем. Слышите? Прием.

– Прием подтверждаем и благодарим, – раздалось в громкоговорителе.

Герцог произнес:

– Я забыл вовремя упомянуть, что у Гарни редкий дар налаживать контакты с общественностью.

Кайнс, озадаченно нахмурившись, глядел на Холлика.

– Так люди узнают, что герцог заботится об их безопасности, – сказал Холлик. – Пойдут разговоры. И частота рабочая – едва ли нас подслушали агенты Харконненов. – Он глянул на эскорт прикрытия. – Но они все равно не осмелятся: на такую группу рискованно нападать.

Герцог развернул аппарат к пылевому облаку над фабрикой:

– Что будет теперь?

– Где-то поблизости болтается каргон, – произнес Кайнс. – Теперь он опустится и подцепит краулер.

– А если каргон разбился? – спросил Холлик.

– Значит, пропало все оборудование, – отвечал Кайнс, – держитесь поближе к фабрике, милорд, – это интересно.

Герцог нахмурился и, едва они попали в турбулентный вихрь над краулером, занялся рукоятками управления.

Пол поглядел вниз: пластмассово-металлическое чудище под ними все еще извергало песок. Оно было похоже на сине-коричневого жука, опиравшегося на множество широких гусениц-ножек. Огромный раструб впереди был направлен прямо в темное пятно на песке.

– Судя по цвету – богатый пласт, – сказал Кайнс. – Все работают до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, изогнув их так, чтобы было удобно планировать над краулером. Оглядевшись, убедился в готовности эскорта, закружившегося в вышине.

Пол смотрел то на желтое облако, валившее из выхлопов краулера, то в пустыню, на приближающийся след.

– Почему мы не слышим, как они вызывают каргон? – забеспокоился Холлик.

– Обычно летная группа ведет переговоры на другой частоте, – произнес Кайнс.

– А почему бы не использовать по два каргона на каждую фабрику? – спросил герцог. – Внизу же двадцать шесть человек, не говоря уже о ценном оборудовании.

Кайнс начал:

– Чувствуется, что вам не хватает оп...

В тот же момент его перебил сердитый голос:

– Эй, наверху, кто видит крыло? Оно не отвечает.

Громкоговоритель забормотал, прозвучал громкий сигнал, шум смолк, и первый голос произнес:

– Доложите по номерам! Прием.

– Старший группы наблюдения. В последний раз видел крыло довольно высоко на северо-западе. Сейчас не вижу. Прием.

– Первый споттер – крыло не вижу. Прием.

– Второй споттер – крыло не вижу. Прием.

– Третий споттер – крыло не вижу. Прием.

И все умолкло.

Герцог посмотрел вниз. Над краулером промелькнула тень его собственного аппарата.

– У них только четыре споттера, не так ли?

– Верно, – подтвердил Холлик.

– В нашем распоряжении еще пять больших аппаратов, по трое можем посадить. Они – по двое в каждый споттер.

Пол подсчитал в уме и сказал:

– Для троих не хватит места.

– Так почему же нельзя использовать по два каргона к каждому краулеру? – рявкнул герцог.

– У вас не хватит оборудования, – возразил Кайнс.

– Тем больше оснований беречь то, что есть.

– Куда же мог пропасть этот каргон? – спросил Холлик.

– Его могли вынудить приземлиться где-нибудь в отдалении, – сказал Кайнс.

Герцог схватил микрофон и некоторое время размышлял, положив большой палец на выключатель.

– Как же можно упустить каргон из виду?

– Все внимание наблюдателей в споттерах обычно обращено на землю, все ищут след червя.

Герцог щелкнул переключателем и произнес в микрофон:

– Говорит ваш герцог. Мы опускаемся, чтобы снять экипаж Дельта Аякс Девять. Споттерам приказано помогать. Приземление по бокам. Споттеры – с востока, эскорт – с запада. Прием.

Протянув руку вниз, он переключился на собственную командную частоту, повторил приказ эскрту и передал микрофон обратно Кайнсу.

Тот вновь переключился на рабочую частоту, из громкоговорителя вырвался голос:

– ...почти полные баки специй! Почти полные баки! Нельзя же оставлять их поганому червя. Прием.

– К чертям специю! – проревел герцог, выхватил микрофон вновь и сказал: – Специи всегда можно добыть сколько угодно. В топтерах не хватает места для троих. Тяните соломинки или решайте как-нибудь иначе. Приказываю покинуть краулер!

Он хватил микрофоном по руке Кайнса, пробормотав «извините», когда тот потряс ушибленным пальцем.

– Сколько времени в запасе? – спросил Пол.

– Девять минут, – ответил Кайнс.

Герцог сказал:

– Этот аппарат помощнее остальных, если стартовать на двигателях с крылом в три четверти, можно втиснуть сюда еще одного

человека.

– Песок мягок, – напомнил Кайнс.

– С перегрузкой в четыре человека при реактивном старте можно и поломать крылья, – добавил Холлик.

– Не на этом аппарате, – сказал герцог.

Он направил топтер по плавной дуге вниз, к краулеру. Крылья, изогнувшись, остановили этот нырок метрах в двадцати над землей. Топтер плавно скользнул вниз.

Краулер теперь безмолвствовал, песок уже не валил из труб. Внутри него что-то глухо гроыхало. Когда герцог открыл дверь, грохот усилился.

Сразу же в ноздри ударил запах корицы, тяжелый и едкий.

Хлопая крыльями, с другой стороны краулера приземлились аппараты группы наблюдения. Собственный эскорт герцога уже выстроился в цепочку.

Поглядев на фабрику, Пол теперь понял, какими крохотными оказались все топтеры рядом с краулером, – словно комары рядом с бронированным жуком.

– Гарни и Пол, выбросьте заднее сиденье, – приказал герцог. Он вручную отрегулировал крылья так, чтобы они выступали на три четверти, установил правильный угол, проверил управление реактивными двигателями. – Какого черта они копаются в этой машине?

– Надеются, что каргон еще подоспеет, – пояснил Кайнс. – У них есть несколько минут.

Он глянул на восток.

Все посмотрели в ту сторону, след червя еще не показался, но людей уже охватило явное беспокойство.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту и сказал:

– Двоим выбросить генераторы щита. По порядку... Можно будет взять еще одного человека. Мы не оставим чудовищу ни одного человека. – Вновь перейдя на рабочие частоты, он крикнул: – Эй там, на Дельта Аякс Девять! Живо! Все наружу! Это приказ вашего герцога! И галопом! Или я разрежу эту жестянку лазером!

В передней части фабрики хлопнул люк, другой звякнул сзади. Оступаясь и спотыкаясь, на песок из люков посыпались люди.

Последним оказался высокий мужчина в замасленном балахоне. Он спрыгнул на гусеницу, потом на песок.

Герцог повесил микрофон на панель, шагнул из кабины на ступеньку у кресла и закричал:

– По двое к каждому споттеру!

Человек в замасленной робе стал попарно отсчитывать своих работников, направляя их на другую сторону.

– Четверых сюда! – заорал герцог. – И четверых вон в тот аппарат! – Он ткнул пальцем в топтер эскорта, стоявший рядом с его собственным. Охрана как раз выбрасывала оттуда генератор. – И еще четверых туда, – он показал на другой топтер эскорта, из которого генератор силового поля уже выбросили. – И по трое в остальные! Да живее же, пескоходы!

Высокий мужчина закончил отсчитывать свой экипаж, по песку следом за ним, спотыкаясь, бежали еще трое.

– Я слышу червя, но еще не вижу, – заметил Кайнс.

Тут услышали и все остальные – легкое шелестящее скрипение, приближающееся издали.

– Чертовски корявый способ взлета, – выругался герцог.

Орнитоптер захлопал крыльями по песку. Герцог вдруг вспомнил джунгли родной планеты, открывшуюся глазу поляну и птиц-могильщиков, взмывающих с трупа дикого быка.

Собиратели специи добрались до топтера, стали карабкаться в кабину за герцогом. Холлик, подавая руку, помогал им.

– Живее внутри, парни, – крикнул он. – Торопитесь!

Затиснутый в угол пропотевшими мужчинами, Пол чувствовал исходящий от них страх. И заметил, что у двоих дюннеров конденскостюмы плохо застегнуты на шее. Он аккуратно занес информацию в память – на будущее. Следует посоветовать отцу строже отнестись к дисциплине в обращении с конденскостюмами. Люди расхолаживаются, если не следить за такими вещами.

Последний, задыхаясь, ввалился внутрь и выговорил:

– Червь! Почти рядом! Взлет!

Герцог, хмурясь, скользнул в кресло и проговорил:

– Но у нас же есть еще около трех минут по первоначальной оценке, не так ли, Кайнс? – Он хлопнул дверью, проверил ее.

– Почти столько, милорд, – отвечал Кайнс и подумал: «Холодная голова у этого герцога».

– Все на местах, сир, – сказал Холлик.

Герцог кивнул, проследил за взлетом последнего из аппаратов эскорта. Включил зажигание, поглядел на приборы и инструменты и, наконец, запустил двигатель.

Стартовое ускорение глубоко вдавило герцога и Кайнса в сиденья, сбило в кучу людей сзади. Кайнс следил, как герцог управляется с рукоятками – легко и уверенно. Топтер был уже в воздухе, и герцог наблюдал за приборами, время от времени поглядывая влево и вправо на крылья.

– Тяжело идет, сир, – выговорил Холлик.

– В пределах допустимого для этого аппарата, – ответил герцог. – А ты ведь не думал, что я и впрямь рискну взлететь с таким грузом, а, Гарни?

Холлик ухмыльнулся и произнес:

– Ни на секунду не сомневался.

Герцог заложил вираж над краулером. Втиснутый в уголок у окна, Пол поглядывал вниз на неподвижную машину. След червя вдруг остановился метрах в четырехстах от краулера. И тотчас песок вокруг фабрики словно забурился.

– Теперь червь под краулером, – сказал Кайнс. – А сейчас вы увидите то, что удавалось наблюдать немногим.

Вокруг фабрики вдруг за клубилось облачко пыли. Громадная машина начала крениться вправо. Огромная воронка закружилась в песке, словно в воде, все быстрее и быстрее. Теперь песок и пыль поднялись в воздух уже на несколько сотен метров.

И тогда они увидели!

В песке вдруг разверзлась дыра. На белых спицах по краям ее поблескивал солнечный свет. Диаметр дыры, как показалось Полу, был раза в два больше длины краулера. Вместе со слоем песка и пыли машина рухнула в чудовищную пасть. Дыра в песке затянулась.

– Боже, что за чудовище! – пробормотал один из дюннеров рядом с Полом.

– Сожрал всю нашу специю! – добавил другой.

– Кое-кто за это заплатит, – сказал герцог. – Я обещаю...

Во внешне спокойном тоне Пол чувствовал гнев отца. И понял, что разделяет это чувство. Такая растрата – настоящее преступление!

В наступившем молчании они услышали голос Кайнса.

– Благословен делатель и его воды, – бормотал Кайнс. – Благословен приход и уход его. Да очистится мир явлением его. Да хранит он свой мир и свой народ.

– Что это ты говоришь? – удивился герцог.

Кайнс не ответил.

Пол поглядел на окружавших его людей. Они со страхом смотрели на затылок Кайнса. Один из них прошептал:

– Лайет.

Кайнс, хмурясь, обернулся. Говоривший осел назад в смятении.

Другой из спасенных сухо закашлялся и, задыхаясь, выдавил:

– Проклятая адская дыра!

Высокий человек с Дюны, последним забравшийся в топтер, проговорил:

– Тихо, Косс, ты только растрaviшь кашель. – Он пошевелился, расталкивая своих людей, пока не смог увидеть затылок герцога: – Это вы герцог Лето? Так? – спросил он. – И вам наша благодарность за спасение. Мы уже готовились окончить свои дни здесь, если бы не вы.

– Тихо, парень, не мешай герцогу пилотировать, – пробормотал Холлик.

Пол глянул на Холлика. Он и сам успел заметить жесткие складки в уголках отцовского рта. Когда герцог бывал разъярен, не следовало шуметь.

Едва начав выводить топтер из широкого виража, Лето удивленно замер, заметив внизу движение. Червь убрался в свои глубины, и теперь у впадины в песке, там, где был краулер, оказались две фигуры, направляющиеся на север.

– Кто это? – рявкнул герцог.

– Так... Двое приятелей попросили нас подвезти их, сир, – пробормотал высокий.

– Почему о них молчали?

– Они сами решили воспользоваться этим путем, сир, – проговорил высокий.

– Милорд, – сказал Кайнс, – все эти люди знают, что в стране червей человеку мало чем можно помочь.

– Надо послать аппарат с базы, – отрезал герцог.
– Как вам угодно, милорд, – ответил Кайнс. – Только, скорее всего, когда он сюда долетит, спасать будет некого.

– И все же пошлем аппарат, – уверенно сказал герцог.
– Они же были совсем рядом, когда появился червь, – удивился Пол. – Как же они спаслись?

– Стенки полости обрушились, и можно ошибиться в расстоянии, – сказал Кайнс.

– Мы тратим топливо, сир, – напомнил Холлик.

– Да, Гарни.

Герцог направил свой аппарат к Барьеру. Паривший наверху кругами эскорт направился следом, пристроившись по бокам и сверху.

Пол думал о том, что говорили высокий и Кайнс. В их словах он ощущал и полуправду, и явную ложь. Люди внизу уверенно и расчетливо скользили по песку, зная, что не приманят червя из глубины.

«Фримены! – подумал Пол. – Кто еще может чувствовать себя на песке так уверенно? Кого еще начальник работ мог спокойно оставить в пустыне, зная, что они не пропадут? Они умеют жить здесь! Они даже могут перехитрить червя!»

– Что делали фримены на краулере? – спросил Пол.

Кайнс резко обернулся.

Высокий таращил глаза – синева в синеве – на Пола.

– Это что за парнишка? – спросил он.

Заслонив Пола собой, Холлик произнес:

– Это Пол Атрейдес, наследник герцога.

– Почему он уверен, что на нашей громыхалке были фримены? – спросил тот.

– Они соответствуют описанию, – ответил Пол.

Кайнс фыркнул:

– Как можно узнать сверху, фримены они или нет? – Он поглядел на высокого. – Ты! Отвечай. Кто они?

– Приятели одного из наших, – ответил высокий дюннер. – Приходили из деревни глянуть на специевые пески.

Кайнс отвернулся. Какие тут фримены!

Но слова пророчества он помнил: «И будет Лисан аль-Гаиб видеть сквозь все пелены».

– Сейчас они, должно быть, уже мертвы, молодой сир, – проговорил высокий, – будем поминать их только добрым словом.

Но Пол слышал обман в их голосах, чувствовал угрозу, которая заставила Холлика инстинктивно занять оборонительную позицию.

Пол сухо ответил:

– Это ужасно – умереть в таком месте.

Не поворачивая головы, Кайнс произнес:

– Если Бог назначил твари свое место ее смерти, делает он, чтобы возжелала она прийти в это место.

Лето сурово посмотрел на Кайнса.

Выдержав этот взгляд, Кайнс понял, что его кое-что смущает: «Этот герцог беспокоился не о грузе специй – о людях. Чтобы спасти людей, он рисковал жизнью... и жизнью сына к тому же. От потери краулера он отмахнулся. Но угроза жизням людей привела его в ярость. Такому вождю будут повиноваться с фанатичной преданностью. Его будет трудно победить...»

И против собственной воли и всех предыдущих суждений Кайнс признался себе: «Мне нравится этот герцог».

Ощущение своего величия человеком – вещь переменчивая. Такое ощущение непостоянно. Частью оно зависит от способности людского воображения к мифотворчеству. Человек в состоянии величия должен симпатизировать своему мифу. Должен соответствовать ему. Но при этом должен быть настроен и весьма сардонически. Только скепсис избавит его от веры в собственные претензии. Только это чувство позволит ему развиваться и дальше. Иначе – он просто погибнет.

*Принцесса Ирулан. «Избранные изречения
Муад'Диб»*

В обеденном зале арракинской резиденции плавучие лампы уже разгоняли ранние сумерки. Отблески света золотили и бычью голову, и кровавые пятна на концах рогов, и темные масляные краски портрета старого герцога.

Под этими талисманами на белом полотне сверкало начищенное фамильное серебро Атрейдесов, в строгом порядке расставленное вдоль громадного стола, – архипелаги приборов возле хрустальных бокалов, каждый напротив тяжелого дубового кресла. Центральная люстра классического стиля еще не была зажжена, и цепь ее тонула в тени над потолком – там, где прятался ядоискатель.

Пришедший с проверкой последних приготовлений герцог остановился в дверях и вдруг подумал о ядоискателях и их роли в жизни общества.

«Цельная картина, – размышлял он. – Нас выдает уже сам язык: столько слов и определений, связанных со способами осуществления этой коварной смерти. Что вам угодно? Чомурки – яд в питье? Или же вам нужен чомас – яд в пище?»

Он качнул головой.

Возле каждой тарелки на длинном столе стоял изящный флакон с водой. Бедной арракинской семье воды хватило бы, как подсчитал герцог, на год жизни.

По сторонам дверного проема, в котором он стоял, располагались широкие желто-зеленые с пышной лепниной чаши для омовения рук. Рядом с каждой была вешалка для полотенец. По обычаю, пояснила домоправительница, гостям следовало церемонно омочить руки в воде, стряхнуть на пол несколько капель, осушить ладони полотенцем и небрежно бросить полотенце в растущую на полу грудку. После обеда под дверями собирались побирушки, которым положено было отдавать отжатую из полотенец воду.

«Как характерно для правления Харконненов, – подумал герцог, – предусмотрены все степени падения духа». Он глубоко вздохнул, почувствовав, как пробуждается ненависть.

Отныне обычай этот следует прекратить.

Он дождался, пока в двери, ведущей на кухню, появилась служанка – одна из тех корявых старух, которых рекомендовала домоправительница. Герцог поманил ее к себе рукой. Она скользнула

из тени на свет, торопливо обогнула стол, и он увидел на морщинистом лице все те же абсолютно синие глаза.

– Что угодно милорду? – спросила она, склонив голову и прикрыв ладонью глаза.

Он показал:

– Пусть эти чаши и полотенца уберут.

– Но... Благодороднорожденный... – Она глянула вверх, открыв в изумлении рот.

– Я знаю про обычай, – отрубил он. – Вынести эти чаши к входной двери. И пусть, пока мы обедаем, каждый просящий получает по полному стакану воды. Понятно?

Ее морщинистое лицо не скрывало эмоций разочарования, гнева...

Внезапно Лето понял, что она собиралась продать отжатую воду из захватанных полотенец каким-нибудь беднякам за несколько медяков. Может быть, и это тоже обычай?

Лицо его помрачнело, и он пробормотал:

– Я поставлю стражу проследить, чтобы мои приказания были исполнены в точности и дословно.

Он обернулся и направился коридором к Большому залу. Словно беззубое шамканье старухи, шелестели воспоминания. Вода и волны, трава – не вездесущий песок, ослепительное лето вокруг – и так год за годом.

И все.

«Я старею, – подумал он. – Смерть тронула меня своей холодной рукой. И в чем же? В старушечьей жадности?»

В Большом зале многочисленные гости окружили перед камином леди Джессику. В очаге потрескивал открытый огонь, оранжевый свет озарял дорогие ткани, поблескивал на ожерельях и иных драгоценностях. В этой группе он узнал владельца фабрики конденскостюмов в Карфаге, торговца привозными электронными приборами, поставщика воды, летняя дача которого была рядом с фабрикой у северной полярной шапки, представителя банка Гильдии (этот был худ и держался отчужденно), худощавую строгую женщину, чей эскорт обслуживал инопланетных путешественников, совмещаая, по слухам, это занятие с разного рода контрабандой, шпионажем и шантажом.

Большинство женщин в этом зале принадлежали к одному типу – картинно и подчеркнуто подающих себя, – странная смесь неприступности и чувственности.

Но и не будучи хозяйкой, Джессика затмевала бы всех остальных. На ней не было драгоценностей, она предпочла сегодня теплые тона, длинное платье цвета огня и коричневую, как земля, ленту в бронзовых волосах.

Он понял, что она хочет его слегка поддразнить, – легкая месть за небольшую холодность. Она прекрасно знала, что ему нравятся на ней такие одежды, – в его представлении она ассоциировалась с жаркими и теплыми цветами.

Вблизи, скорее уже вне группы, стоял Дункан Айдахо в поблескивающем мундире. Плоское лицо невозмутимо, курчавые черные волосы тщательно причесаны. Его уже вызвали от фрименов, и он успел получить от Хавата приказ: «Под видом личной охраны не отводи глаз от леди Джессики».

Герцог оглядел комнату.

Пол был окружен группой льстивых юнцов из богатых семей Арракина. Между ними герцог заметил трех офицеров внутренней стражи Атрейдесов, державшихся отчужденно. Особенно внимательно герцог приглядывался к молодым женщинам. Еще бы, ведь наследник герцогского титула – такая добыча! Но Пол никого не выделял, общаясь с ними с благородной сдержанностью.

«А тяжесть титула ему уже по плечу», – подумал герцог, вновь ощутив в этих словах дыхание смерти, отчего по коже его побежали мурашки.

Пол увидел отца в дверях, но избегал его глаз. Он оглядел группы гостей, пальцы в драгоценных камнях, обхватывавшие флаконы. Содержимое флаконов привычно и незаметно проверялось портативными ядоискателями. Дешевые маски, за которыми скрываются гниль души и молчание сердца.

«Кажется, я сегодня кисло настроен, – подумал Пол. – Интересно, что сказал бы обо всем этом Гарни?»

Он знал, почему пребывает в таком настроении. Он не собирался присутствовать на обеде, но отец настоял. «В обществе ты уже занимаешь вполне определенное положение, – сказал он. – И ты достаточно взрослый. Почти мужчина».

Пол заметил, что отец вышел из дверей, оглядел комнату и присоединился к группе, в которой была леди Джессика.

Когда Лето подошел к ним, поставщик воды спросил:

– А это верно, что герцог установит контроль за погодой?

Из-за его спины герцог проговорил:

– Наши замыслы, сэр, пока так далеко не заходят.

Тот повернулся, явив округлое вкрадчивое дочерна загорелое лицо.

– Ах, герцог, – протянул он. – Мы уже жаждали вас.

Лето глянул на Джессику:

– Пришлось кое-что сделать.

Обращаясь к поставщику воды, герцог рассказал об умывальных чашах и добавил:

– Насколько это зависит от меня – со старыми обычаями будет покончено.

– Это приказ герцога, милорд? – спросил мужчина.

– Ну уж это... как сочтете сами, – ответил герцог. Он обернулся, заметив приближающегося Кайнса.

Одна из женщин произнесла:

– А по-моему, это очень великодушно – отдать воду...

Кто-то шикнул на нее.

Герцог поглядел на Кайнса и заметил, что планетолог одет в старомодный темно-коричневый мундир с эполетами штатского слуги Императора и крошечной золотой слезинкой на воротнике – знаком положения.

Поставщик воды сердитым тоном спросил:

– Герцог возражает против наших обычаев?

– Этот обычай отменен, – подтвердил Лето, он кивнул Кайнсу, заметил, как нахмурилась Джессика, и подумал: «Такое выражение ей не к лицу, но от этого слухи о нашей размолвке лишь усилятся».

– С разрешения герцога, – сказал поставщик воды, – я бы хотел продолжить разговор об обычаях.

Лето услышал необычно елейные тона в голосе, отметил почтительное молчание в обступившей гостя группе. В комнате, прислушиваясь, стали поворачиваться к ним.

– Не пора ли начинать обед? – спросила Джессика.

– Но у нашего гостя есть кое-какие вопросы, – сказал Лето. Поглядев на поставщика воды, круглолицего, большеглазого и пухлогубого мужчину, он вспомнил памятку Хавата: «...за поставщиком воды надо следить – Лингар Бьют, запомните это имя. Харконнены использовали его, но полностью он им никогда не подчинялся».

– Водяные обычаи столь интересны, – проговорил Бьют с улыбкой на лице. – Любопытно, что вы собираетесь делать с устроенной в доме оранжереей? Вы тоже будете тыкать ею людям в лицо... милорд?

Сдержав гнев, Лето поглядел на мужчину. В голове промелькнуло: «Бросить мне вызов в моем собственном доме – для этого требуется большая смелость, в особенности теперь, когда Бьют уже подписал контракт об альянсе. Поступок означает и понимание собственной силы. Вода действительно символ власти на этой планете. Если, например, заминировать устройства подачи воды, чтобы их можно было взорвать по сигналу... Похоже, этот человек способен на такой поступок. А разрушение водных заводов погубит Арракис. Значит, Бьют замахивался на Харконненов именно этой дубинкой».

– Герцог и я уже решили, как использовать оранжерею, – сказала Джессика, улыбнувшись герцогу, – конечно, мы сохраним ее, но как залог – для всего Арракиса. Наша мечта – изменить климат Арракиса настолько, чтобы такие растения были здесь повсюду.

«Благослови ее, Господи, – подумал Лето. – Пусть поставщик съест это».

– Нам очевидна ваша заинтересованность в воде и контроле за погодой, – сказал герцог. – Я бы посоветовал рациональнее распределять ваши капиталы. Когда-нибудь вода перестанет быть драгоценностью на Арракисе.

А про себя он подумал: «Следует поторопить Хавата... его люди должны быстрее проникнуть в организацию этого Бьют. А нам следует начать возводить дублирующие водные предприятия. Я не потерплю никакого давления!»

Бьют кивнул, все еще улыбаясь:

– Весьма похвальная мечта, милорд. – И отступил на шаг.

Внимание Лето теперь привлекло выражение на лице Кайнса. Он глядел на Джессику каким-то странным взглядом, преобразившись – как влюбленный... или словно в молитвенном трансе.

Думы Кайнса на этот раз были целиком поглощены фразой из пророчества: «И они разделят вашу сокровенную мечту». Он прямо спросил Джессику:

– И вы принесли нам сокращение пути?

– Ах, доктор Кайнс, – проговорил поставщик воды. – Ради герцога вы оставили ситчи ваших фрименов. Как это любезно с вашей стороны!

Кайнс невозмутимо глянул на Бьюта и произнес:

– В пустыне говорят: «Избыток воды делает человека безрассудным».

– Разные странности рассказывают в пустыне, – отвечал Бьют, и в голосе его послышалась явная неуверенность.

Джессика подошла к Лето, взяла его под руку, чтобы слегка успокоиться. Кайнс произнес слова: «сокращение пути». На древнем языке эти слова прозвучали бы так: «Квизац Хадерач». На странные вопросы планетолога никто из остальных собравшихся вроде бы и не обратил внимания, и теперь Кайнс, склонившись к одной из консорток, уже слушал ее тихий кокетливый лепет.

«Квизац Хадерач, – подумала Джессика. – Неужели наша Миссионария Протектива посеяла здесь и эту легенду? – Тайные надежды ее оживились. – Да, Пол может оказаться Квизац Хадерачем. Может».

Представитель Гильдии затеял беседу с поставщиком воды. Голос Бьюта вдруг покрыл гул возобновившейся общей беседы:

– Многие хотели бы переделать Арракис.

Герцог заметил, что эти слова словно бы ударили Кайнса, тот поднялся и отошел от затевавшей с ним флирт женщины.

Собравшиеся вдруг умолкли. Солдат внутренней охраны, переодетый в ливрею пажа, кашлянул за спиной Лето и громко провозгласил:

– Кушать подано, милорд.

Герцог вопросительно глянул на Джессику.

– В соответствии со здешним обычаем хозяин и хозяйка последними подходят к столу, – улыбнулась ему Джессика, – или мы изменим и этот обычай, милорд?

Он холодно выговорил:

– Почему же? Хороший обычай. Последуем ему.

«Надо, чтобы у гостей создалось впечатление, что я подозреваю ее в предательстве, – подумал он, поглядев на дефилирующих мимо гостей. – И кто же из вас поверит в этот обман?»

Заметив его отстраненность, Джессика впервые на этой неделе удивилась. «Он похож на человека, который борется с самим собой, – подумала она. – Неужели же он так отчужден из-за того, что я поторопилась со званым обедом? Но он же и сам прекрасно знает, как важно установить контакт наших людей с местной верхушкой. И для тех, и для других мы с ним должны быть словно отец с матерью. Ничто не впечатляет народ более, чем подобный стиль взаимоотношений».

Наблюдая за проходящими гостями, Лето припомнил, как вспыхнул Хават, узнав об обеде: «Сир! Я категорически против!»

Мрачная усмешка тронула губы герцога. Получилась целая битва! А когда герцог настоял в конце концов на своем присутствии на обеде, Хават покачал головой: «Сир, – заявил он, – у меня дурные предчувствия. На Арракисе все идет пока слишком складно. На барона это не похоже. Совершенно не его стиль».

Мимо отца прошел Пол в сопровождении молодой женщины – та была на полголовы выше его. Кисло глянув в сторону отца, он кивнул, отвечая на ее реплику.

– Ее отец производит конденскостюмы, – сказала Джессика. – Мне сказали, что в глубокой пустыне не найдешь ни одного глупца в костюме его работы.

– А кто этот человек со шрамом на лице, что впереди Пола? – спросил герцог. – Я никак не припомню.

– Добавили в список в последний момент, – шепнула она. – Приглашение отправил Гарни. Это контрабандист.

– Отправил Гарни?

– По моей просьбе. Согласовали с Хаватом, хотя поначалу он слегка воротил нос. Контрабандиста зовут Туек, Эсмар Туек. Среди своих это фигура. Здесь его знают все и принимают во многих домах.

– А у нас он зачем?

– Каждый гость задается подобным вопросом, – сказала она. – Одно присутствие Туека посеет среди них сомнения и подозрения. Он послужит живым напоминанием о том, что ты готов твердой рукой

претворять в жизнь свои указы против жульничества, в том числе и против контрабандистов. Эта мысль понравилась Хавату.

– Не скажу, что она нравится *мне*. – Он кивнул проходящей паре, заметил, что оставалось лишь несколько гостей, пора было следовать в зал. – Почему ты не пригласила никого из фрименов?

– Здесь присутствует Кайнс, – сказала она.

– Да, Кайнс здесь присутствует, – ответил он. – Еще какие-нибудь небольшие сюрпризы для меня будут?

– Все остальное вполне обычно, – сказала она и подумала: «Дорогой мой, ну как ты не можешь понять, что у контрабандиста скоростные корабли, что ему нужны деньги. У нас должна быть потайная дверь, запасной выход для бегства с Арракиса, если все пойдет насмарку».

Только когда они вступили в обеденный зал, Джессика выпустила его руку из своей, позволив Лето усадить ее на место. Широкими шагами он направился к своему краю стола. Лакей отодвинул перед ним кресло. Остальные стали рассаживаться. Шелестели одежды, скрипели стулья, но герцог стоял. Он жестом подал сигнал, и внутренняя охрана в ливреях лакеев отступила, встав навытяжку.

В зале слегка приумолкли.

Поглядев вдоль стола, Джессика заметила, как подрагивают уголки рта Лето и как гневный румянец появился у него на щеках. «Что разгневало его? – спросила она у себя. – Не приглашенный же мною контрабандист?»

– Некоторые оспаривают мое право изменять обычаи, начиная с упразднения этих умывальных чаш, – заговорил Лето, – но с их помощью я хочу показать вам, что изменится многое.

За столом смущенно молчали.

«Или решили, что он пьян?» – подумала Джессика.

Лето выше поднял свой флакон с водой, лучи плавающих ламп поблескивали на его гранях.

– Как шевалье Империи, – объявил он, – я хочу провозгласить тост.

Все схватили свои флаконы, взгляды скрестились на герцоге. Наступила внезапная тишина, лишь огни светочаров еле плыли вдоль стен, гонимые легким дуновением сквозняка из кухни. По ястребиному лицу герцога ползли тени.

– Здесь я стою, и здесь я останусь! – отрубил он.

Тянувшиеся было ко ртам руки застыли – ведь фляга герцога все еще была поднята.

– Мой тост, – произнес он, – одна из тех максим, что так дороги нашим сердцам: «Бизнес – сердце прогресса! Фортуна ведет повсюду!»

Он пригубил воду.

Остальные последовали его примеру, вопросительно переглядываясь.

– Гарни! – позвал герцог.

Из ниши за его спиной отозвался голос Холлика:

– Здесь, милорд!

– Сыграй нам, Гарни!

В нише тонким голосом запел бализет. Повинуясь движению руки герцога, слуги принялись накладывать яства на тарелки: жаренный под соусом сепеда пустынный заяц, апломаж по-сирийски, чукку под глазурью, гусиный паштет. Искристое каладанское вино наполняло бокалы, густой коричный запах кофе с меланжем плыл по комнате.

Но Лето все еще стоял.

Гости застыли в ожидании, не решаясь отвести взгляд от хозяина дома и наброситься на очутившиеся перед ними аппетитные блюда. Наконец герцог сказал:

– Давным-давно существовал обычай, согласно которому хозяин должен был развлекать гостей, демонстрируя свои таланты. – Он сжал флягу так, что побелели костяшки пальцев. – Я не умею петь, но прочитаю слова одной из песен Гарни – пусть она станет тостом в память о тех, кто отдал свои жизни и тем самым привел нас к нашему положению.

Вокруг стола начинали неловко пошевеливаться.

Джессика опустила глаза, поглядела на своих соседей – на круглолицего поставщика воды и его даму, на бледного строгого представителя банка Гильдии (это чучело словно стремилось освистать обед, банкир не отводил глаз от Лето), на мужественное лицо Туека со шрамом на щеке, его синие от специи глаза были опущены.

– Они прошли, друзья, солдаты минувшего, – начал нараспев герцог. – Раны и доллары – вот их судьба, а мундир золоченый –

ошейник раба. Они прошли, друзья, солдаты минувшего; и в каждом мгновении – их вина, их грех. Но искушение богатством они одолели. Они прошли, друзья, солдаты минувшего. Но когда стихнет жестокий смех и нашего века, да скажут о нас: «Искушение это они одолели».

Последние слова герцог произнес уже совсем тихо. Потом плотнул из флакона с водой и с размаху поставил его на стол. Вода выплеснулась через широкое горло сосуда. Остальные пили в смущенном молчании.

Герцог снова поднял свой флакон и вылил оставшуюся половину содержимого на пол, зная, что остальным придется последовать его примеру.

Первой его жест повторила Джессика. На мгновение остальные замерли, потом поодиночке нерешительно начали выливать на пол содержимое своих флаконов. Джессика видела, что Пол, сидевший рядом с отцом, внимательно следит за реакцией окружающих. И ее саму тоже потрясло, как трудно давался всем этот поступок, особенно женщинам. Чистая питьевая вода – не какие-нибудь влажные полотенца. Выливать ее так, попусту... И руки арракийцев подрагивали, раздавались нервные смешки, они медлили... но повиновались необходимости. Одна из женщин уронила свой флакон и отвернулась, пока ее спутник поднимал его с пола.

Кайнс, впрочем, поступил совершенно иначе. Поколебавшись недолго, планетолог вылил содержимое флакона в емкость, спрятанную под одеждой. Заметив на себе взор Джессики, он улыбнулся и безмолвно приподнял пустой флакон. Его совершенно не смутил собственный поступок.

Музыка Холлика по-прежнему веяла в зале, но теперь уже не грустной песней, а весело и ритмично, словно пытаясь поднять всем настроение.

– Пусть начнется обед, – повелел герцог, опускаясь в кресло.

«Он рассержен и неуверен, – подумала Джессика. – Потеря комбайна задела его сильнее, чем следовало бы. Похоже, он в отчаянии. – Она подняла вилку, пытаясь движением подавить горькие думы. – Почему бы и нет? Именно в отчаянии».

Сперва скованно, потом все более оживляясь, обед пошел своим чередом. Фабрикант конденскостюмов нахваливал Джессике ее повара и вино.

– Мы вывезли и вино, и повара с Каладана.

– Великолепно! – произнес он, отведав чукки. – Просто великолепно! И нигде не чувствуется меланж. Специя так надоедает, когда находишь ее буквально во всем!

Представитель банка Гильдии глянул наискось на Кайнса:

– Как я понял, доктор Кайнс, черви погубили еще одну фабрику-краулер.

– Торопятся, спешат новости, – бросил герцог.

– Значит, это верно? – спросил банкир, обращаясь к Лето.

– Конечно, верно! – резко произнес герцог. – Куда-то задевался проклятый каргон. Такие громадные машины не могут пропадать просто так!

– Когда появился червь, краулер нечем было поднять! – сказал Кайнс.

– Такое вообще не должно случаться, – добавил герцог.

– И никто не видел, куда исчез каргон? – спросил банкир.

– Наблюдатели споттеров чаще всего не отрывают глаз от песка. Их интересует лишь след червя. А экипаж каргона состоит обычно из четырех человек – двух пилотов и двух наемных специалистов. Если один из них или даже двое были подкуплены врагами герцога...

– Ах так, – протянул банкир. – Вы говорите это как судья перемены?

– Мне приходится быть осторожным в суждениях, – заявил Кайнс, – и я не хочу обсуждать за столом эту тему. – А про себя подумал: «Ах ты бледный скелет! Ты же прекрасно знаешь, что подобные происшествия мне приказано не замечать».

Улыбнувшись, банкир вновь налег на еду.

Джессика вдруг припомнила одну из лекций в школе Бинэ Гессерит. Темой лекции были шпионаж и контрразведка. Читала кругленькая Преподобная Мать со счастливым выражением на лице, ее веселый голос странным образом контрастировал с темой:

«Следует обратить внимание на общность основных реакций всех выпускников любой школы шпионажа и контрразведки. Любая секретная дисциплина ставит свою метку, свой отпечаток на студентов. И эту схожесть поведения следует анализировать и делать выводы на ее основе.

Далее, мотивация поступков одинакова у всех агентов. Можно сказать, что определенные типы ее аналогичны в рамках школы вне зависимости от поставленной цели. И сперва вы должны научиться выделять при анализе это общее, во-первых, через схемы допросов, выдающих внутреннюю ориентацию допрашиваемых, во-вторых, путем тщательного анализа их мысленно-языковой организации. И сами вы поймете, как просто будет определить корневые языки субъектов анализа через интонации голоса и речевые приемы».

И теперь, сидя за столом вместе с сыном и герцогом, слушая этого представителя банка Гильдии, с внезапными мурашками, расползающимися по коже, Джессика вдруг поняла: это агент Харконненов. Речевые приемы его так и отдавали Гайеди Прим! Конечно, они были тонко замаскированы, но для ее тренированного восприятия речи его звучали словно признание.

«Неужели и сама Гильдия теперь против Дома Атрейдесов?» – спросила она себя. Эта мысль потрясла ее. Чтобы скрыть свои чувства, она попросила банкира подать ей блюдо и все вслушивалась в его говор, желая выведать его цели. «Теперь он переведет разговор на что-нибудь как будто бы невинное, но с многозначительными интонациями, – сказала она себе, – это его стиль».

Банкир прожевал кусок, пригубил вино, улыбнулся в ответ женщине справа. Мгновение он, казалось, прислушивался к словам сидевшего чуть поодаль мужчины, объяснявшего герцогу, что растения, возникшие собственно на Арракисе, не имеют шипов.

– Я так люблю наблюдать за птицами Арракиса в полете! – сказал банкир, обращаясь к Джессике. – Все наши птицы, конечно, падальщики. А многие приспособились обходиться без воды – пьют кровь.

Дочь фабриканта конденскостюмов, что сидела между герцогом и Полом на другом конце стола, нахмурила хорошенькую мордашку и сказала:

– Су-Су, вы говорите совершенно ужасные вещи.

Банкир улыбнулся:

– Они называют меня «Су-Су», потому что я еще и финансовый советник союза разносчиков воды.

Джессика молча продолжала смотреть на него, и он добавил:

– Так кричат продавцы воды – «Су-Су-Суук!» – Крик этот он воспроизвел с такой точностью, что многие за столом рассмеялись.

Джессика расслышала хвастовство в его тоне, но важнее было то, как эта молодая женщина произнесла свои слова – продуманно, давая возможность банкиру высказать заранее заготовленную фразу. Она поглядела на Лингара Бьюта. Водяной магнат, хмурясь, сосредоточился на еде. До Джессики дошло, что слова банкира означали: «И я тоже контролирую основной источник силы на Арракисе – воду».

Пол слышал фальшь в словах своего соседа. Заметил он и то, что мать внимает разговору в предельной концентрации Бинэ Гессерит. Повинуясь порыву, он решил сам сделать выпад, заставить врага раскрыться. И он обратился к банкиру:

– Не имеете ли вы в виду, сэр, что эти птицы – каннибалы?

– Странный вопрос, молодой господин, – ответил банкир. – Я просто сказал, что эти птицы пьют кровь. Но из моих слов не следует, что они пьют кровь собственной родни.

– Вопрос вовсе не странный, – сказал Пол, и Джессика услышала в его тоне резкий выпад, плод собственного обучения. – Образованные люди знают, что наиболее тяжелую конкуренцию молодой организм встречает среди себе подобных. – Он намеренно подцепил вилкой кусок с тарелки своей соседки и съел его. – Они питаются из одного котла, у них совершенно одинаковые потребности.

Банкир, нахмурясь, поглядел на герцога.

– Не следует ошибаться, принимая моего сына за ребенка, – произнес герцог и улыбнулся.

Джессика оглядела стол, заметила, что Бьют просиял, а Кайнс и Туек улыбаются.

– Один из принципов экологии, – произнес Кайнс. – И молодой господин прекрасно его понимает. Борьба между элементами жизни – это борьба за свободную энергию системы. Кровь – это эффективный источник энергии.

Банкир положил вилку и сердито пробурчал:

– Говорят, что эти подонки – фримены – пьют кровь своих мертвецов.

Кайнс покачал головой и менторским тоном произнес:

– Не кровь, сэр. Просто вся вода человека полностью принадлежит его племени. Это неизбежно, если ты живешь на Великой Равнине. Любая вода там драгоценность, а тело человека на семьдесят процентов состоит из воды. Мертвецу, согласитесь, она ни к чему.

Банкир в ярости уперся руками в стол по обе стороны тарелки. Джессике показалось, что он собирается в гневе встать из-за стола.

Кайнс взглянул на Джессику:

– Простите, миледи, что за столом была упомянута столь неприглядная вещь, но вам говорили неправду, и это следовало исправить.

– Ты столько времени проводишь со своими фрименами, что потерял уже всякий разум, – выдохнул банкир.

Кайнс спокойно поглядел на бледное трясущееся лицо:

– Можно ли считать это вызовом, сэр?

Банкир замер, потом сглотнул и неуверенно выговорил:

– Конечно, нет. Я не могу быть столь неуважительным к хозяину и хозяйке.

В голосе его Джессика слышала страх, он чувствовался во всем: в лице, в дыхании, в дрожании жилки на виске. Этот человек панически боялся Кайнса!

– И хозяин и хозяйка вполне способны самостоятельно определить, что оскорбляет их достоинство, – ответил Кайнс. – Это мужественные люди, они понимают, когда следует защищать свою честь. Их отвагу подтверждает уже сам факт, что они сейчас здесь... на Арракисе.

Джессика видела, что Лето наслаждается происходящим. Впрочем, в основном собравшиеся были иного мнения. Сидевшие у стола люди были готовы бежать, руки их были опущены под стол. Исключение составляли только двое: Бьют, открыто радовавшийся затруднительному положению банкира, и контрабандист Туек, словно ожидавший знака от Кайнса. Джессика заметила, что Пол глядел на Кайнса с восхищением.

– Ну? – произнес Кайнс.

– Я не желал вас обидеть, – пробормотал банкир. – Если мои слова показались обидными, пожалуйста, примите мои извинения.

– По воле дано, по воле принято, – ответил Кайнс, улыбнулся Джессике и, словно бы ничего не случилось, принялся за еду.

Джессика заметила, что и контрабандист расслабился. Она поняла – он здесь в качестве помощника и в любой момент готов броситься на помощь Кайнсу. Между Кайнсом и Туеком чувствовалась какая-то связь.

Лето поигрывал вилкой, задумчиво поглядывая на Кайнса. Поведение эколога свидетельствовало об изменении его симпатий в пользу Дома Атрейдесов. В орнитоптере над пустыней Кайнс держался прохладнее.

Джессика знаком приказала вносить новую перемену блюд и вин. Появились слуги с кроличьими языками по-гареннски – с красным вином и дрожжевым соусом из грибов.

Потихоньку разговор за едой возобновился, но теперь в интонациях Джессике слышалось возбуждение, ощущение значимости момента... Банкир мрачно ел. «Кайнс убил бы его не дрогнув», – подумала она. В поведении Кайнса не чувствовалось запрета на убийство. Убивать было для него делом привычным. Она догадалась, что такое – не редкость среди фрименов.

Джессика повернулась налево, к фабриканту конденскостюмов, и произнесла:

– Меня все не перестает потрясать значение воды на Арракисе.

– Оно велико, – согласился тот. – Что это за блюдо? Восхитительный вкус!

– Языки дикого кролика под особым соусом, – отвечала она, – весьма древний рецепт.

– Он мне совершенно необходим, – сказал мужчина.

– Я прикажу, чтобы вам его записали, – кивнула Джессика.

Кайнс поглядел на Джессику:

– Человек, впервые оказавшийся на Арракисе, часто недооценивает значение воды в этом мире. Здесь мы имеем дело с Законом Минимума.

По голосу она слышала, что он испытывает ее, и сказала:

– Рост ограничивается находящимся в минимуме условием. Наименее благоприятные условия, таким образом, управляют скоростью роста.

– Редко приходится слышать, чтобы члены Великих Домов были осведомлены в экологических проблемах планеты, – сказал Кайнс. – Нехватка воды на Арракисе является наименее благоприятным условием для жизни. Хочу напомнить вам, что и сам рост может создать неблагоприятные условия, если не относиться к нему с крайней осторожностью.

В словах Кайнса таился какой-то смысл, но Джессика не могла понять его.

– Рост? – переспросила она. – Не хотите ли вы сказать, что на Арракисе можно организовать нормальный цикл обращения воды так, чтобы люди могли жить в более благоприятных условиях?

– Это невозможно, – отрезал водяной магнат.

Джессика обернулась к Бьюту:

– Неужели невозможно?

– Увы, на Арракисе это невозможно... – сказал он. – Не слушайте этого мечтателя, все лабораторные эксперименты свидетельствуют о противоположном.

Кайнс глянул на Бьюта, и Джессика заметила, что беседа за столом прекратилась, все прислушивались к этому разговору.

– Врут эти лабораторные свидетельства, я могу очень просто доказать это, – ответил Кайнс. – Все донельзя просто: мы имеем дело с условиями уже возникшими и существующими вокруг нас, в которых растения и животные ведут нормальную жизнь.

– Нормальную! – фыркнул Бьют. – Да на всем Арракисе нет ничего нормального!

– Как раз наоборот, – сказал Кайнс, – здесь можно было бы наладить некоторые самоподдерживающиеся цепи. Надо лишь понять возможности планеты и действующие на ней силы.

– Этого никогда не будет, – провозгласил Бьют. И герцог вдруг понял, что отношение к ним Кайнса изменилось в тот момент, когда Джессика сказала, что оранжерею они сохраняют как залог для всего народа Арракиса.

– Что же требуется, чтобы установить здесь самоподдерживающуюся экосистему, доктор Кайнс? – спросил Лето.

– Если удастся использовать в пищу три процента зеленой массы Арракиса, занятой в производстве углеродистых соединений, мы запустим цикл, – сказал Кайнс.

– Но разве вода – единственная проблема этой планеты? – спросил герцог. Он чувствовал увлеченность Кайнса, она захватывала и его.

– Просто остальные проблемы меркнут перед водной, – сказал Кайнс. – В атмосфере планеты много кислорода, но нет его обычных спутников – обильной растительности и крупных источников углекислого газа, например вулканов. Налицо необычные химические процессы на больших площадях.

– У вас есть первоочередные проекты? – спросил герцог.

– У нас было достаточно времени, чтобы добиться эффекта Тансли в маломасштабных, почти любительских экспериментах, но теперь моя наука черпает в них основные исходные данные, – произнес Кайнс.

– Но воды же не хватит, – выговорил Бьют, – воды мало!

– Господин Бьют здесь специалист по воде, – сказал Кайнс, улыбнулся и вновь принялся за еду.

Герцог резко опустил на стол правую руку и отчеканил:

– Нет! Я хочу знать! Значит, здесь достаточно воды, доктор Кайнс?

Кайнс глядел в тарелку.

Джессика следила за сменой выражений на его лице. «Неплохо скрывает эмоции», – подумала она, видя его теперь уже насквозь и зная, что он сожалеет о вырвавшихся словах.

– Так достаточно ли воды? – настаивал герцог.

– Ну... может быть, ее достаточно, – ответил Кайнс.

«Он прикидывается неуверенным!» – думала Джессика.

Но своим более развитым чутьем истины Пол уловил тайное Кайнсом, и, чтобы скрыть возбуждение, потребовалась вся его тренировка. «Воды здесь довольно! Только Кайнс не хочет, чтобы об этом знали».

– У нашего планетолога много интересных мыслей и мечтаний, – сказал Бьют. – И мечты его – мечты фримена – о пророчествах и мессиях своего народа.

Кое-где за столом раздались смешки. Джессика заметила смеявшихся – контрабандист, дочь фабриканта конденскостюмов, Дункан Айдахо и женщина из таинственной службы сопровождения.

«Непонятны причины напряженности отношений, – подумала Джессика. – Здесь творится слишком много такого, о чем я не имею представления. Нужны новые источники информации».

Герцог перевел взгляд с Кайнса на Бьюта, потом на Джессику. Он чувствовал себя странно подавленным, словно нечто важное только что миновало его.

– Вероятно, это так... – пробормотал он.

Кайнс быстро произнес:

– Быть может, мы обсудим это в другой раз, милорд. Здесь столько...

Планетолог умолк. В комнату поспешно вошел солдат в форме Атрейдесов – охрана у входа его пропустила и торопливо проводила к герцогу. Посыльный нагнулся и зашептал на ухо Лето.

Джессика узнала кокарду частей Хавата и попыталась справиться с нахлынувшим беспокойством. Она обратилась к спутнице фабриканта конденскостюмов, крошечной темноволосой женщине с кукольным лицом и слегка монголоидным разрезом глаз:

– Вы почти не прикоснулись к кушаньям, моя дорогая. Может быть, приказать подать вам что-нибудь другое?

Прежде чем ответить, женщина поглядела на фабриканта, потом проговорила:

– Просто я совсем не голодна.

Герцог резко встал рядом с солдатом и громким голосом приказал:

– Всем оставаться на местах! Вам придется простить меня, но возникла ситуация, требующая моего личного внимания. – Он шагнул в сторону. – Пол, будь добр, прими на себя обязанности хозяина.

Пол поднялся, желая спросить у отца, в чем дело, и понимая, что в новой роли ему следует произвести впечатление. Он подошел к отцовскому месту и сел в кресло.

Герцог обернулся к нише, где находился Холлик, и произнес:

– Гарни, пожалуйста, займи место Пола. За столом вас должно остаться четное число. Возможно, после окончания обеда тебе придется доставить Пола на полевой командный пункт. Жди моего приказа.

Одетый в форму Холлик появился из ниши. Этот грузный уродец казался не на своем месте среди блеска и роскоши застолья.

Прислонив бализет к стенке, он подошел к креслу, в котором только что сидел Пол, и опустил в него.

– Для тревоги нет оснований, – объявил герцог, – но я посчитаю своим долгом просить вас остаться, пока наша домашняя охрана не объявит, что все безопасно. Здесь вы в полной безопасности, а с этой маленькой неприятностью мы управимся достаточно быстро.

Пол уловил кодовые слова *«охрана – безопасно – безопасность – быстро»*. Речь шла о безопасности, не о прямом нападении. Он видел, что мать тоже поняла это. Оба они почувствовали облегчение.

Герцог коротко кивнул, быстро обернулся и вышел через служебную дверь, за ним последовал солдат.

Пол обратился к гостям:

– Будьте добры, продолжим наш обед. Кажется, доктор Кайнс обсуждал водную проблему?

– Лучше, если мы вернемся к этой теме в другой раз, – попросил Кайнс.

– Безусловно, – согласился Пол.

Джессика с гордостью отметила достоинство, с которым держался сын, его зрелую уверенность.

Взяв в руку водяной флакон, банкир указал им на Бьюта:

– Никто из нас не сумеет в цветистости фраз превзойти господина Лингара Бьюта. Иногда можно даже подумать, что он стремится к статусу одного из Великих Домов. Что же, господин Бьют, провозгласите тост, быть может, у вас найдется кроха мудрости для юноши, которого приходится считать мужчиной.

Джессика под столом стиснула руку в кулак. Она видела, как Холлик подал рукой знак Айдахо, видела, как у стен застыла в готовности домашняя стража.

Бьют ядовито покосился на банкира.

Пол посмотрел на Холлика, на изготовившуюся охрану, жестко взглянул на банкира... тот опустил флакон для воды. Тогда Пол произнес:

– Однажды на Каладане я видел тело утонувшего рыбака. Он...

– Утонувшего? – прозвучал голос дочери фабриканта конденскостюмов.

Поколебавшись, Пол добавил:

– Да, это слово значит, что он погрузился в воду и от этого умер. Утонувшего.

– Какой интересный способ смерти, – пробормотала та.

Пол едко улыбнулся и вновь перевел взгляд на банкира.

– Интересно, что на плечах у этого человека были раны, оставленные шипами, что ввертывают в подошвы рыбацких сапог. Их, рыбаков, было несколько в лодке – это такое средство передвижения по воде. Она затонула – погрузилась под воду. Другой рыбак, из тех, что помогали искать тело, сказал, что подобные раны видит в жизни не впервые. Они свидетельствовали, что другой из утонувших рыбаков пытался встать на плечи бедняги, чтобы глотнуть воздуха на поверхности.

– Чем же это интересно? – спросил банкир.

– Помню, отец мой тогда заметил, что утопающего, который спасся, утопив другого, еще можно понять, если только это не произошло в гостиной. – Подождав немного, чтобы банкир понял угрозу, Пол добавил: – И не за обеденным столом.

В комнате вдруг воцарилось молчание.

«Резко, – подумала Джессика. – Положение банкира может позволить ему вызвать моего сына на поединок». Домашняя охрана была наготове. Гарни Холлик глядел на замерших перед ним подчиненных.

– Хо-хо-хо-о-о-о! – контрабандист Туек откинул назад голову в полном восторге.

За столом нервно заулыбались. Бьют ухмылялся.

Отодвинув стул, банкир обжег Пола взглядом.

Кайнс произнес:

– Дразнить Атрейдеса рискованно.

– Разве Атрейдесы привыкли оскорблять своих гостей? – уязвленным тоном запротестовал банкир.

Но прежде чем Пол успел ответить, Джессика наклонилась вперед и произнесла:

– Сэр! – А про себя подумала: «Пора понять, какую игру ведет эта харконненская тварь. Он собирается напасть на Пола? Есть ли у него здесь помощники?» – Сэр, мой сын лишь показал кафтан, а вы уверяете, что он скроен по вашей мерке? – спросила Джессика. –

Обворожительная откровенность! – Рукой она скользнула к лодыжке, где в ножнах покоился нож-крис.

Банкир перевел яростный взгляд на Джессику. Глаза собравшихся теперь обратились на нее, и Пол отодвинулся от стола, готовясь к действию. Он услышал сигнал – слово «кафтан» означало «будь готов к бою».

Кайнс задумчиво поглядел на Джессику и жестом дал знак Туеку.

Контрабандист с готовностью вскочил на ноги с флаконом в руке.

– Этот тост я хочу поднять, – сказал он, – за Пола Атрейдеса, юного только по виду, но мужчину по поступкам!

«Почему они вмешались?» – думала Джессика. Банкир теперь глядел уже на Кайнса, и Джессика вновь заметила ужас на лице тайного агента барона. Люди за столом начали поднимать флаконы.

«Если Кайнс ведет, люди повинуются, – подумала Джессика. – Он дал нам понять, что принял сторону Пола. В чем же секрет его власти? Очевидно, не в том, что он судья перемены. Это временная должность. И, уж во всяком случае, не потому, что он штатский слуга Императора».

Она отняла пальцы от рукоятки криса и, подняв флакон, посмотрела на Кайнса, тот ответил подобным же образом.

Только Пол и банкир Су-Су – что за идиотская кличка! – оставались с пустыми руками. Банкир не отводил взгляд от Кайнса. Пол глядел в тарелку.

«Я ведь все делал правильно, – размышлял Пол. – Почему же они вмешались?» Исподлобья он глянул на головы гостей перед ним.

– В нынешнем обществе людям не следует спешить с обидами. Частенько это просто самоубийственно. – Он посмотрел на дочь фабриканта конденкостюмов. – Не так ли, мисс?

– Конечно. Да. Я согласна, – ответила она. – Вокруг так много насилия! Меня мутит от него. Люди часто гибнут. Ссоры – это просто бессмысленно.

– Безусловно, – подтвердил Холлик.

Джессика оценила мудрость в словах девушки и подумала: «Эта с виду пустоголовая девица вовсе не пустоголова». Джессика поняла новую опасность, заметила, что и Холлик разгадал ее. Они хотели завлечь Пола... и ловушка – секс. Но первым все понял ее сын, обучение не позволило ему проглядеть такой очевидный гамбит.

Кайнс повернулся к банкиру:

– Ну, как насчет очередного извинения?

Банкир обратил кислую физиономию к Джессике и с деланой улыбкой проговорил:

– Миледи, боюсь, я слишком увлекся вашими винами. У вас за столом подают чересчур крепкие напитки, я не привык к ним.

Расслышав яд за его словами, Джессика ласково промолвила:

– Когда знакомятся незнакомцы, следует проявлять большое терпение, учитывая различия во вкусах и воспитании.

– Благодарю вас, миледи, – проговорил он.

Темноволосая спутница фабриканта конденскостюмов склонилась к Джессике:

– Герцог говорил, что мы здесь в безопасности. Надеюсь, что новая драка не началась?

«Ей велели сказать эти слова», – подумала Джессика.

– Хотелось бы, чтобы дело оказалось несущественным, – ответила она. – Но у герцога сейчас так много дел, требующих его личного внимания! Пока не исчезла вражда между Домами Атрейдесов и Харконненов, никакая осторожность не может показаться излишней. Герцог поклялся в канли. И, конечно, он не оставит в живых ни одного из агентов барона на Арракисе. – Она поглядела на представителя банка Гильдии. – Конвенция, как известно, не ограничивает его в этом праве. – Она перевела глаза на Кайнса. – Не так ли, доктор Кайнс?

– Именно так, – подтвердил Кайнс. Фабрикант конденскостюмов незаметно подтолкнул свою спутницу, и она сказала: – Теперь я, наверное, что-нибудь съем. Мне бы хотелось той птицы, что подавали недавно.

Джессика махнула слуге и обернулась к банкиру:

– Вы, сэр, только что говорили о птицах и их привычках. На Арракисе столько интересного! Расскажите мне, где находят специю? За нею дюннерам приходится углубляться в пески?

– О нет, миледи, – отвечал тот. – О глубокой пустыне известно немного, а о южных районах – почти ничего.

– Говорят, что в южных пределах обретается Великая Жила – мать всей специи, – сказал Кайнс, – только я подозреваю, что ее выдумали для красного словца. Иногда самые отважные искатели специи дерзают проникнуть на окраины Центрального пояса, но это весьма

опасно: летные условия нестабильны, часты бури. И чем дальше от Барьера, тем больше несчастных случаев. Оказалось, что углубляться слишком далеко на юг невыгодно. Если бы у нас были погодные спутники...

Бьют поглядел вверх и с полным ртом проговорил:

– А говорят, что Вольный народ и там протоптал свои тропы. Они ведь ходят куда угодно и выискали вассеры и сипперы даже в южных широтах.

– Вассеры и сипперы, что это? – переспросила Джессика.

Кайнс быстро проговорил:

– Пустые слухи, миледи. Такие объекты известны на других планетах, не на Арракисе. Вассер – это место, в котором вода выступает на поверхность или подступает близко к ней, так что до воды можно докопаться, если есть определенные признаки. А сиппер – это тот же самый вассер, где человек может тянуть воду через соломинку... так говорят.

«Но в словах его – обман», – подумала Джессика.

«Почему он лжет?» – удивился Пол.

– Как интересно, – произнесла Джессика, подумав: «Так говорят... Любопытная здесь манера разговаривать. Если бы они только представляли, как она выдает их склонность к суевериям!»

– Я слышал, что у вас есть поговорка, – проговорил Пол, – «блеск приходит из города, а мудрость – из пустыни».

– На Арракисе поговорок так много! – отозвался Кайнс.

Но прежде чем Джессика могла задать новый вопрос, перед нею склонился слуга с запиской. Она распечатала ее, узнала почерк герцога, его кодовые знаки и внимательно просмотрела.

– Радостная весть для всех нас! – сказала она. – Наш герцог заверяет, что все в порядке. Дело, оторвавшее его от вашего общества, улажено. Пропавший каргон обнаружен. Проникнувший в экипаж агент Харконненов сумел справиться с нашими людьми и увел машину к базе контрабандистов, намереваясь там ее продать. И каргон, и похититель возвращены нам.

Она кивнула Туеку.

Контрабандист вернул ей поклон.

Джессика сложила записку, спрятала ее в рукав.

– Я рад, что до открытой стычки не дошло, – проговорил банкир. – Народ надеется, что Атрейдесы принесут на планету мир и процветание.

– В особенности процветание, – подтвердил Бьют.

– Не пора ли подавать десерт? – осведомилась Джессика. – Я просила нашего шеф-повара приготовить каладанское лакомство – рис-панди под соусом дольса.

– Звучит восхитительно! – проговорил фабрикант конденскостюмов. – Смогу ли я получить рецепт?

– Любой рецепт, который вы пожелаете, – ответила Джессика, *отмечая* этого человека, чтобы сказать о нем Хавату. Фабрикант пуглив и пронырлив, его легко купить...

Вокруг нее возобновилась непринужденная беседа:

– Такая изящная ткань...

– Сыну пришлось заказать подходящую оправу для камня...

– В следующем квартале можно попытаться увеличить выпуск...

Джессика глядела в тарелку, размышляя над закодированной частью послания Лето: «Харконнены пытались доставить сюда партию бластеров. Мы их перехватили. А это значит, что другие партии прошли свободно. Отсюда с определенностью следует, что ставки на силовые щиты они не делают. Примите соответствующие предосторожности».

Мысль Джессики сосредоточилась на бластерах. Добела раскаленные пучки разрушительного света прорезали все... любой материал, если он не прикрыт силовым полем. Если лазерный луч попадет на силовой щит, взрыв погубит и стрелка и обороняющегося. Почему же Харконненов это не смущает? Последствия взрыва при взаимодействии излучения со щитом трудно предугадать. Иногда он мог оказаться мощнее атомного, иногда – привести к гибели только стрелка и его мишени.

Неопределенность наполнила ее неуверенностью.

Пол произнес:

– Я не сомневался, что каргон отыщется. Если за дело взялся отец, все будет в порядке. В этом Харконненам еще придется убедиться!

«Хвастает, – подумала Джессика. – Не надо бы. Этой ночью права хвастать не имеет тот, кто устроился на ночлег под землей».

*Путей для бегства нет, если настало время платить за
беззакония предков.*

*Принцесса Ирулан. «Избранные изречения
Муад'Диб»*

Услышав шум в Большом зале, Джессика включила свет у кровати. Часы еще не успели перевести на местное время, и ей пришлось вычесть двадцать одну минуту, чтобы понять, что уже около двух ночи.

Громкий голос то исчезал, то слышался вновь.

«Неужели нападение Харконненов?» – подумала она.

Выскользнув из постели, она включила экран монитора, чтобы проверить, где члены ее семьи. Пол спал в глубоком погребке, поспешно переоборудованном под спальню для него. Шум явно доносился не оттуда. В комнате герцога никого не было, постель его оставалась несмятой. Должно быть, он все еще на полевом командном пункте.

В средней части дома мониторов еще не было.

Стоя посреди комнаты, Джессика прислушивалась.

Кто-то кричал... Звали доктора Юэ... Джессика нашла халат, набросила его на плечи, сунула ступни в шлепанцы и застегнула на ноге ремни ножен.

В зале вновь позвали Юэ.

Джессика подпоясала халат и вышла в коридор, и только тут ее пронзила мысль: а если ранен сам Лето? Она пробежала по ставшему бесконечным коридору, свернула в арку в его конце, рванулась мимо парадной столовой по проходу к Большому залу. Влетев туда, она обнаружила, что зал ярко освещен и все пристенные плавающие лампы горят на полную мощность.

Справа от входа двое часовых поддерживали Дункана Айдахо. Голова его свалилась на грудь. Увидев ее, все смолкли.

Один из часовых обвиняющим тоном сказал, обращаясь к Айдахо:

– Ну, погляди, что ты натворил? Разбудил леди Джессику.

Громадные портьеры за их спинами вздувались пузырями, значит, дверь не заперли. Не было видно ни герцога, ни доктора Юэ. Холодно глядя на Айдахо, Мейпс отступила в сторону. Она была в длинном коричневом одеянии, по подолу которого змеился узор. Обута она была в расшнурованные пустынные сапоги.

– Значит, я разб'дил леди Джессику, – пробормотал Айдахо и, подняв побагровевшее лицо к потолку, заорал: – Мой меч пил вражью кровь еще на Грум... Груммане!

«Великая Мать! Он пьян!» – подумала Джессика.

Загорелое круглое лицо Айдахо хмурилось. Его курчавые, как шкура черного козла, волосы были испачканы грязью. Через прореху в плаще виднелась парадная рубашка, в которой он был на обеде.

Джессика подошла к нему.

Один из часовых кивнул ей, не выпуская Айдахо:

– Не знаем, что и делать с ним, миледи. Шумел перед входом и отказывался войти. Мы побоялись, что появятся местные и увидят его. Это было бы совсем некстати. Тогда о нас могут плохо подумать.

– Где он был? – спросила Джессика.

– Провожал домой с обеда одну из молодых дам по приказу Хавата.

– Какую же?

– Одну из девок эскорта, понимаете, миледи. – Он глянул на Мейпс, понизил голос. – Айдахо всегда вызывают, если надо проследить за женщиной.

Джессика подумала: «Это так! Но почему же он пьян?»

Нахмурившись, она обернулась к Мейпс:

– Принеси чего-нибудь бодрящего, Мейпс. Лучше кофеин. Может быть, осталось немного кофе со специей?

Пожав плечами, Мейпс отправилась на кухню, голенища незашнурованных сапог шлепали по каменному полу.

Айдахо с трудом приподнял подбородок, намереваясь взглянуть на леди Джессику, но голова тут же упала обратно на грудь.

– Убил больше трехсот... для герц'га, – пробормотал он. – И кто знает, зачем я здесь? Н-нет жизни под з'млей, н-нет жизни и на з'мле. Что это з-за место? А?

Шум в боковом проходе привлек внимание Джессики. Она обернулась, увидела подходящего к ним Юэ с медицинской сумкой в левой руке. Он был полностью одет, казался измученным и бледным. Вытатуированный алмаз ярко проступил на лбу.

– Ах, добрый докт'р! – заорал Айдахо. – Ну что ты знаешь, док? Лубки да пилюли. – Он повернулся к Джессике: – Должно быть, я сейчас в'ляю п-проклятого дурака, а?

Джессика молча нахмурилась: «Почему же Айдахо пьян?.. Может быть, его подпоили каким-нибудь зельем?»

– Пер'брал... меланжевого пива, – объявил Айдахо, пытаясь выпрямиться.

Мейпс вернулась с дымящейся чашкой в руках и неуверенно стала за Юэ. Она поглядела на Джессику, та покачала головой.

Юэ поставил ящичек на пол, кивком поприветствовал Джессику и сказал:

– Меланжевое пиво, не так ли?

– Прв'сходное, лучше не п-пробовал, – выговорил Айдахо и попытался встать навытяжку. – Впервые опробовал меч на Груммане! Убил Харкон... Харкон... убил его для герц'га!

Юэ повернулся, глянул на чашку в руке Мейпс:

– Что это?

– Кофе, – пояснила Джессика.

Юэ взял чашку, поднес ее Айдахо:

– Выпей-ка это, парень.

– Н'хочу пить!

– Пей, говорю!

Голова Айдахо качнулась вперед, он пошатнулся и шагнул к Юэ, увлекая за собой стражу.

– Я п'горло сыт этой вашей 'мперской Вселенной, док. А сейчас... Ну разик сделаем по-моему.

– После того, как ты выпьешь это, – сказал Юэ, – здесь только кофе.

– Чертовски пр'влекательное местечко! Пр'клятое со-солнце слишком я-ярко. У в-всего неп-пр'вильные цвета. Все не так или...

– Слушай, уже ночь, – Юэ убеждал его. – Выпей, будь хорошим мальчиком. Хуже не будет.

– Н'хочу, чтоб было х-хуже...

– Нельзя же болтать с ним всю ночь, – произнесла Джессика, подумав, что требуется шоковая терапия.

– Миледи, вам ни к чему более задерживаться здесь, – сказал Юэ. – Я позабочусь о нем сам.

Джессика покачала головой, шагнула вперед и с размаха ударила Айдахо по щеке.

Тот отшатнулся назад, увлекая стражей, яростно поглядел на нее.

– Нельзя так вести себя в доме твоего герцога, – сказала она, расплескивая кофе, выхватила чашку из рук Юэ и ткнула Айдахо в лицо. – Пей живо, я приказываю!

Айдахо рывком выпрямился, хмуро поглядел на нее и произнес, тщательно и подчеркнуто выговаривая слова:

– Я не исполняю приказов лазутчиков проклятого барона.

Юэ застыл, обернувшись лицом к Джессике.

Лицо ее побледнело, она кивнула. Теперь все становилось на свои места, все те обрывки мыслей, которые она подмечала в словах и поступках людей, окружавших ее последние несколько дней. Ее вдруг охватил гнев, такой, что его даже трудно было сдержать. Лишь призвав на помощь все свои знания Дочери Гессера, она смогла успокоить свой пульс и выровнять дыхание. Но огонь гнева все-таки не погас.

Айдахо всегда используют, если нужно проследить за женщиной...

Она метнула взгляд на Юэ. Доктор опустил глаза.

– Тебе это было известно? – спросила она.

– Я... слухи, миледи. Но я не хочу более огорчать вас.

– Хават! – отчеканила она. – Я хочу, чтобы Сафира Хавата немедленно доставили ко мне.

– Но, миледи!

– Немедленно!

«Это Хават, – подумала она. – Источником такого подозрения может быть только он. Никого другого даже не стали бы слушать».

Айдахо качнул головой и пробормотал:

– К чертям всю эту проклятую дрянь.

Джессика глянула на чашку в своей руке и резко выплеснула содержимое в лицо Айдахо:

– Заприте его в одной из комнат для гостей в восточном крыле. Пусть проспится.

Оба стража посмотрели на него несчастными глазами. Один осмелился возразить:

– Быть может, отвести его в другое место? Миледи, мы могли бы...

– Пусть будет здесь! – отрезала Джессика. – У него здесь дело. – Голос ее отдавал горечью. – Он так хорошо следит за дамами!

Страж судорожно сглотнул.

– Ты знаешь, где герцог? – требовательно спросила она.

– На командном пункте, миледи.

– А Хават с ним?

– Хават в городе, миледи.

– Сразу же доставить его ко мне, когда вернется, – сказала Джессика. – Я буду ждать в гостиной, пока он не появится.

– Но, миледи...

– Если будет необходимо, я обращусь к герцогу, – сказала она. – Надеюсь, впрочем, что до этого не дойдет. Я не хочу его беспокоить по пустякам.

– Да, миледи.

Джессика бросила пустую чашку в подставленные руки Мейпс, встретив вопросительный взгляд синих на синем глаз.

– Можешь вернуться в постель, Мейпс.

– Вы уверены, что я не потребуюсь?

Джессика мрачно ответила:

– Уверена.

– Наверно, с этим вопросом можно было бы подождать до утра, – сказал Юэ. – Я дал бы вам успокоительное и...

– Ты вернешься к себе и оставишь меня в покое. Я сама разберусь, – ответила она, похлопав его по руке, чтобы смягчить тон приказа. – Вот так.

Она резко оглянулась и, высоко держа голову, величаво отправилась в глубь дома к своим комнатам. Прохладные стены... переходы... знакомая дверь... Джессика рывком распахнула ее, вошла внутрь и захлопнула дверь за собою. Она стояла, яростно глядя в замутненное пленкой силового щита окно. «Значит, Хават! Не его ли и подкупили Харконнены? Посмотрим».

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу, покрытому расшитой шкурой, и повернула его к двери. Она ощутила вес криса на

ноге, потом решила переместить нож на руку, проверила, легко ли он выходит из ножен. Снова оглядев комнату, она восстановила в памяти положение всех предметов на случай необходимости: шезлонг в углу, кресла с прямыми спинками у стены, два низких стола, ее собственная цитра на подставке рядом с дверью в спальню.

Плавающие лампы светились бледно-розовым светом. Она притушила свет, уселась в кресло, поглаживая рукой ткань. Королевская пышность материи весьма подходила к случаю.

«Теперь пусть идет, – подумала она. – Посмотрим, что будет».

И подготовилась ждать привычным для Бинэ Гессерит способом, копить терпение, сберегать силы.

Стук в дверь раздался раньше, чем она ожидала, и, получив разрешение, в комнату ступил Хават.

Застыв в кресле, она следила за ним, чувствуя под наркотической живостью движений его накопившуюся усталость. Старческие, с прожилками, глаза Хавата поблескивали, морщинистая кожа в тусклом свете отливала желтизной, на рукаве правой руки расплылось широкое мокрое пятно.

Она почувствовала, что сегодняшний день не обошелся без крови.

Джессика показала на одно из кресел с прямой спинкой и сказала: – Возьми одно и сядь ко мне лицом.

Хават повиновался. «Ох, этот дурак Айдахо», – подумал он. Посмотрев на лицо Джессики, он понял, что придется выпутываться из затруднительного положения.

– Похоже, пора выяснить наши отношения, – произнесла Джессика.

– Что же вас беспокоит, миледи? – Он сел, положив руки на колени.

– Не изображай невинность, – отрезала она. – Если Юэ не объяснил тебе, почему мы призвали тебя, это сделал один из твоих осведомителей среди домашних. Признай хоть это.

– Как вам угодно, миледи.

– Ну что ж, сперва ответь мне на один вопрос, – сказала она. – Ты – агент Харконненов?

Хават от неожиданности приподнялся в кресле:

– Вы смее так оскорблять меня?

– Садись, – приказала она, – но меня ты посмел *так* оскорбить.

Он медленно опустился обратно.

Читая мысли на этом хорошо знакомом лице, Джессика облегченно вздохнула. *Нет, не Хават.*

– Теперь я знаю, что ты остаешься верным моему герцогу, – сказала она. – И я готова простить твою выходку.

– А есть что прощать?

Джессика нахмурилась: «Следует ли идти с козырей? Сказать ли ему о дочери герцога, которую я ношу в себе уже несколько недель? Нет... Лето и сам еще не знает. Это лишь усложнит ему жизнь, отвлечет его, когда он должен думать лишь о нашем спасении. Эту карту следует приберечь до времени».

– Недоразумение могла бы разрешить ясновидящая, – сказала она. – Но среди нас нет ясновидящей, утвержденной Высшей Коллегией.

– Совершенно верно. Ясновидящей нет.

– А есть ли предатель? – спросила она. – Я тщательно продумала это. Кто бы это мог быть? Не Гарни. И, конечно, не Дункан. Их лейтенанты не занимают стратегически важного положения. Это не ты, Сафир. Пол исключается. Я знаю, что это не я. Остается доктор Юэ? Вызовем и проверим?

– Вы знаете, что это напрасный труд, – сказал Хават. – Он был подвергнут имперской обработке. Это я знаю точно.

– Добавим, что его жена была из Дочерей Гессера, ее убили Харконнены, – сказала Джессика.

– Так вот что с ней случилось! – воскликнул Хават.

– Разве ты не слыхал ненависть в его голосе, когда он упоминает имя Харконненов?

– У меня, знаете, плохой слух, – сказал Хават.

– Какие основания есть у тебя для столь жестокого обвинения?

Хават нахмурился:

– Моя госпожа ставит своего слугу в затруднительное положение.

В первую очередь я верен герцогу.

– Именно поэтому я готова тебе многое простить, – сказала она.

– И снова я должен спросить, а что прощать?

– Пат? – произнесла она.

Он пожал плечами.

– Тогда отвлечемся на минутку, – сказала она. – Дункан Айдахо – великолепный воин, способности в области охраны и слежки которого так высоко ценятся, сегодня ночью перебрал чего-то, называемого «меланжевым пивом». Мне докладывали, что среди наших людей не он один был одурманен этим зельем. Верно ли это?

– Вам же докладывали, миледи.

– Доклаживали. Тебе не кажется, что это слишком, Сафир?

– Моя госпожа говорит загадками.

– Воспользуйся же своими способностями ментата! – отрезала она. – Знаешь, в чем дело с Айдахо и прочими? Могу ответить четырьмя словами: у них нет дома.

Хават ткнул пальцем вниз:

– Арракис – вот их дом.

– Они не знают Арракиса! Каладан был их домом, но мы вырвали их с корнем. У них теперь нет дома. И они боятся, что герцог подведет их.

Он напрягся:

– Такие речи в устах кого-нибудь из них могли бы...

– Прекрати, Сафир. Пораженчество или предательство, если доктор ставит правильный диагноз? Я лишь хочу излечить эту болезнь.

– Эти вопросы герцог поручил мне.

– Но ты понимаешь, что я, естественно, заинтересована в знании хода болезни, – сказала она. – И, быть может, ты согласишься, что у меня есть определенные способности в этой области.

«Придется встряхнуть его, – размышляла она. – Ему нужна встряска, чтобы избавиться от рутины».

– Есть много толкований, что могут заинтересовать вас, – сказал Хават, пожимая плечами.

– Значит, он уже считает меня виновной?

– Конечно, нет, миледи. Но я, учитывая сложившуюся ситуацию, не могу позволить себе исключить любой шанс.

– Прямо здесь, в этом доме, ты проглядел угрозу жизни моего сына! – сказала она. – Чей, по-твоему, был этот шанс?

Его лицо потемнело:

– Я предложил герцогу свою отставку.

– А мне ты ее предлагал... или Полу?

Теперь он явно рассердился, гнев выдавали и частое дыхание, и раздутые ноздри, и прямой взгляд. Она увидела: на его виске забилась жилка.

– Я предан герцогу, – отчеканил он.

– Итак, предателя нет, – сказала она, – угроза исходит непонятно откуда. Быть может, она связана с бластерами. Они могут рискнуть и расположить вокруг дома несколько бластеров с часовыми механизмами, нацеленных на домашние силовые щиты. Возможно, они...

– А как потом доказывать, что взрыв не был атомным? – спросил он. – Нет, миледи. Настолько незаконными методами они не будут пользоваться. Радиация останется. Такую улику не спрячешь. Нет, они выполняют большинство принятых правил. Предатель – ничего другого не остается.

– Уверяешь, что ты предан герцогу, – усмехнулась она, – и губишь его, пытаешься спасти?

Он глубоко вздохнул:

– Если вы невиновны, я принесу самые униженные извинения.

– А теперь подумай, Сафир, – сказала она. – Человек лучше всего чувствует себя на своем собственном месте, каждый знает свое место среди прочих. Разрушь это место – погубишь человека. Среди всех нас, тех, кто любит герцога, мы с тобой, Сафир, обладаем реальной способностью уничтожить место другого. Разве не могла я, Сафир, нашептать ему свои подозрения ночью? Когда он наиболее чуток к моим словам? Или тебе надо объяснить подробнее?..

– Вы мне угрожаете? – огрызнулся он.

– Нет, просто указываю тебе, что нам наносят удар, зная наши взаимоотношения. Умный, дьявольски умный удар. И я предлагаю отвести этот удар, изменив наши с тобой отношения так, чтобы не осталось и щели, куда может войти лезвие врага.

– Вы обвиняете меня в нашептывании герцогу беспочвенных подозрений?

– Да, беспочвенных.

– И вы будете бороться собственным шепотом?

– Это твоя жизнь проходит среди шепота, Сафир, не моя.

– Значит, вы сомневаетесь в моих способностях?

Она вздохнула:

– Сафир! Я хочу, чтобы ты понял роль своих собственных эмоций во всем этом. Обычный человек – это просто животное, лишенное всякой логики. И предположение, что логику можно проецировать на все стороны жизни, – не всегда верно, но допустимо в меру полезности. Ты – воплощение логики, ты – ментат. И твои решения складываются в концепции, которые ты потом проецируешь вовне, всесторонне изучая и рассматривая их.

– Вы что, пытаетесь учить меня моей работе? – спросил он, не скрывая презрения.

– Все, что вне тебя, можно рассматривать с помощью твоих логических методов, – сказала она. – Но одна из главных черт человека заключается в том, что глубоко личные вопросы трудно выявить в той степени, чтобы их можно было анализировать логически. Так можно даже сломать человека, и он будет потом обвинять всех и вся, скрывая истинные причины.

– Вы злонамеренно пытаетесь подорвать мою веру в собственные способности. – Ментат задохнулся от негодования. – Да если бы мне на этом попался кто-нибудь из наших... на попытке обезвредить любое оружие из нашего арсенала, я бы не стал сомневаться, вынося ему приговор и приводя его в исполнение.

– И самый лучший ментат обязан считаться с возможностью ошибки в расчетах, – сказала она.

– Я всегда это утверждал.

– Тогда считай: пьянство и ссоры среди людей, сплетни и дикие слухи об Арракисе, они не обращают внимания на простейшие...

– Праздность, не более, – ответил он. – Не пытайтесь отвлечь мое внимание, сделать тайну из пустяка.

Она глядела на него, думая о людях герцога, вместе завивавших в бараках горе веревочкой, там даже в воздухе ей чудилось напряжение, запах горящей изоляции. «Они как космические скитальцы из древней, еще догильдийской легенды, – подумала она. – Как сотоварищи затерявшегося звездопроходца Амполироса... с их пренебрежением к собственному оружию... вечно ищущие, вечно готовящиеся и всегда застигнутые врасплох».

– Почему ты никогда в полной мере не использовал на благо герцога мои способности? – спросила она. – Опасаешься конкурента?

Он яростно глядел на нее, старые глаза горели гневом.

– Не думайте, что мне ничего не известно о вас... Дочерях Гессера... – Хмурясь, он умолк.

– Не стесняйся, говори, что хотел сказать: о ведьмах-гессеритках.

– Я знаю кое-что об основах вашей подготовки, – произнес он, – видел, как она прет из Пола. Меня не обманешь этой ложью для простаков: «Мы – Дочери Гессера, мы существуем лишь для того, чтобы служить!»

«Шок должен быть жестоким, он уже почти созрел для удара», – подумала она.

– Ты с уважением слушаешь меня на совете, – сказала Джессика, – но редко интересуешься моим мнением. Почему?

– Я не верю в цели Бинэ Гессерит, – сказал он. – Вам-то может казаться, что вы видите человека насквозь, что можете заставить его сделать именно то, что вы...

– Сафир, ты – бедный глупец! – яростно перебила его Джессика.

Нахмурившись, он откинулся в кресле.

– Какие бы слухи о наших школах до тебя не доходили, – сказала она, – правда гораздо сильнее. Если бы я захотела погубить герцога... или тебя... да кого угодно, ты не смог бы помешать мне.

Она подумала: «Почему я позволяю, чтобы гордость моя произносила эти слова? Не этому учили меня. И не так можно потрясти его».

Хават запустил руку в карман, прикоснулся к крошечному пистолету с отравленными иглами. «На ней нет щита, – подумал он, – а если она просто блефует? Сейчас я мог бы с легкостью убить ее... но, ах-х, каковы будут последствия, если я ошибаюсь...»

Джессика заметила, как его рука опустилась в карман, и проговорила:

– Давай поклянемся, что не применим насилие друг против друга.

– Достойная клятва, – согласился он.

– Пока эта хворь еще разделяет нас, – сказала она, – вновь прошу тебя, подумай, не разумнее ли считать, что Харконнены внушили нам эти подозрения, чтобы восстановить нас обоих друг против друга?

– Похоже, вновь пат, – объявил он.

Она вздохнула, подумав: «Он уже почти готов для удара».

– Герцог и я словно отец и мать для наших людей, – сказала она. – Положение...

– Он ведь не женился на вас, – спокойно возразил Хават.

Она заставила себя успокоиться, подумав: «Что же – это неплохой выпад».

– Но он не женится ни на ком другом, – ответила Джессика. – Пока я жива. И, как я сказала, мы словно отец и мать... Но чтобы разрушить это естественное положение, возмутить его, разорвать, смешать... Ну да... кого Харконненам выгоднее наметить своей целью?

Он уже чувствовал, куда она метит, и брови его угрожающе сдвинулись.

– Самого герцога? – спросила она. – Привлекательная цель, конечно. Но кого еще, кроме, Пола, охраняют лучше? Меня? Соблазнительно, но они знают, что Дочь Гессера – плохая мишень. Есть еще лучшая цель – человек, чьи служебные обязанности сливаются в громадное слепое пятно. Человек, для которого подозревать столь же естественно, как и дышать. Чья жизнь складывается из намеков и тайн. – Она резко ткнула в него пальцем. – Это ты, Хават!

Ментат вскочил на ноги.

– Я не отпускала тебя, Сафир! – вскричала она.

Старый ментат почти рухнул в кресло, столь быстро повиновались его мускулы. Она сухо улыбнулась.

– Ну вот, теперь ты кое-что узнал на деле о нашей подготовке, – добавила Джессика.

Хават сухо сглотнул. Она повелевала им, как королева. Властному приказу, ее тону и манере он не мог не подчиниться. Само тело его повиновалось ее словам быстрее, чем он успел осознать. И ничто не могло бы воспрепятствовать повиновению: ни логика, ни ярость, ни гнев... ничто. Чтобы сделать такое, она должна была глубоко, насквозь видеть его... о такой глубине контроля он не мог прежде даже помыслить.

– Я только что говорила тебе, что мы должны понимать друг друга, – сказала она. – Но я имела в виду, что ты должен понять меня... Я давно поняла тебя. И теперь говорю: лишь твоя преданность герцогу сможет уберечь тебя от меня.

Не отводя от нее глаз, он облизнул губы.

– Если бы я хотела жить с марионеткой, герцог женился бы на мне, – сказала она, – и даже думал бы, что сделал это по собственной воле.

Хават нагнул голову, глядя исподлобья сквозь редкие ресницы. Только крайнее усилие воли не позволяло ему теперь крикнуть охрану. Усилие воли... и неуверенность. Даже кожа его не забыла эту покорность. В тот миг она могла бы извлечь оружие и спокойно убить его.

«Неужели у каждого человека есть такое слепое пятно? – думал он. – Неужели каждого из нас можно заставить что-то сделать без осознания самого поступка? – Мысль эта потрясла его. – Кто же может остановить личность, обладающую такой силой?»

– Теперь ты увидел каменный кулак в мягкой перчатке Бинэ Гессерит, – сказала она, – немногие остаются в живых после этого. Такая штука для нас несложна. Со всем моим арсеналом ты не знаком, учти.

– Почему же вы не обратите всей этой силы против врагов герцога? – спросил он.

– Как? И против кого? – возразила она. – Надо ли делать из герцога слабака, не способного действовать без моей помощи?

– Но с такой силой...

– Сила – это обоюдоострый меч, Сафир, – сказала она. – Ты сейчас думаешь: как ей просто заставить свое живое орудие смертельно ранить врага! Истинно, Сафир. Даже тебя. Но чего я добьюсь? Если бы мы, Дочери Гессера, делали такое, что подумали бы о нас? Мы не хотим этого, Сафир. Мы не хотим погубить себя сами. – Она кивнула. – Мы действительно существуем только для того, чтобы служить.

– Мне нечего ответить, – произнес он. – Вы знаете, мне нечего ответить.

– И ты не скажешь никому о том, что произошло между нами, – произнесла она. – Я ведь знаю тебя, Сафир.

– Миледи... – Старик вновь попытался сглотнуть пересохшим горлом.

Он думал: «Да, силы ее велики. Но тем более грозным оружием станет она в руках Харконненов».

– Герцога могут погубить не только враги, но и друзья, – сказала она. – Я надеюсь, теперь ты продумаешь свои подозрения и поймешь, что для них нет причины.

– Если это можно будет доказать, – сказал он.

– Если, – фыркнула она.

– Если, – сухо повторил он.

– Ты слишком упрям, – проговорила она.

– Осторожен, – произнес он, – к тому же я всегда учитываю возможность ошибки.

– Тогда я задам тебе еще один вопрос: если ты стоишь перед другим человеком, связанный и беспомощный, – в руках у него нож, приставленный к твоему горлу, но он тебя не убивает, наоборот, развязывает путы и дает нож тебе в руки...

Она поднялась, повернулась к нему спиной и сказала:

– А теперь можешь идти, Сафир.

Старый ментат поднялся, рука его нерешительно поползла в карман к смертоносному оружию. Он вспомнил арену, давнюю корриду отца герцога (все-таки он был храбр, какими бы ни были его промахи). Свиристый черный зверь замер в смятении с опущенной головой. Старый герцог спиной повернулся к рогам, плащ с капюшоном небрежно переброшен через руку, рев одобрения на трибунах.

«Бык – я, а она – матадор», – подумал Хават. Он отнял руку от оружия, поглядев на выступивший на ладони пот.

И понял, чем бы все это в конце концов ни закончилось, мига этого он не забудет, не забудет и высшего восхищения леди Джессикой.

Спокойно повернувшись, Хават вышел из комнаты.

Джессика отвела взор от его отражавшейся в оконных стеклах фигуры и обратилась лицом к закрывшейся двери.

– А теперь последуют и соответствующие поступки, – прошептала она.

*Разве борешься ты со снами?
Разве бьешься с тенями?
Разве ходишь во сне?
Но время твое ускользнуло,
Твою жизнь забрали,
А ты все беспокоился о пустяках —
Жертва своего безрассудства.*

*(Из плача о Джеемисе на Погребальной Равнине)
Принцесса Ирулан. Из сборника песен Муад'Диб*

Стоя в прихожей собственного дома, Лето изучал записку в свете одинокой плавающей лампы. До рассвета оставалось еще несколько часов, и он ощущал усталость. Вестник от фрименов передал эту записку охране внешнего поста, едва герцог прибыл с командного пункта.

В ней значилось: «*Столб дыма среди дня, столб огня в ночи*».

Подписи не было.

— Что это значит? — удивился он.

Вестник исчез, не дожидаясь ни ответа, ни допроса. Он ускользнул и растаял в ночной мгле — тень среди теней.

Лето сунул записку в карман куртки, чтобы показать ее позже Хавату. Отведя прядь волос от глаз, он вздохнул. Действие бодрящих таблеток закачивалось. После званого обеда прошло два длинных дня, а не спал он еще больше.

Главной во всех военных проблемах была тревожная беседа с Хаватом, его отчет о разговоре с Джессикой.

«Может быть, разбудить ее, — подумал он. — Играть с ней в эту секретность нет больше никакой нужды. А может быть, подождать еще?»

Чтобы этого Дункана разорвало и прихлопнуло!

Он покачал головой: «Не Дункан — это я был не прав, затеяв эту историю с Джессикой. И пора кончать, пока не вышло большей беды».

Решив это, он почувствовал себя лучше, и через прихожую и Большой зал направился в семейное крыло.

Там, где ответвлялся коридор в служебные помещения, он остановился. Из прохода доносилось странное мяуканье. Положив левую руку на выключатель поясного щита, Лето взял кинжал в правую. Нож в руке придал ему уверенности. От странного звука по коже побежали мурашки.

Герцог медленно шел по служебному коридору, проклиная тусклое освещение. Под потолком висели самые маленькие из плавающих ламп, к тому же притененные. Их тусклый свет, казалось, тонул в черных каменных стенах.

Впереди, на полу, во мраке проступило неясное пятно. Поколебавшись, Лето едва удержался, чтобы не включить свой щит, — поле ограничило бы его подвижность и слух. К тому же он не позабыл о перехваченной партии бластеров.

Безмолвно подойдя к темному пятну, он увидел, что это человек — мужчина, уткнувшийся лицом в каменный пол. Выставив вперед нож, Лето перевернул тело ногой и нагнулся пониже, чтобы рассмотреть лицо. Убитый оказался контрабандистом Туеком, на груди его расплывалось темное пятно. Мертвые пустые глаза. Лето прикоснулся к пятну — теплое.

«Почему он мертв? — подумал герцог. — Кто убил его?»

Мяуканье слышалось здесь громче. Оно доносилось откуда-то спереди, из бокового прохода, где располагался главный генератор силового поля во всем доме.

Не снимая руки с выключателя, стиснув кинжал, герцог прошел вперед по коридору и заглянул за угол в проход, ведущий к генераторной.

В нескольких шагах на полу темнело еще одно пятно, и он сразу понял, что звук издает именно оно. Фигура шевелилась, ползла вперед, медленно, неуклюже и что-то бормоча.

Заглушив приступ страха, Лето бросился вперед и согнулся над ползущей. Мейпс, фрименка-домоправительница. Волосы ее свисали на лицо, одежда была в беспорядке.

Тускло поблескивавшее темное пятно сползло на бок со спины. Он тронул ее за плечо, она приподнялась на локтях, задрала голову, обратив к нему пустые темные глазницы.

— Вы... — выдохнула она. — Убит... часовой... взять Туека... спасайте... миледи... вы... вы... здесь... нет... — Она рухнула вперед,

голова ударилась о камень.

Лето пощупал пульс на виске. Исчез. Поглядел на пятно – закололи ударом в спину. «Кто же? – Он торопливо думал. – Она хотела сказать, что убит часовой? И Туек... Джессика послала за ним? Зачем?»

Он стал подниматься на ноги. Шестое чувство успело предупредить его – он протянул руку к выключателю щита, но опоздал. Неожиданный удар отбросил его кисть в сторону. Он почувствовал боль: из рукава торчала игла, и онемение уже постепенно ползло вверх по руке. Мучительным усилием он приподнял голову и глянул вперед.

Освещенный яркой плавучей лампой, в дверях генераторной стоял Юэ. Его лицо отсвечивало желтизной. За его спиной была тишина – генераторы безмолвствовали.

«Юэ, – подумал Лето. – Он отключил силовое поле! Мы беззащитны!»

Опуская в карман оружие с отравленными иглами, Юэ направился к нему.

Лето понял, что еще в силах говорить, и выдохнул:

– Юэ! Как?

А потом яд дошел до ног, парализовав мышцы, и Лето осел на пол, скользнув спиной по каменной стене.

Когда Юэ склонился над лежащим, лицо его было печальным, он тронул лоб Лето. Герцог почувствовал прикосновение... слабое... далекое.

– Наркотик на игле подобран специально, – произнес Юэ. – Вы можете говорить, но я не советую этого делать. – Он поглядел в зал, снова нагнулся над Лето, вытащил иглу, отбросил ее в сторону. Игла еле слышно звякнула о камни.

«Это же невозможно, – подумал Лето. – Юэ подвергнут обработке».

– Как? – шепнул герцог.

– Сожалею, дорогой герцог, но есть вещи более важные, чем это. – Он прикоснулся к алмазу, вытатуированному на лбу. – Я действительно не понимаю, как можно обойти блок пиретического сознания, но я хочу убить человека. В самом деле хочу. И меня ничто не остановит.

Он поглядел на лежащего герцога:

– Нет, дорогой Лето, не вас. Барона Харконнена. Я хочу убить барона.

– Бар... он... Хар...

– Пожалуйста, успокойтесь, мой бедный герцог. У вас осталось мало времени. Тот искусственный зуб, который пришлось вставить вам после аварии на Наркале, – следует заменить. Сейчас я лишу вас сознания и поменяю его на новый. – Он разжал ладонь и поглядел на что-то, лежащее на ней. – Точная копия, сердцевина выполнена в виде нерва. Он пройдет все детекторы, даже быстрого сканирования. Но если вы прикусите его, оболочка разрушится. И если вы резко выдохнете, вас окружит облако смертоносного яда.

Лето глядел на Юэ, в его сумасшедшие глаза. На лбу и подбородке доктора выступили капли пота.

– Вы умрете скоро, мой бедный герцог. Но перед смертью вы увидите барона. Он будет считать, что вы одурманены наркотиками и не можете напасть на него. Конечно, именно так все и будет, вас даже свяжут. Но нападать можно и со связанными руками. И вы не забудете про зуб. Про зуб, герцог Лето Атрейдес. Вы не забудете про зуб.

Старый доктор клонился все ниже и ниже. Наконец в сужающемся поле зрения Лето остались лишь его лицо и вислые усы.

– Зуб, – бормотал Юэ.

– Почему? – шепнул Лето.

Юэ встал на колено возле герцога.

– Я продался дьяволу – барону. Я должен убедиться, что он выполнил свою часть сделки. Когда я увижу его, я пойму. Когда я взгляну на него, я все пойму. Но я не могу увидеться с ним просто так. И вы – это плата, мой бедный герцог. Я пойму, когда увижу его. Моя бедная Уанна кое-чему научила меня: в том числе видеть правду, когда велика ставка. Я не всегда могу это, но, когда я увижу барона, – я все пойму.

Лето попытался поглядеть на зуб в руке Юэ. Он чувствовал, что попал в какой-то кошмар... этого не могло быть...

Алые губы Юэ сложились в гримасу:

– Меня-то не подпустят близко к барону. Тогда бы я сделал все сам. Нет. Меня не подпустят близко. Но вы... Ах да! Вы и есть мое оружие! Уж вас-то он захочет разглядеть поближе... позлорадствовать, насладиться.

Биение мускула на левой щеке Юэ почти загипнотизировало герцога. Щека все дергалась, пока доктор говорил.

Юэ наклонился поближе:

– И вы, мой добрый герцог, мой драгоценнейший герцог, должны помнить про зуб. – Он показал его лежащему, зажав между большим и указательным пальцами. – Лишь это остается вам.

Рот Лето шевельнулся, слабо прозвучало:

– Не хочу.

– Ах-х, нет! Нельзя отказываться! За эту небольшую услугу я спасу вашу женщину и сына. Кроме меня, этого не сделает никто. Их можно доставить в такое место, куда не попадет ни один Харконнен.

– Как... их... спасти? – шепнул Лето.

– Будет подстроена их смерть, потом Джессику и Пола укроют среди людей, хватающихся за нож при одном упоминании имени Харконненов, – людей, которые так ненавидят Харконненов, что сожгут стул, на котором сидел один из них, посыпят солью землю, по которой ходили люди барона. – Он тронул Лето за щеку. – Челюсть еще чувствуете?

Герцог понял, что не в силах ответить. Он ощущал, что его тянут за руку, увидел пальцы Юэ с герцогской печатью в них.

– Передам Полу, – сказал Юэ, – сейчас вы потеряете сознание. Прощайте, мой бедный герцог. При следующей встрече у нас не будет времени для разговора.

Холод и онемение ползли по челюсти Лето, по щекам его. Темный зал сузился в точку, в центре которой шевелились алые губы Юэ.

– Помните про зуб! – шипел Юэ. – Зуб!

Следует изучать недовольство. Трудные времена и угнетение необходимы, чтобы народ наращивал психологические мускулы.

*Принцесса Ирулан. «Избранные изречения
Муад'Диб»*

Джессика проснулась во тьме, ощущая нечто в обступившей ее тишине. Она не могла понять, почему так скованы ум и тело. Коготки страха забегали по коже вдоль нервов. Она было захотела сесть и включить свет, но что-то удержало ее.

Во рту... какой-то странный привкус.

Шлеп – шлеп – шлеп – шлеп!

Звук доносился откуда-то из тьмы. Откуда-то.

Ожидание тянулось, прерываемое лишь крохотными движениями – на волосок, на иголку.

Она стала ощущать свое тело, путы на руках и лодыжках и кляп во рту. Она лежала на боку, руки связаны за спиной. Она попробовала их растянуть – веревки были из кримскелла, при движении они лишь туже затягивались.

Теперь она вспомнила.

Во тьме ее спальни кто-то шевельнулся, что-то мокрое и пахучее упало на лицо, закрыв рот и нос. Ее ухватили за руки. Она вздохнула – один лишь вздох – и ощутила запах наркотика. Сознание уплыло далеко, оставив ее в черной ужасающей тьме.

«Вот так, – подумала она. – Как просто можно справиться с Бинэ Гессерит... Нужен один лишь предатель. Хават был прав».

Она заставляла себя не давить на путы.

«Я не в собственной спальне, – поняла она. – Меня отнесли куда-то».

Медленно, усилием воли она возвратила себе внутреннее спокойствие. Ощутила запах собственного пота, химические соединения страха в нем.

«Где Пол? – спросила она себя. – Мой сын! Что они сделали с ним?»

Спокойствие. Она заставила себя успокоиться, следуя древним правилам.

Но ужас не исчезал.

«Лето! Где ты, Лето?»

Тьма начинала рассеиваться. Появились тени. Они обрели измерения, сознание возвращалось. Свет. Полоска под дверью.

«Я на полу».

Ходят люди. Через пол она ощущала отзвуки шагов.

Джессика подавила в себе воспоминание об испытанном ужасе: «Остается сохранять спокойствие, ждать и быть готовой. У меня может оказаться только один шанс». Усилием воли она снова заставила себя успокоиться.

Непривычное гроыхание в груди улеглось, сердцебиение теперь помогало отсчитывать время. Она предположила: «Я была без сознания около часа». Потом закрыла глаза, сфокусировав сознание на приближающихся шагах.

Четверо.

Она определила это по различиям в походке.

«Я должна притвориться, что еще не пришла в сознание». – Она расслабленно припала к холодному полу, проверяя готовность тела, когда дверь отворилась и на веки ее упал свет.

Шаги приближались. Кто-то уже стоял над нею.

– Вы не спите, – прогремел над ней басовитый голос. – Не притворяйтесь.

Она открыла глаза.

Над ней высился барон Владимир Харконнен. Она узнала и помещение – комнату в подвале, где спал Пол, постель его была у стенки. Охрана внесла плавающие лампы и разместила их у открытой двери. Их ослепительный блеск мучил ее привыкшее к темноте зрение.

Она глянула вверх, на барона. На нем был желтый плащ с капюшоном, вздымающийся буграми в тех местах, где находились гравипоплавки. Жирные щеки херувима выступали под черными паучьими глазами.

– Время действия наркотика было рассчитано, – прогремел он, – мы знали с точностью до минуты, когда вы очнетесь.

«Как это возможно? – удивилась она. – Для этого надо знать мой точный вес, метаболизм, мое... Юэ!»

– Какая жалость, что вы должны оставаться с кляпом во рту, – произнес барон. – У нас получился бы интересный разговор.

«Это мог быть только Юэ, – подумала она. – Но как?»

Барон глянул через плечо на дверь:

– Входи, Питер.

Она никогда не видела человека, который вошел и встал рядом с бароном, но и лицо его было ей знакомо, и сам человек. Питер де Врие, ментат, ассасин. Она вглядывалась в него – ястребиные черты, абсолютно синие глаза. Он мог бы оказаться уроженцем Арракиса, но и движения его, и поведение говорили ей, что это не так. И плоть его была густо пропитана водой. Он был высок, худощав, в нем чувствовалось нечто женственное.

– Как прискорбно, что мы не можем переговорить, дорогая леди Джессика, – сказал барон, – приходится считаться с вашими возможностями. – Он поглядел на ментата. – Не так ли, Питер?

– Как вам угодно, барон.

Его тенорок холодом прокатился по позвоночнику. Она никогда не слышала столь ледящего душу голоса. Для слуха, обученного уловкам Бинэ Гессерит, этот голос просто кричал о своем хозяине: убийца!

– У меня есть сюрприз для Питера, – произнес барон. – Он пришел сюда за наградой, за своей долей: за вами, леди Джессика. Но я хочу доказать ему, что он вовсе не хочет вас.

– Вы играете со мной, барон? – улыбнулся в ответ Питер.

Глядя на эту улыбку, Джессика удивилась, почему барон немедленно не пытается чем-нибудь защититься от ментата. А потом поправила себя: «Для барона сокрыт смысл. Он не прошел обучения».

– Питер во многом наивен, – объявил барон. – Он даже не отдает себе отчета, каким смертельно опасным созданием являетесь вы, леди Джессика. Но я покажу ему, что его желание – пустое безрассудство и риск. – Барон улыбнулся ментату, лицо которого застыло в маске ожидания. – Я-то знаю, чего добивается Питер на самом деле, – он добивается власти.

– Вы обещали, что она достанется мне, – произнес Питер. Ледящий душу тенор потерял часть внутреннего спокойствия.

Услышав угрозу в голосе этого человека, Джессика не смогла сдержать дрожи: «Как сумел барон сделать из ментата такое животное?»

– У тебя есть выбор, Питер.

– Какой?

Барон щелкнул жирными пальцами.

– Ты получаешь эту пленницу и удаляешься с ней из Империи в ссылку, либо остаешься править герцогством Атрейдесов на Арракисе от моего имени.

Паучьи глаза барона с жадностью впились в лицо Питера.

– Ты будешь здесь герцогом во всем, кроме титула, – сказал барон. «Значит, мой Лето умер», – подумала Джессика и подавила рыдание.

Барон не отводил глаз от ментата.

– Пойми же, наконец, себя, Питер. Ты добиваешься ее лишь потому, что она была женщиной герцога, символом его власти... прекрасным, полезным, превосходно подготовленным для этой роли. Но герцогство, Питер, целое герцогство! Это не символ. Это реальность. Обладая им, ты будешь обладать не одной женщиной... Куда более...

– Вы не шутите с Питером?

Барон обернулся с той танцующей легкостью движений, которую обеспечивали туше гравипоплавки.

– Шучу? Я? Помни... я отказываюсь от мальчишки. Ты слышал, что предатель говорил о подготовке этого парня. У них есть общее... Оба, и мать и сын, смертельно опасны. – Барон улыбнулся. – Мне пора идти. Я сейчас пришлю охранника, которого приберег именно для этого случая. Он глух, как камень. Ему приказано сопровождать вас, если ты предпочтешь ссылку. Если он заметит, что она сумела подчинить тебя, то сможет справиться с нею. Он не позволит тебе вынуть у нее изо рта кляп, пока вы еще на Арракисе. Если же ты решишь остаться... он знает, как поступать и в этом случае.

– Вам нет нужды выходить, – выговорил Питер. – Я уже решил.

– Ах-х! – фыркнул барон. – Такое быстрое решение может означать лишь одно...

– Я выбираю герцогство, – сказал Питер.

А Джессика подумала: «Разве Питер не понимает, что барон лжет ему? Впрочем, что он видит, калека-ментат?»

Барон поглядел на Джессику:

– Ну разве не удивительно, что я так знаю Питера! Я заключил пари со своим главным оружейником, что Питер поступит именно так. Хах! Ну, я ухожу. Так много лучше, ах-х, так много лучше! Вы понимаете меня, леди Джессика? Я не держу зла на вас. Это всего

лишь необходимость. Так будет лучше... Да. Я не стану приказывать убить вас. И когда меня спросят об этом, мой голос будет правдив.

– Значит, вы оставляете это решение мне? – спросил Питер.

– Охранник, которого я пришлю, будет исполнять твои приказы, – сказал барон. – Что бы ты ни сделал, сделаешь ты сам. – Он глядел на Питера. – Да. На моих руках не будет крови. И ты дождешься, пока я уйду, прежде чем приступишь к необходимому. Да. Ну... ах да. Хорошо.

«Он боится допроса у ясновидящей, – подумала Джессика. – Какой же? Ах да, Преподобной Матери Гайи Елены Мохайем, конечно! И если он знает, что будет отвечать на ее вопросы, значит, замешан и сам Император. Ах, бедный мой Лето!»

Последний раз глянув на Джессику, барон повернулся и вышел. Она следила за ним, думая: «Преподобная Мать так и говорила мне – слишком могучий противник».

Вошли два харконненских солдата. За ними следовал еще один, с изуродованным шрамами лицом, он остановился в дверях, взяв на изготовку бластер.

«Он глух, – поняла Джессика, взглянув на него, – барон знает, что любого другого я могу подчинить Голосом».

Покрытый шрамами посмотрел на Питера:

– Мальчишка за дверью на носилках. Каковы будут приказы?

Питер сказал Джессике:

– Я было хотел заставить вас подчиниться мне под угрозой для жизни сына, но теперь вижу, такой план не сработает. Я позволил эмоциям затмить рассудок. Это непозволительно для ментата. – Он поглядел на стоящую впереди пару солдат и повернулся к глухому так, чтобы тот смог прочесть его слова по губам: – Отвези их обоих в пустыню, как предлагал предатель. Он советовал отвезти туда только юнца. Но план хорош. Черви уничтожат все следы. Их тела никогда не обнаружат.

– А вы не желаете собственноручно разделаться с ними? – спросил изуродованный.

«Он читает слова по губам», – догадалась Джессика. Услышав заминку в словах ментата, Джессика поняла: «И этот опасается ясновидящей».

Питер пожал плечами, повернулся и вышел. В дверях он на мгновение застыл, Джессике даже показалось, что он вернется в последний раз поглядеть на нее... но он вышел, более не оборачиваясь.

– Не хотелось бы столкнуться с ясновидящей после сегодняшней работы, – сказал изуродованный.

– Ну тебе на нее и случайно не напороться, – выговорил один из часовых. Обойдя простертую на полу Джессику, он встал у самой ее головы. – Кончай трепаться, пора за работу. Бери ее за ноги и...

– А не шлепнуть ли их прямо на месте? – спросил изуродованный.

– Кровищи будет, – ответил первый. – Или ты собираешься придушить их? Мне по душе чистая работа. Отвезем их в пустыню, как советовал предатель, пару раз ткнешь ножом – и пусть дальше о них заботятся черви. И прибирать потом не придется.

– Что ж... ты, похоже, прав, – проговорил изуродованный.

Джессика слушала, наблюдала, запоминала... Но кляп во рту не давал воспользоваться Голосом, хотя не следовало забывать про глухого.

Вложив бластер в кобуру, изуродованный взял Джессику за ноги. Ее подняли, словно куль с зерном, вынесли через дверь и швырнули на гравиносилки рядом с другой связанной фигурой. Когда Джессику повернули лицом к соседним носилкам, она поняла, что рядом с ней – Пол. Его тоже связали, но кляпа во рту не было. Теперь лицо его находилось сантиметрах в десяти от ее собственного, глаза сына были закрыты, дыхание ровное.

Солдаты подняли носилки. Пол на мгновение приоткрыл глаза – две темные щелочки.

«Только бы он не попытался воспользоваться Голосом! – безмолвно молила она. – Глухой!»

Глаза Пола закрылись.

Он контролировал дыхание и сознание, успокаивал разум, следил за пленившими их. Глухой – это действительно проблема, но Пол не поддавался отчаянию. Его выпестованное матерью по канонам Дочерей Гессера сознание – твердая опора – позволяло ему сохранять спокойствие и быть готовым к любой, первой же возможности.

Пол позволил себе, чуть приоткрыв глаза, поглядеть на мать. Кажется, невредима. Впрочем, во рту кляп. Он удивился, как же ее взяли. С ним самим все было ясно: лег в постель, приняв

предписанную Юэ пиллюлю, проснулся привязанным к носилкам. Наверняка и с ней случилось что-то подобное. Все указывало на то, что предатель – Юэ, но он решил пока не доверяться логике. Такое не укладывалось в голове – предательство доктора Сукк.

Накренив носилки, солдаты барона протиснулись через узкую дверь наружу, под усыпанное звездами бархатное небо. Поплавок носилок чиркнул по двери. Потом под их сапогами заскрипел песок. Звезды над головой исчезли в тени поднятых крыльев топтера. Носилки опустились на землю.

Глаза Пола привыкли к слабому свету. Глухой распахнул двери топтера, заглянул в освещенную зеленоватым светом приборной панели кабину.

– Это тот самый топтер, что предназначен для нас? – спросил он и обернулся, чтобы прочесть ответ по губам.

– Предатель говорил, что в пустыню летали именно на этом, – ответил ему спутник.

Изуродованный покачал головой:

– Но это же разведывательный... Места в нем хватит только двоим, не считая пленников.

– Хватит и двоих, – сказал оставшийся у носилок, делая шаг вперед, на свет, так, чтобы видны были губы. – Теперь мы справимся и вдвоем, Кайнет.

– Барон велел мне лично проследить судьбу этой пары, – проговорил изуродованный.

– О чем спор? – спросил третий из-за носилок.

– Это же ведьма-гессеритка, – сказал глухой, – они обладают известной силой.

– Ах-х, – стоявший впереди носилок ухмыльнулся и тронул себя за ухо. – Одна из них. Понимаешь, что это значит?

Солдат сзади проворчал:

– Ее скоро съедят черви. Не думай, что даже у этих ведьм найдется управа на червя. А, Циго?

Он подтолкнул стоявшего впереди.

– Ну, давай, – отозвался тот, вернулся к носилкам и взял Джессику за плечо. – Хорошо, Кайнет. Можешь отправляться, если ты так уж хочешь увидеть, что произойдет.

– Как это мило, что вы изволили пригласить меня, Циго, – насмешливо отозвался глухой.

Джессика почувствовала, что ее подняли, над головой мельтешила тень крыла.

Ее затолкнули в заднюю часть кабины, проверили путы из кримскелла и привязали к креслу, Пола швырнули рядом – при этом она успела заметить, что он связан простой веревкой. Спереди сел изуродованный, которого звали Кайнет. Подталкивавший носилки Циго, обойдя аппарат, сел в кабину с другой стороны.

Кайнет закрыл дверь, склонился над приборной панелью. Забив крыльями, топтер взмыл вверх и взял курс на юг, за Барьер. Тронув спутника за плечо, Циго сказал:

– Ты бы лучше обернулся и следил за ними.

– А ты знаешь дорогу? – Кайнет глядел на губы Циго.

– Я тоже слушал предателя.

Кайнет шевельнулся в кресле, и Джессика заметила, что в руке его блеснул ствол бластера. Глаза ее привыкли к темноте, и стенки кабины топтера словно осветились, но лицо глухого оставалось во мгле. Джессика проверила пристежные ремни – они свободно болтались. Она вдруг ощутила, что связывающая руки веревка трет левое запястье, поняла, что та надрезана и резким рывком ее будет нетрудно порвать.

«Значит, в топтере кто-нибудь побывал, и он подготовлен для нас, – подумала она. – Кто же?» – Медленно она отодвинула ноги.

– Ей-богу, жаль тратить подобную бабу просто так, – сказал изуродованный. – У тебя когда-нибудь была высокородная? – Он глянул на пилота.

– Колдуны-гессеритки не всегда высокородные, – отвечал тот.

– Но похожи.

«Он видит меня», – подумала Джессика. Подтянув связанные ноги на сиденье, она свернулась на нем соблазнительным клубком.

– Хороша, в самом деле, – ответил Кайнет, облизнув губы. – Действительно, жаль... – Он глянул на Циго.

– И ты тоже об этом подумал? – спросил пилот.

– А кто узнает? – спросил изуродованный. – Потом... – Он пожал плечами. – Просто я еще не имел высокородной. Больше такой случай может не подвернуться.

– Если ты посмеешь хоть пальцем коснуться моей матери... – выдохнул Пол, бешено глядя на изуродованного.

– Смотри-ка! – расхохотался пилот. – Щенок-то тявкает, а укусить не может.

Джессика подумала: «Пол взял слишком высокий тон. Но может сработать».

В кабине воцарилось молчание.

«Бедные дурни, – думала Джессика, глядя на охранников и припоминая слова барона. – Их убьют, едва они доложат о выполнении задания. Свидетели барону не нужны».

Топтер перемахнул через южную оконечность Барьера, и Джессика увидела внизу залитую светом песчаную равнину.

– Ну хватит, – сказал пилот. – Предатель говорил, чтобы их высадили на песке неподалеку от Барьера.

Он резко направил аппарат вниз, наконец тот коснулся земли.

Джессика видела, как Пол ритмически заученными вдохами и выдохами успокаивает себя. Он закрыл глаза, снова открыл. Не в силах помочь ему, Джессика глядела перед собой: «Он еще не совсем овладел Голосом, – думала она, – если он не сумеет...»

С мягким урчанием топтер осел на песок, глянув вверх, Джессика успела заметить над скалами Барьера мелькнувшую тень крыльев.

«За нами следят, – поняла она. – Кто же? Конечно, те, которых барон послал следить за этой парой. И за ними, в свою очередь, тоже кто-то приглядывает».

Циго выключил роторы крыльев. Молчание оглушило их.

Джессика повернула голову. В окне, за головой изуродованного, в тусклом сиянии восходящей луны из пустыни вставали заиндевевшие вершины. Подножья их окружали нанесенные ветром горы песка.

Пол прочистил горло.

Пилот сказал:

– Ну, Кайнет?

– Не могу я, Циго.

Циго обернулся и произнес:

– Да ты погляди, – и потянулся к юбке Джессики.

– Выньте у нее кляп! – скомандовал Пол.

Джессика слушала, как прокатились в воздухе слова. Великолепный тон, тембр резкий и повелительный. Лучше было бы

чуть пониже, но все равно команда укладывалась в спектр этого человека.

Цигο потянулся к закрывавшей рот Джессики повязке, потянул за узел.

– Прекрати! – скомандовал Кайнет.

– Да заткнись ты, – ответил Цигο. – Руки у нее связаны. – Он развязал узел, повязка упала.

Блестящими глазами он разглядывал Джессику.

Кайнет тронул руку пилота:

– Ну, смотри, Цигο, нет нужды...

Джессика, наклонив голову, выплюнула кляп и произнесла низким интимным тоном:

– Джентльмены! Нет нужды драться из-за меня. – И призывно изогнулась, глядя на Кайнета.

Мужчины внезапно застыли, вдруг из ее слов им стало понятно, что за право обладать ею следует биться. Ничего более и не требовалось. Мысленно они уже дрались из-за нее.

Она подняла голову повыше, чтобы Кайнет мог прочесть по губам, и сказала:

– Не надо ссориться.

Отшатнувшись, они с опаской поглядели друг на друга.

– Разве хоть одна женщина стоит драки? – спросила она.

И, сказав это, одним присутствием своим сделала себя бесконечно привлекательной и стоящей поединка.

Плотно стиснув губы, Пол заставил себя молчать. Иначе спастись было нельзя – только используя Голос. Теперь все решало умение матери, ее опыт.

– Д-да, – сказал изуродованный. – Действительно, нет нужды драться...

Его рука метнулась к шее пилота – навстречу руке блеснул металл. Зацепив руку, нож вошел в грудь Кайнета.

Изуродованный, застонав, привалился к двери кабины.

– А теперь щенка, – сказал Цигο, перегибаясь к Полу.

– Нет необходимости, – пробормотала Джессика.

Цигο заколебался.

– Разве ты не хочешь, чтобы я была согласна? – спросила Джессика. – Дай мальчику шанс. Ничтожный... в этих песках. Дай ему

этот шанс... – Она грустно улыбнулась. – И ты будешь вознагражден.

Циго глянул направо, налево, вновь на Джессику.

– Я слышал, что в этой пустыне с людьми приключается такое, что... – сказал он, – быть может, нож окажется добрее к нему.

– Ну, разве я прошу многого? – молящим тоном произнесла Джессика.

– Ты хочешь обмануть меня, – пробормотал Циго.

– Я лишь не хочу видеть смерть своего сына, – сказала она, – разве это хитрость?

Циго повернулся назад, локтем открыл дверь. Схватив Пола, он протащил его по сиденью и, наполовину выставив из кабины, с поднятым ножом произнес:

– Ну, что ты, пацан, сделаешь, ежели я освобожу тебя?

– Он немедленно пойдет отсюда к тем скалам, – сказала Джессика.

В голосе Пола чувствовалась уверенность:

– Да.

Нож опустился, перерезав веревки на ногах. Почувствовав на спине руку, собиравшуюся выбросить его на песок, Пол метнулся к двери, как бы оступившись, обернулся и ударил правой ногой.

Удар носком был направлен с точностью, отработанной долгими годами тренировок, словно предназначенных именно для этой минуты. Сработали почти все мускулы его тела. Носок ноги вошел в мягкий бок Циго как раз под грудиной, со страшной силой обрушился на печень и, пробив диафрагму, порвал правый желудочек сердца.

Всхлипнув, страж откинулся назад, на спинку кресла. Не имея возможности помочь себе руками, Пол вывалился на песок, покатился по нему, движение его поглотило силу удара и одновременно помогло ему подняться на ноги. Забравшись в кабину, он отыскал нож и зажал его в зубах, пока мать перепиливала путы.

– Я бы управилась с ним сама, – сказала она. – Ему все равно пришлось бы разрезать мои путы, глупо так рисковать.

– Я увидел, что он открылся, и воспользовался мгновением.

Услышав жесткое самообладание в его тоне, она сказала:

– На потолке кабины нарисован знак дома Юэ.

Он поглядел вверх, на перевитые линии герба.

– Выходи-ка, но сперва осмотрим аппарат, – сказала она, – под сиденьем пилота какой-то сверток. Я заметила его, едва нас внесли.

– Бомба?

– Сомневаюсь. Там что-то незнакомое.

Пол выпрыгнул на песок, Джессика последовала за ним. Обернувшись, она протянула руку под сиденье за странным свертком, почти прикоснувшись лицом к ногам Циги. Рука ее ощутила влагу, она поняла, что это кровь пилота.

«Трата влаги», – подумала она, подивившись этой привычной скорее арракийцу мысли.

Пол осмотрелся: неподалеку из моря песков, как пляж, полого поднималась скала, за ней высились источенные ветром утесы. Он оглянулся, когда мать доставала сверток, и заметил, что ее взгляд обращен за дюны, к Барьеру. Последовав ее примеру, он пригляделся: прямо к ним бесшумно скользил еще один топтер. Времени на то, чтобы выбросить тела и взлететь, уже не оставалось.

– Беги, Пол! – крикнула Джессика. – Это Харконнены.

Арракис учит ножом – отрезает все незрелое и приговаривает при этом: «Теперь все великолепно, потому что закончено».

*Принцесса Ирулан. «Избранные изречения
Муад'Диб»*

Человек в харконненской форме остановился в конце зала и посмотрел на Юэ, одним взглядом охватив и тело Мейпс, и распростертого на полу герцога, и стоящего в стороне доктора. В правой руке мужчина держал бластер. Даже по внешнему виду его чувствовалось, как он жесток и свиреп, и Юэ невольно вздрогнул.

«Сардаукар, – подумал Юэ. – Похоже, в чине баши. Должно быть, один из личных представителей Императора, присланный приглядывать за всем. Им под чужой формой не спрятаться».

– Ты – Юэ, – произнес мужчина, задумчиво глянув на кольцо школы Сукк в волосах доктора, потом на вытатуированный алмаз и лишь потом посмотрев ему в глаза.

– Я – Юэ, – согласился доктор.

– Теперь можешь быть спокойным, Юэ, – сказал мужчина. – Мы вошли сразу, едва ты выключил силовое поле. Здесь уже все под контролем. Это герцог?

– Да, это герцог!

– Мертв?

– Без сознания, его надо связать.

– Ты позаботился не только о нем, но и еще кое о ком? – Человек глянул на тело Мейпс.

– Увы, к несчастью, – пробормотал Юэ.

– К несчастью, – хмыкнул сардаукар. Подойдя поближе, он глянул на Лето. – Так вот он, великий Красный герцог?

«Если бы я еще хоть капельку сомневался, кто он, теперь сомнения можно было бы отбросить, – подумал Юэ. – Только Император называет Атрейдесов Красными герцогами».

Нагнувшись, сардаукар срезал красную нашивку-ястреба с мундира Лето.

– Небольшой сувенир, – проговорил он. – А где кольцо с герцогской печатью?

– На нем его нет, – сказал Юэ.

– Это я вижу! – резко отозвался сардаукар.

Юэ застыл, невольно сглотнул. «Если они возьмут меня в оборот, обратятся к ясновидящей, узнают и о кольце, и о топтере... все тогда рухнет».

– Иногда герцог посылает свое кольцо с посыльным как знак, что приказание исходит прямо от него, – сказал Юэ.

– Для этого нужно иметь чертовски верных посыльных, – пробормотал сардаукар.

– Ты не собираешься его связывать? – осмелев, спросил Юэ.

– Сколько он пробудет еще без сознания?

– Около двух часов. Для него я не мог определить дозу так точно, как для женщины и мальчика.

Сардаукар тронул герцога ногой:

– Такого можно не опасаться. Когда проснутся женщина и мальчишка?

– Примерно через десять минут.

– Так скоро?

– Мне сказали, что барон появится сразу же, следом за своими людьми.

– Так и будет. А ты, Юэ, подождешь за дверями. Живо!

Юэ поглядел на лежавшего герцога:

– А как насчет...

– Барону его предоставят обработанного и оципанного, как цыпленка... – И сардаукар вновь поглядел на алмазную татуировку на лбу Юэ. – О тебе знают, в залах дома ты в безопасности. Больше времени для болтовни у меня нет, предатель. Я слышу, к нам идут.

«Предатель», – подумал Юэ. Опустив глаза, он миновал сардаукара, размышляя о титуле, каким наградит его история: *Юэ-предатель*.

На своем пути к дверям Юэ миновал несколько простертых тел, со страхом вглядываясь в лежавших, – вдруг это Джессика или Пол? Но все они были из дворцовой охраны либо в харконненской форме.

Часовые барона встали на изготовку, едва он ступил на озаренный пламенем песок. Горели пальмы рядом с дорогой – их зажгли, чтобы осветить дом. Черный дым горючего, которым обильно полили деревья, клубами валил над оранжевым пламенем.

– Это – предатель, – сказал кто-то.

– Ты скоро понадобишься барону, – окликнул его другой.

«Я должен добраться до топтера, – думал Юэ. – Надо оставить в нем кольцо так, чтобы его обнаружил Пол. – Его пронзил страх. – Если Айдахо заподозрит меня или потеряет терпение, если он не отправится, куда я велел ему... Пола и Джессику не удастся спасти. И я лишусь даже малого утешения...»

Часовой выпустил руку доктора и сказал:

– Подожди в сторонке.

И тут Юэ понял, что его уже выбросили, как последнюю дрянь, в этом гибельном месте ему не будет ни пощады, ни жалости... Айдахо не должен опоздать!

Второй стражник толкнул его и рявкнул:

– Ну, ты, убирайся отсюда!

«Они презируют меня, хоть я и помог им», – подумал Юэ, пошатнулся от толчка и выпрямился, стараясь сохранить достоинство.

– Теперь жди барона! – оскалился офицер.

Кивнув со всей непринужденностью, на какую только был способен, Юэ направился вдоль фасада и скользнул за угол, в тень, подальше от горящих пальм. Торопливо, едва скрывая волнение, он пошел на задний двор, где под окном оранжереи к земле приник топтер, который должен был унести в пустыню мать и сына.

У открытой задней двери стоял часовой, все внимание его было уделено освещенному залу, где хлопали двери и сновали обыскивавшие дом люди.

Как же они самоуверенны!

Юэ нырнул в тень, торопливо обогнул топтер, приоткрыл дверь с противоположной от часовых стороны. Сунув руку под сиденье, он извлек оттуда фримплект, который там оставил, поднял крышку и поместил внутрь герцогскую печать. Под рукой зашелестела меланжевая бумага – записка, которую он вложил туда же. Спрятав кольцо, Юэ застегнул ранец.

Осторожно притворив дверцу, Юэ скользнул обратно за угол дома, к горящим пальмам.

«Сделано», – подумал он.

Вновь увидев пылающие деревья, он запахнул на себе плащ и, глядя в огонь, подумал: «Скоро я узнаю, скоро я предстану перед бароном и все узнаю. А барон... барону суждено попасть на зубок».

Есть такая легенда: в тот самый миг, когда умер герцог Лето Атрейдес, небо над его родным замком на Каладане прочертил метеор.

Принцесса Ирулан. Предисловие к «Истории Муад'Дибя для детей»

Барон Владимир Харконнен стоял у огромного смотрового окна лихтера, служившего ему командным пунктом на посадочном поле. Его глазам открывалась озаряемая вспышками огня арракинская ночь. Все внимание его было отдано Барьеру – там гроыхало секретное оружие барона.

Ствольная артиллерия.

Пушки против пещер, куда засели люди герцога для последнего боя. Мерные оранжевые вспышки, отблески на опадающих ливнях камней и песка... Люди герцога будут закупорены под землей и умрут от голода, как звери в логове.

До барона сквозь металлический корпус доносилось дальнейшее грохотание: бух... бух! И снова: бу-ух – бух!

«Ну кто бы еще решил воспользоваться артиллерией в наше время силовых щитов! – хихикнул он про себя. – А ведь все это можно было предвидеть, людям герцога просто некуда больше деваться. Император оценит мой поступок: я существенно уменьшил потери в наших общих войсках».

Он подрегулировал один из небольших поплавков, поддерживавших его жирную тушу. Рот его изогнулся в улыбке, сдвинулись складки на обвислых щеках.

«Какая жалость... выводить в расход таких воинов, как у герцога, – подумал он, улыбнулся, а потом рассмеялся. – Жалость должна быть жестокой!»

Он кивнул себе. «Неудачники гибнут, по определению. Перед тобой Вселенная, она открыта для того, кто умеет принимать правильные решения. Трусливые кролики, когда их спугнут, разбегаются по своим норам. А как еще контролировать их размножение?» – Он представил себе своих солдат – пчел, загоняющих кроликов под землю.

«День исполнен приятного жужжания, если на тебя работает достаточное количество пчел».

Позади отворилась дверь. Прежде чем обернуться, барон внимательно рассмотрел отражение в оконном стекле.

Питер де Врие вступил в помещение, за ним следовал Умман Куду, капитан личной охраны барона. За дверью толклись... Его охрана – бараньи рожи, они всегда напускали на свои лица в его присутствии овечьё выражение.

Барон обернулся.

Питер насмешливо отсалютовал, прикоснувшись одним пальцем ко лбу.

– Добрые вести, милорд. Сардаукары доставили герцога.

– Естественно, этого следовало ожидать, – прогремел барон.

Он взгляделся в угрюмую маску злодея на женственном лице – ох, эти глаза, темные щелки, синева в синеве.

«Скоро придется его заменить, – подумал барон, – он уже почти бесполезен и вот-вот станет опасен мне самому. Но сперва он должен заставить весь Арракис возненавидеть себя. А потом... потом они будут приветствовать моего дорогого Фейд-Рауту как спасителя».

Барон перевел глаза на капитана охраны – Уммана Куду. Рот сведен, словно ножницы, подбородок башмаком... Ему барон доверял – ведь пороки капитана были ему известны.

– Во-первых, где предатель, отдавший в мои руки герцога? – спросил барон. – Я должен оплатить его услуги.

Повернувшись на пятке, Питер махнул стражнику.

В двери мелькнуло что-то черное, и Юэ вошел в помещение, двигаясь скованно и неуклюже. Усы его совершенно обвисли, лишь старческие глаза казались живыми. Сделав три шага, Юэ остановился, повинаясь жесту Питера и глядя через разделявшее их пространство на барона.

– Ах-х, доктор Юэ!

– Милорд Харконнен.

– Я слышал, вы предали герцога в мои руки.

Барон посмотрел на Питера. Тот кивнул.

Барон вновь взглянул на Юэ:

– Значит, сделка... и я... – Он словно плюнул: – И что же я за это должен?

– Вы прекрасно помните, милорд Харконнен.

Юэ позволил себе подумать, чувствуя, как в мозгу его громко отсчитывают время часы. Поведение барона было вполне очевидно, мелочи выдавали его: Уанна была мертва, далеко и вне их досягаемости, иначе слабым доктором еще можно было бы управлять. Слова барона же означали, что надежды на это нет. Все кончено, и дамоклов меч сломен.

– Разве? – переспросил барон.

– Вы обещали избавить мою Уанну от мук.

Барон кивнул:

– Да, теперь помню. Так и было. Это я обещал. Вот так мы справились с имперской обработкой. Тебе не хотелось, чтобы твоя бабенка-гессеритка корчилась в усилителях боли перед моим ментатом. Ну, барон Владимир Харконнен всегда держит свои обещания. Я обещал тебе избавить ее от мук и позволить вам соединиться. Пусть будет так. – И он махнул Питеру.

Синие глаза Питера слегка остекленели. Движения его вдруг стали плавными, как у кошки. Когтем блеснул в руке нож и вонзился в спину Юэ.

Старик вздрогнул, не отводя глаз от барона.

– Так иди же к ней! – прогремел барон.

Раскачиваясь, Юэ еще стоял на ногах. Губы его шевелились, размеренно выговаривая слова:

– Ты... думаешь... ты... по... бедил. Ты... думаешь... я... не... знал... что... я... купил... для себя и... моей... Уанны.

Он рухнул. Не сгибаясь ни в коленях, ни в поясице. Словно дерево.

– Так иди же к ней! – повторил барон тихо, как эхо.

Смерть Юэ вдруг вселила в его душу предчувствия, он резко глянул на Питера, вытиравшего нож куском ткани – синие глаза удовлетворенно и маслянисто поблескивали.

«Так он убивает собственной рукой, – подумал барон. – Подобное следует знать».

– Значит, он и впрямь выдал нам герцога? – спросил барон.

– Вне всякого сомнения, милорд, – отвечал Питер.

– Так пусть его доставят сюда.

Питер глянул на капитана личной охраны барона, вихрем рванувшегося выполнять поручение.

Барон смотрел сверху вниз на Юэ. По тому, как тот упал, можно было бы заподозрить, что тело доктора не из костей и мяса, а вырезано из дуба.

– Никак не могу заставить себя доверять предателям, – проговорил барон. – Даже тем, кто предает в моих интересах.

Он вновь поглядел в темное смотровое окно. Угольный мешок за окном теперь принадлежал ему, барон был в этом уверен. Отзвуки

залпов в горах Барьера умолкли – входы в пещеры были уже обрушены, ловушка захлопнулась. Вдруг барону показалось, что ничего прекраснее, чем эта черная пустота, не могло быть на свете. Кроме, быть может, белой пустоты в черной. Пласта белой пустоты, окруженной тьмой. Молочно-белой, как фарфор.

Но сомнения не исчезали.

Что имел в виду этот старый дурак, доктор? Может быть, он и догадывался, что ждет его в конце концов. Но понять, что крылось в его последних словах, барон не мог: «Ты думаешь, что победил меня?»

Что же он имел в виду?

Герцог Лето Атрейдес переступил порог.

Орлиное лицо его было перепачкано грязью, руки скованы цепью. Мундир на груди порван, кто-то сорвал с него герб. Одежда измята – пояс щита срывали, не развязав ремешки костюма. Герцог озирался, безумно поводя остекленевшими глазами.

– Н-нн-у-у-у, – протянул барон, нерешительно задержав дыхание. Ему показалось, что заговорил он слишком громко. Долгожданный миг потерял каплю своего очарования.

Вечное проклятие этому поганому доктору!

– Я думаю, наш добрый герцог одурманен наркотиками, – сказал Питер. – Юэ поймал его именно так. – Питер обернулся к герцогу: – Вы чувствуете себя одурманенным, мой добрый герцог?

Голос доходил издалека. Лето чувствовал на своих руках цепи. Ломило мышцы, губы растрескались, щеки горели, в сухом рту скреблась жажда. Звуки глухо доносились до него, как сквозь одеяло.

– Питер, как обстоит дело с женщиной и мальчишкой? – спросил барон. – Что-нибудь уже известно?

Питер неуверенно облизнул губы.

– Ты что-то знаешь! – резко произнес барон. – Что же?

Питер поглядел на капитана охраны, потом опять на барона.

– Людей, которым поручили это сделать, милорд... их э... их... уже... нашли...

– И они сообщают, что все в порядке?

– Они мертвы, милорд.

– Естественно! Но я хочу знать...

– Их нашли мертвыми, милорд.

Лицо барона позеленело:

– А женщина и мальчишка?

– Никаких следов, милорд. Но там побывал червь. Как раз когда место обследовали. Быть может, все произошло именно так, как мы хотели... несчастный случай. Вероятно...

– Меня не интересуют вероятности, Питер. Что слышно о пропавшем топтере? Что все это говорит моему ментату?

– В нем явно бежал кто-то из уцелевших людей герцога, милорд. Убил нашего пилота и воспользовался топтером.

– Кто же из них?

– Все было сделано тихо и чисто. Работа мастера. Быть может, Хават или же этот Холлик. Возможно, Айдахо. Или любой из лейтенантов.

– Опять вероятности, – пробормотал барон. Он глянул на покачивающуюся перед ним фигуру одурманенного герцога.

– Мы владеем положением, милорд, – возразил Питер.

– Нет, это не так! Где этот кретин-планетолог? Где этот Кайнс?

– Мы знаем, где искать его... за ним уже послали, милорд.

– Не нравится мне, как этот слуга Императора нам помогает, – пробормотал барон.

Слова тонули в шерстяном одеяле, но некоторые все-таки вспыхивали в разуме Лето. Женщина и мальчишка... исчезли без следа. Пол и Джессика спаслись. Участь Хавата, Холлика и Айдахо оставалась неясной. Но надежда еще жила.

– А где кольцо с герцогской печатью? – потребовал ответа барон. – Его нет на пальце.

– Сардаукары говорят, что кольца на нем не было, – ответил капитан охраны.

– Ты поторопился убивать доктора, – произнес барон. – Это было ошибкой. Надо было предупредить меня, Питер. Ты поторопился, такая опрометчивость не ко благу нашего дела. – Он нахмурился. – Вероятности...

В мозгу Лето кипела одна-единственная мысль: *Пол и Джессика спаслись*. Смутно припомнилось еще что-то. Сделка! Он вот-вот поймет, в чем она состояла.

Зуб!

Он кое-что вспомнил: «Ядовитый газ заключен в капсулу в форме зуба».

Кто-то велел ему помнить про зуб. Вставленный в его собственный рот. Он ощупал его языком. Нужно лишь резко прикусить его.

Рано!

Кто-то говорил, что он окажется перед бароном. Но кто... Вспомнить герцог не мог.

– Сколько еще времени он пробудет в таком состоянии? – спросил барон.

– Может быть, около часа, милорд.

– Может быть, – пробормотал барон. Обернувшись к черному смотровому окну, он произнес: – Я голоден.

«Значит, это барон, – подумал Лето, – смутное серое пятно».

Оно раскачивалось из стороны в сторону вместе со всей комнатой. Она к тому же пульсировала – сжималась и расширялась, становилась то темнее, то ярче. Тьма становилась черной и исчезала.

Время для герцога стало чередой белых и черных слоев, он плыл через них. Надо ждать!

Перед ним был стол. Лето видел его абсолютно четко. Громадный толстяк за столом, перед ним остатки еды. Лето чувствовал, что его онемевшее тело покоится в кресле напротив толстяка, что руки его скованы, что время идет, но сколько именно времени минуло, он не сознавал.

– Кажется, он приходит в себя, барон.

Шелковый голос – это Питер.

– Я и сам вижу это, Питер.

Грохочущий бас – это барон.

Лето ощущал, что все вокруг становится четче. Кресло стало тверже, путы – туже.

Барона он видел теперь совершенно отчетливо, Лето следил за движениями его рук – нервными прикосновениями пальцев к краю тарелки, ручке ложки, к складке на щеке.

Движения руки словно завораживали его.

– Герцог Лето, вы слышите меня? – спросил барон. – Я знаю – слышите. Мы хотим узнать от вас, где вы спрятали свою наложницу и рожденного ею сына.

Внимания Лето не избегло ничто, но слова эти омыли его спокойствием. Значит, верно, – Пол и Джессика ускользнули.

– Мы не в детской, герцог, – провозгласил барон, – и вы это знаете.

Он нагнулся вперед, вглядываясь в лицо Лето. Его мучило сознание, что все нельзя закончить честно, поединком, с глазу на глаз. Позволять прочим видеть королевское достоинство столь униженным – плохой прецедент.

Лето ощущал, как возвращаются к нему силы. И воспоминание о поддельном зубе возникло в его памяти, словно колокольня посреди ровной степи. В зубе капсула в виде нерва, а в ней ядовитый газ. Он все вспомнил. Но кто поместил смертоносное оружие в его рот?

Юэ.

Смутное воспоминание о том, как мимо него в наркотическом тумане проволокли обмякшее тело, облаком висело в его памяти. Он понял – это был Юэ.

– Вы слышите этот шум, герцог Лето? – спросил барон.

До Лето донесся какой-то хлюпающий звук – предсмертные хрипы агонии.

– Мы поймали одного из ваших людей переодетым во фримена. Ну кто так делает? Глаза выдали его. Он настойчиво утверждает, что его посылали шпионить среди фрименов. Я жил на этой планете, дорогой кузен. За этими пустынными оборванцами нельзя шпионить. Скажите, вы купили их помощь? Отослали к ним своего сына и женщину?

Страх стиснул грудь Лето. «Что, если Юэ отослал их к народу пустынь... Тогда их будут искать, пока не разыщут».

– Живее, живее, – скомандовал барон. – У нас мало времени, иначе придется поторопить вас болью. Прошу вас, не будем доводить до этого, мой дорогой герцог. – Барон поднял глаза на Питера, стоявшего за плечом Лето. – У Питера здесь мало инструментов, но он превосходный мастер.

– Иногда импровизация лучше, барон.

Этот шелковый, лживый голос. Лето услышал его рядом, за спиной.

– У вас был план действий на крайний случай, – сказал барон. – Куда отослали мальчика и вашу женщину? – Он поглядел на руку герцога. – Где ваше кольцо, у мальчишки?

Подняв глаза, барон заглянул в лицо Лето.

– Не отвечаете, – сказал он, – хотите заставить меня делать то, чего я не должен? Питер использует методы прямые и доходчивые. Я согласен, что иногда ничего лучше не придумаешь, только учтите – эти методы придется применить к вам.

– Расплавленный жир на спину, например, или на глаза. Особенно срабатывает, когда объект не представляет, куда упадет следующая капля. Хороший метод, и есть некая красота в сетке этих гноящихся белых пузырей на голой коже, не правда ли, барон?

– Великолепно, – кислым тоном согласился тот.

«Неужели эти пальцы так и не перестанут бегать?» – Лето не отводил взгляда от жирных рук, от поблескивающих камней на по-детски пухлых пальцах, снующих над столом.

– Поверьте мне, дорогой кузен, – сказал барон. – Я совершенно не хочу доводить дело до этого.

– Подумайте о нервных сигналах, – вмешался Питер, – о тех курьерах, что бегают по нервам и зовут на помощь... но ее не будет. И в этом есть свой артистизм.

– Ты превосходный художник, – огрызнулся барон, – только пусть хоть раз у тебя хватит скромности помолчать.

Лето вдруг припомнил, как Гарни Холлик сказал однажды, глядя на изображение барона: *«И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя... а на головах его имена – богохульные».*

– Мы напрасно теряем время, барон, – сказал Питер.

– Возможно.

Барон кивнул:

– Мой дорогой Лето, вы же понимаете, что в конце концов скажете нам, где они. Есть такой уровень боли, что сломит и вас.

«Он, безусловно, прав, – думал Лето. – Только вот зуб... и если можно положиться на него...»

Барон подобрал кусочек мяса, отправил его в рот и, медленно прожевав, проглотил. «Следует попробовать что-нибудь другое», – подумал он.

– Ты видел подобную заносчивость, Питер? – сказал барон. – Герцог считает, что его нельзя купить.

А про себя он думал: «Да, смотрите все на этого человека! Ему кажется, что он не продается. Смотрите же, как распадается он на части... секунда за секундой – последние в его жизни. Да если взять

его и потрясти – он пуст внутри. Пуст! Все продано! Какая разница, как он умрет?»

Крики за дверью прекратились.

Умман Куду, капитан личной охраны, появился в дверях и, глядя на барона, отрицательно качнул головой. Нужного из пленника не удалось выжать. Вновь неудача. Пора кончать пустую трескотню с этим герцогом, глупцом и размазней, не сознающим, на волосок от какого ада он находится.

Мысль эта успокоила барона, наконец поубавив нежелание пытаться особу королевской крови. Вдруг он представился себе хирургом, бесконечно режущим, режущим... срывающим маски с глупцов, разверзающим ад перед ними.

Кролики, все кролики!

Как они дрожат, увидев хищника!

Лето глядел на стол, удивляясь, почему барон по-прежнему медлит. Зуб сразу покончит со всем. И все же... это было неплохо... хорошая жизнь. Он вдруг вспомнил, как запускал змея в перламутрово-синее небо Каладана, а Пол заливался радостным смехом. И этот рассвет, здесь, на Арракисе... Цветные скалы Барьера в густой пыльной дымке.

– Очень плохо, – пробормотал барон.

Он оттолкнулся от стола – поплавки легко подняли его тушу – и в нерешительности замер, заметив перемену в лице герцога. Тот глубоко вздохнул, челюсти его напряглись, словно он стискивал их.

«Как он боится меня!» – подумал барон.

От страха, что барон может ускользнуть, Лето резко надкусил зуб с капсулой, почувствовал, как он развалился. Открыв рот, он выдохнул едкий пар, вкус которого уже ощутил языком. Барон все уменьшался, словно удаляясь в черном тоннеле. Рядом с его ухом кто-то судорожно охнул – этот, с шелковым голосом, Питер.

Хорошо. Значит, и он тоже!

– Питер? Что случилось? – прогремел где-то вдалеке голос.

Бормотанием беззубых старух проносились в памяти Лето воспоминания. Комната, стол, барон... абсолютно синие глаза и ужас в них – все сложилось в ломаную мозаику.

В нее затесался мужчина с подбородком-башмаком – падающая игрушечная фигурка. Нос ее был сворочен налево, словно метроном,

навсегда застывший в движении. Зазвенела, разбиваясь, посуда, вдалеке что-то смутно гроыхало. Его разум поглощал все, словно сундук без дна... Все, что было: каждый крик, каждый шепот и... молчание.

Оставалась последняя мысль. Бесформенные вспышки вокруг высветили ее во тьме: «И дни лепят плоть, и плоть лепит дни». Мысль эта поразила его неизведанной доселе полнотой, которую уже не объяснить никогда.

Молчание.

Барон в изнеможении привалился спиной к потайной двери тайного выхода. Там, по другую сторону, осталась комната, полная мертвецов. Постепенно он начал замечать сразу закишевшую вокруг охрану. «Не вдохнул ли я это? – думал он. – Что бы это ни было, не вдохнул ли?»

Постепенно к нему вернулся слух... и разум. Он услышал, как кто-то выкрикивает приказы, что-то о газовых масках... не открывать дверь... включить вентиляцию.

«Впрочем, те повалились сразу, – решил он, – а я все еще стою. И дышу. Безжалостный ад! На этот раз миновало».

Он уже мог размышлять. Щит его был включен, пусть на малую мощность, но все же он замедлял проникновение молекул через силовой барьер... Барон уже поднимался из-за стола, и вдруг... Потрясенный вздох Питера... И капитан охраны, метнувшийся навстречу своей судьбе...

Случай и предсмертный вздох, послуживший предупреждением, – вот что спасло его.

Благодарности к Питеру барон не ощущал. Наконец-то дурак добился собственной смерти. И этот безмозглый капитан стражи. Он говорил, что проверяет всякого, прежде чем допустить пред очей барона. Как тогда оказалось возможным, чтобы герцог?.. Без предупреждения. Даже от ядоискателя над столом... пока не стало уже поздно. Как? «Впрочем, безразлично, – подумал барон, обретая уверенность. – Новый капитан стражи начнет с того, что ответит на эти вопросы».

Наконец он слышал шум за углом, у другой двери, ведущей в эту комнату смерти. Оторвавшись от личного тайного хода, барон поглядел на обступивших его. Они молча смотрели, ожидая его приказов.

Не будет ли барон гневен?

И только теперь он понял, что после бегства из этой ужасной комнаты прошло лишь несколько секунд.

Кое-кто из охранников направил оружие на дверь. Другие обратили свое рвение в сторону пустого зала, где из-за угла доносились звуки.

Широкими шагами оттуда вышел мужчина, тесемки газовой маски болтались у него на лице, глазами он следил за потолочными ядоискателями вдоль всего коридора. Он был желтоволос, на плоском лице зеленели глаза. От толстогубого рта разбегались жесткие морщинки. Он был похож на какую-то морскую тварь, заплутавшую меж земных жителей.

Глядя на подходившего, барон припомнил имя: Нефуд. Иакин Нефуд. Капрал охраны. Нефуд зависим от семуты – комбинации наркотика и музыки, игравшей в глубинах сознания. Такое полезно знать.

Мужчина остановился перед бароном и отдал честь:

– Коридор чист, милорд. Я наблюдал снаружи и понял, что это ядовитый газ. Вентиляторы комнаты отсасывали воздух из этих коридоров. – Поглядев на ядоискатель над головой барона, он добавил: – Воздух чист. Сейчас освобождают комнату. Каковы дальнейшие приказания?

Барон узнал голос. «Он-то и выкрикивал приказание. Лихо действует этот капрал», – подумал он.

– Внутри все мертвы? – спросил барон.

– Да, милорд.

«Следует отреагировать», – решил барон.

– Во-первых, – объявил он, – поздравляю тебя, Нефуд. Ты новый капитан моей охраны. И я надеюсь, что ты заучишь наизусть урок, преподанный смертью твоего предшественника.

Барон следил, какое впечатление производят его слова на свежеиспеченного капитана. На лице Нефуда было написано: «Теперь без семуты я не останусь».

Нефуд закивал:

– Милорд знает, с каким усердием я всецело отдамся охране его персоны.

– Да. Хорошо, к делу. Похоже, что герцог что-то пронес во рту. Определишь, что именно, как все было сделано, и кто помогал в этом герцогу. Ты должен обеспечить полную безопасность...

Он умолк. Мысли барона перебил шум в коридоре за его спиной – охрана у двери лифта пыталась удержать высокого полковника-баши, только что вышедшего из кабины.

– Ну, свора шакалов, руки прочь! – заревел он, расталкивая охрану.

«Ах-х, один из сардаукаров», – подумал барон.

Полковник-баши широкими шагами приближался к барону, от недоброго предчувствия тот сощурил глаза. Офицеры сардаукаров всегда вселяли в него чувство неловкости. Все они казались родственниками герцога... покойного герцога. И еще эта манера обращения с ним, с бароном!

Подбоченясь, полковник-баши врос в землю перед бароном. Позади него неуверенно сгрудилась охрана.

Барон заметил, что его не приветствуют, что внешний вид сардаукара выражает пренебрежение, и его беспокойство усилилось. Здесь находился только один легион сардаукаров – десять бригад, но Харконнен не обманывался на этот счет: такой легион вполне мог одолеть все войско барона и обратить его в бегство.

– Скажите вашим людям, чтобы не пытались помешать нашему разговору, – рыкнул сардаукар. – Мои люди доставили вам герцога Атрейдеса прежде, чем мы успели договориться о его судьбе. Сейчас мы с вами обсудим его участь.

«Нельзя терять лица в присутствии своих людей», – пронеслось в голове барона.

– Неужели? – холодно и расчетливо вымолвил барон, невольно гордясь собственным самообладанием.

– Мой Император повелел мне убедиться в том, что его родственник и кузен умер спокойной смертью, без мук, – сказал полковник-баши.

– Так приказывал Император и мне, – солгал барон, – неужели ты думаешь, что я ослушаюсь?

– Я доложу Императору лишь то, что видел собственными глазами, – ответил сардаукар.

– Герцог уже мертв, – отрезал барон, мановением руки отпуская стоявшего.

Но тот словно врос в землю перед бароном, ни жестом, ни взглядом не показывая, что видел движение пухлой руки.

– Как? – рыкнул он.

«Ну, – подумал барон – это уж слишком».

– От своей собственной руки, – сказал он. – Герцог принял яд.

– А теперь мне покажут тело, – сказал полковник-баши.

Барон в деланом негодовании возвел глаза к потолку, мысли его беспорядочно метались. «Проклятье! Этот остроглазый сардаукар увидит комнату прежде, чем в ней наведут порядок!»

– Живо, – прорычал сардаукар. – Теперь я все увижу своими глазами.

«Этого не отворишь», – понял барон. Сардаукар заметит все. Он увидит, как герцог убил людей Харконнена... поймет, что сам барон, скорее всего, уцелел лишь случайно. Увидит красноречивый обеденный стол с остатками трапезы, простертого на нем Лето и погибших вокруг.

Не отвратить.

– От меня вам не отделаться, – оскалился полковник-баши.

– От тебя не собираются отделяться, – ответил барон, заглянув в обсидиановые глаза сардаукара. – Я ничего не скрываю от Императора. – Он кивнул Нефуду: – Покажи полковнику-баши все, немедленно! Проводи его через дверь, у которой ты стоял, Нефуд.

– Сюда, сэр, – проговорил Нефуд.

Медленно и нагло сардаукар обошел барона, расталкивая плечами охрану.

«Нестерпимо, – подумал барон. – Теперь Император узнает, как я оступился. Он увидит в этом знак моей слабости».

Ему было мучительно больно понимать, что и сардаукар, и Император были едины в презрении к слабости. Барон закусил губу, пытаясь утешиться хотя бы тем, что Император еще не знает о рейде Атрейдесов на Гайеди Прим, об уничтожении складов со специей.

К чертям этого скользкого герцога!

Барон глядел в спины удалявшихся – нахального сардаукара и широкого, надежного Нефуда.

«Придется перестраиваться, – думал барон. – Придется вновь ставить над этой проклятой планетой Раббана. Пусть правит без ограничений. Придется расходовать нашу кровь, кровь Харконненов, чтобы довести Арракис до должного состояния, когда он с радостью примет Фейд-Рауту. К чертям этого Питера! И надо же было ему погибнуть, когда он был еще нужен мне!»

Барон вздохнул.

Придется немедленно послать на Тлейлакс за новым ментатом. Они, вне всякого сомнения, уже приготовили его.

Охранник неподалеку кашлянул. Барон обернулся к нему:

– Я голоден.

– Да, милорд.

– И я хочу отвлечься, пока вы будете убирать эту комнату и прочесывать ее, – прогремел барон.

Охранник опустил взгляд:

– Какого рода развлечение необходимо вам, милорд?

– Я буду в своей спальне, – отвечал барон. – Приведите мне того юнца, что мы купили на Гамонте, – того, с очаровательными глазами. И хорошенько накачайте его наркотиками. Я не расположен к борьбе.

– Да, милорд.

Барон повернулся и, подрагивая колышущимся на гравипоплавках телом, зашагал к спальне. «Да, – подумал он, – того самого, с очаровательными глазами. Того, что так похож на молодого Пола Атрейдеса».

*О моря Каладана,
О вы, люди герцога Лето,
Твердыня Лето, ты пала,
Пала навеки...*

Принцесса Ирулан. Из сборника песен Муад'Диб

Все прошлое Пола, все, что происходило до этой ночи, казалось ему песком, перетекающим из одной склянки часов в другую. Обняв колени, он сидел рядом с матерью в крошечном сооружении из ткани и пластика – конденстенте, извлеченном ими, как и одежды фрименов, что теперь были на них, из оставленного в топтере ранца.

У Пола не было ни малейшего сомнения в том, кто поместил под сиденье ранец, кто направил в пустыню курс уносившего их топтера.

Юэ.

Предатель-доктор отправил их прямо в руки Дункана Айдахо.

Сквозь прозрачную ткань в торце конденстента Пол взирал на лунные тени на скалах, окружавших место, где укрыл их Дункан Айдахо.

«Прячусь, как дитя, хотя я теперь герцог», – подумал Пол.

Мысль эта раздражала его, но мудрости такого решения трудно было не увидеть.

Этой ночью с ним что-то произошло, и теперь он с обострившейся ясностью воспринимал все перипетии и обстоятельства. Остановить поток информации, смягчить леденящую точность расчетов, с каждым новым фактом углублявших его знание, он был не в силах. В нем родился ментат, но он чувствовал в себе нечто большее, чем просто способности разумного компьютера.

Мысли Пола вернулись назад, к мигу бессильной ярости, овладевшей им, когда странный топтер гигантским ястребом вынырнул из ночи, свистя крыльями. Тогда это и началось в его мозгу. Топтер, покачиваясь, скользнул по песчаному гребню следом за ними, бегущими. Пол припоминал теперь запах горячей серы от обожженного скольжением днища.

На бегу его мать, оборачиваясь, ожидала увидеть бластеры в руках наемников барона, но увидала Дункана Айдахо. Высунувшись из двери топтера, тот кричал:

– Поторопитесь! След червя с юга!

Но Пол и не оборачиваясь уже знал, кто пилотирует аппарат. Мельчайшие подробности – как подлетал топтер, как садился, – мелочи столь незначительные, что их не заметила даже его мать, подсказали Полу, кто сидит за приборной панелью.

Джессика шевельнулась в конденстенте и, глядя на Пола, сказала:

– Возможно лишь одно объяснение. Жена Юэ попала в лапы барона. Он же ненавидел Харконненов! В этом я не могу ошибаться. Ты читал его записку. Но почему же тогда он спас от гибели нас с тобой?

«Она только сейчас поняла, и то не до конца», – подумал он, и эта мысль потрясла его. Сам он понял мгновенно, едва прочтя записку, в которую был завернут знак герцогской власти.

«Не пытайтесь простить меня, – писал Юэ. – Мне не нужно вашего прощения. Моя совесть и так слишкомотягощена. И поступок мой был совершен без злобы и без надежды на чье-нибудь понимание. Для меня он – тахадди аль-бурхан, предельное испытание. Возвращаю герцогскую печать Атрейдесов в знак истинности моих слов. Когда вы прочтете эти слова, герцога Лето уже не будет в живых. Попробуйте утешиться – я уверяю, что он умер не один, а вместе с тем, кого мы все так ненавидим».

Ни обращения, ни подписи не было, но знакомый почерк не оставлял места сомнениям: Юэ.

Припоминая письмо, Пол вновь пережил потрясение, странное, острое чувство – все, что случилось, происходило где-то вдали, за пределами его нового умственного восприятия. Он прочел, что отец его мертв, и знал, что это правда, но такая весть не значила ничего – просто новый факт, который следует ввести в память и использовать.

«Я любил отца, – подумал Пол, – без сомнения, я еще оплачу его, боль еще придет ко мне».

Но не испытал ничего – лишь пометил: «Важное сообщение».

Просто еще один факт.

А разум его все складывал впечатления, экстраполировал, вычислял.

Припомнились слова Холлика: «Настроения бывают у животных – у людей они для любви или для музыки, а биться... Бьешься, когда приходит нужда, а не когда есть настроение».

«Должно быть, так, – подумал он, – я оплачу отца... когда настанет для этого время».

Но холодная резкость бытия не оставляла его. Пол понимал, что новое восприятие – всего лишь начало. И вновь его охватило предчувствие собственной страшной судьбы, ужас предназначения, который он впервые испытал при встрече с Преподобной Матерью

Гайей Еленой Мохайем. Правая рука вспомнила, боль вдруг заколола, запульсировала в ладони.

«Не так ли должен ощущать себя их Квизац Хадерач?» – удивился он.

– На мгновение я подумала, что Хават вновь подвел нас, – сказала Джессика. – Я подумала, что Юэ, быть может, и не доктор Сукк.

– Он тот, кого мы знаем, но не только, – сказал Пол, подумав, почему до нее все доходит так медленно. – Если Айдахо не доберется до Кайнса, мы... – начал он.

– Он не единственная наша надежда, – перебила его Джессика.

– Я собрался сказать другое, – ответил он.

Джессика услышала в его голосе сталь приказа и удивленно посмотрела на него в полумраке палатки. Силуэт Пола темнел в торце на фоне посеребренных луной скал.

– Должно быть, уцелели и другие люди твоего отца, – сказала она, – их надо объединить, собрать...

– Полагаться придется лишь на самих себя, – ответил он, – в первую очередь следует позаботиться о семейном ядерном оружии. Его надо найти прежде, чем оно попадет в лапы Харконненов.

– Не думаю, чтобы они его нашли, – произнесла она. – Учитывая, как мы его спрятали.

– На волю случая такое нельзя оставлять.

Она подумала: «Он собирается затеять шантаж, угрожая атомным оружием и планете, и специ... вот что у него на уме. Но тогда остается лишь надеяться тихо ускользнуть в изгнание».

Слова матери придали мыслям Пола другое направление. Юный герцог сожалел о своих людях, погибших ночью. «В людях истинная основа силы каждого Великого Дома», – думал Пол, вспоминая слова Хавата: «Печально расставаться с людьми... а дом – всего лишь только дом».

– На их стороне сардаукары, – сказала Джессика, – придется подождать, пока их не отзовут.

– Они думают зажать нас между пустыней и сардаукарами, – сказал Пол, – так, чтобы Атрейдесов не стало. Ставка – на полное уничтожение. Не рассчитывай на то, что кто-нибудь из наших спасется.

– Но они же не могут бесконечно рисковать... тогда рано или поздно станет известна роль Императора в произошедшем.

– Почему бы и нет?

– Но кто-то из наших людей спасется.

– Из чего это следует?

Джессика отвернулась, испуганная горькой силой в голосе сына, ощущая в его словах строгое равновесие вероятностей. Она поняла, что разум его теперь обогнал ее собственное разумение, что он отныне может видеть яснее, чем она сама. Она сама принимала участие в воспитании интеллекта, оказавшегося способным на подобное, и теперь ей стало не по себе. Мысли ее устремились к потерянному защитнику и прибежищу, к герцогу, и слезы защипали ей глаза.

«Да, оно приходит ко всем, мой Лето, – подумала Джессика, – *время любить и время скорбеть*. – Положив руку на живот, она сосредоточила свое восприятие на эмбрионе внутри ее тела. – Дочь Атрейдесов, которую мне приказано было родить... только Преподобная Мать ошиблась, дочь не спасла бы моего Лето. И этот ребенок – лишь жизнь, тянущаяся в будущее из глубин смерти. Я зачала ее, следуя инстинкту, а не повинаясь приказу».

– Попробуй включить коммуникационную сеть, – сказал Пол.

«Разум работает всегда, как бы нам ни хотелось отключить его», – подумала она.

Джессика отыскала крошечный приемник, что передал им Айдахо, нажала на выключатель. На лицевой панели зажегся зеленый огонек. Громкоговоритель резко засвистел. Джессика убавила громкость, прошла по диапазонам. В палатку вдруг ворвался голос, говоривший на боевом языке Дома Атрейдесов:

– ...отступить и перегруппироваться у хребта. Федор сообщает, что в Карфаге никто не уцелел, банк Гильдии разграблен.

«Карфаг, – подумала Джессика, – осиное гнездо Харконненов».

– Это сардаукары, – сказал голос, – в форме Атрейдесов. Они...

В громкоговорителе загромыхало, потом он умолк.

– Попробуй на других частотах, – сказал Пол.

– Ты понимаешь, что это означает? – спросила Джессика.

– Я ожидал этого. Они добиваются, чтобы Гильдия обвинила нас в разрушении банка. Если Гильдию настроят против нас, Арракис станет для нас капканом.

Она взвешивала слова: «Я ожидал этого». Что с ним случилось? Джессика неторопливо взяла в руки прибор, тронула настройку... Доносившиеся редкие голоса на боевом языке Атрейдесов говорили о поражении: «...мы отброшены... попытайтесь перегруппироваться... завалены в пещере у...»

А в тарабарщине, заполнявшей остальные частоты, слышалось торжество победы Харконненов. Резкие команды, рапорты. Слов было немного, слишком мало, чтобы Джессика сразу могла понять их... но тон не вызывал сомнений.

Победа Харконненов.

Пол потряс стоявший рядом ранец, прислушиваясь к плеску воды в двух флягах-литровках. Он глубоко вздохнул, поглядел сквозь прозрачную стенку палатки на чернеющий под звездами силуэт скал. Левой рукой он тронул гермоклапан палатки, напоминающий по устройству сфинктер.

– Скоро рассвет, – произнес он. – До ночи еще можно подождать Айдахо. В пустыне путешествуют ночью, а днем прячутся в тени.

В памяти Джессики промелькнуло: «Человеку, сидящему в пустыне без конденскостюма, для сохранения веса требуется пять литров воды в день». Всем телом она ощутила мягкую и гладкую материю – теперь их жизни зависели от этих конденскостюмов.

– Если мы уйдем отсюда, Айдахо не найдет нас, – сказал она.

– Любого человека можно заставить говорить, – ответил он. – Если к рассвету Айдахо не вернется, нам придется учесть и возможность того, что он попал в плен. Сколько, по-твоему, он сумеет продержаться?

Ответа не требовалось, и она молчала. Пол открыл крышку ранца, извлек из него крохотное руководство со светополоской и увеличителем. На страницах мелькали зеленые и оранжевые буквы: «фляги-литровки, конденстент, энергокапсулы, рекаты, пескошноркель, бинокль, аптечка для починки конденскостюма, краскопульт, карта впадин, нософилтры, паракомпас, крюки делателя, колотушка, фримплект, огненный столб...»

Так много всего нужно, чтобы выжить в пустыне!

Он положил руководство на пол палатки.

– Куда же направимся? – спросила Джессика.

– Отец говорил о пустынных силах, – произнес Пол. – Без них Харконнены не сумеют править этой планетой. Они никогда не правили ею, и не будут править. Даже если на помощь им придет десять тысяч легионов сардаукаров.

– Пол, как можешь ты...

– Все доказательства в наших руках, – сказал он, – здесь, в палатке. И сама она, и этот ранец, и его содержимое, эти конденскостюмы. Мы знаем, что Гильдия требует за погодный спутник невозможную плату. Мы знаем, что...

– При чем здесь погодные спутники? – спросила она. – Не могут же они... – Голос ее умолк.

Гипервосприятием своего ума Пол впитывал ее реакции и считал, считал...

– Сейчас ты поймешь, – начал он. – Со спутников видно все. А в здешней глубокой пустыне есть многое, чего не должны видеть чужие глаза.

– Ты имеешь в виду, что сама Гильдия контролирует эту планету?

Она мыслила так медленно!

– Нет! – ответил он. – Фримены! Они платят Гильдии, чтобы она не лезла в их частные владения, и платят монетой, которой в изобилии у хозяев пустыни, – специей. Это не результат приблизительных подсчетов. Это точный ответ. Результату этого расчета можно верить.

– Пол, – ответила Джессика, – ты же еще не ментат, как ты можешь быть уверен...

– Я никогда не стану ментатом, – проговорил он. – Я что-то другое... урод, например.

– Пол! Как ты можешь говорить такую...

– Оставь меня!

Он отвернулся от нее к ночной тьме за стенкой палатки. «Почему я не могу плакать?» – удивился он. Каждая клетка, каждый мускул в его теле жаждали этого, но ему не будет дано облегчения.

Джессика никогда еще не слышала в голосе сына подобной печали. Она хотела прикоснуться к нему, обнять, утешить, помочь... но знала, что ничего не сумеет сделать. Он должен все пережить сам.

Светящаяся полоска на руководстве к фримплекту невольно привлекла ее взгляд. Она поглядела на него и прочла: «Руководство

друга пустыни – места, полного сущих. В нем аяты и бурхан жизни. Верь, и лучи Аль-лята не испепелят тебя».

«Похоже на книгу Азхар, – подумала она, вспоминая свое знакомство с Великими Тайнами. – Неужели здесь побывал и Манипулятор Религий?»

Пол достал из ранца паракомпас, положил его обратно и сказал:

– Подумай-ка обо всех этих специальных устройствах! Сложность их не имеет себе равных. Согласись, культура фрименов, создавшая эти вещи, свидетельствует о глубинах, которые никто не прозревал.

Неуверенно, озабоченная резкостью его тона, Джессика перевела глаза на книгу: первая иллюстрация изображала созвездие арракинского неба – «Муад'Диб, или Мышь». Она отметила, что хвост созвездия указывает на север.

Во тьме палатки, освещенной лишь полоской на руководстве, Пол смутно угадывал движения матери. «Настало время исполнить желание отца, – подумал он, – ей следует сказать все сейчас, пока еще есть время для горя. Позже горе может помешать нам». Логичность собственных суждений неприятно удивила его.

– Мать, – позвал он.

– Да?

Голос его изменился, у Джессики похолодело внутри. Такой суровости в сыне она еще не видала.

– Отец мой умер, – сказал он.

Она попробовала разобраться сама, перебирая факты, факты и факты обычным для Бинэ Гессерит способом, и чувство ужасной потери обрушилось на нее.

Не в силах говорить, она кивнула.

– Отец просил меня передать тебе... – начал Пол, – он очень боялся, что ты решишь, будто он перестал доверять тебе здесь, на Арракисе.

«Напрасное, беспочвенное опасение», – подумала она.

– Он хотел, чтобы ты знала: он тебя не подозревал, – сказал Пол. Объяснив подробности, он добавил: – Он хотел, чтобы ты знала, он всегда верил тебе полностью, всегда любил. Еще он сказал, что скорее усомнился бы в себе самом и жалеет лишь об одном: что так и не сделал тебя своей герцогиней.

Джессика смахнула со щеки слезы, подумала: «Что за глупая трата воды!» – прекрасно понимая тщетность этой попытки гневом заглушить горе. «Лето, мой Лето, – подумала она. – Как ужасно мы обращаемся с теми, кого любим!» Резким движением руки она погасила светящуюся полосу на руководстве.

Рыдания сотрясали ее.

Горю матери трудно было не сочувствовать, но в нем самом была пустота. «Я не чувствую горя, – подумал Пол. – Почему? Почему?» Он не чувствовал горя и воспринимал это как ужасный порок.

«Время искать и время терять, – припомнила Джессика слова О. К. Библии, – время сберегать и время бросать; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру».

А разум Пола работал с леденящей сердце точностью. Он увидел варианты их будущей участи на этой враждебной планете. Не имея возможности укрыться за благодетельным пологом сна, он фокусировал свои предвидения, понимая открывавшиеся картины как наиболее вероятные варианты будущего, но было в них и еще что-то, какая-то тайна... словно ум его окунулся в не ведающую времени среду, где его оведали костры грядущего.

Резко, словно постигнув что-то важное, восприятие Пола перескочило на другую ступеньку. Новый уровень манил его, он словно бы уцепился за что-то и оглядывал окрестности. Казалось, будто он находится в центре шара и во все стороны лучами разлетаются перспективы. Но такое объяснение было лишь слабой тенью его ощущений.

Ему припомнилось, как полощется на ветру тонкая ткань, и будущее в его глазах казалось столь же непостоянным и колеблющимся, как тот газовый платок.

Он увидел людей.

Он почувствовал жар и холод несчетных вероятностей.

Он узнал имена и места, на него обрушились бесчисленные эмоции, он обладал знанием неведомых и неисследованных планет. Пришло время испытывать, пробовать, примечать, но время придавать форму еще не наступило. Перед ним был весь спектр возможностей – от дальнего прошлого до невообразимого будущего, от самого вероятного до почти несбыточного. Бессчетное число раз он узрел собственную смерть. Он увидел незнакомые планеты, новые культуры.

И людей.

Людей.

Они так густо толпились вокруг, что даже его разум не мог их охватить, но он пощелкивал, анализировал... считал...

Он увидел и гильдийцев.

И подумал: «Гильдия... Вот там-то моя странность будет знакома, такое там ценят, правда, необходима специя».

Но мысль о том, что придется прожить всю жизнь пересчитывая варианты будущего, как положено пилоту космического лайнера, коробила его. Да, так можно было прожить. Но тот вариант будущего, в котором он становился навигатором Гильдии, отдавал странностью.

«Я обрел новое зрение, я вижу новую для себя реальность: возможные варианты событий».

Такое восприятие и успокаивало, и тревожило, многое в других плоскостях таяло и исчезало с глаз.

Ощущение ускользнуло столь же быстро, как и появилось, и он понял: все переживание заняло долю сердцебиения.

Да, его собственное сознание словно перевернули, словно обрушили на него ослепительный и ужасный свет. Он огляделся.

В окруженном скалами убежище царила ночь. Плач матери еще можно было слышать.

Но сам он по-прежнему не испытывал горя... а часть его мозга, словно полость внутри, отгороженная от остального, уверенно трудилась – обрабатывала данные, оценивала, рассчитывала, получала ответ, как делают это ментаты.

Теперь он понял, что у него есть исходная информация, какая не была открыта ни одному уму до него. Это не сделало пустоту привлекательнее. Внутри словно бы затикал часовой механизм бомбы. И хотел он или нет – механизм продолжал тикать. Разум его фиксировал мельчайшие различия вокруг: изменения влажности, температуры... шум ползущего по палатке жука, торжественное появление зари в том куске звездного неба, что был виден через прозрачную стенку палатки.

Пустота была невыносима. Зачем знать, кто и как запустил часы? Заглянув в собственное прошлое, он мог увидеть начало... тренировки, оттачивание талантов, тонкое воздействие сложных дисциплин, даже откровение О. К. Библии в критический момент... и,

наконец, такой излишек специй! Он глядел вперед, туда, где гнезился страх, и видел все, что там было.

«Я чудовище, – подумал он. – Урод!»

– Нет, – сказал он. – Нет. Нет! НЕТ!

Он понял, что бьет по полу палатки кулаками. (Невозмутимая часть его существа восприняла этот интересный эмоциональный всплеск и принялась вычислять поправки.)

– Пол!

Мать была рядом, она держала его за руки, лицо серым пятном проступало в полумраке.

– Пол, что случилось?

– Это ты! – сказал он.

– Я здесь, – тревожно ответила она, – все в порядке.

– Что ты сделала со мной? – произнес он.

В мгновенном озарении она угадала какие-то причины такого вопроса и ответила:

– Дала тебе жизнь.

Ответ, совершенно правильный и точный, определен был и инстинктом, и ее собственными утонченными познаниями, только эти слова могли успокоить его. Он почувствовал на своих плечах ее руки, разглядел неясные очертания лица. (Его неутомимый мозг подметил теперь в ее чертах некоторые генетические особенности, ввел информацию и принялся за дальнейший расчет.)

– Пусти, – сказал он.

Услышав сталь в его тоне, она повиновалась:

– Ты не хочешь сказать мне, что случилось, Пол?

– Разве ты не представляла, что делаешь, когда учила меня всему этому? – спросил он.

«В голосе его нет больше детства», – подумала она и произнесла:

– Как и любой родитель, я надеялась, что, когда ты вырастешь, станешь иным, выше меня.

– Иным?

Уловив горечь в его словах, она сказала:

– Пол, я...

– Тебе не нужен был сын! – сказал он. – Тебе нужен был твой Квизац Хадерач! Дочь Гессера мужского пола!

Тон его заставил ее смутиться:

– Сын...

– И ты даже не посоветовалась обо всем с отцом.

Не остывшим еще от горя голосом она проговорила:

– В том, каков ты есть, Пол, доля наследственности твоего отца столь же велика, как и моя доля.

– А воспитание, – сказал он. – Все эти штуки, которые... разбудили... спящего...

– Спящего?

– Здесь. – Он поднес руку сперва к голове, а потом к груди. – Во мне. Это все длится... длится... длится... длится... и...

– Пол!

По голосу она слышала, что сын находится на грани истерики.

– Послушай меня, – сказал он. – Ты хотела, чтобы Преподобная Мать узнала о моих снах. Теперь слушай сама. Только что я видел сон наяву. И знаешь почему?

– Успокойся, – произнесла она. – Если что-то...

– Это специя, – сказал он. – Здесь она во всем: в воздухе, в почве, в еде. Гериатрическая приправа. У нее есть общее с зельем ясновидения. Она тоже яд!

Джессика застыла.

Тихим голосом он повторил:

– Яд... скрытый, незаметный и необратимый. От него не погибнешь, разве только перестанешь принимать. Мы теперь не можем покинуть Арракис, не унося его частичку в себе.

Его ошеломляющее самообладание не оставляло возможности для спора.

– Ты и специя, – сказал Пол. – Специя изменяет каждого, кто принял ее слишком много, но благодаря тебе я могу уловить эту перемену своим сознанием. Перемена из области подсознательного, где ее так легко проглядеть. Я вижу ее.

– Пол, ты...

– Я вижу ее! – повторил он.

В голосе его слышалось безумие, она не знала, что делать...

Но когда он заговорил вновь, в словах его железом звенела все та же непоколебимость:

– Эта планета для нас – ловушка.

«Да, мы в ловушке», – мысленно отозвалась она.

Вновь приходилось ей признавать правоту сына. Никакой нажим со стороны Бинэ Гессерит, никакие хитрости, ни ловкий замысел не могли теперь освободить их от Арракиса полностью. К специи привыкают. Тело ее уже знало это, пока дремал ум.

«Значит, здесь нам жить и доживать, – подумала она, – на этой адской планете. Это место предусмотрели для нас, если, конечно, мы сумеем ускользнуть от Харконненов. Вот моя будущая политика: прикидываться племенной кобылицей, сохраняющей важную генетическую линию для Бинэ Гессерит».

– Я должен рассказать тебе об этом сие наяву, – сказал Пол яростным голосом, – а чтобы ты действительно считалась с моими словами, скажу сперва, что знаю: ты родишь здесь, на Арракисе, дочь, мою сестру.

Чтобы подавить нахлынувший страх, Джессика откинулась на стенку палатки, упершись в пол руками. Она знала: беременность еще незаметна. Только ее знания, мудрость Дочерей Гессера, позволяли услышать эти первые сигналы в собственном теле, ведь эмбриону было всего несколько недель.

– Только служить, – прошептала Джессика девиз своего Ордена, – мы существуем, чтобы только служить.

– Мы найдем себе дом среди фрименов, – заговорил Пол. – Там ваша Миссионерия Протектива приготовила для нас нору.

«Они приготовили для нас пути в пустыне, – сказала себе Джессика, – но как может он знать о Миссионерии Протективе?» Ей становилось все труднее подавить этот ужас перед отчуждением, охватившим Пола.

Он вглядывался в темные очертания ее фигуры, видел ее страх, малейшую реакцию так, словно она была освещена солнечным светом. Сострадание к матери вдруг родилось в его душе.

– Того, что может случиться здесь, я не могу рассказать тебе, – сказал он, – я не могу даже начать говорить... хотя я все видел. Это чувство будущего... Я не владею им. Просто оно приходит... и все. Ближайшее будущее... Примерно на год... я вижу его, ну как Центральную улицу на Каладане, кое-чего я не вижу... там тень... словно за холмом (он вновь подумал о полощущемся на ветру платке)... есть и развилки.

Джессика отыскала выключатель светополосы, прикоснулась к нему.

Тусклый зеленый свет рассеял мрачные тени, отогнал страх. Она посмотрела на Пола, взгляд его был устремлен вглубь. Она вспомнила, где приходилось ей видеть такие лица: в лентах, повествовавших о несчастиях... о детях, умиравших с голода или от ужасных ран. Глаза словно ямы, черточка рта, запавшие щеки.

«Так проявляется ужас, — решила она — ужас человека, которого заставили ожидать приход смерти».

Он и в самом деле перестал быть ребенком.

Но смысл его слов начинал доходить до нее, отодвигая все прочее в сторону. Пол видел будущее, он видел путь спасения.

— Значит, есть способ скрыться от Харконненов? — спросила она.

— Харконнены! — фыркнул он. — Да выбрось из головы эти воплощения порока в облике людей! — Он глядел на мать.

В тусклом свете светополоски очертания лица так выдавали ее!

Она сказала:

— Не называй их «людьми» без...

— Не будь слишком самонадеянной, — перебил он, — никто не знает, кого можно назвать таковыми, а кого — нет. Но прошлое наше всегда с нами. И, мать моя, есть одна вещь, которой ты не знаешь, но должна знать: мы с тобой тоже Харконнены.

С ней случилось нечто ужасное, разум отключился, все чувства застыли, словно от перегрузки... но невозмутимый голос Пола мерно доносился до нее, увлекая бессильный ум за собой.

— Когда тебе случится отыскать зеркало, посмотри на свое лицо... или погляди внимательнее на меня. Все видно и так, если только ты хочешь видеть. Посмотри на мои руки, на сложение. А если эти признаки тебя не убедят, поверь мне на слово. Я видел будущее, я видел записи, я видел место — у меня вся информация. Мы — Харконнены.

— Какая-нибудь побочная ветвь, — проговорила она. — Так, наверное? Двоюродные или троюродные...

— Ты дочь самого барона, — сказал он, глядя, как она зажала рот ладонью. — Барон в молодости безудержно предавался удовольствиям и однажды позволил, чтобы его соблазнили. Это была одна из ваших, действовала она из генетических соображений Ордена.

Тон, которым он сказал «ваших», был словно пощечина. Но ум ее принялся за работу, и отрицать правоту сына она более не могла. Теперь многие пробелы в ее собственном прошлом заполнялись и обретали смысл. Дочь, которой добивался от нее Орден! Не прекратить старую вражду Атрейдесов и Харконненов она должна была. Ее назначение – закрепить какой-то генетический фактор. Какой же? Она лихорадочно пыталась найти ответ. И, словно читая ее мысли, Пол сказал:

– Они рассчитывали в следующем поколении получить *меня*. Но я – не тот, кого они ожидали, и я пришел слишком рано. Они не знают этого.

Джессика вновь прижала ладонь ко рту.

«Великая Мать! Он и есть Квизац Хадерач».

Ей казалось, что она стоит перед ним нагая, она понимала, что от этого взора мало что может укрыться. В этом-то и была, догадалась она, причина ее страха.

– Ты думаешь, я – Квизац Хадерач, – сказал он. – Выбрось это из головы. Я – нечто совсем иное.

«Надо передать весть в какую-нибудь из школ, – подумала она. – Индекс брачной связи может показать, что произошло».

– Обо мне они узнают слишком поздно.

Она попыталась отвлечь его, сложила руки и произнесла:

– Так мы найдем убежище среди фрименов?

– У фрименов есть поговорка, которую они приписывают Шай-Хулуду, Вечному отцу, – ответил он. – Они говорят: «Готовься принять тебе уготованное».

А про себя подумал: «Да, мать моя, среди фрименов. И глаза твои станут синими, а рядом с очаровательным носом появится мозоль от трубок нософильтров конденкостюма, и ты родишь мою сестру – Святую Алию-от-Ножа».

– Если ты не Квизац Хадерач, – сказала Джессика, – так...

– Возможно, ты не знаешь, – ответил он. – И не поверишь, пока не увидишь.

И подумал: «Я – семья».

Вдруг он понял, как плодородна земля, принявшая его. Мысль о грозном предназначении вдруг выползла из какого-то уголка его мозга, пытаясь задушить его печалью.

Будущее перед ним разделялось на две ветви: в одной ему суждено было предстать перед порочным старым бароном и произнести: «Привет, дед». От этой перспективы ему стало тошно.

Другая ветвь вся таилась во мгле, открывая внутреннему взору лишь бездны насилия. Он видел там религию воинов, словно огнем воспламенившую Вселенную, и черно-зеленое знамя Атрейдесов над головой опьяненных меланжевым ликером фанатиков. Гарни Холлик и несколько уцелевших людей отца – прискорбно малая горсточка – были среди них. На груди каждого – ястреб из могильного храма, где погребен череп отца.

– Я не могу направиться этим путем, – пробормотал он, – ведь именно этого и добиваются на самом деле старые ведьмы из ваших школ.

– Я не понимаю тебя, Пол, – сказала мать.

Он молчал, ощущая себя семенем, ощущая в себе сознание расы – то, что он называл «ужасным предназначением». Он понял, что не может более ненавидеть ни Орден Бинэ Гессерит, ни Императора, ни даже Харконненов. Все они были захвачены одной потребностью расы – необходимостью разогнать застоявшуюся кровь, перемешать, связать, слить наследственные линии в новом великом смешении генов. Но раса знала для этого лишь один способ – древний, проверенный и надежный, сметавший все на своем пути: джихад.

«Вне сомнения, я не могу пойти этим путем».

Но умственным взором он увидел гробницу над черепом отца и кровавый кошмар, в самом сердце которого развевалось черно-зеленое знамя Атрейдесов.

Обеспокоенная его молчанием, Джессика кашлянула:

– Так, значит... фримены предоставят нам убежище?

Он поглядел на ее освещенные зеленым огоньком аристократические, тронутые наследственным вырождением черты.

– Да, – ответил он, – так может случиться. – Он кивнул. – Да. Они будут звать меня... Муад'Диб, «Тот, кто указывает путь». Да... так они назовут меня.

И он закрыл глаза, подумав: «Отец мой, теперь я могу оплакать тебя». И по щекам его потекли слезы.

Книга 2

Муад'Диб

Когда мой отец, Падишах-Император, услышал о смерти герцога Лето и о том, как все случилось, он разгневался. В такой ярости мы его никогда не видели. Он обвинял и мою мать, и соглашение, по которому обязан был посадить на трон сестру из Бинэ Гессерит. Он обвинял Гильдию и старого злодея барона. Он обвинял всех, кто только попадался ему на глаза, в том числе и меня... Мне он сказал, что я ведьма, такая же, как и все прочие. А когда я попыталась утешить его, напомнив, что все это было сделано из чувства самосохранения, древнего правила, которого правители придерживались с незапамятных времен, он фыркнул и спросил, не считаю ли я его слабым. И я поняла тогда, что до такого состояния его довела не печаль о погибшем герцоге, но то, что сулила эта смерть всему императорскому Дому. Теперь, глядя назад, я думаю, что провидческие способности были и у моего отца, ведь, вне сомнения, и его род, и род Муад'Диб восходят к единому источнику.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

– А теперь Харконнелу придется убить Харконнена, – прошептал Пол.

Он проснулся почти перед наступлением ночи и сел в закупоренном и темном конденстенте. От звука его слов у противоположной стенки палатки шевельнулась мать.

Пол глянул на детектор близости на полу палатки, внимательно проверив показания циферблатов, фосфорными полосками светящихся во тьме.

– Скоро ночь, – проговорила мать, – почему ты не поднял экраны?

Тогда Пол понял, что она уже давно дышала иначе и лежала молча во тьме, пока не убедилась, что он окончательно проснулся.

– Экраны можно поднять, только они ни при чем, – сказал он. – Была буря, палатку засыпало песком. Скоро я отрою нас.

– Никаких признаков Дункана?

– Никаких.

Пол рассеянно потер герцогскую печать большим пальцем. Внезапно нахлынувший гнев против этой планеты, самой ее материи, что помогла убить его отца, пронзил его, заставил задрожать.

– Я слышала, как началась буря, – сказала Джессика.

Отсутствие смысла в этих словах несколько успокоило его. Мысли вернулись к началу бури, которое Пол наблюдал сквозь прозрачную ткань палатки. Песок в котловине завихрился, и вдруг побежали песчаные ручейки, замутнившие небо. Обрушился песчаный дождь. Глянув на остроконечную скалу, он увидел, как резкий порыв ветра засыпал ее песком. Песок неся над котловиной, небо стало тусклым, как порошок карри, а затем на Пола и Джессику опустилась темнота – палатку засыпало.

Опоры крикнули, принимая на себя вес песка. Потом молчание прерывалось только вздохами мехов пескошноркелей, втягивавших воздух с поверхности.

– Попробуй включить приемник, – сказала Джессика.

– Бесполезно, – отвечал он.

Водяная трубка костюма была на месте, в зажиме у подбородка, – глотнув теплой воды, он подумал, что началась истинно арракийская жизнь. Он сделал еще один глоток воды, отданной его дыханием и телом. Вода была пресной и безвкусной, но она смочила гортань.

Джессика услышала глотки, почувствовала, как липнет к телу конденскостюм, но отказалась признать жажду своего тела. Ответить на зов тела значило проснуться, встать навстречу суровому дню Арракиса, где хранят даже капли влаги в карманах-уловителях конденстента и жалеют о выдохе, сделанном в открытый воздух.

Хорошо бы вновь спрятаться в сон!

Но днем ей приснилось то, от чего она до сих пор вздрагивала. Во сне песок сыпался на камень, а на поверхности его по одной проступали буквы имени: герцог Лето Атрейдес. Песок наплывал, она хотела поправить имя, но не успела – первая буква исчезла, когда еще не появилась последняя.

А песок наплывал, наплывал.

И сон закончился криком, становившимся громче и громче, воплем, рыданием... Частью разума она поняла, что голос этот был ее собственным, но детским, почти младенческим. Уходила женщина, чьи черты память не могла восстановить.

«Моя безымянная мать, – подумала Джессика. – Сестра, что выносила и отдала меня Дочерям Гессера, потому что ей так приказали. Быть может, она даже радовалась тому, что избавилась наконец от ребенка барона».

– Бить следует в слабое место. Здесь это специя, – сказал Пол.

«Как может он сейчас думать о нападении?» – удивилась она.

– Вся планета набита специей, – ответила она. – Куда будешь бить?

Она услышала, как Пол шевельнулся, подтащил за собой ранец к входу.

– На Каладане требовалось господствовать в воздухе и на море, здесь необходимо властвовать в пустыне, а ключ к этому – фримены.

Голос его прозвучал уже от сфинктерного гермоклапана. Умение Бинэ Гессерит позволило ей услышать в его тоне неосознанную горечь против нее же самой.

«Еще бы! Всю жизнь его учили ненавидеть Харконненов, – подумала она. – А теперь он узнал, что и сам Харконнен... благодаря мне. Как мало он знает меня! Для моего герцога я была единственной. Я приняла и его жизнь, и все его ценности, даже отказалась повиноваться приказам Ордена».

Под рукой Пола загорелась светополоска, наполнив палатку зеленоватым светом. Он сел возле гермоклапана – капюшон конденскостюма надвинут для выхода в пустыню, лоб туго охвачен, ротовой фильтр на месте, нософильтры вставлены в ноздри, видны лишь темные глаза.

– Подготовься к выходу, – произнес он глухим из-за фильтра голосом.

Джессика подтянула фильтр к лицу и, застегивая капюшон, увидела, что Пол вскрывает гермополог.

Едва он открылся, шелестящая струя песка хлынула на пол, прежде чем он успел остановить ее электростатическим уплотнителем. Этот инструмент раздвигал и уплотнял песчинки, так что в стенке перед Полом появился ход. Он скользнул в него, и за дальнейшим продвижением сына к поверхности она могла следить уже только на слух.

«Что мы там обнаружим? – подумала она. – Харконненов и сардаукаров? Этих следует ожидать... А если там окажется нечто совсем неизвестное нам?»

Она подумала об уплотнителе и других странных инструментах в ранце. Каждый из них казался ей символом какой-то неизвестной опасности.

С поверхности повеяло горячим ветром, тронувшим ее не закрытые лицевым покрывалом щеки.

– Передай ранец, – негромко и осторожно попросил Пол.

Джессика повиновалась. Когда она перевалила ранец через гермоклапан, в литровках булькнула вода. Поглядев вверх, она увидела темный силуэт Пола на фоне звезд.

– Сюда, – сказал он и, протянув руку, подхватил ранец и вытащил его на поверхность.

Теперь наверху был только круг, усеянный звездами; словно светящиеся жерла орудий, они были нацелены на нее. Дождем посыпались метеоры. Словно предупреждение – светлые полосы на тигровой шкуре неба... Могильная решетка, леденящая кровь. Угроза нависла над их головами.

– Поторопись, – сказал Пол. – Я хочу снять палатку.

На левую руку ее сверху просыпался песок. «Сколько песчинок можно удержать в одной руке?» – почему-то пришло ей в голову.

– Тебе помочь? – спросил Пол.

– Нет.

Она сглотнула пересошим горлом, скользнула в ход. Наэлектризованный уплотнителем песок поскрипывал под рукой. Песок теперь почти до краев заполнял котловину, окружавшие ее скалы едва выступали из него. Со всей остротой тренированных чувств Джессика внимала темноте.

Шорох маленьких зверьков.

Взмахи крыльев.

Ручеек осыпавшегося песка, шебуршание в нем.

Пол сдул палатку и вытянул ее через прорытый ход.

Звезды немного сдвинулись, тени угрожающе опустились. Она глянула на черные пятна в небе.

«Как память о беде, – подумала она. – Словно вой преследующей стаи. Тех, кто охотился за твоими предками во времена столь отдаленные, что воспоминания эти хранятся лишь в самых примитивных клетках мозга. Глаза видят. И ноздри зрячи».

Пол подошел к ней и сказал:

– Дункан говорил мне, что если попадетсЯ, то сумеет продержаться... Не долго. Пора уходить.

Он надел ранец на плечи, не углубляясь в пески, скользнул к окружавшему котловину невысокому гребню, взобрался вверх, на склон, обращенный к открытой пустыне.

Джессика автоматически следовала за ним, про себя отметив, что для нее уже настало время идти за сыном.

«*Мое горе... тяжелее песка морского*, – думала она. – Мир избавил меня от всех целей, кроме древнейшей, – будущей жизни. Мне осталось теперь жить для моего юного герцога и не рожденной еще дочери».

По осыпавшемуся песку она поднялась к Полу.

Он глядел на север, на уходящую вдаль каменистую грядку. В свете звезд она напоминала древний военный корабль: длинный корпус поднимала незримая волна, бумеранги антенн, изогнутые трубы, надстройка на корме в форме буквы «П».

Над силуэтом полыхнуло оранжевое пламя, ослепительная пурпурная линия скользнула к нему снизу.

Еще одна.

В небо снова взметнулось пламя.

Словно битва древних времен, артиллерийская дуэль с невидимым противником. Оба они так и застыли.

– Огненные столбы, – шепнул Пол.

Над дальней грядой вспыхнуло ожерелье красных огней. Пурпурные линии исчертили небо.

– Бластеры против топтеров, – проговорила Джессика.

Красная в пыльном воздухе луна Арракиса поднялась над горизонтом слева от них, под ней клубились пыльные облака... близилась буря...

– Должно быть, Харконнены ищут нас с воздуха, – сказал Пол, – прочесывают пустыню, чтобы убедиться, что раздавили... скажем, вредное насекомое.

– То есть Атрейдесов, – добавила Джессика.

– Надо искать укрытие, – сказал Пол, – отправимся на юг. Если нас застанут на открытом месте... – Он повернулся, поправил лямки ранца. – Похоже, что стреляют по всему движущемуся.

Шагнув по склону, он услышал над головой тихий посвист крыльев и увидел: над ними скользили темные силуэты орнитоптеров.

Отец однажды сказал мне, что в основе любой морали лежит почитание истины: «Ничто не получается из ничего». Глубокая мысль, в особенности, если учесть, насколько изменчивой может быть истина.

Принцесса Ирулан. «Разговоры с Муад'Дибом»

– Я всегда гордился тем, что вижу вещи такими, каковы они и есть на самом деле, – сказал Сафир Хават. – Это проклятье всех ментатов. Никогда не можешь остановиться в расчетах.

На морщинистом стариковском лице в предрассветном сумраке угадывалась задумчивость. От запянутых сафо узких прямых губ кверху поднимались морщины.

Перед ним на корточках молчаливо сидел человек в длинном одеянии, явно безразличный к словам Хавата.

Оба жались к скале, под выступом, нависавшим над широкой и неглубокой впадиной. Заря уже коснулась вершин сразу порозовевших скал, обступивших котловину. Под скалистым навесом было холодно, сухой пронизывающий ночной холодок еще не исчез. Перед рассветом

чуть повеяло теплом, но по-прежнему было свежо. Хават слышал, как выбивают дробь зубы немногих уцелевших солдат.

На корточках перед Хаватом сидел фримен, на самом рассвете неожиданно возникший из дюн, с которыми сливалось его одеяние.

Указательным пальцем фримен что-то набросал на песке. Рисунок был похож на чашу, из которой торчала стрела.

– Патрули барона многочисленны, – сказал он, направив указательный палец вверх, на утесы, с которых спустился Хават со своими людьми.

Хават кивнул:

– Патрулей много. Да.

Но он пока не понимал, что нужно этому человеку. Это беспокоило Хавата. Считалось, что знания позволяют ментату видеть причины поступков.

Эта ночь была наихудшей во всей жизни Хавата. Он находился в Цимпо, гарнизонном селении, одном из аванпостов вокруг прежней столицы – Карфага, когда начали поступать донесения о нападении. Сперва он подумал: «Просто налет. Харконнены пробуют силы».

Но донесение следовало за донесением, они поступали все чаще и чаще.

Два легиона высадились в Карфаге.

Пять легионов – пятьдесят бригад! – атаковали главную базу герцога в Арракине.

Легион в Арсунте.

Две боевых группы в Расщепленных Скалах.

Потом в донесениях появились подробности: среди атакующих оказались имперские сардаукары, вероятно, два легиона.

И стало ясно, что нападающим точно известно, куда и сколько посылать войск. Абсолютно точно! Великолепная разведка.

Возбуждение и гнев Хават сумел подавить, лишь когда эти чувства едва не вывели его из себя как ментата. Понимание колоссального перевеса в силах противника, что навалился на них, разило, словно удар.

И теперь, прячась под скалой в пустыне, он кивал головой, запахивался поплотнее в рваную и изрезанную куртку, словно она могла его согреть.

Но сколько же их!

Он всегда был готов к тому, что враги могут при первой возможности нанять лайнер Гильдии для набега. Такое практиковалось в подобного рода конфликтах между Великими Домами. На Арракисе регулярно приземлялись и взлетали лихтеры с грузом специй, принадлежащей Дому Атрейдесов. Хават принял предосторожности против случайной атаки с фальшивого лихтера. В массированном ударе, по их общему мнению, должно было участвовать не больше десяти бригад.

Но на поверхности Арракиса сейчас находилось более двух тысяч кораблей: не только лихтеры, но и фрегаты, скауты, мониторы, крашеры, войсковые транспорты, думперы...

Более сотни бригад – десять легионов!

Стоимость подобного предприятия превышала весь доход от специй за целых пятьдесят лет.

Наверняка.

«Я недооценил долю дохода, которую барон пожелал истратить на нападение, – подумал Хават. – И тем самым погубил герцога».

И еще это предательство!

«Я поживу еще, – подумал он, – и увижу, как ее удавят. Надо было тогда убить эту ведьму-гессеритку, я ведь мог это сделать». Он не сомневался, что предала их леди Джессика. Ее предательство великолепно объясняло все факты.

– Твой человек Холлик с остатками своего отряда пробился к нашим друзьям-контрабандистам, – сказал фримен.

– Хорошо.

Значит, Гарни унесет ноги из этого ада. Хоть не все сгинули.

Хават оглянулся на оставшуюся с ним горстку. Вечером, перед прошедшей ночью, их было триста. Теперь осталось ровно двадцать. Половина из них были ранены. Кое-кто спал, остальные стояли, сидели, лежали на песке под скалою. Последний топтер, который они использовали в качестве экранолета для перевозки раненых, вышел из строя перед рассветом. Его разрезали бластерами, куски зарыли, а затем добрались до этого убежища на краю котловины.

Хават лишь приблизительно представлял, где они находятся – сотнях в двух километров к юго-востоку от Арракина. Основные пути между ситчами у Барьера оставались где-то на юге.

Фримен, сидевший напротив Хавата, откинул капюшон и снял шапочку конденскостюма – под ними оказались соломенного цвета волосы и борода. Волосы были зачесаны с высокого узкого лба. Непроницаемая синева глаз выдавала зависимость от специй. В одном углу рта на бороде и усах было пятно – здесь волосы сваялись, прижатые трубкой, идущей от нософильтров.

Человек пустыни вынул из ноздрей фильтры, вновь вставил их на место, потер шрам возле носа.

– Если вы решите пересекать котловину здесь этой ночью, – сказал фримен, – не включайте щиты... В стене здесь пролом. – Он повернулся на пятках, показал на юг. – Там простирается открытый песок... до эрга. Щиты привлекут... – он колебался, – ...червя. Так они сюда заходят не часто, но к щиту приползут.

«Он сказал «червь», – подумал Хават, – но хотел сказать иное слово. Какое? И что ему нужно от нас?»

Хават вздохнул.

Он и не помнил, когда ему случалось так уставать. Мышцы его обессилели настолько, что не помогали даже энергетические пилюли.

Проклятые сардаукары!

С беспощадной горечью он подумал о воинах-фанатиках и предательстве Императора. Но расчеты ментата свидетельствовали, что шансов восстановить справедливость перед Высоким Советом Ландсраада у него практически нет.

– Ты хочешь попасть к контрабандистам? – спросил фримен.

– Это возможно?

– Путь далек.

Фримены не любят слова «нет» – так говорил ему и Айдахо.

Хават произнес:

– Ты не ответил мне, помогут ли ваши люди моим раненым.

– Они ранены.

Все время эти чертовы речи!

– Мы знаем, что они ранены, – отрезал Хават. – Это не...

– Мир, друг, – остерег его фримен, – а что говорят сами раненые? Есть ли среди них понимающие нужду племени в воде?

– Мы не говорили о воде, – произнес Хават. – Мы...

– Понимаю твою нерешительность, – отвечал фримен. – Это твои друзья, соплеменники. У тебя есть вода?

– Недостаточно.

Фримен показал на одежду Хавата, сквозь прорехи в которой виднелось тело.

– Тебя застали прямо в ситче, без конденскостюма. Ты должен принять водяное решение, друг.

– Мы можем заплатить за помощь...

Фримен пожал плечами («Воды-то у вас нет!») и глянул на группу позади Хавата:

– Сколько раненых ты можешь израсходовать?

Хават умолк, глядя на этого человека. Как ментат он чувствовал, что разговор вышел из привычных рамок. Слова не связались с мыслями.

– Я – Сафир Хават, – сказал он, – я имею право говорить от имени герцога. Я дам расписку об уплате за твою помощь. Мне необходима небольшая помощь – позволить моим силам просуществовать достаточно долго... чтобы покарать предательницу, мнящую себя за пределами правосудия.

– Ты хочешь, чтобы мы приняли участие в вендетте?

– С этим я управлюсь сам, я хочу только, чтобы меня освободили от ответственности за моих раненых.

Фримен нахмурился:

– Какая у тебя может быть ответственность за раненых? Они отвечают за себя сами. Речь идет о воде, Сафир Хават. Или ты хочешь, чтобы я принял решение за тебя?

И он прикоснулся к оружию, скрытому под одеянием.

Хават напрягся: «Неужели предательство?»

– Чего ты боишься? – спросил житель пустыни.

«Ах, эти люди с их прямотой!» – подумал Хават и осторожно проговорил:

– За мою голову назначена цена.

– Ах-х. – Фримен отнял руку от оружия. – Боишься, что мы продажны? Ты не знаешь нас, здесь не Византия. Харконненам не хватит всей их воды, чтобы подкупить у нас и крошечного мальчугана.

«Но у них хватило денег на перевозку двух с лишним тысяч боевых кораблей», – подумал Хават, расходы барона до сих пор ошеломили его.

– Мы оба воюем с Харконненами, – сказал Хават, – разве не следует нам делить и прочие тяготы войны?

– Мы разделяем их, – ответил фримен. – Я видел тебя в бою. Ты хорошо бьешься. В иные времена твоя рука пригодилась бы нам.

– Скажи, где я могу быть полезен? – спросил Хават.

– Кто знает, – отвечал фримен. – Войска Харконненов повсюду. Но ты еще не принял водяного решения, твои раненые еще не знают его.

«Нужно быть осторожным, – сказал сам себе Хават, – кое-что остается еще непонятным». И вслух проговорил:

– Так покажи мне твой путь, житель Арракиса!

– Странны твои мысли, – сказал фримен с насмешкой в голосе. Он показал на северо-запад, на вершину утеса. – Прошлой ночью мы видели, как ты пришел сюда по пескам. – Он опустил руку. – И ты держишь людей на сыпучей поверхности дюн. Плохо. У вас нет конденскостюмов, нет воды. Долго вы не протянете.

– Пути Арракиса нелегки, – сказал Хават.

– Верно. Но мы бьем Харконненов.

– Так что вы делаете со своими собственными ранеными? – жестко спросил Хават.

– Разве мужчина не знает, когда жизнь его стоит сохранить? – спросил в ответ фримен. – Твои раненые знают, что у вас нет воды. – Он склонил голову, искоса поглядев на Хавата. – Время принять водяное решение. И раненый, и невредимый должны учесть будущее племени.

«Будущее племени, – подумал Хават, – будущее племени. В этом есть смысл». Он заставил себя задать вопрос, которого давно боялся:

– Есть у вас какие-нибудь вести от моего герцога или его сына?

Взгляд непроницаемых синих глаз скользнул вверх:

– Вести?

– Какова их судьба? – отрезал Хават.

– Судьба у всех одна, – ответил фримен, – и герцог, говорят, уже встретил ее. Что касается Лисан аль-Гаиба, его сына, – все в руках Лайета. Лайет еще не сказал.

«Ответ этот я знал наперед», – подумал Хават.

Он глянул назад, на своих. Теперь они не спали. Они всё слышали. Они смотрели вдаль, и на лицах можно было прочесть одну

и ту же мысль: на Каладан возврата не будет, а Арракис теперь потерян.

Хават вновь обернулся к фримену:

– А тебе известно что-нибудь о судьбе Дункана Айдахо?

– Когда ваш щит выключили, он был в Большом доме, – ответил фримен, – больше про него я не знаю.

«Она выключила щит ипустила Харконненов, – подумал Хават. – Это я сидел спиной к двери! Но как смогла она поднять руку на собственного же сына? Впрочем... кто знает, что на уме у ведьмы-гессеритки... и можно ли называть это умом?»

Хават попытался сглотнуть, но в горле его вдруг пересохло.

– Когда получится узнать что-нибудь о мальчике?

– Нам известно не слишком много о том, что происходит сейчас в Арракине, – сказал фримен и пожал плечами. – Кто может сказать?

– Но вы же можете разузнать?

– Быть может. – Фримен потер шрам на щеке возле носа. – Скажи мне, Сафир Хават, что ты знаешь о большом оружии Харконненов?

«Артиллерия, – с горечью подумал Хават, – кто мог подумать, что в наш век щитов они используют пушки?»

– Ты имеешь в виду орудия, с помощью которых они закупорили наших людей в пещерах? – спросил он. – Теоретически... я знаю, как устроены снаряды и пушки.

– Любой мужчина, отступающий в пещеру, у которой нет второго выхода, заслуживает смерти, – сказал фримен.

– Почему ты спросил об этих пушках?

– Так угодно Лайету.

«Так, значит, вот что нужно ему от нас!» – подумал Хават. А вслух сказал:

– И ты пришел сюда, чтобы узнать о больших пушках?

– Лайет захотел сам увидеть это оружие.

– Ну, это просто, – усмехнулся Хават, – его надо лишь захватить.

– Так мы и сделали, – ответил фримен. – Одно мы отбили и спрятали его у Стилгара, чтобы тот изучил его и чтобы Лайет мог увидеть его, когда пожелает. Но я сомневаюсь, чтобы он захотел: конструкция не слишком удачна. Для Арракиса не подходит.

– Вы... отбили одно? – переспросил Хават.

– Был неплохой бой, – ответил фримен. – Мы потеряли только двоих и пустили воду сотне чужаков.

«У каждой пушки были сардаукары, – подумал Хават, – и этот пустынный безумец уверяет, что на сотню сардаукаров они обменяли только двух своих!»

– Мы бы обошлись и без этих потерь, если бы вместе с Харконненами не было других, – сказал фримен. – Некоторые из них – неплохие бойцы.

Один из людей Хавата проковылял вперед, глянул на сидевшего на корточках фримена:

– Ты говоришь о сардаукарах?

– Он говорит о сардаукарах, – подтвердил Хават.

– Сардаукары! – сказал фримен, и в голосе его послышался восторг. – Так вот они каковы! Действительно, добрая ночь. Сардаукары. А какой легион? Ты знаешь?

– Мы... не знаем, – задумчиво проговорил Хават.

– Сардаукары, – размышлял вслух фримен, – в харконненской форме. Не странно ли это?

– Император не желает, чтобы стало известно, что он воюет против Великого Дома, – сказал Хават.

– Но ты уверен, что это сардаукары?

– Знаешь, кто я? – горько спросил Хават.

– Ты – Сафир Хават, – деловым тоном произнес его собеседник. – Мы все узнаем своим чередом. Троих пленных мы отправили на допрос к людям Лайета.

Помощник Хавата медленно проговорил, не веря услышанному:

– Вы взяли троих сардаукаров в плен?

– Только троих, – ответил фримен. – Они хорошо бились.

«Если бы у нас хватило времени договориться с этим народом! – с горьким сожалением думал Хават. – Если бы мы успели обучить и вооружить их... Великая Мать, какая армия была бы у нас!»

– Может быть, ты медлишь из-за Лисан аль-Гаиба? – спросил вольный. – Если он и на самом деле Лисан аль-Гаиб, ничто не причинит ему вреда. Не стоит слишком задумываться над тем, что еще только должно проявиться.

– Я служил... Лисан аль-Гаибу, – сказал Хават, – и его благополучие волнует меня. Я присягал ему.

– Ты присягал его воде?

Хават глянул на помощника, не отрывавшего глаз от фримена, вновь перевел взгляд на сидящую на корточках фигуру:

– Да, его воде.

– И ты хочешь вернуться в Арракин, в место его воды?

– В... да, в место его воды.

– Почему же ты сразу не сказал, что это водяное дело? – Фримен поднялся, глубоко вставил в нос фильтры.

Хават кивком приказал помощнику присоединиться к прочим. Устало пожав плечами, тот подчинился. До Хавата донесся тихий ропот, поднявшийся среди его людей.

Фримен сказал:

– К воде всегда найдется путь.

За спиной Хавата кто-то выругался. Помощник позвал Хавата:

– Сафир. Только что умер Арки.

Фримен приложил к уху кулак:

– Теперь можно породниться водой! Это знак! – Он поглядел на Хавата. – Поблизости есть место для приема воды. Могу я позвать своих?

Помощник подошел к Хавату и сказал:

– Сафир, у пары наших в Арракине остались жены. Они... Ты понимаешь, что они могут сейчас чувствовать?

Фримен все еще держал кулак рядом с ухом.

– Так будет меж нами союз воды, Сафир Хават, или нет? – проговорил он.

Хават не мог решиться. Он уже начал понимать слова своего собеседника под этой нависшей скалой, но опасался реакции собственных солдат, когда и они поймут смысл происходящего.

– Союз воды, – сказал он наконец.

– Пусть наши племена объединятся, – произнес фримен, опустив кулак.

Словно дождавшись сигнала, со скалы соскользнули четверо, торопливо подбежали к мертвецу, завернули его в широкий кусок ткани, подняли и бросились направо, к стене утеса. Ноги бегущих вздымали пыль.

Все свершилось прежде, чем усталые люди Хавата сообразили, в чем дело. Группа, уносившая завернутое в одеяние тело, скрылась за

утесом.

Один из людей Хавата крикнул:

– Куда они унесли Арки? Он был...

– Они забрали его... чтобы похоронить, – ответил Хават.

– Фримены не хоронят своих мертвецов! – крикнул тот. – Не дури нас, Сафир. Мы знаем, что они делают. Арки был один из...

– Рай обещан тому, кто умер, служа Лисан аль-Гаибу, – сказал фримен. – Если он и впрямь Лисан аль-Гаиб, как вы говорите, зачем тогда рыдания скорби? Память о тех, кто умер за него, переживет поколения.

Но люди Хавата подступали, не скрывая гнева. Один из них ухватился за бластер, потянул его за рукоятку из кобуры.

– А ну, всем стоять! – рявкнул Хават, преодолевая охватившую мышцы усталость. – Эти люди уважают наших мертвых. Обычаи различны, но суть одна и та же.

– Они собираются выпить всю воду из Арки, – оскалился мужчина с бластером.

– Твои люди хотят поприсутствовать на церемонии? – спросил фримен.

«Он даже не понимает, в чем дело», – подумал Хават. Такая наивность фримена почти пугала.

– Они беспокоятся о мертвом, его уважали, – промолвил Хават.

– Вашему другу будет оказано такое же уважение, как и нашим собственным покойникам, – сказал фримен, – но это союз воды, и мы знаем обычай. Плоть принадлежит самому человеку, а вода – племени.

Мужчина с бластером подступал все ближе. Хават быстро проговорил:

– Вы поможете нашим раненым?

– Союз воды не имеет условий, – отвечал человек пустыни, – мы сделаем для вас все, что племя делает для своих. Во-первых, мы оденем вас в костюмы и снабдим всем необходимым.

Человек с бластером в руке нерешительно остановился. Адъютант Хавата произнес:

– Что же, мы получаем помощь за Арки... за его воду?

– Не получаем, – ответил Хават, – мы становимся для них своими.

– Обычаи различаются, – пробормотал кто-то из его людей.

Хават начал успокаиваться:

– Они помогут нам добраться до Арракина.

– Мы будем убивать Харконненов, – сказал фримен, ухмыльнулся и добавил: – А еще – сардаукаров. – Он отступил назад, сложив руку воронкой, приставил ее к уху. – Кто-то летит. Прячьтесь под скалой и не шевелитесь.

Хават махнул рукой, и люди его повиновались.

Тронув Хавата за руку, фримен подтолкнул его к остальным.

– Биться надлежит во время битвы, – произнес он.

Пошарив у себя под одеянием, он извлек небольшую клеточку, достал из нее маленькое существо. Хават увидел крошечную летучую мышь. Она повернула голову и посмотрела на него сплошь синими, как у фримена, глазами.

Фримен погладил мышь, приласкал ее, что-то проворковал. Склонившись над головой зверька, он уронил каплю слюны в подставленную пасть. Мышь расправила крылья, но осталась на раскрытой ладони. Фримен извлек крошечную трубочку, подержал рядом с головой зверька и проговорил что-то, потом, подняв существо на ладони, подбросил его в воздух.

Мышь метнулась в сторону, к утесу, и пропала из виду.

Сложив клетку, фримен затолкал ее под одеяние и вновь прислушался, склонив голову.

– Они – люди возвышенностей, – сказал он. – Удивительно, что им здесь нужно?

– Известно, что мы отступали в эту сторону, – промолвил Хават.

– Охотник никогда не должен забывать, что и на него может отыскаться охотник, – сказал фримен. – Поглядите на противоположную сторону котловины, вы что-то увидите.

Прошло немного времени.

Кое-кто из людей Хавата пошевелился, ворча.

– Будьте безмолвны, как перепуганная дичь, – свистящим шепотом проговорил фримен.

Хават различал около утеса напротив какое-то шевеление, что-то бурое двигалось по бурому песку.

– Мой маленький друг отнес сообщение, – шепнул фримен, – он хороший вестник и ночью, и днем. Мне было бы жаль потерять такого.

Там, за впадиной, все замерло, и на простирившихся впереди четырех-пяти километрах песчаной равнины теперь не было ничего,

только под напором усиливающейся жары подрагивал воздух, колоннами восходя кверху.

– А теперь полнейшее молчание, – шепнул в сторону фримен.

Из ущелья в утесе напротив чередой показались фигуры и, пыля, направились прямо через впадину. Хавату они показались фрименами, только какими-то очень уж неуклюжими. Он насчитал в этой цепочке шестерых человек, тяжело ступающих по песку.

Негромкое хлопанье крыльев раздалось откуда-то справа. Аппарат выпрыгнул из-за скалы прямо над головой... топтер Атрейдесов, наспех перекрашенный в боевые цвета барона. Топтер нырнул к людям, пересекавшим котловину.

Цепочка идущих замерла на гребне дюны, дрогнула.

Описав крутую петлю, топтер, подняв пыль, плюхнулся в песок перед фрименами. Из него вынырнули пятеро, Хават успел заметить вокруг них легкое подрагивание щитов, отталкивающих пыль, угадать в их движениях жесткую уверенность сардаукаров.

– Эх-х! Снова эти дурацкие щиты, – прошептал фримен, что сидел рядом с Хаватом. Он поглядел на юг, где скал вокруг котловины не было.

– Это сардаукары, – шепнул Хават.

– Хорошо.

Сардаукары приближались к поджидавшей группе фрименов, охватывая их полукольцом. На обнаженных лезвиях поблескивало солнце. Фримены стояли тесно, явно не проявляя беспокойства. И вдруг песок там, где были обе группы, словно вскипел, из поднявшегося облака выбежали фримены – вот они уже у топтера, вот и в нем. Но там, где сошлись бойцы, на гребне дюны, пыль мешала видеть происходящее.

Наконец пыль улеглась. Стоять остались только фримены.

– Они оставили в топтере только троих, – сказал фримен, сидевший возле Хавата. – Удачно вышло, похоже, аппарат мы сумели захватить неповрежденным.

За спиной Хавата кто-то из его людей выдохнул:

– Ведь это были сардаукары!

– Ты заметил, как лихо они бились? – спросил фримен.

Хават глубоко вздохнул. Пахло раскаленной пылью, было жарко и сухо. Сухим же голосом, под стать всей этой суши, он ответил:

– Действительно здорово, на самом деле.

Захваченный топтер, резко взмахнув крыльями, взмыл вверх, по пологой дуге забирая на юг. Сложил на лету крылья.

«Значит, эти фримены умеют управляться и с топтерами», – подумал Хават.

На дальней дюне фримен замахал квадратным зеленым куском полотна: раз, другой.

– Летит еще один! – рявкнул фримен рядом с Хаватом. – Будьте наготове. Я надеюсь, что мы отправимся дальше без новых неудобств.

«Ничего себе неудобства», – подумал Хават.

На его глазах с запада, с высоты, два топтера стремительно снижались на тот пяточок песка, откуда вдруг исчезли фримены. Только восемь синих пятен – тел сардаукаров – осталось распростертыми в месте событий.

Над головой Хавата из-за утеса выскользнул еще один топтер. Ментат судорожно втянул воздух при виде большого транспорта. Аппарат медленно взмахивал огромными крыльями – гигантская птица, с трудом возвращающаяся в гнездо.

Вдали один из снижающихся топтеров полоснул по песку пурпурным карандашом лазера, вздымая шлейф пыли.

– Труссы! – выдохнул фримен возле Хавата.

Транспорт направился к синим пятнам тел. Широко расправив крылья, топтер забил ими, тормозя в воздухе.

Неожиданный металлический блеск на юге привлек внимание Хавата. Оттуда, сложив крылья, пикировал топтер, струи его двигателей золотом отливали на темном серебристо-сером небе. Словно стрела, несясь он к транспортеру, щит на котором был выключен, – вокруг стреляли из бластеров. И врезался прямо в него.

Рев взрыва потряс котловину, со скал посыпались камни. Там, где только что был транспортер и два топтера, взметнулся гейзер огня, поглотивший все...

«Это взорвался фримен в захваченном топтере, – понял Хават. – Он пожертвовал собой, чтобы ликвидировать вражеский транспортер. Великая Мать! Кто же эти фримены...»

– Вполне разумно, – пояснил фримен. – В том аппарате было порядка трехсот человек. Теперь распорядимся их водой и подумаем о захвате следующего топтера...

И тут невиданным медленным дождем на песок, на скалы перед ними посыпались синие мундиры барона – падение замедляли поясные гравипоплавки. В какое-то мгновение Хават успел рассмотреть перекошенные боевой яростью лица сардаукаров. Все были без щитов: в одной руке – нож, в другой – станнер.

Брошенный нож ударил в горло соседа Хавата. Фримен упал ниц. Хават едва успел вытащить собственный нож, когда игла станнера повергла его в беспамятство.

Муад'Диб действительно мог видеть будущее, но вы должны понимать ограниченность его дара. Взять зрение. У вас есть глаза, но в темноте они бесполезны. Если вы на дне ущелья, то увидите лишь его стенки. Так и Муад'Диб не всегда по собственному желанию мог заглянуть в таинственные края грядущего. Он предупреждает нас, что пророчество – даже одно слово в нем – может полностью изменить все будущее. Он говорит нам о том, как широко видение времени, однако же когда мы проходим сквозь него, оказывается, что время – лишь узкая дверь. Он всегда отвергал искушение выбрать ясную и безопасную дорогу, предостерегая: «...такая дорога ведет к застою».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Когда из тьмы над ними выскользнули орнитоптеры, Пол схватил мать за руку и выпалил:

– Не шевелись.

Но разглядев в свете лун, как передний орнитоптер, тормозя, складывает крылья, заметив за стеклом кабины руки, движущиеся над пультом, он проговорил:

– Это Айдахо.

Аппараты один за другим садились в котловину, как птицы в гнездо. Айдахо выскочил из своего топтера и бросился к ним, не

успела еще улечься пыль. За ним следовали двое в длинных фрименских одеяниях. Одного Пол узнал – высокого светлородого Кайнса.

– Сюда! – позвал Кайнс, поворачивая налево. За спиной Кайнса фримены набрасывали на свои топтеры тканевые чехлы, эскадрилья превратилась в цепь невысоких дюн.

Айдахо подчеркнуто вытянулся перед Полом, приветствуя его:

– Милорд, у фрименов есть поблизости временное убежище, где...

– А что творится там?

Пол указал на сумятицу над дальним утесом: вспышки реактивных двигателей, лучи лазеров, хлещущие пустыню.

Редкая гостья улыбка появилась на круглом спокойном лице Айдахо.

– Милорд, сир, я оставил им небольшой сюр...

Ослепительно-белая вспышка вдруг озарила пустыню, словно солнечными лучами выгравировав их тени на скалах. Схватив Пола за руку, а Джессику – за плечо, Айдахо подтолкнул их вниз со склона, на дно котловины. Они простерлись на песке, громом прокатил над ними взрыв. Ударная волна сотрясла вершины скал, откуда они недавно спустились. Айдахо сел, стряхивая с себя песок.

– Надеюсь, это не семейное ядерное оружие, – сказала Джессика. – Я думала...

– Ты оставил там щит, – догадался Пол.

– Большой, и еще включил его на полную силу, – ответил Айдахо. – Кто-то попал в него из бластера и... – Он пожал плечами.

– Субатомный взрыв, – заметила Джессика. – Опасное оружие.

– Это не оружие, миледи, – защита. Теперь это отребье хорошенько подумает, прежде чем снова пустить в ход бластеры.

Над головами их выросли фигуры фрименов с орнитоптеров. Один тихо позвал:

– Скорее в укрытие, друзья.

Пол поднялся на ноги, Айдахо помог встать Джессике.

– Взрыв привлечет их внимание, сир, – сказал Айдахо.

«Сир», – подумал Пол.

Это слово странно звучало применительно к нему. «Сир» – это всегда был отец.

На мгновение сила предвидения коснулась его, он вновь словно бы проникнулся первобытным самосознанием, толкающим людей Вселенной к хаосу. Видение это потрясло его, и он последовал за Айдахо вдоль края котловины к скальному выступу. Фримены прокапывали в песке ход своими уплотнителями.

– Разрешите взять ваш ранец, сир? – осведомился Айдахо.

– Он легкий, Дункан, – ответил Пол.

– У вас нет щита на теле, – продолжал Айдахо, – наденьте мой... – Он глянул на дальний утес. – Едва ли, впрочем, они осмелятся снова палить из бластеров.

– Прибереги свой щит для себя самого, Дункан. Твоя правая рука защищает меня лучше собственного щита.

Джессика заметила, какой эффект произвела похвала, как Айдахо подвинулся ближе к Полу, и подумала: «Сын мой будет уверенно управлять своими людьми».

Фримен отодвинул камень, прикрывавший вход в пустынную базу туземцев. Вход накрыли сверху маскировочным полотном.

– Сюда, – показал один из фрименов, они последовали за ним во тьму по каменным ступеням.

Маскировочное полотно не пропускало свет лун за спиной. Впереди вспыхнул тусклый зеленый огонек, освещая ступени, каменные стены и уходящий налево коридор. Пола и его спутников обступили фримены в длинных одеяниях – они явно торопились вниз. Обогнув угол, они оказались перед новым коридором, который привел в пещеру с неровными стенками.

Перед ними оказался Кайнс, капюшон его джуббы был отброшен назад. Расстегнутый ворот конденскостюма поблескивал в зеленоватом свете. Длинные волосы и борода были спутаны. Синие глаза без белков темнели под густыми бровями.

Завидев их, Кайнс удивился самому себе: «Зачем я им помогаю? Опаснее этого я не предпринимал ничего в жизни. Я могу погибнуть вместе с ними».

А потом он глянул прямо на Пола: перед ним был мальчик, только что облекшийся в мантию мужа, прячущий горе, прячущий все, кроме нового для себя герцогского достоинства. И Кайнс в этот момент понял, что герцогство еще существует, пусть и в лице одного этого юноши. Его следует воспринимать всерьез.

Джессика оглядела подземный зал так, как подобает Бинэ Гессерит... Лаборатория, совсем не военная, набитая всякими старомодными приборами, – сплошь углы и плоскости.

– Одна из тех императорских экологических испытательных станций, которые были нужны моему отцу, – заметил Пол.

«Нужны его отцу», – отметил про себя Кайнс. И вновь удивился самому себе: «Разве это не глупость – помогать им, беглецам? Зачем это мне? Насколько проще было бы взять их сейчас, купить ими доверие Харконненов».

Пол последовал примеру матери и медленно осмотрел комнату, изучая ее: рабочий стол у безликой каменной стены; на нем – приборы со светящимися циферблатами, экранами из металлической сетки и стеклянными трубками. Запах озона наполнял помещение.

Кто-то из фрименов зашел за угол, откуда немедленно донеслись новые звуки: покашливание двигателя, шелест приводных ремней, постукивание редукторов.

Глянув в конец зала, Пол увидел у стенки ряд клеток с крошечными животными.

– Ты правильно понял, где мы, – сказал Кайнс, – а теперь скажи, для чего ты использовал бы это место, Пол Атрейдес?

– Чтобы сделать планету пригодной для людей, – сказал Пол.

«Быть может, поэтому я и помогаю им», – вздохнул про себя Кайнс.

Звуки машин резко затихли, в тиши раздалось тоненькое попискивание зверьков в клетках, внезапно затихших, словно в смущении.

Пол перевел глаза на клетки, различил в них животных – летучих мышей с коричневыми крыльями. Через все клетки от стены тянулась автоматическая кормушка.

Откуда-то из потайного уголка подземного зала выскочил фримен и сказал Кайнсу:

– Лайет, генератор силового поля не работает. Я не могу обеспечить маскировку от детекторов.

– Ты можешь починить его? – спросил Кайнс.

– Не так быстро... запасные части... – пожал плечами тот.

– Тогда, – ответил Кайнс, – придется обойтись без машин. Выведите на поверхность воздухозаборник ручного насоса.

– Будет исполнено. – Тот поспешил прочь.

Кайнс обернулся к Полу:

– Ты дал хороший ответ.

Голос его звучал непринужденно, голос короля, человека, привыкшего повелевать. И Джессика не пропустила мимо ушей это обращение – «Лайет». Значит, Лайет – вторая сущность одомашненного планетолога, его имя среди фрименов.

– Мы бесконечно благодарны вам, доктор Кайнс, за помощь, – сказала она.

– М-м-м, посмотрим, – ответил Кайнс, кивая одному из своих людей. – Кофе со специей в мои апартаменты, Шамир.

– Сию минуту, Лайет.

Кайнс показал на проем под аркой в боковой стенке зала: не угодно ли?

Соглашаясь, Джессика позволила себе королевский кивок. Она видела, как Пол жестом приказал Айдахо поставить у дверей часовых.

Проход через пару шагов заканчивался тяжелой дверью, за которой находился квадратный кабинет, освещенный золотистыми световыми шарами. Входя, Джессика провела рукой по двери и с удивлением признала в материале пласталь.

Войдя в комнату, Пол уронил ранец. Он слышал, как дверь позади него затворилась, осмотрелся – длина стенок метров восемь, они из природного камня цвета карри, справа в них утоплены металлические шкафы. Центр комнаты занимал низкий стол с крышкой молочно-белого стекла, в котором вздувались желтые пузыри. Четыре кресла на гравипоплавках вокруг стола.

Обойдя Пола, Кайнс предложил кресло Джессике. Она села, приметив, как сын оглядывает комнату.

Пол не садился, запечатлевая детали помещения. Легкий сквознячок намекнул ему, что за шкафами есть потайной выход.

– Садись, Пол Атрейдес, – сказал Кайнс.

«Он словно боится произнести мой титул», – подумал Пол, принимая предложение. Но молчал, глядя, как усаживается Кайнс.

– Вы угадали, из Арракиса действительно можно сделать рай, – начал Кайнс, – но, как вы знаете, Империя посылает сюда лишь своих головорезов да разработчиков месторождений специ.

Пол поднял большой палец с герцогской печатью.

– Видишь это кольцо?

– Да.

– Ты знаешь, что оно означает?

Резко обернувшись, Джессика глядела на сына.

– Твой отец лежит бездыханным в развалинах Арракина, – произнес Кайнс. – Теоретически ты – герцог.

– Я солдат Империи, – отвечал Пол, – значит, теоретически один из головорезов.

Лицо Кайнса потемнело.

– Даже когда сардаукары топчут труп твоего отца?

– Сардаукары – это одно, законный источник моей власти – другое, – ответил Пол.

– Арракис сам решит, кому носить здесь мантию вождя, – произнес Кайнс.

Глядя на него, Джессика подумала: «В этом человеке чувствуется сталь, его не стоит выводить из себя. Пол рискнул сделать опасный шаг».

Пол отозвался:

– Сардаукары на Арракисе – это просто доказательство того, как наш обожаемый Император боялся моего отца. А теперь я заставлю Падишах-Императора бояться...

– Парень, – сказал Кайнс, – есть вещи, которые...

– Следует впредь обращаться ко мне «сир» или «милорд».

«Нужно мягче», – подумала Джессика.

Кайнс глядел на Пола, и Джессика заметила, что в глазах планетолога поблескивает восхищенная добрая усмешка.

– Сир, – произнес Кайнс.

– Мое существование мешает Императору, я мешаю всем, кто захочет делить Арракис как трофей. И пока я жив, я буду мешать им... словно кость в горле, пока они не сдохнут от удушья.

– Слова, – произнес Кайнс.

Пол поглядел на него, а потом сказал:

– У вас здесь есть легенда о Лисан аль-Гаибе, Голосе Извне, что поведет фрименов в рай. У ваших людей...

– Суеверие, – перебил его Кайнс.

– Может быть, – согласился Пол, – а может, и нет. У суеверий иногда бывают странные корни и еще более странные плоды.

– У вас есть план, – сказал Кайнс, – это мне, по крайней мере, ясно... сир.

– Могли бы ваши фримены предоставить мне доказательства того, что сардаукары орудовали в мундирах барона?

– Такое вполне вероятно.

– Император вновь вернет здесь власть Харконненам, может быть, сюда назначат Тварь Раббана. Пусть. Раз он, Император, увяз в этом деле по уши, пусть считается с возможностью объявления Протеста Благородных Ландсрааду. Пусть он ответит, где...

– Пол! – одернула его Джессика.

– Если Высокий Совет Ландсраада примет это дело к рассмотрению, итог может быть лишь один, – ответил Кайнс, – всеобщая война Домов с Империей.

– Хаос, – сказала Джессика.

– Но я изложу свое дело Императору, – сказал Пол, – и предложу ему альтернативу хаосу.

Джессика сухо проговорила:

– Шантаж.

– Один из инструментов государственной власти, как ты сама учила, – ответил Пол с заметной для Джессики горечью в голосе. – У Императора нет сыновей, только дочери...

– Метишь на трон? – спросила Джессика.

– Император не станет рисковать, – сказал Пол, – иначе Империя рухнет в тотальной войне. Испепеленные планеты, всюду хаос... он не пойдет на это.

– Ты затеял отчаянную игру, – проговорил Кайнс.

– Чего больше всего опасаются Великие Дома Ландсраада? – спросил Пол. – Именно того, что происходит на этой планете... Того, что сардаукары станут душить их поодиночке. Поэтому и существует Ландсраад. В этом основа Великой Конвенции. Только объединившись, они могут противостоять Империи.

– Но они...

– Они боятся именно этого, – подчеркнул Пол. – Арракис превратится в тревожный симптом. Каждый будет видеть свою судьбу в участи моего отца – отбитой от стада и зарезанной овцы.

Кайнс поглядел на Джессику:

– Его план сработает?

– Я не ментат, – ответила Джессика.

– Но вы же из Дочерей Гессера.

Она оценивающе глянула на него и сказала:

– У этого плана есть и сильные, и уязвимые стороны... как и у любого плана на подобной стадии. Вообще, успех зависит столько же от замысла, сколько и от исполнения.

– «Закон есть предельный случай науки», – процитировал Пол. – Эти слова написаны над дверью Императора. Я хочу показать ему силу закона.

– Но я не уверен, что могу доверять замыслившему этот план, – сказал Кайнс. – У Арракиса собственные планы, мы...

– С высоты трона, – промолвил Пол, – я могу сделать рай из Арракиса мановением руки. Такой монетой я отплачу вам за поддержку.

Кайнс застыл:

– Моя преданность не продается, сир.

Пол поглядел на него через стол, встретив холодный яростный взгляд синих в синем глаз на бородатом властном лице. Жесткая улыбка коснулась губ Пола, он произнес:

– Хорошо сказано, прошу прощения.

Встретив взгляд Пола, Кайнс ответил:

– Ни один Харконнен ни разу не признал собственной ошибки. Быть может, ты и отличаешься от них, Атрейдес.

– Скорей всего, это просто порок их воспитания, – ответил Пол. – Ты говоришь, что не продаешься... только, думаю, у меня найдется такая монета, которая тебе подойдет. За твою преданность я предлагаю тебе собственную... целиком.

«Эта искренность сына характерна для Атрейдесов, – думала Джессика. – И у него есть это громадное достоинство, граничащее с наивностью, но какая в ней на самом деле кроется сила!»

Она заметила, что слова Пола потрясли Кайнса.

– Чепуха, – пробормотал Кайнс, – ты просто мальчишка и...

– Я – герцог, – сказал Пол, – и я – Атрейдес. Никто из нашей семьи не нарушал такой клятвы.

Кайнс сглотнул.

– И когда я говорю «целиком», – сказал Пол, – я имею в виду – полностью. Если нужно будет, я отдам за тебя жизнь.

– Сир! – вырвалось у Кайнса, но Джессика видела теперь, что говорит он не с мальчиком пятнадцати лет, но с женщиной, высшим. Теперь это слово в устах Кайнса обрело истинное значение.

«Сейчас он отдал бы жизнь за Пола, – подумала она, – и как у Атрейдесов получается это так легко и быстро?»

– Я понимаю, – сказал Кайнс, – но Харкон...

Дверь за спиной Пола распахнулась. Он вихрем обернулся... Лицом к битве – крикам, звону стали, восковым искаженным физиономиям в коридоре.

Вместе с матерью Пол метнулся к двери. Айдахо прикрывал проход; мерцал щит, виднелись налитые кровью глаза, вздымались руки, мечи тщетно обрушивались на щит; озарившись красным огнем выстрела, щит отразил пулю станнера. Клинки Айдахо то и дело высовывались из щита, двигаясь вперед и назад, кровь капала с них.

Потом Кайнс оказался рядом с Полом, вдвоем они всей силой навалились на дверь. Пол успел в последний раз бросить взгляд на Айдахо, перед которым роились мундиры Харконненов, – на его резкие рассчитанные выпады, черные спутанные волосы, в которых вдруг расцвел алый цветок смерти. Дверь закрылась, Кайнс с лязгом задвигал засовы.

– Похоже, я решил, – сказал Кайнс.

– Кто-то обнаружил ваши машины, прежде чем их отключили, – сказал Пол. Заметив отчаяние в глазах матери, он оттащил ее от двери.

– Я должен был заподозрить неладное сразу же, ведь кофе так и не подали.

– У тебя есть запасной выход отсюда? – спросил Пол. – Придется воспользоваться им!

Кайнс глубоко вздохнул и произнес:

– Эта дверь продержится минут двадцать, если обойдется без бластеров.

– Они побоятся пользоваться ими из опасения, что на нас щиты.

– Это были сардаукары в мундирах барона, – прошептала Джессика.

В дверь мерно забарабанили.

Кайнс показал направо, на ряд шкафов. Подойдя к первому, он выдвинул ящик, что-то покрутил в нем. Вся стена со шкафами отъехала вбок, открывая черную пасть тоннеля.

– Тоже пласталь, – пояснил Кайнс.

– Вы неплохо оборудовались, – сказала Джессика.

– Мы прожили под пятой Харконненов восемьдесят лет, – произнес Кайнс и, подтолкнув их в пустоту, закрыл дверь.

Во внезапной тьме Джессика увидела перед собой на полу светящуюся стрелу. Сзади раздался голос Кайнса:

– Здесь мы разделимся. Эта стена прочнее. Она выдержит по крайней мере час. Следуйте вдоль стрел. Они будут гаснуть, когда вы пройдете. Через лабиринт вы попадете к другому выходу, там спрятан топтер. Над нами в пустыне буря. Ваша единственная надежда – подлететь к ее гребню, нырнуть в него, мчаться на нем. Мои люди проделывали такое, когда приходилось красть топтеры. Если не потеряешь высоту, можно уцелеть.

– А что будет с тобой?

– Попытаюсь спастись иначе. Если меня схватят... что же, я пока еще императорский планетолог. Скажу, что был вашим пленником.

«Бежим, словно трусы, – думал Пол, – но что еще остается делать, если я хочу отомстить за отца?» Он обернулся лицом к двери.

Джессика заметила его движение и сказала:

– Дункан мертв, Пол, ты видел рану. Для него ничего уже нельзя сделать.

– Когда-нибудь я заставлю их заплатить за все дорогой ценой, – проговорил Пол.

– Только если сейчас поторопишься, – сказал Кайнс.

Пол почувствовал руку мужчины на своем плече.

– Где мы встретимся, Кайнс? – спросил он.

– Я пошлю фрименов разыскивать вас – путь бури известен. Поторопись, и пусть Великая Мать дарует вам удачу...

Они услышали, как он уходил, оступаясь во тьме. Нащупав ладонь Пола, Джессика легко потянула.

– Нам не следует разлучаться, – сказала она.

– Да.

Он последовал за ней вдоль первой стрелы, она потемнела, едва их ноги коснулись ее. Впереди маячила другая стрела.

Оба прошли по ней, убедились, что она погасла, заметили впереди новую...

Теперь они бежали.

«Планы в планах, и в них планы, и вновь планы, – думала Джессика. – А не исполняем ли мы чужой план?»

Стрелы на полу указывали путь: повороты мимо открывающихся боковых ходов, еле заметных в тусклом люминесцентном свете. Некоторое время они шли вниз, потом коридоры повели вверх. Наконец они добрались до ступенек, почти сразу же за ними тускло засветилась стенка с темной ручкой в середине.

Пол повернул ручку. Дверь отворилась. Вспыхнул свет, открывая взгляду грубые каменные стенки пещеры, посреди которой стоял орнитоптер. За ним на плоской серой стене обозначался контур двери.

– Куда отправился Кайнс? – спросила Джессика.

– Он поступил так, как и должен был поступить умелый партизанский вожак, – сказал Пол. – Разделил нас на две группы и устроил так, что не сможет сказать, где мы, если его захватят. Он и в самом деле не будет знать.

Пол за руку втянул ее в открывшийся зал с орнитоптером посередине. Ноги их вздымали пыль с земли.

– Здесь давно никого не было, – сказал он.

– Кайнс уверен, что его фримены отыщут нас, – проговорила она.

– Я разделяю эту уверенность.

Пол выпустил ее руку, подошел к левой дверце орнитоптера, открыл ее и забросил ранец на заднее сиденье.

– Он защищен от детекторов, – сказал он. – На приборную панель вынесено дистанционное управление дверью и освещением. Восемьдесят лет под Харконненами научили их скрупулезности.

Джессика прислонилась к другому борту, пытаясь восстановить дыхание.

– Надо всем районом Харконнены, конечно же, установили наблюдение, – сказала она, – они не глупы.

Обратившись к своим способностям и оценив направление, она показала направо:

– Буря, которую мы видели, в той стороне.

Пол кивнул, ему вдруг расхотелось шевелиться. Он понимал причину, но знание это не принесло пользы. В какой-то момент этой ночью он принял решение, обращенное в глубокую неизвестность. Он понимал область времени, окружавшую их, но то, что было здесь и сейчас, оставалось загадкой. Словно бы издали он видел, как с

равнины спускается в ущелье, но из многих путей наверх лишь один выводил Пола Атрейдеса к свету.

– Чем дольше мы ждем, тем лучше они подготовятся, – сказала Джессика.

– Забирайся внутрь и пристегнись, – велел он.

Следом за ней Пол залез в орнитоптер, пытаясь свыкнуться с мыслью, что перед ним темное будущее, которого он не видел в пророческих видениях. Вдруг с негодованием он понял, что все более и более доверяется им... и что это слабость, особенно теперь, когда пришло время решать.

«Если будешь полагаться только на зрение, остальные чувства ослабнут», – так говорили Дочери Гессера. Он задумался, давая себе слово не делать более этой ошибки... если останется жив.

Пол застегнул ремни, удостоверился, что мать уже пристегнулась, проверил аппарат. Расправленные крылья поблескивали тонким металлическим оперением. Он тронул рукоятку ретрактора, проследил, как сложились крылья для реактивного взлета, которому его учил Гарни Холлик. Рукоятка стартера легко сдвинулась с места. Ожили двигатели, засветились циферблаты на приборной панели, тихо засвистели турбины.

– Готова? – спросил он.

– Да.

Он нажал дистанционный переключатель света.

И тьма охватила их.

Рука его тенью скользнула над светящимися циферблатами – впереди заскрежетала дверь. Вниз, осыпаясь, хлынул песок. Пыльный ветерок тронул щеки Пола. Ощувив, как растет давление, он захлопнул дверь со своей стороны.

Впереди, в широком темном проеме распахнутых створок, искрились затуманенные пыльной дымкой звезды. В их свете угадывался скалистый карниз, за ним – гребни дюн.

Пол тронул клавишу-переключатель пуска. Резким взмахом крылья вынесли топтер из гнезда. В гондолах загудели двигатели, крылья сложились для набора высоты.

Руки Джессики лежали на кнопках дублирующего пульта управления, она угадывала движения сына. Она была возбуждена и

напугана. «Теперь вся наша надежда на выучку Пола, – думала она, – на его юность и быстроту».

Пол прибавил тягу двигателей. Топтер вздыбился, их вжало в сиденья... Все небо впереди занимала темная стена. Он увеличил мощность двигателей и площадь крыла. Еще несколько взмахов – и они поднялись над скалами, серебрящимися в свете луны и звезд. Красная от пыли вторая луна светила справа, четко обрисовывая гребень бури.

Руки Пола колдовали над панелью управления. Крылья скользнули внутрь, почти полностью спрятавшись. Перегрузка вдавила беглецов в кресла, когда топтер заложил крутой вираж.

– Позади струи двигателей! – сказала Джессика.

– Вижу.

Он двинул вперед рукоять мощности. словно перепуганный зверь метнулся их топтер в пустыню на юго-запад, навстречу буре. Под ними мелькнули тени: там начались скалы, уходящие основанием под песок, за ними тянулись вдаль коготки дюн, один меньше другого.

И над всем горизонтом, словно исполинская стена, высилась туча, затмевающая звезды.

Топтер тряхнуло.

– Разрывы, – выдохнула Джессика. – Опять артиллерия.

Звериная усмешка перекосила лицо Пола:

– Похоже, не рискуют больше хвататься за бластеры.

– Но у нас нет щитов.

– Откуда им это знать?

Орнитоптер вновь задрожал. Изогнувшись, Пол глянул назад:

– Кажется, только одному из них хватает скорости гнаться за нами.

Он вновь глядел вперед, на высившееся перед ним облако. Оно приближалось как сплошное бурлящее месиво.

– Метательные устройства, ракеты, другое древнее оружие – все это мы дадим фрименам, – прошептал Пол.

– Буря, – сказала Джессика, – может, лучше повернуть?

– А как тот топтер, что гонится за нами?

– Догоняет.

– Держись!

Пол втянул крылья, круто свернул налево к словно бы кипящей стене и ощутил, как ускорение оттянуло кожу его щек.

Казалось, они скользят к тихому облачку пыли, все разраставшемуся и разраставшемуся впереди, наконец закрывшему и пустыню, и луну над нею. Сгустившуюся в кабине аппарата тьму освещал только зеленый огонек на приборной панели.

В мозгу Джессики замелькало все, что ей доводилось слышать об этих бурях: что металл тает в них, как масло в кипятке, что от плоти остаются лишь кости, да и то не всегда. Под напором несущего пыль ветра аппарат подрагивал. Пол продолжал бороться с панелью – их круто развернуло. Она видела, как он выключил двигатели, почувствовала, как вздыбился аппарат, – вокруг них зашипел и задрожал металл.

– Песок! – крикнула Джессика.

В полумраке он отрицательно качнул головой.

Но она ощутила, как все глубже затягивает их этот Мальстрем.

Пол расправил крылья аппарата – они потрескивали от напряжения. Не отрывая глаз от приборов, он сражался за высоту.

Шум за бортом затихал.

Топтер начало кренить на левое крыло. Отдав все внимание лишь светящемуся шарiku на указателе крена, Пол сумел выровнять машину.

Джессике почему-то казалось, что они неподвижны, – что это движется все вокруг. Лишь светло-коричневый поток за окнами и громкое шипение напоминали о бушующих за обшивкой кабины силах.

«Скорость ветра до семи-восьми сотен километров в час», – вспоминала она. Адреналин в крови не давал успокоиться.

– Я не должна бояться, – произнесла она вслух начальные слова литании Дочерей Гессера, – страх убивает разум.

Медленно возвращалось спокойствие, сказывались долголетние тренировки. Самообладание вернулось.

– Теперь мы ухватили тигра за хвост, – прошептал Пол, – вниз не опустишься... приземлиться невозможно, да я и не сумею вывести нас отсюда. Остается нестись вместе с бурей.

Спокойствие разом оставило ее. Услыхав, как стучат собственные зубы, Джессика стиснула челюсти. И тогда раздался голос Пола, тихий

и спокойный:

– Страх убивает разум. Страх это малая смерть, грозящая полной гибелью. Я встречу свой страх лицом к лицу. А когда он пройдет, внутренним оком я разгляжу его след. Я дам ему дорогу – надо мной и во мне. Где прошел страх, ничего не будет. Останусь только я.

Скажи, что ты презираешь? Твоя истинная суть определяется именно этим.

Принцесса Ирулан. «Книга о Муад'Дибе»

– Они мертвы, барон, – сказал Иакин Нефуд, капитан охраны. – И женщина, и мальчишка мертвы, без сомнения.

Барон Владимир Харконнен сел в своей кровати на гравипоплавках. Спальные апартаменты его таились под многослойной скорлупой фрегата. Впрочем, обиталище барона на Арракисе было убрано драпировками, мягкими подушками и редкостными произведениями искусства, скрывающими грубый металл обшивки.

– Несомненно, – повторил капитан, – они мертвы.

Барон шевельнул жирным телом, поддерживаемым гравипоплавками, и перевел взгляд на эболиновую статую прыгающего мальчика в нише напротив. Сон исчезал. Он поправил один из вшитых в подушку поплавков под складками толстой шеи и глянул мимо единственного в спальне светового шара на дверь, возле которой переминался за пентащитом капитан Нефуд.

– Они, несомненно, мертвы, – вновь повторил тот.

Барон отметил в глазах Нефуда оцепенение от употребления семуты. Он явно был в наркотическом трансе, когда получил сообщение, и бросился к господину сразу, едва успев принять противоядие.

– У меня есть полный отчет, – сказал Нефуд.

«Пусть попотеет, – подумал барон, – инструменты следует всегда держать заточенными и под рукой. Сила и страх – вот острые и верные инструменты власти».

– Ты видел их тела? – прогремел барон.

Нефуд нерешительно умолк.

– Ну?

– Милорд, мои преследователи видели, как их втянуло в облако песчаной бури... Там ветер до восьми сотен километров в час. Ничто живое не может пережить такой бури, милорд. Ничто! В этом облаке погиб один из ваших собственных аппаратов.

Барон глядел на Нефуда, замечая, как у того нервно подрагивает мускул на челюсти, как судорожно капитан глотает слюну.

– Ты видел тела? – повторил барон.

– Милорд...

– Зачем тогда ты являешься сюда бряцать оружием? – крикнул барон. – Просто сказать, что уверен?.. А я вот – нет... Решил, что я похвалю тебя за глупость и еще раз повышу в должности?

Лицо Нефуда побелело, как кость.

«Посмотрите на этого цыпленка! – подумал барон. – Если бы только он один... все вокруг такие же бесполезные тупицы. Да насыпь ему в кормушку песка и скажи, что это зерно, – ведь станет же клевать!»

– Вы пришли туда, следуя за Айдахо, не так ли? – спросил барон.

– Да, милорд.

«Смотрите-ка, проболтался», – подумал барон и произнес:

– Они пытались бежать к фрименам, а?

– Да, милорд.

– Что еще ты добавишь к этому... отчету?

– Замешан этот Кайнс, императорский планетолог, милорд. Айдахо встретился с Кайнсом при сомнительных обстоятельствах... я бы даже сказал – весьма подозрительных...

– Так.

– Они... вместе направились в пустыню, туда, где прятались мальчишка и мать. Увлечшись преследованием, несколько наших отрядов попали из бластеров в силовой щит...

– Скольких мы потеряли?

– Я... еще не совсем уверен в цифрах, милорд.

«Врет, – подумал барон, – явно слишком много».

– Этот императорский лакей Кайнс, – сказал барон, – ведет двойную игру?

– Ставлю свою репутацию, милорд.

Его *репутацию!*

– Пусть его убьют, – сказал барон.

– Милорд, но ведь Кайнс – императорский планетолог, собственный слуга Его Императорского Ве...

– Тогда все должно быть похоже на несчастный случай.

– Милорд, в захвате этого фрименского гнезда принимали участие сардаукары. Кайнс в плену у них.

– Увезите его, скажите, что я хочу допросить его лично.

– А если они откажутся?

– Отказа не будет, если вы все сделаете правильно.

– Да, милорд. – Нефуд сглотнул.

– Он должен умереть, – загремел барон, – он пытался помогать моим врагам!

Нефуд переминался с ноги на ногу.

– Ну?

– Милорд, сардаукары захватили еще двоих, которые могли бы быть интересными вам. Они поймали начальника ассасинов покойного герцога.

– Хавата? Сафира Хавата?

– Я сам видел пленного, милорд. Это Хават.

– Я считал это невозможным.

– Говорят, его оглушили из станнера, милорд. В пустыне ему пришлось обходиться без щита. Он даже не ранен. Можно неплохо поразвлечься, если удастся захватить его в наши руки.

– Ты говоришь о ментате, – заворчал барон, – ментатами не бросаются. Он заговорил? Что он говорит о поражении? Знает ли он степень собственного падения? Нет...

– Он сказал, милорд, лишь что предателем считает леди Джессику.

– Ах-х-х-х!

Барон откинулся назад, размышляя: «Вот как? Значит, его гнев направлен на леди Джессику?»

– Он сказал это в моем присутствии, милорд.

– Пусть он считает, что она жива.

– Но, милорд...

– Спокойно. Я хочу, чтобы с Хаватом обращались доброжелательно. Ему нельзя говорить о докторе Юэ, истинном предателе. Пусть он думает, что Юэ погиб, защищая герцога. В известной степени это верно. Напротив, мы должны все подозрения его направлять на леди Джессику.

– Милорд, но я...

– Хават голоден? Хочет пить?

– Милорд, Хават все еще в руках сардаукаров.

– Да, в самом деле, да. Но сардаукары будут торопиться выжать информацию из Хавата не меньше нас. Я кое-что подметил в наших союзниках, Нефуд. Они не слишком ревностны... по политическим причинам. Я думаю, это делается преднамеренно, – так приказал Император. Да. Я думаю, это так. Напомни командиру сардаукаров о моем умении выжимать информацию из сопротивляющихся.

Нефуд казался несчастным:

– Да, милорд.

– И ты скажешь командиру сардаукаров, что я хочу допросить Хавата и Кайнса одновременно, используя их друг против друга. Уж это до него дойдет, я думаю.

– Да, милорд.

– А когда они окажутся в наших руках... – Барон кивнул.

– Милорд, сардаукары захотят, чтобы на всех допросах присутствовал их наблюдатель.

– Я уверен, мы сумеем вовремя изобрести причину избежать присутствия любых нежелательных свидетелей, Нефуд.

– Понимаю, милорд. Тогда с Кайнсом и произойдет несчастный случай.

– Несчастный случай произойдет и с Кайнсом, и с Хаватом, Нефуд. Но только с Кайнсом все случится немедленно. А Хават мне нужен. Да. Ах, да.

Нефуд моргнул, сглотнул. Казалось, он собирался что-то спросить, но не решился.

– Хавату будут давать еду и питье, – сказал барон, – причем с симпатией, с уважением. А в воду ему ты добавишь остаточный яд, разработанный покойным Питером де Врие. А потом проследишь,

чтобы в его пищу не забывали добавлять противоядие, впредь... пока однажды я не прикажу вам забыть об этом.

– Противоядие, да, – Нефуд качнул головой. – Но...

– Не будь тупым, Нефуд. Герцог едва не убил меня этим зубом, с ядовитым газом. И один его выдох в моем присутствии лишил меня моего бесценного ментата, Питера. Мне нужна замена...

– Хават?

– Хават.

– Но...

– Ты собираешься сказать мне, что Хават предан Атрейдесам. Верно, но Атрейдесов нет больше в живых. Его следует убедить, что не он виноват в поражении герцога. Дескать, все это дело рук ведьмы-гессеритки. Он служил раньше недостойному господину, чей разум затуманивали эмоции. Ментата всегда восхищает возможность вычислять, не учитывая эмоций. Мы совратим грозного Сафира Хавата.

– Совратим. Да, милорд.

– К несчастью, у Хавата был не слишком состоятельный хозяин, он не мог поднять своего ментата до вершин разума, которые по праву принадлежат ментатам. Хават даже увидит в этом частицу правды. Герцог не был в состоянии позволить себе нанять самых эффективных агентов, чтобы предоставить своему ментату необходимую информацию. – Барон поглядел на Нефуда. – Никогда не следует обманывать самого себя, Нефуд. Правда – могущественное оружие. Мы знаем, чем одолели Атрейдесов. И Хават знает это. Мы сделали это богатством.

– Богатством. Совершенно верно, милорд.

– Мы совратим Хавата, – сказал барон, – укроем его от сардаукаров и будем держать в резерве... о противоядии можно забыть в любой день. Остаточный яд никак не вывести. И, слушай, Нефуд, Хават ничего и не заподозрит. Противоядие не обнаруживается ядоискателем. Пусть он сканирует все свои блюда, но никогда не заметит и капли яда.

Глаза Нефуда расширились в знак понимания.

– Отсутствие иных вещей, – сказал барон, – может быть столь же смертоносным, как и присутствие их... Отсутствие воздуха? Или

отсутствие воды? Отсутствие всего, к чему есть привычка. – Барон кивнул. – Понимаешь меня, Нефуд?

Тот сглотнул:

– Да, милорд.

– Тогда действуй. Отыщи командира сардаукаров и запусти дело в ход.

– Сию минуту, милорд. – Нефуд поклонился, повернулся и торопливо вышел.

«Хават перейдет ко мне, – подумал барон. – Сардаукары отдадут его. Разве что заподозрят, что я собираюсь погубить ментата, и я дам основания для таких опасений! Глупцы! Один из самых опасных ментатов во всей истории, ментат, обученный убивать, и они отдадут мне его, как безмозглую куклу, чтобы я сломал ее. Я покажу им, как пользоваться подобными игрушками».

Барон потянулся рукой под драпировку возле своей поплавковой кровати и нажал кнопку звонка, чтобы вызвать своего старшего племянника Раббана. Улыбаясь, он откинулся назад.

Все Атрейдесы погибли!

Тупица капитан, конечно, прав. Безусловно, ничто не оставалось в живых на Арракисе там, где прошла песчаная буря. Тем более экипаж орнитоптера... И женщина, и мальчишка мертвы. Взятки нужным людям, немыслимые расходы на обеспечение подавляющего военного превосходства на этой планете, лукавые доносы, предназначенные для ушей лишь самого Императора, – все продуманные ходы наконец дали свой плод.

Сила и страх... страх и сила!

Теперь барон ясно видел дальнейшее... Когда-нибудь Харконнен станет Императором. Не он сам, не дитя его собственной плоти. Но – Харконнен. И, конечно, не Раббан, которого он только что вызвал. Младший брат Раббана. Юный Фейд-Раута. Этот мальчишка был по сердцу барону, в нем было нечто симпатичное для Харконненов... свирепость.

«Очаровательный мальчик, – подумал барон, – через год-другой, когда ему будет семнадцать, станет ясно, получится ли из него оружие, с помощью которого Дом Харконненов сумеет захватить трон».

– Милорд барон.

За дверным полем опочивальни барона стоял невысокий, крупнолицый, полный мужчина – с близко посаженными глазами и широкоплечий, как и все Харконнены по отцу. Его жир еще был достаточно плотен, но было ясно: настанет день, когда и ему придется воспользоваться поплавками, чтобы поддержать полное тело.

«Танк, – подумал барон, – с умом атлета. Нет, он не ментат, мой племянник, не Питер де Врие, но, быть может, никто лучше его не подходит для будущего дела. Если я только позволю... он сотрет все в пыль на своем пути. О, как же его возненавидят здесь, на Арракисе!»

– Мой дорогой Раббан, – начал барон. Дверной пентацит он выключил, но намеренно перевел свой индивидуальный на полную мощность, чтобы подрагивание поля было заметно в лучах световара, находившегося возле постели.

– Вы вызвали меня, – произнес Раббан, вступая в комнату. Бросив мимолетный взгляд на колеблемый щитом воздух, он поискал гравикресло, не нашел и остался стоять.

– Стань поближе, чтобы я мог тебя видеть, – сказал барон.

Раббан сделал еще шаг, подумав при этом, что проклятый старикашка специально убрал все кресла, заставляя гостей стоять.

– Атрейдесы мертвы, – сказал барон, – все до последнего. Вот почему я вызвал тебя на Арракис. Планета снова твоя.

Раббан заморгал:

– Но я думал, что вы собираетесь возвысить Питера де Врие до...

– Питер тоже мертв.

– Питер?

– Питер.

Барон вновь включил дверное поле, предотвращающее проникновение любой энергии.

– Наконец надоел, а? – спросил Раббан.

В энергоизолированной комнате голос его прозвучал глухо и безжизненно.

– Вот что я тебе скажу, – рывкнул барон, – ты изволил намекнуть, что я разделался с Питером, словно Питер пустяк, комар. – Он прищелкнул пальцами. – Такой вот, а? Я не настолько глуп, племянник. И жди немилости, если ты еще раз словом или жестом намекнешь на то, что считаешь меня способным на подобную глупость.

В косых глазах Раббана мелькнул страх. Он-то знал, насколько далеко заходил барон в гнев на членов семьи. Обычно до смерти возмутителя порядка не доходило, если только она не сулила выгоды. Но внутрисемейные наказания бывали тяжелыми.

– Простите меня, милорд барон, – отвечал Раббан, потупив взгляд столько же из покорности, сколько из желания скрыть свой собственный гнев.

– Не пытайся одурачить меня, Раббан, – сказал барон.

Не поднимая глаз, Раббан сглотнул.

– Запомни, – сказал барон, – никогда не уничтожай человека бездумно, повинаясь какому-нибудь общепринятому закону, как поступили бы все под твоей рукой. Делай это с какой-то целью и всегда понимай собственную выгоду.

Раббан не сдержался:

– Но вы уничтожили предателя Юэ. Я видел, как выносили его тело, когда вчера появился здесь. – И, испуганный собственными словами, поглядел на дядю.

Но барон улыбался.

– С опасным оружием я осторожен. Доктор Юэ – предатель, он выдал мне герцога. – В голосе барона появилась новая сила. – Я подчинил себе доктора школы Сукк! Внутренней школы! Слышишь это, мальчик? Такое оружие не выбросишь просто так. И я обдуманно уничтожил его.

– А Император знает, что вы сумели подчинить себе доктора Сукк?

«Разумный вопрос, – подумал барон. – Неужели я недооцениваю этого своего племянника?»

– Император еще не знает, – сказал барон. – Теперь сардаукары, конечно, доложат. Но прежде чем это произойдет, я хочу, чтобы по каналам КАНИКТ в его руки попал мой рапорт. Я собираюсь объяснить ему, что мне повезло – подвернулся фальшивый доктор, изображавший имперскую психообработку. Поддельный доктор, понимаешь? Раз любой знает, что с психообработкой школы Сукк ничего не поделаешь, объяснение примут.

– Ах-х, понимаю, – пробормотал Раббан.

Барон подумал: «В самом деле, надеюсь, что понимаешь. Хотя бы то, что это должно оставаться в тайне как можно дольше».

Вдруг барон изумился собственному поступку: «Зачем я это сделал, зачем расхвастался перед этим дурнем-племянником, которого следует использовать и отбросить?» Барон почувствовал гнев на себя самого. Его словно предали.

– Это будет сохраняться в секрете, – сказал Раббан. – Я все понимаю.

Барон вздохнул:

– В этот раз я дам тебе, племянник, иные инструкции относительно Арракиса. Когда ты правил здесь недавно, я сдерживал тебя. В этот раз тебе будет предъявлено одно-единственное требование.

– Милорд?

– Доход.

– Доход?

– Ты хоть представляешь, Раббан, сколько пришлось истратить, чтобы доставить всю эту военную силу на Арракис? Ты когда-нибудь слышал, сколько требует Гильдия за военные перевозки?

– Дорого?

– Дорого!

Барон ткнул жирной рукой в Раббана.

– Если ты сумеешь целых шестьдесят лет сдирать с Арракиса каждый цент, который он в состоянии дать, то всего лишь возместишь наши расходы.

Раббан открыл рот и, не говоря ни слова, закрыл его.

– Дорого, – фыркнул барон, – монополия этой проклятой Гильдии на перевозки разорила бы нас, если бы я не запланировал такую трату давным-давно. Ты должен знать, Раббан, что вся тяжесть расходов легла на нас. Мы даже заплатили за перевозку сардаукаров.

И уже не впервые барон задал себе вопрос: настанет ли день, когда можно будет обойтись без Гильдии? Она как паразит, сперва сосет кровь понемногу, не беспокоя хозяина, а потом – ты у нее в кулаке: плати, плати и плати.

И всегда немислимые запросы сопровождают именно военные операции. А приторные агенты Гильдии масляными голосами начинают уверять, что они рискуют, видите ли. А за каждого внедренного в систему банка Гильдии наблюдателя засылают к тебе двух собственных. Просто нестерпимо!

– Так, значит, доход.

– Ты должен давить! – Опустив ладонь, барон стиснул ее в кулак.

– А пока я давлю, можно мне будет поступать как заблагорассудится?

– Делай что хочешь.

– Пушки, которые вы привезли, – начал Раббан, – нельзя ли...

– Я забираю их, – произнес барон.

– Но вы...

– Тебе не понадобятся эти игрушки, они были сюрпризом и теперь бесполезны. А металл нам нужен. Против щитов они не годятся. Их просто не ожидали. Можно было предположить, что на этой проклятой планете люди герцога попрячутся в пещеры. Наши пушки просто закупорили их.

– Но фримены не используют щитов.

– Оставь себе какую-то часть бластеров.

– Да, милорд. И у меня будут развязаны руки?

– Да, пока будешь выжимать из них все.

На лице Раббана расплзлась блаженная улыбка:

– В высшей степени понимаю, милорд.

– Ну, достаточно точно ты не понимаешь ничего, – проворчал барон. – Давай договоримся с самого начала. Все, что ты должен понимать, это как исполнять мои приказы. Тебе никогда не приходило в голову, племянник, что на этой планете живет по меньшей мере пять миллионов человек?

– Разве милорд забыл, что я уже был его регентом-сиридаром на Арракисе? И если милорд простит меня, я замечу, что такая оценка может оказаться заниженной. Население трудно сосчитать, когда оно так разбросано по впадинам и равнинам. А если учесть фрименов...

– Фримены не стоят внимания.

– Простите меня, милорд, но сардаукары считают иначе.

Барон, поколебавшись, поглядел на племянника:

– Тебе что-то известно?

– Милорд почивал, когда я прибыл вчера вечером. Поэтому я позволил себе смелость встретиться кое с кем из моих лейтенантов, служивших мне в... э, прошлом. Они были проводниками сардаукаров и рассказали мне, что банда фрименов из засады вырезала отряд сардаукаров где-то на юго-восток отсюда.

– Фримены *вырезали отряд сардаукаров?!*

– Да, милорд.

– Невероятно.

Раббан пожал плечами.

– Фримены бьют сардаукаров, – недоверчиво фыркнул барон.

– Я лишь передаю то, что мне докладывали, – ответил Раббан. – Говорили еще, что тот же отряд фрименов перед этим захватил крепость и опору герцога – Сафира Хавата.

– Ах-х-х-х-х... – Барон закивал, улыбаясь.

– Сообщение кажется мне достоверным, – проговорил Раббан, – вы и не знаете, сколько проблем было связано здесь с этими фрименами.

– Может быть, но твои люди видели не фрименов. Конечно же, это были обученные Хаватом люди Атрейдесов в одеждах фрименов. Таков единственно возможный ответ.

Раббан вновь пожал плечами:

– Ну, сардаукары решили, что это фримены. Они уже затеяли погром и хотят вырезать их всех.

– Отлично!

– Но...

– Теперь сардаукары при деле... А Хават скоро окажется в наших руках. Я знаю! Я предчувствую это! Ах, какой день! Сардаукары гоняются по пустыне за шайками голытьбы, а истинная награда достанется нам!

– Милорд, – нерешительно нахмурился Раббан, – мне всегда казалось, что мы недооцениваем этих фрименов, и в числе, и в...

– Плюнь на них, мальчик. Это чепуха. Населенные города, поселки, деревни – вот что должно нас заботить. Там ведь много народа, а?

– Очень много, милорд.

– И заботят меня именно они, Раббан.

– Заботят?

– О... девяносто процентов их не стоят и упоминания. Но всегда находятся такие... в Малых Домах и так далее... честолюбивые люди, способные на опасные предприятия. Если кто-нибудь выберется с Арракиса с очередной гнусной байкой об этом деле, я буду недоволен. Ты представляешь себе, *как* я буду недоволен?

Раббан сглотнул.

– Ты немедленно примешь необходимые меры, возьмешь заложников из каждого Малого Дома, – сказал барон. – И все вне Арракиса должны думать, что это была честная битва между Домами. Сардаукары ни в чем не участвовали, понимаешь? Герцогу предложили положенную четверть и ссылку, но он погиб в результате несчастного случая, прежде чем успел согласиться. Атрейдес был уже готов принять мои условия. Вот и весь сказ. А любой малейший слушок о том, что здесь были сардаукары, – вздорная ложь, достойная осмеяния.

– Как угодно Императору, – сказал Раббан.

– Да, так угодно Императору.

– А как быть с контрабандистами?

– Им никто не поверит, Раббан. Их терпят, но им не верят. В любом случае следует подкупить кое-кого из них... и принять еще некоторые меры. Впрочем, я уверен – ты справишься с этим.

– Да, милорд.

– Помни – от Арракиса я жду лишь дохода, Раббан. И ты должен быть моим безжалостным кулаком на этой планете. Никакого снисхождения. Думай об этих тупицах так, как они того заслуживают, – это завистливые рабы, которые дожидаются любой возможности для мятежа. И ни капли жалости и милосердия!

– Разве можно перебить население целой планеты? – спросил Раббан.

– Перебить? – В быстром движении головы барона выразилось его удивление. – Кто сказал «перебить»?

– Ну мне показалось, что вы хотите завезти туда новое население и...

– Я сказал давить их, племянник, а не уничтожать. Не расходуй население зря, добейся от него полнейшего подчинения. Ты должен стать хищником, мой мальчик. – Он ухмыльнулся с детским выражением на пухлом лице. – А хищник никогда не останавливается. Никакого милосердия! Не смей. Милосердие – это химера. Оно отступает перед бурчанием в голодном брюхе, перед жаждой в пересохшей глотке. Ты всегда должен голодать и жаждать. – Барон погладил свое жирное тело, поддерживаемое гравипоплавками. – Как я.

– Вижу, милорд.

Раббан повел взглядом из стороны в сторону.

– Теперь все ясно, племянник?

– Все, кроме одного, дядя. Остается этот планетолог, Кайнс.

– Ах да, Кайнс.

– Он человек Императора. Его передвижения неограниченны. И он очень близок с фрименами, взял жену от них.

– Кайнс умрет к завтрашнему вечеру.

– Это опасная работа, дядя, – убийство императорского слуги.

– Ты что думаешь: я вдруг ни с того ни с сего зарвался? – резко сказал барон. В тихом голосе его слышалось непроизнесенное ругательство. – Потом тебе не следует опасаться, что Кайнс покинет планету, он же привык к специи.

– Конечно.

– Те, кому что-то известно, не станут ничего говорить, чтобы не лишиться специи, – сказал барон. – Кайнсу должно быть это понятно.

– Я забыл об этом, – поправился Раббан. Они молча глядели друг на друга. Наконец барон сказал:

– Кстати, в первую очередь тебе следует позаботиться о моем собственном запасе. Для семейных нужд у нас запасено с избытком, но самоубийственный рейд герцогских головорезов уничтожил почти все, что было припасено для продажи.

Раббан кивнул:

– Да, милорд.

Барон просветлел:

– Ну, завтра утром ты соберешь остатки здешней администрации и объявишь им: «Наш высочайший Падишах-Император повелел мне принять во владение эту планету и окончить все раздоры».

– Понимаю, милорд.

– На этот раз я вижу, что действительно понимаешь. А теперь оставь меня, хочу еще поспать.

Выключив дверной пентацит, барон глядел в спину удаляющемуся племяннику.

«Танк, – думал барон, – живой танк, сила без мысли. Там, где он пройдет, останется кровавая жижа. И тогда я пошлю моего Фейд-Рауту, чтобы облегчить их судьбу... Его будут приветствовать как избавителя. Обожаемый Фейд-Раута, благородный Фейд-Раута,

посочувствовавший страданиям, спасший их от Твари. Фейд-Раута, за которым можно последовать и умереть. К тому времени мальчик научится угнетать безнаказанно. Я думаю, он именно тот, кто нужен. Он научится. И какое дивное тело! Действительно, очаровательный мальчик».

В пятнадцать лет он уже научился молчать.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Дибя для детей»

Сражаясь с пультом управления топтера, Пол вдруг заметил, что разум его перебирает тесно переплетенные вокруг аппарата силы бури. Сверхментатское восприятие позволило за доли секунды рассчитать пылевые фронты, порывы ветра, турбулентность, случайные вихри.

Изнутри кабина озарялась лишь сердитым светом циферблатов приборов. Светло-коричневый поток непроницаемым полотном занавешивал окна кабины, но внутренним зрением Пол уже начинал прозревать сквозь этот занавес.

«Надо дождаться нужного вихря», – думал он.

Он уже давно успел заметить, что сила бури ослабевает, но топтер еще сильно трепало. Он поджидал, когда придет нужное завихрение.

Резкий толчок возвестил наконец об этом. Пол бесстрашно развернул аппарат влево. Джессика заметила маневр по указателю крена.

– Пол! – взвизгнула она.

Вихрь крутил их, вертел, переворачивал. И вдруг, словно щепку или муху, пыльный столб всосал их и выбросил вверх, к свету второй луны, серебрившей бурлящую пыль под собою.

Поглядев вниз, Пол заметил четко обрисованный пылью вихрь горячего воздуха, извергнувший их. Стена взвихренного песка неслась по пустыне словно река, все дальше и дальше...

– Вырвались... – прошептала Джессика.

Пол вывел топтер из потока пыли, оглядывая ночное небо. Аппарат мерно взмахивал крыльями.

– Ускользнули, – проговорил он.

Сердце Джессики бешено колотилось. Глядя на уходящее облако, она заставила себя успокоиться. Чувство времени говорило, что в центре тесного сплетения элементарных сил они пробыли почти четыре часа, но для какой-то части ее существа полет длился целую жизнь. Она чувствовала себя заново родившейся.

«Как в литании, – подумала она, – мы обратились к буре лицом и не сопротивлялись. Буря прошла над нами и в нас. Но мы остались».

– Не нравится мне шум крыльев, – сказал Пол. – Они явно повреждены.

Скрежет неровных взмахов словно отдавался в рукоятках под его пальцами. Из бури, из облака пыли они вылетели, однако в своих видениях он не предугадывал, что будет дальше. Но они спаслись, и Пола знобило, словно его вот-вот посетит озарение.

Он поежился.

Ощущение было и магнетическое, и ужасающее; он осознал, что ему нестерпимо хочется понять, что именно вызвало нервную дрожь ожидания. Частично причиной была насыщенная специей пища Арракиса. Но ему казалось, что и в литании крылось нечто, как будто слова ее имели собственную силу.

– Я не должен бояться...

Причина и следствие: он уцелел вопреки грозившим ему силам, и вот-вот накатит на него нечто... этого не было бы без магии литании.

В сознании вспыхнули строчки из Оранжевой Католической Библии: *«Каких чувств нам не хватает, чтобы видеть или слышать другой, окружающий нас мир?»*

– Там скалы, – сказала Джессика.

Пол сфокусировал все внимание на быстро кренившемся топтере. Выравнивая машину, он потрянул головой, пытаясь сосредоточиться. Посмотрев вперед и направо, куда указывала его мать, он заметил выступившие из песка черные скалы. Ветер трепал его брюки вокруг лодыжек, вздымая пыль в кабине. Где-то внизу буря проела дыру...

– Лучше садись на песок, – сказала Джессика, – при торможении могут переломиться крылья.

Он кивнул ей туда, где зализанные песком скалы в лунном свете подымались над дюнами:

– Сяду как можно ближе к ним, проверь, как ты пристегнута.

Она повиновалась, размышляя: «У нас есть вода и конденскостюмы. Если мы найдем пищу в пустыне, то можем сколько-нибудь продержаться. Фримены здесь живут. Что могут они, сумеем и мы».

– Сразу, как только остановимся, беги к скалам, – сказал Пол. – Я возьму ранец.

– Бежать? – переспросила она и тут же понимающе кивнула: – Черви.

– Друзья наши, черви, – поправил он ее, – они получают этот топтер. И следов нашего приземления не останется.

«Как точно он рассуждает», – подумала она.

Они планировали все ниже... ниже...

Под крылом мелькали тени дюн и скал. С мягким толчком топтер задел гребень дюны, скользнул над долиной, врезался в гребень, другой.

«Тормозит о песок», – поняла Джессика и с восхищением отметила его уверенность.

– Держись! – предупредил Пол.

Он нажал на тормоз, расправляя крылья, сперва мягко, потом сильнее и сильнее. Крылья изогнулись, подъемная сила их уменьшалась все быстрее и быстрее. В поредевших перьях посвистывал ветер.

Вдруг ослабленное бурей левое крыло резко вывернулось внутрь и вверх, хлопнуло по борту топтера. Аппарат перевалил через гребень дюны, заваливаясь налево, закувыркался по склону вниз и зарылся носом в противоположную дюну, вздымая каскады песка. Они остановились, аппарат повалился на левый поврежденный бок, правое крыло задралось вверх, к звездам.

Отстегнув пряжки ремней, Пол перегнулся через мать и распахнул дверь. В кабину хлынул песок, принесший с собой сухой запах горячего кремня. Пол схватил с заднего сиденья ранец, отметил, что Джессика уже отстегнулась. Встав сбоку на правое кресло, она выбралась на металлическую обшивку аппарата. Пол последовал за ней, не выпуская лямок ранца из рук.

– Беги! – скомандовал он.

Он показал ей на поверхность дюны, в сторону выступающей над нею источенной песком каменной башни.

Спрыгнув с топтера, то и дело оступаясь, Джессика побежала вверх, к гребню. Она слышала, как за спиной тяжело дышал Пол.

– Вдоль гребня, – приказал Пол, – там быстрее бежать.

Они направились к скалам, песок под ногами осыпался.

Теперь до них донесся новый, постепенно усиливающийся звук: смесь шепота, шипения, сухого шороха.

– Червь! – сказал Пол.

Звук приближался.

– Быстрее! – крикнул Пол, задыхаясь.

Первый выступ скалы, словно пляж, вдающийся в песок, был перед ними метрах в десяти, когда они услышали за спиной треск и скрежет металла.

Пол перекинул ранец в правую руку, держа его за ремни. Тот хлопал его по ноге. Другой рукой он ухватился за мать. Они лезли вверх по вздымающейся скале, по засыпанной щебенкой поверхности проточенного ветром изогнутого канала, сухой воздух царапал горло.

– Я больше не могу бежать, – выдохнула Джессика.

Пол остановился и, втолкнув ее в расселину, обернулся, чтобы глянуть в пустыню. Скалистый островок в пустыне огибала движущаяся гора, на поверхности которой рябили песчаные волны... гребень ее был почти на уровне глаз Пола... в километре. За ней дюны были будто сглажены... след петель охватывал то место пустыни, где они только что бросили сломанный орнитоптер.

Там, где побывал червь, не осталось даже следов летательного аппарата.

Длинный холм направился обратно в пустыню, пересек собственный след, засновал из стороны в сторону.

Наконец тварь окончательно отвернула от скал и по изогнутой линии устремила к горизонту. Они прислушивались, пока шум движения червя не растворился в шелесте падающего вокруг песка.

Глубоко вздохнув, Пол глянул на посеребренные луной каменные башни и произнес слова из «Китаб аль-Ибар»:

– *«Путешествуй ночью, а днем отдыхай в черной тени».*

Он поглядел на мать.

– Осталось еще несколько ночных часов, ты можешь идти?

– Подожди немного.

Пол спустился на скалистый выступ, закинул ранец на плечи, подтянул ремни и достал паракомпас.

– Скажи, когда будешь готова.

Оторвавшись от скалы, она почувствовала, как возвращаются к ней силы.

– Куда?

– Туда, к хребту, – показал он.

– В глубокую пустыню, – сказала она.

– В пустыню фрименов, – прошептал Пол.

И он замер, вспомнив странное место, которое привиделось еще на Каладане в одном из пророческих снов. Эта пустыня была знакома ему. Но все здесь было как-то не так, чуть иначе. Изображение, запечатленное в памяти, не совсем совпадало с реальным. Реальность словно была тогда повернута к нему под иным углом.

«В том видении с нами был Айдахо, – вспомнил он. – Но теперь Айдахо мертв».

– Смотришь, каким путем нам пойти? – спросила Джессика, неправильно поняв причину его нерешительности.

– Нет, – сказал он. – Ты готова?

Он пошевелил плечами под лямками и направился вперед выточенной песком в скале расщелиной. Она вела на залитую лунным светом каменную поверхность, уступами уходящую на юг.

Дойдя до первой ступени, Пол вскарабкался на нее. Джессика последовала за ним.

Постепенно сам этот путь стал делом насущным и требующим всех усилий без остатка: в углублениях между скалами скапливался песок, шаги их замедлялись, источенные ветром камни резали руки, все заставляло размышлять – обходить или идти прямо. Рельеф устанавливал собственный ритм.

Говорили они лишь при необходимости, хриплые голоса обоих выдавали крайнюю усталость.

– Осторожно, здесь скользко – камень присыпан песком.

– Не разбей голову – уступ нависает...

– Не вылезай из-за гребня, луна у нас за спиной – нас легко будет заметить.

Пол остановился, прислонившись ранцем к каменистой стенке.

Джессика вытянулась рядом с ним, радуясь минутному отдыху. Услышав, как Пол потягивает влагу из трубки конденкостюма, она приложила к собственной. Переработанная вода была безвкусной. Джессика припомнила воды Каладана, дугу высокого фонтана на фоне синего неба – такое немыслимое богатство, тогда оно даже не осознавалось... Она замечала лишь форму струи, плеск воды, блеск капель.

«Остановиться бы, – подумала она. – И отдохнуть... по-настоящему».

Сейчас ей казалось, что сама возможность остановиться была бы милосердием. А раз останавливаться невозможно, о милосердии не могло быть и речи.

Оторвавшись от скалистого гребня, Пол повернул вверх по склону. Вздохнув, Джессика последовала за ним.

Потом они спустились на широкий карниз, огибающий скалу. И снова их охватил рваный ритм движений по этой неровной земле.

Джессике казалось, что вокруг нет ничего, лишь под ногами и руками – булыжник или гравий, комья породы или песка, сам песок или пыль; наконец, мелкая пудра.

Пудра забивала нософильтры, ее приходилось выдувать. Комки песка и гравий катались по гладким камням, и, потеряв осторожность, можно было поскользнуться. Куски породы резали руки, а вездесущий песок задерживал шаг.

Пол резко остановился на каменном карнизе, мать по инерции подтолкнула его, он помог ей сохранить равновесие.

Он показал налево, и Джессика поглядела туда. Оказалось, что они стоят на вершине утеса, а в двух сотнях метров под ними словно застывшие волны вздымаются дюны. Оцепеневший океан серебрился под ногами: гребни вздымались один за другим, уходя к тонущему в сером тумане другому хребту.

– Открытая пустыня, – сказала она.

– Далековато, – отозвался Пол глухим голосом сквозь фильтр на лице.

Джессика поглядела налево, направо – ничего, лишь песок внизу.

Пол смотрел прямо вперед, на открытые дюны, наблюдая за смещением теней от быстрой луны.

– Три-четыре километра, – сказал он.

– Там черви, – произнесла она.

– Вне всякого сомнения.

Она уже не ощущала ничего, кроме усталости, боль в мышцах притупила все чувства:

– Поедим и отдохнем.

Пол выскользнул из лямок ранца, опустил его на землю и сел, прислонившись к нему спиной. Опершись рукой на его плечо, Джессика тяжело опустилась рядом. Усаживаясь, она ощутила, что он повернулся и что-то разыскивает в ранце.

– Вот, – сказал он, сухими руками передавая ей две энергокапсулы.

Она проглотила их, запив едва ли полным глотком из трубки конденскостюма.

– Воду выпей всю, – сказал ей Пол. – Это аксиома: наилучшее место для воды – в твоём теле. Это экономит энергию. Ты становишься сильнее. Доверяй своему конденскостюму.

Она повиновалась, осушила карманы и почувствовала, как возвращаются к ней силы. А потом подумала, как мирно здесь, в этом месте, где их одолела усталость, и припомнила, как однажды менестрель-воин Гарни Холлик сказал: *«Лучше сухая корка в тишине и покое, чем целый дом, где царят суета и томление духа».*

Джессика повторила Полу эти слова.

– Похоже на Гарни, – отвечал он.

Она услышала в его голосе интонации, с которыми вспоминают мертвых, и подумала: «Бедный Гарни, быть может, уже мертв». Все, кто служил Атрейдесам, были теперь мертвы, или в плену, или, как и они сами, затеряны в безводной пустыне.

– У Гарни всегда находилась цитата к месту, – продолжил Пол, – я словно слышу его слова: *«И реки сделаю сушею, и предам землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее».*

Джессика закрыла глаза, пафос сына почти до слез растрогал ее.

Наконец Пол спросил:

– Как... ты себя чувствуешь?

Она поняла, что вопрос относился к ее беременности, и сказала:

– До рождения твоей сестры осталось еще много месяцев, физически я пока не почувствовала изменений.

И подумала: «Почему я ответила сыну так официально?» Обычай Бинэ Гессерит предписывал отыскивать в себе причины подобных причуд, поэтому она нашла и причину собственной сдержанности: «Я боюсь своего сына, я боюсь этих его странностей. Я боюсь услышать о том, что он увидел в будущем».

Опустив капюшон на глаза, Пол вслушивался в крики ночных насекомых.

Легкие его устали от молчания. Нос чесался. Он потер его, вынул фильтры и почувствовал густой запах корицы.

– Где-то поблизости выход меланжа, – произнес он.

Ветер гагачьим пухом прикасался к его щеке, шевелил складки бурнуса. Но этот ветерок не грозил бурей, Пол уже научился чувствовать различие.

– Скоро рассвет, – произнес он. Джессика кивнула.

– Способ безопасно перебраться через пески существует, – сказал Пол, – фримены знают его.

– А черви?

– Если установить здесь, повыше в скалах, колотушку из нашего фримплекта, она займет червя на время.

Она поглядела на освещенную лунной пустыню и произнесла:

– Этого времени хватит, чтобы пройти четыре километра?

– Быть может. Но только если звуки наших шагов в песках будут как шорох, что не привлекает червей...

Пол вглядывался в открытую пустыню, вопрошая свое знание о будущем, пытаясь припомнить таинственное назначение колотушек и крючьев делателя из руководства к фримплекту, что попали в их руки со всем ранцем. Ему казался странным панический страх перед червями. Краем своего сознания он ощущал, что червей следовало уважать, но не бояться... если... если...

Он покачал головой.

– Звуки не должны быть ритмичными, – сказала Джессика.

– Что? Ох. Да. Если разрывать шаг... песок и сам по себе съезжает время от времени. Черви не могут бросаться на любой звук. Но нам надо хорошо отдохнуть, прежде чем попробовать.

Он поглядел на скалы вдаль, по длине лунной тени ощущая движение времени.

– Через час – рассвет.

– Где проведем день?

Пол повернулся налево и показал:

– Утес загибается к северу, видишь, как он источен, – это наветренная сторона, здесь должны быть глубокие щели.

– Ну что же, идем? – спросила она.

– Ты достаточно отдохнула, чтобы спускаться? Я хочу поставить палатку поближе к пескам.

– Достаточно, – она кивнула ему, – веди.

Он поколебался, поднял ранец, надел на плечи и повернул вдоль скалы.

«Были бы у нас гравипоплавки, – подумала Джессика, – отсюда так просто прыгнуть. Но, может быть, их тоже не следует использовать в открытой пустыне. Возможно, они привлекают червей не хуже щитов».

Они добрались до ряда опускавшихся вниз уступов, а за ним была расщелина, вход в которую резко обрисовывался в лунном свете. Пол спускался первым, двигаясь осторожно и торопливо, – ясно было, что лунный свет недолго задержится в ней. Они все глубже и глубже опускались в густую тень. По бокам угадывались восходящие к звездам каменные стены. Ущелье сузилось метров до десяти, когда перед ними оказался неясно серевший песчаный склон, опускавшийся ниже во тьму.

– Спустимся пониже? – шепнула Джессика.

– Думаю, да.

Одной ногой он опробовал поверхность.

– Можно съехать, – сказал он, – я пойду первым, подожди, пока не услышишь, что я остановился.

– Осторожно, – сказала она.

Он ступил на склон и по его мягкой поверхности соскользнул почти на дно, на плотный песок, зажатый между двумя скалами.

Позади него, оползая, зашипел целый склон. Он попытался во тьме разглядеть, что творится наверху, и осыпь чуть не свалила его с ног. Шипение ползущего песка утихло.

– Мать? – позвал он. Ответа не было.

– Мать?

Уронив ранец, он рванулся по склону вверх как очумелый, разбрасывая руками песок.

– Мать! – задыхался он. – Мать, где ты?

Сверху обрушился новый обвал, засыпавший его до бедер. Он освободил ноги.

«Ее засыпал песок, – подумал он. – Она там, внизу. Надо успокоиться и сделать все осторожно. Она не задохнется прямо сейчас. Чтобы уменьшить потребление кислорода, она войдет в состояние бинду. Она знает – я выкопаю ее».

Способом Бинэ Гессерит, которому его учила мать, Пол успокоил дикое биение сердца, очистил разум от всех воспоминаний, кроме самых последних. Теперь каждый изгиб и поворот на пути вниз высветились в его памяти как кадры фильма: последовательно и мерно, хотя все и происходило в доли секунды.

Наконец Пол двинулся наискосок вверх по склону, вглядываясь в песок. Он нащупал стенку ущелья, каменный выступ на ней, начал копать, аккуратно раздвигая песок, чтобы не вызвать новой осыпи. Под рукой оказался кусок ткани, проведя вдоль него ладонью, он нащупал руку. Осторожно освободил ее, потом очистил от песка лицо.

– Ты слышишь меня? – прошептал он. Ответа не было.

Он стал копать быстрее, высвободил ее плечи. Тело безвольно подчинялось его рукам, но он сумел уловить медленное сердцебиение.

«Состояние бинду», – подумал он. Выкопав ее по грудь, он положил бессильные руки себе на плечи и потянул вдоль склона, сперва медленно, потом все быстрее, чувствуя, как поддается песок. Он тащил ее все быстрее и быстрее, задыхаясь от напряжения и стараясь удержать равновесие. Спотыкаясь, он уже выскакивал на плотный песок на дне ущелья, подняв на плечи тело матери, когда весь склон с громким шипением, отраженным каменными стенами, поехал вниз.

Остановился он уже в самом низу, когда до выстроившихся рядов дюн оставалось метров тридцать. Медленно положил Джессику на песок и произнес слово, которое должно было вывести ее из каталепсии.

Она медленно пробуждалась, делая все более глубокие вдохи.

– Я была уверена, что ты отыщешь меня, – сказала она.

Он поглядел на расщелину:

– Быть может, хороший сын и не стал бы тебя откапывать.

– Пол!

– Я потерял ранец, – сказал он, – теперь он покоится под сотней тонн песка... если не больше.

– Все-все?

– Запас воды, конденстент – все истинно необходимое. – Он тронул карман брюк. – Только паракомпас тут. – Он прикоснулся к нагрудному карману. – Еще нож и бинокль. Можем во всех подробностях разглядеть место, где нам предстоит умереть.

В это мгновение слева, из-за края расщелины выглянул диск солнца. Пески открытой пустыни заиграли разноцветным блеском. В своих скальных укрытиях засвистели птицы.

Но Джессика видела лишь растерянность в глазах Пола. С каплей презрения в голосе она спросила:

– Этому тебя учили?

– Разве ты не поняла? – спросил он. – Все необходимое, чтобы выжить в этой пустыне, оказалось там – под песками.

– Но ты же нашел меня, – сказала она мягким убеждающим тоном.

Пол сел на корточки.

Он внимательно посмотрел вверх, на поверхность осыпавшегося песка, отмечая на ней неровности.

– Если бы удалось обездвижить маленький кусочек склона и верхнюю часть прорытого хода, мы, может быть, и сумели бы дорыться до ранца. Нужна вода, но у нас ее все равно мало, не хватит... – Он замолчал и вдруг выпалил: – Пена!

Джессика старалась держаться спокойнее, чтобы не взволновать его гиперфункционирующий разум.

Пол поглядел на простиравшиеся перед ними дюны, пытаясь искать не только глазами, но и носом. Определив направление, он пригляделся... темное пятно внизу, на поверхности песка.

– Специя, – сказал он, – в основе своей имеет сильнощелочную реакцию. У меня есть паракомпас: элемент питания в нем – кислотный.

Джессика села, прислонившись к стене. Не обращая более на нее внимания, Пол вскочил на ноги и отправился вниз по утрамбованной ветром поверхности осыпи, вытекавшей из расселины на дно пустыни.

Она смотрела, как он шел, меняя ритм движений: шаг... пауза, два шага... скольжение... пауза. Ритма не было, и ничто не могло

известить пустынного охотника-червя о том, что здесь движется живое существо.

Добравшись до пятна, Пол горстями набрал специю в подол своего одеяния и вернулся к расщелине. Вывалил принесенное на песок перед Джессикой, сел на корточки и принялся разбирать паракомпас с помощью кончика своего ножа. Крышка паракомпаса отскочила. Сняв кушак, Пол разложил на нем части компаса, вытащил батарею, за которой последовал индикатор – от прибора осталась пустая коробка.

– Тебе понадобится вода, – сказала Джессика.

Взяв в рот питьевую трубку костюма, Пол набрал полный рот воды и выплюнул ее в коробку.

«Если у него ничего не получится, вода пропадет напрасно, – подумала Джессика. – Впрочем, для нас это будет уже безразлично».

Ножом Пол вскрыл батарею, высыпал из нее в воду кристаллы кислоты. Слабо зашипев, они растворились.

Джессика заметила наверху какое-то шевеление. На краю расщелины один за другим усаживались пустынные коршуны, крутя головами в поисках открытой воды.

«Великая Мать! – подумала она. – Чувствовать воду на таком расстоянии!»

Пол уже вновь надел крышку на паракомпас и вытащил из него кнопку регулировки, так что в корпусе осталось небольшое отверстие. Взяв собранный инструмент в одну руку, горстку специй – в другую, Пол вернулся к расселине, вглядываясь в склон. Без стягивающего кушака его бурнус слегка раздувался. Он поднимался по склону, шаркая ногами по потокам песка и ручейкам пыли.

Наконец он остановился, бросил щепотку специй в паракомпас, потряс его.

Из отверстия на месте кнопки повалила зеленая пена. Широкою дугой Пол полил ею склон и принялся разбрасывать ногами песок, поливая открывающиеся сухие участки.

Встав чуть поодаль, Джессика спросила:

– Чем тебе помочь?

– Подойди поближе и начинай рыть, – сказал он. – Нужно прокопать метра три. Не так уж глубоко.

Пока он говорил, поток пены из прибора прекратился.

– Быстро, – сказал Пол, – кто знает, сколько эта пена удержит песок.

Джессика встала рядом с Полом, он тем временем затолкнул в паракомпас новую щепотку специй, встряхнул. Из отверстия вновь повалила пена.

Пол склеивал песок пеной, Джессика копала руками, отбрасывая песок вниз по склону.

– Далеко еще? – тяжело дыша, спросила она.

– Глубже, – отвечал он, – и я только примерно могу определить положение. Может быть, придется расширять лаз. – Он шагнул вбок, оступившись на поехавшем вниз песке. – Делай стенки с уклоном, неотвесные.

Яма медленно углублялась, показалось дно котловины. Но ранца там не оказалось.

«Неужели я ошибся в расчетах? – подумал Пол. – Я запаниковал и допустил эту ошибку. Неужели она подействовала на мои способности?»

Он поглядел на паракомпас. В нем оставалось унции две кислоты.

Джессика внизу выпрямилась, провела испачканной в пене рукой по щеке. Глаза ее встретили взгляд Пола.

– Попробуй расширить вверх по откосу, – сказал Пол. – Осторожнее теперь...

Добавив в корпус прибора еще щепотку специй, он стал поливать песок возле рук Джессики. Со второго раза она наткнулась на что-то твердое и осторожно вытянула лямку с пластиковой пряжкой.

– Стой, не тяни за нее больше, – произнес Пол почти шепотом. – Пена кончилась.

Держа лямку в одной руке, Джессика поглядела на сына. Отшвырнув пустой паракомпас, Пол сказал:

– Дай мне другую руку. Слушай теперь внимательно. Я буду тянуть тебя вбок и вниз по склону. Только не выпускай лямку. Сверху много не осыпется, откос укрепился. Я хочу все сделать так, чтобы твоя голова оставалась над песком. Когда эту яму засыплет, я отрою тебя, а потом мы вместе вытянем ранец.

– Поняла, – ответила она.

– Готова?

– Готова! – Она стиснула пальцы на лямке.

Рывком Пол наполовину выдернул ее из ямы, голова ее была над песком, когда скрепленный пеной песок пополз, заполняя яму. Джессика оказалась в песке по грудь, левая рука ее и плечо оставались в песке, подбородок закрывала складка одеяния Пола. Плечо ныло от навалившейся тяжести.

– Держу! – сказала она.

Пол медленно запустил пальцы в песок рядом с ее рукой, нащупал полоску ткани.

– Давай вместе, – сказал он. – Тяни ровнее, иначе можно порвать.

Они тянули ранец вверх, песок осыпался. Когда лямка показалась на поверхности, Пол бросил ее и высвободил мать из песка. Вдвоем они потянули лямку вниз и наконец вытащили ранец.

Спустя несколько минут они стояли на дне расщелины, держа ранец за лямки.

Пол поглядел на мать. Ее одежда и лицо были запачканы пеной. Казалось, что Джессику закидывали комками зеленого мокрого песка.

– Ну и видок у тебя, – пробормотал он.

– И у тебя не лучше, – ответила она.

Они было засмеялись, но тут же замолчали.

– Это не должно было случиться, – сказал Пол. – Я был неосторожен.

Она пожала плечами, ощущая, как присохший песок осыпается с бурнуса.

– Я поставлю палатку, – сказал он, – а ты лучше сними одежду и вытряси ее. – Он отвернулся к ранцу.

Джессика кивнула, почувствовав себя вдруг слишком усталой, чтобы говорить.

– А здесь в скале крепежные дыры, – сказал Пол. – На этом месте уже ставили палатку.

«Почему бы и нет? – думала она, встряхивая одежду. – Место удобное – между двух скал, в четырех километрах напротив – другая скала... достаточно далеко от пустыни, чтобы не привлекать червей, но и не слишком близко, чтобы облегчить переход».

Она обернулась. Пол уже поставил палатку, ребристая полусфера которой не отличалась цветом от обступивших скал. Пол прошел рядом с биноклем в руках. Быстрым поворотом подрегулировал внутреннее давление, сфокусировав масляные линзы на

противоположном утесе, золотившемся в лучах утреннего солнца за песчаными дюнами.

Джессика смотрела, как он вглядывается в этот апокалиптический ландшафт, в его песчаные и скальные каньоны.

– Там есть какая-то растительность, – сказал он.

Джессика отыскала в ранце второй бинокль и подошла к Полу.

– Вон там, – махнул он, не выпуская бинокль из другой руки.

Она поглядела в ту сторону.

– Сагуаро, – сказала она. – Сухая штука.

– Значит, поблизости могут быть люди, – произнес Пол.

– Быть может, это остатки ботанической испытательной станции, – предупредила она.

– Нас занесло далеко на юг, – ответил он. Опустил руку с биноклем, потер под носом, чувствуя, как высохли и запеклись губы, ощущая пыльный привкус жажды во рту. – Похоже на обиталище фрименов.

– Можем ли мы быть уверенными в сочувствии с их стороны? – спросила она.

– Кайнс обещал их поддержку.

«Но это отчаянный народ, эти жители пустыни, – думала она, – и я сегодня была на грани отчаяния. А отчаявшийся убьет просто ради воды».

Она закрыла глаза, и ей представился Каладан. Они отдыхали, путешествовали вдвоем – она и герцог Лето – дело было еще до рождения Пола. Они летели над яркой листвой диких лесов, над рисовыми плантациями в дельтах рек. Внизу, по муравьиным тропам в зелени, сновали караваны носильщиков с грузами, поддерживаемыми гравипоплавками. А на побережье белели лепестки тримаранов-дхау.

Все сгнуло.

Джессика открыла глаза: пустынная тишь, все жарче и жарче. Неугомонные демоны жары уже начали будоражить воздух над раскаленным песком. Казалось, что скала напротив видна сквозь толстое стекло.

Через открытое устье расщелины осыпался песок, сдвинутый с места дуновением утреннего ветерка, коршунами, взлетевшими с вершин утеса. Пескопад закончился, но шелест все еще доносился до

ее ушей, становясь лишь громче и громче. Раз услышав этот звук, позабыть его было невозможно.

– Червь, – прошептал Пол.

Он появился справа с непринужденным величием, которого нельзя было отрицать. Извивающаяся длинная гора песка пересекала дюны совсем неподалеку. Спереди она была круче, рассыпалась пылью, словно волна каплями... Он удалялся налево. Звук медленно затихал.

– Иные космические фрегаты кажутся меньше его, – прошептал Пол.

Она кивнула, не отрывая глаз от пустыни. Пронзая дюны, червь сглаживал их, оставляя за собой соблазнительно ровную дорогу. Горестно бесконечная, стремилась она мимо, куда-то вдаль, к горизонту.

– Отдохнем, – сказала Джессика, – и продолжим наши занятия.

подавив внезапно нахлынувшее негодование, он сказал:

– Мать, а ты не думаешь, что мы могли бы сегодня обойтись без...

– Сегодня ты запаниковал, – сказала она, – свой разум и биндунерватуру ты знаешь, быть может, лучше, чем я, но тебе еще предстоит многое узнать о своей прана-мускулатуре. Тело, Пол, иногда поступает само по себе, и я могу тебя еще многому научить. Ты должен научиться управлять каждым мускулом, каждым волокном своего тела. Надо вновь заняться руками. Начнем с мускулатуры пальцев, сухожилий ладони и чувствительности кончиков пальцев. – Она повернулась. – Ну, пошли в палатку.

Он пошевелил пальцами левой руки, следя, как она проползает через сфинктерный гермоклапан палатки, понимая, что не следует отговаривать ее... надо согласиться.

«Что бы они ни сделали из меня, все равно без моего участия не обошлось», – подумал он.

Вновь заняться руками!

Он поглядел на собственную ладонь. Какой беспомощной казалась она по сравнению с гигантским червем!

Мы пришли с Каладана – райского уголка для нашей жизненной формы. На Каладане не было необходимости создавать рай для тела или ума – его мы видели вокруг себя. И мы заплатили за это, как платят за райскую жизнь: мы стали мягки, наши мечи затупились.

Принцесса Ирулан. «Беседы с Муад'Дибом»

– Так, значит, ты и есть великий Гарни Холлик, – сказал мужчина.

Холлик стоя глядел на контрабандиста, сидевшего за металлическим столом в округлой пещере-приемной. На мужчине была одежда фримена, бледная синева глаз говорила о том, что ему случается есть и инопланетную пищу. Приемная по форме повторяла помещение центрального командного пункта фрегата: обзорные и коммуникационные экраны занимали шестую часть полусферы. По бокам – секторы дистанционного управления вооружением. У стены напротив – стол.

– Я – Стабан Туек, сын Эсмара Туека, – сказал контрабандист.

– Значит, именно тебе я обязан принести благодарность за оказанную нам помощь, – произнес Холлик.

– Ах-х, благодарность... – сказал Туек, – садись.

Корабельное складное кресло выдвинулось из стены возле экранов, Холлик со вздохом опустился в него, ощущая навалившуюся усталость. Он увидел собственное отражение в темной стеклянной поверхности экрана возле контрабандиста и нахмурился, отметив следы утомления на собственном помятом лице. Кривой шрам на челюсти зазмеился от этой гримасы.

Отвернувшись от своего отражения, Холлик поглядел на Туека. В лице контрабандиста он заметил фамильное сходство – тяжелые, нависающие отцовские брови, словно высеченные из камня щеки и нос.

– Твои люди сказали мне, что отец твой мертв, убит Харконненами, – начал Холлик.

– Или Харконненами, или предателем твоего народа, – сказал Туек.

Гнев помог Холлику преодолеть усталость. Он выпрямился и бросил:

– Ты можешь назвать имя предателя?

– Мы не вполне уверены.

– Сафир Хават подозревал леди Джессику.

– Ах-х, эта ведьма-гессеритка... может быть. Но сам Хават теперь в плену у Харконненов.

– Я слышал об этом. – Холлик глубоко вздохнул. – Похоже, впереди новая резня.

– Мы не станем привлекать к себе внимание, – ответил Туек.

Холлик опешил:

– Но...

– Мы спасли вас, тебя и твоих людей, и с охотой предоставляем вам здесь убежище, – сказал Туек. – Ты говоришь о благодарности. Очень хорошо. Отрабатывайте свой долг. Людям у нас всегда найдется применение. Но мы перебьем вас до одного, если вы вновь открыто выступите против Харконненов.

– Но они ведь убили твоего отца!

– Быть может. И если так, я скажу тебе, что мой отец говорил тем, кто действует не думая: «Камень и песок тяжелы весом, но гнев глупца еще тяжелее».

– Значит, просто оставишь все как есть? – пренебрежительно усмехнулся Холлик.

– Разве ты слышал от меня такие слова? Я просто хочу, чтобы ты знал: у нас контракт с Гильдией. Они требуют от нас осторожности. А погубить врага можно и по-другому.

– Ах-х.

– Действительно, ах. Если ты хочешь разоблачить эту ведьму... действуй. Но я предупреждаю: скорее всего ты опоздал... И еще – мы сомневаемся в том, что именно она повинна в предательстве.

– Хават ошибался редко.

– Но он допустил, чтобы его взяли в плен бандиты барона.

– Ты думаешь, что предатель – он?

Туек пожал плечами:

– Вопрос чисто теоретический. Мы думаем, что ведьма мертва. Так, по крайней мере, считают сами Харконнены.

– Похоже, ты неплохо осведомлен о том, что известно барону.

– Так, одни намеки и предположения... слухи и догадки.

– Со мной семьдесят четыре человека, – сказал Холлик. – Если ты серьезно хочешь, чтобы мы перешли к тебе на службу, у тебя должны быть весомые доказательства гибели герцога.

– Мои люди видели его тело.

– И мальчика тоже... юного господина Пола? – Холлик попытался сглотнуть, но что-то комом застряло в горле.

– В соответствии с самыми последними сообщениями, он вместе с матерью пропал в песчаной буре. Скорей всего, от них не разыщут и косточки.

– Значит, и ведьма мертва... все погибли.

Тук кивнул:

– А Тварь Раббан, как говорят, вновь примет здесь бразды правления.

– Граф Раббан с Ланкивейла?

– Да.

Холлику не сразу удалось погасить в себе ярость, грозившую лишить его самообладания. Тяжело дыша, он проговорил:

– У меня с Раббаном давние счеты. Я не отплатил еще ему за гибель семьи. – Он тронул шрам на щеке. – И за это украшение.

– Не следует поспешно ставить на карту все, чтобы расквитаться, – сказал Тук.

Он хмурился, следя, как вздулись желваки на скулах Холлика, не отрывая глаз от полуприкрытых веками глаз менестреля.

– Знаю я... знаю, – глубоко вздохнул Холлик.

– Ты и твои люди, вы можете заработать на дорогу с Арракиса, послужив нам. Найдется много мест.

– Я освобождаю своих людей от всех обязанностей, они могут выбирать сами. Но если Раббан здесь – сам я остаюсь.

– Я сомневаюсь, что мы согласимся на это, если твое настроение не изменится.

Холлик поглядел на контрабандиста:

– Ты сомневаешься в моем слове?

– Не-е-е-т...

– Ты спас меня от Харконненов. Я преданно служил герцогу Лето по той же причине. Я остаюсь на Арракисе – с тобой... или с фрименами.

– Мысль задуманная и мысль высказанная – две разные вещи, сказанное слово имеет силу, – произнес Туек. – Может статься, ты найдешь грань между жизнью и смертью слишком острой... и быстрой, если окажешься среди фрименов.

Холлик на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как его одолевает усталость.

– *«Где Господь, который... вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой?..»* – пробормотал он.

– Не торопись, и день твоей мести настанет, – сказал Туек. – Торопливость придумал шайтан. Успокой свою печаль, у нас для этого есть все необходимое. Три вещи успокаивают сердце – вода, зелень травы и красота женщин.

Холлик открыл глаза.

– Я бы предпочел купаться в крови Раббана Харконнена. – Он перевел взгляд на Туека. – Так ты думаешь, такой день настанет?

– К твоему будущему, Гарни Холлик, я почти не имею отношения... Могу лишь помочь провести твое сегодня.

– Тогда я принимаю твою помощь и остаюсь до того дня, когда ты прикажешь мне отомстить за твоего отца и всех остальных, кто...

– Слушай меня, воин, – сказал Туек. Он перегнулся через стол, голова его втянулась в плечи, он не отрывал напряженного взгляда от Холлика. Лицо контрабандиста вдруг стало похожим на источенный непогодой камень. – За воду моего отца я отплачу сам... своим собственным лезвием.

Холлик глядел на Туека. В эту секунду контрабандист напомнил ему герцога Лето, смелого, уверенного в своем положении и поступках предводителя. Действительно, словно герцог... до Арракиса.

– Хочешь ли ты, чтобы мое лезвие было рядом с твоим? – спросил Холлик.

Туек откинулся назад, молча вглядываясь в лицо Холлика.

– Ты видишь во мне только воина? – поинтересовался Холлик.

– Из всех лейтенантов герцога уцелел только ты один, – сказал Туек. – Враг подавлял, но ты отыгрывался... и победил. Как мы побеждаем Арракис.

– А?

– Пока мы все покорны барону, Гарни Холлик, – сказал Туек, – наш враг – Арракис.

– А врагов бьют поодиночке, не так ли?

– Так.

– Не таким ли путем пошли и фримены?

– Быть может.

– Ты сказал, что жизнь среди фрименов может показаться мне слишком жесткой. Только ли потому, что они живут в пустыне, на открытом просторе?

– Кто знает, где живут фримены? Для нас Центральное плато – ничейная земля. Но я хотел бы еще поговорить о...

– Мне говорили, что Гильдия избегает водить специевые лихтеры над пустыней, – сказал Холлик. – Но, по слухам, сверху, если знаешь, где искать, видны клочки зелени.

– Слухи! – фыркнул Туек. – Или будешь выбирать между мной и фрименами? Мы живем в безопасности, наш ситч вырезан в скале, у нас есть собственные укромные котловины. Мы ведем жизнь цивилизованных людей. А фримены – просто шайка оборванцев, что ищут для нас специю.

– Но они убивают Харконненов.

– А ты не хочешь узнать, каков результат? До сих пор их травят, словно животных, бластерами, потому что у них нет силовых щитов. Их вырезают. Почему? Потому что они убивали Харконненов.

– Разве они убивали только Харконненов? – спросил Холлик.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не слыхал, что среди Харконненов были сардаукары?

– Тоже слухи.

– Но погром... на барона это не похоже. Погром расточителен.

– Я верю тому, что видел собственными глазами, – сказал Туек. – Выбирай, воин. Тебе я обещаю убежище и шанс пролить ту кровь, которой мы оба жаждем. Будь в этом уверен. Фримены предоставят тебе лишь возможность вести жизнь гонимого.

Холлик колебался, угадывая мудрость и сочувствие в словах Туека, причину собственной нерешительности он не мог понять.

– Верь в свои способности, – сказал Туек. – Кто принимал решение, выведшее твой отряд из битвы? Ты. Решай.

– Надо решать, – согласился Холлик. – Так ты уверен, что герцог и его сын мертвы?

– Харконнены уверены в этом. А там, где речь идет о подобных вещах, я склонен им доверять.

Угрюмая улыбка тронула губы Холлика.

– Но ни в чем более доверять им я не собираюсь. Надо решать, – повторил Холлик. Он протянул вперед правую руку вверх ладонью, прижав к ней в традиционном жесте большой палец. – Предлагаю тебе мой меч.

– Принимаю.

– Ты хочешь, чтобы я убедил своих людей?

– Ты собирался предоставить право решать им самим.

– Пока они следовали за мной, но большинство рождено на Каладане. Арракис совершенно не таков, каким они его представляли. Здесь они потеряли все, кроме жизни. Я бы предпочел, если бы они решали теперь сами.

– Ты не должен сейчас проявлять неуверенность, – сказал Туек, – они ведь шли за тобой.

– Тебе они нужны, не так ли?

– Опытному воину всегда найдется дело... а в наше время более, чем когда-либо.

– Ты принял мой меч и хочешь, чтобы я убедил их остаться?

– Я думаю, они последуют за тобой, Гарни Холлик.

– Надеюсь.

– Конечно.

– Тогда я могу кое-что решать сам?

– Как угодно.

Холлик приподнялся, чувствуя, как много сил потребовало даже это маленькое усилие.

– А теперь прослежу за их размещением по квартирам и благополучием, – сказал он.

– Обратись к моему квартирмейстеру, – сказал Туек, – его зовут Дрискв. Передай ему: я желаю, чтобы с вами обходились со всей любезностью. Попозже я зайду к вам сам. А сейчас мне нужно приглядеть за отправкой партии специй.

– Удача проведет всюду, – сказал Холлик.

– Всюду, – согласился Туек, – а смутное время предоставляет широкие возможности для нашего дела!

Холлик кивнул, слышался слабый свист, воздух рядом с ним всколыхнулся... люк отворился. Он повернулся и, нырнув в него, оставил приемную.

Теперь он оказался в общем зале, куда его отряд привели адъютанты Туека. Длинный очень узкий зал вырезали в скале, ее гладкая поверхность свидетельствовала, что для этого пользовались лучевыми резаками. Потолок круто уходил вверх, следуя естественному изгибу скалы, чтобы обеспечить внутреннюю конвекцию и циркуляцию потоков воздуха. Вдоль стен стояли шкафы и стеллажи с оружием.

Холлик с гордостью отметил, что его люди – все, кто мог, – стояли, не ища себе отдыха в усталости и поражении. Медики контрабандистов сновали среди них, помогая раненым. Рядом были собраны лежаки. Около каждого раненого – сопровождающий из Атрейдесов.

«Обычай Атрейдесов заботиться о своих нерушим в них, крепок словно скала», – подумал Холлик.

Один из его лейтенантов шагнул вперед, доставая девятиструнный бализет из чехла. Стремительно отсалютовав, он сказал:

– Сир, врачи говорят, что Маттаи безнадежен. Здесь нет банков костей и органов, лишь простой фельдшерский пункт. Они говорят, Маттаи не протянет долго, и у него к вам просьба.

– Какая же?

Лейтенант подал ему бализет:

– Раненый хочет, чтобы вы песней облегчили его уход. Он говорит, вы ее знаете, он часто просил ее спеть. – Лейтенант судорожно сглотнул. – Она называется «Моя женщина», сир. Если...

– Я знаю. – Холлик взял бализет, выдернул медиатор из паза. Взяв мягкий аккорд, он услышал, что кто-то уже настроил инструмент. В глазах у него защипало, но он постарался забыть обо всем и, подбирая мелодию, шагнул вперед, растянув губы в улыбке.

Над носилками склонились несколько его людей и врач из контрабандистов. Один тихо запел, с легкостью подбирая давно знакомый мотив:

Ты стоишь у окна,
Волосы ниспадают на плечи, —
Вся ты – золотое солнце и ветер...
Руки... белые руки,
Обнимите меня!
Твои руки, белые руки,
Вы мои, вы ждете меня.

Певец замолк, протянул перевязанную руку и закрыл глаза человеку на носилках.

Взяв последний тихий аккорд, Холлик подумал: «Теперь нас осталось семьдесят три».

Семейную жизнь в «Императорских яслях» многим трудно понять, но я попытаюсь кое-что объяснить вам. Мне кажется, что у моего отца был только один настоящий друг – граф Хасимир Фенринг, генетический евнух, один из самых грозных бойцов Империи. Граф, уродливый щеголь, однажды привел к отцу новую рабыню-наложницу, и мать отправила меня проследить за происходящим. Все мы шпионили за отцом в целях самосохранения. Конечно, ни одна из рабынь-наложниц, разрешенных отцу по соглашению Бинэ Гессерит и Гильдии, не могла родить наследника, но кто-то все равно постоянно интриговал, и однообразие этих замыслов угнетало. Мы – моя мать, я и сестры – научились искусно избегать тончайших орудий убийства. И ужасно даже подумать такое, но я вовсе не уверена, что отец не принимал участия в некоторых покушениях. Императорская семья отличается от обычных.

Новая рабыня-наложница была рыжеволоса, как мой отец, гибка и изящна. У нее были мускулы балерины, а подготовка, вне сомнения, включала способность к обольщению на уровне нейронов. Мой отец долго смотрел, пока она позировала без одежды. Наконец он сказал: «Она слишком прекрасна. Лучшие сбережем ее в качестве подарка». Вы даже не представляете, какой ужас вызвало подобное самоограничение в «Императорских яслях». Коварство и самообладание, в конце концов, представляли наиболее смертельную угрозу для нас.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Поздним вечером Пол вылез из конденстента. Расщелина, в которую он втиснул их крошечный лагерь, погрузилась в глубокую тень. Он глянул через пески на дальний утес, размышляя, будить ли мать, еще спавшую в палатке.

Гребни за гребнями перед глазами... Тени вдали густели и казались осколками ночи.

Кругом равнина.

Ум его бессознательно искал какой-нибудь ориентир, но в дрожащем от жары воздухе не было видно ничего: ни цветка у ног, ни раскачивающейся от дуновения ветерка ветви поодаль. Только дюны да словно обтаявший камень дальнего утеса под блестящим серебристо-голубым небом.

«Что, если там окажется одна из заброшенных испытательных станций? – подумал он. – Вдруг там нет и фрименов, а растения, которые мы видим, выросли там сами?»

Джессика проснулась, повернулась на бок и поглядела через прозрачный торец палатки на Пола. Он стоял спиной к ней, и что-то в фигуре сына напомнило ей герцога. Почувствовав, как вздымается в душе волна горя, она отвернулась.

Позже, наконец, она подрегулировала конденскостью, пригубила воды из кармана палатки, выскользнула наружу и потянулась, чтобы взбодриться.

Не поворачивая головы, Пол сказал:

– Я начинаю наслаждаться тишиной, что царит здесь.

«Как быстро ум его приспосабливается к ситуации!» – подумала она и припомнила аксиому из кодекса Бинэ Гессерит: «Человеческий разум, если его вынудить, может развиваться в обоих направлениях, положительном и отрицательном, в сторону «да» и в сторону «нет». Считайте, что перед вами спектр, пределом которого является бессознательное с одной, отрицательной, стороны и гиперсознание с положительной стороны. И в какую сторону отклонится при воздействии разум, зависит от обучения».

– Здесь можно неплохо жить, – сказал Пол.

Она попыталась увидеть пустыню его глазами, принять как должное все трудности, представить себе те варианты будущего, которые могли открыться взгляду Пола. «Здесь, в пустыне, можно быть одному, – подумала она, – не боясь, что за спиной окажется кто-то... жить, не опасаясь охотника».

Она шагнула вперед, встала впереди Пола, приставила бинокль к глазам, отрегулировала масляные линзы и вгляделась в скалу перед ними. Правильно, сагуаро, колючий кустарник... в тени его – спутанная желто-зеленая трава.

– Надо собираться, – сказал Пол.

Джессика кивнула, подошла к выходу из расщелины, откуда вид на пустыню открывался более широкий, и резко вскинула бинокль к глазам. Впереди ослепительной белизной поблескивал окаймленный бурой коркой грязи солончак – белое поле, белизна которого говорила о смерти. Но котловина свидетельствовала и о другом – о воде. Когда-то она текла по этому, теперь ослепительно-белому, ложу. Джессика опустила бинокль, поправила бурнус, на мгновение прислушалась к движениям Пола.

Солнце клонилось все ниже. Солончак пересекли тени. Невероятное буйство красок запылало в стороне заката, а с другой стороны угольно-черные тени щупальцами потянулись по песку. Постепенно они росли, росли... и наконец тьма поглотила пустыню.

Звезды.

Джессика глядела вверх, когда к ней подошел Пол. Ночь словно тоже смотрела из пустыни вверх, на звезды, едва не взлетала к ним, освободившись от тяжелого груза дня. Легкий ветерок тронул лицо.

– Скоро взойдет первая луна, – сказал Пол. – Ранец собран, колотушку я уже поставил.

«Мы можем погибнуть здесь, – подумала она. – И никто не узнает».

Ночной ветерок вздымал песчинки, шелестящие по лицу, нес с собою аромат корицы, опутывал их во тьме облаками запахов.

– Понюхай, – сказал Пол.

– Чувствуется даже сквозь фильтр, – проговорила она. – Сокровища. Но на них не купишь воды. – Она показала на скалу напротив котловины. – Огней не видно.

– За этими скалами укрыт ситч фрименов, – сказал он.

Серебряная монетка первой луны выкатилась на небосклон справа от них. Она поднималась все выше, на диске угадывался отпечаток сжатой ладони. Джессика глядела на серебристо-белую полосу песка под нею.

– Я поставил колотушку в самой глубокой части ущелья, – сказал Пол, – когда зажгу свечу, у нас останется около тридцати минут.

– Тридцать минут?

– Прежде чем колотушка начнет звать... червя.

– Ох, я готова.

Пол скользнул в сторону, она услышала, как он поднимается вверх по расселине.

«Ночь словно тоннель, – подумала Джессика, – дыра в завтра... если завтра настанет для нас. – Она качнула головой. – Откуда эта хворь? Меня учили не этому!»

Пол вернулся, взял ранец, спустился вниз, к подножию первой дюны, и остановился, прислушиваясь к шагам матери. Он слышал ее тихие шаги – холодные камешки звуков, которыми пустыня отмеряла их жизнь.

– Надо идти без ритма, – сказал Пол, припоминая все, что он слышал – в памяти истинной и пророческой. – Посмотри, как я иду, – добавил он. – Так фримены ходят по пескам.

Он ступил на наветренную сторону дюны и зашагал вверх по пологой кривой, подволакивая ноги.

Шагов десять Джессика следила за ним, потом, подражая, отправилась следом. Она поняла смысл: шаги должны казаться естественным шорохом песка... как от ветра. Но мышцы возражали против этого рваного, искусственного ритма: шаг... шарк... шарк...

шаг... шаг... стоп... шарк... шаг. Время словно растянулось... Скала впереди, казалось, не приблизилась. А та, за спиной, еще была высока.

Тук! Тук! Тук! Тук!

Загрохотало позади них.

– Колотушка! – сквозь зубы прошептал Пол.

Она мерно стучала, и вдруг оказалось, что идти в другом ритме трудно.

Тук... тук... тук... тук...

Во всей залитой луной котловине отдавался этот гулкий стук. Вверх и вниз по осыпающимся дюнам: шаг... шарк... стоп... шаг... песчаные комки под ногами: шарк... стоп... стоп... шаг.

И ожидание: вот-вот раздастся знакомое шипение.

Оно зазвучало сперва так незаметно, что было едва различимо за звуками их собственных шагов. Но оно становилось все громче... громче... приближаясь с запада.

Тук... тук... тук... тук... – барабанила колотушка.

Шипение приближалось за их спиной откуда-то сбоку. Если повернуть голову, можно было увидеть движущийся холм над червем.

– Скорее, – шепнул Пол. – Не оглядывайся.

В тени у скал, откуда они вышли, послышался яростный скрежет. Он обрушился на уши гремящей лавиной.

– Скорее, – повторил Пол.

Он заметил, что они достигли той точки, откуда обе скалы, впереди и позади, казались одинаково далекими.

А за спиной в ночи яростно хлестал скалу червь.

Вперед... вперед... вперед... Мускулы болели... Казалось, эта мука продлится бесконечно... но манящие скалы впереди медленно росли.

Джессика шла сосредоточившись, как в пустоте, сознавая, что лишь одна воля гонит ее вперед. Глотка иссохла от жажды, но звуки за спиной не позволяли подумать об остановке даже на шаг, чтобы отхлебнуть глоток воды из карманов-уловителей конденскостюма.

Тук... тук.

Дальний утес словно взорвался, в бешеном грохоте колотушка умолкла.

Тишина...

– Быстрее, – шепнул Пол.

Она кивнула, понимая, что он не видит жеста, который предназначался ей самой, мышцам, до предела измотанным неестественным ритмом.

Сулящие безопасность скалы перед ними уже доставали до звезд. Пол заметил, что у подножья их простирается ровная полоса песка. Усталый, он ступил на нее, поскользнулся, непроизвольно топнул ногой, чтобы не упасть.

Громкое эхо сотрясло песок под ногами.

Пол на два шага отступил вбок.

Бум! Бум!

– Барабанные пески, – охнула Джессика.

Пол восстановил равновесие, мельком глянул вперед, на скалы, – сотни две метров. Позади слышался шорох – словно ветер, словно бурлящий поток... там, где совсем нет воды.

– Бежим! – взвизгнула Джессика. – Пол, бежим!

И они побежали.

Песок барабаном грохотал под ногами. А потом начался мелкий гравий. На какое-то время бег был отдыхом для мышц, ноющих от непривычно неритмичного движения. Бег привычен, в нем есть ритм. Но песок и гравий – плохая опора для ног. А шипение приближалось, как буря, готовая поглотить их.

Споткнувшись, Джессика упала на колени. Она ощущала теперь только усталость, ужас и неотвратимое приближение звука.

Пол потянул ее вверх.

Они побежали дальше, не выпуская рук друг друга.

Из песка перед ними вырос тонкий шест, они миновали его, увидели другой.

Лишь когда оба шеста остались за спиной, Джессика смогла изумиться.

Вот еще один... а за ним – трещина в скальной стене.

Еще один.

Скала!

Наконец она под ногами – жесткая поверхность! Ощущение это придало Джессике сил.

Глубокая трещина уходила в стену утеса перед ними. Они рванулись к ней, забились в ее узкое лоно.

Позади звук движения червя замер.

Джессика и Пол, оцепенев, глядели в пустыню.

Там, где кончались дюны, метрах в пятидесяти от скального подножия вздыбился серебристо-белый холм, весь в потоках песка и пыли. Он рос, становился все выше и выше. И вот в нем разверзлась гигантская ищущая пасть – черная круглая дыра, края которой поблескивали в лунном свете.

Пасть тянулась к ним, к расселине, где прижались друг к другу Джессика и Пол. В ноздри им ударил запах корицы. На хрустальных зубах червя поблескивал лунный свет.

Громадный рот сновал из стороны в сторону.

Пол затаил дыхание.

Джессика, сжавшись в комок, не отводила глаз.

Лишь напряженная концентрация, практикуемая Бинэ Гессерит, помогла ей осилить первобытный ужас, подавить наследственный страх, угрожавший переполнить ее разум.

Пол чувствовал душевный подъем. Только что через временной барьер он попал в еще более незнакомое ему место. Впереди – тьма, внутренний взор не в состоянии что-либо различить в ней.словно один шаг низвергнул его в колодец или, точнее, во впадину между двумя волнами времени, откуда будущее неразлично. Ландшафт коренным образом изменился.

Но обступившая его тьма, неизведанность времени не пугали его, напротив, все чувства словно обострились. Он понял, что впитывает и зрением, и прочими чувствами знания об этой твари, что поднялась из песков, разыскивая его. Пасть ее была метров восемьдесят в диаметре. Изогнутые кристаллы зубов, словно крисы, поблескивали вокруг... дыхание извергало густой запах корицы... альдегидов... кислот...

Червь ударил головой в скалу над ними, затмив свет луны. Дождь мелких камней и песка осыпался на их узкое укрытие.

Пол толкнул мать глубже в расщелину.

Корица! Запах ее заполнял все вокруг.

«Что общего у червя со специей – с меланжем?» – спросил он себя. И он вспомнил, как Лайет-Кайнс проговорился о связи червя и специи.

Барррууум!

Сухой гром прокатился откуда-то справа.

И снова: барррууум!

Червь втянулся обратно в песок, на мгновение застыл, поблескивая в лунном свете зубами.

Тук! Тук! Тук! Тук!

«Новая колотушка!» – подумал Пол.

Она загрохотала справа.

Дрожь пробежала по телу червя. Он оседал все глубже и глубже в песок. Аркой высилась теперь над песком пасть, словно вход в тянущийся под дюнами туннель.

Зашипел песок.

Тварь заползла еще глубже, повернулась боком и отступила. Осыпавшийся гребень потянулся обратно, в седловину между дюн.

Шагнув из трещины, Пол следил, как песчаная волна уползала в пустыню на зов другой колотушки.

Джессика последовала за ним, прислушиваясь.

Тук... тук... тук... тук.

Наконец звук прекратился.

Пол нащупал трубку в конденскостюме, выпил воды.

Джессика глядела на него, не в силах прийти в себя после пережитого ужаса.

– Он точно ушел? – прошептала она.

– Его позвали, – отвечал Пол. – Фримены.

Самообладание возвращалось к ней:

– Он так огромен!

– Поменьше того, что сожрал наш топтер.

– Ты уверен, что это были фримены?

– Они воспользовались колотушкой.

– Зачем им помогать нам?

– Может быть, они не помогали... просто позвали червя.

Ответ маячил на краю его сознания, но не шел на язык. Он чувствовал какую-то связь происходящего с телескопическими крючковатыми палками в ранце – с крюками делателя.

– Зачем им звать червя? – спросила Джессика.

Страх дыханием своим прикоснулся к его разуму, и он заставил себя отвернуться от матери, поглядеть вверх.

– Хорошо бы забраться туда еще до рассвета, – показал он. – Три шеста мы миновали, впереди еще несколько.

Она посмотрела по направлению его руки, заметила торчавшие в скале источенные ветром шесты и тень узкого карниза, загибавшегося к расщелине наверху.

– Ими отмечен путь на утес, – сказал Пол. Он забросил на плечи рюкзак, подошел к основанию карниза и начал подниматься.

Джессика передохнула, набираясь сил, потом последовала за ним.

Они карабкались вверх, следуя вехам, пока карниз не сузился в узкую полку, уходящую в темное ущелье.

Пол нагнулся вперед, чтобы заглянуть во тьму. Он чувствовал под ногами твердую скалу, но заставлял себя из осторожности медлить. В ущелье царила сплошная тьма. Она уходила вверх, к самым звездам. До ушей доносились вполне мирные, обычные звуки: тихий шелест песка, возня насекомых, топот убегающего зверька. Он проверил тьму перед собою ногой. Скала была покрыта песком. Медленно, дюйм за дюймом он обогнул угол, знаком поманил за собой мать. Ухватив ее за край одеяния, помог ей обойти выступ.

Оказавшись между двух стен в свете звезд, они огляделись. Мать казалась Полу смутной серой дымкой неподалеку.

– Если бы можно было рискнуть зажечь фонарь, – проговорил он.

– Помимо зрения есть и другие чувства, – отвечала она.

Скользнув ногой вперед, Пол перенес на нее вес, попробовал другой, встретил препятствие. Он поднял ногу, нащупал ступеньку, поднялся. Подавшись назад, он поймал руку матери и потянул ее за собой.

Еще ступенька.

– Скорее всего, лестница идет до самой вершины, – шепнул он.

«Невысокие ровные ступени, вне сомнения, дело рук человека», – решила Джессика.

Она следовала за Полом, нащупывая ступени. Скалы сужались, наконец, они почти коснулись ее плеч. Лестница закончилась небольшим ущельем около двадцати метров длиной, ровная подошва его выходила в узкую, залитую лунным светом котловину.

Ступив в нее, Пол шепнул:

– Что за дивное место!

Джессика, молча соглашаясь, смотрела из-за его плеча.

Несмотря на усталость, зуд от трубок и нософильтров, тесноту конденскостюма, несмотря на страх и жгучую потребность в отдыхе,

красота этой котловины тронула ее душу, она остановилась в восхищении.

– Прямо сказочная страна, – прошептал Пол. Джессика кивнула.

Перед ними простиралась плантация пустынных растений – кустов, кактусов... В лунном свете трепетали листья. Кольцо скал темнело слева и серебрилось по правую руку.

– Дело рук фрименов, – сказал Пол.

– Чтобы столько растений выжило здесь, требуется много людей, – согласилась она и, сняв колпачок с трубки кармана-уловителя, втянула в себя воду. Теплая, пресная влага смочила горло. Она отметила, как несколько глотков сразу освежили ее. Когда она надевала колпачок обратно, под ним хрустнул песок.

Что-то шевельнулось, обратив на себя внимание Пола, справа внизу, на дне котловины под ними. Сквозь заросли кустов и травы открывался клинышек каменистой песчаной почвы, а на нем – прыг-скок, прыг, перепрыг – копошились крошечные зверьки.

– Мыши! – шепнул он.

Прыг-скок-скок! Они то исчезали в тени, то появлялись вновь.

Мелькнула безмолвная тень... раздался отчаянный писк, захлопали крылья – и серым призраком крупная птица взлетела, сжимая в когтях темный комочек.

«Очень полезное напоминание», – подумала Джессика.

Пол вглядывался в открывшуюся котловину. Вдохнул, почувствовал сочащийся во тьме густой острый запах шалфея. «Пернатый хищник показал нам еще один путь из пустыни», – подумал он. Во впадине внизу наступила такая тишь, что казалось, можно услышать, как белая луна молоком обливает стоящие на страже сагуаро и акарсо. Тихий плеск лучей звучал здесь музыкой, первозданной гармонией Вселенной.

– Надо поискать место, где удобнее поставить палатку, – сказал он. – Завтра можем попытаться отыскать фриме...

– Незваные гости обычно жалеют о встрече с фрименами!

Тишину разрубил тяжелый мужской голос, донесшийся откуда-то сверху и справа.

– Пожалуйста, не бегите, чужаки, – продолжил голос, едва Пол пошевелился, чтобы укрыться в проходе. – Не расходуйте влагу ваших тел понапрасну.

«Им нужна влага нашей плоти», – подумала Джессика. Мышцы ее, забыв усталость, не выдавая перемены ни единым движением, обрели боевую готовность. Она с точностью определила положение говорившего и подумала: «Каковы! Даже я не услышала, как они подошли!» И тут же поняла, что шаги обладателя этого голоса оказались неслышными потому, что звуки их были естественны для пустыни.

От гребня слева донесся иной голос:

– Побейте, Стил. Забирай их воду – и пошли. До рассвета осталось недолго.

Менее подготовленный к опасностям, чем мать, Пол покраснел, вспомнив, что, пусть на мгновение, попытался бежать, что опять запаниковал, невзирая на все обучение. Он заставил себя припомнить правило Бинэ Гессерит: расслабиться, затем перейти в псевдорасслабление, а потом – вспышка, взрыв, удар в нужном направлении.

И все-таки он чувствовал страх. Было темное время, слепое... такого будущего он не видел: вокруг лихие фримены, которым нужна лишь вода двух не прикрытых щитами тел.

Религиозная традиция фрименов явилась основой того, что мы называем отныне «Опорой Вселенной»: ее Квизара Тафвид теперь среди нас со всеми законами, доказательствами и пророчествами. Они приводят с собой мистическое озарение Арракиса, для глубинной красоты которого характерна трогательная старинная музыка, несущая на себе печать нового пробуждения. Кто из нас не слышал «Гимн сердца», кто не был глубоко растроган им?

*Я избородил стопами пустыню
До дрожавших вдали миражей.
Жаждал славы, искал опасности.*

*Я бродил равнинами Аль-Кулаба
И видел, как время ровняет горы,
Пытаясь догнать и осилить меня.
И навстречу летели дни воробьями,
Быстрее, чем волк в последнем броске.
Они были листьями на дереве моей юности.
Я слышал их писк на ветвях,
И меня клевали их клювы и царапали их когти.*

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Человек выполз на гребень дюны – крошечная песчинка под утренним солнцем. От его джуббы остались только рваные лохмотья, сквозь прорехи виднелась кожа. Капюшон от плаща оторвали, но человек ухитрился соорудить себе тюрбан из подола. Из-под повязки свисали соломенного цвета пряди волос, торчала редкая бороденка и густые брови. Под абсолютно синими глазами чернели глубокие тени. Свалявшиеся волосы на бороде и усах отмечали место, где обычно торчала трубка конденскостюма.

Человек перегнулся через гребень, протянул руки вниз, на осыпь. На его руках, ногах и спине выступала кровь. Желто-серый песок лип к ранам. Он медленно оперся на руки и, покачиваясь, встал. И в этом неуклюжем движении еще заметны были следы былой отточенности.

– Я и есть Лайет-Кайнс, – обратился он к пустынному горизонту хриплым голосом – слабой карикатурой на бывшую его силу. – Я планетолог Его Императорского Величества, – уже прошептал он, – эколог планеты Арракис. Я – хранитель этой земли.

Он пошатнулся и боком повалился на хрупкую корочку с наветренной стороны дюны. Руки его слабо зарылись в песок.

«Я – хранитель этой земли», – подумал он.

Он понимал, что его лихорадит, что надо спрятаться в песок, найти в нем слой попрохладнее и укрыться в нем. Но он уже чувствовал сладковатое зловоние эфиров, выделявшихся из предспециевого пузыря, зреющего внизу, под песками. Такие места опасны. Он знал это получше, чем иной из фрименов. Раз

предспещиевая масса запахла, значит, давление газов в глубинной полости вот-вот вызовет взрыв. Отсюда следует убираться.

Руки его слабо скребли песчаную поверхность, ум пронзила четкая, ясная мысль: «Реальное богатство планеты заключается в ее ландшафте, в том, как мы используем этот основной источник цивилизации в агрикультуре».

И он подумал, как странно, что мозг, настолько привыкший к своей тропе, так и не может сойти с нее. Солдаты барона бросили его в песках, без воды и конденскостюма... кому-то приятно было думать, что он умрет именно так, погубленный собственной планетой или же в пасти песчаного червя.

«Харконненам всегда было сложно убивать фрименов, – подумал он. – Мы умираем медленно. Я уже должен был умереть... Я скоро умру... но я не могу перестать быть экологом».

– Высочайшим достижением экологии является постижение последствий.

Голос взволновал его, он узнал знакомые интонации... но владелец голоса был мертв. Это был голос отца, работавшего здесь планетологом до него, – давно уже мертвого, погибшего при обвале пещеры у котловины Пластыря.

– Ну что, попал в переделку, сын? – спросил отец. – Надо было заранее представлять последствия, когда взялся помогать ребенку герцога.

«Брежу», – подумал Кайнс.

Казалось, голос доносится справа, Кайнс ободрал лицо о песок, поворачивая голову в ту сторону, – ничего, только изогнутый склон дюны, над которым под испепеляющим солнцем пляшут демоны жары.

– Чем жизнеспособнее система, тем больше в ней ниш для жизни, – произнес отец на этот раз слева, откуда-то из-за спины.

«Чего это он ходит вокруг? – спросил себя Кайнс. – Не хочет, чтобы я увидел его?»

– Жизнь повышает способность системы к поддержанию жизни, – сказал отец, – жизнь делает доступнее необходимую пищу. Она связывает в системе больше энергии с помощью игры громадного количества химических взаимодействий между организмами.

«Что он все поет об одном и том же? – спросил себя Кайнс. – Все это я знал еще в десять лет».

Пустынные коршуны, могильщики, как и большинство животных этой земли, закружили над ним. Кайнс увидел, как по руке пробежала тень, и заставил себя приподнять голову повыше. Неясными пятнами, словно хлопья сажи на серебристо-синем небе, мелькали птицы.

– Мы должны уметь обобщать, – проговорил отец. – Проблему планетарного масштаба не набросаешь волосяными линиями. Планетология – это искусство подгонки по фигуре.

«Он намекает мне, – удивленно подумал Кайнс, – что я не заметил какого-нибудь из последствий».

Он вновь прижался щекой к раскаленному песку... К запаху предспециевой массы примешивался запах горячих камней. Из остатков логики в голове сложилась мысль: «Надо мной кружат могильщики. Быть может, кто-нибудь из фрименов увидит их и придет посмотреть».

– Для истинного планетолога самым важным инструментом являются люди, – сказал отец. – Их следует обучать экологической грамоте, поэтому я и изобрел эту совершенно новую форму экологических знаков.

«Он повторяет все, что говорил мне в детстве», – думал Кайнс.

Он стал мерзнуть, но остатки логики твердили: «Солнце над головой. На тебе нет конденкостюма, тебе жарко, солнце выпаривает влагу из твоего тела».

Его пальцы бессильно скребли песок.

«Не оставили мне и конденкостюма...»

– Наличие влаги в воздухе предотвращает слишком быстрое испарение из тела, – сказал отец.

«Ну что он все повторяет банальности?» – думал Кайнс.

Он попытался представить себе влажный воздух... Траву, покрывшую дюны, длинный канат, несущий воду через пустыню, деревья, склоняющиеся над ним. Открытой воды он никогда и не видел, разве что на иллюстрациях в книгах. Открытая вода... для полива... Для орошения одного гектара земли в период роста требуется пять тысяч кубических метров воды.

– Нашей первой целью на Арракисе, – сказал отец, – является создание травяных участков из мутировавших стойких трав. Когда

травяные поля свяжут влагу, можно будет перейти к высадке лесов на холмах, а затем появится несколько открытых водоемов, сперва небольших, цепочками по преобладающему направлению ветра, а позади них – ветровые ловушки, они заберут ту влагу, которую украдет ветер. Мы должны создать вместо сирокко влажные ветры, но от ветровых ловушек нам никогда не уйти.

«Эти вечные лекции, – подумал Кайнс. – Почему он все никак не заткнется? Или не видит, что я умираю?»

– И ты умрешь, – наставительным тоном сказал отец, – если не уберешься с того пузыря, что зреет как раз под тобою. Ты это и сам прекрасно знаешь, раз обоняешь предспециевые газы. Малые делатели начинают терять воду, выделять ее в реагирующую массу.

Мысль, что под ним вода, сводила с ума. Он представил себе ее – под слоем пористых скал, надежно закупоренную кожистыми полурастениями – малыми делателями, и тонкие трещины, по которым прохладнейшая жидкость, восхитительная вода вливалась в...

...предспециевую массу!

Он вдохнул терпкий сладковатый запах. Он стал гуще, чем был.

Кайнс заставил себя встать на колени, услышав над собой крики птиц, хлопанье крыльев.

«Вокруг специевая пустыня, – думал он, – вокруг даже днем должны быть фримены. Конечно же, они видят птиц и должны заинтересоваться».

– Движение в ландшафте необходимо для животной формы жизни, – сообщил было примолкший отец. – Мы должны использовать человека в качестве конструктивной экологической силы, он должен вводить адаптированные формы земной жизни. Тут – растение, там – животное, а здесь – человек, чтобы преобразить водяной цикл, создать новый тип ландшафта.

– Заткнись! – прохрипел Кайнс.

– Именно линии движения дали нам впервые ключ к связи между червем и специей, – сказал отец.

«Червь, – подумал Кайнс, ощущая прилив надежды. – Делатель точно придет, когда пузырь прорвется. Но у меня нет крюков... как влезть на большого делателя без них?»

Разочарование лишило его последних остатков сил. Вода так близко, всего в сотне метров под ним! И червь обязательно появится,

только нечем удержать его на поверхности и управлять им.

Кайнс повалился на песок, в продавленную им же самим яму. Горячий песок где-то далеко-далеко жег его левую щеку...

– Среда Арракиса обусловлена эволюцией местных жизненных форм, – заговорил вновь отец. – Не странно ли, что почти никто не отрывался от специи, чтобы заметить: на планете существует почти идеальный баланс кислорода, азота и углекислоты, и это без крупных участков растительности. Надо проследить энергетику планеты... безжалостный процесс, но тем не менее это процесс. В нем оказался разрыв? Его не может быть – значит, его занимает нечто. Наука и создается из множества фактов, которые кажутся очевидными, когда их объяснили. Я был уверен в существовании малого делателя – в глубине под песками, – задолго до того, как впервые увидел его.

– Пожалуйста, отец, прекрати эту лекцию, – шепнул Кайнс.

Рядом с его простертой рукой на песок опустился коршун. Кайнс видел, как он сложил крылья, боком глянул на него. Из последних сил он хрипло застонал... Птица отпрыгнула на два шага, но не отвела от него холодного взгляда.

– До сих пор люди и плоды их трудов словно болезнь поражали кожу любой планеты, – продолжил отец. – Природа компенсирует хворь – или ослабляет, или изолирует ее – и запускает тогда систему в замкнутом виде.

Коршун опустил голову, расправил крылья и вновь сложил их. Все внимание его теперь было обращено к бессильной руке.

Кайнс понял, что сил у него не осталось уже и на хриплый шепот.

– Историческая система взаимного мародерства и вымогательства прекращается здесь, на Арракисе, – сказал отец. – Нельзя бесконечно красть, не учитывая потребности тех, кто придет после тебя. Физические свойства планеты вписаны в ее экономические и политические анналы. Записи эти перед нами, и наш курс очевиден.

«Неужели он так и не прекратит? – подумал Кайнс. – Лекции, лекции, лекции... вечные лекции».

Коршун на шажок подпрыгнул к простертой руке; наклонив голову, глянул одним глазом, потом другим на открытую плоть.

– Арракис – планета монокультуры, – объявил отец, – только одной. И ее урожай обеспечивает правящему классу существование, которое правящие классы вели всегда и всюду во все времена, оставляя

крохи для прокорма человекообразной массы полурабов. И наше внимание привлечено к этим массам и крохам. Они гораздо более ценны, чем это предполагалось.

– Отец, я не слушаю тебя, – прошептал Кайнс, – уходи.

А потом снова подумал: «Мои фримены, конечно же, неподалеку, они не могут помочь, но птиц видят и придут, просто чтобы убедиться, нет ли здесь влаги».

– Народ Арракиса, труженики его, узнают, что цель наша в том, чтобы по здешней земле текли воды, – провозгласил отец. – Большинство их, конечно, будут лишь полумистически представлять, как мы собираемся этого добиться. Многие, не представляющие массовых ограничений, решат даже, что мы привезем сюда воду с какой-нибудь богатой ею планеты. Пусть они думают что угодно – это безразлично, пока они верят нам.

«Еще минута – я встану и скажу ему все, что о нем думаю, – решил Кайнс, – стоит и болтает вместо того, чтобы помочь».

Птица подскочила еще на шагок к оцепеневшей руке. Позади нее на пески опустились еще два коршуна.

– Религия и закон для масс должны быть едины, – сказал отец. – Акт неповиновения должен являться грехом и наказываться священством. Отсюда следует двойная выгода: объединение народа и усиление в нем повиновения и храбрости. Но полагаться мы должны не на храбрость отдельных личностей, а на храбрость населения в целом.

«Ну, куда же запропало это мое население, когда оно мне более всего необходимо?» – думал Кайнс. Собрав все силы, он чуть сдвинул ладонь, погрозив коршуна. Тот отскочил к товарищам, готовым взлететь в любую секунду.

– Наша эпоха получит ранг естественного феномена, – сказал отец. – Жизнь на планете – сложная ткань, сотканная из множества нитей. Изменения флоры и фауны в первую очередь будут определяться грубыми физическими силами, которыми мы манипулируем. Когда они установятся... впрочем, такие изменения сами станут управляющими факторами, и нам придется иметь дело и с ними. Имей в виду, кстати, что нам необходимо контролировать три процента поверхностной энергии... только три процента, чтобы система стала самовоспроизводящейся.

«Почему ты не помогаешь мне? – удивился Кайнс. – Вечно одно и то же: когда ты нужен, всегда тебя нет». Он хотел повернуть голову, глянуть на говорящего и взглядом заставить старика замолчать. Мускулы не повиновались ему.

Коршун шевельнулся. Он приблизился к ладони осторожными шажками, товарищи его наблюдали, якобы не выказывая интереса. Коршун остановился лишь в шаге от его ладони.

Глубочайшая ясность переполнила ум Кайнса. Он вдруг понял, что Арракис имеет возможность, которой отец так и не увидел. И варианты развития событий затопили его голову.

– Не может быть для твоего народа несчастья ужаснее, чем быть отданным в руки героя, – сказал отец.

«Просто читает мысли, – подумал Кайнс. – Ну и пусть... В мои ситчи уже разосланы предупреждения. Их-то ничто не остановит. Если сын герцога жив, его найдут и сохранят, как я и приказал. Женщиной, его матерью, они могут пренебречь, но мальчика сохраняют».

Коршун подпрыгнул ближе, готовясь клюнуть в ладонь. Наклонив голову, вглядывался в распростертую на спине плоть. И вдруг вытянул шею и с криком взмыл вверх. Прочие последовали за ним.

«Они пришли! – подумал Кайнс. – Пришли мои фримены!»

И тут в песке глухо заурчало.

Этот звук знал каждый. Любой фримен мог отличить его от издаваемых червем звуков, от всех шумов пустыни. Где-то в глубине под ним предспещиевая масса впитала достаточно воды и органики малых создателей и достигла критической стадии роста. Глубоко в песке образовался гигантский пузырь двуокиси углерода и устремился вверх, увлекая за собой вихрь пыли. Он вынесет наверх то, что формировалось в глуби, и утянет вниз все, лежащее на поверхности.

Коршуны кружили над ним, криками выражая разочарование. Они знали, что происходит. Как и любое рожденное в пустыне существо.

«А я рожден в пустыне, – думал Кайнс, – видишь меня, отец? Да, я рожден в пустыне».

Пузырь поднял его, лопнул, и он почувствовал, как пыльный вихрь охватывает его, затягивая в прохладную тьму, на мгновение ощущение прохлады и влаги принесли блаженство и облегчение. И пока родная планета убивала его, Кайнс успел подумать, что и отец, и

другие ученые равно не правы: во Вселенной главенствуют ошибка и случай. С этим могли согласиться и коршуны.

Пророчества и предвидения... Как проверить их перед лицом не получивших объяснения фактов? Усомнись и подумай еще раз над следующим: насколько волна предвидения, как называл ее Муад'Диб, предсказывает грядущее, не лепит ли будущее пророк в соответствии с пророчеством? Видит ли пророк будущее?.. Или же на самом деле он просто видит в нем слабое место – дефект, щель, которую можно расширить, разбить словом или решением, как резчик алмазов разбивает драгоценный камень ударом резца?

Принцесса Ирулан. «Мои впечатления о Муад'Диб»

«Забери их воду», – так крикнул этот мужчина. Пол подавил страх, глянул на мать. Обученным взором он отметил в ее мышцах напряженную готовность к бою, к молниеносному выпад.

– Жаль, если нам придется тратить силы, чтобы справиться с вами, – сказал голос над ними.

«Это тот, кто заговорил первым, – подумала Джессика, – их по меньшей мере двое – один справа, другой – слева».

– Сигноро хробоса сукарес хин манже ла пчагавас дой ме камавас беслас леле пал хробос! – на всю котловину крикнул тот, что справа.

Для Пола это была тарабарщина, но благодаря обучению Бинэ Гессерит Джессика узнала язык. Чакобсский, один из древних охотничьих языков. Тот, что наверху, спрашивал, не этих ли чужеземцев они ищут.

Внезапно наступило молчание. Лишь обрамленный ободком лик второй луны – голубой, с отливом слоновой кости, – внимательно вглядывался в котловину.

На скалах вдруг зашуршали шаги – сверху и по бокам... Темными тенями двигались люди.

«Их целый отряд!» – внезапно понял Пол.

Высокий человек в запятанном бурнусе появился перед Джессикой, прикрывающая рот полоса ткани была откинута в сторону, чтобы не мешать говорить... В боковом свете луны виднелась густая борода, а лицо и глаза тонули в тени капюшона.

– И кого же мы встретили, людей или джиннов? – спросил он.

Услыхав в его голосе усмешку, Джессика позволила себе каплю надежды. Этот голос привык командовать, тот самый голос, что обескуражил их, раздавшись в ночи.

– Похоже, люди, – сам себе ответил мужчина.

Джессика не видела – скорее ощущала внутренним зрением нож, запрятанный в складках его одеяния. И горько пожалела, что у них с Полом нет щитов.

– А говорить вы умеете? – спросил тот же голос.

В ответ Джессика вложила все королевское достоинство. Отвечать приходилось, но этот мужчина сказал еще слишком мало, чтобы можно было увериться в его культуре и слабостях.

– Кто окружил нас, словно разбойники в ночи? – требовательно спросила она.

Голова под капюшоном бурнуса вздрогнула, медленный поворот выдавал многое. Мужчина хорошо владел собой.

Пол скользнул прочь от матери, чтобы не создавать общую цель и увеличить поле деятельности для обоих.

Голова в капюшоне повернулась следом за Полом, в лунном свете блеснул клин лица. Джессика заметила острый нос и сверкающий глаз – темный-темный, без белка в нем, тяжелые брови, усы торчком.

– Похожий малец, – сказал тот. – Если вы бежите от Харконненов, быть может, вы найдете приют среди нас. Так как, малый?

Варианты промелькнули в голове Пола. Уловка? Или нет? Решать надо было немедленно.

– Зачем вам привечать беглецов? – жестко спросил он.

– Дитя, что думает и говорит как мужчина, – сказал высокий. – На твой вопрос, вали, я отвечу: мы не из тех, кто платит фай, водную дань, Харконненам. А потому я могу и приютить беглеца.

«Он понял, кто мы, – подумал Пол, – но в голосе этого человека кроется недосказанное».

– Я Стилгар, фримен, – сказал высокий, – это имя может развязать твой язык, парень?

«Знакомый голос», – думал Пол, вспоминая тот самый совет и появление этого человека, ищущего нож друга, убитого Харконненами.

– Я знаю тебя, Стилгар, – ответил Пол. – Я был вместе с отцом на совете, когда ты пришел за водой своего друга. Ты ушел оттуда с офицером моего отца, Дунканом Айдахо, вместо своего друга.

– А Айдахо бросил нас и вернулся к своему герцогу, – промолвил Стилгар.

Уловив разочарование в его тоне, Джессика приготовилась атаковать. Голос со скал позвал:

– Мы тратим время понапрасну, Стил.

– Это сын герцога, – сказал Стилгар, – именно тот, кого велел нам отыскать Лайет.

– Но... он ведь ребенок еще, Стил.

– Герцог был мужчиной, а этот парень воспользовался колотушкой, – сказал Стилгар, – и браво прошел путем Шай-Хулуда.

Джессика поняла, что о ней не ведется и речи. Приговор уже вынесен?

– У нас нет времени проверять, – запротестовал голос сверху.

– Но он может оказаться Лисан аль-Гаибом.

«Ждет предзнаменования!» – решила Джессика.

– А женщина? – сказал голос наверху. Джессика приготовилась. В этом голосе слышалась смерть.

– Да, женщина, – сказал Стилгар, – и ее вода.

– Ты знаешь закон, – отозвался голос из скал, – те, кто не умеет жить в пустыне...

– Тихо, – ответил Стилгар, – времена меняются.

– Так велел Лайет? – спросил голос.

– Ты сам слышал голос сайелаго, Джеемис, – сказал Стилгар, – что ты так пристал ко мне?

А Джессика подумала: «Сайелаго!» Ключ к языку открывал простор пониманию. Это был язык Илма и Фикха, а слово «сайелаго» означало летучую мышь, маленькое летающее млекопитающее. «Голос

сайелаго» значит, что они получили дистранс, – весть о них, приказ отыскать их с Полом.

– Но я напоминаю тебе о твоих обязанностях, друг Стилгар, – произнес голос сверху.

– Хранить силу племени – вот моя обязанность, – сказал Стилгар, – и единственная притом. И я не нуждаюсь в напоминаниях об этом. Этот мальчик-мужчина интересует меня. У него сытая плоть. Он воспитан на водах. Он жил вдалеке от отца-солнца. У него нет глаз Ибада. Но он говорит и поступает иначе, не как слабак с равнин. И его отец был таким. Как возможно это?

– Но мы не можем спорить с тобою всю ночь, – отозвался голос из скал, – если патруль...

– Успокойся, друг Джемис, своих слов я не буду тебе повторять.

Мужчина наверху промолчал, но Джессика слышала, как он спускался вниз, в котловину слева, перепрыгнув по пути расщелину.

– Голос сайелаго сообщил, что мы приобретем, если спасем вас обоих, – сказал Стилгар, – может быть, мальчик-мужчина силен, он еще может учиться, но что касается тебя, женщина... – Он поглядел на Джессику.

«Теперь я поняла и его голос, и суть, – подумала Джессика. Его можно было бы одолеть одним словом, но он сильный мужчина... свободный в своих поступках и непокоренный ценнее для нас. Посмотрим».

– Я мать мальчика, – отвечала Джессика, – и сила его, которая тебя восхищает, во многом результат моего обучения.

– Сила женщины может быть безгранична, – сказал Стилгар. – Такова она в Преподобной Матери. Ты – Преподобная Мать?

На мгновение Джессика отбросила в сторону предосторожность и ответила прямо:

– Нет.

– Ты знаешь обычаи пустыни?

– Нет, но многие считают мои знания драгоценными.

– Мы судим по собственным законам, – ответил Стилгар.

– Каждый человек имеет право на собственные суждения, – произнесла она.

– Хорошо, что ты понимаешь это, – сказал Стилгар. – У нас нет времени затевать здесь для тебя испытания, женщина. Ты понимаешь?

Мы не хотим, чтобы твоя тень навела потом на нас зло. Я возьму с собой мальчика-мужа, твоего сына, и он будет пользоваться моим покровительством, будет иметь убежище в племени. Но что касается тебя, женщина... здесь нет ничего личного. Просто правило, истисла, требует поступать в общих интересах. Достаточно понятно?

Пол сделал полшага вперед:

– О чем идет речь?

Стилгар окинул его взглядом, но все внимание его было уделено Джессике.

– Если ты от младенчества не воспитан в обычаях пустыни, то можешь погубить целое племя. Это закон, мы не можем позволять бесполезным...

Джессика словно бы в обмороке начала оседать на землю. Естественное движение для слабого инопланетянина. Но очевидное замедляет реакцию противника. Мгновение нужно, даже чтобы увидеть привычное в непривычном.

Заметив, что его правое плечо опустилось, рука потянулась в складки одеяния за оружием, она скользнула в сторону. Резкий поворот, взмах рук, кружение одежд – и вот она уже перед скалой, а мужчина беспомощно простерт перед ней.

При первом же движении матери Пол отступил на два шага. Едва она атаковала, он рванулся в тень. Путь ему преградил согнувшийся бородатый мужчина с ножом в руке. Пол взял его прямым резким выпадом в солнечное сплетение, отступил в сторону, повалил коротким ударом в основание черепа, не забыв подхватить выпавшее из руки оружие.

Потом Пол исчез в тени. Карабкаясь вверх, он вложил оружие в кушак. Он сразу узнал его, несмотря на странную форму, – метательное оружие. Этот факт говорил об отсутствии щитов.

«Теперь все внимание их будет обращено на Стилгара и мать. Она справится с ним. А я должен взобраться в удобное место, откуда можно будет угрожать им, и дать ей возможность скрыться».

Внизу, в котловине, резко зазвякали пружины, вокруг Пола засвистели метательные снаряды. Один из них задел его одеяние. Прижавшись к скале, он обогнул уступ, втиснулся в узкую трещину и полез вверх медленно, дюйм за дюймом – спина к одному краю расщелины, ноги – к другому, – так тихо, как умел.

Рев Стилгара отозвался в его ушах:

– Назад, пустоголовые блохи! Она сломает мне шею, если вы подойдете ближе.

Из котловины донесся голос:

– Но мальчишка сбежал, Стил, что нам де...

– Конечно, он убрался, пескомозглые... ух-х! Полегче, женщина.

– Прикажи, чтобы они перестали преследовать моего сына, – сказала Джессика.

– Они уже прекратили. Он убрался, как ты и задумывала. Великие боги под нами! Почему ты сразу не сказала, что ты колдунья и воин?

– Пусть твои люди отойдут, – сказала Джессика, – назад во впадину, где их будет видно... и пожалуйста, поверь, что я и так знаю, сколько вас здесь.

А сама подумала: «Очень опасный момент, но если он настолько проницателен, как представляется мне, у нас будет шанс».

Пол продвинулся чуть вверх, нащупал узкий карниз, на котором он мог бы отдохнуть и с которого была видна вся котловина.

– А если я откажусь? Как ты мо... ух-х-х! – Снова послышался голос Стилгара. – Пусть будет по-твоему, женщина. Мы не желаем тебе зла. Великие боги! Если ты можешь сделать такое с сильнейшим из нас, ты будешь для нас в десять раз дороже всей своей воды.

«А теперь проверка разума», – подумала Джессика и спросила:

– Ты ищешь Лисан аль-Гаиба?

– Вы можете оказаться теми, о ком говорит легенда, – сказал он. – Но поверю я в это, когда все будет проверено. Сейчас я знаю лишь, что вы заявили сюда со своим глупым герцогом... Эй-и-и! Женщина, я не боюсь смерти. Он был отважен и благороден, но с его стороны было глупостью соваться под кулак Харконненов!

Тишина.

Наконец Джессика сказала:

– У него не было выбора, но не будем спорить об этом. А сейчас прикажи твоему человеку перестать целить в меня из-за того куста, или я избавлю Вселенную от тебя, а потом позабочусь о нем.

– Эй, там! – заревел Стилгар. – Слышали, что она говорит?

– Но Стил...

– Делайте, как приказала она, вы, помет ящерицы, червелицы и пескомозглые тупицы! Делайте, иначе я помогу ей расправиться с

вами! Разве не видите – этой женщине нет цены?

Человек поднялся из-за куста, опустил оружие.

– Он повиновался, – сказал Стилгар.

– А теперь, – сказала Джессика, – объясни всем в этой котловине, чего ты ждешь от меня. Я не хочу, чтобы какой-нибудь юный сорвиголова наделал дурацких ошибок.

– Когда мы приходим в деревни и города, мы вынуждены скрывать свое происхождение, прятаться среди людей котловин и грабенов, – сказал Стилгар. – Мы приходим туда без оружия, ведь крис священен. Но эта женщина владеет колдовским искусством боя. О таком мы только слыхали, и многие не верили, но как можно не верить тому, что видишь собственными глазами! Она справилась с вооруженным фрименом, подобное оружие не откроет никакой обыск.

Слова Стилгара попали в цель, и в котловине зашевелились.

– А если я соглашусь обучать вас... колдовскому бою?

– Мое покровительство и тебе и сыну.

– Как могу я увериться в твоих словах?

В голосе Стилгара убежденность сменилась легкой горечью:

– У нас здесь, женщина, нет бумаги для контрактов. И мы не даем вечером обещаний, которые собираемся забыть до рассвета. Мужчина сказал «да» – вот и контракт. Как предводитель своих людей я даю тебе слово. Учи нас колдовскому бою – и тебе обеспечена безопасность среди нас, пока пожелаешь. И твоя вода смешается с нашей водой.

– Ты говоришь от лица всех фрименов? – спросила Джессика.

– Со временем, может быть. Но только мой брат, Лайет, говорит от лица всех фрименов. Здесь я гарантирую сохранение вашей тайны. Мои люди не станут говорить о вас в других ситчах. Харконнены вернулись на Дюну со многими силами... ваш герцог мертв. О вас говорят, что вы оба погибли в матери-буре. Охотник перестанет разыскивать мертвую дичь.

«Он обещает безопасность, – подумала Джессика. – Но у них неплохая связь, и если послать сообщение...»

– Думаю, за наши головы назначена награда, – сказала она.

Стилгар молчал, и она почти видела эти мысли в его голове, ощущая движения мускулов под своими руками. Наконец он проговорил:

– Я дал тебе слово от лица своего племени. Теперь мои люди знают цену тебе. А что могут посулить нам Харконнены? Свободу? Ха! Нет, ты – таква, которая для нас дороже всей специи в сундуках Харконненов.

– Значит, я научу вас моему умению биться! – произнесла Джессика, чувствуя ритуальную напряженность собственных слов.

– Теперь ты отпустишь меня?

– Да будет так, – отвечала Джессика, выпустив его из захвата, поднявшись перед замершим в котловине отрядом. «Вот испытание машад, – подумала она, – но если я умру, Пол будет знать о них правду».

В наступившем ждущем молчании Пол чуть нагнулся вперед, чтобы лучше видеть мать. Шевельнувшись, он услышал вдруг чье-то дыхание, увидел вверху, в расселине, смутный силуэт.

Из котловины прогремел голос Стилгара:

– Эй, наверху, перестаньте охотиться за мальчишкой. Он спускается.

Из тьмы над Полом раздался голос мальчика или девочки:

– Но, Стил, он не может быть далеко от...

– Я сказал, оставь его, Чани! Оставь, дочь ящерицы!

Над головой Пола возмущенный голос тихо прошептал:

– Назвать меня дочерью ящерицы!

Но тень исчезла. Пол теперь вновь наблюдал в котловине за движениями смутной тени Стилгара возле матери.

– Идите, все! – позвал Стилгар. Он обернулся к Джессике: – А теперь я спрошу, как мы удостоверимся в том, что ты собираешься выполнять свою половину сделки? Ты привыкла иметь дело с бумагами и пустыми контрактами, и подобные...

– Мы, Бинэ Гессерит, так же, как и вы, верны своему слову.

После недолгого молчания раздался многоголосый шепот: ведьма-гессеритка. Достав отобранное оружие из мешка, Пол прицелился в темную фигуру Стилгара. Но и он сам, и все остальные недвижно глядели на Джессику.

– Прямо как в легенде, – сказал кто-то.

– Говорили, что Шадут Мейпс именно это и сообщала о вас, – сказал Стилгар, – но такие важные вести надлежит проверять. Если ты

и есть Дочь Гессера из легенды, и сын твой поведет нас в рай... – Он пожал плечами.

Джессика вздохнула, подумав: «Значит, Миссионария Протектива успела разместить клапаны религиозной безопасности повсюду в этой адской дыре. Ах, ну... это полезно и для того и предназначено».

Она ответила:

– Провидица, принеся вам легенду, сделала это, связанная карамой и иджазом, чудом и открытостью для пророчества... это мне известно. Вам нужен знак?

Ноздри Стилгара расширились.

– Сейчас не время для слов обряда, – прошептал он.

Джессика припомнила карту, которую ей показывал Кайнс, когда они намечали пути для бегства при необходимости. Казалось, это было настолько давно... Там было название «ситч Табр», а возле него подпись – «Стилгар».

– Продолжим, когда придем в ситч Табр, – сказала она.

Эти слова потрясли его, и Джессика подумала: «Если бы он только знал, какие фокусы мы используем! Она хорошо поработала здесь, сестра из Миссионарии Протективы. Фримены великолепно подготовлены к тому, чтобы поверить в нас».

– Пора идти. – Стилгар неловко пошевелился. Она кивнула, давая ему понять, что в путь они тронутся лишь с ее разрешения.

Он посмотрел на утес, почти на тот карниз, где прятался Пол.

– Эй, парень, можешь слезать! – Переводя взгляд на Джессику, он извиняющимся тоном проговорил: – Твой сын поднял такой шум, пока лез, ему следует еще многому научиться, чтобы не ввергнуть нас в беду, но он еще молод.

– Вне сомнения, мы можем многому научиться друг у друга, – ответила Джессика, – кстати, посмотри, что там с твоим приятелем, мой неуклюжий сын грубо обошелся с ним, отбирая оружие.

Стилгар повернулся, так что вздернулся капюшон:

– Где он?

– Там, за кустами, – показала она.

Стилгар окликнул двоих:

– Посмотрите. – Оглядел стоящих. – Не хватает Джемиса. – Он повернулся к Джессике: – И твой сын обучен колдовскому бою?

– И заметь, что он даже не шевельнулся, когда ты приказал, – произнесла Джессика.

Посланные Стилгаром двое вернулись, поддерживая третьего, спотыкавшегося и задыхавшегося. Стилгар мельком глянул на них, вновь повернулся к Джессике.

– Сын будет слушать только тебя? Хорошо. Знает и дисциплину.

– Пол, теперь можно спускаться, – сказала Джессика.

Пол выступил из скрывавшей его расселины на лунный свет, спрятал отобранное оружие в нагрудную сумку. Он повернулся, и навстречу ему от скал отделился другой силуэт.

В лунном свете, рассеянном серыми скалами, перед Полом предстала тоненькая фигурка, под капюшоном смутно проступило лицо, а из складок одеяния выглядывало дуло нацеленного на Пола оружия.

– Я Чани, дочь Лайета. – Искрящийся голос, полный смеха. – Я не разрешала тебе нападать на моих спутников.

Пол сглотнул. Фигурка перед ним выступила на свет, и он увидел лицо эльфа с темными озерами глаз. Это лицо тысячу раз видел он в своих снах, когда пробуждалось предзнание. Потрясенный Пол умолк. Он вспомнил собственную браваду, гнев, с которым когда-то описывал Преподобной Матери Гайе Елене Мохайем это лицо: «Я еще встречу эту девушку».

И вот она перед ним, но такой встречи он никогда не видел.

– Ты шумел, как разгневанный Шай-Хулуд, – сказала она, – и поднимался сюда самым трудным путем. Следуй за мной, я покажу тебе путь полегче.

Оступаясь, он выбрался из расщелины, следуя за ее развевающимся одеянием. Она спускалась, словно газель, легко пробирающаяся по скалам. Кровь бросилась Полу в лицо, он был рад, что никто его не видит.

Эта девушка! Словно прикосновение судьбы! Его тело охватила волна радости, поглотившая все чувства.

На дне котловины их окружили фримены.

Джессика сухо улыбнулась Полу, но обратилась к Стилгару:

– Нам есть чему поучить друг друга. Надеюсь, и ты, и твои люди не будут сердиться на нас за этот бой. Он казался... необходимым. Ты собирался... сделать ошибку.

– Удержать от ошибки – это райский дар, – сказал Стилгар, тронув свои губы левой рукой, другой он достал из сумки Пола добытое оружие и перебросил его спутнику. – У тебя будет свой пистолет-маула, парень, когда ты заслужишь его.

Пол было хотел заговорить, но не решился, вспоминая урок матери: «Начало – сколь деликатна эта пора!»

– Необходимое оружие у моего сына есть, – ответила за него Джессика и поглядела на Стилгара, взглядом напоминая, как достался сыну пистолет.

Стилгар посмотрел на побежденного Полом. Он стоял в стороне и тяжело дышал, опустив голову.

– Ты – трудная женщина, – проговорил Стилгар, протянув правую руку спутнику, он прищелкнул пальцами. – Крушти бакка те.

«Опять чакобсский», – поняла Джессика.

Спутник передал ему два квадратных куска газовой ткани. Пропустив их сквозь пальцы, Стилгар завязал один на шее Джессики, под капюшоном. Другой точно так же повязал на шее Пола.

– Теперь на тебе платок-бакка, – сказал он, – если ты отобьешься от нас, по нему поймут, что ты из ситча Стилгара. А об оружии поговорим позже.

Он двинулся среди людей, оглядывая их, ранец Пола с фримплектом он передал кому-то нести.

«Бакка, – думала Джессика, узнавая религиозный термин, – бакка – плакальщица. – Она поняла, платок этот – знак племени. – Почему же их объединяет плач?»

Чани прикоснулась к руке Пола:

– Пойдем, ребенок-мужчина.

Спрятав гнев, Пол ответил:

– Меня зовут Пол, и хорошо, если ты...

– Мы еще дадим тебе имя, мужчина, – сказал Стилгар, – во время михны, в испытании акль.

«Испытание разума», – перевела Джессика. Следовало немедленно доказать им зрелость Пола, и она громко отчеканила:

– Мой сын уже прошел испытание гом джаббаром.

В наступившей тишине Джессика поняла, что поразила их в самое сердце.

– Да, многого мы еще не знаем друг о друге, – сказал Стилгар. – Но мы опаздываем. День и солнце не должны застать нас на равнине. – Он подошел к фримену, побежденному Полом, и спросил: – Джемис, идти можешь?

Тот пробурчал:

– Вот неожиданность, чтобы такой мальчишка... Просто случайность. Я могу идти.

– Это не случай, пойми, – отвечал Стилгар. – Будешь помогать Чани оберегать парня. Я беру под опеку их обоих.

Джессика поглядела на Джемиса. Судя по голосу, это он спорил со Стилгаром там, в скалах. И его слова грозили им смертью. Теперь Стилгар считал необходимым подтвердить свой приказ.

Испытующе осмотрев своих людей, Стилгар рукой поманил к себе двоих:

– Ларус и Фарух, пойдете последними. Приглядите, чтобы следов не осталось. Предосторожность не лишняя, ведь с нами теперь двое необученных. Пойдем цепочкой с фланговыми... в путь. В пещеру Хребтов нам нужно поспеть до рассвета.

Джессика шагала возле Стилгара, пересчитав идущих по головам. Фрименов было сорок, вместе с ней и Полом стало сорок два. Она подумала: «Выучка воинского отряда, даже у девушки... Чани».

Пол занял место в цепочке за спиной Чани. Он позабыл уже ту неловкость, которую почувствовал, когда девушка захватила его врасплох. Ему все вспоминались слова матери: «Мой сын испытан гом джаббаром!» Рука не забыла еще давнюю боль.

– Смотри, куда идешь, – прошипела Чани. – Вот заденешь куст – и на ветках, на листьях останется нитка и выдаст нас.

Пол, сглотнув, кивнул.

Джессика прислушалась к шуму шагов – свои она слышала, поступь Пола тоже – и дивилась бесшумной поступи фрименов. Сорок человек беззвучно пересекали котловину... словно призрачные фелюги, одеяния их парусами реяли во мраке. Путь их лежал в ситч Табр... ситч Стилгара.

Она задумалась о самом этом слове – «ситч». Слово из древнего охотничьего языка, чакобское, прошедшее без изменения бессчетные столетия. Ситч – «место сбора во время опасности».

Глубокие ассоциации, связанные с самим словом и со всем языком, только начинали доходить до нее теперь, когда опасность была позади.

– Хорошо пошли, – сказал Стилгар. – Милостью Шай-Хулуда мы достигнем пещеры Хребтов еще до рассвета.

Джессика кивнула, сберегая силы. Она ощущала ужасную усталость, лишь силой воли сдерживая ее, и – она призналась себе – вдохновение. Этим людям нет цены – об этом говорило ей все увиденное, мельчайшие подробности его.

«Фримены, – думала она, – они же все воины, цивилизация бойцов. Бесценный дар судьбы для изгоя-герцога!»

Фрименам всегда в высшей степени было присуще то качество, которое древние называли «spanning-sbogen» – привычка, ощутив желание, не спешить с его удовлетворением.

Принцесса Ирулан. «Мудрость Муад'Диб»

К пещере Хребтов они подошли, едва засветлело. В котловину вела расщелина столь узкая, что временами приходилось протискиваться боком. В утренней мгле Джессика успела заметить, как Стилгар отрядил караул, охрана немедленно полезла по скале вверх.

Пол ступал, подняв голову, – муравей в разодранной шкуре планеты, не отрывавший глаз от серо-синего неба над головой.

Чани поторопила его, потянув за одеяние:

– Скорее, светает!

– А те люди, куда они полезли по утесам? – шепнул Пол.

– Первая дневная стража, – ответила она. – Поторапливайся же!

«Караул снаружи, – подумал Пол. – Мудрое решение. Но разве не разумнее подходить к пещере отдельно, небольшими группами? Меньше шансов потерять весь отряд. – Он задержался на этой мысли: – Такие думы – думы партизана...»

Он вспомнил, что этого-то и боялся отец: Дом Атрейдесов не должен стать партизанским.

– Скорее, – шепнула Чани.

Пол прибавил шаг, позади шелестели на ходу балахоны. Он припомнил слова сирата из крошечной О. К. Библии, подарка Юэ.

«Райские кущи по правую руку, жерло Ада – по левую, и Ангел Смерти гонится по пятам», – прозвучала в его голове цитата.

Они обогнули угол, проход расширился. Стилгар отступил в сторону, наблюдая, как скрывался в низком, уходящем в скалу коридоре его отряд.

– Живо! – прошипел он. – Если патруль застигнет нас, перебьют, словно кроликов в клетке.

Пригнув голову, Пол следом за Чани вступил в узкий коридор и очутился в пещере, освещенной сероватым светом, лившимся откуда-то сверху.

– Можешь выпрямиться, – сказала она.

Разогнув спину, Пол принялся рассматривать окружающее, широкое и глубокое пространство, невысоким куполом уходящее над головами вверх. В полутьме цепочка рассыпалась. Пол видел, как мать отошла в сторону, внимательно вглядываясь в собственных спутников. Как она отличалась от них, пусть на ней было точно такое же одеяние! В изящной фигуре угадывалась мощь.

– Найди себе уголок для отдыха и не путайся под ногами, дитя-мужчина, – произнесла Чани. – Вот еда. – Она протянула ему два обернутых в листья свертка. От них несло специей.

Стилгар подошел к Джессике сзади, крикнул стоявшим слева:

– Прикройте вход и позаботьтесь о водной дисциплине! – Он обернулся к другому фримену: – Лемил, принеси свет шары. – Потом взял Джессику за руку. – Хочу кое-что показать тебе, таинственная женщина. – Он повел ее за собой, обогнув скалу, навстречу источнику света.

Перед Джессикой вдруг оказалось широкое отверстие, окно в котловину, простиравшуюся километров на десять-двенадцать. Ее обступали высокие скалы. Повсюду виднелись скудные заросли.

В этот момент из-за дальней гряды вынырнул край солнца, озарив бурый песок и скалы, разогнав предутреннюю дымку.

– Солнце Арракиса, – отметила она, – всегда словно выпрыгивает из-за горизонта.

«Ведь я хочу, чтобы оно не вставало, должно быть, потому, – подумала она, – что ночью безопасней, чем днем. – И ей вдруг захотелось увидеть радугу, здесь, в краях, никогда не знавших дождя. – Надо гнать такие желания, это слабость! Здесь я не могу позволить себе быть слабой».

Стилгар стиснул ее руку, показал в сторону котловины:

– Смотри туда! Перед тобою истинные друзья!

Поглядев в сторону, куда показывала его рука, она заметила движение. Со дна котловины уходили люди, поспешно прячась от солнечного света в тених у дальней скалы. Чистый воздух позволял видеть их движения. Она извлекла из-под одеяния бинокль, сфокусировала масляные линзы на далеких фигурах... Поверх конденсостюмов мотыльками трепетали шарфы.

– Это дом, – сказал Стилгар, – мы придем туда ночью. – Пощипывая усы, он разглядывал котловину. – Мои люди задержались на работах. Значит, поблизости нет патрулей. Позже я просигналю им, чтобы подготовились.

– Твои люди дисциплинированы, – отозвалась Джессика. Она опустила бинокль, заметив, что Стилгар глядит на него.

– Они повинуются, ведь племя хочет жить, – сказал он. – Для этого мы выбираем предводителя, сильнейшего из нас, того, кто обеспечит и безопасность, и воду.

Он посмотрел ей в глаза.

Она выдержала этот взгляд, привычно отметив про себя обведенные темным глаза без белков, пыль на бороде и усах, трубку от нософилтров, уходящую в конденсостюм.

– Значит, своей победой я поставила под сомнение твое лидерство, Стилгар? – спросила она.

– Ты не вызывала меня на поединок, – ответил он.

– Но предводителя все должны уважать, – заметила она.

– Среди этих песчаных блох не найдется такого, с кем бы я не справился, – проговорил Стилгар. – Победив меня, ты победила всех нас. А сейчас они хотят научиться у тебя... тайным путям... А некоторым любопытно узнать, вызовешь ли ты меня.

Она взвесила последствия:

– То есть брошу ли тебе формальный вызов?

Он утвердительно кивнул:

– Я бы не советовал, за тобой они не пойдут. Ты не из рожденных в песках. Они видели это сегодня ночью.

– Практичный народ, – произнесла она.

– Именно. – Он глянул в сторону котловины. – Свои нужды мы знаем. Но не все будут столь глубокомысленны здесь, рядом с домом. Мы слишком долго проболтались, выплачивая вольным торговцам свою долю специй, которую мы собирали для проклятой Гильдии... Чтоб их лица навек почернели!

Не успев отвернуться от Стилгара, Джессика заглянула ему в глаза:

– Гильдия? Какое дело Гильдии до вашей специй?

– Повеление Лайета, – сказал Стилгар. – Нам известны причины, но выполнять его от этого не слаще. Мы платим Гильдии чудовищную дань специей, чтобы в нашем небе не болталось ни единого спутника, чтобы никакой шпион не мог подглядеть, что мы делаем на поверхности Арракиса.

Тщательно взвешивая услышанное, она припомнила, Пол называл ей в палатке именно эту причину.

– А что вы делаете на поверхности Арракиса, втайне от чужих глаз?

– Изменяем ее... пусть медленно, но верно приспособливаем планету для жизни людей. Наше поколение не дождетсЯ хорошей жизни... и наши дети, и наши внуки, и внуки внуков... но такое время настанет! – Затуманившись взглядом он окинул котловину. – Здесь будет и открытая вода, люди смогут свободно ходить без конденскостюмов.

«Об этом мечтал и Лайет-Кайнс», – подумала она и сказала:

– Подкуп – дело рискованное. Выплаты имеют обыкновение увеличиваться.

– Они растут, – согласился Стилгар, – но медленный путь надежнее.

Джессика повернулась, поглядела на котловину, пытаясь воображением угнаться за Стилгаром. Но увидела лишь горчичного цвета пятно на месте далеких скал и внезапное дрожание воздуха над ними.

– Ах-х, – произнес Стилгар.

Сперва ей показалось, что в воздухе завис патрульный топтер, но потом она поняла, что видит мираж, парящий в небе пустынный ландшафт. На заднем плане его колыхалась какая-то зелень, а впереди, по пескам, прямо по поверхности, полз длинный червь. На спине его она заметила группу фрименов в развевающихся одеяниях!

Мираж растаял.

– Конечно, ездить верхом легче, – произнес Стилгар, – но мы не можем пустить делателя в эту котловину. Поэтому ночью снова придется идти пешком.

«Делатель – так они называют червя», – подумала она.

До нее дошел глубинный смысл его слов. Он сказал, что фримены не могут пустить червя в котловину. Значит, она не ошиблась: на спине гигантского червя ехали фримены. С громадным усилием ей удалось скрыть потрясение.

– Надо возвращаться к остальным, – сказал Стилгар, – не то мои люди решат, что мы здесь любезничаем. Некоторые уже и так завидуют, что мои руки трогали твои прелести там, в котловине Туоно, когда мы боролись.

– Довольно об этом! – отрезала Джессика.

– Извини, – мягким голосом произнес Стилгар. – Мы не берем женщин против их воли... что касается тебя, – он передернул плечами, – то и это условие, разумеется, излишне.

– Все-таки запомни, что я была дамой герцога, – сказала она более спокойным тоном.

– Как хочешь, – ответил он. – Пора прикрыть это отверстие, чтобы люди могли отдохнуть от конденкостюмов. Сегодня им необходим отдых. Завтра семьи не дадут им передохнуть.

Воцарилось молчание.

Джессика глядела на солнце. В голосе Стилгара она услышала то, что и должна была услышать... невысказанное предложение большего, нежели просто покровительство. Ему нужна жена? Она поняла, что вполне могла бы привязаться к нему, быть с ним рядом. И никакой распри, борьбы за лидерство – просто союз мужчины и женщины.

Но что тогда станет с Полом? Кто знает, каковы здесь отношения родителей и детей? А ее еще нерожденная дочь, эмбрион, которому лишь несколько недель? Дочь покойного герцога. И она подумала об

этом ребенке, растущем в ней, о причинах, побудивших ее понести. Она не обманывала себя, просто тогда она дрогнула, подчинилась глубочайшей потребности жизни перед лицом смерти: отыскать бессмертие в детях. Тяга живых существ к деторождению оказалась тогда сильнее.

Джессика поглядела на Стилгара, он, выжидая, смотрел на нее. Какая судьба ждет здесь ее дочь, если она родится в семье этого мужчины, спросила она у себя. «И еще мои потребности, образ жизни, который должна вести Дочь Гессера, не воспротивится ли он этому?»

Стилгар кашлянул, и оказалось, что некоторые из причин ее нерешительности он понимает.

– В предводителе важно то, что делает его вождем, – понимание обычаев его народа. Если ты обучишь меня своему искусству, быть может, настанет день, когда одному из нас придется сделать вызов, а другому принять. Я бы предпочел иной путь.

– Есть ли у нас выбор? – спросила она.

– Сайидина, – ответил он, – наша Преподобная Мать, стара.

Их Преподобная Мать!

Прежде чем она успела обдумать его слова, он произнес:

– Не думай, что я навязываюсь в мужья. Не хочу обидеть – ты прекрасна и желанна. Но если ты станешь одной из моих женщин, кое-кто из молодежи начнет думать, что я более озабочен удовольствиями плоти, нежели нуждами племени. Даже сейчас они подслушивают нас и следят за нами.

«Этот мужчина привык взвешивать решения, думать об их последствиях», – подумала она.

– А среди моих молодых парней есть и вступившие в буйный возраст, – сказал он. – С ними приходится обращаться помягче. Лучше не давать им причин для вызова. Иначе мне придется резать их и убивать. Ни один вожак не выберет этот путь, если может с честью уклониться от него. Предводитель делает из толпы народ – не один, конечно. Он поддерживает уровень индивидуальности. Когда личностей слишком мало – народ снова становится толпой.

Слова Стилгара, глубина мыслей, манера говорить, обращаясь и к ней, и к тем, кто втайне подслушивал, заставили ее изменить мнение об этом человеке.

«Какое глубокое ощущение собственного достоинства! – подумала она. – Где он учился этой внутренней уравновешенности?»

– Закон, по которому фримены выбирают своих вожаков, справедлив, – сказал Стилгар. – Но отсюда не следует, что люди всегда нуждаются именно в справедливости. Теперь более всего нам необходимо время для роста и процветания, чтобы наш народ умножался в числе и обширнее заселял пустыню.

«Кем были его предки? – подумала она. – Кто дал ему такое воспитание?»

И произнесла вслух:

– Стилгар, я недооценивала тебя.

– Я подозревал это, – согласился он.

– Мы оба явно недооценивали друг друга.

– Хотелось бы положить этому конец, – проговорил он. – Я бы хотел дружбы... и доверия. Я бы хотел взаимного уважения, которое возникает в сердце, не требуя всей сексуальной возни.

– Понимаю, – ответила она.

– Ты доверяешь мне?

– Я слышу искренность твоих слов.

– Среди нас принято, – произнес он, – особо чтить сайидин, если они не предводительствуют племенем. Они учат. Они вливают сюда высшую силу. – Он прикоснулся к груди.

«А теперь следует поразузнать о тайне Преподобных Матерей», – подумала она и сказала:

– Ты говорил о вашей Преподобной Матери, я слышала слова легенды и пророчеств...

– Да, они говорят, что ключи от счастья в руках Дочери Гессера и ее отпрыска.

– Ты веришь в то, что это я и есть?

Она следила за его лицом, припоминая: «Росток так легко погубить! Начало – время большой опасности».

– Мы еще не знаем этого, – ответил он.

Она кивнула, размышляя: «Он достойный человек. Ему известен знак, который я должна дать, но он не станет искушать судьбу, называя его».

Повернув голову, Джессика поглядела вниз, в котловину, на золотые, пурпурные тени, в дрожащую над ней пелену пыльного

воздуха. Разум ее вдруг охватила кошачья осторожность. Она знала тайный язык Миссионарии Протективы, знала, как приспособить легенду, страх и надежду к своим текущим потребностям, но не торопилась... она чувствовала здесь руку случая, словно кто-то уже побывал среди фрименов и изменил привычные схемы Миссионарии.

Стилгар кашлянул.

Она ощутила его нетерпение, понимала, что близится день, что вокруг ждут, чтобы закупорить отверстие. Наступило время риска, и она поняла, чем нужно воспользоваться – одной из дар аль-хикман, школ перевода, которая даст ей...

– Адаб, – шепнула она.

Разум ее словно перевернулся: она ощутила знакомое сердцебиение. Во всей науке Бинэ Гессерит ничто более не сопровождалось подобным знаком. Только адаб, призывающая память, что накатывает сама по себе. Она подчинилась напору подступивших слов.

– Ибн Квиртайба, – сказала Джессика. – Там, где кончается пыль. – Она протянула вперед руку, и глаза Стилгара удивленно расширились. Вокруг зашуршали одежды. – Я вижу... фримена с книгой притч, – нараспев протянула она, – он читает ее во имя Аль-лята, солнца, которому не покорился и победил. Он читает в честь садху, испытания, и вот какие слова перед ним:

Мои враги переломлены, как зеленые стебли,
Что заступили дорогу буре.
Разве не видел ты руку Господню?
Они злоумышляли против нас,
А он посеял мор между ними.
И вот они – как птицы, рассеянные лучником.
Их замыслы исполнены отравы,
Что людские уста не примут.

Задрожав, она уронила руку. Позади нее в темной пещере отозвалось многоголосье:

– И дело их рук – разрушено.

– Божий огонь да будет в твоём сердце, – сказала она, подумав: «Ну вот, теперь все в порядке».

– Пламя Господне вспыхнуло, – отозвались за спиной.

Она кивнула.

– И падут враги пред тобою, – сказала она.

– Би-ла кайфа, – ответили остальные.

Во внезапном молчании Стилгар склонился перед нею.

– Сайидина, – произнес он, – волей Шай-Хулуда ты, быть может, вступишь в себе на путь Преподобной Матери.

«Вступишь в себе, – подумала она, – странное выражение. – С горьким цинизмом она размышляла о том, что только что сделала. – Наша Миссионерия Протектива всегда на высоте. В этой глуши молитвами самат нам уготовано убежище. А теперь... теперь мне придется играть роль Аулии, Божьего Друга... Стать сайидиной этих бродяг, которые настолько поверили утешительным байкам сестер, что даже называют свою верховную жрицу Преподобной Матерью».

В глубине пещеры, во тьме, Пол стоял рядом с Чани. Во рту его еще чувствовался вкус тех двух обернутых в листья тугих комков, которыми она угостила его: смесь птичьего мяса с зерном, сдобренная и склеенная меланжевой патокой. Взяв ее в рот, он понял, что никогда не приходилось ему принимать специю в подобном количестве, и испугался. Он-то знал, что сулило ему это вещество: подстегнутое специей сознание срывалось в пророческие видения.

– Би-ла кайфа, – прошептала Чани.

Он поглядел на нее, чувствуя благоговение, с которым фримены внимали матери. Только тот, которого звали Джеμισ, казалось, не слушал и держался в сторонке, скрестив на груди руки.

– Дуй якха хин манге, – шепнула Чани. – Дуй пунра хин манге. Два глаза есть у меня. Две ноги есть у меня.

И изумленным взором она поглядела на Пола. Он глубоко вздохнул, пытаясь утихомирить бушевавшую в груди бурю. Специевая эссенция подействовала, и слова матери воспринимались уже преломленными ею: голос Джессики вздымался и опадал, словно тень бушующего огня. И все время в голосе ее звучал этот проклятый цинизм – слишком хорошо он изучил ее... Но ничто не могло остановить это пламя, вспыхнувшее внутри него с первым кусочком пищи.

Ужасное предназначение!

Он чувствовал его, это сознание расы, и не мог никуда скрыться. Восприятие его обрело остроту и ясность, данные вливались в мозг, отсчитывавший с холодной точностью. Отдавшись этому потоку, он скользнул на пол, сел, прислонившись к скалистой стенке пещеры. Его уносило за пределы времени, откуда он мог рассматривать его, ощущать возможные судьбы, ветры будущего... ветры минувшего. Словно один глаз его был устремлен в прошлое, другой в будущее, еще один в настоящее; так, тремя глазами, он смотрел на ставшее пространством время.

Он опасался переусердствовать и потому попытался ограничиться лишь настоящим, ощущая в нем неясное отражение опыта, непрестанное отверждение мягкого «того, что есть» в окаменелое «было».

Охватывая настоящее, он впервые почувствовал тяжеловесную неизменность движения времени. Все его водовороты, приливы, отливы и пенящиеся гребни напоминали прибрежный прибой, обрушивающийся на скалы. Он по-новому взглянул на свое чувство предвидения, увидел причину «слепых зон», источники ошибки... увидел и убоялся.

«Предвидение, – понял он, – словно луч света, за пределами которого ничего не увидишь, он определяет точную меру... и, возможно, ошибку». Оказывается, и в его провидческих способностях крылось нечто вроде принципа неопределенности Гейзенберга: чтобы увидеть, нужно затратить энергию, а истратив энергию, изменишь увиденное.

И он увидел то, чему надлежало случиться в этой пещере, в ней, словно в котле, бурлили вероятности... малейший поступок его – мигнет ли он, поскользнется или не вовремя отвлечется на неуместное слово, – словно гигантский рычаг переворачивал Вселенную. А вдали бушевал кровавый пожар, но судьбы зависели от такого количества факторов, что даже самое незаметное его движение полностью изменяло грядущую череду и характер событий.

Волнами из горла пещеры выплескивались варианты будущего. И чаще всего тропа его жизни кончалась. Он видел собственный труп и алую кровь, вытекающую из оставленной ножом раны.

В год, на который пришла смерть герцога Лето и в который мой отец, Падишах-Император, возвратил Арракис Харконненам, ему исполнилось семьдесят два года, хотя выглядел он не более чем на тридцать пять. Он редко появлялся на людях без мундира сардаукаров и черного шлема бурсега, на котором грозно замахивался лапой имперский лев. Этим он напоминал всем, в чем именно источник его власти. Впрочем, он не всегда бывал столь воинственно настроен, при желании он становился воплощением обаяния и прямоты. Но теперь, через много лет, я часто задумываюсь, была ли в его внутренней сути хотя бы одна черта, соответствующая внешности. Теперь я думаю, что он все время воевал один со всеми, чтобы не попасть за невидимую решетку.

Не забывайте: мой отец был Император, глава и продолжатель династии, чья история исчезла в глубине веков. Но мы отказали ему в праве на законного сына. Есть ли поражение ужаснее для наследного правителя? Моя мать подчинилась старшим сестрам, леди Джессика – нет! Кто из них угадал? История уже ответила на этот вопрос.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Джессика пробудилась; вокруг в пещере, в глубокой тьме, копошились фримены, до ноздрей доносился едкий запах конденскостюмов. Руководствуясь своим внутренним осязанием времени, она поняла, что снаружи скоро настанет ночь, но, отделенная от пустыни пластиковыми пологами, хранившими здесь влагу их тел, пещера тонула во тьме.

Она осознала, что позволила одолеть себя глубочайшему сну, принесшему полный отдых изнемогшему телу. Это значило, что подсознательно среди людей Стилгара она чувствовала себя в безопасности. Она повернулась в импровизированном гамаке, которым

здесь служило ее верхнее одеяние, приспустила ноги на каменный пол пещеры, прямо в пустынные сапоги.

«Не забыть бы опустить их в лодыжках, чтобы конденскоством хорошо прокачивался, – подумала она. – Снова приходится столько запоминать».

Во рту ее до сих пор оставался привкус от утренней трапезы – завернутого в лист комка птичьего мяса и зерна, склеенных меланжевой патокой, – в голову ей пришло, что здесь сутки перевернуты наоборот: ночь заполнена дневными делами, а время сна и отдыха – день.

Ночь сокрует, ночь безопасна.

Отцепив одеяние от вбитых в стенки скальной ниши колышков, она повертела его в руках, отыскала ворот и скользнула внутрь его.

«Как известить сестер Бинэ Гессерит? – задумалась она. – Они должны узнать о двух беглецах, укrywшихся в пустыне Арракиса».

В глубине пещеры вспыхнули светов шары, зашевелились люди. Уже одетый Пол был среди них, откинутый назад капюшон открывал орлиный, свойственный Атрейдесам профиль.

«Перед сном он вел себя так странно! – подумала она. – Словно отсутствовал. Или восстал из мертвых и еще не вполне осознал это... остекленевшие глаза были полуприкрыты, он словно вглядывался в глубь своего существа». Она припомнила его предубеждение против обилия специй в пище: к ней привыкаешь.

«Возможны ли другие побочные эффекты от местной еды? – размышляла она. – Он говорил, что она усиливает его провидческие способности, но как странно... о том, что видел, он умолчал».

Справа из тени возник Стилгар, подошел к группе под светов шарами. Она заметила, что он задумчиво теребит бороду, внимательно, с кошачьей осторожностью поглядывая по сторонам.

Внезапный страх пронзил Джессику, когда сбросивший сонное оцепенение разум подсказал – беда... в фигурах людей, окруживших Пола, чувствовалась напряженность... резкие движения, ритуальные позы.

– Они под моим покровительством! – загремел Стилгар.

Джессика увидела, кто стоял перед Стилгаром – Джемис! Он был разъярен – это чувствовалось по напряженным плечам.

«Джемис, тот фримен, которого Пол одолел!» – подумала она.

– Стилгар, ты знаешь законы, – резко произнес Джеμισ.

– Кто может сказать, что знает их лучше меня? – отвечал Стилгар, в голосе его она уловила успокаивающие нотки, он пытался уладить ссору.

– И я выбираю поединок, – буркнул Джеμισ. Торопливо перебежав пещеру, Джессика ухватила Стилгара за руку.

– В чем дело? – спросила она.

– Закон амталя, – проговорил Стилгар. – Джеμισ настаивает на собственном праве, он желает проверить, те ли вы, о ком говорится в легенде.

– Пусть вместо нее кто-нибудь бьется, – быстро сказал Джеμισ, – если ее воин победит, в легенде есть истина. Но я слышу, вокруг говорят, – он окинул взглядом обступившую их толпу, – говорят, что не воину из фрименов следует защищать эту женщину, раз ее сопровождает собственный поединщик.

«Он хочет вызвать Пола на поединок!» – подумала Джессика.

Она отпустила руку Стилгара, переместилась на полшага вперед.

– Я всегда защищаюсь сама, – сказала она, – зачем эти пустые...

– Не рассказывай нам больше о твоих обычаях! – отрезал Джеμισ. – Не желаю ничего слышать, пока не увижу больше, чем видел. Стилгар мог предупредить тебя утром. Вы там жались с ним, и теперь ты хочешь обманом заполучить себе убежище среди нас.

«Взять его я могу, – подумала Джессика, – только как бы такой поступок не противоречил легенде в их понимании». И снова она удивилась тому, как исказили учение Миссионрии Протективы на этой планете.

Стилгар поглядел на Джессику, тихо, но так, чтобы его услышали в толпе, произнес:

– Джеμισ недоволен, сайидина, ведь твой сын победил его и...

– Это было случайно! – заорал Джеμισ. – Они околдовали меня в котловине Туоно, и я докажу это!

– ...и я тоже побеждал его, – спокойно продолжил Стилгар. – Этим вызовом на тахадди он метит и в меня. Слишком уж он любит насилие, этот Джеμισ, чтобы быть достойным вожаком. Гафла, смятение наполняет его мысли. Уста его говорят о законе, но сердце обращено к сарфе, уклонению от закона. Нет, хорошим предводителем он не будет. Я пожалел его тогда, ведь нрав Джемиса хорош для битвы,

но когда кровожадность одолевает его, он становится опасным и для своих.

– Стилгар-р-р-р! – прорычал Джеемис.

Джессика поняла, что Стилгар пытался отвлечь гнев Джеемиса на себя, отвести угрозу от Пола.

Стилгар вновь повернулся лицом к Джеемису, и в голосе его Джессика услышала умиротворяющие нотки:

– Джеемис, но он же мальчишка, он...

– Ты сам называл его мужчиной, – сказал Джеемис. – Его мать сказала, что он знаком уже и с гом джаббаром. Плоть его полна, воды в нем в избытке. Те, кто нес их ранец, говорят, что в нем булькали литровки воды! Литровки! А мы-то сосем испарину из карманов-уловителей, едва она проступит!

Стилгар строго поглядел на Джессику:

– Верно это? В вашем ранце есть вода?

– Да.

– Литровки?

– Да, две литровки.

– И как вы намеревались распорядиться этим богатством?

«Богатством?» – подумала она и тряхнула головой, почувствовав холодок в его голосе.

– Там, где я родилась, вода падает с неба и широкими реками бежит по земле, – сказала она, – там есть океаны такой ширины, что им не видно и края. Я пока плохо усвоила водную дисциплину. Мне еще не приходилось так ценить воду.

Вокруг нее послышались изумленные вздохи:

– Вода падает с небес... течет по земле.

– Известно ли тебе, что с нами случилось несчастье и некоторые потеряли воду из своих карманов-уловителей? Они окажутся в горькой беде прежде, чем мы вернемся в Табр к нынешнему утру.

– Откуда мне было знать? – Джессика тряхнула головой. – Раз они нуждаются, отдайте им эту воду из ранца.

– Для этого ли предназначалось такое богатство?

– Я берегла воду, чтобы сохранить жизнь, – ответила Джессика.

– Мы принимаем твое благословение, сайидина.

– Ты не подкупишь нас этой водой! – заревел Джеемис. – И не пытайся больше ввести меня в ярость, Стилгар. Видел я, как ты из

кожи лез. Хочешь, чтобы я вызвал тебя... чтобы ей не надо было подтверждать свои права.

Стилгар встал перед Джеемисом.

– Так, значит, ты собираешься вызвать ребенка на поединок с собой, взрослым мужчиной? – ядовитым тихим голосом спросил он.

– На вызов должны ответить.

– Даже если он находится под моим покровительством?

– Я опираюсь на закон амталя, – сказал Джеймис, – это мое право.

Стилгар кивнул:

– Имей в виду, если парень не зарежет тебя сам, ответишь перед моим ножом. И в этот раз я не стану удерживать его, как когда-то.

– Но вы не можете так поступить, – сказала Джессика, – ведь Пол...

– Не вмешивайся, сайидина, – сказал Стилгар. – Ох, ты можешь сейчас взять меня, и его, и любого среди нас... только не всех сразу. Что должно быть – будет, таков амталь.

Джессика умолкла, разглядывая в зеленоватом свете шаров эту дьявольскую жесткость, вдруг проступившую в его чертах. Переведя взгляд на Джеймиса, она заметила углубленное выражение на его лице и подумала: «Это можно было предвидеть. Он из тех, кто думает. Из молчаливых, что преобразуют себя изнутри. Мне следовало бы догадаться».

– Если ты что-нибудь сделаешь с моим сыном, – сказала она, – тебе придется иметь дело со мной. Я вызываю тебя, а потом я разрежу тебя на части, по суставу.

– Мать, – Пол шагнул вперед, тронул ее за рукав, – быть может, если я объясню Джеймису, как...

– «Объясню»! – фыркнул Джеймис.

Поглядев на фримена, Пол умолк. Он не боялся боя. Его будущий противник был несколько неловок и в ночной схватке на песке моментально оказался поверженным. Но будущее кипело вокруг... он видел собственную смерть от ножа в этой пещере и забыть этого не мог. В том будущем, что ожидало его, возможностей уцелеть было так мало!

Стилгар сказал:

– Сайидина, теперь отойди и...

– Перестань звать ее сайидиной! – перебил его Джеемис. – Право на это еще надо доказать. Да, она знает молитву! Ну и что? Ее знает каждый ребенок.

«Наговорил он достаточно, – подумала Джессика. – Ключ я подобрала и могу связать его одним словом. – Она заколебалась. – Всех же не свяжешь».

– Потом ты ответишь мне, – сказала Джессика колеблющимся голосом, слегка визжащим в начале и твердым в конце.

Джеемис поглядел на нее, на лице его проступил испуг.

– Ты узнаешь у меня, что такое предсмертные муки, – тем же тоном продолжила она, – помни об этом во время поединка. Твои муки будут такими, что гом джаббар покажется ничем рядом с ними. Покорчишься у меня, прежде...

– Она пытается заговорить меня! – задохнулся от возмущения Джеемис. Сстиснув кулак, он поднес его к уху. – Я требую, чтобы она молчала!

– Да будет так, – произнес Стилгар, предупреждая поглядев на Джессику. – Если ты заговоришь вновь, мы будем считать тебя виновной в колдовстве, и ты заплатишься за это. – Кивком он приказал ей отступить назад.

Джессика ощутила, что какие-то руки потянули ее назад вежливо, но осторожно, не давая оступиться. Толпа отхлынула от Пола, лишь Чани, этот эльф, нашептывала что-то ему на ухо, кивая в сторону Джеемиса.

Внутри толпы образовалось кольцо. Принесли еще несколько светочаров и настроили их так, чтобы освещение стало желтым.

Джеемис вступил внутрь круга, снял одеяние и перебросил его кому-то в толпе. Он стоял в дымчато-сером, облегающем тело конденскостюме, залатанном и заштопанном во многих местах. На мгновение он припал к трубке у плеча, выпил воду из кармана. Потом выпрямился, стянул с себя костюм и аккуратно передал его в толпу. Теперь он выжидал, прикрытый лишь повязкой, на ногах его было что-то похожее на плотные носки, в правой руке поблескивал крис.

Джессика смотрела, как эта девочка, Чани, помогала Полу, как вложила в его руку крис, как он приподнял его, проверяя вес и баланс. И тут она поняла: Пол настолько тренирован в пране и бинду, что каждый нерв, каждый мускул его тела прошел обучение в жестокой

школе, и учителями его были Дункан Айдахо и Гарни Холлик, ставшие легендарными еще при жизни. Мальчик знал и тайные приемы Бинэ Гессерит, он казался собранным и спокойным.

«Но ему же только пятнадцать, – подумала она, – и у него нет щита. Лучше бы прекратить все это. Какой-нибудь способ должен ведь найтись...» Она подняла голову, встретилась глазами со Стилгаром.

– Ты не можешь остановить поединок, – проговорил он, – и ты должна молчать.

Прикрыв ладонью рот, она подумала: «Я посеяла страх в сердце Джемиса. Он замедлит руку его... может быть. Если бы я только умела молиться... по-настоящему, истинному Богу!»

Пол остался теперь один у края кольца, на нем были лишь фехтовальные брюки, которые он носил под конденскостюмом. Нож-крис он держал в правой руке, и на поединок на усыпанной песком скале вышел босым. Айдахо не раз предупреждал его: «Если ты опасаясь оступиться, лучше бейся босым». В памяти были свежи и полученные от Чани наставления: «Парируя удар, Джемис поворачивается вместе с ножом направо. У него такая привычка, ее видели все. Он будет целить в глаза, чтобы ты моргнул, давая возможность ударить. А еще – он бьется обеими руками. Будь готов – он будет менять руку».

Но все это было ничто рядом с опытом, приобретенным в фехтовальном зале, рядом с боевыми инстинктами, которые вколачивались в него учителями час за часом, день ото дня.

Вспомнились слова Холлика: «Хороший боец думает об острие, лезвии и крестовине одновременно. Острие тоже может резать, лезвие – колоть, а крестовиной можно захватить клинок противника».

Пол глянул на крис. Чашки или крестовины не было, только узкая полоса охватывала рукоять, защищая приподнятым краем пальцы. «А еще, – подумал он, – я не знаю, как ломается этот нож, и есть ли такая сила, что может его переломить».

На противоположном от Пола крае кольца Джемис шагнул вправо.

Согнувшись, Пол остро ощутил отсутствие щита и подумал, что его учили сражаться лишь окруженным этим невидимым полем, а потому защищаться он будет со всей быстротой, а атаковать медленно и расчетливо, чтобы пронзить щит предполагаемого врага. И хотя учителя все время предупреждали его, что не следует бездумно

задерживать скорость атаки, он знал – привычка к щиту въелась в его боевую манеру.

Джемис выкрикнул ритуальный вызов на поединок:

– Да треснет и расщепится твой нож!

«Значит, эти клинки могут ломаться», – подумал Пол.

Он напомнил себе, что у Джемиса тоже нет щита, но он-то не привык пользоваться им, и потому отсутствие защитного поля не помешает ему.

Пол глянул вперед, на Джемиса. Тело его напоминало мумию, под кожей которой выступали узлы каких-то веревок. Крис его в лучах световых шаров поблескивал молочной желтизной.

Вдруг страх пронзил Пола. Он почувствовал себя одиноким и нагим среди этих людей, окруживших его в неярком желтом свете. Предвидение открывало его знанию бесконечные перспективы, вероятнейшие потоки событий и управляющие ими нити. Но теперь несчетное множество крохотных неудач грозило ему смертью.

Он понял, что в этой пещере будущее определит случай, – кто-нибудь кашляет в толпе, отвлекая внимание. Или мигнет световый шар, или обманет тень.

«Я боюсь», – сказал себе Пол.

И он кружил вокруг Джемиса, твердя про себя литанию от страха Бинэ Гессерит. «Страх убивает разум...» Она окатила его словно холодной водой. Скованность оставила его, мускулы наполнились силой и готовностью.

– Мой нож утонет в твоей крови, – оскалился Джемис и, не договорив последнего слова, ударил.

Заметив его движение, Джессика подавила крик.

Крис попусту пронзил воздух, а Пол оказался за его неприкрытой спиной.

«Сейчас, Пол! Ну же!» – чуть не выкрикнула она.

Пол отвечал великолепным текучим движением, но чуть замедленно, и... неторопливость эта дала Джемису возможность ускользнуть, чуть отступив направо.

Пол подобрался, низко согнувшись.

– Сперва найди мою кровь, – проговорил он.

Джессика понимала, что реакция сына замедленна, как у всякого, кто привык управляться со щитом. В этом и крылась опасность. Юное

тело было тренировано так, как и не снилось этим людям. Но рефлексy были отработаны и при атаке, ее же скорость определялась необходимостью, иначе щит просто нельзя было пробить. Слишком быстрый удар будет отбит, щит пропустит лишь обманчивый медленный выпад. Пронзить щит – для этого нужно и умение, и хитрость.

«Неужели Пол не догадается сам? – подумала она. – Не может быть!»

И снова, яростно сверкнув синими глазами, Джемис атаковал стремительным движением желтоватого в свете шаров тела.

И снова Пол ускользнул, опоздав с контрвыпадом.

И снова.

И снова.

Каждый раз Пол на мгновение опаздывал с контрударом.

Джессика заметила кое-что еще, чего, надеялась она, Джемис не сумеет заметить. Защищался Пол с головокружительной быстротой, но двигался, словно бы удар частично принимал на себя щит.

– Зачем твой сын играет с этим несчастным дураком? – спросил Стилгар и жестом приказал, не давая ответить: – Извини, тебе придется молчать.

Две фигуры на каменном полу пещеры кружили друг против друга. Джемис держал нож чуть повыше, задирая острие вверх, Пол, пригнувшись, опускал острие ножа книзу.

И вновь Джемис ударил, в этот раз направо, Пол уклонился.

Но прежде чем отвести руку назад, Пол выставил навстречу разящей руке Джемиса острие собственного криса, а потом уже увильнул в сторону, мысленно благодаря Чани за предупреждение.

Джемис отступил подальше, потирая пораненную руку. На мгновение выступила кровь, но сразу же остановилась. Широко раскрытые чернильно-синие глаза в тусклом свете шаров глядели теперь на Пола с удивлением и опаской.

– Ах, он ранен, – пробормотал Стилгар.

Пол согнулся, изготoваясь, и, как привык делать после первой крови, спросил:

– Сдаешься?

Ответом ему был сердитый ропот вокруг.

– Тихо! – крикнул Стилгар. – Парень не знает наших обычаев! – И добавил, обращаясь к Полу: – Поединок-тахадди не знает пощады. Заканчивается он смертью.

Джессика заметила, как Пол судорожно сглотнул, подумала: «Он никогда не убивал еще ножом, в горячке поединка. Сумеет ли?»

Побуждаемый движениями Джемиса, Пол уходил в правую сторону. Он помнил последствия кипения вероятностей в этой пещере, и будущее вновь смутило его. Новым своим восприятием он понимал: в этом бою сплелось так много нитей судьбы, что ясной перспективы для себя он не видел.

Переменная на переменной... вот почему эта пещера темным пятном лежала на его пути. Или гигантской скалой в потоке времени, вокруг которой кружились водовороты событий.

– Кончай это, парень, – пробормотал Стилгар, – не тешься попусту.

Пол двинулся к центру кольца, полагаясь на свое преимущество в скорости.

Джемис теперь отступал, с опозданием понимая, что в круге тахадди ему предстоит не мягкий иномирнин – легкая добыча для криса фримена.

На лице его теперь Джессика видела тень отчаяния.

«Сейчас он опаснее всего, – подумала она, – в отчаянии человек способен на все. Он понял уже, что перед ним не дитя его собственного народа, а боевая машина, рожденная для боя и тренированная с детства в поединках. И теперь страх, что я посеяла в нем, принесет плоды».

И она поняла, что жалеет Джемиса, жалеет, пусть он и покусился на жизнь ее собственного сына.

«Джемис способен на все... в том числе на непредсказуемое, – подумала она. – Интересно, видел ли в будущем Пол поединок и не переживает ли он его вновь?» Но видя движения сына, бисеринки пота на лице его и плечах, напряжение мышц, она впервые ощутила, не понимая причины, фактор неопределенности пророчеств, открывавшихся ему.

Теперь Пол наступал, он кружил, но не атаковал. Он тоже заметил испуг противника. В памяти его зазвучал голос Дункана Айдахо: «Если противник боится тебя, заметив это, дай страху вырасти. Пусть он

превратится в ужас. Отчаявшийся противник рванется в атаку. Это очень опасный момент, но потрясенный ужасом человек наверняка допустит хотя бы одну роковую ошибку. Мы учим тебя замечать и использовать их».

В толпе послышался ропот.

«Они думают, что Пол играет с Джемисом, – подумала Джессика. – Они думают, что Пол жесток без нужды».

Но она чувствовала возбуждение среди них, люди наслаждались зрелищем. Она видела, как все сильнее и сильнее напрягается Джемис. И миг, когда внутренняя напряженность стала для него непосильной, был для нее столь же очевидным, как и для самого Джемиса, и для Пола.

Джемис высоко подпрыгнул, сделал обманное движение и ударил правой рукой вниз... но ладонь его была пуста.

Джессика охнула.

Но Пол уже знал от Чани: «Джемис может держать нож в любой руке». Боевая подготовка его была такова, что финт не представил для него труда и нож он отразил так, мимоходом. «Все внимание твое должно быть обращено на нож, не на руку, которая его держит», – так частенько напоминал ему Гарни Холлик.

Заметил Пол и ошибку Джемиса: того подвели ноги, и тело после прыжка, что должен был ошеломить Пола и замаскировать перемену руки, опускалось на сердцебиение дольше, чем следовало бы.

Лишь желтизна светосфер да чернильные глаза вокруг отличали этот бой от привычного. Щит может и не помешать, если использовать собственное движение тела.

С непостижимой для глаза быстротой Пол поднял собственный нож, скользнул в сторону и ударил вверх, в опускавшуюся грудь Джемиса... а потом увернулся от рухнувшего тела.

Лицом вниз Джемис мешком шлепнулся на пол, раз вздохнул, повернул голову к Полу и застыл. Мертвые глаза его остекленели, как бусины.

«Мастера не убивают острием, – когда-то сказал ему Айдахо, – но пусть это не остановит твою руку, когда враг откроется для такого удара».

Люди повалили вперед, заполняя кольцо, Пола оттеснили в сторону. С лихорадочной быстротой Джемиса запаковали в его

собственное одеяние. А потом небольшая группа фрименов заторопилась куда-то внутрь пещеры, унося на плечах спеленутое тело.

На полу пещеры ничего не осталось.

Джессика проталкивалась к сыну, вокруг волнами колыхались странно молчаливые вонючие спины в коричневых конденскостюмах.

«Вот он, ужасный момент, — подумала она. — Мой сын убил другого мужчину, одолев врага и мышцами и мыслью. Но нельзя наслаждаться убийством».

Наконец она протиснулась в небольшой просвет, где пара бородатых фрименов помогала Полу влезть в костюм.

Джессика глядела на сына. Глаза его блестели. Он тяжело дышал и скорее позволял себя одевать, чем пользовался добровольной помощью.

— Надо же, — пробормотал один из двоих, — такой юнец против Джемиса... и ни единой царапины.

Чани стояла в стороне, не отводя глаз от Пола. Джессика видела, как возбуждена девушка, видела восхищение на лице юного эльфа.

«Это следует сделать сейчас же, немедленно», — решила Джессика.

Не скрывая предельного презрения ни в лице, ни в голосе, она сказала:

— Н-ну-у-у, хорошо... и как тебе это нравится — быть убийцей?

Пол застыл, словно она ударила его. Под холодным взглядом матери в лицо его бросилась кровь. Невольно он глянул на то самое место, где только что лежало тело Джемиса.

Рядом с Джессикой появился Стилгар, возвратившийся из глубин пещеры, куда унесли тело Джемиса. Он горько и спокойно сказал Полу:

— Когда настанет твое время и ты захочешь моей бурды, не вздумай играть со мной, знай, я не позволю тебе дразнить меня, как ты дразнил Джемиса.

Джессика видела, как ее слова и фраза, брошенная Стилгаром, делали свое дело. Ошибка этих людей — она была им на благо. Джессика оглянулась, попыталась увидеть в лицах обступивших ее людей то, что мог видеть и Пол... В них чувствовалось восхищение да еще страх... а в некоторых — осуждение. Посмотрев на Стилгара, она

ощутила фатализм в его собственном восприятии этого поединка. Пол поглядел на мать.

– Ты знаешь, каково мне было, – сказал он.

В голосе его слышалось жестокое сожаление, он приходил в себя. Окинув взглядом толпу, Джессика сказала:

– Полу еще не приходилось убивать человека в бою обнаженным клинком.

Скрывая недоверие, Стилгар заглянул ей в глаза.

– Я не играл с ним, – ответил Пол, становясь перед матерью. Он оправил свое одеяние, поглядел на темные капли крови, оставшиеся от Джемиса на полу пещеры. – Я не хотел убивать его.

Джессика видела, что Стилгар понемногу начинал верить словам Пола. С явным облегчением вожак потянул себя за бороду ладонью со вздутыми венами.

– Так вот почему ты предложил ему сдаваться! – сказал Стилгар. – Понимаю. У нас другие обычаи, но ты поймешь их смысл. А я уже начал бояться, что мы выбрали скорпиона. – Нерешительно помолчав, он добавил: – И я больше не могу звать тебя юнцом.

Кто-то из отряда выкрикнул:

– Надо дать ему имя, Стил!

Стилгар кивнул, потянув себя за бороду.

– Я вижу в тебе силу... подобную камню, что держит колонну. – Он вновь умолк. – Среди нас тебя будут звать Усул, основание колонны. Это будет твое тайное имя. Лишь люди ситча Табр будут знать его, и никто больше... Усул.

Вокруг забормотали:

– Хорошее имя, сила... принесет нам удачу.

Джессика чувствовала их одобрение, понимая, что оно относилось к обоим. Да, теперь она истинно сайидина.

– А теперь, каким мужским именем назовешь ты себя, чтобы мы могли обращаться к тебе открыто? – спросил Стилгар.

Пол поглядел на мать, потом вновь на Стилгара. Кусочки и осколки этого момента он уже видел и держал в своей провидческой памяти, но различия он ощущал как нечто реальное – физическую силу, проталкивающую его в узкую дверь настоящего.

– Как вы называете ту маленькую мышь, которая прыгает? – спросил Пол, вспоминая прыгающую – хоп-хоп! – мелюзгу в

котловине Туоно. И показал рукой.

В толпе хихикнули.

– Такую мышь у нас зовут Муад'Диб, – ответил Стилгар.

Джессика охнула. Это было то самое имя, Пол называл его тогда... он говорил, фримены их примут и будут звать его именно так. Вдруг ей стало страшно за сына, и сам он показался ей страшным.

Пол сглотнул. Он чувствовал, что играет роль, бесчисленное множество раз уже сыгранную в его мозгу... и... все же различия были. Ему казалось: он сидит на головокругительной высоте, исполненный пережитого опыта и глубочайших познаний, но вокруг, со всех сторон, – пропасть.

И вновь он увидел легионы фанатиков, следующие за черно-зеленым знаменем Атрейдесов, громящие и жгущие Вселенную во имя своего пророка Муад'Диб.

«Этому не бывать», – подумал он.

– Так ты хочешь, чтобы мы звали тебя Муад'Дибом? – спросил Стилгар.

– Но я Атрейдес, – прошептал Пол и громко добавил: – Достойно ли отказываться совсем от имени, что дал мне отец? Могу ли я зваться здесь именем Пол-Муад'Диб?

– Твое имя – Пол-Муад'Диб, – согласился Стилгар.

А Пол подумал: «В видениях все было не так. Я поступил иначе». Но пропасть вокруг, он чувствовал, не исчезла.

И вновь в толпе, поворачиваясь друг к другу, забормотали:

– Сила и мудрость... большего и не попросишь... Легенда верна... Лисан аль-Гаиб... Лисан аль-Гаиб...

– Должен кое-что сказать о новом твоём имени, – начал Стилгар. – Такое имя радует нас. Муад'Диб мудр и знает обычаи пустыни. Муад'Диб сам создает свою воду. Муад'Диб прячется от солнца и путешествует прохладной ночью. Муад'Диб плодовит и умножается в нашей земле. Муад'Диб мы называем воспитателем мальчиков. Такое имя – могучая основа для твоей жизни, Пол-Муад'Диб, зовущийся Усул среди нас.

Прикоснувшись ладонью ко лбу Пола, Стилгар отдернул руку, обнял юношу и шепнул:

– Усул.

Стилгар отошел, приблизившийся следом фримен обнял Пола, повторяя его тайное имя. Проходя мимо, они по очереди обнимали Пола, на разные лады повторяя: «Усул... Усул... Усул». Имена некоторых он уже знал. Среди них была и Чани. Обняв, она прижалась к нему щекой и назвала его имя.

Наконец Пол вновь оказался перед Стилгаром, который сказал:

– Ну, теперь ты наш брат, бедуин ихвана. – Лицо его стало твердым. – А теперь, Пол-Муад'Диб, подтяни-ка свой конденскостюм! – Он поглядел на Чани. – Чани! Я не видал еще рекатов хуже, чем у Пол-Муад'Диб, мне казалось, я велел тебе приглядывать за ним?

– У меня нет их, – начала она, – конечно, после Джемиса остались, но...

– Довольно об этом!

– Тогда я дам ему один из своих, – сказала она, – я прекрасно могу обойтись одним до...

– Ты не сделаешь этого, – перебил Стилгар. – Я знаю, у кого-нибудь рекаты, конечно, припрятаны про запас. Где они? Отряд мы или банда дикарей?

К ним потянулись ладони с волокнистыми твердыми цилиндриками. Стилгар выбрал четыре штуки, передал их Чани.

– Подгони их для Усула и сайидины.

Позади кто-то возвысил голос:

– А как насчет воды, Стил? Насчет литровок в их поклаже?

– Твоя нужда мне известна, Фарух, – ответил Стилгар. Он поглядел на Джессику, она согласно кивнула.

– Разделить одну среди нуждающихся, – произнес Стилгар. – Хранитель воды... Где хранитель воды? Ах, Шимум, отмерь сколько положено. Но не свыше необходимого. Вода – собственность сайидины, в ситч ей следует вернуть ее по полевым расценкам за вычетом...

– А что такое «полевые расценки»? – спросила Джессика.

– Десять к одному, – ответил Стилгар.

– Но...

– Скоро ты убедишься, это мудрое правило, – возразил Стилгар.

Шурша одеяниями, люди позади принялись делить воду.

Стилгар поднял руку, и наступило молчание:

– Что касается Джемиса, – начал он, – я приказываю соблюсти полный обряд. Джемис был нашим спутником, братом-бедуином ихвана. Мы не можем пренебречь памятью человека, что доказал справедливость наших поступков в поединке-тахадди. На закате... когда тьма поглотит его, я прочту молитву.

Услышав эти слова, Пол вновь почувствовал, что опять угодил в пропасть... в слепое время. Этого момента он еще не видел... только... только... где-то впереди раскачивалось черно-зеленое знамя Атрейдесов... Маячили обгаренные джихадом мечи, бушевали легионы фанатиков.

– Этому не бывать, – сказал он, – я не допущу.

Бог создал Арракис для испытания верных.

Принцесса Ирулан. «Мудрость Муад'Диб»

В тиши пещеры Джессика слышала поскрипывание песка на камнях под ногами, дальние крики птиц, которые, по словам Стилгара, были сигналами его часовых.

Громадные пластиковые колпаки уже сняли со входов в пещеру. Она следила, как ползут перед нею по скалам и котловине вечерние тени, как меркнет дневной свет, как спадает сухая жара. Она знала – ее тренированное восприятие скоро позволит ей, как и фрименам, различать малейшие изменения влажности.

Как они заторопились, подтягивая костюмы, едва открыли входы! Глубоко в пещере кто-то затащил:

Има трава около!
И коренья около!

Джессика перевела про себя: «Вот пепел! А вот – корни!»
Начинался обряд погребения Джемиса.

Она поглядела на заходящее солнце, на цветную лестницу облаков в небе. Ночь уже протягивала тени от дальних скал и дюн.

Но жара не исчезала.

Это тепло вновь напомнило о воде и о людях, что умели чувствовать жажду только тогда, когда ее можно было утолить.

Жажда.

В памяти вздымались озаренные луной волны на Каладане, бросающие пенные плащи на скалы... дул мокрый, несущий с собой капли влаги ветер. А здесь теребивший одежду ветер жег открытые участки щек и лба. Новые нософильтры раздражали ее. И она поняла, что слишком уж остро ощущает уходящую от лица трубку, сберегающую влагу ее дыхания.

Весь этот костюм – просто маленькая парильня.

– Тебе будет удобнее в конденскостюме, когда влаги в твоём теле станет поменьше, – сказал Стилгар.

Она понимала, что он прав, только удобнее от этого не становилось. Сейчас ее ум был занят одной лишь водой. «Нет, – поправила она мысленно, – влагой».

Что было куда более тонким и общим понятием.

Услыхав чьи-то шаги, она обернулась, из глубины пещеры появился Пол, за которым следовала девушка с лицом эльфа – Чани.

«И еще, – подумала Джессика, – придется предупредить Пола о здешних женщинах. Ни одна из этих пустынножительниц не годится в жены герцогу. В наложницы... еще куда ни шло, но только не в жены».

Она удивилась собственным мыслям: «Неужели и меня настолько заразили подобные предрассудки? Насколько же глубокую психологическую обработку я получила! Думаю о брачных связях своего сына, наследника Дома, словно забыв, что сама была лишь наложницей герцога. Правда я... не наложницей я была для него».

– Мать.

Пол остановился перед нею, Чани оказалась сбоку, у локтя.

– Мать, знаешь ли ты, что они делают?

Джессика поглядела на темные пятна глаз, обращенные к ней из-под капюшона, и ответила:

– Думаю, да.

– Чани показала мне... считается, что я должен все видеть... и разрешить взвесить воду.

Джессика посмотрела на Чани.

– Они собирают воду, которой пользовался Джемис, – сказала Чани слегка в нос из-за нософилтров. – Таков обычай. Плоть принадлежит человеку, а вода – племени... в битве иные законы.

– Они говорят, что вода теперь моя, – произнес Пол.

Джессика удивилась, почему эти слова вдруг насторожили ее.

– Вода битвы принадлежит победителю, – объяснила Чани. – Это потому, что приходится драться на воздухе, без конденскостюмов. Победитель должен возместить потерю воды во время поединка.

– Я не хочу его воды, – пробормотал Пол. Ему вдруг показалось, что множество изображений, видимых его внутреннему зору, вдруг распалось на какие-то неприятные части... Он еще не знал, как поступит, но был уверен только в одном: «Мне не нужна эта вода, перегнанная из плоти Джемиса».

– Но это же... вода... – сказала Чани.

Джессика подивилась тому, как было произнесено это слово – вода, как много смысла оказалось в этих четырех звуках. Ей припомнилась одна из аксиом Бинэ Гессерит: «Чтобы выжить, надо уметь плавать и в незнакомых водах». Джессика подумала: «А теперь нам с сыном придется познать эти воды, их глубины и токи... если мы хотим выжить».

– Ты примешь воду, – произнесла Джессика.

Тон, взятый ею, она использовала только один раз. Однажды ей пришлось потребовать от своего погибшего герцога, чтобы он принял крупную сумму, предложенную ему за поддержку в некоем сомнительном предприятии, потому что деньги так нужны были тогда Дому Атрейдесов.

На Арракисе деньгами была вода. Вне всякого сомнения.

Пол молчал, понимая, что поступит, как приказывала мать, и не потому, что это был ее приказ, просто тон ее голоса заставил его переосмыслить свои поступки. Если он откажется, нарушит все обычаи Вольного народа.

В памяти проступили строки четыреста шестьдесят седьмой Кальмы из О. К. Библии – подарка Юэ, – и он произнес:

– «Из воды родилась жизнь».

Джессика глядела на него. «Откуда он знает эту цитату? – удивилась она. – Ведь мистериям его еще не учили».

– Да, так говорят, – согласилась Чани. – Гиудихар мантене: написано в Шах-намэ, что первой Господь создал воду.

И непонятно почему, что беспокоило ее больше, чем само неприятное чувство, Джессика вдруг задрожала. Чтобы скрыть смущение, она отвернулась, и вовремя – солнце садилось. В небе, над оседавшим за горизонт диском, запылали буйные краски.

– Время настало!

В пещере прогремел голос Стилгара:

– Оружие Джемиса повергнуто, а Джемиса позвал к себе Он, Шай-Хулуд, назначивший фазы лун, что день ото дня тускнеют и становятся подобными изогнутому узкому серпу. – Голос Стилгара притих. – Так случилось и с Джемисом.

Молчание окутало пещеру.

В темном дальнем ее углу Джессика заметила серую призрачную фигуру Стилгара. Она оглянулась – из котловины повеяло прохладой.

– Да приблизятся друзья Джемиса, – произнес Стилгар.

Позади Джессики завозились люди, накидывая покрывало на вход. Глубоко в пещере над головами вспыхнул один световар. На его желтый свет собирались люди, Джессика слышала шорох одеяний. Чани отступила в сторону, словно привлекаемая светом.

Склонившись к уху Пола, Джессика шепнула на кодовом языке:

– Следуй за ними и поступай как они. Будет простой обряд, чтобы упокоить тело Джемиса.

«Нет, не так», – думал Пол, ему показалось, что вот-вот нужно будет не только ухватить нечто бегущее мимо, но и остановить его движение.

Чани скользнула к Джессике, взяла ее за руку:

– Пойдем, сайидина, мы должны сидеть порознь.

Пол смотрел, как тают в тени их фигуры, оставляя его в одиночестве. Он почувствовал себя брошенным.

Прикрывавшие вход подошли к нему сзади.

– Пойдем, Усул.

И он, не сопротивляясь, последовал за ними, потом его втокнули в круг людей, обступивших Стилгара, стоявшего под световаром возле какого-то угловатого свертка, укрытого одеянием. Пол встал среди них, не отрывая глаз от Стилгара, от черных теней, брошенных световаром на его лицо, от яркого зеленого платка на шее. Переведя взгляд на

укрытую одеянием груду у ног Стилгара, Пол заметил под тканью гриф бализета.

– Душа оставляет тело с восходом первой луны, – нараспев начал Стилгар, – так говорят. И когда этой ночью увидим луну, кого мы вспомним?

– Джемиса, – хором отозвался отряд.

Повернувшись, Стилгар окинул взглядом лица собравшихся.

– Я был другом Джемиса, – сказал он. – Когда у Дыры-в-Скале на нас коршуном пикировал аэроплан, Джемис втянул меня в укрытие. – Он наклонился к грудке у ног, поднял из нее одеяние. – Его беру я, как друг Джемиса, по праву предводителя. – Перекинув одеяние через плечо, он выпрямился.

Теперь взгляду Пола открылись наваленные в грудку вещи: бледно-серый, блестящий конденскостюм, помятая фляга-литровка, платок, на котором лежала небольшая книга, ручка кривая без лезвия, пустые ножны, сложенный ранец, паракомпас, дистрианс, колотушка, грудка металлических крючьев размером с кулак, кучка небольших камешков, завернутых в ткань, пучок перьев... и бализет.

«Так, значит, Джемис играл на бализете», – подумал Пол. Он вспомнил Гарни Холлика, инструмент напомнил ему о навечно минувшем! Из своих видений Пол знал, что на некоторых линиях судьбы он еще может встретиться с Холликом, но их было так мало, и терялись они где-то во мгле на окраинах памяти. Это смущало его. Он еще не мог понять, насколько точно известно ему будущее. «Или это значит, что каким-то поступком я могу погубить Холлика, или вызвать его к жизни... или...»

Сглотнув, Пол покачал головой.

И вновь Стилгар склонился над вещами.

– Женщине Джемиса и караульным, – сказал он. Камешки и книга исчезли в складках его одеяния.

– Право предводителя, – нараспев отозвался отряд.

– Знак кофейного сервиса Джемиса, – произнес Стилгар, поднимая зеленый металлический диск. – После должного обряда его отдадут Усулу, когда мы вернемся в ситч.

– Право предводителя, – нараспев отозвался отряд.

Наконец он поднял рукоятку ножа и распрямился.

– Для Погребальной Равнины, – сказал он.

– Право предводителя, – откликнулись люди. Сидя в кругу напротив Пола, Джессика кивала головой, узнавая древние источники обряда. Она думала: «Невежество и знание, жестокость и культура проявляются именно в такие минуты – в том, достойно ли мы обращаемся с нашими усопшими. – Она задумчиво поглядела на Пола. – Поймет ли? Сумеет ли поступить как надо?»

– Все мы друзья Джемиса, – сказал Стилгар, – и мы не воем по мертвым, как стая гарваргов.

Справа от Пола поднялся седобородый мужчина.

– Я был другом Джемиса, – сказал он, подошел к вещам и поднял дистранс. – Когда в осаде у Двух Птиц у нас кончилась вода, Джемис поделился со мной.

Мужчина вернулся на свое место в круге.

«Значит, и я должен сказать, что был другом Джемиса? – подумал Пол. – И взять себе что-то из его вещей?» – Он видел, как поворачивались к нему лица. От него ждали именно этого!

Напротив Пола поднялся еще один мужчина, подошел к грудке, поднял параконпас.

– Я был другом Джемиса, – сказал он. – Когда патруль застал нас у Гнутого утеса и меня ранили, Джемис отогнал нападавших и раненые смогли спастись. – Он вернулся на свое место.

И вновь лица обернулись к Полу, он читал на них ожидание и потушил глаза. Кто-то ткнул его локтем и прошипел:

– Ты хочешь погубить всех нас?

Еще одна фигура поднялась из круга напротив. Когда лицо ее очутилось на свету, Пол узнал свою мать. Она взяла из груды платок.

– Я была другом Джемиса, – сказала она. – Когда Дух духов вложил в сердце его правду, он удалился, сохранив мне сына.

Она вернулась на свое место.

Полу припомнилось это презрение на лице матери тогда, сразу после поединка: «Ну, как тебе нравится быть убийцей?»

И вновь все лица обратились к нему, он почувствовал страх и гнев в этих людях. Перед умственным взором его промелькнул отрывок из ленты «Култ мертвых», которую дала ему когда-то мать. Теперь он знал, что делать.

Пол медленно поднялся на ноги.

Вокруг облегченно вздохнули.

Подходя к центру круга, Пол чувствовал, как уменьшается его собственное «я». Словно бы он потерял там какую-то часть себя. Он склонился над вещами Джемиса, взял бализет. Задев за что-то, запела струна.

– Я был другом Джемиса, – прошептал Пол. Слезы жгли его глаза, он заговорил громче: – Джемис научил меня тому... что... когда убиваешь... платишь за это. Жаль, что я не знал его ближе.

Не глядя, он пробрался на свое место в круге, опустился на камни.

Рядом прошелестел чей-то голос:

– На его лице слезы!

Вокруг кольца слышалось:

– Усул жертвует влагу мертвому!

К его мокрым щекам прикасались пальцы, вокруг благоговейно шептали.

Услышав голоса, Джессика ощутила глубину случившегося, поняла, сколь невыносимы слезы для фрименов. Она сосредоточила мысли на словах: «Он жертвует влагу мертвому». Слезы были даром миру теней. И они были священны, вне всяких сомнений.

Ничто еще на этой планете не вбивало ей в голову мысль о ценности воды с такой силой. Ни торговцы водой, ни иссушенная кожа туземцев, ни конденскостюмы и водная дисциплина. Перед ней теперь оказалась субстанция драгоценнее прочих – сама жизнь, переплетенная с символикой и обрядами.

Вода.

– Я трогал его щеку, – прошептал кто-то. – Я чувствую дар.

Сперва эти прикосновения пальцев к лицу испугали Пола. Он стиснул холодный гриф бализета, ощущая под ладонью струны, а потом он увидел лица людей позади, их округлившиеся от изумления глаза.

Наконец руки исчезли. Погребальный обряд возобновился. Но теперь вокруг Пола оставалось небольшое пустое пространство. Словно люди, выражая свое уважение, отступили поодаль.

Обряд закончился негромким напевом:

Кличет полная луна,
Шай-Хулуд зовет со дна,
Ночь красна, в пыли кусты,

Смертью сильных умер ты.
Круглый диск, сильнее свети,
Озари наши пути,
Дай обрести всем, кто искал, —
Счастье среди твердых скал.

У ног Стилгара оставался тугой мешок. Нагнувшись, он положил на него ладони. Кто-то подобрался поближе, согнулся у самого его локтя. В тени, отбрасываемой капюшоном, Пол разглядел личико Чани.

— Джемис распоряжался тридцатью тремя литрами, семью драхмами и тремя тридцать вторыми долями драхмы принадлежащей племени воды, — сказала Чани. — Благословляю ее теперь, в присутствии сайидины. Эккери-акайри, эта вода, филлиссин-фолласи Пол-Муад'Диб! Киви акави, не более, накалас! Накелас! Измеренная и сочтенная, укайр-ан! Сердцебиениями, джан-джан-джан, друга... Джемиса.

Внезапно наступило полнейшее молчание. Чани обернулась к Полу, наконец она произнесла:

— Там, где я пламя, да будешь ты углем. Там, где я роса, да будешь водою.

— Би-ла кайфа! — хором произнесли все.

— Пол-Муад'Дибу назначена эта доля, — сказала Чани. — Да сохранит он ее от случайности и небрежности — сохранит ее для племени. И да будет щедрым во время нужды. А когда придет время, передаст ее на благо племени.

— Би-ла кайфа, — отозвался отряд.

«Воду Джемиса придется принять», — подумал Пол.

Он медленно поднялся, подошел к стоящим и стал рядом с Чани. Отступив в сторону, чтобы не мешать им, Стилгар осторожно взял из его руки бализет.

— На колени, — произнесла Чани.

Пол стал на колени.

Взяв его за руки, она прикоснулась ими к бурдюку с водой, к его гладкой поверхности.

– Эту воду доверяет тебе племя, – сказала она, – Джемис оставил ее. Владей этой водой с миром!

Она встала, потянув за собой Пола.

Стилгар возвратил ему бализет, протянул ладонь другой руки, на которой оказалось несколько металлических колец. Разные по величине, они по-разному же отражали лучи светового шара.

Чани взяла в руку самое большое кольцо, надела на палец.

– Тридцать литров, – объявила она. По одному она перебрала остальные, поясняя Полу и подсчитывая: – Два литра, литр, семь водных знаков по драхме каждый, один водный знак в три тридцать вторых доли драхмы. Всего – тридцать три литра, семь целых, три тридцать вторых драхмы.

Она подняла палец с кольцами, чтобы Пол мог его видеть.

– Принимаешь ли ты их? – спросил Стилгар. Сглотнув, Пол кивнул:

– Да.

– Потом, – сказала Чани, – я покажу тебе, как завязывать их в платок, чтобы они не звякнули, когда не надо. – Она протянула руку.

– Ты не... возьмешь их на время себе? – спросил Пол.

Чани удивленно поглядела на Стилгара. Тот, улыбнувшись, проговорил:

– Пол-Муад'Диб, иначе Усул, еще не знает наших обычаев, Чани. Возьми его водные знаки до удобного времени, пока не научишь его носить их.

Она кивнула, вынула из одеяния ленту и быстро нанизала на нее кольца, разделяя их сложными узлами, потом, поколебавшись, опустила их в сумочку под одеждой.

«Я сделал что-то не так», – подумал Пол. Вокруг посмеивались, улыбались... обратившись к своим предвидениям, он догадался: «Предложить женщине водные знаки – значит посвататься».

– Хранители воды, – провозгласил Стилгар.

Шурша одеждой, отряд поднялся. Вперед шагнули двое мужчин, подняли бурдюк с водой. Стилгар опустил световый шар и, не выпуская его из рук, направился первым в глубь пещеры.

Следовавший за Чани Пол следил за маслянистыми отблесками желтого цвета на стенках, за пляской теней, чувствовал, как торжественно притихли люди вокруг.

Джессика, которую потянула за всеми чья-то рука, подавила мгновенный приступ паники. Часть обряда была ей знакома, она уловила в словах обрывки ботани-джиб и чакобсы и представляла то буйство, которое могло последовать за как будто бы простыми словами.

«Джан-джан-джан, – думала она, – иди-иди-иди».

Знакомая детская игра, в которую играют взрослые, позабывшие все правила.

Стилгар остановился у желтой скалы. Нажал на какой-то выступ, и камень медленно пополз вбок, открывая широкую трещину. Он шагнул в нее, все последовали за ним. Они прошли какую-то решетку в виде сот, и их омыл прохладный воздух.

Пол вопросительно глянул на Чани, потянул ее за рукав:

– Пахнет влагой.

– Ш-ш-ш, – ответила она. Мужской голос сзади произнес:

– В ловушке сегодня много влаги. Джемис дает нам знать, что доволен.

Потайная дверь захлопнулась за Джессикой. Она заметила, как замедляют шаг фримены около похожей на соты конструкции, подойдя поближе, ощутила на своем лице влажное дуновение.

«Ветровая ловушка! – подумала она. – Где-то на поверхности они замаскировали ее и направляют воздух сюда, в прохладную глубь, чтобы воспользоваться росой».

Они миновали еще одну скальную дверь с решетчатым сооружением над ней... за ними затворили и ее. Теперь дувший в спину сквознячок явно отзывался влагой.

Впереди световар в руках Стилгара скрылся за головами идущих. Пол ощутил под ногами ступени, лестница загибалась налево. Лучи желтого света пробивались среди голов в капюшонах в такт неровному ритму движений опускавшихся по спирали людей.

Джессика чувствовала теперь вокруг себя напряженное ожидание, требующее полной тишины.

Ступеньки кончились, отряд прошел еще через одну низкую дверь. Лучи световара теперь терялись под огромным куполом над их головами.

Пол почувствовал пальцы Чани на своей руке, услышал звонкий плеск капель, ощутил глубочайшее безмолвие фрименов перед

святыней – водой.

«Это место я уже видел», – подумал он.

Мысль эта и ободряла, и разочаровывала. Орды фанатиков его именем в крови по колено прорубали путь во Вселенной на этой ветви судеб. Черно-зеленое знамя Атрейдесов станет внушать ужас. Одичалые легионы станут бросаться в битву, выкрикивая свой боевой клич: «Муад'Диб».

«Этого не должно быть, – подумал он, – я не хочу, чтобы это было».

Но он чувствовал в себе сознание расы, свое ужасное предназначение. И знал, что колесницу джаггернаута так просто не остановить. Она разгонялась, набирала инерцию. И если он погибнет здесь, в эту минуту, все пойдет тем же путем... через мать и не родившуюся еще сестру. Предотвратить грядущее кровопролитие могла только смерть... всех... и его, и матери, и отряда.

Пол оглянулся, люди вокруг него стали цепочкой. Его подтолкнули к низкому, вырубленному в скале парапету. За ним в слабых отблесках лампы Стилгара Пол заметил спокойную водную гладь. Она исчезла в тенях... глубокая, черная... Стенка пещеры смутно угадывалась вдали, быть может, до нее оставалось метров сто.

Джессика ощутила, как впитывает воду обтянувшая щеки и лоб кожа, как возвращается к ней упругость под действием влаги. Водоем был глубок, она чувствовала это и еле удержалась, чтобы не окунуть в него руки.

Слева раздался плеск. Она глянула вдоль исчезающей в полумраке цепочки фрименов, заметила Стилгара и Пола, рядом с ними хранители воды выливали свою ношу через расходомер. Она видела, как светящаяся стрелка на тусклом сером диске расходомера проворачивалась с каждым вылитым литром. Вода не смачивала стенки прибора. Джессика поняла суть технологии фрименов, все было просто: они добивались совершенства во всем.

Джессика подошла поближе к Стилгару. Ей уступали дорогу с непринужденной любезностью. Она заметила ушедший в себя взгляд Пола, но лишь тайна этого громадного водоема занимала сейчас все ее мысли.

Стилгар поглядел на нее:

– Среди нас есть нуждающиеся в воде, – сказал он, – но, войдя сюда, они и не подумают прикоснуться к ней. Сознаешь ли ты это?

– Я верю твоим словам, – ответила она. Он поглядел на воду.

– У нас здесь более тридцати восьми миллионов декалитров, – сказал он, – отгороженных от малых делателей, надежно укрытых и хранимых.

– Сокровищница, – сказала она.

Подняв световар повыше, он поглядел ей в глаза:

– Не сокровищница, больше. У нас тысячи таких водоемов. Но лишь немногие знают все. – Он склонил голову набок. На лицо легла желтоватая тень. – Слышишь?

Они прислушались. Теперь в пещере раздавались лишь звуки падавших капель. Весь отряд безмолвно прислушивался. Только Пол держался отстраненно.

Для него перезвон капель отмеривал уходящее время, навсегда утекавшее прочь. Эти мгновения, чувствовал Пол, не повторятся. Он ощущал необходимость действий, следовало решиться на какой-то поступок, но у него не было сил даже пошевелиться.

– Мы знаем, сколько воды нам нужно, и, когда ее станет довольно, мы изменим лицо Арракиса.

Отряд благоговейно и негромко отозвался:

– Би-ла кайфа.

– Трава остановит дюны, – сказал Стилгар громче, – вода пропитает почву под корнями кустов и деревьев.

– Би-ла кайфа, – заголосили вокруг нарастающе.

– Каждый год полярные шапки отступают все дальше и дальше, – продолжил Стилгар.

– Би-ла кайфа, – звенели голоса.

– Мы сделаем уютный дом из Арракиса с тающими ледниками на полюсах, с озерами в умеренных зонах... и лишь глубокую пустыню оставим делателю и его специ.

– Би-ла кайфа.

– И никто, ни один человек, не будет жаждать воды. Человеку будет дано черпать ее из родника, пруда, озера, канала. Она будет бежать по канатам, орошая наши посадки. И всякий будет вправе воспользоваться ею. Она будет его... лишь протяни руку.

– Би-ла кайфа.

Джессика чувствовала в этих словах религиозный обряд, инстинктивное благоговение. «Они в ладу с собственным будущим, – думала она, – у них есть вершина, которой следует достигнуть. Эта мечта ученого... а простые люди, крестьяне, как они отдались ей!»

Мысли ее вернулись к Лайету-Кайнсу, императорскому экологу планеты, ставшему здесь туземцем... Она удивилась. В душах фрименов пламенела мечта, и она чувствовала в ней руку эколога. И за такую мечту эти люди с радостью отдадут жизнь. Как повезло ее сыну: у его народа есть цель! Таких людей легко воспламенить, пробудить в них энергию и фанатизм. Из них можно выковать меч, который вернет Полу его законное положение.

– А теперь в путь, – сказал Стилгар, – дождемся восхода первой луны. Проводим Джемиса в дорогу – и домой.

Оставив за спиной водоем, люди направились за ним вверх по лестнице, нерешительно бормоча.

Следуя за Чани, Пол понял, что миг выбора миновал, и теперь собственный миф поглотит его. Это место он видел не раз еще на Каладане, в пророческих снах, но увиденное сейчас дополнило видение. Пророческий дар имел пределы, он вновь ощущал это. Он словно бы мчался вместе с волной времени иногда на гребне, иногда за ним, а вокруг вздымались и рушились иные волны, то открывая его взору, то пряча переносимое ими.

А впереди нерушимым утесом маячил дальний джихад – свирепый и кровавый. Как скала над прибоем.

Миновав последнюю дверь, они вернулись в основную пещеру. Дверь задраили, погасили огни, сняли герметизаторы со входов... снаружи была ночь, над пустыней высыпали звезды.

Джессика подошла к иссушенному краю скалы у входа, поглядела на звезды, низкие и сверкающие. Вокруг нее шевелились, за спиной настраивали бализет, Пол напевал, задавая тон. В голосе его была такая грусть! Это не понравилось ей.

Из темной глубины пещеры прозвучал голос Чани:

– Расскажи мне о водах твоего мира, Пол-Муад'Диб.

Пол отозвался:

– В другой раз, Чани. Обещаю.

Такая печаль!

– Хороший бализет, – произнесла Чани.

– Очень, – согласился Пол. – Как ты думаешь, Джемис не будет возражать, если я попользуюсь им?

«Он говорит о мертвом в настоящем времени», – подумала Джессика. Слова сына встревожили ее.

Вмешался мужской голос:

– Иногда он любил музыку, Джемис-то.

– Спой тогда какую-нибудь из ваших песен, – попросила Чани.

«Сколько женственного очарования в голосе этой девочки! – подумала Джессика. – Следует предостеречь Пола относительно женщин... и поскорее».

– Эту песню сочинил мой друг, – сказал Пол. – Я думаю, теперь он мертв, мой Гарни. Он называл ее вечерней песней.

Отряд притих, мальчишеский тенор Пола вздымался над звяканьем и треньканьем струн бализета.

Смеркается... время настало костра.

Ясное солнце кануло в реку тумана.

Смятенную душу очисти от дневного обмана,

Успокой мою память, о сердца сестра.

Музыка отдавалась в сердце Джессики, языческая и плотская, вдруг напомнившая ей о себе, о потребностях тела. В напряженном молчании она слушала.

Усыпанный звездами реквием ночи – для нас.

И счастье навеки, навеки – в глубине твоих глаз...

И любовь в одеянье цветочном ласкает сердца,

И любовь в одеянье цветочном навек, до конца.

Когда отзвучали последние звуки, среди мгновенной тишины Джессика подумала: «Почему мой сын поет любовную песню этой девочке? – Она испугалась. – Жизнь мчится, да так, что ее не ухватишь ни за какие вожжи. Почему он выбрал именно эту песню? – Удивление не оставляло ее. – Часто инстинктивный выбор – самый правильный. Почему он это сделал?»

Пол молча сидел в наступившей тьме, единственная мысль владела им: «Моя мать – враг мне. Она не понимает этого, но тем не менее. Она навлекает на меня джихад. Она родила меня, воспитала. Она – враг мне».

Понятие прогресса – это просто защитный механизм, скрывающий от нас ужасы грядущего.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

По случаю семнадцатого дня рождения Фейд-Раута Харконнен убил своего сотового раба-гладиатора в семейных играх. Гостившие на отеческой планете Харконненов имперские наблюдатели, граф Фенринг и его леди, были приглашены в этот день в золоченую ложу над треугольной ареной вместе с ближайшими родственниками.

Чтобы отметить рождение на-барона и напомнить всем прочим Харконненам и подданным, кто наследует титул, на Гайеди Прим был объявлен праздник. Старый барон повелел целыми днями отдыхать от работ, и не без некоторых усилий Харко – главный город семьи – был приведен в праздничный вид: со стен домов свисали флаги, фасады домов у Дворцовой дороги поблескивали свежей краской.

Впрочем, поодаль от главной улицы граф Фенринг и его леди заметили кучи мусора, бурые стены, отражавшиеся в темных лужах, и опасно снующих людей.

Голубой дворец барона выглядел безукоризненно, но гости догадывались, какой ценой был достигнут этот лоск. Повсюду сновала стража, а блеск рукояток говорил тренированному взгляду, что оружием пользовались постоянно.

Даже внутри дома, на переходах, кое-где была выставлена стража, подозрительно оглядывающая гостей. Военная подготовка слуг выдавала себя во всем – в походке, в осанке, в том, как внимательно глаза их наблюдали, наблюдали и наблюдали.

– Чувствуется напряженность, – шепнул своей даме граф на тайном языке. – До барона начинает доходить, какой ценой он отделался от герцога Лето.

– Не хотелось бы напоминать тебе древнюю легенду о фениксе, – ответила она.

Они ожидали приглашения на арену в приемной. Зал был невелик, метров сорок длиной, в половину этого шириной, но наклонные полуколонны по бокам и изогнутая арка потолка создавали впечатление куда более обширного помещения.

– Ах-х, вот и барон, – промолвил граф.

Барон шествовал к ним по залу, переваливаясь и раскачиваясь на гравипоплавках, поддерживавших его тушу. Щеки его тряслись, силовые генераторы дергались под оранжевым балахоном. На пальцах блестели кольца, поблескивали вплетенные в ткань опалюксы.

У локтя барона выступал Фейд-Раута. Его темные волосы были завиты в тугие кольца, неестественно легкомысленные над мрачными глазами. Его наряд состоял из облегающей черной блузы и брюк в обтяжку, чуть расширившихся книзу. Небольшие ступни были обуты в мягкие ботинки.

Поглядев на осанку молодого человека, на его перекатывающиеся под блузой мускулы, леди Фенринг подумала: «Этот не позволит себе разжиреть».

Барон остановился перед ними, покровительственно взял Фейд-Рауту за руку и произнес:

– Мой племянник, на-барон Фейд-Раута Харконнен. – И, повернув младенчески пухлое лицо к Фейд-Рауте, добавил: – Граф и леди Фенринг, о которых я говорил.

Фейд-Раута вежливо склонил голову. Он вглядывался в леди Фенринг: золотоволосая гибкая женщина, совершенная фигура задрапирована изящным, длинным платьем мутно-серого цвета, без украшений. Серо-зеленые глаза тоже были обращены к на-барону. Свойственное Бинэ Гессерит ясное спокойствие ее будоражило молодого человека.

– Ум-м-м-м-м-ах-хм-м-м-м, – протянул граф, изучая Фейд-Рауту, – хм-м-м, аккуратный, молодой человек, ах, моя, хм-м-м-м... дорогая? – Граф поглядел на барона. – Почтенный мой барон, вы упомянули, что

беседовали уже о нас с этим аккуратным молодым человеком. И что же вы сказали ему?

– Я рассказал ему о том великом уважении, которым наградил вас, граф, наш Император, – ответил барон, мысленно взывая к племяннику: «Запомни его, Фейд, – убийца с обликом кролика, такие опаснее всего».

– Конечно, – согласился граф и улыбнулся своей даме.

Слова его и поступки показались Фейд-Рауте почти оскорблением. Но упрекнуть было не в чем, явного выпада со стороны графа не было. Молодой человек внимательно глянул на графа: небольшого роста, слабый на вид. Неприятное лицо с заостренными чертами, слишком большие темные глаза. На висках седина. И еще движения... он шевелил то рукой, то головой, говорил в противоположную сторону. Даже уследить было трудно.

– Ум-м-м-м-ах-х-м-м, такую аккуратность встретишь не часто, – сказал граф, обращаясь к плечу барона. – Я... ах, поздравляю вас с таким совершенным, ах-х-х, наследником. С точки зрения, хм-м-м, старшего, так сказать.

– Вы слишком любезны, – произнес барон, поклонившись, но Фейд-Раута заметил, что выражение глаз дяди противоположно словам.

– Когда вы, барон, м-м-м, в ироническом настроении, сразу, ах-х-х, понятно, что у вас в голове, хм-м-м, глубочайшие замыслы.

«Опять за свое, – подумал Фейд-Раута. – С одной стороны, похоже на оскорбление, только не за что зацепиться, чтобы потребовать удовлетворения».

От слов этого человека Фейд-Рауте казалось, что в уши его запихивают кашу... ум-м-ах-х-хм-м-м-м! Фейд-Раута перевел взгляд обратно на леди Фенринг.

– Мы, ах-х-х, отнимаем слишком много времени у молодого человека, – сказала она. – Как я понимаю, он появится сегодня на арене.

«Клянусь гуриями императорского гарема, она очаровательна!» – подумал Фейд-Раута и сказал:

– Сегодня я буду убивать в вашу честь. С вашего разрешения я объявлю об этом на арене.

Она невозмутимо выдержала его взгляд и словно кнутом обожгла его словами:

– Я не разрешаю вам.

– Фейд! – одернул его барон, подумав: «Каков чертенок! Или он хочет, чтобы убийца-граф вызвал его на поединок?»

Но граф в ответ лишь улыбнулся, протянув: «Хм-м-м-м-ум-м-м».

– Тебе и в самом деле пора готовиться к бою, Фейд, – сказал барон. – Отдохни... и обойдись сегодня без дурацкого риска.

Фейд-Раута поклонился, лицо его потемнело от смущения.

– Я заверяю, все будет именно так, как вам угодно, дядя. – Он кивнул графу Фенрингу: – Сир. – Поклонился даме: – Миледи.

Повернувшись, он широкими шагами направился к выходу из зала, не обращая внимания на кучку членов Малых Домов, сгрудившихся около двойных дверей.

– Он так молод, – вздохнул барон.

– Ум-м-м-ах, в самом деле, хм-м-м, – протянул в ответ граф.

Леди Фенринг думала: «Так, значит, вот молодой человек, которого имела в виду Преподобная Мать? Она говорила, что следует сохранить его линию наследственности».

– До его выхода на арену у нас еще более часа, – произнес барон, – не переговорить ли нам о кое-каких пустяках, граф Фенринг? – Он наклонил свою большую голову направо. – Налицо заметный прогресс в делах, его следует обсудить.

Про себя барон думал: «Ну-с, посмотрим, как этот императорский мальчик на побегушках станет сообщать мне, что велел ему Император, избегая этой дурости – откровенного разговора».

Граф обратился к своей даме:

– Ум-м-м-м-ах-х-х-хм-м-м-м, дорогая, м-м-м, извини, ах-х-х, нас.

– Каждый день, доля каждого часа несет изменения, – отвечала леди Фенринг. – М-м-м-м. – Прежде чем отойти, она ласково улыбнулась барону, и, шурша длинными юбками, королевской походкой направилась к двойным дверям в конце зала.

Барон заметил, как притихли при ее приближении все Малые Дома, как следили за ней их глаза. «Гессеритка! – подумал барон. – Вселенная стала бы куда приятнее, если бы эти ведьмы вдруг исчезли».

– Там слева, между двумя столбами, есть конус тишины, – сказал барон, – где можно переговорить, не опасаясь, что нас подслушают.

Раскачиваясь, он вступил первым в поглощающее звуки поле, все вокруг словно бы притихло.

Граф встал рядом с бароном, оба повернулись лицом к стене, чтобы никто не сумел ничего прочесть по губам.

– Мы недовольны тем, как вы выставили сардаукаров с Арракиса, – сказал граф.

«Прямо в лоб!» – подумал барон.

– Их нельзя было задерживать более, прочие могли разведать, чем помог мне Император.

– Но ваш племянник Раббан не слишком усерден в решении фрименского вопроса.

– Чего же еще хочет Император? – спросил барон. – На Арракисе их осталась какая-то горсточка. Южная пустыня необитаема, а северную регулярно облетают наши патрули.

– Кто вам сказал, что южная пустыня необитаема?

– Ваш собственный планетолог утверждал это, дорогой граф.

– Но доктор Кайнс мертв.

– Ах, да... к несчастью.

– Мы знакомимся с результатами облета южных краев, – сказал граф. – Есть свидетельства существования там растительности.

– Значит, Гильдия наконец согласилась следить за Арракисом из космоса?

– Вы же знаете, барон. Император не может легально установить наблюдение за планетой.

– А я не могу позволить себе такие расходы, – сказал барон, – и кто же совершил... облет?

– Ну... контрабандист.

– Кто-то обманул вас, граф, – произнес барон, – контрабандисты так же не могут проникнуть в южные широты, как и люди Раббана. Бури, электростатика от песка и все прочее... знаете сами. Навигационные маяки ломаются быстрее, чем их устанавливают.

– О статике и ее различных видах мы, пожалуй, поговорим в другое время.

«Ах-х», – подумал барон.

– Значит, вы нашли ошибку в моем анализе? – требовательно спросил он.

– Когда вы представите себе масштаб ваших собственных ошибок, для самооправдания не останется места, – ответил граф.

«Он намеренно пытается разозлить меня», – подумал барон и сделал два глубоких вдоха, чтобы успокоиться. Он ощутил запах собственного пота, кожа под лентами поплавков вдруг засвербела.

– Император не может сожалеть о смерти наложницы и ее сына, – бросил барон. – Они бежали в пустыню... навстречу буре.

– Да, при вас на этой планете произошло много несчастных случаев, – согласился граф.

– Мне не нравится этот тон, – заметил барон.

– Не надо путать гнев и насилие, – сказал граф. – Должен предостеречь вас: если со мной здесь тоже произойдет несчастный случай, все Великие Дома узнают, чем вы занимались на Арракисе. Все и так уже давно подозревают, что вы нечисто ведете дела.

– Мое самое последнее дело на этой планете, – отозвался барон, – доставка туда нескольких легионов сардаукаров.

– И вы думаете, что сумеете замахнуться на Императора?

– Не смею и думать об этом.

Граф улыбнулся:

– Найдутся командиры, которые присягнут, что сардаукары очутились там без всякого приказа со стороны Императора, просто из ненависти к туземному отребью.

– Такое признание вызовет сомнения у многих, – произнес барон, почувствовав опасность. «Неужели сардаукары действительно настолько дисциплинированы?» – подумал он.

– Император хочет заслушать ваши счетные книги, – сказал граф.

– В любой момент.

– И у вас... ах... нет возражений?

– Никаких. В своем директорате КАНИКТ я могу отчитаться до последнего медяка.

Барон подумал: «Пусть он предъявит мне вымышленное обвинение. И я встану тогда, словно Прометей, и скажу всем: вземлите, меня оболгали. И потом пусть он попробует еще раз обвинить меня, даже если обвинение будет истинным. Великие Дома не поверят обвинителю, промахнувшемуся однажды».

– Вне сомнения, ваши книги выдержат любую проверку, – пробормотал граф.

– Почему же Император столь заинтересован в уничтожении фрименов? – спросил барон.

– Хотите изменить тему разговора? – Граф передернул плечами. – Это желание сардаукаров, не Императора. Им нужна практика, чтобы не отвыкнуть, они должны убивать... кроме того, они не любят бросать дела на полдороге.

«Он пытается испугать меня, напомнить, что за его спиной – эти кровожадные убийцы».

– Небольшая резня всегда помогала делу, – сказал барон, – но надо когда-нибудь остановиться. Иначе кто будет добывать специю?

Граф издал короткий лающий смешок:

– Вы думаете, что сумеете запрячь Вольный народ?

– Ну для этого их всегда было слишком мало, – сказал барон, – но резня тревожит остальное население. Кстати, есть и другое решение арракийской проблемы, мой дорогой Фенринг. Должен признаться, что источником вдохновения для меня послужили деяния самого Императора.

– Ах-х?

– Видите ли, граф, меня вдохновляет пример тюремной планеты Императора, Салузы Секундус.

Поблескивая глазами, граф внимательно поглядел на барона.

– И какую же связь вы усматриваете между Арракисом и Салужой Секундус?

Почувствовав напряженность во взгляде Фенринга, барон произнес:

– Пока никакой.

– Пока?

– Признайте, число рабочих рук на Арракисе можно увеличить, если использовать планету для наказания.

– Вы ожидаете увеличения числа заключенных?

– Там было восстание, – признался барон, – мне пришлось крепко нажать на них, Фенринг. В конце концов, вы знаете, какую цену пришлось мне уплатить этой проклятой Гильдии за перевозку наших объединенных сил на Арракис. Эти деньги надо вернуть.

– Я предполагаю, вы, барон, не воспользуетесь Арракисом в качестве тюрьмы без разрешения Императора.

– Конечно же, нет, – отозвался барон, озадаченный внезапным холодком в тоне Фенринга.

– Еще один вопрос, – сказал граф. – Мы узнали, что ментат герцога Лето, Сафир Хават, жив и служит вам.

– Я не смог заставить себя уничтожить такую ценность, – согласился барон.

– Вы солгали командиру сардаукаров, что Хават мертв.

– Чистейшая белая ложь, мой дорогой граф. Меня слишком утомил долгий спор с вашим человеком.

– Это Хават был предателем?

– О, добродетель, нет! Поддельный доктор. – Барон вытер выступивший на шее пот. – Вы должны понять меня, Фенринг, я остался без ментата. Вы это знаете. Я никогда не оставался без ментата. Это весьма неудобно.

– Как вы убедили Хавата сотрудничать?

– Его герцог умер. – Барон выдавил улыбку. – Хавата можно не опасаться, мой дорогой граф. Плоть ментата пропитана остаточным ядом. Мы постоянно даем ему противоядие с пищей. Без него – яд сработает, и Хавата не станет через несколько дней.

– Отмените противоядие, – скомандовал граф.

– Но он же полезен!

– Он знает слишком много такого, чего не должна знать ни одна живая душа.

– Вы же говорили, что Император не боится разоблачения.

– Не затевайте эту игру, барон!

– Я подчинюсь такому приказу в письменном виде и с имперской печатью, – сказал барон, – но не вашей прихоти...

– Вы считаете это прихотью?

– Чем же еще? К тому же и за Императором есть небольшой должок, Фенринг. Я избавил его от беспокойного герцога.

– С помощью какой-то горстки сардаукаров...

– Какой еще Дом укрыл бы под своими мундирами руку Императора в этом деле?

– Император задавался этим вопросом, барон, но с несколькими акцентами.

Барон вглядывался в невозмутимое лицо Фенринга, не выдававшего никакого волнения.

– Ах-х, кстати, – протянул барон, – надеюсь, Император не считает, что сумеет провести такую же операцию против меня в полной тайне?

– Он рассчитывает, что необходимости в ней не возникнет.

– Не думает же Император, что я ему угрожаю! – расчетливо добавив в голос гнев и горечь, барон соображал: «Пусть-ка поверит! Тогда я смогу усесться на трон, бия себя кулаком в грудь и вопя, что меня оболгали».

Сухо и отчужденно граф произнес:

– Император верит тому, что говорят его чувства.

– Неужели Император посмеет обвинить меня в предательстве перед всем Советом Ландсраада? – Барон в надежде даже задержал дыхание.

– Что значит здесь слово «посмеет» в отношении к Императору?

Чтобы скрыть выражение лица, барон отвернулся. «Неужели все может случиться еще при моей жизни! – подумал он. – Император! Пусть он только обвинит меня! А там – подкуп и принуждение... да все Великие Дома объединятся! Они бросятся под мое знамя, как фазаны в укрытие. Чего еще они так боятся, как не сардаукаров, поодиночке расправляющихся с ними?»

– Император искренне надеется, что ему никогда не придется обвинить вас в предательстве, – произнес граф.

Барон попытался удержаться от иронии, ограничиться выражением оскорбленного достоинства, с трудом справился с собой и произнес:

– Я всегда был самым верным его подданным. Не могу даже сказать, как ваши слова ранили меня.

– Ум-м-м-м-ах-хм-м-м, – ответил граф.

Не поворачиваясь лицом к графу, барон кивнул:

– Пора отправляться на арену.

– Действительно, – согласился тот.

Они вышли из конуса тишины и бок о бок направились к Малым Домам, переминавшимся в ожидании у входа. Где-то в глубине дома звякнул колокол – до начала поединка на арене оставалось двадцать минут.

– Малые Дома ждут, что вы возглавите их, – сказал граф, кивая в сторону ожидавших.

«Опять двусмысленность», – подумал барон.

Он поглядел на новые талисманы, повешенные по сторонам входа в зал: задранную вверх бычью голову и писанный маслом портрет старого герцога Атрейдеса, отца покойного герцога Лето. На этот раз они пробудили в бароне недобрые предчувствия, он задумался: «Интересно, какие же отклики эти предметы вызывали в душе самого герцога Лето в залах Каладана и Арракиса: забияка-отец и бычья голова с его кровью, запекшейся на рогах».

– Человечество, ах, знает лишь, м-м-м-м, одну науку, – промолвил граф, проходя мимо подтянувшихся поближе подданных в приемную – узкую комнату с высокими окнами, пол которой был выложен белой и пурпурной плиткой.

– И что же это за наука? – осведомился барон.

– Это, ум-м-м-ах-х, наука, ах-х-х, недовольства, – ответил граф.

Малые Дома, следовавшие позади с овечьей кротостью и вниманием на лицах, рассмеялись с весьма уместным одобрением, но гармонию нарушили пажи, вдруг распахнувшие наружные двери. Там, урча двигателями, в линию выстроились наземные автомобили, на капотах которых трепетали флажки.

Повысив голос, чтобы преодолеть внезапный шум, барон произнес:

– Надеюсь, мой племянник не разочарует сегодня вас на арене, граф Фенринг.

– Пока, ах-х-х, меня, ум-м-м-м, наполняет лишь, хм-м-м-м, чувство предвкушения, да, – сказал граф. – При вербальном процессе, ах-х-х, всегда, ум-м-м-м-ах-х-х, следует задаваться вопросами, ах-х-х-х, родства.

Свой внезапный испуг барон скрыл, якобы поскользнувшись на первой ступеньке спуска. *Вербальный процесс! Донос о преступлении против Империи!*

Но граф хихикнул, превращая собственные слова в шутку, и похлопал барона по руке.

И всю дорогу, откинувшись на подушки бронированного автомобиля, барон искоса поглядывал на сидевшего рядом графа, размышляя, почему вестовой Императора счел необходимым

отпустить именно такую шутку в присутствии представителей Малых Домов. Было совершенно очевидно, что Фенринг редко позволял себе поступки, не являвшиеся необходимыми, и, уж конечно, не тратил двух слов там, где можно было обойтись одним, и не ограничивал себя однозначным толкованием простой фразы.

Они сидели в золоченой ложе над треугольной ареной. Выли трубы, в рядах кресел вокруг них и по бокам гудели голоса. Тогда-то барон и получил ответ.

– Мой дорогой барон, – сказал граф, склоняясь к его уху, – вы ведь знаете, не так ли, что Император официально еще не одобрил выбранного вами наследника?

Потрясение как будто бы затянуло барона обратно в конус тишины. Он глядел на Фенринга, не замечая подошедшей сзади леди Марго, только что миновавшей кольцо охраны вокруг ложи.

– Поэтому-то я сегодня здесь, – сказал граф. – Император пожелал, чтобы я проверил, достойного ли наследника выбрали вы. Ничто так не разоблачает истинную суть человека, как поединок, не правда ли?

– Император обещал мне право свободного выбора наследника! – проскрежетал барон.

– Посмотрим, – сказал Фенринг и обернулся поприветствовать свою даму. Она опустилась в кресло, улыбнулась барону, а потом перевела взгляд на арену, где как раз появился Фейд-Раута в жилете и брюках в обтяжку. В правой руке в черной перчатке он сжимал длинный нож, в левой руке, обтянутой белой перчаткой, – короткий.

– Белый цвет – цвет яда, черный – чистоты, – сказала леди Фенринг, – интересная символика, дорогой мой, не так ли?

– Ум-м-м-м, – отвечал граф.

С галерей семейств послышались возгласы одобрения, Фейд-Раута остановился, вслушиваясь в них, вглядываясь в лица кузин и кузенов, сводных братьев, наложниц и прочих обойденных им родственников. Их было много, этих орущих розовых ртов, под знаменами, в цветастых одеждах.

Фейд-Раута вдруг подумал, что эти лица, стиснутые в плотные ряды, будут радоваться его собственной крови не меньше, чем крови гладиатора. Конечно, сомнений в исходе поединка не было. И все эти схватки – лишь видимость, призрак опасности.

Фейд-Раута воздел ножи к солнцу, в старинной манере поприветствовал все три трибуны. Короткий нож из белой перчатки (белый – цвет яда) первым переместился в ножны. За ним последовал черный из руки в черной перчатке – чистый клинок, что не был чист, – его тайное оружие, оно принесет ему нынче победу – яд на черном клинке.

Секунда на включение и настройку щита, поле которого стянуло кожу на лбу, – защита теперь обеспечена.

Момент этот был по-своему важен, и Фейд-Раута слегка помедлил, как опытный актер, кивая подручным и отвлекателям, оценивая взглядом их снаряжение, кандалы с поблескивающими шипами, крючки и дротики с синими султанами.

Фейд-Раута махнул музыкантам.

Зазвучал древний медленный марш, глубокий и пышный... Фейд-Раута вывел свою группу на арену напротив ложи барона. На лету поймал брошенный церемониальный ключ. Музыка смолкла.

Во внезапной тишине он отступил на два шага назад и громко провозгласил:

– Я посвящаю грядущую победу... – сделал паузу, чтобы дядя успел подумать, что юный дурак, несмотря ни на что, собирается посвятить бой леди Фенринг и вызвать скандал, а потом закончил фразу: – ...моему дяде и патрону, барону Владимиру Харконнену!

Музыка возобновилась, теперь звучал быстрый марш, помощники поспешно следовали за Фейд-Раутой к страж-двери, открывающейся только для имеющего идентификационную полосу. Фейд-Раута гордился, что дверь эту ему еще не приходилось использовать, да и к помощи отвлекателей он до сих пор прибегал весьма редко. Но все-таки неплохо было ощущать, что они неподалеку... случалось, что собственные замыслы грозили опасностями и ему самому.

Арена притихла.

Фейд-Раута повернулся лицом к большой красной двери в трибуне напротив, оттуда вот-вот должен был появиться гладиатор.

Особенный гладиатор.

«План Сафира Хавата восхитительно прост и бесхитростен», – подумал Фейд-Раута. Раб не должен быть одурманен наркотиками, как обычно. Вместо этого в его психику было впечатано особое слово, лишаящее сил в нужный момент. Фейд-Раута вызвал в памяти это

жизненно важное слово, со вкусом произнес его про себя: «Подонок!» Присутствующие, конечно, решат, что выход на арену трезвого гладиатора подстроен, чтобы убить на-барона, а искусно сфабрикованные Хаватом улики укажут на главного надсмотрщика.

За красной дверью загудели сервомоторы.

Фейд-Раута со всем вниманием вглядывался в открывающийся проход. Момент был критический. Когда гладиатор появлялся на арене, его вид говорил опытному глазу о многом. Перед выходом им давали наркотик-элакку, чтобы вселить в них ярость... и опрометчивость, но все-таки приходилось смотреть, как держит гладиатор нож, оценивать, как будет защищаться, слышит ли публику на трибунах. По наклону головы можно было судить и о манере боя.

Красная дверь распахнулась.

На арену выбежал высокий мускулистый мужчина с бритым черепом. На лице его провалами темнели глазницы, кожа отливала оранжевым цветом, как после наркотика. Но сейчас Фейд-Раута знал – это была краска. На рабе были зеленые брюки в обтяжку и красный пояс полушита. Стрелка на поясе указывала влево, на защищенный силовым полем бок раба. Свой нож он держал подобно мечу, слегка выставив его острие вперед, как подобает опытному бойцу. Он медленно двинулся по арене, обратившись к Фейд-Рауте и его свите, застывшей у страж-двери, защищенным левым боком.

– Он мне что-то не нравится, – сказал один из дротиконосцев Фейд-Рауты. – Вы уверены, что ему давали наркотики, милорд?

– Кожа оранжевая, – ответил Фейд-Раута.

– Но поза бойца, – произнес другой помощник.

Шагнув два раза вперед, Фейд-Раута продолжал вглядываться в раба.

– Что там у него с рукой? – спросил один из отвлекателей.

Переведя взгляд на руку гладиатора, Фейд-Раута заметил кровавую царапину на левом предплечье. Раб указал вниз, на рисунок, который сделал кровью на бедре левой брючины... Свежим пятном на ткани темнел контур ястреба.

Ястреба!

Фейд-Раута поднял взгляд, глубоко сидящие глаза раба с непривычной пристальностью смотрели на него.

«Один из воинов герцога, взятых на Арракисе! – подумал Фейд-Раута. – Не простой гладиатор!» По коже его пробежал холодок... Что, если у Хавата есть собственный план сегодняшнего поединка – финт в финте, и в нем финт, и снова финт. И что бы ни случилось, за все ответит надсмотрщик.

Главный помощник Фейд-Рауты шепнул ему на ухо:

– Не нравится он мне, милорд. Позвольте мне воткнуть дротик-другой ему в руку.

– Я справлюсь сам, – ответил Фейд-Раута, принял от помощника две тонкие длинные стрелки, взвесил в ладони. Обычно на дротики тоже наносили элакку, но сейчас наркотика на них не было. Главный помощник поплатится сегодня жизнью за это... что тоже являлось частью плана.

«Вы выйдете из этой истории героем, – сулил ему Хават. – В честном поединке мужественно сразите очередного гладиатора, невзирая на предательство, в котором будут уверены все. Надсмотрщика казнят, и на его место вы сможете поставить своего человека».

Оттягивая момент, Фейд-Раута сделал еще пять шагов вперед, внимательно рассматривая раба. Сейчас, он не сомневался, знатоки наверху уже поняли, что на арене творится что-то неладное. Кожа гладиатора была оранжевой, как и следовало, но держался он прямо и стоял совершенно невозмутимо. Сейчас болельщики перешептываются: «Глядите, он стоит. Он должен двигаться, наступать или обороняться. А он сберегает силы... он стоит. Почему он ждет?»

Фейд-Раута почувствовал, что успокаивается. «Если Хават и замыслил предательство, – подумал он, – с этим рабом я управлюсь. Ведь яд на моем длинном ноже, не на коротком. Даже сам Хават не знает об этом».

– Хей, Харконнен! – крикнул раб. – Ты приготовился к смерти?

Мертвое молчание стиснуло арену. Рабы никогда не вызывали на бой.

Теперь Фейд-Раута ясно видел глаза гладиатора, глядевшего на него с холодной свирепостью отчаяния. На-барон отметил, как держался противник – свободно и непринужденно, мышцы его были готовы к победе. По «телеграфу» рабов до него донеслась весть от

Хавата: «У тебя будет реальная возможность убить на-барона». Пока все шло по плану.

Жесткая улыбка тронула губы Фейд-Рауты. Он поднял дротик – манера гладиатора сулила ему успех.

– Хей! Хей! – повторил раб и, согнувшись, сделал два шага навстречу.

«Теперь никто не ошибется и на галерке», – подумал Фейд-Раута.

Раб уже должен был поддаться ужасу. И в каждом его движении должно было уже чувствоваться: надежды нет ни на победу, ни на жизнь. Ему должны были прожужжать все уши рассказами о ядах, которые на-барон выбирает для кинжала в белой перчатке. Быстрой смерти его рука не сулила – на-барон любил редкие яды, а иногда даже принимался, стоя над корчащейся жертвой, комментировать интересные побочные эффекты. И страх на лице раба был, только не ужас.

Подняв дротик повыше, Фейд-Раута почти приветственно кивнул.

Гладиатор ударил.

Выпад и защита были великолепны, с такими Фейд-Рауте еще не приходилось встречаться. Выверенный удар сбоку лишь на какую-то долю секунды опоздал, не успев перерезать сухожилие на левой ноге на-барона.

С легкостью танцора Фейд-Раута уклонился в сторону... В правом предплечье раба подрагивал тонкий дротик. Крючья его глубоко впились в плоть, так что гладиатор не мог его вырвать, не разорвав сухожилий.

Галереи дружно вздохнули.

Звук этот наполнил Фейд-Рауту вдохновением.

Он знал теперь, что чувствует его дядя там, наверху, рядом с Фенрингами, наблюдателями Императора. Прекратить бой он не мог, при свидетелях приходилось соблюдать приличия. А события на арене барон мог истолковать лишь весьма однозначно, как угрозу самому себе.

Раб отступил подальше; взяв в зубы нож, он примотал дротик лентой султана к руке.

– Я не чувствую этой иголки! – крикнул он. И вновь двинулся вперед, держа нож наготове, боком, чтобы по возможности укрыться за полущитом.

И это, вполне понятно, не ускользнуло от глаз наблюдателей. Помощники Фейд-Рауты кричали, спрашивали, не нужна ли их помощь. Он махнул, чтобы они отошли к страж-двери.

«Теперь я устрою им такое представление, какого здесь еще не видели! – подумал Фейд-Раута. – Это будет не привычное для всех убийство беззащитного одурманенного раба, когда можно сидеть и восхищаться стилем. Нет, то, что я сделаю, вывернет наизнанку их куриные потроха. А когда я стану бароном, этот день вспомнят, и среди них не останется ни одного, кто не убоится меня».

Фейд-Раута медленно отступал перед по-крабьи, бочком приближающимся гладиатором. Под ногой похрустывал песок. Он слышал, как тяжело дышал раб, чувствовал запах его крови и собственного пота.

Забирая вправо, на-барон все отступал, держа наготове новый дротик. Раб легким движением метнулся в сторону, Фейд-Раута, казалось, пошатнулся, на галереях раздался визг.

Раб вновь ударил.

«Боже, что за воин!» – успел подумать Фейд-Раута, уклоняясь. Лишь быстрота молодости спасла его, и в дельтовидной мышце правой руки раба теперь подрагивал второй дротик.

Пронзительные крики одобрения хлынули с трибун.

«Они приветствуют меня», – подумал Фейд-Раута. В голосах их он слышал дикарское самозабвение, что и сулил ему Хават. Здесь еще никогда не приветствовали так бойца от семейства. Не без горечи припомнились слова Хавата: «Более всего ужасает враг, которым ты восхищаешься».

Фейд-Раута поспешил вернуться на середину арены, чтобы зрители хорошенько разглядели дальнейшее. Вытащив длинный нож и пригнувшись, он стал ожидать приближения раба.

Задержавшись на мгновение, чтобы подвязать к руке и второй дротик, тот двинулся следом.

«Пусть семейка теперь поглядит на меня, – думал Фейд-Раута. – Я враг им – пусть они обо мне так и думают».

Он извлек и короткий клинок.

– Я не боюсь тебя, свинья Харконнен, – крикнул гладиатор. – Мертвому мучения нипочем. И я умру на собственном клинке прежде,

чем твои помощники наложат на меня руку. А ты сейчас ляжешь, ляжешь первым.

Фейд-Раута ухмыльнулся, выставил вперед длинный клинок, тот, что с ядом.

– А попробуй-ка это, – сказал он, сделав выпад рукой с коротким клинком.

Обеими руками гладиатор остановил удар, зажав руку на-барона с коротким клинком... ту, в белой перчатке, что по традиции должна была нести яд.

– Ты умрешь, Харконнен, – задыхаясь проговорил гладиатор.

Схватившись, они раскачивались из стороны в сторону. Там, где щит Фейд-Рауты соприкасался с полущитом гладиатора, вспыхивали синие всполохи. В воздухе запахло озоном.

– Умрешь от собственной отравы, – проскрежетал раб.

Медленно развернув от себя руку в белой перчатке, он надавил, направив смазанный ядом нож к телу на-барона.

«Пусть посмотрят!» – думал Фейд-Раута. Он попытался ударить противника длинным клинком, но тот лишь беспомощно царапнул о примотанное к руке древко дротика.

Отчаяние охватило Фейд-Рауту. Он не мог даже и подумать, что дротики окажут услугу рабу. Они прикрыли гладиатора словно щитом. Как он силен! Короткий клинок неотвратимо приближался, и Фейд-Раута подумал: «Пора, иначе гладиатор умрет на собственном клинке».

– Подонок! – выдохнул Фейд-Раута.

Повинуясь звукам этого слова, мускулы гладиатора расслабились на мгновение. Для Фейд-Рауты этого было довольно.

Гладиатор слегка приоткрылся, щель в защите оказалась достаточной для длинного клинка. Отравленное острие оставило на груди раба багровую черту. Яд был смертельным. Противник отшатнулся.

«И пусть моя драгоценная семейка посмотрит, – думал Фейд-Раута, – пусть подумают они о рабе, что попытался обратить против меня нож, который он полагал отравленным. И пусть подумают над тем, почему на арене оказался гладиатор, способный на подобное. А потом запомнят, что не следует быть уверенным в том, что знаешь, какая из моих рук сулит яд».

Фейд-Раута молча наблюдал, как замедляются движения раба. Они несли на себе печать нерешительности... и понимания. На лице его теперь четко и ясно для любого из зрителей было написано – смерть. Раб понял, что случилось и как. Яд оказался не на том клинке.

– Ты! – простонал умирающий.

Фейд-Раута отступил, чтобы не мешать смерти. Парализующее вещество, входящее в состав яда, еще не успело подействовать в полной мере, но уже заметно замедляло движения.

Словно бы его тянули незримым канатом, гладиатор пару раз неуверенно шагнул вперед, каждый шаг его был шаг единственный во всей его собственной Вселенной. Он еще держал нож, но клинок подрагивал в его руке.

– Однажды... один... из нас... доберется... до тебя, – выдохнул он.

Горестная гримаса искривила его рот. Он сел на песок, рухнул, покотившись в сторону от Фейд-Рауты, и застыл лицом вниз.

В охватившем арену молчании Фейд-Раута подошел к простертому телу, носком повернул гладиатора лицом вверх, чтобы на галереях видели лицо, ведь яд уже начинал дергать и выворачивать мускулы. Но из груди гладиатора торчал его собственный нож.

Несмотря на разочарование, Фейд-Раута почувствовал известное восхищение мужеством раба, сумевшего одолеть паралич и покончить с собой. А следом за восхищением пришло понимание: воина, лежащего перед ним, воистину следовало бояться.

Когда человек преодолевает человеческую природу на твоих глазах, это ужасает.

Углубившись в эту мысль, Фейд-Раута не сразу заметил бушующие трибуны. Они приветствовали его с полным самозабвением.

Фейд-Раута повернулся, поднял взгляд.

Кричали все, кроме барона, в глубокой задумчивости глядевшего на арену, взяв себя за подбородок. Граф и леди Фенринг молча смотрели на него, спрятав лица под улыбками.

Граф Фенринг обернулся к своей даме и проямлил:

– Ах-х-х-ум-м-м, перспективный, ум-м-м-м, молодой человек. Эх-м-м-м-ах, моя дорогая?

– Синаптические реакции его довольно быстры, – ответила она.

Барон глядел то на нее, то на графа, то на арену и думал: «Ну, если это кто-то из них сумел так подобраться к моему... – Ярость начинала вытеснять страх. – Главного надсмотрщика я велю сегодня же зажарить на медленном огне... И если в историю замешаны этот граф и его...»

До Фейд-Рауты из ложи не доносилось ни звука, все потонуло в топоте и криках над ареной:

– Голову! Голову! Голову! Голову!

Заметив, с каким выражением обернулся к нему Фейд-Раута, барон нахмурился. Плавным движением руки, с трудом одолев ярость, барон подал знак молодому человеку, стоявшему у простертого тела раба:

– Пусть мальчик получит голову. Он заслужил ее, разоблачив надсмотрщика.

Убедившись в его согласии, Фейд-Раута внутренне усмехнулся: «Они считают, что оказывают мне честь! Пусть теперь узнают, что я сам об этом думаю».

Увидев приближающихся помощников с ножовкой в руках, он знаком велел им удалиться, повторил жест, заметив их нерешительность. «Они думают почтить меня отрезанной головой!» – подумал он, нагнулся и сложил руки раба у торчащей из груди рукоятки, а потом вытащил нож и вложил его в бессильные руки.

На все потребовалось какое-то мгновение, выпрямившись, он подозвал к себе помощников и произнес:

– Похороните этого раба как есть, с ножом в руках, он заслужил это.

В золотой ложе граф Фенринг склонился к уху барона:

– Великолепный жест... истинная бравада. У вашего племянника есть собственный стиль... и храбрость.

– Он оскорбил толпу, отказавшись от головы, – пробормотал барон.

– Ни в коей мере, – проговорила леди Фенринг. Она обернулась, окинула взглядом ряды неподалеку.

И барон невольно отметил красоту ее шеи, восхитительный перелив мускулов... как у юного мальчика.

– Им понравился поступок вашего племянника.

Впечатление от жеста Фейд-Рауты докатилось теперь и до самых верхних рядов, люди увидели его помощников, выносящих нетронутое тело гладиатора, и барон понял, что леди Фенринг правильно оценила ситуацию. Люди словно сошли с ума, они визжали и топали, хлопали друг друга по плечам. Барон устало проговорил:

– Придется повелеть им праздновать до ночи. Нельзя же их отпустить по домам в таком возбуждении. Они должны видеть, что я разделяю их радость.

Он махнул рукой страже, и слуга над ложей приспустил оранжевый вымпел Харконненов, поднял вверх и вновь приспустил, поднял и приспустил в третий раз, подавая сигнал к празднику.

Фейд-Раута пересек арену и встал прямо под золотой ложей, оружие было уже в ножнах, руки спокойно опущены. Перекрывая шум разбушевавшейся толпы, он громко спросил:

– Так, значит, праздник, дядя?

Заметив, что барон говорит с племянником, люди стали стихать.

– В твою честь, Фейд, – крикнул вниз барон и в подтверждение своих слов приказал вновь приспустить вымпел.

Вокруг арены отключились страж-барьеры, и какие-то молодые люди бросились к Фейд-Рауте.

– Это сделано по вашему приказу, барон? – осведомился граф.

– Никто не причинит мальчику вреда, – ответил барон. – Он герой сегодня.

Толпа докатилась уже до Фейд-Рауты, его подхватили на плечи и понесли вокруг арены.

– Сегодня без оружия и щита он может обойти все кварталы Харко, – произнес барон. – С ним поделится последним куском и глотком, просто чтобы он побыл с ними.

С усилием оторвавшись от кресла, барон переложил свой вес на гравипоплавки.

– Будьте добры, простите меня. Совершенно безотлагательные дела требуют моего личного внимания. Охрана проводит вас в замок.

Граф поднялся и поклонился:

– Безусловно, барон. Мы предвкушаем праздник. Я, ах-х-х-м-м-м-м, никогда не видел, как празднуют Харконнены.

– Да, праздник, – согласился барон.

Он повернулся и, плотно окруженный охраной, скрылся в портале личного входа в ложу.

Капитан стражи склонился перед графом Фенрингом:

– Какие будут приказания, милорд?

– Мы подождем, ах-х-х, пока не схлынет первый, м-м-м-м, напор толпы.

– Да, милорд. – С поклоном он отступил на три шага.

Повернувшись к своей даме, граф Фенринг вновь проямлил, пользуясь гудением и мычанием их кодового языка:

– Ты, конечно, заметила?

В ответ ему она промычала на том же языке:

– Мальчишка знал, что гладиатор не получит наркотика. На мгновение он испугался, но не удивился.

– Все подстроено, – сказал он, – все от начала до конца.

– Безусловно.

– Пахнет Хаватом.

– Конечно, – ответила она.

– А я было потребовал, чтобы барон его ликвидировал.

– Это была ошибка, мой дорогой.

– Теперь я это вижу.

– Скоро у Харконненов будет новый барон.

– Если этого захочет Хават.

– Действительно, следует разобраться, – согласилась она.

– Молодым будет легче управлять.

– Да... и в особенности после сегодняшней ночи, – ответила она.

– И ты соблазнишь его без затруднений, моя племенная кобылка?

– Конечно, любимый. Ты видел, какими глазами он глядел на меня?

– Да, и я вижу теперь, почему мы должны сохранить эту генетическую линию.

– Безусловно, мы должны держать его под контролем. В глубину его существа я вложу необходимые фразы, которыми можно будет согнуть его, воздействуя на прана- и бинду-систему.

– И следует уезжать побыстрее... как только ты будешь уверена.

Она поежилась:

– Безусловно. Не хотелось бы вынашивать ребенка в таком ужасном месте.

– Чего только не сделаешь во имя человечества, – сказал он.

– Тебе легче, – отозвалась она.

– Ну, знаешь, мне приходится преодолевать весьма древние предрассудки. Прямо скажем – первородные...

– Дорогой мой, – сказала она, похлопав его по щеке, – ты же знаешь, иным способом эту линию нам не сохранить.

Он сухо ответил:

– Я вполне понимаю, что мы делаем.

– Мы не должны провалиться, – сказала она.

– Вина начинается с ощущения неудачи, – напомнил он.

– Вины не будет, – произнесла она, – гипнолигация психики этого Фейд-Рауты и его плод в моем чреве – вот и все.

– Этот дядя, – сказал он. – Ты видела когда-нибудь подобное извращение?

– Весьма свиреп, – согласилась она, – но из племянничка может выйти и нечто похуже.

– Благодаря дяде. Как подумаешь, что вышло бы из этого парня, получи он другое воспитание, например, в духе моральных установок Атрейдесов...

– Увы, – ответила она.

– Эх, хорошо бы спасти их обоих, и юного Атрейдеса, и этого юношу. Я слышал, что в Поле изумительным образом слились наследственность и воспитание. – Он покачал головой. – Впрочем, не следует скорбеть над участью неудачников.

– Знаешь, у Бинэ Гессерит есть поговорка, – начала она.

– У вас есть поговорка на каждый случай, – возразил он.

– Эта тебе понравится, – сказала она. – У нас говорят так: «Не считай человека умершим, пока не увидишь его труп. Но даже и тогда можно ошибиться».

*Во «Времени размышлений» Муад'Диб говорит нам, что
лишь с первыми столкновениями с жизнью Арракиса*

началось его настоящее воспитание. Он учился ощупывать песок, чтобы узнать погоду; познал язык укулов, которыми жалит кожу ветер, и зуд песчаной чесотки; он научился собирать драгоценную воду своего тела, хранить ее и защищать. А когда глаза его налились синевой Ибада, он познал путь чакобсы.

*Из предисловия Стилгара к книге принцессы
Ирулан «Муад'Диб – человек»*

Отряд Стилгара, возвращавшийся в ситч с двумя беглецами, выбрался из котловины в ущербном свете первой луны. Ощутив запах дома, облаченные в серые одеяния люди поторапливались. Позади еще не погасла полоска – яркая для этих часов в середине осени, когда солнце по местному зодиаку находится в созвездии Горного Козла.

Унесенные ветром листья осыпались к подножию утеса, где их еще собирала ребятня из ситча, но шаги идущих, кроме изредка оступавшихся Пола и Джессики, никто из детей не отличил бы от естественных звуков ночи.

Вытерев присохшую пыль со лба, Пол почувствовал, что его потянули за руку, услышал сердитый голос Чани:

– Почему делаешь не так? Я же тебе показывала – надо опускать капюшон на лоб, почти на глаза. Ты теряешь влагу.

Сзади шепотом приказали молчать:

– Пустыня слышит вас!

В скалах над головами чирикнула птица.

Отряд замер, и Пол вдруг почувствовал в людях тревогу. В скалах, наверху, что-то тихо стукнуло несколько раз, словно мышь запрыгала по песку.

И снова чирикнула птица.

Отряд вновь потянулся вверх, в расщелину среди скал, но затаенное дыхание фрименов вселяло в Пола опаску. Он заметил, что остальные искоса поглядывали на Чани, она же пыталась держаться в сторонке.

Теперь под ногами была скала, вокруг шелестели серые одеяния, походная дисциплина явно стала лишней, но охватившая и Чани, и всех прочих отчужденность не исчезала.

Он следовал за чьей-то тенью: вверх по ступеням, поворот, еще ступени, тоннель, за ним две влагозащитные двери и, наконец, узкий, освещенный световыми шарами коридор в желтых скалах.

Фримены вокруг него откидывали капюшоны, вытаскивали из носов фильтры, глубоко дышали. Кто-то вздохнул. Пол поискал взглядом Чани, рядом ее не оказалось. Вокруг него толкались люди, один врезался прямо в него и торопливо сказал:

– Извини, Усул! Крепко мы с тобой! Увы, как приходишь – всегда одно и то же.

Слева от себя Пол увидел узкое бородатое лицо человека, которого звали Фарух. Обведенные темным синие глаза казались черными в желтом свете шаров.

– Откинь капюшон, Усул, – сказал Фарух, – ты дома.

Расстегнув на нем капюшон, он локтями растолкал вокруг Пола людей.

Пол вытащил фильтры из носа и отбросил защитную маску со рта. Лавиной нахлынул запах ситча: вонь невымытых тел, переработанных отходов – словом, весь кислый дух человечества... и всевластный запах специи.

– Чего мы ждем, Фарух? – спросил Пол.

– По-моему, Преподобную Мать. Ты слышал известия... бедная Чани.

«Бедная Чани?» – мысленно переспросил Пол. Он огляделся, удивляясь, где она и куда подевалась мать в такой суете.

Фарух глубоко вдохнул.

– Пахнет домом, – объявил он.

Иронии в его тоне не было, эта вонь действительно доставляла ему удовольствие. Потом Пол услышал, что мать кашлянула неподалеку. Раздался ее голос:

– Богаты запахи твоего дома, Стилгар. Вижу, вы много работаете со специей... Делаете бумагу... Пластик и... Не химическую ли взрывчатку?

– Ты определила все это по запаху? – спросил какой-то мужчина.

Пол понял: говорит она для него, чтобы ослабить натиск на обоняние.

В голове отряда послышался шум, и длинный вздох, казалось, прокатился вдоль всей цепочки; негромко переговаривались, передавая

весть, голоса:

– Лайет умер.

– Увы, это верно.

«Лайет, – подумал Пол, – ведь Чани – дочь Лайета».

Части головоломки сложились воедино. Планетолога звали среди фрименов Лайетом.

Пол поглядел на Фаруха, спросил:

– Не тот ли это Лайет, которого звали еще и Кайнсом?

– Лайет один, – ответил Фарух.

Пол повернулся, глядя в прикрытые балахоном спины. Значит, Лайет-Кайнс мертв.

– Очередное предательство Харконненов, – прошипел кто-то. – Изобразили аварию топтера... мол, погиб в пустыне.

Гнев душил Пола. Погиб человек, ставший им другом, спасший от облавы, разославший во все стороны по пустыне отряды, чтобы спасти их... И он стал жертвой Харконненов!

– Жаждешь ли ты, Усул, мести? – спросил Фарух.

Прежде чем Пол успел ответить, впереди раздался негромкий зов и отряд вступил в широкий зал. Перед ним оказался Стилгар, а рядом с ним – странная женщина, обернутая в кусок ткани ярко-оранжевого цвета с зелеными пятнами. Руки ее были обнажены до плеч, конденскостюма не было. Кожа ее отливала светло-оливковым цветом. Откиннутые назад волосы открывали высокий лоб, подчеркивая острые скулы, и орлиный нос, и глубокую темноту глаз.

Она повернулась к нему, в ушах ее были продеты золотые кольца вперемежку с позвякивающими водными знаками.

– И этот одолел моего Джемиса? – спросила она.

– Помолчи, Хара, – промолвил Стилгар, – Джемис сам виноват... вызвал его на тахадди аль-бурхан.

– Но ведь он же мальчишка! – сказала она, качнув головой. Водные знаки звякнули. – И этот ребенок лишил моих детей отца? Случайность, наверное.

– Усул, сколько тебе лет? – спросил Стилгар.

– Пятнадцать стандартных, – ответил Пол.

Стилгар оглядел свой отряд:

– Ну, кто-нибудь из вас рискнет бросить мне вызов?

Ответом было молчание.

Стилгар поглядел в глаза женщине:

– Пока эти двое не научат меня своему невероятному искусству боя, я не рискну бросить ему вызов.

Она стойко выдержала его взгляд:

– Но...

– Ты видела странную женщину, что ушла с Чани и Преподобной Матерью? – спросил Стилгар. – Это мать парня, а теперь сайидина-чужедал. И мать, и сын неодолимы в бою.

– Лисан аль-Гаиб, – шепнула женщина и благоговейным взором поглядела на Пола.

«Опять эта легенда», – подумал Пол.

– Может быть, – сказал Стилгар, – но и это будет проверено. – Он перевел глаза на Пола. – Усул, по нашим обычаям, ты отвечаешь теперь за женщину Джемиса и ее двоих сыновей. Его яли, жилье, – твое яли. Его кофейный сервиз – твой... и эта женщина тоже.

Пол вглядывался в женщину, удивляясь: «Почему же она не плачет? Почему на лице не видно ненависти ко мне?» И вдруг заметил, что фримены вокруг внимательно глядят на него с ожиданием.

Кто-то шепнул:

– У всех дела. Скажи, наконец, как ты берешь ее?

Стилгар спросил:

– Ты берешь Хару как служанку или женщину?

Подняв руки, Хара повернулась на каблуках.

– Усул, я еще молода. Говорят, что я ничуть не постарела с той поры, когда жила еще с Джоффом... пока Джемис не победил его.

«Значит, Джемис убил другого, чтобы овладеть ею», – подумал Пол и проговорил:

– Если я возьму ее служанкой, могу ли потом переменить свое мнение?

– У тебя есть для этого год, – ответил Стилгар. – А потом она станет свободной и будет поступать по своему усмотрению... ты можешь отпустить ее и раньше. Но в течение года, как бы то ни было, ты отвечаешь за нее... А за сыновей Джемиса ты всегда будешь в ответе... в какой-то мере.

– Я принимаю ее как служанку, – произнес Пол.

Хара топнула ногой, гневно передернула плечами:

– Но я же молода!

Стилгар поглядел на Пола, сказал:

– Осторожность – достоинство вожака... А ты замолчи, – приказал он женщине, – пусть все будет достойно. Покажи Усулу его жилье и место для отдыха, пригляди, чтобы ему было во что переодеться.

– Ох-х-х-х! – проговорила она.

Пол уже успел зарегистрировать ее в своем сознании и составить о ней первое впечатление. Он чувствовал нетерпение людей, понимал, сколько у них дел. Он хотел было спросить, где мать и Чани, но по нервной позе Стилгара понял, что этого не следует делать.

Повернувшись к Харе, он обратился к ней подрагивающим от внутреннего напряжения тоном, который должен был повергнуть ее в трепет:

– Ну, показывай свое жилище, Хара! А о твоей молодости мы поговорим в другой раз.

Отступив на два шага назад, она испуганно глянула на Стилгара и глухо проговорила:

– У него колдовской голос.

– Стилгар, – сказал Пол. – Я в долгу перед отцом Чани. Если я могу...

– Обо всем этом мы поговорим на совете, – перебил его Стилгар, – там все и расскажешь. – Он кивнул, прощаясь, и повернулся, отряд последовал за ним.

Пол взял Хару за руку, ощутив прохладу подрагивавшей плоти.

– Я не причиню тебе вреда, Хара, – сказал он, – показывай жилье! – В голосе его слышались успокаивающие нотки.

– А ты не прогонишь меня, когда истечет год? – спросила она. – Ведь я и сама прекрасно знаю, что не так молода, как когда-то.

– Пока я жив, для тебя найдется место рядом со мною, – ответил он, выпустив руку. – Ну, куда нам идти?

Она повернулась и направилась направо, в широкий поперечный тоннель, освещенный редкими желтыми шарами над головой. Гладкий каменный пол был чист от песка.

Она шла рядом, Пол время от времени все поглядывал на ее орлиный профиль:

– Ты ненавидишь меня, Хара?

– За что мне тебя ненавидеть?

Она кивнула группе ребятешек, глядевших на них с приподнятого порога бокового прохода. За детскими фигурами виднелись силуэты взрослых, полускрытые прозрачными занавесками.

— Ведь я... победил Джемиса.

— Стилгар сказал, что обряд был исполнен и ты — друг Джемиса. — Она искоса поглядела на него. — Стилгар сказал еще, что ты отдал мертвому влагу. Так ли это?

— Да.

— Ты сделал для него больше, чем... могу я.

— Ты оплачешь его?

— Когда придет время, я его оплачу.

Они прошли мимо арки. Пол заглянул в нее, увидел большой, освещенный ярким светом зал, несколько мужчин и женщин возились там у какой-то машины на высоком постаменте. Они явно торопились.

— Чем это они заняты? — спросил Пол.

— Спешат изготовить положенную норму пластика, прежде чем нам придется бежать. Для посадки нужно много коллекторов росы.

— Бежать?

— Да, пока мясники не перестанут преследовать нас или не уберутся восвояси с нашей планеты.

Пол вдруг споткнулся, чувствуя, как остановилось мгновение, словно ему припомнился предвиденный миг. Но все было не так, события смещены и запутаны, как беспорядочно склеенный фильм.

— Сардаукары охотятся за нами, — сказал он.

— Но ничего не найдут, разве что пару заброшенных ситчей, — ответила она, — и еще — смерть, затаившуюся в песках.

— Так, значит, они отыщут это место? — спросил он.

— Вероятно.

— И мы тратим время, — он кивнул в сторону давно оставшейся позади арки, — на изготовление ловушек для росы?

— Мы ведь сажаем деревья.

— А что они представляют из себя, эти ловушки? — спросил он.

Взгляд ее был исполнен удивления:

— Разве тебя ничему не учили... там, откуда ты сюда явился?

— О коллекторах росы у нас и не слыхивали.

— Хей! — ответила она, вставив целую фразу в единое слово.

— Ну, и что они из себя представляют?

– Ты видел в эрге кусты и травы, – сказала она. – Как ты думаешь, они могут просуществовать здесь сами? Каждое растение приходится тщательнейшим образом сажать в собственную лунку, которую мы заполняем хромопластом. Свет делает его белым. На заре, если поглядеть сверху, лунки поблескивают – белизна отражает свет. А когда наш Великий Отец, солнышко, садится, в темноте коллекторы росы становятся прозрачными и очень быстро охлаждаются. На поверхность их из воздуха выпадает влага и просачивается внутрь, поддерживая жизнь в наших растениях.

– Красиво, – пробормотал он, зачарованный простотой и изяществом изобретательной мысли.

– Я оплачу Джемиса, когда настанет время для этого, – повторила она, словно вновь отвечая на предыдущий вопрос. – Он был хорошим человеком, Джемис, правда, скорым на гнев. Прекрасным добытчиком он был, мой Джемис, а с детьми – просто чудо. Для него не было разницы между моим первенцем, сыном Джоффа, и собственным сыном. Для него они были равны. – Она вопросительно поглядела на Пола. – А для тебя, Усул?

– Этой проблемы у нас не будет.

– Но если...

– Хара!

В голосе его послышались резкие нотки. Они прошли другой, столь же ярко освещенный зал.

– А что делают здесь? – спросил он.

– Чинят прядильные станки, – сказала она. – Сегодня их придется разбирать. Там, в глубине. – Она махнула рукой в сторону ответвляющегося влево тоннеля. – Там обработка еды и ремонт конденкостюмов. – Она посмотрела на Пола. – У тебя новый костюм. Но если он потребует починки, я хорошо справляюсь с этим делом. Иногда я работаю в мастерской.

Навстречу им стали попадаться небольшие группы людей, даже небольшие скопления по бокам тоннеля. Мимо них проследовала вереница мужчин и женщин с мешками, в которых что-то булькало. Густо пахло специей.

– Ни нашей воды, ни специй, – сказала Хара, – они не получают. Можешь быть в этом уверен.

В стенах пещеры то и дело открывались проходы, их приподнятые пороги покрывали ковры, виднелись комнаты, украшенные яркими тканями, с подушками на полу. Стоявшие в них люди, заведя обоих идущих, смолкали, без тени смущения разглядывая Пола.

– Люди удивляются тому, что ты победил Джемиса, – сказала Хара. – Похоже, когда мы устроимся в новом ситче, тебе придется доказывать это.

– Не люблю убивать, – сказал он.

– Так говорил и Стилгар, – согласилась она, но в тоне ее слышалось явное сомнение.

Впереди пронзительно заголосили нараспев. Они добрались до еще одного ответвления, оказавшегося шире прочих. Пол замедлил шаг, заглянул в комнату, где, скрестив ноги, на темно-бордовом ковре сидели дети.

В дальнем углу стояла женщина в желтом куске ткани, обернутом вокруг тела, в руке ее была желтая лазерная указка. На доске виднелось множество рисунков – окружностей, углов, кривых, волнистых линий, квадратов, дуг, пересеченных параллельными линиями. Женщина быстро указывала то на один, то на другой рисунок, а дети в такт взмахам другой ее руки выкрикивали слова.

Пол внимательно вслушался, голоса детей слабели. Они с Харой уходили все глубже и глубже.

– Дерево, – кричали детские голоса, – дерево, трава, дюна, ветер, гора, холм, огонь, молния, скала, скалы, пыль, песок, жара, укрытие, жара, полный, зима, холод, пустой, эрозия, лето, пещера, день, тревога, луна, ночь, горный козел, песчаный прилив, склон, посадки, отвердитель...

– И в такое время идут занятия? – спросил Пол.

Лицо ее тронула грусть, скорбным тоном она сказала:

– Так нас учил Лайет – нельзя останавливаться. Лайет умер, но его не забудут. Такова дорога чакобсы.

Она подошла к левой стене тоннеля, шагнула на порог, раздвинула прозрачные оранжевые занавески и отступила в сторону:

– Вот и твое яли, Усул.

Пол нерешительно присоединился к ней. Почему-то ему совсем не хотелось оставаться вдвоем с этой женщиной. Он вдруг понял, что теперь его окружала жизнь, которую можно было понять, лишь приняв

ее идеи и ценности как данное. Он чувствовал, как ловит его мир Вольного народа, старается обратить на свои стези. И он знал, что ожидало его там, куда уводили эти пути: дикий джихад, религиозная война, которой следовало избегать любой ценою.

– Это же твое яли, – сказала Хара, – чего ты колеблешься?

Кивнув ей, Пол шагнул на порог, отвел занавеси в противоположную от Хары сторону. В них были вплетены металлические волоски. Следом за Харой он пересек короткий проход, оказавшись в большой квадратной комнате метров шесть длиной. Пол был устлан толстым синим ковром. Скальные стенки прикрыты сине-зелеными тканями. Над головой на песочной ткани потолка пузырились желтые неяркие световары.

Все было похоже на древний шатер.

Хара стала перед ним, подбоченясь, поглядела ему в лицо.

– Дети у подруги, – сказала она, – придут знакомиться позже.

Свою неловкость Пол постарался скрыть, принявшись оглядываться. Справа занавеской был прикрыт проход в другую комнату, побольше, вдоль стен которой навалены были подушки. Почувствовав дуновение, он заметил, что вентиляционный канал искусно замаскирован свисавшими с потолка драпировками.

– Хочешь, я помогу тебе снять конденскостюм? – спросила Хара.

– Нет... благодарю.

– Принести поесть?

– Да.

– Рядом с той комнатой – туалет, – махнула она. – Удобно, когда не носишь конденскостюма.

– Ты говорила, что этот ситч придется оставить, – сказал Пол. – Разве не надо паковать вещи и собираться?

– Все будет сделано в должное время, – сказала она. – Мясники еще не добрались до наших краев.

И вновь она нерешительно поглядела на него.

– Странно, – сказала она, – твои глаза – не глаза Ибада; это необычно, но не лишено обаяния.

– Принеси поесть, – сказал он. – Я голоден.

Она улыбнулась ему... понимающей женской улыбкой, обеспокоившей Пола.

– Я – твоя служанка, – произнесла она и легким движением нырнула за занавеси, открывшие на мгновение узкий проход, прежде чем вернуться на место.

Сердясь на себя, Пол откинул в сторону тонкую занавеску по правую руку и вошел в большую комнату. На секунду нерешительность охватила его. Интересно, где Чани... где Чани, узнавшая о смерти отца?

«У меня... и у нее...» – подумал он.

Где-то снаружи по коридорам побежал плачущий крик, за толстыми занавесями он был едва слышен. Потом крик повторился, чуть подалее. Потом еще раз. Пол разобрал, что там выкликают время, – действительно, часы ему здесь не попадались.

Ноздрей коснулся запах горящих ветвей креозотового куста, перебивший вездесущую вонь. Теперь он не так уж ощущал ее.

Он подумал о матери, о том, где окажется ее нить в ткани грядущего... точнее, две нити – ее и сестры. Ощущение переплетения времени охватило его. Он резко помотал головой, сосредоточившись на свидетельствах непревзойденной глубины культуры фрименов.

При всех ее утонченных странностях.

Он уже видел что-то об этой комнате, этой пещере... воспоминания, предполагавшие наличие куда более существенных различий, чем те, с которыми ему приходилось уже сталкиваться.

Ядоискателя не было видно, вообще во всем подземном ситче он не заметил даже намека на их существование. Но к запахам помещения примешивались и запахи ядов – сильных, обычных.

Заслышав шелест занавесей, Пол обернулся, решив, что Хара уже несет еду. Но между драпировками он заметил двух мальчишек лет девяти-десяти, не отрывавших от него жадных глаз. На поясе каждого было по маленькому крису в форме кинжала.

Как говорили ему? Дети фрименов быются со свирепостью взрослых.

*Руки его дергаются, губы шевелятся,
Льются слова благие,
Но глаза его – завидующие!
Вот он – островок самости.*

*Описание из «Книги о Муад'Дибе» принцессы
Ирулан*

Фосфоресцентные трубки под сводами пещеры бросали тусклый свет на собравшуюся толпу, смутно свидетельствуя об истинных размерах полости в скалах... Она была больше зала собраний школы Бинэ Гессерит. По мнению Джессики, здесь, под возвышением, на котором она стояла рядом со Стилгаром, собралось более пяти тысяч человек.

Но люди еще подходили.

Голоса сливались в единый гул.

– Твоего сына оторвали от отдыха, сайидина, – произнес Стилгар, – не хочешь ли ты, чтобы он разделил с тобою решение?

– Разве может он изменить его?

– Безусловно, воздух, заставляющий твои слова звучать, выходит из твоих собственных легких, но...

– Мое решение неизменно.

Ее обуревали сомнения. Быть может, все-таки ради сына следовало уклониться от рискованного шага, нельзя было забывать и о неродившейся дочери. Все, что угрожало ее собственной плоти, угрожало и телу дочери.

Мужчины, покряхтывая, принесли ковры, подняв тучу пыли, бросили их на пол пещеры.

За руку Стилгар отвел Джессику в акустическую раковину, тыльную часть ниши за возвышением. Показал ей на выступающий камень.

– Здесь сядет Преподобная Мать, но пока она еще не пришла, можешь посидеть здесь и отдохнуть.

– Лучше я постою, – сказала Джессика.

Она следила то за мужчинами, что разворачивали ковры и покрывали ими возвышение, то переводила взгляд на толпу. Теперь

собралось уже тысяч десять.

Но люди еще подходили.

Наверху, в пустыне, она знала, уже краснел закат, но в пещере были все те же сумерки, серая мгла, в которой терялись люди, пришедшие посмотреть, как она будет рисковать собственной жизнью.

Справа толпа расступилась, она увидела Пола, по бокам которого шли двое мальчишек. С детской важностью они выступали, положив руки на рукоятки ножей, хмуро озирая расступавшихся перед ними.

– Вот сыновья Джемиса, что стали теперь сыновьями Усула, – сказал Стилгар, с легкой усмешкой поглядев на Джессику, – они серьезно относятся к своим обязанностям.

Джессика поняла, что он пытается отвлечь ее, и была благодарна за это, но все же грядущее опасное испытание поглощало все ее мысли.

«У меня нет выбора, – думала она. – Не следует медлить, надо завоевывать себе место среди фрименов».

Пол поднялся на возвышение, дети остались внизу. Он встал перед матерью, поглядел на нее, потом на Стилгара.

– Что случилось? Я думал, меня зовут на совет.

Стилгар поднял руку, призывая к молчанию. Махнул налево, толпа там расступилась. В образовавшемся проходе появилась Чани, на личике эльфа были заметны следы горя. Она была теперь без конденскостюма, в изящной синей хламиде, оставлявшей руки открытыми. На предплечье левой руки был повязан зеленый платок.

«Зеленый – цвет траура», – подумал Пол.

Таков был обычай, Пол выяснил это у сыновей Джемиса, принявшихся объяснять ему, что им траур не положен, раз он усыновил их.

– Ты Лисан аль-Гаиб? – спросили они. Он не стал отвечать, ощутив в этих словах тень джихада, и принялся сам задавать вопросы. Оказалось, старшего, сына Джоффа, звали Калефф, ему было десять лет. Младшему сыну Джемиса, Орлопу, было восемь.

Странный это был день! Потом мальчишки стерегли вход в комнату, никого, как он их просил, не пуская внутрь, чтобы он мог поразмыслить, припомнить пророческие видения и нащупать путь, что не вел бы его к джихаду.

А теперь, стоя рядом с матерью, он глядел на это сборище, сомневаясь, может ли что бы то ни было предотвратить буйство фанатичных легионов.

Следом за подходившей к возвышению Чани четверо женщин несли в носилках старуху.

Не замечая Чани, Джессика жадно вглядывалась в женщину – старую, морщинистую, иссохшую... Капюшон на черном одеянии ее был откинут, открывая завязанные узлом седые волосы и тонкую шею.

Носильщицы осторожно подняли носилки на возвышение, Чани помогла старухе выйти.

«Вот она, их Преподобная Мать», – подумала Джессика.

Ковыляя к Джессике, казавшаяся скелетом в черном одеянии старуха опиралась на руку Чани. Она остановилась перед Джессикой и долго глядела ей в глаза, прежде чем заговорить грудным шепотом.

– Значит, ты и есть Она. – Старая голова на тонкой шее качнулась. – Шадут Мейпс жалела тебя, она была права.

Джессика немедленно с твердостью ответила:

– Я не нуждаюсь ни в чьей жалости.

– Ну, это мы еще посмотрим, – тихо проговорила старая женщина. С удивительной быстротой она повернулась к собравшимся. – Ну, скажи им, Стилгар.

– Следует ли? – спросил он.

– Мы люди Мисра, – с трудом произнесла она, – когда-то наши предки бежали из аль-Уруб, что на Нилоте, и с тех пор мы познали и бегство, и смерть. Старики уходят, молодые остаются, и наш народ не умрет.

Стилгар глубоко вздохнул, сделал два шага вперед.

Джессика заметила, как мгновенно примолкла толпа. Теперь собралось уже тысяч двадцать – все стояли молча, не шевелясь. Она вдруг показалась себе такой маленькой и испуганной.

– Сегодня нам придется оставить этот ситч, так долго укрывавший нас. Мы уходим на юг, глубже в пустыню. – Голос Стилгара громыхал над обращенными вверх лицами, усиленный акустическим отражателем за спиной.

Люди молчали.

– Преподобная Мать сказала мне, что не переживет нового хаджра, – проговорил Стилгар. – Нам уже случалось жить без

Преподобной, но негоже людям искать себе новый дом без нее.

В толпе теперь зашевелились и беспокойно зашептались.

– Но печальная судьба может миновать нас, – продолжал Стилгар. – Наша новая сайидина, Джессика-от-Странных-путей, согласилась пройти обряд. Она попробует заглянуть внутрь себя, чтобы мы не ослабели без Преподобной.

«Джессика-от-Странных-путей», – повторила про себя Джессика. Она видела, как глядит на нее Пол, сколько вопросов в его глазах, но уста его оставались замкнутыми перед всей этой толпой.

«Если я умру, не сумею, что будет с ним?» – подумала Джессика. И вновь опасения хлынули в ее душу.

Чани отвела Преподобную Мать на каменную скамью в акустической нише, вернулась и стала рядом со Стилгаром.

– А чтобы мы не потеряли все, если Джессику-от-Странных-путей постигнет неудача, – продолжил Стилгар, – сегодня Чани, дочь Лайета, будет посвящена в сайидины. – Он сделал шаг в сторону.

Из глубины акустической ниши донесся громкий шепот старухи, резкий, пронизывающий:

– Чани вернулась из своего хаджра, Чани видела воды.

Толпа прошелестела:

– Она видела воды.

– Я посвящаю дочь Лайета в сайидины, – продолжила старуха.

– Мы принимаем ее, – отозвалась толпа.

Пол не слышал происходившего, все мысли его были об одном. Как сказал Стилгар?

«Если ее постигнет неудача».

Он повернулся и внимательно поглядел на ту, которую они называли Преподобной Матерью, на иссохшее лицо, в бездонную синюю глубину глаз. Казалось, ее унесет с места даже легкий сквознячок, но в хрупкой фигурке угадывалась сила, способная встать на пути кориолисовой бури. От нее исходила такая же мощь, как от Преподобной Гайи Елены Мохайем, испытывшей его гом джаббаром и мукой.

– Я, Преподобная Мать Рамалло, голосом которой говорит множество, так скажу вам, – продолжала старуха. – Чани пристало быть сайидиной.

– Пристало, – подтвердила толпа. Старуха кивнула и прошептала:

– Я отдаю ей серебряные небеса, золотую пустыню и ее сверкающие вершины да зеленые поля, которые будут. Их я отдаю сайидине Чани. А чтобы она не позабыла, что теперь ей служить всем нам, пусть поможет она в обряде семени. Да свершится все по воле Шай-Хулуда. – Она подняла худую темную руку, опустила ее.

Джессика, чувствуя, что близится ее время и пути назад уже нет, глянула разок на озабоченное лицо Пола и стала готовиться к испытанию.

– Пусть выступят вперед хранители воды, – сказала Чани чуть дрогнувшим голосом.

И Джессика поняла, что опасность близка, так настороженно притихла толпа.

По образовавшейся среди людей извилистой дорожке к возвышению приближалась группа мужчин. Они шли попарно. Каждая пара несла по небольшому, тяжело колыхавшемуся кожаному мешку, раза в два превышавшему размерами человеческую голову.

Двое из группы сложили свою ношу к ногам Чани и отступили назад.

Джессика поглядела сперва на бурдюк, потом на мужчин. Капюшоны их были откинуты, открывая длинные волосы, стянутые в пучок на затылке. Темные провалы глазниц их были обращены к ней.

Густой запах корицы поднимался от мешка к ноздрям Джессики. «Не специя ли?» – подумала она.

– Есть ли вода? – спросила Чани.

Слева отозвался хранитель воды, мужчина с пурпурным шрамом на переносице:

– Есть вода, сайидина, но мы не можем ее выпить.

– Есть ли семя? – спросила Чани.

– В ней есть семя, – ответил он.

Встав на колени, Чани возложила руки на дрожащий мешок:

– Благословенна будет вода и семя в ней.

Обряд был знаком, и Джессика обернулась к Преподобной Рамалло. Глаза старухи были закрыты, она сгорбилась на скамейке, словно уснув.

– Сайидина Джессика, – произнесла Чани.

Джессика повернулась к девушке.

– Вкушала ли ты благословенную воду? – спросила Чани.

И прежде чем Джессика открыла рот, ответила за нее:

– Нет, это невозможно. Ты не могла пить благословенную воду. Иномиряне лишены этого блага.

Вздых бежал толпу, зашелестели одеяния, по шее Джессики побежали мурашки.

– Урожай был велик, и делатель погублен, – сказала Чани и начала отвязывать свернутую в кольцо трубку у горловины колышущегося бурдюка.

Опасность обступила ее со всех сторон, чувствовала Джессика. Она поглядела на Пола, заметила, что таинственный обряд увлек его, но смотрел он только на Чани.

«Он видел уже когда-нибудь этот момент? – подумала Джессика. Положив руку на живот, она устремилась мыслью к нерожденной дочери. – Имею ли я право рисковать еще и ее жизнью?»

Чани протянула трубку Джессике и сказала:

– Вот Живая Вода, вода, которая больше воды... имя ее Кан-вода, что освобождает душу. Если ты можешь быть Преподобной Матерью, она откроет тебе всю Вселенную. А теперь, как решит Шай-Хулуд.

Обязанности перед Полом и нерожденным ребенком разрывали Джессику пополам. Она понимала, что ради Пола ей следует принять трубку и отпить из мешка, но едва она наклонилась, чувства предупредили ее об опасности.

Запах содержимого мешка отдавал горечью и напоминал запахи известных ей ядов, но и отличался от них.

– Теперь ты должна отпить из бурдюка, – сказала Чани.

«Назад пути нет», – напомнила себе Джессика. Но во всей науке Дочерей Гессера не отыскала она того, что могло бы помочь ей в этот момент.

«Что это? – спросила она сама у себя. – Хмельное питье? Наркотик?»

Она склонилась над мешком, вдохнула запах коричных эфиров, припомнила опьяненного Дункана Айдахо. Взяв трубку в рот, она сделала малюсенький глоток. Влага отдавала специей, язык слегка пощипывало.

Чани нажала на кожаный бурдюк. Рот Джессики наполнился жидкостью, которую она проглотила прежде, чем успела что-нибудь

осознать, и попыталась сохранить внешнее спокойствие и достоинство.

– Малая смерть страшнее самой смерти, – произнесла Чани, не отрывая взгляда от Джессики.

И Джессика глядела на нее, не выпуская трубки изо рта. Она пробовала вкус содержимого глоткой, нёбом, ощущала запах ноздрями... он отдавался в скулах, в глазах... приятное, сладкое пощипывание.

Прохлада.

И вновь Чани влила жидкость в ее рот.

Тонкий вкус.

Джессика вглядывалась в лицо Чани... прелестный эльф... заметны отцовские черты, еще не огрубленные временем.

«Они дали мне наркотик, – подумала Джессика. – Он так непохож на любой из известных мне наркотиков, хотя в ходе обучения Бинэ Гессерит я испробовала множество различных составов!»

Черты Чани стали теперь столь четки, словно откуда-то на них брызнул ослепительный свет.

Наркотик.

Вокруг Джессики кружилось молчание. Каждым волокном собственного тела чувствовала она, что с ней происходят глубочайшие перемены. Она казалась себе мыслящей точкой, меньше любой субатомной частицы, но подвижной и ощущающей окружающее. В какой-то миг откровения – словно вокруг отдернули занавес, – она поняла, что ощущает некое психокинетическое продолжение собственной сути. Она и была этой точкой, и не была ею.

Она оставалась в пещере: вокруг нее были люди. Она ощущала всех: Пола, Чани, Стилгара, Преподобную Мать Рамалло.

Преподобная Мать!

В школе поговаривали, что некоторые не выживали при обряде посвящения в Преподобные Матери, что наркотик забирал их жизни.

Все внимание теперь Джессика отдала Преподобной Матери Рамалло... и все вокруг остановилось, словно время для нее перестало течь.

«Почему остановилось время?» – спросила она у себя. Ее окружали застывшие лица, плясавшая над головой Чани пылинка замерла.

Ожидание.

Ответ словно взорвался в ее мозгу – ее собственное время остановилось, чтобы дать ей возможность выжить.

Она сфокусировала сознание на своем психокинетическом продолжении, заглянула внутрь и оказалась перед клеточной оболочкой, заключавшей в себя черноту, от которой она отшатнулась.

«Вот оно, место, куда мы не смеем заглядывать, – подумала она, – место, о котором столь нерешительно упоминают Преподобные, место, куда может заглянуть лишь Квизац Хадерач».

Поняв это, она почувствовала себя увереннее и вновь обратилась мыслью к психокинетическому продолжению, снова ощутив себя точкой, что ищет в глубине ее существа, где таится опасность.

И она обнаружила ее – в проглоченном наркотике.

Частицы его плясали в теле, столь быстрые, что даже ее застывшее время не могло остановить их... Пляшущие частички. Она начала узнавать знакомые структуры, атомные связи: вот атом углерода, вот спираль... молекула глюкозы. Перед ней оказалась целая цепь молекул, она узнала протеин... метил-протеиновое соединение.

Ах-х-х!

Что-то безмолвно прошелестело в ее сознании, когда она поняла природу яда.

Психокинетическим зондом она прикоснулась к молекуле, переместила атом кислорода, добавила к связи еще один углеродный атом, переместила кислородную связь... водородную...

Волна преобразования побежала по молекулам наркотика, ширясь вместе с поверхностью реакции.

Застывшее время шелохнулось... она почувствовала движение вокруг себя. Протянутая от бурдюка трубка тронула ее рот, собрав каплю жидкости.

«Чани собирается катализатором из моей слюны преобразовать яд в этом мешке, – подумала Джессика. – Зачем?»

Кто-то помог ей сесть. Она увидела, что рядом с ней на покрытое ковром возвышение усадили Преподобную Мать Рамалло. Сухая ладонь тронула ее щеку.

И в ее сознании появилась новая психокинетическая точка! Джессика попыталась оттолкнуть ее, но точка приближалась... все ближе.

Они соприкоснулись!

Это было словно предельное слияние двух людей. Не телепатия, нет, просто сознания их объединились.

Она была теперь как бы одно целое со старой Преподобной Матерью.

Но тут Джессика поняла, что Преподобная Мать вовсе не считает себя старой. Перед их общим внутренним взором предстала юная девушка, веселая духом и нежная сердцем.

И в общем сознании эта девушка произнесла: «Да, такова я на самом деле».

Джессика лишь слушала, но не могла ответить.

«Скоро все свершится, Джессика», – сказал внутренний голос.

«Должно быть, галлюцинация», – подумала Джессика.

«Уж ты-то должна бы понимать, что это не так, – сказал внутренний голос. – Давай-ка быстрее, не сопротивляйся. Времени у нас мало. Мы... – Голос надолго умолк, потом продолжил: – Ты должна была сказать о своей беременности!»

Теперь Джессика обрела собственный внутренний голос:

«Почему?»

«Наркотик преобразил вас обеих! Святая Мать, что мы наделали!»

Джессика заметила, как в общем сознании что-то шевельнулось, увидела внутренним взором еще одну точку. Она металась, кружила... излучала один только ужас.

«А сейчас собери силы, – сказал внутренний образ Преподобной Матери, – хорошо хоть, что ты понесла дочь... Мужской плод просто бы погиб от всего этого. А теперь осторожно... нежно... прикоснись к своей дочери. Стань ею. Поглоти страх... успокой ее силой и смелостью... но нежнее, нежнее...»

Вторая точка теперь оказалась совсем близко, и Джессика заставила себя прикоснуться к ней.

Ужас почти одолел ее.

Она принялась бороться с ним единственным известным ей путем: «Я не должна бояться. Страх убивает разум... Страх убивает разум...»

Литания вернула ей какое-то подобие спокойствия. Малая точка застыла рядом, излучая по-прежнему страх.

«Слова здесь пока бессильны», – подумала Джессика.

Она обратилась к основным эмоциям, излучая на точку тепло, любовь, уют и защиту.

Ужас ослаб.

И вновь проявилось присутствие Преподобной Матери, теперь их общее сознание стало тройным: два активных, третье рядом спокойно впитывало.

«Меня подгоняет время, – произнес внутренний голос Преподобной. – Я должна многое передать тебе. И не уверена, сможет ли твоя дочь воспринять все это, не повредясь разумом. Но – да будет! Нужды племени важнее».

«Что...»

«Молчи и воспринимай».

И жизнь Преподобной Матери начала прокручиваться в сознании Джессики. Словно лекция на сублиминальном проекторе в школе Бинэ Гессерит... только быстрее... как молния.

Но... отчетливо.

Она увидела все... Любовника – мужественного, бородатого, с темными фрименскими глазами, всю его силу и нежность – все промелькнуло в мгновение ока.

У нее не оставалось времени думать, как воспримет все это плод, дочь, – она лишь сама воспринимала и запоминала. В разум Джессики потоком хлынули события: рождение, жизнь, смерть, пустяки и важные вещи – все в один момент.

«Почему ручеек песчинок, с легким шелестом скользящий с утеса, застрял в ее памяти?» – удивлялась Джессика.

И с опозданием она поняла, в чем дело. Старая женщина умирала и, умирая, переливала свое сознание в разум Джессики... так вода наполняет чашу. И когда сознание Преподобной растворилось в предродовом восприятии, Джессика еще следила за ним. Умирая в миг зачатия, Преподобная впечатала свою жизнь в памяти Джессики слившимися воедино словами.

«Долго я ожидала тебя, – сказала она. – Вот моя жизнь».

И теперь вся ее жизнь была заключена в ней, в Джессике.

Даже миг смерти.

«Теперь я – Преподобная Мать», – поняла Джессика.

И новым внутренним своим восприятием она ощутила, что и в самом деле стала той, кого Дочери Гессера называли Преподобными. Ядовитый наркотик преобразил ее.

В школах Бинэ Гессерит подобное происходило не совсем так, она знала это. В эти мистерии ее не посвящали, но теперь она просто знала.

Конечный результат был одним и тем же.

Джессика вновь ощутила прикосновение сущности своей дочери, коснулась ее в ответ, но отклика не получила.

Страшное одиночество овладело Джессикой, едва она поняла, что случилось с нею. Она поглядела вглубь... жизнь ее еле теплилась, напротив, снаружи жизнь неслась буйным потоком...

Ощущение движущейся точки таяло... тело освобождалось от власти яда, но другую точку она ощущала... с чувством вины за все, что случилось.

«Это сделала я, моя бедная дочка, твоя мать. Я обрушила на несформировавшееся сознание всю эту Вселенную, без пощады и без защиты».

Тонкий ручеек любви – утешение, словно отражение чувств, обращенных ею к малой точке, вернулся к ней самой.

Но прежде чем Джессика успела отреагировать на ласку, психику ее властно охватил адаб – память и необходимость. Надо было немедленно сделать что-то. Она попыталась было понять, но чувства ее еще были одурманены.

«Я могла изменить этот состав, – подумала она, – обезвредить его».

Но она знала, от нее ждали не этого. Это же обряд соединения.

И она поняла, что следует делать.

Джессика открыла глаза, махнула в сторону бурдюка с водой, который Чани теперь держала в руках.

– Вода получила благословение, – сказала Джессика, – смешайте воды, пусть они преобразуются, чтобы благословение могли разделить все.

«Пусть катализатор совершит свое дело, – думала она. – Пусть люди выпьют и восприятия их сольются. Яд теперь безопасен... Преподобная Мать обезвредила его».

Но память все требовала, давила. Она поняла, что это еще не все, однако наркотик мешал сосредоточиться.

Ах-х, старая Преподобная Мать!

– Я встретила Преподобную Мать Рамалло, – произнесла Джессика. – Она ушла, и она осталась. Почтим ее память обрядом.

«Откуда я знаю эти слова?» – удивилась Джессика.

И она поняла, что они пришли к ней из чужой памяти, жизни, открывшейся ей и ставшей частью ее существа. И эта часть еще не была удовлетворена.

«Пусть устроят свою оргию, – проступило из этой чуждой памяти. – У них так мало радостей в жизни. Да, а нам с тобой нужно еще немного времени, прежде чем я укроюсь в твоей памяти. Она так влечет меня. Ах-х, как наполнен твой ум интересными вещами! Многого я даже не могла вообразить...»

И скорлупка разума-памяти внутри нее исчезла, открывая путь вглубь, к предшественнице Преподобной Рамалло, и к ее предшественнице, и к предшественнице той... и так без конца.

Джессика внутренне отшатнулась от разверзшейся пропасти, опасаясь, что та поглотит ее. Но путь этот не закрывался, и Джессика поняла, что культура Вольного народа куда древнее, чем она представляла себе.

Она увидела фрименов на Поритрине – мягкий народ на приветливой планете, легкая дичь для набегов Империи, увозивших человеческий материал для колоний на Бела Тегейзе и Салузе Секундус.

Ох, какой вой сопровождал эти разлуки...

Где-то в глубинах коридора послышался яростный голос: «Они запретили нам хадж!»

В этом коридоре Джессика видела узилища для рабов на Бела Тегейзе, видела браки, распространившие человечество на Россак и Хармонтеп. Лепестками ужасного цветка открывались перед нею сцены жестокости и насилия. И она видела, как от сайидины к сайидине тянулась память о прошлом – сперва словами, упрятанными в песок напевов, а потом укрепленная Преподобными Матерями, когда был найден ядовитый наркотик на Россак, обретшая прочность здесь, на Арракисе, после открытия Живой Воды.

Там, в глубине, иступленно кричал другой голос: «Ничего не забыть! Ничего не простить!»

Все внимание Джессики было теперь отдано Живой Воде, ее источнику – жидкости, выделяемой умирающим песчаным червем, делателем. А когда она увидела в своей памяти сцену убийства червя, то едва не охнула. Чудовище было утоплено!

– Мать, с тобой все в порядке?

Голос Пола прорвался в ее сознание, ей пришлось с трудом одолевая свою обращенность в глубь собственного существа. Она взглянула на него скорее по обязанности, сожалея, что он мешает ей.

«Я словно тот человек, руки которого были лишены возможности ощущать от самого начала, от пробуждения сознания... и вот теперь эта способность возвращена им».

Она углубленно воспринимала... но мысль эта застыла в ее голове.

А теперь я скажу: «Поглядите! У меня, оказывается, есть руки!» А люди вокруг спросят: «Что это – руки?»

– Все в порядке? – спросил Пол.

– Да.

– Я могу это пить? – он показал на мешок в руках Чани. – Они хотят, чтобы я выпил.

Она почувствовала скрытый смысл его слов, значит, он тоже угадал яд в исходной субстанции, раз беспокоится за нее. Джессика задумалась о границах предвидения, дарованного Полу. Его вопрос многое объяснял ей.

– Можешь пить, – ответила она, – яд был преобразован.

За спиной сына высился Стилгар, не отрывавший от нее изучающего внимательного взгляда.

– Теперь мы знаем, что ты настоящая, – сказал он. И в этих словах тоже был скрытый смысл, но одурманенные чувства слабели. Ей было так тепло и уютно. Какое благодеяние, спасибо фрименам, допустившим ее в свое товарищество!

Пол видел, как наркотическое опьянение овладело матерью.

Он покопался в памяти, в застывшем прошлом, текущем изменчивом будущем с его основными линиями, словно пробегая по воспоминаниям внутренним оком. По отдельности фрагменты было трудно понимать.

Наркотик этот... Он уже кое-что знал о нем и понимал, что происходит с матерью, но в его знаниях не было глубинного ритма, взаимного отображения.

Вдруг он понял, что одно дело видеть прошлое в настоящем, но истинное испытание для провидца – видеть прошлое в грядущем.

Все вещи твердили: они иные, не те, какими кажутся.

– Выпей, – сказала Чани. И повела трубкой перед его губами.

Пол выпрямился, поглядел на Чани. Он чувствовал вокруг себя праздничное возбуждение. И понимал, что произойдет с ним, если он выпьет свою долю жидкости, основой которой было изменившее его вещество, – он вновь увидит время... время, ставшее пространством.

Из-за спины Чани Стилгар произнес:

– Пей-ка, парень. Ты задерживаешь весь обряд.

Пол прислушался к воплям толпы, к диким выкрикам: «Лисан аль-Гаиб! Муад'Диб!» Он поглядел на мать – она словно уснула сидя, спокойно и глубоко дыша. Из будущего, что было его одиноким прошлым, выпорхнула фраза: «Она спит в Водах Жизни».

Чани потянула его за рукав.

Пол взял наконечник трубки в рот, толпа закричала, жидкость хлынула в его рот. Чани надавливала на бурдюк. От запаха специй у него закружилась голова. Чани перехватила трубку, опустила мешок вниз, в жаждущие руки. Он перевел глаза на зеленую траурную ленту, охватившую ее предплечье.

Когда он выпрямился, Чани заметила направление его взгляда.

– Я могу оплакивать отца, даже блаженствуя среди вод. Этому научил нас он сам. – Взяв его за руку, она потянула его за собой вдоль края возвышения. – В одном мы схожи с тобой, Усул. Харконнены забрали жизни наших отцов.

Пол следовал за ней. Голова его сперва словно отделилась от тела, а потом вернулась на место, но так, что все перепуталось. Нетвердые ноги уплыли в какую-то даль.

Они вошли в боковой проход, стены его были освещены редкими световыми шарами. Пол чувствовал, что наркотик начинает действовать на него, открывая время, словно бутон цветка. Ему пришлось ухватиться за Чани, чтобы удержаться на ногах, когда они повернули в другой, тускло освещенный тоннель. Очертания сильных мышц и упругих округлостей под ее одеянием будоражили его кровь. И вместе с

наркотиком чувство это сплетало прошлое и будущее в сиюминутное, словно бы он смотрел новым сверхзрением сразу в три стороны.

– Я знаю тебя, Чани, – прошептал он. – Мы сидели с тобой среди скал, а я утешал тебя. Мы ласкали друг друга во тьме ситча, мы... – Он словно потерял мысль, попытался качнуть головой и споткнулся.

Чани помогла ему устоять и, раздвинув плотные занавеси, провела его в темную комнату, освещенную теплым желтым светом... Низкие столики, подушки, постель, застеленная покрывалом.

Пол почувствовал, что она остановилась. Чани смотрела на него с тихим ужасом в глазах.

– Объясни мне свои слова, – сказала она.

– Ты – сихайя, – ответил он. – Весна в пустыне.

– Когда племя делит Воду, – сказала она, – все мы вместе... все... мы... соединяемся. И я... могу представить себя с другими, но... не с тобой.

– Почему?

Он пытался разглядеть ее, но прошлое и будущее сливались и мешали ему. Он видел ее сразу в бессчетном количестве поз, ситуаций и положений.

– В тебе есть что-то страшное, – сказала она. – Когда я увела тебя от них, я сделала это специально... я знала, что люди хотят именно этого. Ты... словно давишь на людей! Вынуждаешь нас видеть.

Он заставил себя проговорить:

– А что видишь ты?

Чани посмотрела вниз на свои руки.

– Ребенка... у меня на руках. Нашего... твоего и моего. – Она прикрыла рот ладонью. – Откуда могу я знать каждую черточку твоего тела?

«И у них есть кроха этого дара, – подумал Пол, – только они подавляют его, он их страшит».

Зрение на мгновение прояснилось, он увидел, что Чани дрожит.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он.

– Усул, – прошептала она, все еще дрожа.

– В будущее не спрячешься, – проговорил он.

Глубокое сочувствие к ней охватило его. Обняв, он погладил ее по голове.

– Чани, Чани, бояться не надо.

– Помоги мне, Усул, – вскрикнула она.

И когда она промолвила эти слова, наркотик довершил свою работу, словно сорвав завесу, не дававшую его глазам увидеть серую бурлящую мглу грядущего.

– Ты так спокоен, – сказала Чани.

Он воспринимал... время лежало перед ним, словно бы поднявшись в неведомом измерении, он мог взглянуть на него сверху. Оно текло вперед бурлящей рекой, узкой и вместе с тем широкой, через невод, несущий бесчисленные миры и силы... Тугой канат, по которому можно было идти, и одновременно провисший шнур, на котором трудно даже удержаться.

С одной стороны была Империя, и Харконнен по имени Фейд-Раута грозил ему... сардаукары, как рассерженные пчелы, взлетали со своей планеты, чтобы громить и громить Арракис. Гильдия и ее тайные замыслы... Бинэ Гессерит с их идеей селекции. Все они грозовой тучей высились на горизонте... Их удерживал Вольный народ со своим Муад'Дибом, спящий гигант, поднявшийся на покорение целой Вселенной.

Пол видел себя в самом центре, сердцевине – точка опоры, на которой держалась вся Вселенная. Он шел словно по проволоке, среди покоя и мира, счастливый, и Чани с ним рядом. Впереди пока было время относительного покоя, которому суждено вновь смениться насилием.

– Никогда более не будет нам покоя, – сказал он.

– Усул, ты плачешь, – пробормотала Чани. – Усул, сила моя, ты снова жертвуешь воду мертвым? Кому же?

– Тем, кто еще жив, – проговорил он.

– Тогда пусть они пока пользуются жизнью, – сказала она.

В наркотическом тумане он почувствовал, как права она, и страстно прижал ее к себе.

– Сихайя, – повторил он.

Она прикоснулась к его щеке.

– Я больше не боюсь, Усул. Погляди на меня. Когда ты меня так обнимаешь, я вижу все, что видишь ты сам.

– И что же ты видишь? – строгим тоном спросил он.

– Я вижу, как мы любим друг друга... И мгновения спокойствия посреди бурь. Ведь для них мы созданы.

Наркотик вновь овладел им, Пол успел подумать: «Ты столько раз дарила мне утешение и забвение!» Он по-новому увидел этот высший свет, озаривший рельеф времени, увидел, как становится воспоминанием грядущее: ласковая низость физической любви, объединение и слияние тел и душ, мягкость и мощь.

– Ты из сильных, Чани, – пробормотал он. – Останься со мной.

– Навсегда, – ответила она и поцеловала его в щеку.

Книга 3

Пророк

Никто – ни мужчина, ни женщина, ни дитя – не был близок с моим отцом. Чувство, несколько напоминающее дружбу, он испытывал лишь к графу Хасимиру Фенрингу, своему товарищу по детским играм. О степени обратной симпатии графа Фенринга можно судить хотя бы по тому, что он-то и сумел замять подозрения Ландсраада, возникшие при рассмотрении арракийского дела. Это обошлось нам более чем в миллион соляриев специей – так говорила моя мать. Были и другие подарки: рабыни, ордена, титулы... Впрочем, есть и негативное свидетельство его дружеских чувств. Граф отказался убить человека... отказался, хотя мог сделать это, и отец мой отдал ему приказ. Но об этом потом.

Принцесса Ирулан. «Граф Фенринг – в профиль»

Барон Владимир Харконнен в ярости вылетел из своих личных апартаментов и понесся по коридору. Пятна вечернего света, прорывавшегося через высокие окна, плясали на его раскачивавшемся и трящемся жирном теле.

Он промчался мимо личной кухни, библиотеки, маленькой приемной – прямо в переднюю, где находились слуги... В ней уже наступал вечерний покой.

Капитан охраны Нефуд развалился на диване, плоское лицо его оцепенело под действием семуты, в комнате раздавались странные взвизгивания семутических напевов. Его окружали собственные, готовые к услугам приближенные.

– Нефуд! – заревел барон.

Люди отшатнулись.

Нефуд поднялся, наркотик не выпускал его из своей хватки, на посеревшем лице читался испуг. Музыка семуты умолкла.

– Господин мой, барон! – произнес Нефуд голосом, не дрогнувшим лишь из-за действия наркотика.

Барон огляделся вокруг, замечая на лицах подобное же оцепенение. Вновь обратившись к Нефуду, он сказал шелковым голосом:

– И сколько же лет ты, Нефуд, капитан моей личной охраны?

Судорожно сглотнув, Нефуд отвечал:

– После Арракиса, милорд, уже почти два года.

– И ты всегда предвидел опасности и устранял их с моего пути?

– Таково было мое единственное желание, милорд.

– Тогда скажи, где Фейд-Раута?

Нефуд сжался:

– Милорд?

– Так, значит, ты не считаешь, что Фейд-Раута опасен для моей персоны? – вновь шелковым тоном спросил барон.

Нефуд облизнул сухие губы. В мутных от семуты глазах появился блеск:

– Фейд-Раута в квартале рабов, милорд!

– Снова с бабами, а? – Барон затрясся от еле сдерживаемого гнева.

– Сир, может быть, он...

– Молчать!

Барон сделал вперед еще один шаг, заметил, как люди отступили от Нефуда, чтобы гнев хозяина не обрушился и на них.

– Разве я не приказывал тебе во всякий момент в точности знать, где находится на-барон... и с кем? – Он сделал еще шаг. – Разве я не приказывал тебе ставить меня в известность всякий раз, когда он отправляется к рабыням?

Нефуд сглотнул, на лбу его выступила испарина.

Барон добавил ровным, почти лишенным выражения тоном:

– Разве я не отдавал тебе этих приказов?

Нефуд кивнул.

– Разве я не приказывал тебе проверять всех рабов, которых присылают ко мне... лично?

Нефуд снова кивнул.

– И, значит, ты случайно не заметил пятнышка на бедре того юнца, которого прислал сегодня ко мне? – спросил барон. – А если я...

– Дядя.

Барон резко повернулся и оказался лицом к лицу со стоявшим на пороге Фейд-Раутой. Появление здесь племянника... поспешность, читавшаяся на лице молодого человека (он не мог ее полностью спрятать)... все это говорило о многом. Значит, Фейд-Раута завел собственную систему слежки за ним, бароном.

– Там, в моей спальне, мертвое тело, его надо убрать, – сказал барон, положив ладонь на укрытый под одеянием станнер, вновь мысленно похвалив свой щит.

Фейд-Раута глянул на двоих стражников, вытянувшихся у правой стены, кивнул им. Оба торопливо направились к двери, по коридору к апартаментам барона.

«Значит, эти двое? – подумал барон. – Увы... юному безобразнику еще учиться и учиться... нельзя злоумышлять так примитивно».

– Полагаю, в квартале рабов было все спокойно, Фейд, когда ты его оставил? – сказал барон.

– Я играл в хеопс с главным надсмотрщиком, – сказал Фейд-Раута, подумав: «Что же произошло? Дядя, конечно, убил мальчишку, которого мы к нему подослали. Но он же был подготовлен просто великолепно. Сам Хават не смог бы сделать этого лучше. Мальчишка был совершенен!»

– В шахматы играл... пирамидальные, – отозвался барон. – Великолепно. И ты выиграл?

– Я... ах, да, дядя. – Фейд-Раута постарался не выказать растущее беспокойство.

Барон щелкнул пальцами:

– Нефуд, ты желаешь, чтобы я возвратил тебе мое благоволение?

– Сир, ну что я сделал? – занял Нефуд.

– Теперь это несущественно, – ответил барон. – Фейд обыграл главного надсмотрщика в хеопс. Ты слышал?

– Да... сир.

– И я хочу, чтобы ты взял сейчас троих и отправился прямо к главному надсмотрщику, – сказал барон. – Прихвати с собой для него гарроту. А тело потом представь мне, чтобы я убедился, правильно ли

ты выполнил мои указания. Мы не можем позволить себе держать на службе таких шахматистов.

Фейд-Раута побледнел, шагнул вперед:

– Но, дядя, я...

– Потом, Фейд, – отмахнулся барон, – потом.

Двое отправившихся в апартаменты барона за телом раба вернулись, волоча юное тело за ноги, руки трупа скользили по полу. Барон следил за ними, пока они не вышли.

Нефуд встал рядом с Харконненом:

– Вам угодно, чтобы я прямо сейчас отправился убивать главного надсмотрщика, милорд?

– Совершенно верно, – ответил барон, – а когда ты с ним покончишь, добавь к своему перечню и этих двоих, что сейчас вынесли тело. Мне не нравится, как они несли мертвеца. Такие вещи все-таки следует делать культурно. Их трупы я тоже хочу видеть собственными глазами.

Нефуд произнес:

– Милорд, разве я что-нибудь делал не...

– Выполняй, что приказал твой господин, – сказал Фейд-Раута, подумав: «Теперь можно надеяться лишь спасти собственную шкуру».

«Хорошо! – размышлял барон. – Он умеет считаться с потерями. – И внутренне улыбнулся. – Мальчишка знает, чем доставить мне удовольствие, и будет изворачиваться, избегая тяжести моего гнева. Он знает, что я оставлю его в живых. На кого еще я могу оставить поводья... когда-нибудь? У остальных просто нет нужных способностей. Но его следует проучить. И на время обучения мне придется позаботиться о себе».

Нефуд жестом подозвал людей, они вышли следом за ним из комнаты.

– Ты проводишь меня в мои комнаты, Фейд? – спросил барон.

– Как вам угодно, – склонившись в поклоне, отвечал Фейд-Раута, думая: «Попался».

– После тебя, – барон показал ему на дверь.

Страх свой Фейд-Раута выдал лишь мгновенной нерешительностью. «Неужели я полностью провалился? – размышлял он. – И он сейчас вонзит мне в бок отравленный клинок... медленно пронзая щит. Может быть, он подобрал другого наследника?»

«Пускай теперь попереживает... узнает, что такое страх, – думал барон, шагая следом за племянником. – Он будет наследовать мне, но лишь в назначенное мной время. Я не позволю ему растоптать то, что построил с таким трудом».

Фейд-Раута пытался не убыстрять шаг. По спине его бегал мерзкий холодок... само тело сжалось, не зная, куда будет нанесен удар. Мускулы его то напрягались, то расслаблялись.

– Ты слышал последние вести с Арракиса? – спросил барон.

– Нет, дядя.

Заставив себя не оглядываться, Фейд-Раута направился к выходу из помещений для слуг.

– Среди фрименов объявился новый пророк, или просто религиозный лидер. Они зовут его Муад'Диб. Забавное имя. Этим словом они называют мышь. Я приказал Раббану не мешать им, пусть занимаются своей религией, это отвлечет их от иных дел.

– Весьма интересно, дядя, – отвечал Фейд-Раута. Они повернули в коридор к апартаментам барона. «Зачем он завел речь о религии? – думал наследник. – Или это какой-нибудь тонкий намек?»

– Безусловно, – согласился барон.

Они вошли в комнаты барона, миновали приемную, добрались до спальни. Повсюду были видны следы борьбы: сдвинутая плавающая лампа, одеяло на полу... настезь распахнутый шкаф-массажер у кровати.

– Задумано было неглупо, – начал барон. Он перевел силовое поле щита на максимум и остановился, поглядев на племянника, – но и не слишком умно. Объясни мне, Фейд, почему ты до сих пор не попытался убить меня собственной рукой, хотя возможностей у тебя было достаточно.

Фейд-Раута нащупал за собой гравикресло и уселся, внутренне поежившись оттого, что сделал это без приглашения.

«Надо быть смелым», – подумал он.

– Вы же сами учили меня не пачкать собственные руки, – ответил он.

– Ах да, – сказал барон. – Ты хочешь иметь возможность перед лицом Императора искренно ответить, что ни в чем не виноват. Так, чтобы ведьма, сидящая рядом с ним, услышала правду в твоих словах и сказала об этом. Да. Так я и учил тебя.

– А почему вы никогда не покупали гессериток, дядя? – спросил Фейд-Раута. – Если рядом с вами была бы ясновидящая...

– Ты знаешь мои вкусы! – отрезал барон.

Фейд-Раута поглядел на дядю и произнес:

– И все же они представляют определенную ценность...

– Я им не доверяю, – огрызнулся барон, в голосе его слышался гнев. – Не пытайся переменить тему!

Фейд-Раута кратко отвечал:

– Как вам угодно, дядя.

– Помнится, несколько лет назад на арене, в одном из поединков, – начал барон, – могло показаться, что твоего соперника – гладиатора, подготовили к покушению на твою жизнь. Так ли это было на самом деле?

– Все это было настолько давно, дядя. И я, в конце концов...

– Не уклоняйся, – ответил барон более спокойным тоном.

Фейд-Раута поглядел на дядю, подумал: «Он все знает, иначе бы не спрашивал».

– Моя интрига, дядя. Я затеял ее, чтобы скомпрометировать вашего главного надсмотрщика.

– Умно, – сказал барон, – вдобавок требовало храбрости, ведь гладиатор чуть не сразил тебя, не так ли?

– Да.

– И если изящество и тонкость твоих замыслов окажутся под стать твоей храбрости, ты станешь грозным для любого властителя. – Барон поводит головой из стороны в сторону. И в который уже раз после того ужасного дня на Арракисе пожалел о гибели Питера, своего ментата. Тот был тонок, дьявольски тонок. Барон вновь качнул головой. Судьба, случалось, бывала к нему беспощадной.

Фейд-Раута оглядел спальню, следы борьбы в ней, недоумевая, как мог его дядя справиться со столь тщательно подготовленным рабом.

– Как я одолел его? – спросил барон. – Ах-х, Фейд, позволь мне, старику, сохранить кое-что в тайне. И лучше, если мы сейчас заключим с тобой сделку.

Фейд-Раута, не веря своим ушам, глядел на него. «Сделку! Значит, он и впрямь считает меня наследником. Иначе зачем ему сделка? На сделки идут только с равным... или почти!»

– Какую же сделку, дядя? – Фейд-Раута невольно почувствовал гордость, ощутив, насколько спокойно и рассудительно звучит его голос, не выдавая наполнявшего душу восторга.

Барон тоже отметил этот самоконтроль. Он кивнул:

– Пока что ты – всего лишь хороший материал, Фейд. И я не бросаюсь своим добром. Но ты пока основательно заблуждаешься – не хочешь понять, насколько я нужен тебе. Ты упрям. Ты не понимаешь, что должен охранять меня как величайшую для себя ценность. Это вот... – он показал на следы борьбы, – это было глупостью. Глупость не вознаграждается.

«Ну, скорее к делу, старый дурак!» – подумал Фейд-Раута.

– Сейчас ты наверняка назвал меня про себя старым дураком, – сказал барон, – придется переубедить тебя в этом.

– Вы говорили о сделке.

– Ах, это нетерпение юности, – произнес барон. – Ну, тогда буду краток: приказываю прекратить эти глупые покушения на мою жизнь. А я обещаю тебе, когда почувствую, что ты созрел для этого, – сам отступлю в сторону, отрекусь в твою пользу. Буду советником, а ты станешь править.

– Отречетесь ли, дядя?

– Вижу, ты все считаешь меня дураком, – ответил барон, – и этот разговор только усиливает твою самоуверенность, а? Или ты думаешь, что я тебя прощу? Осторожнее, Фейд. Этот старый дурень прекрасно разглядел иглу в бедре мальчика. Легкий нажим... и готово! Иголка рядом прямо в руке старого дурака! Ах-х, Фейд!

Барон покачал головой, подумал: «Если бы не Хават... у него все получилось бы. Ну пусть мальчишка думает, что это я сам и уличил их. В какой-то мере это справедливо. Именно я спас Хавата от сардаукаров на Арракисе. А мальчишке следует с бóльшим уважением относиться к моим способностям».

Фейд-Раута молчал, невольно сомневаясь: «Можно ли ему верить? Неужели и впрямь отречется? А почему бы и нет? Однажды, уверен, я добьюсь своего, если только буду осторожен. Вечно жить он не будет. И, может быть, торопить его на тот свет глупо».

– Вы говорите о сделке, – сказал Фейд-Раута. – И какие гарантии мы можем дать друг другу?

– Иначе говоря, с какой стати мы станем доверять друг другу, да? – спросил барон. – Ну Фейд, что касается тебя, я приставлю Сафира Хавата следить за тобой. В таких вопросах я доверяю его способностям ментата. Ты меня понял? Что касается меня самого, придется тебе поверить на слово. Но я ведь не буду жить вечно, Фейд, не так ли? И тебе уже давно должно было прийти в голову, что мне известно кое-что, о чем ты и не подозреваешь.

– Я-то дам клятву, но чем же ответите мне вы? – спросил Фейд-Раута.

– Я оставлю тебя в живых, – коротко ответил барон.

Фейд-Раута вновь поглядел на дядю: «Хават будет следить за мной! Интересно, что старик сказал бы, узнав, что именно Хават и подготовил интригу с гладиатором, стоившую ему жизни надсмотрщика? Быть может, решил бы, что я лгу, пытаюсь скомпрометировать Хавата. Нет, Хават – отличный ментат, он предвидел и этот момент».

– Ну, и что ты скажешь? – спросил барон.

– Что я скажу? Конечно же, я согласен.

Про себя Фейд-Раута подумал: «Хават! Он ведет двойную игру... против нас... не так ли? Или он уже переметнулся в лагерь дяди, раз я не посоветовался с ним... в сегодняшней попытке покушения с помощью этого юнца».

– Ты не сказал еще, что думаешь о моем решении относительно Хавата, – произнес барон.

У Фейд-Рауты от негодования расширились ноздри. Имя Хавата столько лет сулило опасности всей семье Харконненов... Пусть он теперь в новом качестве, но опасен от того ничуть не менее.

– Опасная игрушка – этот Хават, – сказал Фейд-Раута.

– Игрушка! Не будь глупцом. Я знаю, что такое Хават и как управлять им. Он человек глубинных эмоций, Фейд. Бояться следует человека без эмоций. А глубокая эмоциональность... ах, ею прекрасно можно воспользоваться в собственных целях.

– Дядя! Я вас не понимаю.

– Зря. По-моему, все вполне ясно.

Лишь легкий взмах ресниц выдал негодование Фейд-Рауты.

– Ты не понимаешь Хавата, – произнес барон.

«И ты тоже», – подумал Фейд-Раута.

– Кто, по мнению Хавата, виноват в его бедах? – спросил барон. – Я! А кто же еще? Он помнит, что в руках Атрейдесов был грозным оружием и год за годом одолевал меня, пока не вмешалась Империя. Так он смотрит на ситуацию. Он привык ненавидеть меня. И верит, что в любой момент сумеет обвести меня вокруг пальца. И пока он в этом убежден, проигрывает. Ведь теперь я использую его там, где считаю нужным – против Империи.

Глубокие морщины прорезали лоб нахмурившегося Фейд-Рауты, выдавая внезапное понимание, рот его плотно сжался.

– Против Императора?

«Попробуй-ка, племянничек, это на вкус, – подумал барон. – Произнеси-ка про себя: «Император Фейд-Раута Харконнен!» Спроси-ка себя, чего это стоит. Можно будет потом и поберечь жизнь старого дяди, который один только и может воплотить этот сон в реальность».

Фейд-Раута медленно облизнулся: «Неужели старый дурак говорит правду? Значит, здесь кроется больше, чем можно было бы заподозрить».

– А какое отношение имеет ко всему этому Хават? – спросил Фейд-Раута.

– Он думает, что нашими руками сумеет отомстить Императору.

– А потом?

– Дальше мести его мысли не простираются. Хават из тех людей, что служат другим и многого не знают о себе.

– Я многому от него научился, – согласился Фейд-Раута, почувствовав истинность этих слов. – Но чем больше я узнаю от него, тем сильнее мне кажется, что от него надо отделаться, и поскорее.

– Тебе не нравится, что он будет следить за тобою?

– Хават и так следит за всеми.

– Но он может посадить тебя на трон. Хават тонок. Он изобретателен и опасен. И пока я не склонен отменять противоядие. Меч тоже опасен, Фейд. Но для этого клинка у нас, по крайней мере, есть ножны – яд, пропитавший его тело. Стоит не дать ему противоядие – все: смерть сразу делает его безопасным.

– Это чем-то похоже на поединок, – сказал Фейд-Раута, – финт, в нем финт и снова финт. Приходится следить за тем, как нагибается гладиатор, как глядит, как держит нож.

Он кивнул, ощутив, что слова его порадовали дядю, и подумал: «Да, как на арене, а лезвие – разум!»

– Теперь ты понял, насколько я тебе необходим, – сказал барон, – я еще могу быть полезен тебе, Фейд.

«Меч используют, пока он не слишком затупился», – подумал Фейд-Раута.

– Да, дядя, – вслух согласился он.

– А теперь, – сказал барон, – мы с тобой отправимся в квартал рабов, вдвоем. И я своими глазами прослежу, как ты прирежешь всех женщин на улице удовольствий.

– Дядя!

– Купим новых женщин, Фейд. Я уже говорил тебе – не заблуждайся относительно меня.

Лицо Фейд-Рауты потемнело:

– Дядя, но...

– Ты будешь наказан и получишь урок, – сказал барон.

Фейд-Раута встретил насмешливый взгляд упоенных его бессилием глаз. «Итак, я должен запомнить эту ночь, – подумал он. – Запомнить через память иных ночей».

– Ты не можешь отказаться, – сказал барон.

«А что ты будешь делать, старик, если я откажусь?» – подумал Фейд-Раута. И понял: найдется и другое наказание, быть может, более тонкий способ поставить его на колени.

– Я тебя знаю, Фейд, – произнес барон. – Ты не откажешься.

«Верно, – подумал Фейд-Раута. – Теперь я нуждаюсь в тебе. Я понял это. Сделка наша заключена, но и ты будешь нужен мне не всегда. И... когда-нибудь...»

В подсознании людей глубоко укоренилась мысль о том, что Вселенная должна быть логичной. Но реальность всегда хоть на шаг уводит нас за пределы логики.

*Принцесса Ирулан. «Избранные изречения
Муад'Диб»*

«Случалось мне сидеть перед многими правителями из Великих Домов, но борова толще и опаснее этого я не видел», – проговорил про себя Сафир Хават.

– Можешь быть откровенным со мною, Хават, – гроыхнул барон. Он откинулся назад в гравикресле, утонувшие в жирных складках глаза буравили лицо ментата.

Старик устался на полированную крышку стола, отделявшего его от барона, изучая узор. Даже такие мелочи следовало учитывать, имея дело с бароном, даже красные стены личного кабинета и слабый запах трав, скрывавший легкую вонь.

– Не думаешь же ты, что я считаю твой совет предупредить Раббана простой прихотью, – сказал барон.

Ничто не шевельнулось на морщинистом лице Хавата, выдавая его внутреннее негодование.

– Мне приходится многое подозревать, милорд.

– Да. Ну, я хочу знать, какую роль играет Арракис в твоих подозрениях относительно Салузы Секундус. Разве тебе недостаточно знать, что Императора раздражает любая параллель между Арракисом и его таинственной тюремной планетой? Я поторопился с предупреждением Раббану лишь потому, что курьеру надо было отбыть именно с этим лайнером. Ты же сказал, что задержки не должно быть. Ну и хорошо. Но теперь мне нужны объяснения.

«Сколько же он болтает! – подумал Хават. – Это не герцог Лето, умевший говорить со мной мановением руки, движением брови. Какая туша! Да уничтожить его – значит облагодетельствовать человечество».

– Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу полных и исчерпывающих объяснений, – продолжал барон.

– Вы слишком уж непринужденно называете Салузу Секундус, – произнес Хават.

– Это же исправительная колония, место ссылки, – сказал барон. – Наихудшее отребье ссылается на эту планету. Что еще нам нужно знать о ней?

– Условия жизни там хуже, чем где бы то ни было, – продолжил Хават. – Нам говорят, что смертность среди новичков превышает там шестьдесят процентов. Нам говорят, Император угнетает их, как только умеет. Вы слышите все это, и вам не хочется задаться вопросом?

– Император не позволяет Великим Домам инспектировать свои тюрьмы, – проворчал барон. – В мои темницы он тоже не лезет.

– А проявления любопытства относительно Салузы Секундус, ах... – Хават прикоснулся костистым пальцем к губам, – не поощряются.

– Едва ли можно гордиться тем, что творится там!

Хават позволил незаметнейшей из улыбок тронуть его тонкие губы. Поблескивая глазами, он глядел на барона.

– А вы не задумывались, откуда берутся его сардаукары?

Барон поджал пухлые губы, словно младенец, и возмущенным голосом проговорил:

– Ну... он набирает рекрутов... говорят, есть вспомогательные части и из их числа...

– Фэ-э! – протянул Хават. – Эти рассказы о происхождении сардаукаров... слухи, не более. А что говорят те немногие, кто уцелел в схватках с ними?

– Сардаукары – великолепные воины, в этом нечего сомневаться, – сказал барон. – Но я думаю, мои легионы...

– Праздношатающийся сброд по сравнению с ними! – оскалился Хават. – Вы не задумывались, почему Император выступил против Дома Атрейдесов?

– Тебе не следует копаться в этих вопросах, – предупредил барон.

«Неужели даже он не представляет себе подлинных причин решения Императора?» – спросил себя Хават.

– Мне следует копаться в любых вопросах, если мои усилия служат вашим интересам, – сказал Хават. – Я – ментат. А от ментата нельзя скрывать информацию или ограничивать направления вычислений.

Барон долго и пристально смотрел на него и наконец промолвил:

– Говори, что считаешь нужным, ментат.

– Падишах-Император обрушился на Дом Атрейдесов потому, что полководцы герцога, Гарни Холлик и Дункан Айдахо, вымуштровали

настоящее войско, пусть небольшое, но лишь чуточку уступавшее сардаукарам. Были там солдаты и получше императорских. Герцог намеревался укрепить свои силы, сделать свою армию не слабее императорской.

Барон взвесил услышанное и произнес:

– И какое же отношение ко всему этому имеет Арракис?

– Он мог бы поставить ему рекрутов, прошедших жесточайший отбор на выживание.

Барон покачал головой:

– Но разве можно считать таковыми фрименов?

– Именно о них и речь.

– Ха! Зачем тогда предупреждать Раббана? После устроенного сардаукарами погрома и притеснений Раббана могла уцелеть лишь горстка фрименов.

Хават молча глядел на барона.

– Горстка, не более! – повторил барон. – Только в прошлом году Раббан уложил шесть тысяч.

Хават по-прежнему молча глядел на него.

– И в предыдущем году девять тысяч, – продолжил барон, – и сардаукары до отлета – не менее двадцати тысяч.

– Каковы потери Раббана за последние два года? – спросил Хават.

Барон потер пухлые щеки.

– Ну, рекрутов он нахватал, конечно. Его агенты зазывали такими посулами и...

– Можно считать тысяч тридцать для круглого счета? – спросил Хават.

– Пожалуй, многовато, – сказал барон.

– Напротив, – ответил Хават, – я, как и вы, умею читать между строк в отчетах Раббана. А вы, безусловно, не могли ошибиться в оценке моих отчетов от наших агентов.

– Арракис – свирепая планета, – отвечал барон, – и потери в бурях...

– Мы оба знаем цифры этих потерь, – сказал Хават.

– Так, значит, он потерял тридцать тысяч? – возмущенным тоном переспросил барон, побагровев от негодования.

– По вашим собственным подсчетам, – сказал Хават, – его солдаты перебили четырнадцать тысяч человек, потеряв за два года вдвое

больше. Вы сказали, что сардаукары сообщали о двадцати тысячах человек. Может быть, немногим больше. И я видел ведомости их отправки с Арракиса. Если они перебили двадцать тысяч, их потери составили пять за одного фримена. Ну, барон, вам эти цифры что-нибудь говорят?

Холодным тоном барон отметил:

– Это – твоя работа, ментат. Что же они значат?

– Я передал вам результаты подсчета, произведенного Дунканом Айдахо в том ситче, что они посетили, – сказал Хават. – Все сходится. Если таких селений-ситчей у них всего двести пятьдесят, тогда на планете живет около пяти миллионов фрименов. А я считаю, что их, по крайней мере, в два раза больше. На подобной планете приходится расселяться подальше друг от друга.

– Десять миллионов?

Щеки барона задергались от изумления.

– По меньшей мере.

Барон поджал пухлые губы. Глаза-бусинки пристально глядели на Хавата. «Неужели это результаты расчета? – удивлялся он. – Как могло случиться, что мы не заметили столько народа?»

– Мы даже не сократили хоть на сколько-то прирост населения, – продолжил Хават, – просто отсеяли горстку менее удачливых, оставив сильных набирать новую мощь... Как на Салузе Секундус.

– Салуза Секундус! – рявкнул барон. – Какое отношение все это имеет к планете-тюрьме Императора?

– Человек, переживший Салужу Секундус, оказывается выносливее остальных, – ответил Хават, – и если как следует обучить его владеть оружием...

– Чепуха! Из твоих слов следует, что мне нужно заняться набором войска из фрименов, после того как мой племянник хорошенько их придушит.

Хават едко проговорил:

– А свои собственные войска вы не прижимаете?

– Ну... я... но...

– Угнетение – вещь относительная. К вам в солдаты идут люди получше прочих, тех, кто их окружает, а? У них есть довольно неприятная альтернатива службе в войсках барона, а?

Барон умолк, рассеянно глядя перед собой. Возможно... или же Раббан и впрямь невольно дал Дому Харконненов мощнейшее оружие?

Наконец он сказал:

— А как увериться в преданности таких рекрутов?

— Я бы формировал из них небольшие части, не более взвода, — сказал Хават. — И перестал бы их притеснять, и изолировал — но так, чтобы обучающий персонал понимал их. Лучше всего брать инструкторами тех, кто прошел уже этой дорогой. Я бы внушал им как мистическую идею сознание того, что их планета — тайный тренировочный центр для воспитания сверхвоинов. И чтобы все время они могли видеть то, что доступно высшему существу. Обеспеченная жизнь, красивые женщины, прекрасные дома... словом, что ни пожелают.

Барон начал кивать:

— Так живут на родине сардаукары.

— Рекруты рано или поздно начинают убеждаться, что существование подобной планеты оправданно, раз она воспитала их, элиту. Простой солдат-сардаукар ведет образ жизни во многом возвышенный, как и члены Великих Домов.

— Это мысль! — прошептал барон.

— Значит, вы начинаете разделять мои подозрения? — поинтересовался Хават.

— И когда все это началось? — спросил барон.

— Ах да, вот еще — откуда происходит сам Дом Коррино? Жили на Салузе Секундус люди до того, как Император послал туда первых каторжников? Даже герцог Лето, кузен императорского Дома по женской линии, не был в этом уверен. Такие вопросы нежелательны.

Глаза барона оживленно блеснули.

— Да, секрет оберегали весьма тщательно. Использовали все мыслимые способы...

— Кстати, а что здесь скрывать? — перебил его Хават. — Что у Падишах-Императора есть планета-тюрьма? Все это знают. Что у него есть...

— Граф Фенринг! — вдруг выпалил барон.

Хават, нахмурясь, удивленно поглядел на барона:

— Что — граф Фенринг?

– Несколько лет назад, в день рождения моего племянника, – пояснил барон, – этот императорский щеголь, граф Фенринг, появился сюда в качестве официального наблюдателя, чтобы... ах, заключить деловое соглашение между Императором и мной.

– Так?

– И я... э-э-э... в одном из разговоров, кажется, сказал ему, что хотел бы сделать из Арракиса собственную тюремную планету. Фенринг...

– Что именно вы ему сказали, вспомните, – строго сказал Хават.

– Вспомнить? Это было уже давно и...

– Милорд барон, если вы хотите использовать меня наилучшим образом, не скрывайте от меня информацию. Разве этот разговор не был записан?

Лицо барона потемнело от гнева:

– Ты столь же скверный человек, как и Питер! Мне не нравятся эти...

– Питера уже нет с вами, милорд, – сказал Хават. – Кстати, что именно произошло с Питером?

– Он стал чересчур фамильярен, тоже решил требовать от меня слишком многого, – огрызнулся барон.

– Вы заверяете меня, что попусту не расходуете полезных людей, – сказал Хават. – Зачем тратить мое время на угрозы и болтовню? Что вы хотели рассказать мне о вашей беседе с графом Фенрингом?

Барон медленно подавил гнев. «Ну, – подумал он, – когда придет твое время, я напому тебе эту манеру разговаривать со мной. Да, я припомню ее тебе».

– Минутку, – сказал барон, вспоминая разговор в большом зале, в конусе тишины. – Я сказал ему примерно так: «Император знает, что кровопролитие в определенной степени всегда помогает делу». Разговор шел о наших потерях среди рабочих. А потом я сказал, что есть еще один способ решения проблем Арракиса и что меня вдохновляет своим примером императорская планета-тюрьма.

– Ведьмина кровь! – чертыхнулся Хават. – И как же ответил Фенринг?

– Тогда-то он и принялся расспрашивать о тебе.

Хават откинулся назад, задумчиво закрыл глаза.

– Так вот почему они заинтересовались Арракисом, – сказал он. – Ну что же, раз так случилось. – Он открыл глаза. – Теперь Император, должно быть, на шпиговал Арракис шпионами. Два года!

– Но ведь не мое же невинное предложение...

– В глазах Императора ни одно предложение не является невинным. Какие инструкции получил от вас Раббан?

– Ему было велено заставить Арракис трепетать перед нами.

Хават качнул головой:

– Теперь, барон, остается две возможности. Или вы перебьете туземцев, вырежете их *совсем*, или...

– Полностью перебить всю рабочую силу?

– Или вы считаете, будет лучше, если Император и те из Великих Домов, что поддерживают его, явятся сюда и для профилактики выскоблят Гайеди Прим, как пустой горшок?

Барон внимательно поглядел на своего ментата и произнес:

– Он не посмеет.

– Разве?

– Что ты мне предлагаешь? – Губы барона дрогнули.

– Отрекитесь от собственного племянника, драгоценнейшего Раббана.

– Отре... – Барон умолк на полуслове, недоуменно поглядел на Хавата.

– Не посылайте ему впредь ни подкреплений, ни помощи. На все его сообщения отвечайте лишь, что уже прослышали о его художествах на Арракисе и как можно скорее собираетесь лично поправить положение дел. Я устрою, чтобы некоторые из ваших депеш попали в руки императорских шпионов.

– Но специя, налоги...

– Требуйте свою баронскую долю – но не свыше того, будьте теперь осторожны. С Раббана взыскивайте лишь конкретные суммы, мы можем...

Барон повернул руки ладонями вверх:

– Но как мне увериться в том, что этот хорек-племянник не...

– На Арракисе у нас остаются собственные шпионы. Нужно сообщить Раббану, что, если он не обеспечит нужные поставки специй, вы сместите его.

– Я знаю своего племянника, – ответил барон, – тогда он круче навалится на население.

– Конечно же! – отрезал Хават. – Вы же и не хотите иного. Просто не нужно пачкать собственные руки. Пусть Раббан подготавливает для вас вторую Салузу Секундус. Нет нужды даже посылать туда осужденных. У него и так есть все необходимое в виде местных. Если Раббан будет усердствовать, чтобы выполнить ваши нормы поставок, у Императора не будет оснований для подозрений. Вот вам достаточная причина еще сильнее прижать эту планету. И вы, барон, ни словом, ни делом не дадите оснований заподозрить иные мотивы.

Не удержавшись, барон добавил нотку лукавого восхищения в собственный голос:

– Ах, Хават, сколь же ты изобретателен! А теперь, как поступать с Арракисом и воспользоваться результатами работы Раббана?

– Проще всего, барон. Если вы просто будете каждый год чуть повышать норму поставок специй, все произойдет само собой. Объем добычи снизится. И вы сможете сместить Раббана и взять власть на себя... чтобы поправить дело.

– Получается, – сказал барон. – Но я уже начинаю уставать от этих дел. Для Арракиса я готовлю другого правителя.

Хават посмотрел на жирное круглое лицо. Помедлив, старый солдат и шпион качнул головой:

– Фейд-Раута, ну что же, теперь есть причина для притеснений. Вы и сами весьма изобретательны, барон. Возможно, мы сумеем объединить обе схемы. Ваш Фейд-Раута явится на Арракис спасителем. Да. Он может привлечь симпатии населения.

Барон улыбнулся и подумал: «Интересно, а как все это согласуется с тайными планами самого Хавата?»

Видя, что барон более не нуждается в нем, Хават поднялся и вышел из комнаты с красными стенами. Он шел и думал, что во все расчеты, касающиеся Арракиса, впутывалась возмутительная неопределенность. Их религиозный вождь, о котором дал ему знать Гарни Холлик из своего укрытия у контрабандистов, этот самый Муад'Диб.

Быть может, не следовало советовать барону оставить эту религию в покое, даже если ею увлечется народ впадин и грабенов. Но ведь все знают, что притеснения служат религии на пользу.

И он вспомнил, что Холлик сообщил ему о тактике фрименских отрядов. Она отдавала Холликом... И Айдахо... даже самим Хаватом.

«Возможно ли, что Айдахо все-таки уцелел?» – подумал он.

Впрочем, интересовало его не это. Но он боялся задать себе другой вопрос, куда более важный: мог ли выжить Пол? Он знал: сам барон был уверен, что все Атрейдесы погибли. Он признался, что ведьма-гессеритка была его оружием. А это значило – смерть... всем, включая ее собственного сына.

«Откуда у нее эта ядовитая ненависть к Атрейдесам, – подумал он. – Слово моя – к драгоценнейшему барону? Смогу ли я нанести своему врагу столь же смертельный окончательный удар?»

Во всем, что окружает нас в этой Вселенной, скрыта некая схема. Она обладает симметрией, изяществом, элегантностью... всеми характерными чертами шедевра. Приглядитесь к смене времен года, к струйке песка, текущей по склону, к ветке креозотового куста... наконец, поглядите на узор его листьев. Мы пытаемся воспроизвести эту схему в наших жизнях, обществе, пробуем отыскать ритмы, танцы, любые утешающие нас формы. Но в стремлении к высшему совершенству можно заметить опасность. Ясно, что предельное совершенство неизменно. И путь к нему ведет все живущее к смерти.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

Пол-Муад'Диб вспомнил, как ел. Пища его была перенасыщена специей. За это воспоминание он держался, словно за якорь, и отсюда, из данной точки отсчета, мог понять, что видит сон.

«Я – театр, в котором разыгрывается будущее, – думал он. – А еще – жертва точных пророчеств, сознания расы и собственного ужасного предназначения».

И все же он чувствовал, что переусердствовал, потерялся во времени. Прошрое, настоящее и будущее слились для него в нечто единое. Своего рода переутомление зрения – иногда оно овладевало им от постоянной необходимости запоминать видения о грядущем, каждое из которых по-разному было связано с прошлым.

«Пищу мне готовила Чани», – напомнил он себе.

Но Чани была далеко на юге, в прохладных краях, под ярким солнцем, в безопасности, вместе с их сыном Лето Вторым.

Или это еще только должно случиться?

Нет, напомнил он себе, ведь Алия Странная, его сестра, вместе с матерью отправилась в южные пределы на двадцать колотушек пути в паланкине Преподобной Матери на спине дикого червя.

Сама мысль, что на гигантских червях можно ездить, повергла его в смятение. «Или же Алия еще не родилась?»

«Я был в разии, – припоминал Пол. – Мы отправились в Арракин, чтобы вернуть воду убитых соплеменников. И я нашел останки отца в пепле погребального костра. Череп его я укрыл в соответствии с фрименским обычаем – в кургане над перевалом Харг».

Или это еще должно свершиться?

«Но мои раны реальны, – сказал себе Пол, – и мои шрамы реальны. И гробница моего отца существует».

Еще в полудремоте Пол припомнил, что Хара, вдова Джемиса, однажды ворвалась к нему и объявила, что в коридоре ситча идет поединок. Это было там, на временной стоянке, когда детей и женщин еще не отослали поглубже в пустыню. Хара остановилась у входа, черные крылья волос были перевязаны сзади цепочкой с водными кольцами. Она отодвинула в сторону тяжелые занавеси и сказала, что Чани только что зарезала кого-то.

«Это было, – думал Пол, – это было на самом деле и не изменится более».

Он вспомнил, как выбежал и обнаружил под желтыми светочарами Чани в ослепительно-голубом халате с откинутым назад капюшоном, на личике эльфа была заметна печать утомления. Вдаль по коридору от них спешила толпа, уносящая тяжелый сверток.

Он подумал тогда: «Всегда понятно, когда они уносят труп».

Водные кольца Чани (в ситчах их носили открыто) звякнули, когда она повернулась.

– Что случилось, Чани? – спросил он.

– Пришлось прикончить одного. Он появился сюда, чтобы вызвать тебя на поединок, Усул!

– И ты убила его?

– Да, но этого можно было оставить и для Хары.

(Теперь Пол припомнил, как оживились вокруг лица при этих словах. Расхохоталась и сама Хара.)

– Но он же собирался вызвать меня?

– Ты ведь учил меня своему волшебному бою...

– Конечно, но не следовало бы тебе...

– Я родилась в пустыне, Усул, и умею держать в руке крис.

подавив гнев, он попытался убедить ее:

– Все это так, Чани, но...

– Я уже не ребенок, которому поручают ловить в ситче скорпионов на свет ручного шара, и я не играю.

Пол яростно посмотрел на нее, замороженный странной свирепостью за этим внешним спокойствием.

– Он не был достоин тебя, Усул, – сказала Чани, – и я не стану прерывать твои размышления ради подобных ему. – Она подо двинулась к нему поближе, искоса глянула и прошептала так, чтобы слышал ее слова лишь один он: – Любимый, раз всем будет известно, что бросивший вызов предстанет предо мной и примет позорную смерть от руки женщины Муад'Диб а, охотников станет поменьше.

«Да, – подумал Пол, – это уже было, это истинное прошлое. И число желающих опробовать новое лезвие Муад'Диб а быстро сошло почти на нет».

Где-то в мире истинном, настоящем, послышался крик ночной птицы, что-то шевельнулось.

«Я сплю, – подбодрил себя Пол. – Всему виной вечная специя в пище».

И все же чувство заброшенности не оставляло его. Он подумал, что рух, часть его личности, каким-то образом ускользнула в тот мир, где, по верованиям фрименов, она и вела свое истинное существование, – в алам-аль-миталь, мир подобий, метафизические края, в которых не существует физических ограничений. И он со страхом подумал, что ведь там, где нет ограничений, нет и точки

опоры. В измерении мифов он не видел места, в котором мог бы остановиться и произнести: «Я есть, потому что я есть в этом месте».

Мать его сказала однажды: «Отношение людей к тебе двойственно».

«Надо проснуться, – подумал Пол. – Это уже было». Эти слова она уже говорила ему, его мать, леди Джессика, ныне Преподобная Мать фрименов, слова которой пронизали реальность.

Пол знал, что Джессика опасается религиозной связи между ним и фрименами. Ей не нравилось уже то, что люди и грабенов, и ситчей именовали его очень просто – *Он*. И она изучала племена, рассылала шпионок-сайидин, собирала их сообщения и размышляла над ними...

Она процитировала ему кусочек мудрости Бинэ Гессерит: «Если религия и политика путешествуют совместно в одном экипаже, кучер может решить, что ничто уже не преградит ему путь. И он гонит вперед... все быстрее, и быстрее, и быстрее, забывает о препятствиях, о том, что, торопясь, не заметишь ямы... и конец».

Пол вспомнил, как они сидели вдвоем во внутреннем помещении, занавешенном темными гобеленами с вышитыми сценами из мифологии фрименов. Он сидел и слушал ее, подмечая, как она наблюдает за ним, даже опустив взор. На ее овальном лице появились морщинки – в уголках глаз, но волосы по-прежнему отливали полированной бронзой. Зелень широко расставленных глаз уже затягивалась синей дымкой.

– Религия фрименов проста и практична, – произнес он.

– Религия, любой аспект ее всегда далек от простоты.

Но контуры будущего тонули во мгле, и Пол сердито возразил:

– Религия объединяет наши силы. Таков смысл нашей мистики.

– Ты сознательно поддерживаешь этот дух, эту браваду, – обвиняющим тоном сказала она, – вечно доктринерствуешь.

– Этому ты меня сама научила.

Разговор их тогда почти полностью сложился из споров и противоречий. Это был как раз день обрезания маленького Лето. Некоторые из причин ее расстройства Пол понимал. Она так и не признала его союз с Чани, эту женитьбу по молодости, как считала она. Но Чани родила сына, нового Атрейдеса, и Джессика обнаружила, что не в силах отвергнуть ни дитя, ни мать.

Наконец Джессика шелохнулась под его пристальным взглядом и сказала:

– Ты считаешь меня плохой матерью?

– Конечно же, нет.

– Я вижу, как ты смотришь на нас с твоей сестрой, когда мы вместе. Ты так и не понял свою сестру.

– Я знаю, почему Алия другая, – сказал он, – она была еще частичкой тебя, когда ты преобразила Воду Жизни. Она...

– Пол, ты ничего не понимаешь!

Почувствовав вдруг, что не в силах выразить почерпнутое в грядущем знании, Пол сумел только произнести:

– Да не считаю я тебя плохой.

Джессика увидела, что он расстроен, и сказала:

– Вот еще что, сын.

– Да?

– Я люблю твою Чани. И принимаю ее.

«Это было, – сказал себе Пол. – Это было наяву, не в тусклом видении, колеблемом рукою времени».

Мысль приободрила его, позволила вновь ухватиться за мир. Кусочки реальности, вдруг пронзив сон, выступили в его восприятии. И он понял, где находится – в йереге, лагере среди пустыни. Чани разбила палатку на песке, чтобы было помягче. А значит, Чани рядом, Чани – его душа, Чани – его сихайя, прохладная пустынная весна. Чани, вернувшаяся из пальмовых рощ юга.

Он вспомнил, как перед сном она напевала:

Любимый, душа моя,
Не рвись этой ночью в рай,
Ведь, клянусь Шай-Хулудом,
Я сама вознесу тебя в этот край
Любовью своей, вечным чудом.

А потом она пела песню, что поют любовники, ступая по дюнам, и ритм ее был словно осыпаящийся под ногами песок.

Скажи мне о твоих глазах —
И я поведаю тебе о твоём сердце.
Скажи мне о твоих ногах —
И ты узнаешь от меня о своих руках.
Скажи мне о своём сне —
И я поведаю тебе о твоём пробуждении,
Скажи мне о твоих желаниях —
И ты узнаешь от меня, что тебе нужно.

В палатке неподалеку кто-то затренькал на бализете. И он подумал тогда о Холлике. Звуки инструмента вдруг напомнили о Гарни, лицо которого он увидел среди контрабандистов... Тот не заметил его, не должен был и заподозрить, чтобы случайно не навести Харконненов на сына убитого ими герцога.

Но манера игравшего, постановка пальцев подсказали имя музыканта внутреннему взору Пола. Это был Чатт Прыгун, капитан фидайинов, предводитель смертников, охранявших Муад'Диб.

«Мы в пустыне, — вспомнил Пол. — Мы в самой середине эрга, куда не залетают патрули Харконненов. И я должен пройти по песку, вызвать делателя, первым взобраться на него и доказать, что я настоящий фримен».

Он ощущал пояс — пистолет-маула, крис. Его окружало молчание. Обычная рассветная тишина, когда ночные птицы уже умолкли, а дневные создания еще не обнаружили себя перед лицом всемогущего врага — солнца.

— Ты должен ехать верхом в свете дня, чтобы Шай-Хулуд видел, что ты не боишься, — сказал Стилгар, — поэтому перевернем наши обычаи и выспимся этой ночью.

Пол спокойно сел в полумраке палатки, почувствовав, как болтается вокруг тела расстегнутый конденскостюм. Он двигался очень тихо, но Чани услышала его.

Она отозвалась из темноты — тень, затерявшаяся в другой тени:

— Любимый, еще только светает.

— Сихайя, — ответил он смеющимся голосом.

— Ты зовешь меня твоей пустынной весной, — сказала она, — но учти, сегодня я — твое стрекало. Я — сайидина, и должна проследить,

чтобы все обычаи были выполнены.

Он подтянул конденскостюм.

– Однажды ты привела мне изречение из «Китаб аль-Ибар», – произнес он, – и сказала: *«Женщина – твое поле, иди же и возделывай его»*.

– Я родила тебе твоего первенца, – согласилась она.

В сером полумраке он видел, как движения ее повторяют его собственные, – она тоже готовилась выйти в пустыню.

– Тебе нужно передохнуть, – добавила она.

Услыхав в ее словах голос любви, он слегка поддразнил ее:

– Сайидина-наблюдающая не должна предостерегать или предупреждать испытуемого.

Чани приблизилась к нему вплотную и провела по щеке ладонью:

– Сегодня я и наблюдатель, и твоя женщина.

– Тебе следовало бы передать другой эту обязанность.

– Ждать известий тяжелее, – сказала она, – лучше уж я буду рядом.

Он поцеловал ее ладонь, потом прикрыл лицо маской, повернулся и разгерметизировал клапан. В воздухе снаружи угадывалась та зябкая сырость, которая позволяла надеяться на росу утром. Ветер нес и запах предспециевой массы, которую обнаружили на северо-востоке, значит, делатель был неподалеку.

Пол выполз через сфинктерный клапан, встал на песок и потянулся, чтобы разогнать сон. На востоке отсвечивала перламутром зеленая полоска зари. Палатки его отряда крошечными дюнами окружали их. Слева кто-то шевельнулся – охрана – он понял, что его заметили.

Они знали, что ожидает его сегодня. Каждый из фрименов уже проходил через нечто подобное. И теперь ему давали время побыть одному, чтобы внутренне подготовиться.

«Это нужно сделать сегодня», – сказал он себе.

Он подумал о той силе, что он получил, когда фримены стали преграждать путь погрому. Старики посылали к нему сыновей поучиться небывалому боевому искусству... Старики прислушивались к нему на советах, выполняли его планы... Мужчины, которых он посылал с поручениями, возвращались к нему с высочайшей похвалой у фрименов: «Твой план сработал, о Муад'Диб».

И все-таки самый плюгавый и захудалый воин фрименских племен мог сделать такое, чего он еще не делал. И Пол знал, что пока он не может еще быть истинным предводителем для них.

Он еще не ездил верхом на делателе.

Ох, конечно, он ездил вместе с другими в набеги, набираясь опыта, но сам в путешествие еще не пускался. И, значит, пределы его мира зависели от других. А такого не может допустить ни один настоящий фримен. Пока он еще не решился на это, громадные южные земли, что в двадцати колотушках к югу от эрга, оставались для него недоступными. Приходилось заказывать паланкин и ехать, словно Преподобная Мать или больные и раненые.

Стали возвращаться воспоминания о внутренней борьбе, пережитой ночью. Он подметил странную параллель: если он овладеет искусством езды на делателе – его власть укрепитя; если овладеет внутренним оком – то же самое. Но там, впереди, все тонуло в тумане... Великая Смута, кипением своим словно охватившая всю Вселенную.

Несходство путей, которыми он познавал Вселенную, не давало ему покоя – странное переплетение точности и ошибки. Он видел Вселенную, какая она есть. Да, все, что перерождала реальность, немедленно обретало собственную жизнь и развивалось дальше... с учетом новых тонких отличий. Но ужасное предназначение оставалось. И сознание расы. И мутной волной надо всем вздымался джихад, кровавый и дикий.

Чани присоединилась к нему. Обхватив себя руками, она поглядела на него искоса вверх, как всегда, когда пыталась определить его настроение.

– Расскажи мне еще раз о водах твоего родного мира, Усул, – попросила она.

Он понимал, что она пытается отвлечь его, развеять нелегкие думы перед опасным испытанием. Светлело, он заметил, что некоторые из его фидайинов уже сворачивали палатки.

– Лучше бы ты рассказала мне о ситче и нашем сыне, – ответил он. – Так, значит, наш Лето уже взял в кулак мою мать?

– И Алию тоже, – сказала она. – Он быстро растет. Вырастет высоким.

– И как там, на юге? – спросил он.

– Вот оседлаешь делателя, сам увидишь, – произнесла она.

– Но сперва хотелось бы увидеть твоими глазами.

– Там очень одиноко, – ответила она.

Он прикоснулся к косынке-нежони на ее лбу, выступавшей из-под шапочки конденскостюма:

– Почему ты не хочешь говорить о ситче?

– Я уже рассказала. В ситче без мужчин очень одиноко. Там работают. На фабриках и в горшечных мастерских. Делают оружие, шесты для определения погоды, собирают специю для подкупов. Вокруг дюны, которые нужно засадить растениями и закрепить. Еще там делают ткани, ковры, заряжают батареи. И воспитывают детей, чтобы сила племени никогда не ослабла.

– Так, значит, в ситче приятного мало? – спросил он.

– А дети? Приходится соблюдать обычаи. Еды хватает. Иногда одна из нас может ненадолго отлучиться на север, чтобы лечь со своим мужчиной. Жизнь продолжается.

– А моя сестра, Алиа... как к ней относятся?

Стало светлее, Чани обернулась и пристально поглядела на него:

– Давай обсудим это в другое время, любимый.

– Выкладывай-ка лучше сейчас.

– Тебе нужно сберечь силы для испытания, – ответила она.

По ее тону он понял, что коснулся больного места.

– Неизвестность сулит неприятности, – сказал он.

Кивнув, она сказала:

– Люди явно... не понимают странности Алиа. Женщины боятся ее – девочка, почти младенец, разговаривает о таких вещах, что известны лишь взрослым. Они не понимают причин... сущности тех изменений, что сделали Алию... взрослой еще в материнском теле.

– Значит, шумят? – переспросил он, вспомнив, что в некоторых его видениях Алиа вызывает волнения среди фрименов.

Чани поглядела в сторону ширящейся рассветной полосы:

– Женщины уже жаловались Преподобной Матери. Они потребовали, чтобы она изгнала демона из собственной дочери. Даже процитировали писание: *«Ворожеи не оставляй в живых»*.

– И что же ответила моя мать?

– Она обратилась к закону и отослала женщин в смущении. Она сказала: «Увы, Алиа вызывает беспокойство, но причиной тому

несчастный случай, непредвиденная ситуация, которой не удалось избежать». Она попыталась объяснить им, как это случилось с Алией тогда в ее матке. Но женщины рассердились на нее, потому что она поставила их в затруднительное положение. И все разошлись, недовольно бормоча.

«С Алией все будет непросто», – подумал он. Ветер принес запах предспециевой массы, колючие песчинки жалили кожу.

– Эль-саяль – дождь из песка, который приносит утро, – проговорил он.

Перед ними в серой мгле исчезла пустыня, не знающая жалости: пески, что тонули в песках.

На юге было темнее, вдруг молния прорезала мглу, значит, буря там уже электризировала песок. С большим опозданием донесся гром.

– Голос его украшает землю, – проговорила Чани.

Люди выползали из палаток, стража от краев лагеря двинулась к центру. Вокруг все шевелилось, каждый знал свое место в издревле заведенной повседневной рутине и не нуждался в указаниях.

«Ты не должен отдавать много приказов, – говорил ему отец... когда-то... давным-давно. – Если один раз ты прикажешь что-то, потом всегда придется отдавать распоряжения о том же самом».

Фримены инстинктивно придерживались этого правила.

Хранитель воды отряда затянул заунывный утренний напев, вплетая в него призыв к посвящению в наездники пустыни.

– Мир – это труп, – нараспев голосил он; голос его раздавался над дюнами. – Кто сумеет избежать Ангела Смерти? По велению Шай-Хулуда да исполнится.

Пол вслушался... этими словами начиналась и смертная песнь его фидайинов: его смертники распевали эти слова, бросаясь в битву.

«Или сегодня поблизости появится каменный курган, возле места, где отлетела душа человека, – подумал Пол. – Остановится ли здесь прохожий фримен, бросит ли свой камень на эту гробницу, подумает ли о Муад'Дибе, что умер здесь?»

Он знал – возможен и этот исход, и такому событию находилось местечко на линиях судьбы, расходившихся из точки временного пространства, где он находился. Неопределенность видений мешала ему. Чем больше сопротивлялся он, чем сильнее старался избежать грядущего исхода, тем большее смятение возникало в пространстве

предвидения. И будущее его все больше становилось похожим на бурлящую реку, несущуюся к обрыву под пологом тумана...

– К нам подходит Стилгар, – сказала Чани, – теперь я должна отойти, любимый. Наступает время... и как сайидина я должна проследить за соблюдением обрядов, чтобы все можно было точно занести в хроники. – Она поглядела на него снизу вверх, на секунду самообладание отказало ей, но, моментально справившись с собой, она произнесла: – А потом я сама приготовлю тебе завтрак. – И отвернулась.

Стилгар был уже рядом, следы его быстро заполнялись пудрой мелкого мучнистого песка. Из темных ниш глазниц на Пола взирали по-прежнему неукротимые глаза. Край бороды чуть выступал над маской, обветренные скулы казались высеченными из камня.

В руке его было знамя Пола – черно-зеленое, с водной трубкой на древке, уже ставшее здесь легендарным. Не без гордости Пол подумал: «И шага не ступишь, чтобы не сделаться тут же легендой. Они запомнят все: и как мы расставались с Чани, и как я приветствовал Стилгара, все... что случится сегодня. Живой или мертвый, я останусь легендой. Но мне нельзя умереть. Тогда останется только легенда и некому будет преградить путь джихаду».

Воткнув древко в песок рядом с Полом, Стилгар уронил руки по бокам. Синие в синем глаза глядели ровно и собранно. Пол подумал: «И мои глаза теперь начинает затягивать синяя дымка».

– Они отказали нам в праве на хадж, – с ритуальной торжественностью провозгласил, обращаясь к нему, Стилгар.

Пол отвечал, как учила его Чани:

– Кто может отказать фримену в праве идти и ехать, куда он пожелает?

– Я – наиб, – сказал Стилгар, – врагам не взять меня живьем. Я – стержень треножника смерти, что погубит наших врагов.

Их окружило молчание.

Пол поглядел на прочих фрименов, рассыпавшихся по песку за Стилгаром, они застыли в этот миг всеобщей молитвы. И он подумал, как жил бы Вольный народ с его кровавыми наклонностями – в ярости и гнев, даже не представляя, что можно жить иначе... если бы не мечта, которой заразил их Лайет-Кайнс перед гибелью.

– «Где Господь, Который вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной..?» – спросил Стилгар.

– Он всегда с нами, – отозвались фримены. Стилгар расправил плечи, подошел поближе к Полу и негромко сказал: – Не забудь, что я говорил. Действуй целенаправленно и точно – никаких фантазий. Наши мальчишки учатся седлать делателя в двенадцать лет. Тебе на шесть больше, но ты не рожден в песках. И не следует выказывать храбрость. Мы и так о ней знаем. Все, что ты должен сделать, – вызвать делателя и оседлать его.

– Не забуду, – ответил Пол.

– Смотри же, не посрами учителя.

Стилгар извлек из-под одеяния пластиковый шест длиной в метр, с заводной трещоткой на конце.

– Я сам изготовил эту колотушку. Бери же. Не подведет.

Гладкий пластик стержня был теплым на ощупь.

– Твои крюки у Шишакли, – сказал Стилгар. – Он их отдаст тебе, когда ты выйдешь вон за ту дюну. – Он показал направо. – Вызови крупного червя, Усул, покажи нам путь.

В обрядной фразе Пол услышал волнение друга.

И в этот момент солнце словно выпрыгнуло из-за горизонта. Синее небо сразу же озарилось тем серебристо-серым светом, что предвещал сегодня сушь и жару даже по аракийским понятиям.

– Наступает палящий день, – провозгласил Стилгар теперь уж совершенно ритуальным тоном, – возглавь странствие, как подобает вождю.

Пол отсалютовал знамени, заметил, как обвисло черно-зеленое полотнище, – утренний ветерок утих. Он повернулся к дюне, на которую указывал ему Стилгар, – бурый склон с изогнутым гребнем. Остальные теперь направились в противоположную сторону, на укрывавший лагерь склон дюны.

На пути Пола высилась облаченная в одеяние фигура. Шишакли, командир отряда фидайинов. В узком просвете между капюшоном и маской виднелись только глаза.

Когда Пол подошел, Шишакли вручил ему два тонких прута. Стержни были около полутора метров длиной, на одном конце

поблескивали крюки из пластали, на другом – шероховатая надежная рукоять. Как и требовал того обычай, Пол принял их левой рукой.

– Это мои собственные крюки, – густым басом произнес Шишакли, – они не отказали ни разу.

Пол кивнул, соблюдая приличествующее молчание, оставил того позади и принялся взбираться по склону дюны. С вершины ее, оглянувшись, он увидел остальных – они разбегались, словно насекомые, одеяния развевались от быстрых движений. Теперь он был один на песчаном гребне, откуда пустыня просматривалась до горизонта, плоского и неподвижного. Стилгар выбрал хорошую дюну, обзор с нее был получше, чем с соседних.

Нагнувшись, Пол глубоко вонзил колотушку с подветренной стороны гребня, где пески были плотнее, а звук от колотушки – громче. И в нерешительности замер, припоминая уроки, представляя все те действия на грани жизни и смерти, что предстояло совершить.

Едва он отпустит курок, колотушка начнет стучать. И где-то в песках гигантский червь, делатель, услышит зов и явится полюбопытствовать. С помощью хлыстов-крючьев надо было успеть вскарабкаться вверх по крутому боку червя. И если сдвинуть крюком назад передний край какого-нибудь сегмента, открыв его для песка и пыли, громадная тварь не уйдет вниз, на дно пустыни. Напротив, чудовище вылезет на поверхность, по возможности удаляя от песка открытый участок.

«В видениях я все это делал уже не раз», – подумал Пол.

Он глянул на крюки в левой руке, представил, как нужно просто перебирать ими вдоль громадного бока делателя, чтобы тварь поворачивалась в нужную сторону. Он видел, как это делается. Ему помогали взобраться на червя для коротких тренировочных путешествий. На черве ехали долго, пока он не выдыхался и не замирал, обессиленный, на песке... Тогда вызывали нового делателя.

«А если пройду испытание, – напомнил себе Пол, – мне будет по силам и путешествие на двадцать колотушек к югу, где среди заповедных пальмовых рощ укрыты от погрома дети и женщины».

Подняв голову, он глянул на юг, напоминая себе, что дикий делатель из эрга всегда был чем-то неизвестным... об этом не следовало забывать.

«Внимательно следи за приближающимся червем, – пояснял Стилгар, – ты должен стоять вблизи, чтобы успеть взобраться, и поодаль, чтобы он не поглотил тебя».

Внезапно решившись, Пол спустил курок, кулачок завертелся, и пески огласило громкое «тук... тук... тук...».

Он выпрямился, оглядел горизонт, вспоминая слова Стилгара: «Внимательно следи за направлением его движения. Помни, иногда червь движется к колотушке в глубинах, невидимо. Поэтому слушай. Нередко его можно услышать раньше, чем увидеть».

Припомнились слова Чани, наставления, которые шептала она ночью: «На пути делателя стой тихо. Совсем тихо. Ты должен казаться себе песчинкой. Укройся под одеянием и всем существом стань маленькой дюной».

Он медленно огляделся, прислушался, готовый увидеть и услышать признаки приближения червя.

Оно донеслось с юго-востока – дальнее шипение, шепот песка. Наконец на фоне зари он увидел контур громоздящейся над исполином горы и понял, что делателя такой величины он еще не видел. Даже слышать о подобных ему не приходилось. Он был, пожалуй, в поллиги длиной, и вокруг его передней оконечности вздымалась гора песка.

«Такого я не видел ни в видениях, ни в реальности», – напомнил себе Пол. И поспешил навстречу, думая лишь о том, что должно совершиться.

«Следите за чеканкой монет и судами, пусть все остальное достанется сброду», – так советует вам Падишах-Император. Он говорит вам: «Хотите иметь доход – правьте». В его словах есть правда, но я спрашиваю себя: «Кто есть сброд? И кем правят?»

*(Из секретного послания Муад'Дибба Ландсрааду)
Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»*

Непрошенная мысль шевельнулась в голове Джессики: «В любой момент может оказаться, что Пол проходит испытание наездника именно сейчас. Они хотят, чтобы я не знала об этом, но все и так очевидно».

И еще: «Чани отправилась по какому-то неизвестному делу».

Джессика отдыхала в своей гостиной в перерыве между вечерними занятиями. Комната была уютной, но все же поменьше, чем в ситче Табр, откуда они бежали, опасаясь погрома. Однако и здесь были толстые ковры на полу, мягкие подушки, низкий кофейный столик, пестрые гобелены на стенах и неяркие желтые светошары над головой. Комната была насквозь пропитана кисловатым кожаным запахом фрименского ситча, означавшим теперь для нее безопасность.

Но селения фрименов никогда не станут родными для нее, она знала это. И ковры, и гобелены лишь скрывали от глаз острые углы.

Из коридоров донеслось далекое звяканье, хлопки, барабанный бой; Джессика поняла – праздновали роды. Вероятно, это Субизэй, ее время близилось. Она знала – теперь ей вот-вот принесут ребенка для благословения – синеглазого херувимчика. Знала она и что дочь ее, Алиа, будет на празднестве и все ей расскажет.

Время для ночной молитвы прощания еще не настало. Праздник рождения нужно было начинать до времени ежедневного обряда, когда оплакивали увезенных в рабство с Поритрина, Бела Тегейзе, Россака и Хармонтепа.

Джессика вздохнула. Она прекрасно понимала, что гонит от себя все мысли о сыне и грозящих ему опасностях: ловчих ямах с отравленными копьями в них и набегах Харконненов. Впрочем, набеги становились все реже, фримены заметно поубавили число налетчиков – да и топтеров тоже – новым оружием, которое дал им Пол, но оставались и обычные опасности пустыни: жажда, пыль и делатели.

Она было уже решила попросить подать ей кофе, но вдруг вновь задумалась над этим привычным парадоксом: насколько же лучше живут фримены в своих пещерах-ситчах, чем пеоны грабенов... хотя неизмеримо больше скитаются они в своей вечной хаджре по открытой пустыне. Прислужники барона не способны на это.

Рядом с ней раздвинула занавески темная рука; оставив на столике чашку кофе, она исчезла. От чашки поднимался аромат кофе со специей.

«Гостинец с праздника», – подумала Джессика.

Она взяла чашку, пригубила и улыбнулась собственным мыслям. «Где еще, на какой планете, в каких краях нашей Вселенной, – подумала она, – я, человек высокого положения, могу принять чашку кофе неизвестно от кого и выпить, не опасаясь за жизнь? Конечно, теперь я и сама могу изменить в себе любой яд, прежде чем он успеет причинить мне вред, но об этом не знает никто, кроме меня».

Она осушила чашку, ощутив прилив сил от ее горячего и вкусного содержимого.

И вновь подумала, где еще умеют столь непринужденно уважать уединение и покой, не навязывая свое общество. В даре этом чувствовалось почтение и любовь... и капелька страха.

«Еще одна мнимая случайность, – пришло ей в голову. – Только подумала о кофе – и пожалуйста!» Она прекрасно знала: ни о какой телепатии не могло быть и речи. Обычное «тау» – единство всех людей ситча, компенсация за постоянное употребление слабого яда, специи. Почти никто из них не мог даже надеяться, что зерно специи просветит их так, как когда-то ее... Их не учили и не готовили для этого. Разумом своим они отвергали все, чего не могли и не умели понять. Но иногда вели себя словно единый организм.

И мысль о каких-то там совпадениях даже не приходила им в головы.

«Удалось ли Полу пройти испытание в песках? – вновь подумала Джессика. – Он способен справиться с деятелем, но несчастный случай подстерегает и самых способных».

Ах, это ожидание!

«Скука, – подумала она, – можно ждать и ждать, но всегда скука ожидания одолевает».

В жизни своей ей пришлось уже изведать все виды ожидания.

«Мы здесь уже больше двух лет, – подумала она, – и не следует надеяться, что попытка вырвать Арракис из рук губернатора Харконненов, мудир-нахья Твари Раббана, может принести успех раньше, чем еще через дважды столько же лет».

– Преподобная Мать!

За тяжелым покрывалом входа раздался голос Хары, по-прежнему остававшейся в доме Пола.

– Да, Хара.

Покрывала раздвинулись, и Хара скользнула внутрь. На ней были ситченские сандалии, красно-желтый халат, оставлявший руки открытыми до плеч. Расчесанные надвое черные волосы охватывали голову надкрыльями жука. Остроносое, хищное лицо хмурилось.

За Харой следовала Алиа, дитя примерно двух лет от роду.

Завидев дочь, Джессика, как всегда, невольно отметила ее сходство с Полом в этом возрасте: тот же серьезный вопрошающий взгляд, те же темные волосы, твердый рот. Были и кое-какие отличия... в том числе и то, что делало Алию несносной, с точки зрения взрослых. Дитя, чуть побольше младенца, держалось со спокойствием и самообладанием, не соответствующими возрасту. Взрослых шокировало, когда она улыбалась тонкой игре слов, касающихся взаимоотношений между полами. Или когда в нетвердом еще лепете ее неокрепшей гортани вдруг улавливали лукавые замечания, которые ну никак не могли принадлежать двухлетнему ребенку.

С преувеличенным вздохом Хара осела на подушки, хмурясь Алие.

Девочка подошла к матери, уселась на подушки и обхватила ее руку. Контакт плоти вновь восстановил ту душевную связь, которая была между ними с самого дня зарождения Алии. Здесь речь была не о мыслях, хотя и мгновения телепатии иногда случались, когда Джессика преобразовывала яд для церемоний, а дочь прикасалась к ней. Это было нечто куда более существенное – мгновенное ощущение единения с другой живой искрой, острое, дурманящее чувство нервного сближения, эмоционально связывавшего их в единое целое.

Джессика приветствовала Хару словами, подобающими в обращении с домочадцами сына:

– Субах уль-кахар, Хара. Хорошо ли провела ночь?

С той же привычной вежливостью та ровным голосом ответила:

– Субах ун-нар. Мне хорошо.

А потом вздохнула.

Джессика чувствовала оживание Алии.

– Гханима моего брата сердится на меня, – отвечала та полумладенческим голосом.

Джессика отметила слово, которым Алия назвала Хару, – *гханима*. У фрименов слово это означало боевой трофей, используемый отныне не по своему прямому назначению. Например, наконечник копья, который подвесили к шторе в качестве гирьки.

Хара нахмурилась вновь:

– Не пытайся одернуть меня, дитя, я знаю свое место.

– Что ты наделала теперь, Алия? – спросила Джессика.

За девочку ответила Хара:

– Не только отказалась играть с другими, но и отправилась куда не следовало бы.

– Я спряталась за занавесками и следила за родами Субизэй, – сказала Алия. – У нее мальчик, он все кричал, кричал! Такие легкие! И когда он уже накричался...

– Она подошла, тронула его, – перебила Хара, – и он замолчал. Каждый знает, что фрименский младенец должен откричать свое дома, в ситче, чтобы не выдать всех криком во время хаджры.

– Он уже накричался, – отозвалась Алия. – Я просто хотела прикоснуться к искорке его жизни. И все. А когда он почувствовал меня, то не захотел больше кричать.

– Люди опять будут говорить, – сказала Хара.

– А мальчик у Субизэй здоров? – спросила Джессика. Она видела, как беспокоилась Хара, и недоумевала, в чем причины ее беспокойства.

– Здоровый, лучше не пожелаешь, – ответила Хара. – Все знают, что Алия не причинила ему вреда. И они беспокоились не о том, что она к нему прикасалась. Он сразу обрадовался и затих. Их опять смутила... – Хара передернула плечами.

– Странность моей дочери, – закончила за нее Джессика. – Ведь она говорит о том, чего ей ни помнить, ни знать не положено?

– Ну откуда ей знать, какими были дети на Бела Тегейзе? – взорвалась Хара.

– Но он же просто похож! – отвечала Алия. – Мальчик Субизэй как две капли воды похож на сына Миты перед расставанием...

– Алия! – сказала Джессика. – Я же предупреждала тебя.

– Но, мама, я же видела... это же правда...

Джессика покачала головой, заметив признаки возбуждения на лице Хары. «Кого я родила? – подумала Джессика. – Дочь моя от

рождения знала не просто все то, что и я сама... Она знала больше – все, что знали Преподобные Матери в том уходящем в глубь времен коридоре внутри меня».

– И не только ее речи, – сказала Хара, – и эти ее упражнения: сядет, уставится в камень и шевелит одним только мускулом... у носа или на спине... на пальце или...

– Упражнения Дочерей Гессера, – сказала Джессика. – Тебе известно о них, Хара. Разве у моей дочери не может быть подобной наследственности?

– Преподобная Мать, ты знаешь, что для меня все это ничто, – отвечала Хара, – но люди есть люди, и они бормочут... Это опасно. Они говорят, что твоя дочь – демон, что дети отказываются с ней играть, что...

– У нее так мало общего с другими детьми, – отвечала Джессика. – Она не демон! Просто...

– Конечно, она не демон!

Джессика сама удивилась яду в тоне Хары, поглядела на Алию. Та, казалось, углубилась в раздумья... словно чего-то ждала. Джессика вновь обратилась к Харе.

– Я уважаю домочадцев моего сына, – сказала Джессика, почувствовав, как шелохнулась рядом с ней Алия. – Говори прямо, что тебя беспокоит.

– Я не долго еще пробуду в его доме, – отвечала Хара, – я ждала все это время ради своих сыновей... той школы, которую они смогут пройти как сыновья Усула. Это немного, что я могу им дать, раз всем известно, что я не разделяю ложе с твоим сыном.

И вновь Алия шевельнулась рядом с нею, теплая, полусонная.

– Ты была бы хорошей подругой моему сыну, – сказала Джессика и подумала про себя (эти думы не оставляли ее): «Подругой... не женою». Мысли Джессики устремились прямо к сердцевине событий, вечной теме для разговоров в ситче, начавшихся, когда союз сына с Чани стал очевидным и постоянным, как настоящая женитьба.

«Я люблю Чани», – подумала Джессика и напомнила себе, что долг короля требует, чтобы даже любовь уступала место необходимости.

– Думаешь, я не знаю, что ты наметила для своего сына?

– Что ты имеешь в виду? – требовательным тоном спросила Джессика.

– Ты хочешь, чтобы все племена объединились под рукой Его, – сказала Хара.

– Разве это плохо?

– Это опасно... для него... и Алиа – часть этой опасности.

Алиа завожилась, усаживаясь поближе к матери, глаза ее теперь внимательно изучали Хару.

– Я следила за вами обеими, – сказала Хара, – когда вы рядом. Алиа для меня родная плоть, ведь она сестра тому, кто мне словно брат. И я следила за ней и охраняла ее от самого младенчества, со времени раззии, когда мы укрылись здесь. Разве хоть один ребенок усвоил водную дисциплину раньше ее? И какой еще ребенок впервые заговорил такими словами: «Я люблю тебя, Хара»?

Хара поглядела на Алию:

– Почему, ты думаешь, я терплю ее уколы? Я знаю, что они не со зла.

Алиа подняла глаза на мать.

– Да, у меня достаточно разума, Преподобная, – сказала Хара. – И я могла стать сайидиной. И я понимаю, что видят мои глаза.

– Хара. – Джессика передернула плечами. – Не знаю, что сказать тебе. – И удивилась себе самой: слова эти были истиной.

Алиа распрямилась, расправила плечи. Джессика почувствовала, что ее ожидание кончилось, ею владела теперь смесь решимости и печали.

– Мы допустили ошибку, – сказала Алиа. – Теперь Хара просто необходима нам.

– Все случилось во время обряда семени, – сказала Хара, – когда ты преобразовала Воду Жизни, Преподобная Мать, Алиа была уже в твоём чреве.

«Нам необходима Хара», – отметила Джессика.

– Кто еще может успокоить людей, объяснить им, кто я? – спросила Алиа.

– И что ты хочешь, чтобы она сделала? – сказала Джессика.

– Она все знает сама, – ответила Алиа.

– Я скажу им всю правду, – проговорила Хара. Лицо ее вдруг постарело, оливковую кожу изборождали грустные морщины – ведьма,

да и только! – Я скажу им, что Алия – девочка лишь по виду, что она никогда не была маленькой.

Алия покачала головой. Слезы показались на ее щеках. Волну печали, исходящую от девочки, Джессика ощутила, как собственную грусть.

– Я знаю: я просто урод! – прошептала Алия. Горечь взрослой интонации, исходящей из почти младенческого рта, делала эти слова невыносимыми.

– Ты не урод! – отрезала Хара. – Кто осмелился сказать, что ты урод?

И снова Джессика удивилась про себя ярости в тоне Хары и симпатии к девочке. Она понимала – Алия не ошиблась, Хара действительно нужна им. Племя поймет Хару, ее слова и эмоции, ведь было ясно – она любит Алию как собственную дочь.

– Ну, кто это говорил? – повторила Хара. Уголком абы Джессики Алия вытерла слезы.

А потом разгладила смявшуюся ткань и промокшее пятно.

– Значит, и тебе незачем говорить такие слова! – потребовала Хара.

– Да, Хара.

– А теперь, – сказала Хара, – можешь рассказать мне, что с тобой было, и я передам остальным. Рассказывай все.

Алия сглотнула, посмотрела на мать. Джессика кивнула.

– Однажды я проснулась, – начала Алия, – все было, как пробуждение ото сна, только перед этим я не засыпала, я это помнила. Было тепло и темно. И мне было страшно.

Слушая лепечущий детский голосок, Джессика вспоминала тот день, сумрак в громадной пещере.

– И когда я испугалась, – сказала Алия, – то решила бежать, но бежать было некуда. А потом я увидела искорку... ну не совсем увидела, если точно. Просто она была рядом со мной, и я ощущала ее чувства... Она утешала меня, приговаривала, что все будет в порядке. Это была моя мать.

Хара потеряла глаза, ободряюще улыбнулась Алие. Глаза фрименки по-дикарски поблескивали, она изо всех сил вслушивалась в слова.

А Джессика подумала: «Как можно знать мысли моей дочери... при ее невероятном опыте и воспитании?»

– И когда я почувствовала себя в безопасности и приободрилась, – рассказывала Алия, – рядом с нами оказалась еще одна искорка... тут все и случилось. Другая искра – это была старая Преподобная Мать. Она... передавала жизни моей матери... все-все... И я была вместе с ними и видела все... полностью. А когда все закончилось и я оказалась там среди остальных... мне потребовалось много времени, чтобы отыскать себя. Их было так много.

– Как жестоко все вышло, – сказала Джессика, – разве можно, чтобы живое существо обретало сознание именно так? Но самое удивительное, что ты смогла воспринять случившееся.

– Ничего другого мне и не оставалось! – сказала Алия. – Я не умела отвергнуть собственное сознание... или спрятать его, или отключить... Все просто шло само собой... все...

– Мы не знали, – пробормотала Хара. – Когда мы дали твоей матери Воду, чтобы преобразовать, мы не знали, что ты уже существуешь в ее недрах.

– Не печалься об этом, Хара, – сказала Алия. – И мне тоже не следует грустить. В конце концов, у нас есть и повод для радости: я – тоже Преподобная Мать, значит, у племени две Преподобные...

Она умолкла, прислушиваясь.

Откинувшись спиной на подушку, Хара поглядела на Алию, потом на Джессику.

– Разве ты не догадывалась? – спросила Джессика.

– Тише, – шепнула Алия.

Вдалеке, за отделявшими их от коридора занавесками, послышались громкие, протяжные крики. Певучие крики становились все громче, теперь можно было различить и слова: «Йа! Йа! Йом! Йа! Йа! Йом! Му зейн, уаллах! Йа! Йа! Йом! Му зейн, уаллах!»

Распевавшие вошли в ситч снаружи, их крики постепенно удалялись.

Когда стало достаточно тихо, Джессика начала обряд, и печаль слышалась в ее голосе:

– Это было в апреле на Бела Тегейзе, был Рамадан.

– Моя семья сидела в дворике, у бассейна, – продолжила Хара, – а воздух был влажен от капель фонтана. Дерево портигалс было рядом, с круглой кроной, темно-зеленое. А в корзине был миш-миш, и баклава,

и кувшинчики с ливаном – добрая еда и питье. И был мир и в наших домах, и в садах. Мир во всей земле.

– И жизнь была исполнена счастья, но явились налетчики, – сказала Алия.

– От криков друзей кровь застывала в жилах, – сказала Джессика. Воспоминания о тех днях, что были унаследованы ею, ожили в ее душе.

– «Ла-ла-ла», – рыдали женщины, – продолжила Хара.

– Налетчики ворвались через муштамаль. Они ринулись к нам; с ножей, что забрали жизни наших мужчин, капала кровь.

Все трое приумолкли. Как все в ситче в этот момент, они вспоминали, не давая улечься горю.

Наконец Хара произнесла ритуальную фразу, завершавшую обряд, придав словам жестокость, непривычную еще для Джессики.

– Никогда не простим, никогда не забудем, – сказала Хара.

В задумчивой тишине, наступившей после этих слов, они слышали бормотание, шорох многих одеяний. Джессика почувствовала, что кто-то остановился возле входа в ее покои.

– Преподобная Мать?

Раздался женский голос, Джессика узнала ее – Тартар, одна из женщин Стилгара.

– Что случилось, Тартар?

– Неприятности, Преподобная Мать!

Со внезапно замеревшим от страха сердцем Джессика выдохнула:

– Пол...

Тартар отодвинула занавески, вступила в комнату. Джессика успела заметить, что передняя уже забита людьми, потом занавеси упали. Она поглядела на Тартар – невысокую женщину в черном платье с красной вышивкой – та не отводила своих синих глаз от Джессики, на ноздрах изящного носа виднелись мозоли от фильтров.

– В чем дело? – волновалась Джессика.

– Из песка пришло слово, – сказала Тартар. – Делатель проверяет Усула... это случится сегодня. Молодежь уверяет, что неудачи не может быть и к ночи твой сын станет наездником. Молодежь собирается для разии. Они отправятся на север, навстречу Усулу. И собираются поднять там шум. Они хотят заставить его вызвать Стилгара и возглавить все племена.

«Собирать воду, засаживать дюны, медленно, но верно преобразовывать собственный мир... Теперь им мало, – думала Джессика, – легких набегов, результат которых известен заранее... теперь им этого мало... Мы вышколили их. Они ощутили собственную силу и рвутся в бой».

Переминаясь с ноги на ногу, Тартар кашлянула.

«Осторожность и ожидание необходимы, – думала Джессика, – но они разочаровывают. Слишком долгое ожидание – не в нашу пользу. Если оно затянется, мы потеряем чувство цели».

– Молодежь говорит, если Усул не вызовет Стилгара, значит, он боится его, – сказала Тартар, потупив взгляд.

– Да, это так, – пробормотала Джессика, подумав: «Я предвидела этот день, и Стилгар тоже».

Тартар вновь откашлялась.

– Так говорит даже Шоаб – брат мой. Они не позволят Усулу уклониться.

«Значит, пришло время, – подумала Джессика. – Полу придется улаживать все самому, Преподобная Мать не смеет вмешиваться в вопросы преемственности власти».

Отпустив руку матери, Алия сказала:

– Я пойду вместе с Тартар, послушаю молодых. Быть может, найдется способ избежать поединка.

Не отводя глаз от Тартар, Джессика ответила Алие:

– Ступай, дай мне знать сразу же, как только что-нибудь разузнаешь сама.

– Преподобная Мать, мы не хотим этого, – сказала Тартар.

– И мы, – согласилась Джессика, – племени нужны все его силы. – Она поглядела на Хару. – Ты пойдешь с ними?

Хара ответила на невысказанный вопрос:

– Тартар не позволит, чтобы Алию обидели. Скоро мы с ней будем женами одного мужчины. Мы говорили уже, Тартар и я. – Хара поглядела на Тартар, потом на Джессику. – Мы понимаем друг друга.

Тартар протянула руку Алие и сказала:

– Придется поторопиться, молодежь уже собралась.

Они протиснулись через тяжелые занавеси, рука девочки была в руке невысокой женщины, но предводительствовала малышка.

– Если Пол-Муад'Диб зарежет Стилгара, это будет во вред племени, – сказала Хара. – Раньше власть всегда передавалась таким путем, но времена изменились.

– И для тебя тоже, – заметила Джессика.

– Не думай, что я сомневаюсь в исходе поединка, – произнесла Хара. – Усул не может проиграть его.

– Именно об этом я и хотела сказать, – проговорила Джессика.

– Ты думаешь, мною движет собственный интерес, – сказала Хара. Она качнула головой, водные кольца на шее звякнули. – Как ты ошибаешься... Может быть, ты считаешь еще, что я до сих пор не примирилась с тем, что не меня выбрал Усул, и я ревную к Чани?

– Ты выбрала сама свою долю, – ответила Джессика.

– Мне жаль Чани, – сказала Хара.

Джессика насторожилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю: ты считаешь, – продолжала Хара, – что Чани не подходит в жены твоему сыну.

Успокоившись, Джессика откинулась на подушки, пожала плечами:

– Хорошо, пусть и так...

– Возможно, ты и права, – сказала Хара, – и в этом у тебя есть неожиданная союзница – сама Чани. Она хочет для себя лишь того, что нужно Ему.

Джессика проглотила внезапно вставший в горле комок:

– Чани очень дорога мне. Она может не...

– Что-то у тебя ковры запылились, – сказала Хара, пряча глаза от Джессики. – Здесь все время толкуются люди. Надо бы чистить их почаще.

В рамках ортодоксальной религии невозможно избежать влияния политики. Борьба группировок пронизывает в ортодоксальном обществе все: обучение,

воспитание, дисциплину. И настает момент, когда давление этих факторов ставит лидеров такого общества перед выбором: предаться ли оппортунизму, но сохранить за собой власть, или рисковать собственной жизнью ради ортодоксальной этики.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб и вопросы религии»

Пол ожидал на гребне, чуть в стороне от линии движения гиганта. «С нетерпением, не с ужасом, простительным для контрабандиста, буду я ждать, – напоминал он себе. – Я стану частью пустыни».

Колоссальный червь был уже рядом, в нескольких минутах, наполняя воздух шипением раздвигаемого песка. Громадные зубы в округлой зияющей пасти поблескивали лепестками гигантского цветка. Запах специи наполнял все вокруг.

Конденскостью, казалось, стал второй кожей на теле Пола, а нософильтров, дыхательной маски он уже почти и не ощущал. Сказывалась школа Стилгара, долгие утомительные тренировки в песках.

«На сколько следует отступать от приближающегося делателя, если стоишь на гравийном песке?» – спрашивал его Стилгар.

Ответ Пола был точен: «Отступлю на полметра на каждый метр диаметра».

«А зачем?»

«Чтобы не затянуло внутрь при его приближении и можно было успеть добежать и взобраться на него».

«Ты ездил на маленьких, которых разводят, чтобы получать семя и Воду Жизни, – говорил Стилгар. – Но из пустыни на твой зов придет дикий делатель, состарившийся в песках. Такого следует уважать».

Глубокое уханье колотушки утонуло в шипении... червь приближался. Пол глубоко дышал, запах горных пород проникал и сквозь фильтры. Дикий делатель, состарившийся в пустыне, надвигался почти прямо на него. Передние сегменты отбрасывали вперед песчаную волну, что вот-вот должна поглотить его по колено.

«Ну, ближе, ближе, чудная тварь, – думал он. – Ближе. Я зову тебя. Ты слышишь. Ты слышишь!»

Волна песка приподняла его ноги. Пыль окутала с головой. Покачнувшись, он устоял, не замечая теперь ничего, кроме движущейся мимо в пылевых вихрях округлой стены, сегментированного утеса. На шкуре чудовища отчетливо проступали границы сегментов.

Пол поднял крюки. Оглядел их, рванулся к скользящему боку. Прыгнул вперед. Зацепился. Крюки держали. Ухватившись руками, он ступил на крутой бок. Именно сейчас проверялась его выучка. Если он поставил крюки правильно, у переднего края сегмента, и приоткрыл его, червь не повалится набок, затягивая его в песок.

Движение червя замедлялось. Он проутюжил место, где только что была колотушка, ритмичный стук умолк. Червь стал медленно поворачиваться набок... вверх... вверх, унося докучливые колючки и Пола вместе с открывшейся нежной кожей между сегментами подальше от песка.

Пол обнаружил, что оказался теперь прямо сверху, на черве. Его охватило радостное возбуждение, он оглядывал пустыню, словно повелитель. Вдруг ему захотелось прыгать, продемонстрировать свою власть над чудовищем, развернуть его в обратную сторону.

И в этот момент он сразу же понял, почему Стилгар столько рассказывал ему об опрометчивых молодых людях, пускавшихся в пляс на спинах гигантов, встававших на руки, отрывая сразу оба крюка и вставляя их обратно, прежде чем червь успевал среагировать.

Оставив один крюк на месте, Пол отцепил другой и перенес его ниже. Опробовав его и убедившись, что все в порядке, он отцепил первый и перенес его еще ниже. Делатель повернул и послушно покотил в сторону, вздымая мучнистый песок, туда, где ждали остальные.

Пол видел, как они карабкались вверх, помогая себе крючьями, тщательно избегая чувствительных краев сегмента. Потом все выстроились за его спиной в три ряда, держась за крючья. Стилгар перешел к нему, проверил, как зацеплены его крюки, поглядел на улыбающееся лицо Пола.

— Сумел, значит, — зычно гаркнул Стилгар, перекрывая шипение песка. — Так считаешь? Сумел и все? — Он выпрямился. — Так я тебе скажу, что ты сделал все очень посредственно. С этим и двенадцатилетний мальчишка справился бы лучше тебя. Слева от тебя

были барабанные пески. Куда бы ты девался, если бы червь повернул в эту сторону?

Улыбка соскользнула с лица Пола.

– Я видел барабанные пески.

– Тогда почему же не просигналил, чтобы кто-нибудь из нас подстраховал тебя? Такие вещи делаются даже на испытаниях.

Пол молча сглотнул слюну, подставил лицо ветру.

– Думаешь, я напрасно говорю это тебе именно сейчас? – сказал Стилгар. – Это моя обязанность. Я думаю о твоей ценности для племени. Ступи ты на барабанные пески – и все... Делатель повернул бы прямо на тебя.

Невзирая на гнев, Пол понимал, что Стилгар прав. Но потребовалась вся его тренировка и, быть может, целая минута, чтобы он восстановил спокойствие.

– Я виноват, – произнес он. – Это более не повторится.

– В сложном положении тебя всегда должен кто-нибудь подстраховать, если ты вдруг не справишься с червем, – продолжил Стилгар. – Помни, мы всегда работаем вместе. И тогда мы спокойны. Ну как? Работаем вместе?

Он хлопнул Пола по плечу.

– Вместе, – согласился Пол.

– А теперь, – отрывисто сказал Стилгар, – покажи мне, как ты умеешь управляться с делателем. На какой мы стороне?

Пол пригляделся к виду и размеру чешуй. Справа они были крупнее, слева становились помельче. Он знал, что каждый червь предпочитает ползать какой-то стороной вверх. С возрастом они уже иначе и не ползали, и нижние чешуи становились крупнее и глаже. Так что, где верх, а где низ, легко было определить просто по размеру чешуй. Перемещая крюки, Пол шагнул налево, дал знак стоящим сбоку открыть сегменты и повернуть. Потом подозвал из цепочки двоих рулевых, велел им стать спереди.

– Аш! Хай-й-й-йох! – выкрикнул он традиционный клич. Левый рулевой раскрыл ближайший сегмент.

Делатель описал величественную дугу, чтобы защитить открытый сегмент. Когда он полностью развернулся и голова его обратилась к югу, Пол громко крикнул:

– Гейрат!

Рулевой выпустил сегмент. Делатель направился прямо.

Стилгар сказал:

– Недурно, Пол-Муад'Диб! Если хорошенько потренироваться, из тебя еще может получиться наездник.

Пол нахмурился и подумал: «Разве не я первым оседлал гиганта?»

Но позади вдруг рассмеялись, а потом несколько раз дружно выкрикнули:

– Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

Где-то вдали послышались глухие удары – это погонщики заколотили стрекалами по хвостовым сегментам. Червь набирал скорость. Одевания фрименов полоскались на ветру. Скрежет, сопровождавший их передвижение, усилился.

Пол оглянулся назад, увидел лицо Чани.

Не отводя от нее глаз, он спросил Стилгара:

– Ну, Стил, значит, я наездник?

– Хал йом! Сегодня ты наездник!

– Значит, я могу выбирать, куда ехать?

– Таков наш обычай.

– Да, и еще: я – фримен, что родился сегодня в эрге Хаббанья. Я не жил до этого дня. Я был доселе младенцем.

– Ну не совсем так, – отозвался Стилгар, затягивая капюшон потуже, ветер оттопыривал его.

– Но мир был отгорожен от меня пробкой, и сегодня этой пробки не стало.

– Ее не стало.

– Тогда, Стилгар, я отправлюсь на юг... на двадцать колотушек. Я хочу увидеть землю, которую мы создаем, – до сих пор я видел ее только чужими глазами.

«А еще я увижу сына и всю свою семью, – думал он. – Теперь мне нужно время, чтобы осмыслить будущее, которое представляется мне прошлым. Приближается смерть, и, если я не смогу предотвратить ее, Вселенная потеряет разум».

Ровным, испытующим взглядом Стилгар поглядел на него. Но Пол уже отвернулся от Чани, ее лицо оживилось, позади в отряде чувствовалось возбуждение.

– Люди хотят, чтобы ты возглавил набег в харконненские низины, – сказал Стилгар, – до них не более одной колотушки.

– Фидайины не раз бывали со мною в набегах, – сказал Пол, – много набегов предстоит нам еще, пока хотя бы один из людей Харконнена дышит воздухом Арракиса.

Стилгар все глядел на него, и Пол почувствовал, что происходящее тот видит совсем по-другому, вспоминая, каким путем стал вожаком в ситче Табр, а после смерти Лайета-Кайнса предводителем совета вожаков.

«Он слышал, что молодые фримены волнуются», – подумал Пол.

– Ты хочешь собрать предводителей? – спросил Стилгар.

У молодежи горели глаза. Покачиваясь на ходу, все внимательно слушали. И Пол видел беспокойство в глазах Чани, тревожно переводившей взгляд от Стилгара, ее дяди, на Муад'Дибба, ее мужчину.

– Ты даже не догадываешься, Стил, чего я хочу, – сказал Пол.

Он думал: «Отступать нельзя. Я должен взять власть над этим народом».

– Сегодня ты – мудир наездников, – сказал Стилгар холодным тоном, – как используешь ты свою власть?

«Теперь мне нужно время расслабиться, время поразмыслить с холодной головой», – думал Пол.

– Мы едем на юг, – сказал он.

– Даже если, когда закончится день, я скажу поворачивать на север?

– Едем на юг, – повторил Пол.

С чувством отрешенного достоинства Стилгар оправил одеяние:

– Съезд будет, – объявил он. – Я разошлю вести.

«Он думал, что я вызову его, – размышлял Пол, – и знает, что не сумеет выстоять».

Он понимал: ничто не заставит его свернуть с выбранного пути. Буря приближалась, и нельзя было покидать то место, которое вскоре станет ее центром. Грозу можно было остановить, но лишь оказавшись в самом сердце событий.

«Я не стану вызывать его на поединок, если это возможно, – думал он, – если бы только существовал иной способ предотвратить джихад...»

– Для ужина и молитвы остановимся в Птичьей пещере под хребтом Хаббанья, – сказал Стилгар, удерживаясь за один крюк на

колышущейся туше делателя, и махнул рукой в сторону выраставшей из песков низкой скальной гряды.

Пол поглядел на утес, поверхность его была покрыта словно бы окаменевшими волнами. Ни клочка зелени, ни случайного цветка не смягчало его поверхности. А за ним простиралась дорога к южной пустыне по меньшей мере на десять дней и ночей, если торопить делателей.

Двадцать колотушек.

Дорога уводила их из пределов досягаемости харконненских патрулей. Он знал, как это будет. Видел уже. Настанет день, когда на горизонте появится пятнышко, небольшое, словно не на самом деле, а в мечтах... и там будет ситч.

– Такое решение устраивает Муад'Диб? – спросил Стилгар.

Легчайший сарказм позволил он себе в этих словах, но уши фрименов, что безошибочно различают оттенки в птичьих криках и в свистящем голоске сайелаго, сарказм уловили и ждали теперь, как отреагирует Пол.

– Стилгар слышал, как я присягал на верность ему вместе с фидайинами, – ответил Пол, – мои смертники знают: я говорил с уважением. Разве Стилгар сомневается в этом?

В голосе Пола слышалась настоящая боль. Уловив ее, Стилгар потупил глаза.

– Усула, брата моего по ситчу, я знаю и не сомневаюсь в нем, – произнес он, – но ты еще и Пол-Муад'Диб Атрейдес, герцог, и Лисан аль-Гаиб, Голос Извне, а этих людей я даже не знаю.

Следя за вырастающим из песка хребтом Хаббанья, Пол отвернулся. Делатель под ним не ослабевал и охотно двигался вперед. Он увезет их раза в два дальше, чем любой червь, о котором было известно фрименам. Он знал это. И лишь в детских сказках можно было отыскать делателя под парю этому старику-пустынножителю. «Возникает еще одна легенда», – подумал Пол.

На плечо его легла рука.

Пол глянул на нее, перевел глаза выше, на темные глаза Стилгара в щели между нософильтрами и капюшоном конденскостюма.

– Тот, кто был предводителем в ситче Табр до меня, – сказал Стилгар, – был моим другом. Мы разделяли с ним опасности. И он был обязан мне жизнью... не однажды... и я ему.

– Я твой друг, Стилгар, – сказал Пол.

– В этом никто не сомневается, – сказал Стилгар, убирая руку. Он повел плечами. – Таков обычай.

Пол понимал, что Стилгар слишком уж фримен и не видит иной дороги. Здесь было принято, чтобы претендент получал власть или из мертвых рук предшественника, либо после кровавой схватки сильнейших, если тот погибал в пустыне. Так стал наибом и сам Стилгар.

– Этого делателя следует оставить в глубоком песке, – сказал Пол.

– Да, – согласился Стилгар, – отсюда до пещеры можно дойти пешком.

– Мы достаточно долго едем на нем, он должен зарыться вглубь и отдыхать не менее дня.

– Ты сегодня мудир песчаных наездников, – согласился Стилгар. – Скажи, когда же... – Он умолк, вглядываясь в небо на востоке.

Пол обернулся. В голубой дымке, которой специя окрасила его глаза, на темной глубокой лазури неба вдали мельтешила какая-то мошка.

Орнитоптер!

– Небольшой топтер, – согласился Стилгар.

– Не разведчик ли? – сказал Пол. – Как ты думаешь, нас заметили?

– На таком расстоянии мы для них ничто, лишь червь на поверхности, – ответил Стилгар и махнул левой рукой. – Вниз, живо, рассейтесь по песку.

Отряд начал спускаться, укрытые плащами фигуры терялись среди песка. Пол заметил, где скользнула вниз Чани. Наконец на черве остались лишь он и Стилгар.

– Первый вверх, последний вниз, – произнес Пол.

Стилгар кивнул, помогая себе крючьями, сбежал по крутому боку и спрыгнул в песок.

Дождавшись, пока делатель уберется подальше от места, где спрыгнул отряд, Пол отпустил крючья. Если червь еще не полностью выдохся, это был опасный момент.

Избавившись от пассажиров и крючьев, гигантский червь начал зарываться в песок. Пол легко побежал по его широкой спине, тщательно выбрал момент и соскочил. Спрыгнув, он бросился на

поверхность дюны, покатился по ней, как его учили, и нырнул под осыпающийся гребень.

А теперь... ждать.

Чуть повернув голову, Пол поглядел через щелочку под капюшоном на небо. Остальные, можно было не сомневаться, сейчас делали то же самое. Шум крыльев он слышал раньше, чем увидел их биение. Шелестя двигателями в гондолах, аппарат промелькнул над пустыней и по широкой дуге отправился дальше, к скалам.

«Без опознавательных знаков», – отметил про себя Пол.

Аппарат канул за хребет Хаббанья.

Птичий крик огласил пустыню. Ему ответил другой.

Страхнув с себя песок, Пол поднялся на вершину дюны. Позади цепочкой рассыпались остальные. Пол разглядел фигуры Стилгара и Чани.

Стилгар махнул в сторону хребта. Они вновь собрались и направились по песку, ломаным шагом, что не привлечет внимания делателя. Наконец по плотному песку у гребня дюны Стилгар подошел к Полу.

– Контрабандисты, – заметил он.

– Похоже, – согласился Пол, – но слишком уж глубоко они забрались в пустыню.

– И у них есть сложности с патрулями, – сказал Стилгар.

– Если они добрались сюда, что мешает им отправиться дальше? – спросил Пол.

– Именно.

– И если они заберутся поглубже на юг и увидят там то, что не следует видеть чужим, добром это не кончится. Контрабандисты торгуют и информацией.

– По-твоему, они ищут здесь специю, так? – сказал Стилгар.

– Поблизости болтается крыло, и краулер ждет его, – сказал Пол. – У нас есть специя. Надо вылить ее на песок и на эту наживку ловить контрабандистов. Следует дать им понять, что это наша земля, к тому же нашим надо попрактиковаться с новым оружием.

– Вот это – речь Усула, – сказал Стилгар, – это слова фримена.

«Но Усулу-то и принимать эти решения, что откроют дорогу страшному предназначению», – подумал Пол.

Близилась буря.

Если религия связала в единое целое долг и закон, человек никогда не обретет самосознания, не почувствует себя личностью. Он не станет самостоятельным.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб и девяносто девять чудес Вселенной»

Каргон с краулером контрабандистов, окруженный орнитоптерами эскорта, вынырнул из-за вершин дюн словно пчелиная матка со свитой. Маленький рой искусственных насекомых направлялся к одному из хребтов, невысокими гребнями поднимавшемуся со дна пустыни. Песок со склонов был начисто сметен недавней бурей.

В рубке фабрики Гарни Холлик склонился вперед, подрегулировал масляные линзы бинокля и внимательно поглядел вниз. За низким хребтом темнело пятно. Оно могло оказаться выбросом специи, и он передал приказ висевшему над головой орнитоптеру разведать обстановку.

Подтверждая получение приказа, топтер качнул крыльями. Вырвавшись из роя, он заспешил к темному пятну на песке и принялся обследовать его, опустив детекторы почти до уровня грунта.

И тотчас взмахом крыльев и виражом дал понять всем на краулере, что специя обнаружена.

Гарни отложил бинокль, понимая, что сигнал, конечно, заметили. Место ему нравилось. Хребет создавал какую-то видимость безопасности. Они углубились в пустыню, нападение маловероятно... но все же. Гарни просигналил экипажам рассыпаться под хребтом, осмотреть его и занять посты, но пониже, чтобы детекторы не выдали их издалека Харконненам.

«Едва ли, конечно, харконненские солдаты так далеко заберутся на юг, — думал он. — Земля эта все еще принадлежит фрименам».

Гарни проверил оружие, в очередной раз ругнул судьбу, не позволявшую здесь пользоваться силовыми щитами. Приходилось

любыми способами отделяться от всего, что могло бы привлечь внимание червя. Оглядев место, он потерял шрам от чернильной лозы на челюсти и решил, что безопаснее будет отправить разведывательную партию вдоль хребта. Какая предосторожность покажется излишней, если фримены и сардаукары вцепились друг другу в глотку по всей планете?

Впрочем, сейчас его волновали фримены. Откупаться от них специей было бесполезно, и, если нога твоя случайно попадала в места, где, по их мнению, чужакам бывать не следовало, фримены становились сущими дьяволами. А в последнее время они стали еще хитрее...

Изворотливость и находчивость этих туземцев в бою начинала раздражать Гарни. Военной подготовке их можно было только завидовать, а ведь его самого учили опытейшие бойцы Вселенной, закаленные в таких битвах, в которых могли уцелеть только сильнейшие и искуснейшие.

И вновь Гарни поглядел вниз, удивляясь своему беспокойству. Быть может, причиной его был червь, которого они видели... пусть и с другой стороны хребта.

В рубку просунулась голова – командир фабрики, одноглазый и бородатый старый пират с белыми зубами, как и у всех, кто принимает специю.

– Похоже, богатое пятно, сир, – сказал он. – Садимся?

– Спуститесь у края хребта, – приказал Гарни, – я высажусь со своими людьми, а вы покатыте прямо к специевому пятну. Хочу поглядеть эти скалы.

– Есть.

– В случае неприятностей, – сказал Гарни, – спасайте фабрику, мы поднимемся в топтерах.

Командир краулера отсалютовал:

– Есть, сир, – и нырнул обратно в люк.

Гарни снова оглядел горизонт. Приходилось считаться с возможностью встречи с фрименами, а они, уж несомненно, решат, что он вторгся в их владения. Фримены постоянно беспокоили его – их упорство в бою и непредсказуемость действий. Впрочем, работенка эта в любое время была беспокойной, но выгодной... и весьма. Тревожило

его и то, что нельзя поднять споттер выше. А необходимость хранить радиомолчание усугубляла нелегкое чувство.

Каргон с краулером повернул, начал спускаться, скользнул к сухому откосу, трапы коснулись песка.

Гарни открыл колпак рубки, отстегнул ремни.

Фабрика едва замерла, а он уже был снаружи, захлопнул за собой дверцу, переступил поручни страховочной сетки и спрыгнул на песок. Пятеро из его личной охраны выскочили из носового люка следом за ним. Остальные принялись отцеплять фабрику от крыла. Освободившись, каргон взмыл вверх и пошел описывать невысокие круги над краулером.

Он сразу же взревел двигателями, направляясь к темному пятну специи на песке. Рядом опустился топтер, другой, и из них посыпались люди. Высадив взвод, аппараты взмыли и зависли над головой.

Гарни расслабил мышцы под гладкой кожей конденскостюма, потянулся. Маску он не стал застегивать: пусть испаряется влага, но так можно громче кричать, отдавая приказы. Он полез вверх по скалам, оглядывая местность; под ногами похрустывали галька и гравийный песок, всюду пахло специей.

«Неплохое место для опорной базы, – подумал он, – было бы разумно укрыть здесь кое-какие припасы».

Он оглянулся на растянувшуюся за его спиной цепочку. Хорошие люди, даже те новички, кого еще не приходилось проверять в деле. Им не нужно постоянно объяснять, что делать. Воздух и не дрогнет – щитов нет ни на ком. В его отряде нет трусов, что потащат щиты в пустыню, забывая про червей.

С невысокой вершины Гарни видел пятно специи в полукилометре, краулер как раз подползал к ближнему краю. Он поглядел на воздушный эскорт, проверил высоту... нормально, не слишком высоко. Кивнув самому себе, он вновь направился в гору.

И тут хребет словно взорвался.

Двенадцать огненных полос взмыли в небо к зависшим топтерам и крылу. Со стороны краулера донесся скрежет металла, на скалах вдруг, откуда ни возьмись, появились воины в капюшонах.

Гарни успел только подумать: «Клянусь рогами Великой Матери! Ракеты! Они осмелились применить ракеты!»

А потом перед ним оказалась согнувшаяся в боевой стойке фигура в капюшоне, в руке воина был наготове крис. По бокам еще двое возникли на скалах. Лишь глаза в щели между капюшоном и песочного цвета бурнусом видел Гарни, но и поза, и манера держаться говорили, что перед ним не новичок. И глаза были сплошь синие – глаза фримена глубокой пустыни.

Опуская руку к собственному ножу, Гарни не отводил глаз от ножа противника. Раз они осмеливались пользоваться ракетами, значит, у них было и другое метательное оружие. Следовало быть настороже. По звукам он мог понять, что сбита, по крайней мере, часть его крылатого эскорта. Позади уже тяжело сопели в рукопашной бойне.

Взгляд воина, что был перед ним, проследовал за движением руки Гарни... Твердо взглянув ему прямо в глаза, фримен произнес:

– Оставь нож на месте, Гарни Холлик...

Гарни заколебался, голос показался ему странно знакомым.

– Ты знаешь мое имя? – спросил он.

– Нам с тобой, Гарни, при встрече не нужны ножи, – ответил мужчина. Он выпрямился, убрал нож под одеяние, в ножны. – Прикажи своим людям прекратить бесполезное сопротивление.

Откинув назад капюшон, мужчина отвел от лица фильтр.

Потрясенный Гарни замер. Сперва ему показалось, что перед ним из небытия восстал призрак герцога Лето Атрейдеса. Наконец он понял.

– Пол, – прошептал он и громко сказал: – Пол, это ты?

– Разве ты не веришь собственным глазам? – спросил Пол.

– Но ведь все уверяли, что ты мертв, – выдохнул Гарни, сделав полшага вперед.

– Прикажи своим сдаться, – сказал Пол, махнув вниз, к границе скал и песка. Гарни нерешительно обернулся, боясь отвести взгляд от Пола. Сопротивления почти не было. Со всех сторон их окружили пустынные воины в своих капюшонах. По крыше умолкшей фабрики-краулера разгуливали фримены. Летательных аппаратов над головой не было видно.

– Прекратите сопротивление! – заорал Гарни. Он сложил руки воронкой, чтоб стало слышнее. – Я – Гарни Холлик! Прекратите сопротивление!

Пары бойцов медленно, осторожно расходились. Удивленные лица повернулись к нему.

– Это друзья! – крикнул Гарни.

– Тоже мне, друзья, – громко откликнулся кто-то, – перерезали половину наших!

– Это ошибка, – сказал Гарни, – не добавляйте новых жертв.

Он повернулся к Полу, взглянул в его синие-синие, фрименские глаза.

На губах Пола играла улыбка, но жесткий взгляд напомнил Гарни взгляд старого герцога, деда Пола. Было и кое-что новое для Атрейдеса: иссохшая кожа, расчетливые глаза, за которыми угадывалась привычка «взвешивать» каждый из окружающих его предметов.

– А говорили, что ты умер, – повторил Гарни.

– Так было безопаснее для нас, – ответил Пол.

В этих словах Гарни услышал извинение – другого не будет – за то, что его бросили одного, без поддержки, заставили поверить, что его юный герцог, его друг – мертв. Он подумал: «А осталось ли в этом воине хоть что-то от мальчика, которого я учил бою?»

Пол шагнул вперед, глаза его потемнели:

– Гарни...

Все случилось само собой – они обнимались, хлопали друг друга по спине... Действительно, живое тело!

– Ну, молодец! Ну, молодец! – твердил Холлик.

Пол отзывался:

– Гарни, ай да старина! Старина Гарни!

Наконец они слегка отступили, поглядели друг на друга. Гарни глубоко вздохнул:

– Так вот откуда у фрименов эта боевая мудрость! Мне следовало бы догадаться. Они все время поступают так, как сделал бы я сам. Если бы только знать... – Он покачал головой. – Если бы ты, мальчик, просто переслал мне весть. Ничего бы не остановило меня. Я прибежал бы сразу и...

Взгляд Пола заставил его умолкнуть – твердый взвешивающий взгляд. Гарни вздохнул:

– Конечно же, нашлись бы и такие, кому стало бы любопытно, куда это сломя голову помчался Гарни Холлик, и не все ограничились

бы только вопросами. Им потребовались бы и ответы.

Пол кивнул, оглядел обступивших фрименов: на лицах фидайинов читалось любопытство. Он вновь перевел взгляд от собственных смертников на Гарни. В этой встрече он видел добрый знак, она сулила хорошее будущее. Это увеличивало радость.

«Если со мной будет Гарни...»

Пол взглянул вниз, за спины фидайинов, на оставшихся в живых контрабандистов.

– За кого твои люди, Гарни? – спросил он.

– Все они – контрабандисты, – отвечал тот, – они за выгоду – где она есть.

– В нашем деле трудно найти выгоду, – отвечал Пол, уловив еле заметные движения пальцев на правой руке Гарни, старинный кодовый сигнал Атрейдесов, означавший, что среди контрабандистов были люди, которых следовало опасаться.

Прикоснувшись к губе, он дал понять, что заметил сигнал. Оглядел стоявших поодаль на скалах фрименов. Взгляд его упал на Стилгара. Воспоминание о его еще неясной судьбе несколько охладило оживление Пола.

– Стилгар, – сказал он. – Это Гарни Холлик, о котором я тебе говорил. Один из мастеров боя, что служили у отца, мой учитель и старый друг. Ему можно доверять полностью.

– Я слышал, – ответил Стилгар, – ты его герцог.

Пол поглядел на его профиль, темневший на фоне камней, задумался на мгновение. Что заставило Стилгара сказать именно эти слова? *Ты его герцог*. Что-то в интонации Стилгара, какой-то едва уловимый оттенок намекал, что сказать он хотел иное. И так это не было похоже на Стилгара, предводителя Вольного народа, никогда не скрывавшего мыслей!

«Мой герцог! – подумал Гарни, по-новому оглядев Пола. – Да, Лето мертв, и титул теперь лег на плечи Пола».

И вся эта фрименская война на Арракисе начала приобретать у него в голове совершенно иной облик. Мой герцог! Давно отмерший кусок его души стал оживать. Только частью сознания воспринял он приказ Пола разоружить контрабандистов и допросить.

Полностью смысл приказа дошел до него с опозданием, когда кое-кто из его людей начал протестовать. Он покачал головой,

стремительно обернулся.

– Вы что, оглохли? – отрезал он. – Это законный правитель – герцог Арракиса. Повинуйтесь его приказу!

Не скрывая недовольства, контрабандисты подчинились.

Пол подошел к Холлику и негромко произнес:

– Гарни, я не ожидал, что в эту ловушку попадешь именно ты.

– Я полностью одурачен, – сказал Гарни. – Держу пари, это пятно специи не толще песчинки – наживка, и ничего более.

– Считай, что пари ты выиграл, – ответил Пол. Он поглядел вниз, на сдававших оружие контрабандистов. – В твоём экипаже есть еще кто-нибудь из людей моего отца?

– Никого. Все разбежались. Кое-кто зацепился среди вольных торговцев. А большая часть потратила весь заработок, чтобы только убраться отсюда.

– Но ты остался.

– Я остался.

– Из-за Раббана, – констатировал Пол.

– Я было решил, что кроме мести у меня уже ничего нет.

Странный отрывистый крик прозвучал с вершины хребта. Поглядев вверх, Гарни заметил взмахивающего платком фримена.

– Приближается делатель, – сказал Пол. Он поднялся на вершину, Гарни последовал за ним, вдвоем они поглядели на юго-запад. Вздыхаемая червем гора была уже неподалеку. Пылящий след прорезал дюны.

– Довольно большой, – кивнул Пол.

Фабрика-краулер внизу лязгнула, медленно развернулась, словно гигантское насекомое, и направилась к скалам.

– Жаль, что не уцелел каргон, – заметил Пол.

Гарни поглядел на него, потом на дымящиеся обломки в пустыне, куда рухнуло крыло и топтеры, сбитые ракетами фрименов. Вдруг ему стало жаль тех людей, что погибли там... его людей, и он сказал:

– А вот отец твой более жалел бы о погибших людях.

Пол сурово поглядел на него, потом, опустив взгляд, произнес:

– Это были твои друзья, Гарни. Понимаю. Но для нас вы – бродяги, которые могли подглядеть, что не следовало бы. Пойми это.

– Прекрасно понимаю, – ответил Гарни, – и с нетерпением хочу увидеть то, о чем мне не следует знать.

Подняв глаза, Пол заметил хорошо знакомую волчью улыбку на лице Гарни, натянувшийся на челюсти шрам.

Гарни кивнул вниз, на пустыню, где рассыпались занимавшиеся своим делом фримены. Его явно удивляло, что никто и не думает беспокоиться, хотя червь приближался.

В дюнах, за пятном, что-то гулко заухало, звук, казалось, сотрясал почву под ногами стоящих. Гарни видел, как выстроились фримены на пути червя.

Червь вынырнул из песков, словно гигантская рыба, перебирая кольцами. Буквально секунда, и, как прекрасно было видно Гарни с этой высокой точки, на черве прыжком оказался первый фримен и развернул его в обратную сторону. За наездником на чешуйчатый поблескивающий бок последовали остальные.

– Ну хотя бы этого тебе не положено видеть, – произнес Пол.

– Слышал я кое-что, слухи и рассказы, – удивился Холлик, – но поверить в такое нелегко, пока не увидишь своими глазами. – Он покачал головой. – Этих чудовищ боится весь Арракис, а для вас они – верховые животные.

– Ты помнишь, отец говорил о пустынной силе, – сказал Пол. – Вот она. Поверхность планеты принадлежит нам. И ни буря, ни чудовища, ни жара и безводье нас не остановят.

«Нас, – подумал Гарни. – Он имеет в виду Вольный народ. Говорит, словно и сам один из них». И вновь Гарни заглянул в синие глаза Пола. Специя. Его собственные глаза лишь слегка отливали синевой – ведь контрабандисты ели и пищу, привезенную с других планет, и степень синевы глаз среди них поэтому была различной. В ходу было выражение «помазали специей» – оно значило, что кто-то становился почти туземцем. В этом выражении всегда крылся оттенок некоего недоверия.

– Было время, когда в этих широтах избегали ездить на делателе днем, – сказал Пол. – Но у Раббана не хватает авиации, теперь он не велит больше следить за каждой точкой в песках. – Он поглядел на Гарни. – Появление твоих аппаратов просто потрясло нас.

«Нас... опять нас...» – Гарни качнул головой, чтобы отогнать подобные мысли:

– Ну потрясением это оказалось не столько для вас, сколько для нас.

– А что говорят о нас в низинах и деревнях? – спросил Пол.

– Утверждают, что укрепляются, ожидая вашего штурма. Уверяют, что станут обороняться, пока вы будете истощать свои силы в бесполезных атаках.

– Слова, – ответил Пол. – Мы сковали их силы.

– Ну вы имеете возможность отправляться куда угодно.

– Этому научил меня ты, – сказал Пол, – они потеряли инициативу, а значит, проигрывают и войну.

Гарни неторопливо, с пониманием улыбнулся.

– Враг находится там, где мне выгодно, – сказал Пол. Он поглядел на Гарни. – Ну, Гарни, хочешь, я возьму тебя к себе на службу, пусть и перед концом войны?

– На службу? – переспросил Гарни. – Милорд, я никогда и не оставлял вашей службы. Только ты у меня и остался... Каково мне было узнать о твоей смерти? Вот я и дрейфовал, по возможности, ожидая, не представится ли случай продать свою жизнь за подходящую цену – за жизнь Твари Раббана.

Пол смущенно умолк.

По скалам к ним поднялась женщина. Глаза ее в щели между капюшоном и маской были обращены то на Пола, то на его собеседника. Она встала перед Полом, держа себя непринужденно, хозяйски, как отметил про себя Гарни.

– Чани, – сказал Пол, – это Гарни Холлик. Я говорил тебе о нем.

Она поглядела на Холлика, вновь на Пола:

– Я помню.

– Куда поехали люди на делателе? – спросил Пол.

– Они просто отгоняют его подальше, чтобы дать нам время спасти машины.

– Хорошо, тогда... – Пол умолк, приносиваясь.

– Близится ветер, – сказала Чани.

С вершины хребта послышался голос:

– Эй, внизу! Близится ветер!

Теперь, видел Гарни, фримены заторопились. Червь не мог заставить их спешить, но ветер... Фабрика-краулер вползла на отлогий скальный откос, словно пляж, выступавший из песка. Перед ним в скалах вдруг открылось отверстие... и машина исчезла за сомкнувшимися вновь скалами, словно ее и не было.

– И сколько у вас таких укрытий? – озадаченно спросил Гарни.

– Многожды много, – отвечал Пол, поглядев на Чани. – Найди Корбу. Передай: Гарни предупредил, что среди его контрабандистов не всем следует доверять.

Она вновь глянула на Гарни, потом на Пола, кивнула и с газельей легкостью заспешила вниз по скалам.

– Твоя женщина, – заметил Гарни.

– Мать моего первенца, – ответил Пол, – среди Атрейдесов вновь появился Лето.

Эту новость Гарни выслушал, широко раскрыв глаза.

Пол внимательно следил за суетой вокруг. Небо на юге уже побурело, порывы ветра то и дело вздымали над головами пыль.

– Затяни костюм, – сказал Пол, накидывая на голову капюшон и надевая маску.

Гарни повиновался, с облегчением вставив фильтры.

Глухо прогудел голос Пола из-под маски:

– Кому из своих людей ты не доверяешь, Гарни?

– Нескольким новичкам, – ответил Гарни, – иномирянам. – И невольно заколебался, удивляясь самому себе. *Иномирянам*. Это слово так легко слетело с его языка.

– Да? – спросил Пол.

– Они не похожи на обычных искателей удачи, – ответил Гарни. – Жилистей, что ли.

– Шпионы Харконненов? – переспросил Пол.

– Сомневаюсь, милорд, чтобы они были связаны с кем-нибудь из Харконненов. Мне кажется, это люди Императора. От них пахнет Салузой Секундус.

Пол внимательно поглядел на него:

– Сардаукары?

Гарни пожал плечами:

– Не исключено, но умело замаскированные.

Пол кивнул ему, подумал: «Как легко Гарни возвратился на былую стезю – на путь Атрейдесов... Впрочем, он тоже переменялся слегка... Арракис изменил и его».

Из груды камней возникли два фримена и полезли в гору. У одного на плече был сверток.

– А где сейчас мои люди? – спросил Гарни.

– В безопасности, под скалами, – сказал Пол, – здесь есть пещера, мы зовем ее Птичьей. После бури решим, как с вами поступить.

Сверху его окликнули:

– Муад'Диб!

Пол обернулся на зов, караульный фримен жестом подозвал его к пещере. Гарни глядел теперь на него по-новому.

– Выходит, это ты – Муад'Диб? – спросил он. – Неуловимый демон песков?

– Так меня называют фримены, – ответил Пол.

Гарни отвернулся с нелегким предчувствием. Половина людей из его отряда остались мертвыми на песке, другая половина оказалась в плену. Новичков, подозрительных, ему не было жалко. Но среди прочих были хорошие люди – друзья, за них он чувствовал ответственность. «После бури решим, как с вами поступить», – так сказал Пол, то есть Муад'Диб. И Гарни припомнил, что говорили о Муад'Дибе, о Лисан аль-Гаибе... Однажды он велел содрать кожу с пленного офицера Харконненов на боевой барабан, а в битвах он всегда окружен смертниками-фидаинами, бросавшимися в бой, распевая гимны.

Его называли *Он*.

Ловко поднимавшиеся снизу фримены легко вскочили на каменный карниз перед Полом. Один из них, темнолицый, сказал:

– Теперь, Муад'Диб, все в порядке. Можно спускаться вниз.

– Хорошо.

Гарни заметил тон, которым были произнесены эти слова, – полуприказ, полупросьба. Этого мужчину звали Стилгар, еще одно имя, ставшее теперь легендарным.

Пол поглядел на сверток в руках второго и спросил:

– Корба, что это у тебя?

Ответил Стилгар:

– Мы нашли это в краулере, там были инициалы твоего друга, а внутри – бализет. Я много раз слышал от тебя об искусстве Гарни Холлика.

Гарни поглядел на говорившего, заметил край черной бороды над маской конденскостюма, крючковатый нос, ястребиные глаза.

– У вас мудрые товарищи, милорд, – сказал Гарни, – благодарю вас, Стилгар.

Тот махнул своему спутнику и, пока Корба передавал бализет, сказал:

– Благодарю своего господина, герцога, по слову которого ты допущен сюда.

Гарни принял сверток, удивился жесткости тона. Фримен явно держался вызывающе... «Не из ревности ли? – подумал Гарни. – Откуда-то свалился кто-то по имени Гарни Холлик, знавший Пола задолго до Арракиса... друг из бывшего».

– Я бы хотел, чтобы вы были друзьями, – сказал Пол.

– Имя фримена Стилгара знаменито повсюду, – сказал Гарни. – Буду рад числить среди своих друзей прославленного губителя Харконненов.

– А теперь пожмите руки, – обратился к обоим Пол.

Стилгар медленно протянул руку и стиснул тяжелую ладонь Гарни, всю в мозолях от меча.

– Мало найдется таких, кому не было бы известно имя Гарни Холлика, – сказал он и выпустил руку. Потом обернулся к Полу: – Буря вот-вот начнется.

– Поспешим, – ответил Пол.

Стилгар повернулся, они последовали за ним в темную расщелину, то и дело отклоняясь от прямого пути и огибая скалы. Наконец перед ними оказался невысокий вход в пещеру. Позади них люди принялись торопливо затягивать гермоклапан. В свете шаров впереди открылось обширное помещение с потолком-куполом. С одной стороны внутри был карниз, от которого вбок уходил темный проход.

Пол вспрыгнул на карниз и направился в коридор, Гарни последовал за ним. Они попали сперва в прихожую, потом в помещение, увешанное темными драпировками винного цвета.

– Ну здесь нам не станут мешать, – сказал Пол, – на время они оставят меня в покое.

Снаружи вдруг ударили в гонг. За сигналом тревоги раздался шум и стук оружия. Пол резко обернулся и кинулся обратно в прихожую, потом на приподнятую платформу. Обнажив клинок, Гарни последовал за ним.

Под ними на полу пещеры метались бойцы. На какое-то мгновение Пол замер, вглядываясь в ход сражения, в фигуры одетых в

джуббы и бурки фрименов и их противников в одеждах контрабандистов. Одежда одеждой... но тренированный матерью разум сразу подсказал ключ: мнимые контрабандисты сражались тройками и оборонялись сплоченным треугольником.

Такая привычка выдавала сардаукаров.

Фидайины внизу увидели Пола, и в пещере гулко загремел, отдаваясь эхом, их клич:

– Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

Однако и враги уже успели заметить Пола. Вверх, крутясь, взлетел темный нож. Пол легко уклонился, нож звякнул о камни за его спиной. Гарни поднял его.

Фримены оттеснили сопротивлявшиеся тройки противников подальше.

Гарни поднес нож так, чтобы Пол видел, показал на тончайшие витки желтого цвета Империи, золотого льва на крестовине, фасеточные глазки на головке эфеса.

Конечно, сардаукары.

Пол подошел к краю выступа. Оставались стоять лишь трое сардаукаров. Окровавленными горками тела сардаукаров и фрименов были разбросаны по пещере.

– Остановитесь! – крикнул Пол. – Герцог Пол Атрейдес приказывает вам прекратить.

Бойцы нерешительно замерли.

– Эй, сардаукары! – крикнул Пол уцелевшим. – По чьему приказу вы нападаете на правящего герцога? – Заметив, что его люди теснят сардаукаров, он крикнул: – Я приказал прекратить!

Из окруженной тройки кто-то выкрикнул:

– Кто говорит, что мы сардаукары?

Пол взял нож из рук Гарни, поднял повыше:

– Вот этот нож.

– А откуда нам знать, что ты правитель и герцог? – вновь выкрикнул тот же голос.

Пол жестом показал на фидайинов:

– Вот они считают меня правящим герцогом. Твой собственный Император пожаловал Арракис Дому Атрейдесов. А я и есть Дом Атрейдесов.

Сардаукар нервно умолк.

Пол внимательно поглядел на него – высокий, плосколицый, с бледным шрамом в половину правой щеки. В нем чувствовался гнев и смятение, но все эти чувства затмевала гордость, под покровом которой сардаукар казался бы одетым и в бане... знаменитая гордость сардаукаров.

Пол поглядел на одного из лейтенантов фидайинов:

– Корба, откуда у них взялось оружие?

– Утаили под конденскостюмами, – последовал ответ.

Пол поглядел на тела убитых и раненых, вновь перевел взгляд на лейтенанта. В словах не было необходимости. Фримен опустил глаза.

– Где Чани? – спросил Пол и, затаив дыхание, стал ждать ответа.

– Стилгар вытолкнул ее туда. – Корба кивнул в сторону прохода, глянул на простертые тела. – Я виноват, Муад'Диб.

– И сколько же было сардаукаров, Гарни? – спросил Пол.

– Десятеро.

Пол легко прыгнул вниз, подошел на расстояние удара к умолкшему предводителю сардаукаров.

Фидайины напрялись. Такой риск с его стороны был им не по нраву. Они всегда пытались удерживать его от подобных поступков, ведь мудрость Муад'Диба была необходима фрименам.

Не поворачивая головы, Пол спросил у лейтенанта:

– Какие потери у нас?

– Двое убитых, четверо раненых, Муад'Диб.

Пол заметил движение за сардаукарами. Из прохода показались Стилгар и Чани. Вновь повернувшись к сардаукару, он поглядел в белые глаза иномирянина:

– Как твое имя?

Тот застыл, оглядываясь по сторонам.

– Не вздумай пытаться, – предупредил его Пол, – мне и так ясно, что тебе было приказано найти и уничтожить Муад'Диба. Для этого вас послали в глухую пустыню искать специю.

Гарни позади охнул, на губах Пола появилась легкая улыбка.

Кровь бросилась в лицо сардаукара.

– Но ты увидел уже больше... не только одного Муад'Диба. Семь ваших жизней за две наши. Три к одному. Неплохой счет против сардаукаров.

Тот дернулся, привстав на носки, но фидайины шагнули вперед... сардаукар осел на место.

– Я спрашивал твое имя, – сказал Пол, воспользовавшись Голосом. – Имя!

– Капитан Арамшам, сардаукар Императора, – неожиданно сам для себя выпалил тот, в смятении поглядев на Пола. Теперь эта пещера уже не казалась ему логовом варваров, как минуту назад.

– Ну, капитан Арамшам, – продолжил Пол. – Харконнены дорого бы заплатили тебе за то, что ты увидел. Император тоже. Чего бы он не дал, чтобы узнать, что наследник Атрейдесов, которых он предал, все-таки жив!

Капитан поглядывал то вправо, то влево на обоих своих товарищей. Пол почти видел, как в голове его крутились мысли. Сардаукары не сдаются... но Император должен узнать о новой угрозе.

По-прежнему пользуясь Голосом, Пол произнес:

– Сдавай оружие, капитан!

Сардаукар, стоявший слева от капитана, без предупреждения ринулся на Пола, но мгновенно блеснувший нож в руке Арамшама остановил его. Атаковавший мешком повалился на землю – нож торчал из груди.

Капитан обернулся к своему единственному теперь спутнику:

– Мне лучше знать, что угодно его величеству... ты понял?!

Плечи второго сардаукара поникли.

– Бросай оружие, – сказал капитан.

Сардаукар повиновался. Капитан повернулся к Полу:

– Ради тебя я убил друга, – сказал он, – не забудь этого.

– Вы мои пленники, – отвечал Пол, – вы сдались мне. Умрете вы или нет, какая разница для меня? – Махнув рукой, он велел страже забрать обоих сардаукаров: лейтенанты немедленно принялись обыскивать пленных, затем подступившая охрана тут же увела их.

Пол склонился к своему лейтенанту.

– Муад'Диб, – начал тот, – я подвел тебя...

– Тут есть и моя вина, – отвечал Пол, – должен был предупредить тебя, что искать. А в будущем при обыске сардаукаров помни: у каждого из них – один или два поддельных ногтя, которые в сочетании с прочими замаскированными на теле предметами могут передавать сообщения. И фальшивых зубов у каждого не один. В

волосах они прячут шигафибр – такой тонкий, что его можно не заметить невооруженным взглядом. Но им можно удушить человека, заодно отрезав ему голову. Когда обыскиваешь сардаукаров... их приходится проверять, просвечивать, даже сбривать волосы с тела. И когда обыск закончен, не следует надеяться, что найдено все.

Он поглядел на Гарни, подошедшего ближе послушать.

– Лучше убить их, – сказал лейтенант.

Не отводя глаз от Гарни, Пол качнул головой.

– Нет, я хочу, чтобы они бежали.

Гарни удивленно поглядел на него.

– Сир... – выдохнул он.

– Да?

– Твой человек прав. Этих пленных следует немедленно убить. И так, чтобы не осталось даже следа. Ведь вы посрамили императорских сардаукаров! Когда об этом узнает Император, он не утихомирится, пока не зажарит вас на медленном огне.

– Едва ли Императору это удастся, – неторопливо, с холодком в голосе отвечал Пол. Что-то случилось с ним... сейчас, когда он глядел на сардаукара. Решение, сложившееся в его сознании...

– Гарни, – спросил он, – а сколько гильдийцев сейчас трется вокруг Раббана?

Гарни выпрямился, сощутив глаза:

– Ваш вопрос совершенно не...

– Много их? – рявкнул Пол.

– Да весь Арракис кишит агентами Гильдии, специю они скупают, словно она самая большая драгоценность во всей Вселенной. Иначе зачем нам было лезть в такую...

– Для них специя и есть самая большая драгоценность во всей Вселенной, – ответил Пол и поглядел на Чани, которая шла теперь к нему со Стилгаром. – И она в наших руках, Гарни!

– Она в руках Харконненов, – запротестовал Гарни.

– Контролирует вещь тот, кто может ее уничтожить. – Пол махнул рукой, предупреждая возражения со стороны Гарни, кивнул остановившемуся перед ним Стилгару. Чани встала с ним рядом.

Взяв в левую руку нож сардаукара, Пол отдал его Стилгару.

– Ты живешь ради процветания племени, – сказал Пол, – можешь ли ты выпустить этим ножом кровь жизни моей?

– Ради племени, – буркнул Стилгар.
– Тогда используй же нож по назначению, – ответил Пол.
– Ты вызываешь меня? – резко спросил Стилгар.
– Если дойдет до этого, – ответил Пол, – я стану перед тобой безоружным и дам тебе убить меня.

Стилгар коротко со свистом вдохнул. Чани произнесла:

– Усул! – Потом поглядела на Гарни, снова на Пола.

Пока Стилгар подбирал слова, Пол сказал ему:

– Ты – знаменитый Стилгар, ты – могучий воин, но когда сардаукары затеяли здесь схватку, тебя не было в первых рядах. Первым делом ты заботился о Чани.

– Она – моя племянница, – ответил Стилгар. – Потом не было и тени сомнения, что твои фидайины управятся с этими подонками...

– Ну, почему ты первым делом подумал о Чани?

– Да не о ней я думал!

– Неужели?

– О тебе, – наконец признался Стилгар.

– И ты думал, что сумеешь поднять на меня руку?

Стилгар задрожал всем телом.

– Таков обычай, – пробормотал он.

– Есть и такой обычай: убивать незнакомцев, попавшихся фрименам в пустыне, и считать их воду даром Шай-Хулуда, – сказал Пол. – Но ты, однако, помиловал тогда двоих – и меня, и мать.

Но Стилгар молчал, глядя на него, тело его сотрясала дрожь, и Пол добавил:

– Времена меняются, Стил. И тебе самому приходилось менять обычаи.

Стилгар поглядел вниз, на желтую эмблему на ноже.

– Когда я сяду герцогом в Арракине и Чани будет рядом со мной, как ты думаешь, останется ли у меня время заниматься делами ситча Табр? – спросил Пол. – Ты ведь и сам не вникаешь в дела каждой семьи.

Стилгар все глядел на нож.

– Или ты думаешь, я хочу отрезать себе правую руку? – резко спросил Пол.

Стилгар медленно поднял взор.

– Ну, – сказал Пол, – по-твоему, я хочу лишить и себя, и все племя твоей силы и мудрости.

Тихим голосом Стилгар сказал:

– Юношу из моего племени, имя которого мне известно, я бы мог поразить на поединке, но Лисан аль-Гаиба – нет. И ты знал это, вручая мне нож.

– Я знал это, – согласился Пол.

Стилгар разжал ладонь. Нож звякнул о камень.

– Меняются обычаи, – согласился он.

– Чани, – сказал Пол, – отправляйся к моей матери, доставь ее сюда, чтобы и ее советом можно было воспользоваться.

– Но ты говорил, что мы отправляемся на юг, – запротестовала она.

– Я был не прав, – ответил он. – Там нет Харконненов. Война – в другом месте.

Она глубоко вздохнула, принимая эти слова, как следует женщине, рожденной в пустыне между жизнью и смертью, принимать новые нужды.

– Передашь только матери, – негромко сказал Пол. – Скажи ей, что Стилгар признает меня герцогом Арракиса, но следует найти способ, чтобы молодежь не потребовала поединка.

Чани поглядела на Стилгара.

– Делай, как он говорит, – рыкнул Стилгар. – Мы оба знаем, что он победил бы меня... я даже не стал бы поднимать на него руку... ради блага племени.

– Я вернусь вместе с твоей матерью, – сказала Чани.

– Пришли ее сюда, – сказал Пол. – Стилгар прав, я сильнее, когда ты в безопасности. Ты останешься в ситче.

Она было начала протестовать, но умолкла.

– Сихайя, – ласково назвал ее Пол. Он отвернулся направо, перед ним оказались горящие глаза Гарни.

Этот разговор между старшим фрименом и Полом вдруг растворился в каком-то тумане, едва Пол упомянул свою мать.

– В ту ночь Айдахо спас нас, – сказал Пол рассеянным от осознания грядущего прощания с Чани тоном. – И теперь мы...

– А что случилось с Дунканом, милорд? – спросил Гарни.

– Он погиб, ценой своей жизни купил отсрочку для нас.

«Значит, ведьма жива! – подумал Гарни. – Женщина, которой я поклялся отомстить, даже если придется отдать жизнь за это! Герцог Пол явно не подозревает, что за тварь породила его! Какая злоба! Выдала его же собственного отца Харконненам!»

Пол прошел мимо, вспрыгнул на карниз. Оглянувшись, он заметил, что мертвых и раненых уже унесли. «Вот и еще одна глава в легенде о Муад'Дибе, – с горечью подумал он. – Я даже не прикоснулся к ножу, но теперь пустыня узнает, что я собственноручно зарезал двадцать сардаукаров».

Гарни следовал за ним вместе со Стилгаром, не чуя под собой ног. Залитая желтым светом пещера исчезла, все вытеснила ярость.

«Эта ведьма жива, а те, кого она предала, лежат костями в одиноких могилах. Надо, чтобы Пол узнал о ней правду, прежде чем я сражу ее».

*Как часто в гневе человек отрицает то, что говорит
ему внутренний голос.*

*Принцесса Ирулан. «Избранные изречения
Муад'Диб»*

Толпа в зале пещеры, служившем для всеобщего сбора, излучала чувство, которое Джессика запомнила по тому дню, когда Пол убил Джемиса. Слышалось нервное бормотание. То и дело облаченные в одеяния фигуры сходились в тесные группки.

Шагнув из личных покоев Пола на карниз над залом, Джессика засунула под одеяние небольшой цилиндр с сообщением. Она уже отдохнула после долгого путешествия с юга, но все еще сожалела, что Пол до сих пор не позволяет им пользоваться захваченными орнитоптерами.

– Мы еще не контролируем воздух, – говорил он, – глупо, к тому же, зависеть от завозимого извне топлива. Но и топливо, и аэропланы следует собирать... копить до дня, когда понадобятся все ресурсы.

Пол стоял среди молодежи у карниза. Тусклый свет шаров делал все происходящее призрачным и нереальным. Обстановка несколько напоминала обычный дворцовый прием, если бы не вездесущий запах, шорох шагов по песку и перешептывания.

Она глядела на сына, недоумевая, почему же он не торопится представить свой сюрприз – Гарни Холлика. Имя это напомнило ей о прошлом, счастливом и легком, о днях, исполненных красоты и любви... Об отце Пола.

Стилгар ожидал с группой собственных приближенных у другого края пещеры. Он держался с достоинством и молчал.

«Нельзя потерять этого человека, – подумала Джессика. – План Пола должен сработать. Иначе нас ждет колоссальная трагедия». Она молча спустилась с карниза, без слов миновала Стилгара и направилась к Полу – толпа перед ней расступилась, внезапно примолкнув.

Она понимала причины молчания – благоговение перед Преподобной... но и невысказанный вопрос.

Молодые люди моментально отступили от Пола, едва она приблизилась. И она вновь ощутила известные вибрации... подобное отношение к ее сыну беспокоило ее. «Все, кто ниже тебя, завидуют твоему положению», – гласила аксиома Бинэ Гессерит. Но на лицах вокруг не было и тени зависти. Дистанцию поддерживали религиозные предрассудки, на которые опиралось главенство Пола. И она вспомнила еще одну аксиому Ордена: «Пророки имеют обыкновение умирать насильственной смертью».

Пол взглянул на нее.

– Время пришло, – сказала она, передавая ему цилиндрик с известием.

Один из отошедших от Пола набрался смелости, глянул в сторону Стилгара и выпалил:

– Значит, наконец, собрался вызвать его, Муад'Диб. Это верно – время пришло. Все подумают, что ты трус, если...

– Кто смеет называть меня трусом? – рявкнул Пол, рука его метнулась к рукояти криса.

Неловкое молчание опутало стоявших поблизости, быстро поползло в стороны.

– Есть дело, и его нужно сделать, – сказал Пол. Говоривший отшатнулся. Раздвинув плечами толпу, Пол подошел к карнизу, легко вспрыгнул на него и обратился лицом к людям.

– Так делай же его, – пронзительно выкрикнул кто-то.

Толпа зашепталась, забормотала.

Пол подождал, пока все умолкли. Тишина настала не сразу, то тут, то там шаркали ногами, покашливали. Когда пещеру охватила полная тишина, Пол поднял голову и сказал голосом, проникавшим в глубочайшие закоулки сознания:

– Вы устали от ожидания.

И вновь выдержал паузу, пока смолкали крики одобрения.

«Они и в самом деле устали от ожидания», – подумал он, раскрывая цилиндр. Он еще не видел, что в нем. Мать, передавая его, успела только шепнуть, что предмет удалось отобрать у курьера Харконненов.

Сообщение было исчерпывающе ясным: Раббана оставили на Арракисе одного! Ни на подкрепление, ни на помощь барона впредь рассчитывать он не мог!

Пол вновь возвысил голос:

– Вы думаете, что мне пора вызвать на поединок Стилгара и взять на себя командование! – И, прежде чем они успели отреагировать, обрушил на них всю мощь своего гнева. – Вы думаете, что Лисан аль-Гаиб столь глуп?

Все ошарашенно умолкли.

«Он принимает сан религиозного вождя, – подумала Джессика. – Иного выхода нет!»

– Но это же обычай! – крикнул кто-то.

Пол сухо проговорил, прощупывая эмоциональный настрой людей:

– Времена меняются.

Из угла пещеры раздался сердитый голос:

– Это мы решим, что менять!

В толпе послышались разрозненные крики одобрения.

– Ну, как хотите, – ответил Пол.

И Джессика услышала в этих словах тонкие обертоны Голоса, которому она его и учила когда-то.

– Хотите решать – решайте, – согласился Пол, – только сперва выслушайте меня.

Стилгар подошел к ним по краю карниза, бородатое лицо его было невозмутимо.

– И это – тоже обычай, – промолвил он. – Любой фримен имеет право высказываться на совете. А Муад'Диб – фримен.

– Главное всего благоденствие племени, не так ли? – спросил Пол.

Тем же безразличным тоном Стилгар ответил:

– Этим правилом определяются все наши поступки.

– Хорошо, – продолжил Пол. – И кто же правит нашим отрядом, нашим племенем... кто правит всеми племенами и отрядами, которые наши инструкторы обучили невероятному бою?

Пол дожидался ответа, глядя сверху на головы собравшихся. Ответа не последовало. Наконец он сказал:

– Разве Стилгар правит всеми нами? Он и сам признает, что это не так. А может быть, это я правлю? Ведь тот же Стилгар выполняет мои распоряжения, а мудрецы ваши, мудрейшие из мудрых, прислушиваются ко мне на советах и высказывают свое уважение.

Толпа вновь шумно зашевелилась.

– Так, – продолжал Пол. – Или правит моя мать? – Он указал пальцем вниз, на облаченную в полагающуюся ей по сану мантию Джессика. – Ведь Стилгар и остальные вожаки отрядов советуются с ней почти по любому поводу. Вам это известно. Но разве Преподобная Мать ступает на песок или возглавляет набег на Харконненов?

Лица, которые Пол мог видеть, нахмурились, но сердитые шепотки не умолкали.

«Он идет опасным путем», – подумала Джессика, вспомнив про цилиндр и весть, которая в нем таилась. Она понимала намерения Пола: проникнуть в самую глубину их сомнений, рассеять их – и тогда все последуют за ним.

– Никто, ни один мужчина, не признает верховодства над собой без поединка, так? – спросил Пол.

– Таков обычай! – крикнул кто-то.

– Чего мы добиваемся? – спросил Пол. – Мы хотим прогнать Раббана Харконнена, этого зверя... сделать из нашей планеты мир, где можно будет воспитывать наших детей, не заботясь о воде. Этого мы хотим?

– Трудное дело – суровые пути, – отозвался кто-то в толпе.

– Кто из вас сломает свой нож перед битвой? – резко спросил Пол. – Я говорю вам, и это правда – не хвастовство и не вызов: среди вас нет никого, кто смог бы победить меня в поединке. Это относится и к Стилгару, он это знает. Все вы знаете это.

И снова толпа сердито заворчала.

– Многие из вас пробовали свои силы против меня на тренировках, – сказал Пол. – И вы знаете, мои слова – не пустое хвастовство. Вы все это знаете, и я был бы глуп, если бы сам не знал об этом. Просто меня начали учить этому раньше, чем вас, а воинов, искуснее моих учителей, у вас нет. Разве иначе я смог бы одолеть Джемиса в том возрасте, когда ваши мальчишки еще только учатся биться тупыми ножами.

«Он неплохо управляет ими Голосом, – подумала Джессика, – но для этих людей слов мало. Они хорошо защищены от голосового воздействия. Их следует еще и увлечь логикой».

– А теперь, – сказал Пол, – смотрите, вот. – Он поднял цилиндрик, вынул из него ленту. – Эту штуку мы отобрали у курьера Харконненов. В подлинности послания нельзя сомневаться. Оно адресовано Раббану. В нем говорится, что в подкреплениях, в свежих частях, ему будет отказано, раз сбор специй упал много ниже нормы. И что со всеми силами, которые есть в его распоряжении, он мог бы выжать из Арракиса больше.

Стилгар встал рядом с Полом.

– Ну, многие из вас понимают, что это значит? – спросил Пол. – Стилгар все понял немедленно.

– Они отрезаны! – выкрикнул кто-то.

Пол спрятал цилиндрик с сообщением в кушак. Потом стянул с шеи шнурок из шигафибра, снял с него кольцо и поднял вверх.

– Вот герцогская печать моего отца. Я поклялся, что не надену ее, пока не смогу овладеть всем Арракисом и провозгласить его своим законным владением. – Он надел печатку на палец и стиснул кулак.

Полнейшее молчание охватило пещеру.

– Кто правит здесь? – спросил Пол, подымая кулак. – Я правлю здесь! Я правлю каждым дюймо́м этих пустынь. Здесь мой фэйф, что бы ни говорил Император. Он отдал его моему отцу, а я унаследовал его от отца.

Пол привстал на носки, потом опустился на пятки. Вглядываясь в толпу, он ощущал ее реакцию. «Еще чуть-чуть», – подумал он.

– И есть люди, которые займут важное положение на Арракисе, когда Империя вынуждена будет принять мои условия, – продолжил Пол. – Один из этих людей – Стилгар. И я вовсе не хочу откупиться от него. Не из одной благодарности займет он свое место, хотя я, как и многие здесь, обязан ему своей жизнью. Нет! Потому лишь, что он мудр и силен. Потому, что он правит своим ситчем, повинаясь собственному разуму, а не одним обычаям. Вы думаете – я глуп? Вы думаете – я отрежу свою правую руку и брошу ее истекать кровью здесь, на полу пещеры, только чтобы развлечь вас?

Пол жестко оглядел собравшихся.

– Кто здесь дерзнет сказать, что не я законный правитель Арракиса? Или мне придется доказать это, прирезав каждого вождя фрименов во всем эрге?

Стилгар шевельнулся рядом с Полом, вопросительно поглядел на него.

– Разве стану я ослаблять собственные силы, когда они мне нужнее всего? – спросил Пол. – Я – ваш правитель, и я говорю вам: не время нам теперь убивать друг друга, пора обрушиться всей силой на истинных наших врагов... На Харконненов!

Молниеносным движением Стилгар извлек свой крис и, взмахнув им над головами толпы, провозгласил:

– Да здравствует герцог Пол-Муад'Диб!

Оглушительный рев огласил пещеру, перекатываясь из угла в угол. Они выкрикивали нараспев:

– Я хья чухада! Муад'Диб! Муад'Диб! Я хья чухада!

Джессика повторила про себя: «Да здравствуют бойцы Муад'Диб!»

Все сработало так, как и замыслили они втроем со Стилгаром.

Крики начали медленно затихать.

Когда вновь воцарилось молчание, Пол обернулся к Стилгару и сказал:

– Стилгар, на колени!

Тот немедленно опустился.

– Дай мне свой крис, – произнес Пол. Стилгар повиновался.

«Мы замышляли не так», – подумала Джессика.

– Повторяй за мной, Стилгар, – приказал Пол, вспоминая слова присяги, которую слышал при отце. – Я, Стилгар, получил этот нож из рук моего герцога...

– Я, Стилгар, получил этот нож из рук моего герцога, – повторил Стилгар, принимая молочно-белый клинок из рук Пола.

– И там будет мой нож, куда пошлет его герцог.

Медленно и торжественно Стилгар повторил эти слова. Вспомнив о Лето, Джессика еле сдержала слезы, тряхнула головой. «Раз понятны причины, – подумала она, – нельзя позволять себе так волноваться».

– Этот клинок будет служить моему герцогу и сеять смерть среди врагов его, пока течет кровь в моих жилах, – закончил Пол.

Стилгар повторил.

– Поцелуй нож, – приказал Пол.

Стилгар повиновался, а потом, по обычаю фрименов, поцеловал десницу Пола. Повинуясь его кивку, он убрал клинок в ножны, поднялся на ноги.

Толпа потрясено вздохнула, до Джессики донеслись слова: «Гласит пророчество: Бинэ Гессерит покажет нам путь, и Преподобная Мать увидит его». Из дальнего угла кто-то крикнул:

– Она показывает нам путь руками сына.

– Этим племенем предводительствует Стилгар, – объявил Пол. – Пусть никто не дерзнет оскорбить его. Я говорю его устами. Его приказы – мои приказы.

«Мудро, – решила Джессика. – Вождь племени не должен терять лица перед теми, кто ему повинуются».

Пол негромко сказал Стилгару:

– Вышли этой же ночью пескоходов, разошли сайелаго, я собираю совет. А потом приведи Хатта, Корбу, Отейма и еще пару лейтенантов по своему выбору ко мне в комнаты – надо готовить план битвы. Совет вождей, когда они соберутся, следует начать с сообщения о победе!

Кивком Пол подозвал к себе мать. Вместе они спустились с возвышения и через толпу направились к центральному проходу, окруженному жилыми комнатами. Из толпы к Полу протягивались руки, его окликали.

– Муад'Диб, нож мой будет там, куда пошлет его Стилгар! Веди нас в бой, Муад'Диб! Пора залить этот мир кровью Харконненов!

Взвешивая эмоции толпы, Джессика поняла – их оружие отточено. Эти люди готовы к бою и уже не могли быть еще более готовыми. «Мы ведем их в бой в точке наивысшего воодушевления», – подумала она.

Оказавшись в своей внутренней комнате, Пол усадил мать, сказал ей «Подожди» и нырнул, раздвинув занавеси, в боковой проход.

Когда он исчез, в комнате стало тихо, так тихо... сюда не доносился даже слабый шелест вентиляторов, гнавших воздух в ситче.

«Должно быть, приведет сейчас Гарни Холлика», – подумала она и удивилась странному сочетанию эмоций в своей душе. Гарни и его музыка... на Каладане с ними всегда были связаны часы удовольствия... Так было до Арракиса. Там, на Каладане, жила не она – кто-то другой. За прошедшие после отъезда неполные три года она изменилась... Совсем. И увидеть вновь Гарни – значило вновь переосмыслить свое перерождение.

Справа от нее на низком столике покоился кофейный сервиз Пола – рифленые чашки из сплава серебра с яшмиумом, те, которые он унаследовал от Джемиса. Она посмотрела на сервиз, подумав, сколько же рук прикасалось к этому металлу. Чани уже месяц подавала в нем Полу кофе.

«Зачем теперь эта женщина, обитательница пустыни, герцогу? – думала она. – Разве только чтобы подавать ему кофе? За ней не стоит семья, она не укрепляет его власть. Полу остается один только шанс – заключить брачный союз с каким-нибудь из Великих Домов, быть может, и с императорским Домом. В конце концов, там есть принцессы на выданье, и все они воспитаны нами, Дочерьми Гессера».

И Джессика представила, как она оставляет грубый мир Арракиса, чтобы вести жизнь матери принца-консорта в могуществе и безопасности. Оглядев завешанные коврами стены, она вспомнила, как ехала сюда: целый табун червей вокруг паланкина и грузовые платформы, забитые всякими нужными в грядущей кампании вещами.

Пока жива Чани, Пол не поймет, что он обязан сделать, – ведь она родила ему сына, для него это главное.

Вдруг внезапное желание видеть внука, мальчика, внешность которого так напоминала ей черты его деда, ее погибшего Лето, охватило ее. Джессика прижала ладони к щекам и приступила к ритуальной дыхательной гимнастике, что успокаивала чувства и

проясняла разум. А потом нагнулась вперед в обрядовой позе, подчинявшей тело разуму.

Пол выбрал Птичью пещеру в качестве командного поста. Его выбор трудно было оспорить. А это было идеальное место – она это знала. И на север отсюда уходил Проход Ветров, он вел к деревне в котловине, защищенной крутыми утесами, – важному населенному пункту, где жили мастера и инженеры, где была станция обслуживания всей военной техники Харконненов.

Снаружи, у входа за коврами, кто-то кашлянул. Джессика выпрямилась, глубоко вдохнула, медленно выдохнула.

– Войди, – сказала она.

Занавеси распахнулись, и в комнату влетел Гарни Холлик. Она успела лишь заметить странную гримасу на его лице... Моментально оказавшись сзади, он обхватил ее шею мускулистой рукой и поставил на ноги.

– Гарни, идиот, что ты делаешь? – возмутилась она.

И почувствовала спиной острие ножа. Холодок побежал по коже. Она сразу же поняла, что Гарни хочет убить ее. Почему? Причины она не видела, такие люди не предают. Но в намерениях его трудно было усомниться. Мозг ее лихорадочно заработал в поисках выхода. Это нелегкий соперник. Убийца, знающий и о Голосе, знающий все стратагемы боя, все приемы, несущие боль и смерть. Человек-оружие, которое она сама помогала оттачивать тонкими замыслами Бинэ Гессерит.

– Ты решила, что спаслась, а, ведьма? – оскалился Гарни.

Прежде чем она успела что-либо сообразить и ответить, занавеси раздвинулись и в комнату вошел Пол.

– Вот и он, ма... – Пол замолк, увидев происходящее.

– Оставайтесь на своем месте, милорд, – произнес Гарни.

– Что... – Пол качнул головой.

Джессика попыталась заговорить, но тяжелая рука сдавила ей горло.

– Ты, ведьма, будешь говорить, лишь когда я разрешу, – сказал Гарни. – Я хочу, чтобы ты кое-что рассказала своему сыну. При первом же признаке какого бы то ни было выпада против меня этот нож окажется в твоём сердце. Голос твой останется ровным. Известными тебе мускулами ты не осмелишься даже пошевелить. И чтобы твоя

жизнь продлилась еще на несколько секунд, води себя осторожно... весьма осторожно. Заверяю тебя, жить тебе осталось недолго.

Пол шагнул вперед:

– Гарни, что это...

– Оставайтесь на месте! – обрезал Гарни. – Еще один шаг – и она умрет.

Рука Пола скользнула к рукояти ножа. Смертельно спокойным тоном он произнес:

– Немедленно объясни свои поступки, Гарни.

– Я поклялся убить изменницу... – начал Гарни, – что предала твоего отца... Или я забыл, по-вашему, человека, который вытащил меня из ямы, куда бросают рабов Харконнены?.. Человека, который дал мне жизнь, честь и свободу... который наградил меня своей дружбой, ее я ценю на свете выше всего. И сейчас предательница у меня в руках, и никто не остановит меня.

– Гарни, ты не можешь ошибаться сильнее, – сказал Пол.

А Джессика подумала: «Так вот в чем дело! Какая ужасная ирония судьбы!»

– Это я ошибаюсь? – выпалил Гарни. – Пусть она все расскажет сама. И пусть она имеет в виду, я сам разведывал, расспрашивал, подкупал – и все подтвердилось. Сам капитан охраны барона за семуку выдал ее.

Рука слегка отпустила горло Джессики, но Пол не дал ей заговорить:

– Нас предал Юэ. Это я знаю, Гарни. Свидетельства тому исчерпывающие, их нельзя оспорить. Мне не важно, каким путем ты пришел к своим пустым подозрениям... иначе их не назовешь. Но если ты причинишь какой-нибудь вред моей матери... – Пол вынул из ножен крис и выставил его вперед, – ...твоя кровь будет моей.

– Юэ же был врач, психика его была подвергнута обработке, он мог лечить королей, – огрызнулся Гарни. – Как мог он стать предателем?

– Я знаю, как снимать имперскую обработку, – ответил Пол.

– Доказательства, – потребовал Гарни.

– Они далеко отсюда, – ответил Пол, – в ситче Табр, на юге, но если...

– Это обман, – прорычал Гарни, вновь стиснув горло Джессики.

– Нет, Гарни, – со страшной, разрывавшей сердце Джессики печалью возразил Пол.

– Но я же видел депешу, перехваченную вместе с агентом барона, – сказал Гарни. – Она совершенно ясно указывала на...

– Я ее тоже видел, – перебил его Пол. – Отец показал мне ее тогда же ночью и объяснил, зачем Харконнены решили бросить тень подозрений на женщину, которую он любил.

– А! – воскликнул Гарни. – Ты не...

– Спокойно, – сказал Пол, и ровный его голос повелевал, как ни один из тех голосов, которые приводилось слышать Джессике. «Он овладел Великим контролем», – подумала она.

Рука Гарни на ее шее дрогнула, острие ножа за спиной нерешительно дернулось.

– Ты не слышал, – продолжил Пол, – как мать оплакивала той ночью своего убитого герцога. И ты не видел ненависть к его убийцам в ее глазах.

«Значит, он все слышал», – поняла она, слезы заволокли ее взор.

– А еще ты не понял того, – продолжил Пол, – что должен был бы понять в подземной тюрьме Харконненов. Ты утверждаешь, что до сих пор гордишься дружбой отца! Разве ты еще не понял разницы между Харконненами и Атрейдесами, разве ты не чувствуешь вонь харконненских замыслов? Разве ты не знаешь, что Атрейдесы платят любовью за преданность, а Харконнены добиваются *покорности ненавистью*? Разве не ясно это было из самой природы предательства?

– Но Юэ? – пробормотал Гарни.

– У меня есть записка Юэ, где он сам признается во всем. И я клянусь в этом всей любовью к тебе, которая не исчезнет, даже если мне придется сразить тебя.

Слушая эти слова, Джессика не переставала удивляться самообладанию сына, глубине его проницательности.

– Мой отец каким-то инстинктом умел выбирать друзей, – сказал Пол. – Он не часто оделял людей своей любовью, но никогда не ошибался в них. Но один раз он ошибся... он не понимал сути ненависти. Он решил, что если человек ненавидит Харконненов, то никогда не предаст его. – Пол поглядел на мать. – Она знает это. Я передал ей слова отца – он просил меня рассказать ей после его смерти, что он никогда не сомневался в ней.

Почувствовав, что теряет контроль над собой, Джессика закусилла нижнюю губу. Под жесткой сдержанностью слов она видела боль, чувствовала, чего стоит этот разговор ее сыну. Она хотела бы подбежать к нему, так обнять, так прижать к груди, как еще никогда в жизни. Но рука у ее горла вновь обрела твердость, и острое ножа упиралось в спину.

— Одним из самых ужасных моментов в жизни подростка, — сказал Пол, — является тот, когда он обнаруживает, что и мать его, и отец — просто люди, и их связывает любовь, которая ему не очень понятна. Это потеря, внезапное пробуждение, тогда осознаешь, что вокруг тебя мир и ты один в нем. Это правда, такого момента не избежать никому. Я слышал, как отец говорил о матери. Она не предавала его, Гарни.

Джессика почувствовала, что обрела голос, и сказала:

— Гарни, отпусти меня.

Обычным голосом, без каких-нибудь особых ухищрений, не пытаясь подчинить его словами, но рука Гарни упала. Она подошла к Полу, остановилась перед ним, не прикасаясь к нему.

— Пол, — начала она, — в этой Вселенной случаются и другие ужасные открытия. Я вдруг поняла, как скверно я обращалась с тобой, как манипулировала и орудовала тобой, стараясь направить на выбранный мною путь... который мне *пришлось* выбрать, если это может меня оправдать. — Она проглотила комок в горле, заглянула сыну в глаза. — Пол, я хочу, чтобы ты кое-что обещал мне. Будь хоть ты счастлив. Если хочешь, женись на своей пустынной женщине, кто бы ни противился этому. Но выбери собственный путь. Не мне...

Она умолкла, за спиной послышался чей-то шепот.

Гарни!

Она увидела глаза Пола, обращенные не на нее, обернулась.

Гарни стоял на том же месте — нож его был уже в ножнах — и рвал на груди бурнус, открывая серую гладкую поверхность конденскостюма... Такие костюмы контрабандисты заказывали в ситчах Вольного народа.

— Вонзите же нож в эту грудь, — простонал Гарни, — убейте меня, говорю, и скорее. Я опозорил собственное имя, я предал своего герцога! Лучше...

— Тихо! — сказал Пол.

Гарни, замолчав, уставился на него.

– Застегнись и перестань валять дурака, – сказал Пол, – сегодня с нас уже довольно глупостей.

– Убейте меня, говорю! – в ярости выкрикнул Гарни.

– Ну, знаешь, – сказал Пол, – похоже, все считают меня идиотом! Неужели я должен разделаться с каждым из тех, кто мне нужен?

Гарни перевел взгляд на Джессику и не похожим на собственный, отстраненным, умоляющим голосом произнес:

– Тогда вы, миледи, пожалуйста... убейте меня.

Джессика подошла к нему, положила руки на плечи:

– Гарни, ну почему ты вдруг решил, что Атрейдесы должны убивать всех, кого любят?

Ласковыми прикосновениями она вынула из его пальцев растерзанный ворот, застегнула его.

Гарни, запинаясь, произнес:

– Но... я...

– Ты думал, что воздаешь должное памяти моего герцога, – ответила она, – благодарю тебя за это.

– Миледи, – проговорил Гарни. Он уронил подбородок на грудь, сквозь стиснутые ресницы выступили слезы.

– Будем считать, что это просто недоразумение среди старых друзей, – сказала она. Пол слышал умиротворяющие, успокаивающие нотки в ее тоне. – Все кончилось, и хорошо, что больше не придется возвращаться к этой теме.

Гарни открыл увлажнившиеся глаза, поглядел на Джессику.

– Гарни Холлик, которого я знала, был адептом и клинка, и музыки, – сказала Джессика, – и мне больше всего он нравился за бализетом. Разве не помнит Гарни Холлик, как, бывало, часами я наслаждалась его музыкой? Уцелел бализет, а, Гарни?

– Теперь у меня новый, – ответил Холлик, – привезенный с Чусука. Неплохой инструмент, по звуку похож на работу Вароты, только подписи нет. Я думаю, его изготовил кто-нибудь из учеников Вароты... – Он вдруг умолк. – Что мне сказать вам, миледи? Как я могу болтать здесь о...

– Это не болтовня, Гарни, – сказал Пол. Он стоял теперь рядом с матерью, лицом к лицу с Гарни. – Это не болтовня. Мы рады слышать тебя. И если можешь, сыграй – для нас это будет подарком. А битвы и планы могут подождать. В бой идти завтра, еще есть время.

– Мне... мне надо взять бализет, – пробормотал Холлик. – Я оставил его у входа. – Обойдя их обоих, он исчез за покрывалом.

Положив ладонь на руку матери, Пол почувствовал, что она дрожит.

– Все закончилось, мать, – сказал он.

Не поворачивая головы, она искоса глянула на него:

– Закончилось ли?

– И, конечно, Гарни...

– Гарни? Ах, да... – Она опустила глаза.

Зашуршали занавеси. Гарни вернулся с бализетом.

Опустив глаза, он принялся настраивать инструмент. Драпировка, ковры и подушки глушили звук, делая его интимным и тихим.

Пол подвел мать к подушкам, она села, прислонившись спиной к толстым коврам на стене. Вдруг он обратил внимание, как состарила ее пустыня – эти иссушенные морщины, расходящиеся от ее глаз, покрытых голубой дымкой.

«Она устала, – подумал он, – нужно найти способ облегчить ее ношу».

Гарни взял аккорд.

Пол поглядел на него:

– Вот что... мне нужно кое-что сделать. Подождите меня здесь.

Гарни кивнул. Он словно был уже в невообразимой дали под чистым небом Каладана... И дальняя тучка на горизонте обещала разразиться дождем.

Пол заставил себя повернуться, раздвинув тяжелые занавеси, он вышел в боковой проход. Гарни позади затянул песню. На мгновение Пол остановился, внимая словам и далекой музыке:

Виноградник мой полон гурий,
Полногрудые передо мною,
И краснеет чаша вина,
Почему же мне снились битвы,
И стертые в пыль скалы,
И в пыли – мои следы?
Небеса распахнуты настезь,
Осыпают меня жемчугами —
Не ленись, нагнись, подбери!

Почему мои мысли – о схватках
И о яде в литой чаше?
Почему я сегодня стар?
И пусть руки белые манят,
И пусть дразнят нагие груди,
Пусть сулят мне блаженство рая —
Мне сегодня – помнить о ранах...
И мне снились скитанья былые,
И был этот сон так тревожен.

Из-за угла показался облаченный в бурнус курьер-фидаин. Капюшон он отбросил на спину, а завязки конденскостюма болтались у него на шее – значит, только что прибыл из пустыни.

Пол жестом приказал ему остановиться, выпустил из рук занавеси, прикрывавшие вход.

Мужчина склонился перед ним, сомкнув спереди руки, – так подобало приветствовать Преподобную Мать или сайидину обрядов – и сказал:

– Муад'Диб, вожди начали собираться на совет.

– Так скоро?

– Те, которых Стилгар пригласил заранее, когда все еще считали... – Он пожал плечами.

– Вижу. – Пол вновь оглянулся на слабый звук бализета, припоминая старую песню, которую почему-то захотела услышать его мать. Игривая, веселая мелодия странно контрастировала с грустными словами. – Скоро вместе с остальными сюда прибудет Стилгар. Проводи их к моей матери, она ждет их.

– Я подожду их здесь, Муад'Диб, – произнес вестник.

– Да... да, так и сделай.

Оставив фримена у входа, Пол направился в глубь пещеры, к месту возле котловины с водой, что имелось в каждом ситче. Там, между рытвинами, содержали крохотного Шай-Хулуда – недоростка, не длиннее девяти метров. Делатель, отделившийся от малых делателей, избегал воды: она была для него ядом. Утопив делателя в воде – и это являлось величайшим их секретом, – фримены получали

объединяющую Воду Жизни, яд которой могла преобразовать только Преподобная Мать.

Решение Пол принял в тот момент, когда матери угрожала опасность. Ни в каком из вариантов будущего не видел он, что Гарни Холлик вдруг станет опасен. Будущее бурлящим серым облаком опутывало его, призрачный мир шествовал к бурной развязке.

«Я должен увидеть все, что скрывается за пеленой», – подумал он.

Организм его постепенно приобретал невосприимчивость к специи, и провидческие видения посещали сознание гораздо реже, становясь при этом все смутнее. Решение было очевидным.

«Придется утопить делателя. И тогда проверим, на самом ли деле я – Квизац Хадерач, мужчина, которому по силам выдержать испытание, что проходит каждая Преподобная Мать».

И случилось в третий год пустынной войны, что лежал Муад'Диб в глубинах Птичьей пещеры, в каменной келье под покрывалами кисва. Словно мертвый лежал он, поглотило его откровение, принесенное Водой Жизни, – ядом, дающим жизнь, что унес Муад'Диб за пределы времен. Так стало правдой пророчество. Гласило оно: «Лисан аль-Гаиб может быть сразу и жив, и мертв».

Принцесса Ирулан. «Избранные легенды Арракиса»

Чани поднималась по пескам в предрассветной мгле к скалам, вдали затихал шум удалявшегося топтера, что принес ее с юга в котловину Хаббанья, а теперь упорхнул куда-то к дальнему укрытию. Вокруг нее, чуть поодаль, держалась охрана. Воины внимательно оглядывали скалы, выискивая опасность, и – она поняла это – давали ей, женщине Муад'Диб, матери его первенца, то, в чем она больше всего и нуждалась, – возможность побыть одной.

«Зачем он вдруг вызвал меня? – спрашивала она себя. – Ведь он только что велел мне оставаться на юге с маленьким Лето и Алией».

Подобрав одеяние, она легко вспрыгнула на скальный порог, на ведущую вверх тропку, которую могли заметить лишь глаза живущих в пустыне. Под ногами шуршала галька, Чани легко перепархивала по неровной поверхности, ступая с привычной ловкостью.

Трудный подъем утомлял, напряжение прогоняло страх, который заронили в ее сердце молчание, отстраненность эскорта и тот факт, что за ней прислали один из драгоценных для них топтеров. В душе ее что-то подрагивало в предвкушении встречи с Пол-Муад'Дибом, ее Усулом! Пусть воинским кличем разносилось над всей пустыней – «Муад'Диб! Муад'Диб!» – но она знала другого. Его и звали иначе – нежного любовника, отца ее сына.

Сверху на скалах показалась фигура рослого мужчины, он махнул рукой, призывая поторопиться. Она ускорила шаг. Вокруг уже посвистывали дневные птицы, взмывали в небо. На востоке ширилась узкая ленточка света.

Фигура на скалах... человек этот был не из ее эскорта. Должно быть, Отейм, решила она, подметив движения и манеру держаться. Подойдя поближе, она разглядела широкое плоское лицо лейтенанта фидайинов, капюшон его был откинут, фильтр свободно болтался, как будто Отейм лишь ненадолго вышел в пустыню.

– Поспеси, – шепнул он, и тайной расщелиной они направились к замаскированному входу в пещеру. – Скоро рассветет, – продолжил он, придерживая гермоклапан и пропуская ее вперед. – Харконнены от отчаяния принялись патрулировать эти края. Сейчас нам нельзя рисковать.

Через узкий боковой вход они вступили в Птичью пещеру. Засветились шары. Отейм скользнул вперед, промолвил:

– Иди за мной. Живее.

Они торопились вниз: длинный коридор, еще одна дверь с клапаном, вновь коридор... за занавески, в комнату, что была альковом сайидины в те дни, когда эта пещера использовалась лишь для дневок, для отдыха. Теперь ее пол устилали ковры, на коврах – подушки; стены занавешены гобеленами с изображениями красного ястреба. Низкий полевой стол сбоку сплошь завален бумагами, исходящий от них аромат корицы выдавал материал, из которого бумага была изготовлена.

Прямо напротив входа сидела Преподобная Мать, совершенно одна. Она подняла голову – ушедший в себя взгляд повергал в трепет непосвященных.

Отейм сложил перед собой ладони и произнес:

– Я привез Чани.

Поклонившись, он вышел. «Как я скажу это Чани?» – подумала Джессика.

– Как мой внук? – спросила она.

«Вот и ритуальное приветствие, – подумала Чани, страх ее вернулся. – Где Муад'Диб? Почему он не вышел поздороваться?»

– Здоров и счастлив, о моя мать, – отвечала Чани. – Я оставила их с Алией под опекой Хары.

«Моя мать, – подумала Джессика. – Да, она вправе приветствовать меня этими словами, ведь она родила мне внука».

– Я слышала, что из ситча Коануа нам прислали в подарок ткани, – сказала Джессика.

– Красивые ткани, – отозвалась Чани.

– Алия просила мне что-нибудь передать?

– Нет. Но теперь ситч успокаивается, люди примирились с нею, как с чудом.

«Что она тянет, – думала Чани, – раз за мною прислали топтер, значит, была срочная необходимость. Зачем тогда эта пустая вежливость?»

– Пусть из какого-нибудь куска сошьют одежду для маленького Лето.

– Как пожелаешь, мать моя, – сказала Чани. Опустив глаза, она спросила: – Нет ли вестей о битвах? – Лицо она укрыла, чтобы Джессика не догадалась, что вопрос ее о Муад'Дибе.

– Новые победы, – ответила Джессика. – Раббан осторожно намекнул о перемирии. Его посланцы вернулись к нему... без своей воды. Он даже уменьшил налоги кое-где, в деревнях впадин. Но уже слишком поздно, люди поняли, что он решился на это из страха перед нами.

– Да, все идет, как предвидел Муад'Диб, – сказала Чани. Поглядев на Джессику, она постаралась сдержать свои страхи. «Я назвала его имя... но она никак не отреагировала. На этом гладком камне, который она зовет своим лицом, не прочесть ничего... но оно какое-то уж

слишком застывшее. Почему она столь спокойна? Что случилось с моим Усулом?»

– Хорошо бы остаться там, – сказала Джессика. – Оазисы были так хороши, когда мы уезжали. Ну как не ждать того дня, когда вся наша земля зацветет, словно южные края?

– Земля там прекрасна, – согласилась Чани, – но с красотой ее смешано много горя.

– Горе – оковы победы, – произнесла Джессика.

«Или она подготавливает меня?» – подумала Чани и сказала:

– Женщины совсем истосковались без мужей, все так завидовали, узнав, что меня вызывают на север.

– Тебя вызвала я, – ответила Джессика.

Чани почувствовала, как заколотилось ее сердце. Ей вдруг захотелось прикрыть уши руками, чтобы не слышать, что сейчас скажет Джессика. Но ровным голосом она сумела ответить:

– Послание было подписано его именем.

– Я подписала его в присутствии лейтенантов Пола, – сказала Джессика. – Это вынужденная предосторожность. – И подумала: «Храбрая женщина у моего Пола, страх почти овладел ею, а она все не изменила своего тона. Да. Быть может, именно она-то и поможет».

С легчайшей ноткой тревоги Чани произнесла:

– Ну, а теперь скажи то, что мне следует услышать?

– Ты нужна мне... чтобы вернуть к жизни Пола, – сказала Джессика, успев про себя подумать: «Так! Правильные слова. Вернуть к жизни. Она поймет, что Пол жив, но в опасности. Именно такой смысл увидит она за этими словами».

Только момент потребовался Чани, чтобы успокоиться.

– Что я могу сделать? – спокойно произнесла она, ей хотелось наброситься на Джессику, тряхнуть ее за плечи, крикнуть: «Где он?» Но она молча ждала ответа.

– Подозреваю, – сказала Джессика, – что Харконненам удалось заслать к нам агента, чтобы отравить Пола. Другого объяснения я не нахожу. Какой-то совершенно необыкновенный яд. Я проверила его кровь всеми мыслимыми способами, но так ничего и не нашла.

Чани встала возле нее на колени:

– Значит, яд? Ему больно? Могу я...

– Он без сознания, – продолжала Джессика, – жизненные процессы в его теле замедлились настолько, что их удалось обнаружить лишь благодаря тончайшей технике. Я просто содрогаюсь от мысли, что могло бы случиться, если бы не я первой обнаружила его. Непосвященному взору он кажется мертвым.

– Ты вызвала меня не просто из сочувствия, Преподобная Мать, – ответила Чани. – Я знаю тебя. Так что же могу сделать я, раз ты бессильна?

«Как она храбра, очаровательна и – ах-х! – как восприимчива, – подумала Джессика. – Какая Дочь Гессера получилась бы из нее!»

– Чани, – сказала Джессика, – может быть, ты и не согласишься мне, но я не знаю, зачем я послала за тобой. Какой-то инстинкт... интуиция. Просто сама собой пришла мысль: «Надо послать за Чани».

И тут Чани заметила печаль на лице Джессики, боль в ее обращенном внутрь взгляде.

– Я сделала все, что умею, – сказала она. – Все... тебе будет трудно даже представить, насколько это «все» больше того, что называли бы другие этим словом. Но... я ничего не сумела.

– А этот старый друг, Холлик? – спросила Чани. – Не его ли рук дело?

– Исключено, – ответила Джессика.

Одно слово вместило целый разговор... Чани угадывала за ним проверки и перепроверки... воспоминания о былых неудачах.

Качнувшись назад, Чани поднялась на ноги, разгладила потрепанное в пустыне облачение.

– Отведи меня к нему, – сказала она. Джессика поднялась, повернулась к занавесям у стены слева.

Чани последовала за ней и оказалась в бывшей кладовой. Теперь стены ее были занавешены тяжелыми тканями.

У дальней стены на походном матрасе лежал Пол. Лицо его освещал подвешенный прямо над головою шар. Черное одеяние покрывало его, руки были вытянуты вдоль тела. Видимо, его раздели и прикрыли одеялом. Кожа его казалась восковой. Он был совершенно неподвижен.

Чани подавила желание броситься вперед, повалиться головой на это недвижимое тело. Но мысли ее обратились в другую сторону, к их сыну, к Лето. И тут она поняла, что испытывала Джессика, когда ее

герцогу грозила смерть, когда приходилось заставлять себя искать пути спасения юного сына. И сочувствие к стоявшей рядом вдруг стало столь горячим, что Чани стиснула руку Преподобной. Ответное пожатие было даже болезненным.

– Он жив, – ответила Джессика, – уверяю тебя, он жив. Но ниточка, на которой держится его жизнь, столь тонка, что ее едва можно заметить. А среди вождей некоторые уже поговаривают, что моими устами говорит просто мать, не Преподобная, и я, мол, отказываю племени в воде сына.

– И давно он в таком состоянии? – спросила Чани. Высвободив свою руку из ладони Джессики, она прошла в комнату.

– Три недели, – ответила Джессика, – и почти неделю я пыталась оживить его. Тут были и встречи, и споры... и расследование. Потом я послала за тобой. Фидайины повинуются моим приказаниям, иначе мне не удалось бы отсрочить... – Она замолкла и облизала пересохшие губы.

Чани подошла к Полу. Она застыла над ним: лицо его обрамляла мягкая юношеская бородка, высокий лоб, мужественный нос, сомкнутые глаза... мирное лицо, скованное жестоким покоем.

– А питание он получает? – спросила Чани.

– Потребности его плоти столь невелики, что в пище не было необходимости, – ответила Джессика.

– Многие ли знают о том, что произошло? – спросила Чани.

– Лишь его ближайшие советники, некоторые из предводителей, фидайины и, конечно, тот, кто дал ему яд.

– А кто это, есть ли хоть намек?

– Нет, мы не хотели расследования, – ответила Джессика.

– А что говорят фидайины? – спросила Чани.

– Они верят, что Пол находится в священном трансе, копит святость к заключительным битвам. Я поощряла именно эту точку зрения.

Чани опустилась на колени возле матраса, склонилась к лицу Пола. Она сразу ощутила слабый запах... но это была специя – вездесущая специя, пропитавшая все, к чему прикасаются руки фримена.

– Вы оба не рождены, как мы, среди специи, – проговорила Чани. – Не могло ли случиться, что тело его восстало против ее

избытка... Ты его проверяла?

– Аллергических реакций нет, – ответила Джессика.

От внезапно нахлынувшей усталости она закрыла глаза, только чтобы не видеть... «И сколько же я не спала! – подумала она. – Неужели так много?»

– Когда ты преобразуешь Воду Жизни, – сказала Чани, – ты делаешь это, углубляясь сознанием в себя. Его кровь ты проверила этим способом?

– Обычная кровь фримена, – ответила Джессика, – полностью приспособленного к здешним условиям и пище.

Сев на пятки, Чани внимательно вглядывалась в лицо Пола, мыслью подавив в себе страх. Этому умению она научилась, наблюдая за Преподобными. Время можно было заставить служить разуму. Только для этого была нужна предельная концентрация мысли.

Наконец она спросила:

– Делатель здесь есть?

– Несколько, – с тенью усталости в голосе ответила Джессика. – В такие дни без них не обойдешься. Каждую победу приходится благословлять, каждый обряд перед набегом...

– Но Пол-Муад'Диб всегда уклонялся от этих обрядов.

Джессика кивнула, припоминая двойственное отношение сына к получаемому из специи наркотику и ощущению видения будущего, которое он порождал.

– Откуда ты знаешь это? – спросила Джессика.

– Так говорят.

– Слишком уж многое говорят, – с горечью сказала Джессика.

– Пусть мне принесут сырую воду делателя, – сказала Чани.

Услышав повелительную интонацию в тоне молодой женщины, Джессика замерла на мгновение, но, заметив ее предельную углубленность, ответила:

– Сию минуту. – И скользнула за занавеси позвать водоноса.

Чани сидела, глядя на Пола. «Если бы только он сделал именно это, – думала она. – На подобное он мог решиться».

Джессика опустилась на колени рядом с Чани с простым походным кувшином. Резкий запах яда ударил молодой женщине в ноздри. Обмакнув в жидкость палец, она поднесла его к носу лежащего.

Кожа на переносице дернулась. Он медленно шевельнул ноздрями.

Джессика охнула.

Влажным пальцем Чани прикоснулась к верхней губе Пола.

Раздался долгий дрожащий вдох.

– Что это? – спросила Джессика.

– Тихо, – ответила Чани. – А теперь надо преобразовать для него немного священной воды. Быстро!

Не спрашивая более, чувствуя в словах Чани глубокий смысл, Джессика поднесла кувшин ко рту и пригубила.

Глаза Пола открылись. Он поглядел на Чани.

– Ей нет нужды преобразовывать воду, – ровным слабым голосом произнес он.

Ощувив вкус жидкости языком, Джессика почувствовала, как заторопилось тело, почти автоматически преобразуя яд. Во время этих манипуляций, неизменно сопровождавшихся эмоциональным подъемом, она почувствовала излучение жизни, исходящее от Пола... там, в глубине ее восприятия.

И тут она все поняла.

– Ты выпил священной воды! – выдохнула она.

– Одну только каплю, – ответил Пол, – маленькую...

– Как ты мог решиться на такую глупость? – возмутилась Джессика.

– Он твой сын, – ответила Чани.

Джессика яростно поглядела на нее.

Редкая гостья, теплая понимающая улыбка тронула губы Пола.

– Послушай мою любимую, – сказал он, – послушай ее, мать. Она знает.

– Он обязан уметь все, что могут сделать другие, – сказала Чани.

– Когда эта капля оказалась у меня во рту, когда я ощутил ее вкус и запах, все, что она творила со мной, – только тогда я по-настоящему понял, что произошло с тобой. Прокторы твоих Бинэ Гессерит твердят о Квизац Хадераче, но они даже представить себе не могут, в скольких местах я побывал. За несколько минут я... – Он умолк, нахмурясь, поглядел на Чани. – А ты что здесь делаешь, Чани? Ты же должна быть... Почему ты здесь?

Он попытался приподняться, опершись на локти. Чани ласково удержала его.

– Пожалуйста, мой Усул, – сказала она.

– Я чувствую себя таким слабым, – сказал он. Взгляд его метнулся по комнате. – И давно я здесь?

– Три недели ты пробыл в коме, такой глубокой, что казалось, даже искра жизни исчезла из твоего тела.

– Но ведь это была только капля, и я преобразовал ее, – сказал Пол. – Я преобразовал Воду Жизни. – И прежде чем Чани или Джессика успели его остановить, зачерпнул ладонью из широкого кувшина возле постели и вылил жидкость себе в рот.

– Пол! – отчаянно крикнула Джессика.

Он схватил ее за руку, обратил к ней смертельно исхудавшее лицо и послал свое сознание к ней.

Контакт получился другим: без нежности, сочувствия, жалости, как с Преподобной Матерью Рамалло или с Алией... Но контакт был, чувства их соединились. Он потряс ее, лишил сил, от страха она внутренне съежилась.

Он громко сказал:

– Ты говорила мне о месте, куда ты не смеешь войти? О черном месте, куда не смеет заглянуть Преподобная. Покажи мне его.

Она покачала головой, ужаснувшись самой этой мысли:

– Нет!

Но Пол не давал ей опомниться. Покоряясь его силе, она закрыла глаза, направила мысли к той тьме, что внутри.

Сознание Пола текло и вокруг, и сквозь нее, словно низвергаясь в разверзшуюся тьму. Она успела чуть заглянуть в это место, прежде чем разум ее в ужасе отшатнулся. Дрожь от увиденного, непонятно почему, сотрясала все ее существо. Там, во тьме, дул ветер, сыпались искры, пульсировали, расширяясь и сжимаясь, кольца света; извергаемые ветром из тьмы белые силуэты мелькали среди огней.

Наконец она открыла глаза, Пол глядел на нее. Он все еще держал ее руку, но и чувство контакта, и страх исчезли. Она подавила дрожь. Пол выпустил ее руку – и словно выбили костыль: Джессика попыталась подняться, пошатнулась и упала бы, если бы не Чани.

– Преподобная Мать? – спросила Чани. – Что случилось?

– Я устала, – прошептала Джессика. – Я так устала.

– Посиди, – предложила Чани, – посиди здесь. – И она помогла Джессике привалиться к стене.

Через юные руки, казалось, проходила жизненная сила. Джессика приникла к Чани.

– Он и в самом деле видел Воду Жизни? – спросила Чани, высвобождаясь.

– Он видел, – прошептала Джессика, разум ее все еще бушевал, не в силах успокоиться после контакта. Но теперь она, словно после многонедельного шторма, ступила на твердую землю. И все Преподобные в глубине ее сознания всполошились... Она чувствовала, как они спрашивают: «Что это? Что случилось? Что было в том месте?»

Но мысли эти таяли перед фактом – сын ее действительно Квизац Хадерач. Тот, кто мог быть сразу во многих местах. Воплощенная мечта Бинэ Гессерит. И все же осознание этого не успокаивало.

– Что случилось? – повторила Чани. Джессика покачала головой.

Пол произнес:

– В каждом из нас неразрывно слиты две древние силы – та, что дает, и та, что берет. Мужчине нетрудно заглянуть в то место своей души, где обитает берущая сила, но заглянуть в обиталище дающей он не может, оставаясь мужчиной. Женщине – наоборот.

Джессика увидела, что Чани не отводит от нее глаз, но слушает Пола.

– Ты понимаешь меня, мать? – спросил Пол.

Сил ей хватило, только чтобы кивнуть.

– Это голос седой древности, – сказал Пол, – чувства эти вросли в каждую клеточку нашего тела. Такие силы в основе нашей природы. Ты можешь сказать себе: «Да, я понимаю, как это происходит». Но когда заглянешь в глубь себя и окажешься прямо перед лицом грубой мощи, без какой-либо защиты, сразу поймешь: она может победить тебя. Нет большей угрозы для Дающего, чем сила, которая берет, и нет большей угрозы для Берущего, чем сила, которая дает. И так легко этим силам покориться!

– А ты, сын мой, – спросила Джессика, – ты из тех, кто дает, или из тех, кто берет?

– Я в точке равновесия, – ответил он, – я не могу дать, не взяв, и не могу взять, не... – Он умолк, поглядел на стену справа.

Чани почувствовала щекой легкое дуновение, повернувшись, заметила, как колыхнулась ткань.

– Там был Отейм, – сказал Пол, – он подслушивал.

В этих словах Чани услышала отзвук его пророческого дара, и то, что будет сейчас, она видела, словно все уже произошло: Отейм расскажет, что он видел и слышал, остальные разнесут слух, как огонь, по стране. «Муад'Диб не как все мужчины», – скажут они. Зачем волноваться? Да, он мужчина, но умеет видеть и в глубинах Воды Жизни, как это делают Преподобные. Он действительно Лисан аль-Гаиб.

– Ты видел будущее, Пол? – спросила Джессика. – Ты расскажешь нам, что ты видел?

– Не будущее, – ответил он, – я видел настоящее. – Он заставил себя сесть, отмахнувшись от Чани, бросившейся помогать. – Пространство над Арракисом полно кораблей Гильдии.

Уверенность, слышавшаяся в его тоне, потрясла женщин.

– Здесь и сам Падишах-Император, – продолжил Пол, подняв глаза к скалистому потолку пещеры, – и его верная ясновидящая, и пять легионов сардаукаров. Здесь и старый барон Владимир Харконнен, с ним и Сафир Хават, и семь кораблей, набитых всеми войсками, что удалось собрать. В небе над нами силы Великих Домов, и все они... ждут!

Не в силах отвести глаз от Пола, Чани качнула головой.

Станный, ровный его тон, пронизывающий взгляд наполняли ее благоговением.

В горле ее пересохло. Попытавшись сглотнуть, Джессика спросила:

– И чего они ждут?

Пол поглядел на нее:

– Разрешения на посадку. Гильдия удавит любого, кто сядет на Арракисе без ее разрешения.

– Так, значит, Гильдия нас защищает? – спросила Джессика.

– Защищает! Гильдия-то и спровоцировала конфликт. Они повсюду разнесли вести о том, что мы делаем здесь, после чего снизили цены на проезд, так что они вдруг оказались доступными и для самых беднейших Домов. Сейчас все они мечтают об одном – как будут грабить нас.

Джессика услышала горечь в его голосе и удивилась. Сомневаться в его правоте она не могла, слова его звучали столь же убедительно, как в ту ночь, когда он рассказывал ей о том, что ждет их среди фрименов.

Пол глубоко вздохнул и сказал:

– Мать, придется тебе потрудиться. Нам нужна Вода Жизни, много Воды и катализатора. Ты, Чани, вышли разведчиков, пусть найдут предспециевую массу. Если мы разместим Воду Жизни над предспециевой массой, что может случиться?

Джессика взвесила его слова, вдруг поняла их смысл.

– Пол, – выдохнула она.

– Да, Вода Смерти, – ответил он, – дальше начнется цепная реакция. – Он указал себе под ноги. – Малых делателей станет косить смерть, и основа всего жизненного цикла на Арракисе погибнет вместе со специей и делателями. Без них Арракис станет тогда подлинной пустыней...

Чани рукой закрыла рот, словно онемев от богохульства, льющегося из уст Пола.

– Вещь принадлежит тому, кто может ее уничтожить, – сказал Пол. – Мы можем уничтожить специю.

– Что же удерживает руку Гильдии? – прошептала Джессика.

– Они ищут меня, – ответил Пол. – Подумай только! Лучшие навигаторы Гильдии, умеющие прозревать сквозь время, умеющие выбрать безопаснейший курс для самого быстрого из лайнеров Гильдии, – все они ищут меня... и не видят. Как они трясутся сейчас! Теперь они знают, что их секрет у меня в руках. – Пол протянул вперед сложенную чашечкой ладонь. – Без специи они слепы!

Чани обрела голос:

– Ты сказал, что видел настоящее!

Пол откинулся назад, глядя в простертое перед ним настоящее. Оно тонуло и в прошлом, и в будущем, начинавшем уже тускнеть. Вызванная специей ясность стремительно отступала.

– Делай, как я велел, – ответил он, – будущее для Гильдии столь же мутно, как и для меня. Линии видимости стягиваются. Все сходится здесь, у специи... Раньше они не осмеливались вторгаться на эту планету, ведь вмешаться значило потерять то, что у них было. Но теперь они в отчаянии. Все дороги уходят во тьму.

И вот наступил день, когда Арракис стал осью Вселенной, и она готова была повернуться.

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

– Погляди-ка туда, на эту штуку! – прошептал Стилгар.

Пол лежал рядом с ним в расселине, на самой вершине скал Барьера, приложив глаз к окуляру фрименской подзорной трубы. Масляные линзы были сфокусированы на межзвездном лихтере, что стоял в котловине под ними. С востока высокий корабль уже озаряла бледная полоска на горизонте, но с его обратной стороны еще желтели освещенные светочарами иллюминаторы. За кораблем в предутренней прохладе поблескивал огнями Арракин.

Конечно, не лихтер потряс воображение Стилгара – Пол понимал это – нет, сооружение, опорой для которого он был. Многоэтажный шатер радиусом более километра, составленный из лепметалла, окружал корабль – временное место обитания пяти легионов сардаукаров и его императорского величества, Падишах-Императора Шаддама IV.

Сидя на корточках слева от Пола, Гарни Холлик произнес:

– Я насчитал в нем девять уровней. Там, пожалуй, не просто горстка сардаукаров.

– Пять легионов, – отозвался Пол.

– Светлеет, – прошипел Стилгар, – нам не нравится этот риск, Муад'Диб. Лучше бы отступить в скалы.

– Здесь я в полной безопасности, – ответил Пол.

– На корабле есть метательные орудия, – сказал Гарни.

– Они посчитают, что на нас щиты, – отозвался Пол. – Потом, зачем им тратить снаряд на трех человек, если нас вдруг и заметили?

Пол перевел подзорную трубу на дальнюю стену котловины, на усеянные выбоинами утесы, на осыпи, под которыми были погребены многие из воинов отца. И он вдруг подумал, что тени этих людей

взирали бы сейчас на положение дел с удовлетворением. Форты и города Харконненов за пределами Барьера были теперь либо в руках Вольного народа, либо отрезаны от своих – словно цветы, брошенные увядать на песок. Лишь эта котловина и город в ней оставались теперь владениями Харконненов.

– Они могут решиться на вылазку в топтере, – заметил Стилгар, – если обнаружат нас.

– Пусть, – ответил Пол, – все равно сегодня придется жечь их топтеры... да и буря на подходе.

Он перевел подзорную трубу на дальнюю сторону посадочного поля арракинского космопорта, на выстроившиеся там харконненские фрегаты и флаг компании КАНИКТ, что лениво трепетал на древке над ними. И он подумал о том отчаянии там, наверху, которое заставило Гильдию высадить две группы, оставляя все прочие в резерве. Гильдия, словно человек, ощупывала песок, прежде чем разбивать на этом месте палатку.

– Разве можно увидеть отсюда что-нибудь новое? – спросил Гарни. – Действительно, пора уходить. Буря все ближе.

Пол вновь поглядел на гигантский шатер.

– Они даже привезли с собой женщин, – сказал он, – и лакеев со слугами. Ах-х, мой дорогой Император, как же вы самоуверенны!

– По тайному ходу поднимаются люди, – указал Стилгар, – это могут быть только Отейм и Корба. Они возвращаются.

– Хорошо, Стил, – ответил Пол, – идем обратно.

И он на прощание обвел трубой равнину: высокие корабли, блестящий шатер, умолкший город, фрегаты с харконненскими наемниками. А потом он скользнул за скалу. Место его занял часовой-фидаин.

Пол оказался в неглубокой впадине в скалах Барьера. В диаметре она имела метров тридцать, глубиной была около трех метров. Фримены укрыли ее маскировочным материалом, проницаемым для лучей солнца. Справа в стенку уходил коридор, вокруг располагалось связанное оборудование. Фидайины-охранники, рассыпавшиеся по котловине, держались наготове.

Из дыры в скале рядом со связными аппаратами появились двое, о чем-то заговорили с часовыми.

Пол поглядел на Стилгара, кивнул в сторону появившейся пары:

– Узнай, с чем они явились, Стил.

Стилгар отправился выполнять поручение. Пол откинулся на скалу, потянулся, разминая мускулы. Он увидел, что Стилгар уже отослал пришедших назад, в темный ход, ведущий на дно котловины.

Стилгар вернулся к Полу.

– Какое же событие они не осмелились доверить сайелаго? – спросил Пол.

– Берегут пташек для битвы, – ответил Стилгар. Он поглядел на связные аппараты, потом снова на Пола. – Даже с узким лучом не стоило бы рисковать, Муад'Диб. Сайелаго можно засечь по излучению.

– Скоро там они начнут искать меня, – согласился Пол. – И что они сообщили?

– Наших ручных сардаукаров высадили на хребте у Старого ущелья, и они теперь на пути к своему властелину. Ракетные установки и прочее метательное оружие на местах. Люди расставлены, как ты приказал. Все как обычно.

Пол оглядел свой отряд в тусклом, сочащемся через камуфляж свете. Время ползло медленно, как насекомое на голой скале.

– Сардаукарам придется малость пройтись прежде, чем они сумеют вызвать транспорт, – сказал Пол. – За ними следят?

– Следят, – подтвердил Стилгар. Рядом откашлялся Гарни Холлик. – Не стоит ли пройти в безопасное место?

– Такого места здесь нет, – сказал Пол. – Прогноз погоды благоприятен?

– На нас несется прабабка всех бурь, – ответил Стилгар. – Разве ты не ощущаешь этого, Муад'Диб?

– В воздухе действительно что-то чувствуется, – согласился Пол, – но я предпочитаю шестование.

– Буря будет здесь через час, – сказал Стилгар. Он кивнул в сторону шатра Императора и харконненских фрегатов. – И они тоже знают это. В небе ни топтера. Все втащили внутрь и привязали. Их друзья наверху сообщают им о погоде.

– Новые вылазки были? – спросил Пол.

– Нет, с прошлой ночи, после посадки, они их не повторяли, – ответил Стилгар. – Они знают, что мы здесь, и теперь выжидают.

– Да, время определяем мы, – согласился Пол.

Гарни поглядел наверх и буркнул:

– Если те нам позволят...

– Флот останется в космосе, – проговорил Пол.

Гарни качнул головой.

– У них нет выбора, – ответил Пол, – иначе мы можем уничтожить специю. Гильдия не пойдет на подобный риск.

– Отчаявшиеся люди опаснее всего, – сказал Гарни.

– А разве мы не отчаялись? – спросил Стилгар. Гарни хмуро посмотрел на него.

– Ты не знаешь мечты Вольного народа, – предостерег его Пол. – Стил думает о той воде, которая пошла на подкупы, о годах ожидания... Когда еще расцветет Арракис? Он не...

– Ар-р-р-гх, – прорычал Гарни.

– Почему он так мрачен? – спросил Стилгар.

– Перед битвой он всегда мрачен, – ответил ему Пол, – обычная шутка, которую он себе позволяет.

Неторопливая волчья усмешка пробежала по лицу Холлика, над воротником, прикрывавшим подбородок, блеснули зубы.

– Я скорблю о харконненских душонках, что канут сегодня в ад без раскаяния.

– Слова фидайина, – усмехнулся Стилгар.

– Гарни рожден для отрядов смертников, – сказал Пол и подумал: «Хорошо, пусть они позабавятся болтовней, пока не пришла пора помериться силами с теми, кто на равнине». Он опять взглянул в расщелину, потом назад, на Гарни. Лицо воина-трубадура было вновь задумчиво и хмуро.

– «Беспокойство осушает силу», – пробормотал Пол. – Ты когда-то говорил это мне, Гарни.

– Мой герцог, – обратился к нему Холлик, – в основном меня беспокоит атомное оружие. Раз вы хотите с помощью него проделать брешь в Барьере...

– Они не посмеют воспользоваться ядерным оружием против нас, – сказал Пол. – Не осмелятся... по той же причине: побоятся, что мы уничтожим специю.

– Но запрет и высочайшее повеление...

– Запрет! – рявкнул Пол. – Один только страх, а не запрет не позволяет Домам закидать друг друга атомными бомбами. Язык Великой Конвенции предельно ясен. «Использование ядерного оружия

против человека является достаточной причиной для уничтожения всей планеты». А мы собираемся взрывать Барьер, а не людей.

– Тонкий момент, – отметил Гарни.

– Крохоборам наверху только подавай тонкости, – произнес Пол. – Хватит об этом.

Он отвернулся и подумал: «Если бы только и впрямь можно было быть уверенным, что все обойдется». Наконец он сказал:

– А как горожане? Уже на позициях?

– Да, – пробормотал Стилгар.

Пол поглядел на него:

– Что тебя гложет?

– Я всегда считал, что горожанам не следует доверять, – проговорил Стилгар.

– И я был когда-то горожанином, – отвечал Пол.

Стилгар замер. Лицо его потемнело от прилившей крови.

– Муад'Дибу ведомо, что я не...

– Я знаю, что ты имел в виду. Но в том и суть испытания, что никогда нельзя быть заранее уверенным в его результатах. Важно не то, что ты думаешь, а как поступишь. В жилах городского люда течет кровь фрименов. Просто они еще не научились самостоятельности, но мы их научим.

Стилгар кивнул и скорбным тоном произнес:

– К чему только не привыкаешь за целую жизнь! Но на Погребальной Равнине мы привыкли презирать горожан.

Пол посмотрел на Гарни, тот внимательно вглядывался в лицо Стилгара:

– Скажи нам, Гарни, почему сардаукары выгнали горожан из домов?

– Старый трюк, мой герцог. Они хотят стеснить нас беженцами.

– Да, партизанщина не используется со столь давних времен, что могущественные мира сего успели забыть, как с ней бороться, – проговорил Пол. – Сардаукары сыграли нам на руку. Они похватали горожанок для развлечения, украсили головами возражавших мужей свои боевые штандарты. И тем сразу же заставили возненавидеть себя. И люди, для которых грядущая битва оказалась бы временным неудобством, сулящим просто смену правителей, пришли к нам. Так сардаукары поставляют нам рекрутов, Стил. Их ненависть еще ничем

не замутнена и ясна, – добавил Пол, – поэтому мы используем их для первого натиска.

– Убитых будет... – протянул Гарни. Стилгар согласно кивнул.

– Им все объяснили, – ответил Пол, – и каждый знает, что, если убьет хоть одного сардаукара, их останется меньше. Вы поняли, джентльмены, им есть за что погибать. Они осознали, что они народ. Они пробуждаются.

Наблюдатель у подзорной трубы что-то пробормотал. Пол подошел к расщелине и окликнул:

– Что там?

– Великое смятение, Муад'Диб, – ответил наблюдатель, – от Западного Охвата приехала машина... ну, прямо ястреб в гнезде куропаток.

– Прибыл наш пленный сардаукар, – отозвался Пол.

– Они сразу же включили щит над всем посадочным полем, – произнес наблюдатель, – я вижу, как воздух пляшет у склада, где они держали специю.

– Теперь они знают, с кем им предстоит биться, – сказал Гарни, – пусть твари Харконнены дрожат, пусть трепещут – идет Атрейдес!

Пол обратился к фидайину у подзорной трубы:

– Следи за флагштоком на корабле Императора. Если там поднимут мой флаг...

– Едва ли, – усомнился Гарни.

Пол заметил, как озадаченно нахмурился Стилгар, и произнес:

– Если Император согласится с моими требованиями, он даст мне об этом знать – поднимет вновь над Арракисом знамя Атрейдесов. Тогда мы воспользуемся запасным планом и выступим только против Харконненов. Сардаукары не станут вмешиваться и дадут нам выяснить отношения.

– Мне не приходилось иметь дела с этими людьми чуждых миров, – начал Стилгар, – я только слышал о них, но едва ли...

– Не надо их знать, чтобы предсказать, как они поступят, – перебил его Гарни.

– На высоком корабле поднимают новый флаг, – проговорил наблюдатель, – желтый, с черно-красным кругом в середине.

– Тонкий ответ, – промолвил Пол, – знамя компании КАНИКТ.

– Такое же, как у других кораблей, – добавил наблюдатель.

– Не понимаю, – произнес Стилгар.

– Действительно, тонкий ответ, – сказал Гарни. – Подними он флаг Атрейдесов, это сразу же обязывало бы его ко многому. Слишком много свидетелей. Он мог дать сигнал флагом барона... так сказать, ответить в явной форме. Нет же, поднимает эту тряпку КАНИКТ. Он сигналил им, – Гарни ткнул пальцем вверх, подразумевая флот на орбите, – что он там, где барыш. А нам дает понять, что ему безразлично, существует Атрейдес или нет.

– Через сколько времени буря подойдет к Барьеру? – спросил Пол.

Стилгар отошел посоветоваться с кем-то из фидайинов. Наконец он вернулся и сказал:

– Весьма скоро, Муад'Диб. Куда скорее, чем ожидалось. На нас шествует прапрабабка всех бурь... Она куда сильнее, чем ты хотел бы.

– Это моя буря, – ответил Пол и заметил молчаливое благоговение на лицах все слышавших фидайинов. – Даже если весь мир содрогнется, все равно этого мне будет мало. И она ударит по их щитам со всей силой!

– Неважно, где именно и как она пройдет, такая силища! – воскликнул Стилгар.

Из темного хода, уводящего в котловину, вынырнул вестовой и сказал:

– Патрули сардаукаров и Харконненов отступают.

– Они считают, что буря занесет в котловину много песка и ухудшит видимость, – произнес Стилгар. – Наверное, они думают, что она отпугнет и нас.

– Прикажи канонирам наметить цели, пока не ухудшилась видимость, – сказал Пол. – Стрелять по носам кораблей сразу же, как только буря разрядит щиты. – Он подошел к стенке котловины, откинул край маскировочной ткани и поглядел на небо. Над потемневшей землей ветер уже раскачивал темные султаны песка. Вернув покрытие на место, Пол добавил: – Стил, пора посылать людей вниз.

– Ты не пойдешь с нами? – спросил Стилгар.

– Немного подожду здесь, с фидайинами.

Стилгар с пониманием посмотрел на Гарни, подошел к отверстию хода, уводящего вниз, и пропал в темном коридоре.

– Кнопку, которая подорвет Барьер, я оставлю в твоём распоряжении, Гарни, – сказал Пол. – Сделаешь?

– Сделаю.

Подозвав жестом лейтенанта фидайинов, Пол произнес:

– Отейм, срочно отзывай патрули из области взрыва. Все должны уйти оттуда еще до прихода бури.

Тот поклонился и отправился вслед за Стилгаром. Гарни заглянул в расщелину, сказал наблюдателю у подозрительной трубы:

– Приглядывай за южной стеной, она останется без прикрытия до самого взрыва.

– Разошли сайелаго с указанием времени взрыва, – приказал Пол.

– К южной стене отправились наземные машины, – сказал один из наблюдателей. – Некоторые из них на ходу испытывают метательное оружие. Как ты приказал, все наши в личных щитах. Сейчас машины остановились.

Во внезапно повисшем молчании Пол услышал, как над головой завывли дьяволы ветра, приближалась буря. В укрытие по краям хлынул песок, сильнейший порыв ветра вдруг сдернул маскировочное полотно и унес его.

Жестом Пол приказал фидайинам отправляться в укрытие, а сам подошел к связным аппаратам у входа в тоннель. Гарни был рядом. Пол согнулся над сигнальщиками. Один из них произнес:

– И впрямь, грядет прапрапрародительница всех бурь, Муад'Диб.

Поглядев на темнеющее небо, Пол произнес:

– Гарни, проверь, не остался ли кто из наблюдателей на южной стене?

Чтобы тот расслышал, приказ пришлось прокричать еще раз. Слова тонули в звуках подступающей бури.

Гарни повернулся, исполняя приказ.

Прикрыв лицо фильтром, Пол затянул капюшон.

Гарни возвратился.

Пол тронул его за плечо, указал на пульт с кнопкой у входа в пещеру, возле сигнальщиков. Гарни спустился туда и положил руку на кнопку, не отрывая глаз от Пола.

– Связь прервана, – доложил Полу один из сигнальщиков, – слишком сильны статические помехи.

Пол кивнул, внимательно следя за циферблатом часов. Наконец он поглядел на Гарни, поднял руку, вновь перевел взгляд на циферблат. Стрелка завершала последний круг.

– Пора! – крикнул Пол, опуская руку.

Почти через секунду почва под ними дрогнула. Грохот взрыва покрыл рев бури.

Зажав под мышкой трубу, наблюдатель спустился к ним.

– Барьер проломлен, Муад'Диб! – закричал он. – Ветер ворвался в котловину, и наши артиллеристы открыли огонь.

Пол представил себе, как несется стена песка по котловине, разряжая на своем пути щиты во всем вражеском лагере.

– Буря! – крикнул кто-то. – В укрытие, Муад'Диб!

Пол пришел в себя, когда песчинки ужалили его щеки. «Ну, начали», – подумал он, положил руку на плечо сигнальщику и крикнул:

– Бросай оборудование, там, в тоннеле, его хватит!

Он почувствовал, как его потянули в глубь тоннеля. Фидайины сбились вокруг, защищая своего Муад'Диб телами. Они втиснулись в зев тоннеля, где стало потише, обогнули угол, попав в маленький зал со световыми шарами над головой. Вниз уводил другой тоннель.

Там за приборами сидел второй сигнальщик.

– Статика, – произнес он. – Сильные помехи.

– Закупоривайте вход! – крикнул Пол.

Шум вдруг ослаб, значит, приказ его исполнили.

– Путь вниз, в котловину, все еще открыт? – спросил Пол.

Фидайин отправился поглядеть, потом вернулся и доложил:

– Упала небольшая скала, но инженеры говорят, что выход открыт.

Они расчищают его лазерами.

– Приказываю им использовать только руки! – рявкнул Пол. – Здесь включены щиты.

– Они действуют осторожно, – сказал тот, но повиновался.

Сверху прошли увешанные приборами сигнальщики.

– Муад'Диб, я сказал этим парням, чтобы они оставили все оборудование, – проворчал один из фидайинов.

– Люди для нас теперь важнее приборов, – сказал Пол. – Скоро или у нас будет в избытке всякой техники, или она не потребуется нам вовсе.

К нему подошел Гарни Холлик.

– Снизу передали, что путь открыт. Здесь мы очень близко к поверхности, милорд, и если Харконнены попытаются в какой-то мере отыгаться...

– У них не выйдет, – возразил Пол. – Они только что обнаружили, что у них больше нет ни щитов, ни возможности покинуть Арракис.

– Тем не менее, милорд, подготовлен новый командный пункт, – продолжил Гарни.

– На командном пункте пока во мне не нуждаются, – сказал Пол. – Все идет по плану. И нам остается только ждать...

– Сообщение, Муад'Диб! – крикнул сигнальщик от приемника. Он качнул головой, прижал поплотнее наушник к правому уху. – Помехи!

Покачивая головой, то и дело останавливаясь, он принялся писать. Пол подошел и встал рядом с ним. Фидайины расступились, давая место. Он поглядел вниз и прочел: «Налет... на ситч Табр... пленены... Алия (пробел)... семьи (пробел) мертвы... они (пробел)... сына Муад'Диб».

И вновь сигнальщик покачал головой.

Пол поглядел прямо в глаза Гарни.

– Какая каша, – пробормотал Холлик. – Помехи слишком сильные, не знаю, что и...

– Мой сын убит, – сказал Пол. Выговорив эти слова, он понял, что они – правда. – Мой сын убит. Алия в плену, заложницей.

Он не ощущал никаких эмоций – лишь одну пустоту. Все, к чему он прикасался, несло смерть и горе. И болезнь эта грозила распространиться по всей Вселенной.

Он ощутил в себе какую-то старческую мудрость, рожденную опытом бесчисленных вероятностей. Кто-то внутри, казалось, потерял руки и захихикал.

И Пол подумал: «Вселенная еще не знала, что такое истинная жестокость!»

И тогда встал Муад'Диб перед ними и сказал: «Не считайте пленницу мертвой, она жива. Ведь она от того же семени, что и я, и голос ее как мой. Взгляд ее насквозь пронзает реальность. Да, в долину незнаемого проникнет она взором, следуя за мной».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Барон Владимир Харконнен стоял, потупив глаза, в приемной палате Императора – овальном селямнике, укрытом в глубине шатра. Барон искоса поглядывал на комнату с металлическими отсеками, на кишашую в ней толпу: на нукеров, пажей, стражников, дворцовых сардаукаров, в непринужденных позах застывших у стен под разодранными и окровавленными знаменами, – единственным украшением зала.

Справа, в высоком проходе, слышались голоса: «Дорогу! Дорогу царственной особе!» Из-под арки появился Падишах-Император Шаддам IV, сопровождаемый свитой. Он остановился, поджидая, пока вынесут трон, не обращая внимания ни на барона, ни на кого-либо из присутствующих.

Барон понимал, что уж он-то никак не вправе игнорировать императорскую персону. И стал пристально вглядываться в Императора, стараясь подметить хотя бы намек на причину нынешней аудиенции. Император ждал, худощавый, элегантный, в сером мундире сардаукара с золотым и серебряным шитьем. Темное лицо его и холодные глаза напомнили барону черты усопшего герцога Лето. Словно пернатый хищник... Но, в отличие от герцога, Император был рыжеволос, бóльшую часть его шевелюры покрывал эбеновый шлем бурсега с золотой эмблемой Империи на макушке.

Пажи принесли трон. Массивное кресло было вырезано из цельного куска хагальского кварца – прозрачного сине-зеленого камня, пронизанного пламенно-желтыми языками жилок. Когда слуги поставили трон и покинули возвышение, Император поднялся и сел.

От свиты отделилась старуха в черной абе с надвинутым на лоб капюшоном и встала за троном, положив старческую ладонь на спинку кресла. Она поглядывала из-под капюшона ведьмой из сказки:

запавшие глаза и щеки, длиннющий нос, под покрытой пятнами кожей рук проступали вены.

Завидев ее, барон дрогнул, но заставил себя успокоиться. Присутствие Преподобной Матери Гайи Елены Мохайем, ясновидящей Императора, значило, что Император считает аудиенцию важной. Барон отвернулся от нее, пытаясь угадать свою судьбу на лицах свиты. Среди них затесались два агента Гильдии: один из них был высок и толст, другой – приземист и жирен, оба с невыразительными серыми глазами. В окружении лакеев стояла и одна из дочерей Императора, принцесса Ирулан. Говорили, что она посвящена в сокровеннейшие тайны Бинэ Гессерит и назначено ей быть Преподобной Матерью. Глаза высокой блондинки смотрели с точеного лица куда-то вдаль, за его спину.

– Дорогой мой барон.

Император соизволил заметить его. Баритон правителя был на редкость выразителен. В словах приветствия слышалось прощание.

Барон склонился в поклоне, перешел на положенное в таких случаях место – в десяти шагах перед возвышением.

– Прибыл по вашему повелению, ваше величество.

– Повелению! – фыркнула старуха.

– Ну-ну, Преподобная Мать, – попрекнул ее Император, впрочем, улыбаясь смешавшемуся барону. – Во-первых, скажите-ка мне, куда вы послали своего миньона, Сафира Хавата?

Барон лихорадочно глянул направо, потом налево, выругал себя за то, что явился сюда без собственной охраны, пусть в сравнении с сардаукарами в ней было мало проку. И все же...

– Ну? – сказал Император.

– Он оставил нас на пять дней, ваше величество. – Барон метнул взгляд на агентов Гильдии, снова на Императора. – Он должен был попытаться проникнуть в лагерь этого фанатика – Муад'Диб.

– Невероятно! – сказал Император.

Ведьма тронула плечо Императора костлявым пальцем и что-то шепнула ему на ухо. Император кивнул и произнес:

– Пять дней миновало, барон. Объясните, почему вас не беспокоит его отсутствие?

– Оно меня беспокоит, ваше величество!

Император, ожидая, пристально глядел на него. Преподобная Мать не то кашлянула, не то усмехнулась.

– Я имею в виду, ваше величество, – продолжал барон, – что жить Хавату остается лишь несколько часов. – И он рассказал все об остаточном яде и необходимом противоядии.

– Тонко придумано, барон, – отозвался Император. – А где же ваши племянники, Раббан и юный Фейд-Раута?

– Близится буря, ваше величество, я отослал их к периметру, чтобы фримены не прорвались вместе с облаком пыли.

– Периметр, – произнес Император так, словно это слово пачкало его рот. – Здесь, в котловине, буря не будет свирепствовать, а фрименское отребье не рискнет шевельнуться, пока я здесь с пятью легионами сардаукаров.

– Безусловно, ваше величество, – согласился барон, – но в вопросах безопасности никакое усердие не бывает излишним.

– Ах-х, – протянул Император, – излишним. Тогда не стану говорить, сколько времени мне пришлось потратить попусту на всю эту арракийскую ерунду. И о том, сколько потеряла компания КАНИКТ в этой дыре, а также о течении дворцовых и государственных дел, которое я вынужден был нарушить из-за этой глупой истории.

Барон опустил глаза, чтобы не видеть Императора в гневе. Его раздражала деликатность его положения в настоящий момент: одиночество и зависимость от Конвенции и запрета «Диктум фамилия».

«Он уже решил убить меня? – подумал барон. – Ни в коем случае! Не здесь же, не при всех Великих Домах, что кружат вокруг нас, жаждающая одной только выгоды для себя из этой заварушки на Арракисе!»

– Вы взяли заложников? – спросил Император.

– Бесполезно, ваше величество, – ответил барон, – эти безумцы фримены служат по каждому пленному погребальный обряд, после которого считают его покойным.

– Так? – удивился Император.

Барон ожидал, поглядывая на металлические стены селямлика, представляя над своей головой чудовищный шатер из лепметалла. Безграничная роскошь его ошеломила даже барона. «Император

притащил с собой пажей, – подумал барон, – бесполезных лакеев, своих женщин со всеми этими парикмахерами, дизайнерами... и тому подобными. Всех дворцовых прихлебателей и паразитов. Они и тут, как всегда, раболепствуют и интригуют... Так сказать, терпят тяготы похода вместе с Императором, чтобы сторонними наблюдателями дожидаться окончания этого похода, а потом писать эпитафии на могилы убитых и превозносить подвиги раненых».

– Быть может, вы просто не пытались захватить кого следует? – спросил Император.

«Ему что-то известно», – подумал барон. Страх стиснул его чрево так, что ему даже захотелось есть. Да, охватившее его чувство было похоже на голод. Он несколько раз огляделся, поворачиваясь на гравипоплавках, чтобы приказать принести себе пищу. Но выполнять такое распоряжение явно было некому.

– Представляете ли вы, кто этот Муад'Диб? – спросил Император.

– Конечно же, один из умма, – ответил барон, – фанатик-фримен, религиозный авантюрист. На окраинах цивилизации таких хватает. Впрочем, вашему величеству это известно и без меня.

Император глянул на ясновидящую, нахмурившись, посмотрел на барона:

– Значит, о Муад'Дибе вам ничего не известно?

– Просто сумасшедший, – ответил барон. – Но фримены и так все не в своем уме.

– Сумасшедший?

– Люди его бросаются в битву, выкрикивая его имя. Их женщины швыряют в нас своих детей и бросаются на наши ножи, чтобы расчистить путь идущим следом мужчинам. Они не соблюдают... никаких приличий.

– Плохо, – пробормотал Император, и в голосе его барон услышал насмешку. – Скажите мне, дорогой барон, а вы никогда не исследовали области вблизи южной полярной шапки Арракиса?

Обескураженный изменением темы, барон поглядел на Императора:

– Но... вы же знаете, ваше величество, весь этот район необитаем, там свирепствуют черви и ветер. В этих широтах нет даже специй.

– Разве с космических лихтеров вам ни разу не доносили, что из космоса там видны клочки зелени?

– Такие сообщения поступали постоянно. И на первых порах, давно, мы разбирались с ними. Да, мы видели эти растения. Но это стоило нам многих топтеров. Слишком уж дорого обходились такие исследования, ваше величество. В тех краях человеку трудно долго продержаться.

– Так, – сказал Император, щелкнул пальцами, и слева за тронотом открылась дверь. Из нее появились двое сардаукаров, перед ними шла девочка, лет четырех. На ней была черная аба, капюшон ее был отброшен на спину, так что на шее ее были видны тесемки конденскостюма. С круглого мягкого личика ее смотрели синие фрименские глаза. Она явно ничего не боялась, и взгляд ее, непонятно почему, смутил барона.

Даже старая гессеритка-ясновидящая откинулась назад и сделала охранительный жест, когда девочка проходила мимо. Присутствие девочки явно обескуражило старую ведьму.

Император было откашлялся, чтобы начать, но дитя заговорило первым. Тоненьким, смягчающим согласные голоском, тем не менее вполне четко выговаривая слова.

– Так вот он каков, – сказала она и шагнула к краю подножия трона. – Не слишком впечатляет... перепуганный старик, у которого не хватает сил стоять без гравипоплавков.

От этих неожиданных слов ребенка барон потерял дар речи. В гневе он только подумал: «Это что еще за комар?»

– Дорогой мой барон, – сказал Император, – познакомьтесь с сестрой Муад'Диба.

– Сест... – Барон перевел взгляд на Императора. – Я не понимаю.

– Иногда случается, что и я проявляю склонность к излишним предосторожностям, – произнес Император. – Мне доложили, что в этих, по-вашему, безлюдных местах имеются признаки активной жизни.

– Но это невозможно! – запротестовал барон. – Там же только черви... и песок...

– Так... но эти люди не боятся встречи с червями.

Малышка уселась на возвышение около трона, свесила с него ноги и принялась болтать ими, оглядываясь по сторонам с уверенным видом.

Барон глядел на эти ножки, обутые в сандалии, под черной тканью одеяния.

– К несчастью, – сказал Император, – я послал туда только пять транспортов с небольшим отрядом, чтобы взять пленников для допроса. Мы едва сумели унести ноги на одном транспорте с тремя пленными. Вы понимаете, барон, моих сардаукаров едва не перебили старики, женщины и дети. Эта девчушка командовала одной из атакующих групп.

– Вы видите, ваше величество! – сказал барон. – Теперь вы видите, что это за народ!

– Я позволила взять себя в плен, – объяснила девочка, – очень уж не хотелось оказаться перед лицом брата. Тогда бы... тогда бы пришлось рассказать ему, что его сына убили.

– Только горстка наших воинов сумела бежать от них, – сказал Император, – бежать. Вы меня поняли, барон?

– Мы бы и оставшихся уложили, если бы не огонь, – заметила девочка.

– Мои сардаукары воспользовались двигателями топтеров как огнеметами с отчаяния, но только это и позволило транспорту взлететь и увезти троих пленных. Запоминайте, барон. Сардаукары в панике отступали от женщин, детей и стариков.

– Навалиться всеми силами, – прохрипел барон, – стереть в порошок до...

– Молчать! – рявкнул Император, наклонившись с трона вперед. – Я не позволю более оскорблять мой разум. Как смеете вы являться сюда с вашим дурацким видом и повторять...

– Ваше величество, – перебила ясновидящая.

Император махнул рукой, чтобы она умолкла:

– Вы утверждаете, что ничего не знали о населенности этих краев... и о воинской доблести этого великолепного народа. – Император приподнялся с трона. – За кого вы принимаете меня, барон?

Барон отступил на два шага. «Раббан! Конечно, Раббан, – подумал он, – дело его рук».

– И весь этот надуманный спор с герцогом Лето, – спокойнее сказал Император, опускаясь на трон. – Как превосходно вы провернули его.

– Ваше величество, – жалобно протянул барон. – Что вы...

– Молчать.

Старая гессеритка положила ладонь на плечо Императора, зашептала что-то ему на ухо.

Девочка у трона перестала брыкать ногами и сказала:

– Попугай его еще немножко, Шаддам. Конечно, грех радоваться, но в таком удовольствии трудно себе отказать.

– Тихо, дитя, – сказал Император, наклонился вперед и, положив руку на ее головку, поглядел на барона. – Откуда такое легкомыслие, барон? Неужели вы действительно простофиля, как нашептывает мне ясновидящая? Ну, разве вы не узнаете этого ребенка, дочь вашего бывшего союзника, герцога Лето?

– Мой отец никогда не был его союзником, – сказала девочка, – он мертв, а этот старый боров Харконнен никогда не видел меня.

Барон лишь остолбенело озибался по сторонам. Когда наконец голос вернулся к нему, он сумел только выдохнуть:

– Кто?..

– Я – Алиа, дочь герцога Лето и леди Джессики, сестра герцога Пол-Муад'Дибя, – сказала малышка. Она спрыгнула на пол приемного зала. – Мой брат поклялся насадить твою голову на древко своего походного штандарта, и едва ли ему что-нибудь помешает это сделать.

– Помолчи, девочка, – сказал Император, откидываясь на спинку трона. Подперев подбородок рукой, он поглядел на барона.

– Я не повинуюсь Императору, – сказала Алиа, потом повернулась и посмотрела на Преподобную Мать. – Она знает почему.

Император поглядел на ясновидящую:

– Что она имеет в виду?

– Дитя это мерзостно! – ответила старуха. – Мать ее заслуживает тяжелейшего наказания. Смерти! И не слишком быстрой... И она сама, и это дитя! – Старуха ткнула пальцем в сторону Алии. – Убирайся из моего разума!

– ТП? – шепнул Император, вновь переводя взгляд на Алию. – Клянусь Великой Матерью!

– Вы не понимаете, ваше величество, – ответила старая женщина. – Это не телепатия. Она проникла в мой мозг, подобно тем, что жили до меня, отдавшим мне в наследство свою память. Она оказалась в моем мозгу, она не может там находиться, но тем не менее!

– Что это за жившие до вас? – возмутился Император. – Что за чушь?

Старуха выпрямилась, опустила руку и произнесла:

– Я сказала лишнее, но факт тем не менее остается фактом. Этот ребенок вовсе не ребенок, ее следует уничтожить. Нас давно предупреждали о подобных существах. Мы знаем, как предотвратить их появление, но нас предала сестра из нашего Ордена.

– Что ты болтаешь, старуха, – сказала Алия. – Не знаешь, как это было, и трещишь как сорока. – Она закрыла глаза и глубоко вдохнула.

Старая Преподобная Мать застонала и пошатнулась.

Алия открыла глаза:

– Вот так это случилось – космическая случайность. В ней есть доля и твоей собственной вины. Хотя я рождена не такой, как и ты, и думаю иначе.

– Убейте ее, – пробормотала старуха, цепляясь за трон, чтобы устоять. – Убейте! – Запавшие древние глаза яростно жгли Алию.

– Молчать! – сказал Император, поглядев на девочку. – Дитя, ты можешь связаться со своим братом?

– Мой брат знает, что я здесь, – ответила Алия.

– Передай ему, чтобы он сдавался, иначе я уничтожу тебя.

Алия невинно улыбнулась в ответ:

– Я не сделаю этого.

Барон нагнулся к трону, к Алие.

– Ваше величество, – раздался его молящий голос, – я ничего не...

– Попробуйте еще раз вмешаться в разговор, барон, – промолвил Император, – и больше возможности вмешиваться в какие бы то ни было разговоры у вас не будет... никогда. – Он пристально щурился на Алию. – Так, значит, нет, а? А ты можешь прочитать в моих мыслях, что будет с тобой, если ты откажешься повиноваться?

– Я уже говорила, что не читаю мыслей, – ответила девочка, – но в твоих намерениях трудно ошибиться и без всякой телепатии.

Император нахмурился:

– Дитя, ваше дело безнадежно. Со всеми силами, находящимися в моем распоряжении, я сотру эту планету в...

– Ну, это будет непросто, – возразила Алия, – даже Императору следует трепетать перед Муад'Дибом, ведь сила его в праведности, и ему улыбается небо.

Император вскочил на ноги:

– Эта игра зашла слишком далеко. Я велю захватить твоего брата и эту планету и...

Вдруг стены зала дрогнули, послышался грохот. За тронем, там, где шатер опирался на корабль Императора, сверху хлынул песок. Ощущение стянутой кожи и покалывание говорили о том, что включен мощный силовой щит.

– Я ведь предупреждала, – сказала Алия. – Мой брат близко.

Император стоял перед тронем, правой рукой он прижал к уху трещащий сервоприемник, выслушивая рапорты. Барон отступил за спину Алии. Сардаукары метнулись к дверям.

– Отступаем в космос на перегруппировку, – сказал Император, – приношу вам свои извинения, барон. Они действительно безумцы... атакуют – и под покровом бури! Придется обрушить на них императорский гнев. – Он показал на Алию: – Тело ее предайте буре.

Услышав это, Алия метнулась назад в поддельном ужасе.

– Пусть буря получит то, что ей причитается, – пискнула она, пятясь в объятия барона.

– Поймал, ваше величество! – завопил барон. – Мне ее прикончи... иииииих! – Выронив девочку, он осел на пол и схватился за левую руку.

– Извини, дед, – сказала Алия, – ты нарвался на гом джаббар Атрейдесов. – Она поднялась на ноги, уронила темную иглу.

Барон упал на спину, выпучив глаза на красневшую на левой ладони царапину.

– Ты... ты...

Туша его раскачивалась, поддерживаемая гравипоплавками, голова откинулась назад, рот открылся, глаза остекленели.

– Эти люди безумны, – оскалился Император. – Быстрее! В корабль. Мы еще очистим эту планету от всех...

Слева что-то сверкнуло. Огненный шар молнией отскочил от стены и распался, прикоснувшись к металлическому полу. Запах горелой изоляции наполнил селямлик.

– Щит! – закричал один из сардаукаров, офицер. – Почему исчез внешний щит? Они...

Слова его утонули в металлическом грохоте, стенка корабля за Императором задрожала.

– Они сбили носовую часть с корабля!

В зале клубилась пыль. Под покровом ее Алия подпрыгнула, метнулась к наружной двери.

Император обернулся, жестом позвал за собой людей в запасную дверь, открывшуюся в борту корабля за тронем. Сделал знак офицеру сардаукаров, подскочившему к нему в туманной дымке:

– Будем обороняться!

Новый взрыв сотряс шатер. Двойные двери на дальней стороне зала с треском растворились, в зале за клубился песок, послышались дальние крики. В просвете мелькнула маленькая фигурка в черной абе – Алия успела добыть нож и, как подобает фрименскому чаду, принялась добивать раненых сардаукаров и харконненцев. Сардаукары с оружием наготове устремились к проходу, дугой окружая в желто-зеленой мгле отступающего Императора.

– Спасайтесь, сир! – крикнул офицер. – В корабль!

Но Император теперь оставался один на подножии трона, рукой он указывал на дверь. Сорокаметровая стенка селямлика упала, хлынул песок. Вокруг висело густое пылевое облако. В облаке сверкали молнии, на земле под ним со вспышками то тут, то там разряжались щиты, закороченные принесенным бурей статическим зарядом. На равнине кишели фигуры бойцов, сардаукаров и фрименов в длинных одеяниях, словно появившихся из песчаного облака.

Но все это было лишь фоном, Император показывал не на них.

В песчаной пелене проступила какая-то смутная масса, в ней что-то неясно блестело – кристаллы зубов в разверзнувшихся пастьях песчаных червей – целая движущаяся стена, и на каждом черве – изготовившиеся к атаке фримены. С шипением несли жуткий клин по равнине, лишь яростно бились в буйном ветре одеяния.

Так наступал Вольный народ, и дворцовые сардаукары оцепенело замерли, впервые за долгую историю потрясенные невероятной атакой, которой не могли даже осмыслить.

Но со спин червей прыгивали люди, а к лезвиям, что засверкали перед ними в зловещей мгле, сардаукары были привычны. И они бросились в битву. Так на равнине Арракина муж стал против мужа, а тем временем отборные сардаукары втиснули Императора в корабль, закупорили дверь и приготовились умереть возле нее, словно живой щит.

Оказавшись в относительной тишине корабля, среди собственной пораженной и приумолкшей свиты, Император окинул взглядом все эти обращенные к нему потрясенные лица, отыскал среди стоящих старшую дочь, на лице которой заметно было утомление, старуху-ясновидящую в капюшоне, глубоко надвинутом на лоб, и, наконец, тех, что были ему нужны – двух гильдийцев. Как и подобает представителям Гильдии, они были облачены в одеяния серого цвета, весьма соответствующего спокойствию их среди кипящей от возбуждения толпы.

Тот, что повыше, подносил руку к левому глазу. Вдруг Император увидел, как кто-то подтолкнул его, рука гильдийца дернулась и открыла его глаз. Прикрывавшая его контактная линза слетела, глаз под ней был синего цвета – такого густого, что казался почти черным.

Второй из них, пониже ростом, протолкался поближе к Императору и произнес:

– Мы не знаем, как все пойдет дальше.

А его высокий компаньон, прикрывая глаз ладонью, холодно добавил:

– Но и этот Муад'Диб тоже не знает.

Слова эти вывели Императора из оцепенения. С видимым усилием он удержался от резкости. Речь была не об ограниченности предвидения навигаторов Гильдии, пусть они не видели ближайшее будущее всех на этой равнине. Неужели эти двое так полагаются на себя, что вовсе позабыли о собственном зрении и о разуме?

– Преподобная Мать, – сказал он, – следует наметить план действий.

Откинув назад капюшон, она немигающими глазами встретила его взгляд. Взаимопонимание было полным. Им оставалось единственное оружие, и оба они прекрасно владели им: предательство.

– Вызовите графа Фенринга из его апартаментов, – сказала Преподобная Мать.

Падишах-Император кивнул и жестом послал одного из адъютантов исполнять приказание.

Он был воин и мистик, вурдалак и святой, лис и воплощенная невинность... рыцарственный, беспощадный, не бог, нет, меньше, но и не человек, а высшее существо. Не следует мерить Муад'Дибя обычной меркой. В миг упоения победой он предвидел, какая уготовлена ему смерть, но без колебания противостоял предательству. Вы скажете, он сделал это из чувства справедливости. Чьей справедливости, спрошу я? Не забывайте, мы говорим сейчас о Муад'Дибе, приказывавшем обтягивать барабаны кожей врага, отмахнувшегося от своего герцогского прошлого одним мановением руки, словами: «Я – Квизац Хадерач. Это достаточная причина».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

В вечер его победы они сопровождали Пол-Муад'Дибя к дворцу губернатора Арракиса, той самой резиденции, которую Атрейдесы заняли, оказавшись на Дюне. Раббан недавно подновил дом, и сражение почти не коснулось его, хотя горожане успели кое-что разграбить. Мебель в Большом зале была перевернута и сломана.

Пол вошел туда через парадный вход. На шаг позади за ним следовали Гарни Холлик и Стилгар. Эскорт моментально рассыпался по залу, приводя его в порядок, достойный глаз Муад'Дибя. Одна группа немедленно начала поиски коварных ловушек, которые могли таиться в доме.

– Помню тот день, когда мы с твоим отцом впервые вступили в этот дворец, – начал Гарни. Он поглядел на брусья в потолке, на прорези окон. – Он не понравился мне уже тогда, а теперь нравится еще меньше. В любой из наших пещер безопаснее.

– Речь настоящего фримена, – подтвердил Стилгар (на губах Пола эти слова вызвали холодную улыбку). – Ты не передумаешь, Муад'Диб?

– Этот дом – символ власти, – сказал Пол. – Здесь жил Раббан. И, заняв этот дворец, я утверждаю свою победу перед всеми, кто видит. Пусть люди обыщут его. Особо не усердствуйте. Просто убедитесь, что здесь не осталось ни Харконненов, ни их игрушек.

– Повинуюсь, – отвечал Стилгар голосом, выдававшим нерешительность.

Связисты уже торопились в зал со своими аппаратами и устанавливали их у большого камина. Тем временем караульные фримены, подкрепившие уцелевших фидайинов, взяли помещение под охрану. Слышалось их бормотание, воины подозрительно оглядывались по сторонам. Слишком долго здесь жили враги, чтобы можно было чувствовать себя в безопасности.

– Гарни, пошли охрану за моей матерью и за Чани, – сказал Пол. – Она уже знает о нашем сыне?

– Ей сообщили.

– Делателей вывели из котловины?

– Да, милорд. Буря уже кончается.

– Велики ли разрушения?

– Прямо на пути ветра: на посадочном поле и в складах специи – весьма значительные, – сказал Гарни. – И от бури и от битвы.

– Ну ничего такого, я надеюсь, чего нельзя было бы поправить деньгами, – сказал Пол.

– За исключением убитых, милорд, – сказал Гарни, и в голосе его слышался укор: когда же это Атрейдес беспокоился о вещах – не о людях!

Но Пол мог сосредоточиться теперь лишь на внутреннем оке, на том, что открывалось его взору в редких брешах во все еще перегораживавшей путь стене времени. Сквозь каждый пролом виднелся джихад, буйствующий на дорогах грядущего.

Пол вздохнул и через зал направился к стоящему у стены креслу. Оно было из столовой, и, быть может, в него даже усаживался отец. Впрочем, в этот миг он думал только об отдыхе, который сулило ему кресло, позволявшее скрыть от людей усталость. Он сел, одернув одеяние на ногах, распустив на шее конденскостюм.

– Император засел в остатках своего корабля, – сказал Гарни.

– Пока удерживайте его там, – ответил Пол. – Харконненов уже обнаружили?

– Еще ищут среди убитых.

– А сверху, с кораблей, есть вести? – он кивнул на потолок.

– Пока нет, милорд.

Пол вздохнул, откинулся на спинку кресла, потом наконец произнес:

– Приведите мне кого-нибудь из пленных сардаукаров. Надо послать весточку нашему Императору. Пора приступить к обсуждению условий.

– Да, милорд.

Гарни отвернулся, подал сигнал одному из фидайинов, тут же занявшему караульный пост возле Пола.

– Гарни, – шепнул Пол, – со времени нашей новой встречи, я еще ни разу не слышал от тебя ни одной подходящей к случаю цитаты. – Он повернулся, Гарни судорожно сглотнул и мрачно стиснул челюсти.

– Как пожелаете, милорд, – ответил Гарни. Прочистив горло, он выдал: – *«И обратилась победа того дня в плач для всего народа; ибо народ услышал в тот день и говорил, что царь скорбит о своем сыне».*

Пол закрыл глаза, стараясь отогнать горе подальше, до времени плача, как и тогда, после смерти отца. Мыслью он отдался открытиям этого дня: в будущем он теперь не один – Алия прячется где-то в его сознании.

Во всем, что он знал о времени, страннее не было ничего. «Я пересекла грядущее, чтобы произнести свои слова там, где только ты сможешь их услышать, – сказала ему Алия. – Даже ты не можешь сделать этого, брат мой. Неплохая шутка, по-моему, и... Ох, да, я убила нашего деда, безмозглого старого барона. Он почти не почувствовал боли».

Тишина. Он ощущал, как она удалялась из его сознания.

– Муад'Диб.

Открыв глаза, Пол увидел над собой чернобородую физиономию Стилгара, в темных глазах его полыхало пламя битвы.

– Ты нашел тело старого барона, – сказал Пол. Стилгар оторопел.

– Откуда ты знаешь? – шепнул он. – Мы нашли тело в этой громадной куче металла, именовавшейся Императорским шатром.

Пол не отвечал. Он заметил, что Гарни возвращается с двумя фрименами, поддерживающими пленного сардаукара.

– Вот один из них, милорд, – сказал Гарни. Знаком он велел стражам и пленнику остановиться в пяти шагах перед Полом.

В глазах сардаукара застыло потрясение. Во всю скулу от переносицы до рта синел кровоподтек. Он принадлежал к касте светловолосых людей с тонкими лицами, что занимали обычно ведущее положение среди сардаукаров. Но знаков отличия на форме не было, за исключением золотых пуговиц с символом Империи на мундире да лампасов на брюках.

– Похоже, из офицеров, милорд, – отметил Гарни.

Пол кивнул и обратился к пленному:

– Я – герцог Пол Атрейдес. Ты понимаешь это?

Сардаукар, не двигаясь, глядел на него.

– Ну, кто я, повтори! – потребовал Пол.

– Вы – герцог Пол Атрейдес, – прохрипел тот.

Он казался слишком уж уступчивым, но, с другой стороны, для сардаукаров события этого дня были непривычными. Доселе они не знали ничего, кроме побед. И в этом Пол усмотрел их слабость. Мыслью этой он решил воспользоваться позже для дальнейшего своего обучения.

– Передашь от меня Императору, – сказал Пол, переходя к древней формуле: – Я, герцог из Великого Дома, родственник Императора, даю по Конвенции присягу в том, что, если Император и его люди сложат оружие и явятся сюда, жизнь их я сохраню, пока сам буду жив. – Левой рукой Пол показал сардаукару герцогскую печать. – Клянусь ею.

Облизав губы, сардаукар поглядел на Гарни.

– Да, – сказал Пол, – кому еще, кроме Атрейдесов, будет служить Гарни Холлик?

– Я отнесу это послание, – ответил сардаукар.

– Отведите его на наш передовой командный пункт и впустите в корабль, – сказал Пол.

– Да, милорд. – Гарни жестом отдал приказание караульным. Зажав между собой пленного, они вышли следом за ним.

Пол вновь обернулся к Стилгару.

– Прибыли Чани и твоя мать, – сказал Стилгар. – Чани захотела немного побыть наедине со своим горем. Преподобная Мать сказала, что ненадолго забежит в странную комнату, непонятно зачем.

– Она тоскует о планете, которой, быть может, никогда не увидит, – произнес Пол, – где вода падает с неба, а заросли растений столь густы, что через них и не протиснешься.

– Вода падает с неба, – прошептал Стилгар.

И тут Пол заметил, как изменился Стилгар. Из наиба Вольного народа он сделался почитателем Лисан аль-Гаиба, требующего трепета и повиновения. Он словно потерял собственную величину, и от него теперь веяло дыханием джихада.

«На моих глазах друг превратился в последователя», – подумал он.

В приступе одиночества Пол оглядел зал, заметил, как непринужденно и внимательно держится в его присутствии охрана. Он почувствовал среди них дух состязания – каждый надеялся обратить на себя внимание Муад'Диб.

«Муад'Диб есть источник всякого благословения, – подумал он, и это была горчайшая минута его жизни. – Они понимают, что я сяду на трон. Но откуда им знать, что я делаю это, чтобы предотвратить джихад».

Стилгар откашлялся и сказал:

– И Раббан тоже мертв.

Пол кивнул. Стража по правую руку вдруг расступилась, пропуская Джессика. На ней была черная аба, и в поступи ее угадывался опыт хождения по песку, но Пол заметил, как дом этот возвратил ей чуть от облика той, кем она некогда являлась – наложницы правителя-герцога. В ее фигуре проглянуло прежнее достоинство.

Джессика остановилась перед Полом, поглядела на него сверху вниз. Она видела, как устал сын, как он прячет свою усталость, но не испытывала к нему никакого сочувствия. Словно бы все чувства к сыну вырвали из ее сердца.

Джессика шла по Большому залу и удивлялась, почему дом теперь не таков, каким был в ее памяти. Все было незнакомо, словно не ходила она здесь вместе со своим возлюбленным Лето... и не стояла перед пьяным Дунканом Айдахо... Никогда, никогда, никогда.

«Должно же быть слово, по смыслу противоположное адабу – требующей памяти, – подумала она, – должно же быть слово, обозначающее воспоминания, что себя отрицают».

– Где Алия? – спросила она.

– Снаружи, – ответил Пол, – как послушный фрименский ребенок добывает раненых и помечает, где искать их воду.

– Пол!

– Должна же ты понимать, что она делает это по доброте, – ответил он. – Не странно ли, что скрытое единство доброты и жестокости мало кто понимает?

Джессика яростно поглядела на сына, ощутив в нем глубокую перемену. «Не смерть ли ребенка тому причиной?» – удивилась она, а потом спросила:

– Люди рассказывают о тебе странное, Пол. Будто ты можешь все, о чем говорится в легенде, и ничто нельзя скрыть от тебя, и что ты видишь то, что не видят другие.

– Дочь Гессера спрашивает меня о легендах? – спросил он.

– И я приложила руку к тому, чем ты стал, – признала она, – но ты не должен считать, что и я...

– А хотелось бы тебе прожить миллион миллионов жизней? – спросил Пол. – Какая основа для легенд! Подумай об этом опыте, о мудрости, которую он несет в себе. Но мудрость умеряет любовь, не так ли? И придает ненависти новый вид. Что можешь ты сказать о беспощадности, если не измерила глубины сострадания и жестокости? Бойся меня, мать. Я – Квизац Хадерач.

В горле Джессики пересохло. Помедлив, она произнесла:

– Однажды ты сказал мне, что не считаешь себя Квизац Хадерачем.

Пол покачал головой.

– Теперь я не могу более отрицать этого. – Он посмотрел ей в глаза. – К нам приближается Император со своими людьми. О них вот-вот объявят. Встань рядом. Я хочу, чтобы ты все видела. Моя будущая невеста будет среди них.

– Пол! – отрезала Джессика. – Не повторяй ошибки отца!

– Она принцесса, – сказал Пол, – и откроет мне дорогу к трону, вот и все, и ничего более не будет. Не повторять ошибок? Ты думаешь, раз я таков, каким ты меня сделала, я не чувствую желания отомстить?

– Даже невиновным? – спросила она, подумав: «Он не может повторять и мои собственные ошибки».

– Невиновных больше нет, – ответил Пол.

– Скажи это Чани, – произнесла она, жестом показав на коридор, уходящий в глубь резиденции.

Из него появилась Чани, она шла между охранявших ее фрименов, не замечая их. Капюшон и шапка конденскостюма были откинуты, лицевая маска тоже. Неуверенной поступью она подошла и встала рядом с Джессикой.

Пол заметил на ее щеках следы слез. Она жертвует влагу мертвому. Горе вдруг пронзило его, но ощутил его он только в присутствии Чани.

– Он убит, любимый, – сказала Чани. – Наш сын убит.

Не давая себе расслабиться, Пол поднялся на ноги. Протянув руку, он прикоснулся к влажной щеке Чани.

– Его не заменить, – произнес Пол, – но у нас будут и другие сыновья. Я, Усул, обещаю это.

Он мягко отодвинул ее в сторону и махнул Стилгару.

– Муад'Диб? – отозвался тот.

– Император и его люди, – сказал Пол, – идут сюда от корабля. Я буду стоять здесь, пленников поставьте в середину зала. Они должны быть в десяти шагах от меня, если я не изменю своей воли.

– Как прикажешь, Муад'Диб.

Когда Стилгар обернулся, чтобы распорядиться, Пол услышал, как стражники-фримены благоговейно забормотали: «Видишь? Он знает! Никто не говорил ему, а он знает!»

Послышался шум приближающейся свиты Императора, сардаукары для бодрости распевали один из маршей. У входа слышались голоса, и Гарни Холлик миновал стражу у дверей, посоветовавшись о чем-то со Стилгаром и отправился к Полу, как-то странно поблескивая глазами.

«Неужели я потеряю и Гарни? – подумал Пол. – Так же, как и Стилгара... потеряю еще одного друга и приобрету лишь нового последователя».

– Метательного оружия у них нет, – сказал Гарни, – я сам удостоверился в этом. – Он оглядел зал, отметил, что все готово. – С ними Фейд-Раута Харконнен. Убрать его?

– Оставь.

– Среди них и несколько гильдийцев, они требуют себе специальных привилегий и грозят Арракису эмбарго. Я сказал им, что

передам послание Муад'Дибу.

– Пусть грозят.

– Пол! – зашептала за спиной Джессика. – Он же говорит о Гильдии!

– Сегодня я вырву у нее клыки, – ответил Пол.

И он подумал о Гильдии, которая кормилась космическими перевозками столь давно, что стала уже паразитом, не способным к самостоятельному существованию. Они никогда не смели даже прикоснуться к мечу... а теперь им приходилось за него браться. Им следовало бы захватить Арракис сразу, когда они уразумели, что без меланжевого наркотика, проясняющего восприятие, навигаторам не обойтись. Они могли бы пойти на это и погибнуть, осенив себя славой. Но они предпочли спокойное существование в безбрежном океане космоса, надеясь, что моря, в которых они обитают, породят нового хозяина, когда старый умрет. Навигаторы Гильдии, одаренные лишь долей истинного предвидения, постоянно делали фатальную ошибку: они выбирали явный и безопасный курс, что неуклонно ведет к загниванию.

«Ну что ж, пусть поглядят на нового хозяина», – подумал Пол.

– Среди них одна из Дочерей Гессера, которая уверяет, что была дружна с твоей матерью, – продолжил Гарни.

– У моей матери нет друзей среди Бинэ Гессерит.

Гарни оглядел Большой зал и вновь склонился к уху Пола:

– С ними и Сафир Хават, милорд. У меня не было возможности остаться с ним с глазу на глаз. Нашим старинным ручным кодом он дал мне понять, что поступил к барону потому, что был уверен в вашей смерти. И еще, он просил, чтобы его оставили среди Харконненов.

– И ты оставил Сафира среди этих...

– Он сам хотел этого... И я решил, что так будет лучше. Если... с ним что-то не так, в такой компании с ним будет проще управиться. Если все в порядке – у нас появится осведомитель...

Пол подумал тогда о вариантах ближайшего будущего. В одном из них по велению Императора именно Хават вонзал отравленную иглу в тело «выскочки-герцога».

Стража у входа расступилась, составив из копий короткий коридор. Послышался шорох одеяний, под ногами идущих скрипел нанесенный на пол песок.

Падишах-Император Шаддам IV шел первым. Он потерял шлем бурсега, на голове в беспорядке топорщились рыжие волосы. Левый рукав его мундира лопнул изнутри по шву. На нем не было ни пояса, ни оружия, но все же его окружал ореол власти, подобный энергопузырю щита.

Копье фримена преградило им путь там, где Пол приказал остановить входящих. Остальные, шаркая ногами, сгрудились за спиной Императора, настороженные, в цветастых одеяниях.

Среди вошедших Пол увидел женщин в трауре, лакеев и прочих, что явились сюда, словно в театр, поглазеть из партера на очередную победу сардаукаров, но неожиданное поражение словно лишило их дара слова. Пол заметил яркие птичьи глаза Преподобной Матери Гайи Елены Мохайем, яростно взирающие на него из-под черного капюшона, возле нее – незаметного Фейд-Рауту.

«А вот лицо, которое ни разу не открыло мне время», – подумал Пол.

Он поглядел за спину Фейд-Рауты, привлеченный легким движением. Перед ним была вытянутая кунья мордочка, которой он не видел ни разу, ни в жизни, ни в видениях. Но лицо это заслуживало внимания, и он почувствовал легкое прикосновение страха.

«С чего мне бояться этого человека?» – подумал он.

Склонившись к матери, он шепнул:

– Погляди... тот мужчина слева от Преподобной, со злым лицом... Кто он?

Джессика посмотрела, лицо было знакомым. В досье ее герцога этот человек значился.

– Граф Фенринг, – ответила она. – Перед нами генетический евнух... и убийца.

«Посыльный Императора», – подумал Пол. И мысль эта потрясла все его сознание. Ведь Императора он видел несчетное число раз в различных вариантах грядущего, но граф Фенринг ни разу не появлялся в его пророческих видениях.

Собственное мертвое тело представало перед его глазами часто, однако самого момента смерти он не видел ни разу. «Неужели лицо этого человека не открывалось мне потому, что именно он и убьет меня?» – подумал Пол.

Мысль эта заронила в нем дурные предчувствия. Он заставил себя отвернуться от Фенринга. На лицах уцелевших сардаукаров и их офицеров читались отчаяние и горечь. То тут, то там Пол подмечал профессионально быстрый, внимательный взгляд: офицеры сардаукаров оценивали обстановку, планировали, прикидывали, выискивая хотя бы малейшую возможность превратить поражение в победу.

Наконец Пол заметил высокую зеленоглазую блондинку с благородными классическими чертами гордого лица, не знакомого ни со слезами, ни с поражениями. Пол знал ее без всяких представлений, принцесса императорской крови, воспитанница Дочерей Гессера... ее лицо он видел столько раз – Ирулан.

«Вот и мой ключ», – подумал он.

Толпа перед ним зашевелилась, вперед выступил Сафир Хават. Морщинистое старческое лицо с темными пятнами на губах, сгорбленные плечи – весь вид его свидетельствовал о преклонном возрасте.

– Вот и Сафир Хават, – сказал Пол. – Не преграждай ему дорогу, Гарни.

– Милорд, – отвечал Холлик, – но...

– Не преграждай ему дорогу, – повторил Пол. Гарни кивнул.

Хават, споткнувшись, шагнул вперед. Фримен поднял свое копье и опустил его за спиною ментата. Глаза в прожилках испытующе глядели на Пола.

Пол сделал шаг, почувствовав напряжение, ожидание среди толпы, окружавшей Императора.

Взгляд Хавата пронзил воздух, не глядя на Пола, старик произнес:

– Леди Джессика, я сегодня узнал, как заблуждался относительно вас. Прощать меня нет нужды.

Пол ожидал ответа, но мать его молчала.

– Сафир, старый друг, – сказал Пол, – ты видишь, за моей спиной нет ни одной двери.

– Вселенная полна дверей, – отвечал Хават.

– Ну, похож я на сына собственного отца? – спросил Пол.

– Больше на деда, – вздохнул Хават. – И манеры и взгляд как у него.

– Но я сын моего отца, – повторил Пол, – и я говорю тебе, Сафир: в уплату за долгие годы твоей службы моей семье ты можешь требовать от меня все, что угодно, все, что ни пожелаешь. Абсолютно все. Хочешь мою жизнь, Сафир? Бери, она твоя. – Пол шагнул вперед, опустив руки; в глазах старика засветился огонек понимания.

«Он понял, что я знаю об их предательском замысле», – подумал Пол.

Полушепотом, слышным лишь для ушей Хавата, Пол произнес:

– Я не шучу, Сафир. Если ты должен ударить меня, бей сейчас.

– Я хотел лишь вновь встать рядом с вами, мой герцог, – отвечал Хават.

Тут только до Пола дошло, с каким трудом старик удерживается на ногах. Пол шагнул вперед, обхватил Хавата за плечи, мышцы того судорожно сокращались.

– Тебе больно, старый друг? – спросил Пол.

– Больно, мой герцог, – согласился Хават, – но радость сильнее. – Он слегка повернулся в объятиях Пола и ладонью вверх протянул в сторону Императора левую руку с зажатой между пальцев крошечной иглой.

– Эй, ваше величество, – окликнул он, – видите эту иглу в руках наемного предателя? И вы решили, что я, отдавший службе у Атрейдесов всю свою жизнь, не сумею отдать ее им без остатка?

Пол пошатнулся – старик бессильно осел в его руках, смерть расслабила мышцы. Пол осторожно опустил Хавата на пол, выпрямился и махнул, чтобы стража вынесла тело.

В мертвом молчании повеление было выполнено.

Теперь на лице Императора наконец проступило нетерпение и страх. Не знавшие этого чувства глаза впервые вынуждены были допустить его в себя.

– Ваше величество, – произнес Пол и заметил, как изумленно вздрогнула внимательно осматривавшаяся высокая принцесса императорской крови. Слова эти были произнесены со всеми атоналями Бинэ Гессерит и несли в себе оттенки презрения и насмешки, как и хотел того Пол. «Она действительно из гессериток», – подумал он.

Император откашлялся и произнес:

– Быть может, мой уважаемый родственник решил, что теперь все в его руках. Разве можно быть дальше от истины? Вы нарушили Конвенцию, использовали ядерное оружие против...

– С помощью ядерного оружия я устранил мешавшую мне деталь рельефа, – ответил Пол. – Она оказалась на моем пути, а я так стремился к вам, ваше величество, чтобы получить объяснение некоторых ваших странных поступков.

– Сейчас над Арракисом целая армада кораблей Великих Домов, – произнес Император. – Одно мое слово, и...

– Ах да, – заметил Пол, – я почти забыл о них. – Поискав взглядом среди императорской свиты, он нашел обоих гильдийцев и сказал в сторону, обращаясь к Гарни: – Это ведь агенты Гильдии, Гарни, те два толстяка в сером?

– Да, милорд.

– Эй, вы, оба, – указал на них Пол, – сию же минуту выметайтесь отсюда и распорядитесь, чтобы весь этот флот немедленно убирался домой. А потом спросите моего разрешения, прежде...

– Гильдия не повинуется твоим указам! – отрезал тот, что повыше. Оба они пробились вперед, где их задержали поднятыми по кивку Пола копьями. У барьера высокий ткнул пальцем в сторону Пола и сказал: – За такие дела эмбарго вам обеспечено...

– Если я еще раз услышу от вас эту чушь, – отрезал Пол, – придется приказать, чтобы источник специи на Арракисе был уничтожен... навсегда.

– Он сошел с ума... – промолвил высокий гильдиец, отступая на шаг.

– Значит, ты сознаешь, что сделать это в моих силах? – спросил Пол.

Гильдиец некоторое время глядел перед собою, потом ответил:

– Да, тебе это по силам, но этого не следует делать.

– Ах-х, – протянул Пол, кивая, – вы оба навигаторы Гильдии, не так ли, а?

– Да!

Низкорослый произнес:

– Ты ослепишь себя и обречешь нас всех на медленную смерть. Знаешь ли ты, что это такое – остаться без специевого ликера, если ты привык к нему?

– Глаз, что ведет в будущее лишь безопасным курсом, следует закрыть, – сказал Пол. – Гильдия умрет. Сообщество людей распадется на группки – каждая на собственной изолированной планете. Знаете ли, я могу решиться на это просто из прихоти... или от скуки.

– Давайте обговорим все с глазу на глаз, – сказал высокий гильдиец. – Я уверен, мы сможем найти некоторый компромисс.

– Сперва передайте мое распоряжение тем, кто сейчас над Арракисом, – сказал Пол. – Я устал от пустых споров. Если этот флот над нашими головами немедленно не отправится восвояси, необходимость в переговорах может исчезнуть. – Он кивнул в сторону собственных связистов. – Можете воспользоваться нашими аппаратами.

– Но сперва надо обсудить, – сказал высокий гильдиец, – нельзя же просто...

– Исполняйте, живо! – рявкнул Пол. – То, что ты можешь уничтожить, находится в твоей абсолютной власти. Вы согласны, что я обладаю ею. А я не собираюсь ничего обсуждать и идти на компромиссы. Вы либо исполните мой приказ, либо столкнетесь с немедленными последствиями.

– Он сделает это, – сказал низкорослый. Пол заметил, как обоих гильдийцев охватил страх.

Они медленно двинулись в сторону аппаратов связи.

– Они подчинятся? – спросил Гарни.

– Они видят время лишь перед собой, – пояснил Пол, – и сейчас, в случае неповиновения мне, перед ними возникнет сплошная стена. Каждый навигатор Гильдии на каждом корабле над нами видит эту стену. Они подчинятся.

Пол вновь повернулся к Императору и произнес:

– Вам разрешили занять трон вашего отца лишь при условии, что поступления специй не уменьшатся. Вы сплеховали, величество. Последствия вам известны?

– Никто не разрешал мне...

– Не валяйте дурака, – отрезал Пол. – Гильдия – как деревня у реки. Им нужна вода, но они могут лишь вычерпывать ее из потока. Они не могут перегородить реку, овладеть ею. Тогда всем станет ясно, что, вычерпывая воду, они постоянно разрушают реку. Добыча специй

– вот их река, а я построил плотину. Но плотина моя такова, что, разрушив ее, уничтожишь и реку.

Император провел рукой по рыжим волосам, поглядел на спины обоих гильдийцев.

– Даже ваша ясновидящая гессеритка дрожит, – сказал Пол. – Для своих штучек Преподобные Матери могут пользоваться разными ядами, но если человек примет специевый ликер, все они становятся бесполезными.

Оправив бесформенное черное одеяние, старуха протиснулась вперед, к барьеру.

– Преподобная Мать Гайя Елена Мохайем, – сказал Пол. – Столько времени прошло с нашей встречи на Каладане!

Она поглядела мимо него на его мать и сказала:

– Ну, Джессика, теперь я вижу, что твой сын и есть *Он*. И за это тебе можно простить даже мерзостную дочь...

С холодным пронизывающим гневом Пол произнес:

– У вас никогда не было права и причин прощать что-либо моей матери.

Старуха пристально поглядела ему прямо в глаза.

– Ну, попробуй-ка свои штуки, старуха, – сказал Пол. – Где же твой гом джаббар? Попробуй-ка, загляни в то место, куда не смеешь смотреть! В нем ты увидишь меня.

Старуха опустила глаза.

– И тебе нечего сказать? – строго спросил Пол.

– Я первой засвидетельствовала, что ты – человек, – пробормотала она, – не запачкай же этого.

Пол возвысил голос:

– Поглядите на нее, друзья! Вот Преподобная Мать Бинэ Гессерит, терпеливая среди терпеливых. Она умеет ждать... и она, и ее сестры по Ордену... Вот уже девяносто поколений они ждут, когда нужная комбинация наследственности и условий породит личность, которая необходима для их замыслов. Поглядите на нее! И вот я перед ней... но... я... никогда... не... откликнусь... на... ее... просьбу!

– Джессика, – завизжала старуха, – пусть он замолчит!

– Попробуйте добиться этого сами, – сухо ответила Джессика.

Пол яростно взирал на старуху.

— За все твое участие в этом деле я бы с удовольствием велел тебя удавить, — сказал он. — И ты ничего не сумела бы сделать, — добавил он, заметив, что она застыла в безмолвной ярости. — Но я думаю, бóльшим наказанием для тебя будет жизнь. Доживай свои годы и знай, что никогда не сможешь наложить на меня свои лапы и воспользоваться мною для своих замыслов.

— Джессика, что ты наделала? — проскрипела старуха.

— Но кое-что я все-таки тебе пожалую, — сказал Пол. — Потребности расы вы видели, да, но не все, только малую их часть. Вы считаете, что, контролируя размножение скрещиванием нужных людей, вы получите горсточку избранных, пригодных для выполнения главного плана! Сколь мало понимаете вы, что...

— Об этом нельзя говорить, — прошипела старуха.

— Молчать! — бешено заревел Пол. Слово это словно обрело плоть и, пронзив воздух между ними, врезалось в старуху.

Она пошатнулась, рухнула на подхватившие ее сзади руки, лицо ее побелело... столь страшна была мощь, которую Пол обрушил на ее психику.

— Джессика, — шептала она, — ах, Джессика...

— Я не забыл твой гом джаббар, — сказал Пол, — и ты будешь теперь помнить мой. Я могу убить тебя одним словом!

Фримены в зале с пониманием переглянулись. Разве не сказано в легенде: «И слово его будет нести смерть вечную тем, кто восстал против праведных»?

Пол обратил свое внимание на рослую принцессу императорской крови, стоявшую рядом со своим отцом. Не отводя от нее глаз, он произнес:

— Величество, мы оба представляем себе, как выйти из этого затруднительного положения.

Император поглядел на дочь, потом на Пола.

— И ты смеешь? Ты! Безродный авантюрист, ничтожество из...

— Вы только что сами признали меня, — заметил Пол, — назвали кровным родственником. Прекратите эту ерунду.

— Я твой правитель, — сказал Император.

Пол поглядел на гильдийцев, стоявших теперь возле связанных аппаратов лицом к нему. Один из них кивнул.

— Я могу и заставить, — сказал Пол.

– Ты не осмелишься! – завопил Император. Пол просто посмотрел на него.

Принцесса крови положила ладонь на руку Императора и шелковым успокаивающим тоном произнесла:

– Отец.

– Не пробуй на мне свои штучки, – сказал Император, глядя на нее. – В этом нет необходимости, дочь. Есть и другие способы, кроме...

– Но этот мужчина достоин быть твоим сыном.

Старая Преподобная Мать, вновь обретя достоинство, протиснулась к Императору, склонилась над его ухом и что-то прошептала.

– Ходатайствует за тебя, – сказала Джессика. Пол не отрывал глаз от золотоволосой принцессы.

Матери своей, в сторону, он сказал:

– Это Ирулан, старшая, не так ли?

– Да.

Чани подошла к Полу с другого бока, спросила:

– Мне уйти, Муад'Диб?

Он поглядел на нее:

– Уйти? Да я больше ни на минуту не отпущу тебя!

– Нас ничего не связывает, – напомнила Чани.

Пол молча долго смотрел на нее и сказал наконец:

– Впредь говори мне лишь правду, сихайя!

Она было начала объяснять, но он остановил ее, приложив палец к ее губам:

– То, что связывает нас, нельзя ослабить, – произнес он. – И следи за всем внимательно, я хочу потом увидеть этот зал глазами твоей мудрости.

Император и его ясновидящая с жаром негромко спорили о чем-то между собой. Пол обратился к матери:

– Она напоминает ему об условии. Он обещал предоставить трон Дочери Гессера, и Ирулан готовили именно для этого.

– Таков был их план? – удивилась Джессика.

– Разве это не очевидно? – отвечал Пол.

– Я вижу все эти признаки! – отрезала Джессика. – Своим вопросом я хотела напомнить тебе, чтобы ты перестал учить меня

тому, что я сама преподавала тебе.

Обернувшись, Пол подметил холодную улыбку на ее устах.

Гарни Холлик склонился меж ними:

– Хочу вам напомнить, милорд, что в этом букете есть и Харконнен. – Он кивнул налево в сторону темноволосого Фейд-Рауты, прижатого к барьеру из копий. – Вон тот, косоглазый, слева. Такого злодейского лица мне еще не приходилось видеть. Вы обещали мне однажды, что...

– Благодарю тебя, Гарни, – сказал Пол.

– Это на-барон... теперь уже барон, раз старик мертв, – сказал Гарни, – но и он подойдет, чтобы...

– Ты справишься с ним, Гарни?

– Милорд шутит!

– Спор между Императором и его ведьмой подзатянулся, тебе не кажется, мать?

Она кивнула:

– И в самом деле.

Громким голосом Пол обратился к Императору:

– Величество, в вашей свите, кажется, есть Харконнен?

С воистину королевским высокомерием Император, обернувшись, поглядел на Пола.

– Я-то думал, что мое окружение находится под защитой слова герцога, – произнес он.

– Мой вопрос имеет чисто информационный характер, – ответил Пол. – Я хочу знать, является ли Харконнен официально частью вашей свиты или же он просто из трусости укрывается в ней, используя ее технически как убежище?

Улыбка Императора стала расчетливой.

– Любой из тех, кто разделит общество Императора, входит в мое окружение.

– Слово вам давал герцог, – сказал Пол, – но у Муад'Диба собственное мнение. И ваше определение окружения может не устроить его. Мой друг Гарни Холлик хочет убить этого Харконнена. Если он...

– Канли! – крикнул Фейд-Раута, прижимаясь к преграждавшим путь копьям. – Атрейдес, твой отец назвал это все вендеттой. И ты

зовешь меня трусом, а сам прячешься среди женщин и высылаешь против меня лакея!

Старуха ясновидящая что-то шепнула на ухо Императору, но он отмахнулся от нее со словами:

– Канли, не так ли? У канли свои жесткие законы.

– Пол, останови это, – сказала Джессика.

– Милорд, – запротестовал Гарни, – но вы же сегодня обещали мне Харконнена.

– Сегодня ты уже получил от них свое, – ответил Пол, чувствуя, как охватывает его отрешенность. Сбросив с плеч одеяние и плащ с капюшоном, он передал их матери вместе с поясом и крисом, начал развязывать тесемки конденскостюма. Он чувствовал, вся Вселенная сфокусировалась в этом моменте.

– В этом нет нужды, – сказала Джессика. – Пол, есть ведь и другие пути.

Пол выступил из сброшенного конденскостюма, извлек крис из ножен, оставшихся в руках матери.

– Знаю я, – отвечал он, – яды, ассасины, старые, знакомые штучки.

– Вы обещали мне Харконнена, – прошипел Гарни, Пол видел ярость на его лице, кривой шрам набух кровью и потемнел. – Есть долг и за вами, милорд!

– Разве ты пострадал от Харконненов больше меня? – спросил Пол.

– А моя сестра? – задохнулся от негодования Гарни. – А годы, проведенные мною в узилищах для рабов барона?

– А мой отец? – ответил Пол. – А мои друзья, Сафир Хават и Дункан Айдахо, а годы, проведенные в неизвестности, без должного положения и почестей... и кроме того, теперь нам придется руководствоваться правилами канли.

Плечи Холлика поникли.

– Милорд, если эта свинья... Да он же не более чем скотина! Пните его ногой... и сапог придется выбросить. Если вам угодно, прикажите мне стать палачом, но дайте сделать это мне, не подвергайте себя...

– Муад'Дибу не обязательно так поступать, – отметила Чани.

Он поглядел на нее, заметил в ее глазах страх за него.

– Но герцог Пол обязан так поступить.

– Это же просто животное, как и все Харконнены, – выдохнул Гарни.

Пол хотел было сказать, что он и сам Харконнен, но брошенный матерью взгляд остановил его.

– Однако у этого существа облик человека, и оно заслуживает, по-человечески, хотя бы сомнения.

Гарни сказал:

– Если он настолько...

– Пожалуйста, отойди в сторону, – сказал Пол. Взвесив в руке нож, он мягко отодвинул Гарни с дороги.

– Гарни! – сказала Джессика, тронув его за руку. – В таком настроении он словно собственный дед. Не отвлекай его. Ничего другого нам не остается. – И подумала: «Великая мать! Что за ирония!»

Император внимательно глядел на Фейд-Рауту – тяжелые плечи, массивные мускулы. Он перевел взгляд на Пола – юношеское гибкое тело, еще не столь иссушенное, как у аборигенов Арракиса, но ребра можно пересчитать, и ни единой жиринки, малейшее движение мышц видно под кожей.

Склонившись к Полу, Джессика произнесла так, чтобы кроме него никто не слышал:

– Одно слово, сын. Опасных людей Дочери Гессера иногда специально обрабатывают: в память им обычными методами поощрения и наказания впечатывается слово. Обычно это – «урошнор». Если Харконнен уже обработан, а я подчеркиваю это, шепни эти звуки на ухо – и мышцы его расслабятся...

– Мне не требуются какие-нибудь дополнительные предосторожности против него, – сказал Пол. – Отойди!

Гарни спросил ее:

– Зачем он это делает? Ищет смерти, хочет умереть мучеником? Неужели все эти религиозные предрассудки Вольного народа так затуманили его разум?

Джессика спрятала лицо в ладонях. Она не понимала причин, по которым ее сын решился на бой. Она ощущала – в этот зал уже пришла смерть. Она знала, что преобразившийся Пол способен и возжелать

смерти от на-барона, о чем говорил Гарни. Все ее способности требовали одного: защитить сына, но сделать она уже ничего не могла.

– Всему виной эта болтовня, – настаивал Гарни.

– Молчи, – отвечала Джессика, – и молись.

На лице Императора промелькнула улыбка:

– Если Фейд-Раута... из моего окружения... так желает, – сказал он, – я освобождаю его ото всех обязанностей в отношении меня и предоставляю право самому выбрать судьбу. – Он махнул рукой в сторону стражников-фидайинов. – У кого-то из твоих оборванцев мой пояс и короткий клинок. Если Фейд-Раута желает, он может выйти на поединок с моим лезвием.

– Я хочу этого, – сказал Фейд-Раута, и на лице его появилось возвышенное выражение.

«Он слишком уверен в себе, – подумал Пол, – подобным преимуществом я могу воспользоваться».

– Принесите клинок Императора, – произнес Пол и проследил, как выполнялась его команда. – Положите здесь на пол. – Он показал место ногой. – Пусть императорские оборванцы отступят назад, к стенке, и дадут место Харконнену.

В зале замелькали одеяния, зашуршали шаги; команды и протесты сопровождали выполнение распоряжения Пола. Гильдийцы остались возле связных аппаратов. В явной нерешительности они хмуρο глядели в сторону Пола.

«Они привыкли видеть будущее, – подумал Пол. – А сейчас они слепы, слепы, как и я сам». Ветры времени несли бурю. Даже те немногие бури, что открывались ему прежде в подступающей стене, были теперь сокрыты. За стеной непредсказуемого скрывался не рожденный еще джихад. Скрылось сознание расы, которое он ощущал когда-то как собственное страшное предназначение. Квизац Хадерачу, Лисан аль-Гаибу, даже увечным мыслью Дочерям Гессера все было ясно. Человеческая раса осознала собственную спячку, затхлую дрему существования, и почувствовала необходимость грядущей бури, которой суждено перемешать все гены. Выживут сильные... И в этот момент люди во всей Вселенной словно бы слились в бессознательный единый организм, дрожащий от сексуального возбуждения... что устоит перед подобной мощью?

Пол наконец понял, сколь тщетны были его попытки изменить хотя бы кроху в грядущем. Он-то думал, что сумеет предотвратить джихад... но нет, джихаду суждено быть. Яростные легионы вырвутся с Арракиса, даже если его не станет. Он уже показал им путь, подчинил даже Гильдию, ведь чтобы существовать, ей нужна специя. А его фрименам хватит и живой легенды, которой он стал.

Сознание собственной неудачи переполняло его, и он даже и не смотрел, как Фейд-Раута Харконнен стягивает с себя порванный мундир, оставшись лишь в коротких фехтовальных брюках на кольчужной основе.

«Вот и апогей! – подумал Пол. – Сейчас откроется будущее, облака триумфально расступятся. И если я здесь погибну, они скажут, что я принес себя в жертву, чтобы дух мой мог вести их вперед. А если я останусь жив, они скажут – ничто не в силах противостоять Муад'Дибу».

– Готов ли Атрейдес? – Фейд-Раута выкрикнул слова, начинающие древний ритуал канли.

Пол предпочел ответить по-фрименски:

– Да треснет и расщепится твой нож! – И указал Фейд-Рауте на лежавший на полу клинок Императора, чтобы тот подошел и взял его.

Не отводя глаз от Пола, Фейд-Раута подобрал нож, взвесил его в руке. Возбуждение охватило его. Вот бой, о котором он мог лишь мечтать: лицом к лицу, умением против умения и никаких щитов. Он понимал, что перед ним открывается путь к власти, ведь Император, вне сомнения, наградит того, кто убьет смутьяна-герцога. И наградой может оказаться его высокомерная дочь... А этот чурбан-герцог, захолустный авантюрист, куда ему до Харконнена, искушенного в хитростях и подлых уловках в тысячах поединков на арене! Этой деревенщине и в голову не придет, что его ждет не только нож.

«Посмотрим-ка, что ты запоешь от яда!» – подумал Фейд-Раута. Отсалютовав Полу клинком Императора, он выпалил:

– Прими свою смерть, глупец.

– Не приступим ли, кузен? – осведомился Пол, кошачьим шагом двинувшись вперед. Он не отрывал глаз от ожидавшего клинка, молочно-белый крис продолжением тела выступал из его руки.

Они кружили друг подле друга – под босыми ногами поскрипывал песок на камнях, – напряженно ожидая малейшей возможности

атаковать.

– Ты прекрасно танцуешь, – проговорил Фейд-Раута.

«Он из болтунов, – подумал Пол, – еще одна его слабость. Перед лицом молчания он дрогнет».

– Исповедался ли ты? – спросил Фейд-Раута. Пол молча кружил вокруг него.

Наблюдая за поединком из тесно сгрудившейся императорской свиты, старая Преподобная Мать почувствовала, что дрожит. Молодой Атрейдес назвал Харконнена кузеном. Это могло значить только одно: он знал об их родстве, что само по себе было понятным, раз он и впрямь Квизац Хадерач. Но слова эти лишь крепче приковывали ее внимание к происходящему событию, которое сейчас для нее значило все.

Генетический план Дочерей Гессера мог вот-вот завершиться... полным провалом.

Она угадывала часть того, что видел Пол. Фейд-Раута мог убить его, но не выиграть поединка. Впрочем, ее волновало другое. Два конечных пункта этой долгой и дорогой программы сошлись лицом к лицу в смертельном поединке, который может окончиться смертью их обоих. Если оба они погибнут, останется лишь незаконнорожденная дочь Фейд-Рауты – крошка, неведомая никому, о которой еще нельзя было ничего сказать, и мерзкая Алия.

– Быть может, у вас здесь соблюдаются лишь языческие обычаи? – осведомился Фейд-Раута. – Что, если ясновидящая Императора подготовит твою душу к отбытию?

Пол улыбнулся, уходя влево, он был начеку, посторонние мысли отступили, повинувшись необходимости.

Фейд-Раута сделал выпад, взмахнул правой рукой, мгновенно перебросив нож в левую.

Пол легко уклонился, отметив, что удар запоздал, – сказала привычка врага сражаться под защитой силового щита. Но удар запоздал не намного, и Пол заключил, что Фейд-Рауте уже приходилось биться с противниками, у которых не оказалось щита.

– Неужели Атрейдес так и будет болтаться туда-сюда? – сказал Фейд-Раута. – Биться так биться.

Пол по-прежнему молчаливо кружил около него. Ему вспомнились слова Айдахо на каком-то занятии еще на Каладане:

«Начало боя используй для изучения. Ты можешь упустить несколько раз возможность быстрой победы, но внимательное изучение противника обеспечивает успех. Используй правильно свое время и не торопись, убеждайся».

– Быть может, ты хочешь таким танцем продлить себе жизнь на несколько секунд, – произнес Фейд-Раута. – Ну хорошо.

Он остановился.

Пол успел увидеть достаточно, чтобы дать противнику предварительную оценку. Фейд-Раута склонялся налево, выставя правое бедро, словно кольчужные фехтовальные брюки могли защитить его бок целиком. Так поступают привыкшие к щиту и двум ножам.

«Или, – Пол заколебался, – или брюки эти что-то скрывают?»

Харконнен держался слишком самоуверенно, хотя перед ним был тот, кто предводительствовал войсками, одолевшими сардаукаров.

Заметив нерешительность, Фейд-Раута произнес:

– Зачем же оттягивать неизбежное? Ты задерживаешь меня... мешаешь вступить во владение этим комком грязи.

«Если это метательный дротик, то хитроумно устроенный, – подумал Пол, – незаметно, чтобы над брюками кто-то поработал».

– Почему ты все молчишь? – взорвался Фейд-Раута.

Пол возобновил кружение, позволив себе холодной улыбкой отозваться на легкое смятение в голосе Фейд-Рауты, свидетельствовавшее, что молчание приносит свои плоды.

– Улыбаешься, а? – спросил Фейд-Раута и метнулся вперед, не окончив фразу.

Ожидавший некоторой нерешительности противника, Пол чуть не прозевал разящий удар сверху, и кончик ножа полоснул его по левой руке. Он заглушил внезапную боль, понимая теперь, что нерешительность эта была трюком... сверхфинтом. Соперник был сложнее, чем он думал. Следует ожидать трюков, и в них трюков, и снова трюков.

– Твой Сафир Хават кое-чему научил меня, – сказал Фейд-Раута. – Его наукой я взял первую кровь. Как жаль, что старый дурак не дожил до этого момента!

И Пол припомнил вновь слова Айдахо: «Ожидай лишь того, что происходит в поединке. И тебе никогда не придется удивляться в бою».

И снова они, согнувшись, закружили друг против друга.

Пол заметил, что на лице противника появилось облегчение, и удивился. Неужели эта царапина сама по себе что-то значила для Харконнена? Или же на лезвии яд? Но как возможно такое? Его люди проверили оружие под ядоискателем, прежде чем передавать нож Фейд-Рауте. Они прекрасно подготовлены и не пропустят ничего столь явного.

— Эта женщина, с которой ты говорил, — начал Фейд-Раута. — Маленькая такая. Она для тебя что-то значит? Быть может, симпатия? Я попробую ее, рекомендую?

Пол безмолвно углубился в себя, обследовал кровь раны, почувствовал в ней присутствие снотворного — оно-то и было на клинке Императора. Перестроил метаболизм, чтобы отразить угрозу, преобразовать опасные молекулы в теле. Снотворное. Ядоискатель его пропустит, и реакция мышц замедлится. Да, у врагов его были планы в планах, и в них планы, и снова планы... предательство на предательстве.

И Фейд-Раута вновь метнулся и ударил сверху.

С застывшей на лице улыбкой, Пол задвигался так, словно наркотик в крови замедлял его движение, и лишь в последний момент уклонился, подставив острие криса под разящую руку.

Фейд-Раута ринулся в сторону подальше, нож он перекинул в левую руку, и лишь слегка побледневшие скулы выдавали острую боль, которую он ощущал в месте пореза.

«Пусть он теперь познает момент сомнения, — подумал Пол, — пусть он заподозрит отраву».

— Предательство! — закричал Фейд-Раута. — Он отравил меня! Я чувствую яд в руке!

Отбросив покров молчания, Пол ответил:

— Просто чуточку кислоты — компенсация за снотворное на ноже Императора!

Фейд-Раута столь же холодно, как и сам Пол, улыбнулся в ответ и в наигранном приветствии взметнул клинок вверх. В глазах его светилось откровенное бешенство.

Пол перебросил нож в левую руку, чтобы было удобнее развернуться к сопернику. И вновь они закружили, выжидая.

Фейд-Раута стал боком приближаться к нему, высоко поднимая нож, в раскосых глазах и на лице теперь лишь угадывалась ярость. Он ударил вниз и вправо, и они сошлись, ухватив друг друга за руки.

Опасаясь правого бедра Фейд-Рауты, где мог оказаться метательный дротик, Пол повернулся направо. И почти упустил из виду край коротких брюк, откуда и выставилась игла. К счастью, движения Фейд-Рауты предупредили его. Крошечное острие лишь чуть не задело его.

На левом бедре.

«Предательство в предательстве и снова предательство», – напомнил себе Пол.

Напрягая мышцы, тренированные по канонам Бинэ Гессерит, он попытался обмануть Фейд-Рауту ложным выпадом, но приходилось также помнить про иглу на левом бедре. Пол двинулся резче, чем следовало бы, и, поскользнувшись, упал на пол. Фейд-Раута немедленно навалился сверху.

– Видел, что там, на моем бедре? – шепнул он. – Твоя смерть, дурак. – И он завертелся вокруг, стараясь придвинуть отравленную иголку поближе. – Она просто отключит твои мышцы, а мой нож доделает остальное. И яда никто не обнаружит.

Пол напрягся, ощущая, как в глубине сознания безмолвно вопят предки, как требуют, чтобы он произнес тайное слово, от которого Фейд-Раута замрет, и убил его.

– Я ничего не скажу! – выдохнул Пол.

Фейд-Раута в мгновенной нерешительности поглядел на него. Но для Пола этого оказалось достаточно. Он сумел нащупать слабость одного из мускулов ноги врага, и положение их переменялось. Фейд-Раута оказался внизу, задрал правое бедро. Левой ногой он не мог шевельнуть – крошечное острие уперлось в пол.

Высвободив левую руку – этому помогла скользкая кровь, вытекшая из царапины, – Пол ударил прямо в подбородок Фейд-Рауты. Нож вошел в мозг. Фейд-Раута дернулся и осел, зацепившаяся за пол игла все еще удерживала его ногу.

Глубоко дыша, чтобы прийти в себя, Пол поднялся на ноги. Выпрямившись над телом, не выпуская ножа, он подчеркнуто неторопливо повернулся к Императору.

– Величество, – произнес он, – ваших убыло. Не следует ли отбросить теперь и прочие вздорные претензии? Не пора ли заняться обсуждением того, что должно свершиться? Вы выдаете за меня свою дочь и открываете Атрейдесам дорогу к трону.

Император обернулся, поглядел на графа Фенринга. Серые глаза графа спокойно встретили взгляд зеленых императорских глаз. Мысли Императора Фенринг знал без слов, столь долгим было их содружество, что взгляд открывал все.

«Убей этого выскочку, – говорили глаза Императора. – Атрейдес молод и вынослив, но он уже утомлен долгим боем и не сумеет противостоять тебе. Вызови его прямо сейчас... Ты знаешь, как это сделать. Убей его!»

Фенринг медленно повернулся лицом к Полу.

– Делай же! – прошипел Император.

Граф внимательно взгляделся в Пола (леди Марго научила его смотреть взглядом Бинэ Гессерит) – и постиг его тайну и пробуждающееся величие.

«Но я могу убить его», – подумал Фенринг, понимая, что это правда.

И в тайных глубинах его собственного существа что-то шевельнулось, и внутренним взором он пригляделся к себе, к тем преимуществам, которые у него были: к боевому опыту, тайным приемам и скрытности побуждений.

Ощувив в какой-то мере мысли графа сквозь бурление временной стены, Пол вдруг понял, почему никогда не видел Фенринга в тенетах предвидения. Фенринг был одним из тех, кто мог бы стать... Почти Квизац Хадерач с единственным дефектом в наследственности – евнух. И все его таланты ушли вглубь, во внутреннее. Глубокая симпатия к графу наполнила Пола, и он впервые ощутил братские чувства.

Уловив эмоции Пола, Фенринг ответил:

– Ваше величество, я вынужден отказаться.

Ярость переполнила Шаддама IV. Оттолкнув свитских, двумя шагами он приблизился к Фенрингу и с размаха ударил его по щеке.

Темная краска затопила лицо графа. Он поглядел прямо на Императора и с деланным безразличием произнес:

– Мы были друзьями, ваше величество. Но поступок мой выше дружбы. Я прощаю вам этот удар.

Пол откашлялся и произнес:

– Так мы говорили о троне, величество.

Император вихрем развернулся обратно и выпалил:

– Трон – мой!

– Безусловно – на Салузе Секундус, – заметил Пол.

– Я сложил оружие и явился сюда под честное слово! – крикнул Император. – И ты смеешь еще угрожать!

– В моем присутствии ваша персона находится в полной безопасности, – отметил Пол. – Как и обещал Атрейдес. Но Муад'Диб приговаривает вас к ссылке на вашу тюремную планету. Не бойтесь, величество, я всеми своими силами облегчу тяготы жизни там. Этот мир станет садом, цветником.

Скрытый смысл этих слов дошел до Императора, и он яростно поглядел через всю комнату на Пола.

– Ну, теперь мы по крайней мере видим истинные мотивы, – усмехнулся он.

– А фримены получают все, что обещал Муад'Диб, – продолжил Пол. – Под небом Арракиса потечет вода, зазеленеют ласковые оазисы. Но не следует забывать и о специи. Поэтому на Арракисе всегда будет пустыня... и свирепые ветры, и испытания, что закаляют мужчину. У нас, фрименов, есть поговорка: «Бог создал Арракис для испытания верных». Нельзя идти против воли Всевышнего.

Старая ясновидящая, Преподобная Мать Гайя Елена Мохайем, по-своему поняла скрытый смысл его слов. Ощувив угрозу джихада, она выкрикнула:

– Ты не можешь, ты не имеешь права напустить этот народ на Вселенную!

– Конечно, куда им до гуманизма сардаукаров, – с насмешкой ответил Пол.

– Ты не можешь, – хрипло повторила она.

– Ты же ясновидящая, – сказал Пол. – Вслушайся в собственные слова. – Он поглядел на принцессу крови, потом на Императора. – Давайте побыстрее закончим с делами, величество.

Император потрясенно уставился на дочь. Она тронула его руку, сказала успокаивающим тоном:

– Отец, меня ведь и воспитывали для этого.

Он глубоко вздохнул.

– Деваться некуда, – пробормотала старуха-ясновидящая.

Император выпрямился, замер, остатки бывшего достоинства вернулись к нему.

– Кто будет вести переговоры за тебя? Родственники?

Пол отвернулся, взглянул на мать. Опустив глаза, она стояла рядом с Чани за цепочкой стражей-фидайинов. Он подошел к ним, посмотрел сверху на маленькую Чани.

– Я все понимаю, – прошептала Чани, – раз так должно быть... Усул.

Услышав в ее голосе сдерживаемые слезы, Пол прикоснулся к ее щеке.

– Сихайя, не бойся, тебе нечего бояться. – Уронив руку, он обратился к матери: – Мать, вести переговоры будешь ты. Вместе с Чани. Она мудра и проникательна. Все знают, что никто не торгуется так упорно, как фримены. Она будет глядеть на все глазами любви ко мне и думать о своих будущих сыновьях, об их нуждах. Прислушивайся же к ее словам.

Джессика почувствовала в словах его твердый расчет и подавила дрожь.

– Какие будут инструкции? – спросила она.

– В качестве приданого я требую всю долю Императора в КАНИКТ.

– Всю? – она потрясенно умолкла.

– Его следует обобрать до нитки. Еще я требую титул графа и директорское место в КАНИКТ для Гарни Холлика, пусть он получит в файф Каладан. Кроме того, титулы и места помощников всем уцелевшим солдатам отца, до самого последнего рядового.

– А что для фрименов? – спросила Джессика.

– Фримены – мои, – отвечал Пол, – и они получают свои награды из рук Муад'Диб. Я начну с назначения Стилгара губернатором Арракиса, но это может пока подождать.

– А что для меня? – спросила Джессика.

– Ты чего-нибудь хочешь?

– Может быть, Каладан? – сказала она, поглядев на Гарни. – Я еще не уверена. Я слишком уж стала фрименкой... и Преподобной

Матерью и хочу лишь немного мира и спокойствия.

– Ты получишь и то, и другое, – сказал Пол, – все, что будет по силам нам с Гарни.

Джессика кивнула, вдруг ощутив себя старой и усталой. Она поглядела на Чани:

– А что ждет наложницу будущего Императора?

– Не надо мне титулов, не надо... – зашептала Чани. – Ничего не надо, я умоляю.

Пол поглядел ей в глаза, вспомнив вдруг, как стояла она перед ним, прижимая к себе крошку Лето, их убитого мальчика.

– Клянусь, – прошептал он, – титул тебе не потребуется. Эта женщина будет моей женой, а ты – наложницей, так рассудила политика – приходится примирять всех, привлекать Ландсраад на свою сторону. Приходится подчиняться условностям. Но эта принцесса получит от меня лишь имя. Ни ребенка, ни ласки, ни взгляда... ни мгновения страсти.

– Это ты сейчас так говоришь, – отвечала Чани, поднимая глаза на стройную высокую принцессу.

– Неужели ты еще не узнала моего сына? – прошептала Джессика. – Смотри, как держится эта принцесса, сколько в ней гордости и высокомерия. Говорят, что у нее писательские наклонности. Будем надеяться, что она найдет утешение в литературе, ничего другого ей не останется. – Джессика горько усмехнулась. – Подумай, Чани, у принцессы будет громкое имя, но жить ей суждено будет хуже наложницы... Подумай, ни мгновения ласки... А нас, Чани, нас, наложниц... история назовет женами.

Приложения

Приложение I. Экология Дюны

С ростом количества объектов в ограниченном пространстве за критической точкой число степеней свободы каждого уменьшается. Это справедливо, если речь идет и о людях, замкнутых в тесные рамки экосистемы планеты, и о молекулах в закупоренной фляге. Проблема гуманности заключается не в том, долго ли человек может выжить в подобной экосистеме, но в том, какую жизнь придется вести выжившим.

Пардот Кайнс, первый планетолог Арракиса

Обычно для новичка Арракис – просто-напросто колоссальная каменистая пустошь. Незнакомый с планетой человек первым делом решит, что ничто не может здесь жить и расти под открытым небом, что его окружает бесплоднейшая из пустынь, которая никогда не была плодородной и не будет.

Для Пардота Кайнса планета была воплощением энергии, машиной, мотором которой является солнце. Необходимо лишь приспособить ее к нуждам человека. Мысль его сразу же обратилась к кочевникам, к Вольному народу. К фрименам. Вот это вызов природе! Каким инструментом они могут стать, эти фримены! В них он почувствовал экологическую и геологическую силу, почти неограниченную в своих возможностях.

Человек он был непосредственный и, скажем, прямолинейный. Так, значит, надо научиться обходить законы Харконненов? Великолепно. Для этого можно жениться на фрименке. А когда она подарит ему сына-фримена, он научит его, Лайета-Кайнса, и его друзей экологической грамотности, новому языку, что позволяет манипулировать ландшафтом, климатом, временами года, что способен, наконец, испепелить все сложившиеся представления о равновесии сил на планете ослепительным светом знания.

«На любой не пораженной вредителем-человеком планете существует прекрасное в своем равновесии внутреннее движение, – говорил Кайнс. – И в красоте его нетрудно увидеть общий для всей

жизни динамический стабилизирующий фактор. Цель проста: поддерживать существование и воспроизведение скоординированных схем все большей и большей сложности. Наличие жизни в замкнутой системе увеличивает собственную способность жизненных форм к самовоспроизводству. И жизнь – все живое – служит жизни. Система становится сложнее, и продукты питания поставляются жизни жизнью во все возрастающем разнообразии. Сам ландшафт оживает, наполняется связями, и связями в них, и новыми связями».

Такие лекции Пардот Кайнс читал в ситчах обычным селянам.

Но прежде чем перейти к лекциям, ему пришлось убедить фрименов. Чтобы понять, как все это происходило, попробуйте представить себе этого однодума, с его невероятной приверженностью своей идее и простодушием, с которым он воспринимал окружающее. Он не был наивным, нет, он просто не позволял себе отвлекаться.

Он занимался исследованием ландшафта Арракиса в одноместной наземной машине и однажды жарким полднем наткнулся на прискорбно обычную для здешних мест сценку. Шестеро харконненских наемников в щитах и полном вооружении застигли троих фрименских юношей на равнине за Барьером у деревни Ветряной Мешок. Сперва Кайнсу стычка показалась пустячной иллюстрацией из журнала, потом до него дошло, что харконненцы намерены убить фрименов. Один из юношей как раз тогда покатился по песку с перерезанной артерией. Двое наемников, правда, уже не подавали к этому времени признаков жизни, но тем не менее двоим юнцам противостояло четверо вооруженных головорезов.

Кайнс не был храбр, этот однодум просто был бережлив. Харконнены убивали фрименов, орудия, с помощью которых он собирался переделать планету! Он включил собственный щит, вмешался и заколол рапироном двоих харконненцев прежде, чем остальные заметили, что позади появился кто-то еще. Потом он отбил удар меча и аккуратно распорол горло еще одному. Предоставив оставшегося наемника вниманию двоих юнцов, собственное внимание он уделил распростертому на земле мальчику. И спас ему жизнь. Тем временем двое юношей вывели в расход последнего, шестого наемника.

Вот так котелок песчаной форели!^[1] Фримены не понимали, что им делать с Кайнсом. Конечно, они знали, кто он. Никто не попадал на

Арракис без того, чтобы его досье не просмотрели в подземных твердых фрименов. Все знали – он слуга Императора.

Но этот иномирнин убил харконненцев!

Взрослые фримены, должно быть, не без недоумения пожав плечами, с некоторым сожалением отправили бы его тень следом за тенью шести убитых. Но трое юношей были еще неопытны и осознали главное: этому слуге Императора они обязаны жизнью.

Двумя днями позже Кайнс объявился в ситче у прохода Ветров. С его точки зрения, все было естественно. Он завел разговор с фрименами о воде, о дюнах, остановленных травой, о рощах финиковых пальм, о канатах прямо в пустыне. Он говорил, и говорил, и говорил.

А вокруг него бушевал спор, о котором Кайнс даже не подозревал. Что делать с этим безумцем? Он узнал местоположение главного ситча. Что делать? Как понимать его безумные речи о рае, которым станет Арракис? Пустая болтовня? Он и так узнал слишком много. Но он же убил харконненцев! Как насчет водяного долга? Какие могут быть долги перед Империей? Но ведь он убил харконненцев. А кто их не убивает? Хотя бы я сам.

Но его речи о расцвете Арракиса...

Ерунда, пусть скажет, где взять для этого воду!

Он сказал, что она здесь, под нами! И спас троих наших!

Он спас троих глупцов, подвернувшихся под харконненский кулак! И он видел крысы.

Решение было вынужденным, и все понимали необходимость его задолго до голосования. Предписания тау определяют поведение людей ситча, вплоть до самых жестоких ситуаций. Выполнить работу послали опытного бойца с освященным ножом. За ним следовали два водоноса, чтобы извлечь воду из тела. Жестокая необходимость.

Едва ли Кайнс обратил внимание на своего будущего палача. Он разговаривал с группой людей, державшихся на почтительном удалении от него. Он говорил и расхаживал взад и вперед, жестикулировал.

– Открытая вода, – говорил им Кайнс. – Будете ходить без конденскостюмов. Черпать воду в прудах! Есть портигалсы!

Перед ним появился человек с ножом.

– Отойди, – сказал ему Кайнс, продолжая объяснять устройство изобретенных им ветровых ловушек. Он обошел стоящего... и... спина его была уже открыта для церемониального удара.

Что происходило тогда в голове несостоявшегося палача, трудно уразуметь. Быть может, он вслушался в речи Кайнса и уверовал? Кто знает? Но поступок его достоин памяти. Его звали Улайет, что означало «старый Лайет». Отойдя в сторону на три шага, Улайет бросился на свой собственный нож, так сказать, «устранился». Было это самоубийством? Некоторые утверждают, что рукой его двигал Шай-Хулуд.

Вот и говори о предзнаменованиях!

И с того момента Кайнсу оставалось лишь приказывать: «Идите туда». И шли целыми племенами. Умирили. Мужчины, женщины, дети. Умирили, но шли.

Кайнс возвратился к своей имперской работе, занялся биологическими испытательными станциями. И в персонале станций стали появляться фримены. Фримен видел там фримена. Они начали проникать в «систему». Подобная мысль даже не приходила им прежде в голову. Инструменты со станций начинали переключиваться в лабиринты подземных ситчей, в особенности лучевые резак, которыми было удобно вырезать подземные котловины, – хранилища для воды и потайные ветровые ловушки.

В подземных котловинах начала скапливаться вода.

И фрименам стало ясно, что если Кайнс и сумасшедший, то не совсем, но в той мере, что делает из человека святого. Он стал для них одним из *умма* – пророков. А дух Улайета вознесся и возвысился среди *саду* – сонма небесных судей.

Кайнс, прямолинейный, примитивно целеустремленный Кайнс, понимал, что организованные исследования не помогут обнаружить ничего нового. И он создал небольшие группы экспериментаторов, быстро обменивающиеся информацией, для реализации эффекта Тансли. Он разрешил каждой группе следовать собственным путем. Они обрабатывали миллионы крошечных фактиков. Сам он лишь изредка организовывал грубые масштабные эксперименты, чтобы выявить перспективные направления и возникающие сложности.

По всей пустыне проводилось глубокое бурение. Составлялись карты долгосрочных тенденций в погоде, имя которым – климат. Он

обнаружил, что в охватывающей весь Арракис полосе между семидесятью параллелями с юга и севера температуры тысячелетиями не выходили за пределы 254–332 градусов по абсолютной шкале^[2], что флора в этом поясе имеет длительные периоды роста, когда температура изменяется от 283 до 302 градусов^[3]. Благоприятный диапазон для земных форм, если только удастся решить проблему полива.

«Решит ли он ее? – спрашивали друг у друга фримены. – Когда же станет раем Арракис?»

И словно учитель, объясняющий ребенку, сколько будет, если к двум прибавить два, Кайнс отвечал им: «Через триста или пятьсот лет».

Мелкие людишки завывали бы от разочарования. Но кнутобои Харконненов успели научить Вольный народ терпению. Срок, правда, был больший, чем они ожидали, и все же они могли уже убедиться, что благословенный день грядет. Затянув кушаки потуже, они приступили к работе. Разочарование некоторым образом сделало перспективу грядущего рая реальнее.

На Арракисе экономили не воду – влагу. Домашних животных почти не держали, в хозяйстве ими пользовались лишь изредка. Иные из контрабандистов заводили одомашненного пустынного осла-кулана, но трата воды была слишком велика, даже если животных облачали в специальные конденкостюмы.

Кайнс подумывал о создании перерабатывающих заводов, собирався извлекать воду из кислорода и водорода местных пород, но затраты энергии и стоимость оказались чересчур велики. В полярных шапках (если забыть о ложном чувстве безопасности, которое они вселяли в души пеонов) содержалось слишком мало воды... но он уже подозревал, где искать ее. Ветры, дующие в известных широтах в определенную сторону, всегда несли влагу. Ключом ко всему был сам состав атмосферы. 23 % кислорода, 75,4 % азота и 0,23 % двуокиси углерода, остальное – газообразные примеси.

В северном полушарии редкое из местных растений, имеющих корни, поднималось выше двух с половиной километров. Из их двухметровых корневищ можно было получить пол-литра воды. На планете уже росли и растения земных пустынь, самые живучие

приспосабливались, если их высаживали в низинах возле ловушек росы.

И тогда Кайнс увидел солончак.

На перелете от станции к станции топтер его отнесла в сторону бури. А когда она закончилась, под ним оказалась низина – гигантское овальное углубление километров в триста по продольной оси, белизной своей заставившее его загореться любопытством. Кайнс опустил язык и тронул языком вылизанную бурей поверхность пустыни.

Соль.

Теперь он был уверен.

Открытая вода на Арракисе была. Когда-то. И он стал вновь просматривать свидетельства о сухих впадинах, где время от времени, не скапливаясь, выступали капли воды.

Кайнс посадил своих новичков-лимнологов из числа фрименов за работу; основным ключом были кожистые лохмотья, иногда попадающиеся в специевой массе после выброса. Их приписывали мифической «песчаной форели» из фрименских сказок. Но факты сложились в свидетельство, доказательство существования некоего существа, которому принадлежала такая кожа. Оно плавало в песке и окружало карманы с водой в пористом нижнем слое, где температура не превышала 280 градусов абсолютной шкалы^[4].

Эти «похитители влаги» гибли миллионами при каждом выбросе специ. Ничтожное изменение температуры на пять градусов убивало их. Немногие из уцелевших впадали в полуспячку – оцепенение, из которого через шесть лет выходили преображенными в крошечных, всего шесть метров длиною, песчаных червей. Мало кому из них удавалось избежать зубов своих старших братьев и наполненных водой карманов предспециевой массы и достичь зрелости в облике гиганта Шай-Хулуда. (Вода ядовита для них, фримены знали это уже давно и топили в воде редкого в Малом эрге «чахлого червя», чтобы получить проясняющий сознание наркотик, который они называли Водой Жизни. «Чахлый» червь – это примитивный вид Шай-Хулуда, достигающий в длину лишь девяти метров.)

И цикл «маленький делатель – предспециевые массы» наконец оформился: от малого делателя – к Шай-Хулуду; Шай-Хулуд же рассеивал в песке специю, которой кормились микроскопические

существа – корм Шай-Хулуда, – называемые песчаным планктоном; они множились, росли, превращались в малых делателей.

Закончив исследование цикла гигантов, Кайнс и его люди перенесли свое внимание на микроэкологию, климат. На поверхности песка предел температуры – 344–359 К^[5]. Футом ниже становится прохладнее на 55 градусов, футом выше – на 25. В тени листьев или камней еще прохладнее на 18 градусов.

Далее они исследовали питательные вещества – ведь песок на Арракисе в основном представляет собой отходы пищеварения червя. Пыль (действительно вездесущая здесь) образуется при постоянном движении поверхности, трении песчинок. Крупные песчинки всегда остаются на подветренной стороне дюны, наветренная же утрамбована ветром. Поверхность старых окислена – ее цвет желтый, молодые дюны имеют цвет материнской породы, обычно серый.

С подветренной стороны дюн и начались посадки. Целью фрименов было сперва негусто засадить дюны хотя бы невысокой травой с плотной кожицей, чтобы сковать их, лишить ветер главного его оружия – движущихся песчинок.

Зоны для адаптации создали на дальнем юге, вдали от взглядов Харконненов. Мутировавшие пустынные травы высаживали сперва на откосах с подветренной стороны выбранных дюн, преграждавших путь господствующим западным ветрам. И когда их склоны удалось укрепить, дюны стали расти ввысь, и травы приходилось постоянно подсаживать. Так получились громадные «сифы» – волнистые дюны высотой более полутора километров.

А когда дюнные барьеры достаточно подросли, с подветренных сторон их стали засаживать серебряной травой, мискантусом, стойкой меч-травой. Так все дюны свыше шести высот были закреплены – обсажены травой.

Потом пришел черед более глубоких посадок: сперва эфемеров (маревые, амаранты), потом наступило время раakitника, низкорослого люпина, стелющегося эвкалипта (выведенного для северных краев Каладана), карликового тамариска, цепкой береговой сосны, а затем и истинно пустынных растений: канделлилы, сагуаро, бис-наги. Где было возможно, сажали верблюжью полынь, дикий лук, перистую гобийскую траву, дику люцерну, кустарниковую амброзию, песчаную

вербену, ослинник двулетний, ладанник, дымное дерево, креозотовый куст.

А после дело уже дошло и до животных – сначала до роющих норы, вскрывающих почву и насыщающих ее кислородом: лисицы, кенгуровой мыши, пустынного зайца, песчаной черепахи... и хищников, что должны были контролировать численность предыдущих: пустынного ястреба, совы – карликовой и пустынной, и орла; возникли также насекомые, заполнившие свободные ниши: скорпион, сороконожка, тарантул, кусачая оса, наездник... и пустынная летучая мышь, чтобы приглядывать за ними всеми.

И, наконец, пришла пора практических испытаний – время финиковых пальм, хлопка, дынь, кофе, лекарственных растений. Более двухсот видов съедобных растений было испытано и адаптировано к жизни на Арракисе.

«Когда речь идет об экосистеме, – говорил Кайнс, – люди, неграмотные экологически, не понимают прежде всего именно то, что это *система*. Система! Для нее характерно изменчивое равновесие, которое может нарушить пустяк, – ошибка в одной только нише. У системы есть порядок, она перетекает от точки к точке. Если что-либо преграждает это течение – порядок рушится. А без соответствующего образования можно не обнаружить даже намека на крах, пока не становится слишком поздно. Вот почему высшей функцией экологии является предвидение последствий».

А они сумели создать систему!

Кайнс и его люди ждали и наблюдали. Фримены теперь поняли, что он имел в виду, отмеряя срок в пятьсот лет.

Из пальмовых рощ пришло сообщение: там, где посадки граничат с пустыней, гибнет песчаный планктон, отравленный новыми формами жизни. Причина – белковая несовместимость. Там накапливалась отравленная вода, которой не смела коснуться жизнь Арракиса.

Кайнс отправился туда сам, в паланкине, словно раненый или Преподобная Мать, – он так и не стал наездником. Исследовав возникшие пустоши, – а они воняли до неба! – он вернулся назад, объявив, что от Арракиса получен неожиданный дар.

Азот и сера, поступившие в землю, преобразили пустошь в богатую почву для земных форм растительной жизни. Посадки можно было продолжать.

Фримены осведомлялись, не повлияет ли это на сроки?

Кайнс обратился к планетной математике. К тому времени статистика, накопленная на протяжении периода работы ветровых ловушек, давала вполне определенные цифры. Он не пытался исключить допуски, понимая, что точность в планетологии немислима. Часть растительного покрова должна была обеспечить фиксацию дюн, часть – пойти в пищу животным и людям, часть должна была связать влагу корнями и передавать ее в сухие окрестности.

К тому времени они уже нанесли на карту все перемещающиеся холодные точки в пустыне. Их следовало ввести в формулы. Даже Шай-Хулуду находилось место в схемах. Его нельзя уничтожать – иначе конец специ. Его внутренняя пищеварительная фабрика, с этой колоссальной концентрацией кислот и альдегидов, являлась гигантским источником кислорода. Средний червь (около двухсот метров длиной) выделял в атмосферу столько же кислорода, сколько десять квадратных километров фотосинтезирующей зеленой растительности.

Приходилось считаться и с Гильдией. К этому времени уже определились размеры выплат в специ, чтобы ни погодные спутники, никакие вообще наблюдатели не появлялись в небесах Арракиса.

Нельзя было игнорировать и сам Вольный народ. Их, фрименов, с ветряными ловушками и точечным земледелием у источников воды, фрименов, просвещенных теперь экологически, обретших мечту о преобразовании обширных районов Арракиса сначала в прерии, а затем – в леса.

Таблицы позволили получить цифру, и Кайнс назвал ее – три процента. Если им удастся вовлечь три процента зеленой массы растений Арракиса в образование соединений углерода, успех можно закрепить.

– Но сколько же ждать? – настаивали фримены.

– Ах, это... ну, лет триста пятьдесят.

Значит, этот умма не обманывал с самого начала. Свершения мечты не следовало ожидать ни при ныне живущих, ни при жизни потомков их до восьмого колена. Но все-таки тот день придет.

И работа продолжалась: они строили, сажали растения, копали, учили детей.

А потом Кайнс-умма погиб в пещере у котловины Пластыря.

К тому времени его сыну, Лайету-Кайнсу, было девятнадцать. Он был уже настоящий фрименский наездник и успел убить к тому времени более сотни харконненцев. Императорское назначение на место отца, о котором успел походатайствовать старший Кайнс, произошло само собой. Жесткая классовая структура фофрелах имела здесь четкую цель: сын должен заменять отца.

Тогда курс был уже намечен, постигший экологию Вольный народ был направлен по выбранному пути. Лайету-Кайнсу оставалось лишь наблюдать и подталкивать всех, и шпионить за Харконненами... пока однажды, как ни прискорбно, его планета не попала в руки героя.

Приложение II. Религия Дюны

До пришествия Муад'Диба фримены исповедовали религию, происходящую, как ясно любому ученому, от Маомет-Саари. Многие подмечали обильные заимствования из других религий. Наиболее привычным примером является Гимн Воде – прямое заимствование из литургии Оранжевых Католиков, – призывающий дождь и тучи, которых никогда не видел Арракис. Но единство «Китаб аль-Ибар» фрименов и учений Библии, Фикха и Илма является куда более глубинным.

Любое сопоставление верований, распространенных в Империи до Муад'Диба, должно начинаться с определения основных сил, придавших форму этим верованиям:

1. Последователи Четырнадцати мудрецов. Оранжевая Католическая Библия была их Книгой. Взгляды их изложены в Комментариях и другой литературе, вышедшей из рук комиссии переводчиков-экуменистов (КПЭ).

2. Бинэ Гессерит, всегда неофициально отрицавшие религиозную сущность своего Ордена. Невзирая на почти непробиваемую завесу обрядовой мистики ритуалов, все их учение, символизм, организация, обучение носили целиком религиозный характер.

3. Агностически настроенный правящий класс (в том числе и Гильдия). Для них религия была чем-то вроде театра марионеток, забавляющего публику и умягчающего ее нравы. В основном они веровали, что все феномены, даже религиозные, можно свести к механическому объяснению.

4. Так называемые Древние Учения, в том числе сохраненные скитальцами-дзенсуннитами от первого, второго и третьего исламских движений; навахристианство Чусука; варианты буддислама, доминирующие на Ланкивейле и Секуне; Книга Объединения Махаяны Ланкаватары, Дзен Хекиганьшу Дельты Павлина III; Тора и Талмуд-Забур, уцелевшие на Салузе Секундус; распространяющийся повсюду обряд Обеах, Муад Коран с его Илмом и Фикхом, в чистоте и неприкосновенности сохраненный рисоводами Каладана; всходы

индуизма, разбросанные по всей Вселенной среди удаленных друг от друга групп пеонов и, наконец, Батлерианский джихад.

Но есть пятая сила, в свой черед повлиявшая на верование, но эффект ее глубок и универсален, поэтому она заслуживает отдельного рассмотрения.

Конечно же, это космические путешествия, и, рассматривая состояние верований во Вселенной, эти два слова следует писать так:

КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ!

Странствия человека в космосе оставили глубочайший отпечаток на его религиозных воззрениях за сто и еще десять столетий, предшествовавших Батлерианскому джихаду. Начнем с того, что на ранней стадии космические путешествия, пусть технические средства их уже были достаточно совершенными, происходили медленно, нерегулярно и до монополии Гильдии осуществлялись с помощью бесчисленного множества методов. И первые космические впечатления, даже в искаженной интерпретации, дали колоссальный толчок мистическим размышлениям.

Космос немедленно придал новое толкование Акту Творения. Эта резкая смена курса очевиднее всего в высочайших достижениях религиозной мысли эпохи. К чувству священного во всех религиях словно прикоснулся хаос из внешней тьмы.

Юпитер и все его потомки, казалось, отступили в материнскую тьму, оттесненные двусмысленной женской сущностью и ее страшным ликом.

Древние формулы сливались, переплетались, чтобы описать новые завоевания духа новыми геральдическими символами. То время было временем жаркой борьбы между звероподобными демонами и старыми молитвами и заклятиями.

Ясности не было.

Тогда-то они заново изложили Книгу Бытия, позволив себе так изменить слова Бога:

«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Вселенную, и обладайте ею, и владычествуйте над всеми странными существами, что населяют бесчисленные земли, их воду и воздух».

Тогда было время колдуний, и в их руках была сила. Меру ее можно увидеть хотя бы в том, что они не болтали, какими путями им удалось перехватить факел.

А потом Вселенную затопил Батлерианский джихад – два поколения Хаоса. Божок машинной логики был низвержен, повсюду и в массах проникнулись новой идеей:

«Да не будет ничем заменен человек».

И два поколения, отданные во власть насилия, дали человечеству возможность оглядеться. Люди поглядели на своих богов и обряды и поняли, что и они воплощают ужаснейшее из неравенств – честолубие, что больше страха.

Религиозные вожди, чьи последователи пролили кровь миллионов, нерешительно начали встречаться и обмениваться взглядами. Космическая Гильдия, что уже распространяла свою монополию на все межзвездные перевозки, поощряла этот процесс, то же делали и Бинэ Гессерит – Орден, объединивший колдуний.

Уже на одной из первых экуменических встреч было получено два важнейших результата.

1. Было установлено, что у всех религий совпадает, по крайней мере, одна заповедь: «Да не изуродуй души своей».

2. Была создана комиссия переводчиков-экуменистов (КПЭ), угнездившаяся на нейтральной почве Старой Земли, породившей когда-то все исходные религии. Они соглашались в главном – Вселенная есть творение Божества. В комиссии были представители всех религий, число последователей которых превышало миллион человек, и они удивительно быстро достигли соглашения по основному вопросу.

«Мы собрались здесь, чтобы вырвать главное оружие из рук воинствующих суеверов – претензию на обладание одним-единственным Откровением».

Впрочем, ликование по поводу этого «знака всеобщего согласия» оказалось преждевременным. В течение более чем года КПЭ оказалась не в силах что-нибудь добавить к этому сообщению. Люди с горечью судачили о причинах задержки. Трубадуры придумывали насмешливые, ехидные песенки о ста двадцати одном «старом эгоисте», так их прозвали по первым буквам КПЭ – комиссия

переводчиков-эгоистов. Один из шлягеров, «Загар и отдых», с тех пор не забыт, и время от времени популярность его переживает новые всплески:

Загар и отдых...
Полдень и лень.
Трагедия эгоистов,
Трагедия всех эгоистов.
Отдых и лень —
Тысячный день.
Время! Грядет
Бог наш —
Сэндвич!

Заседания комиссии давали почву для слухов. Говорили, что они заняты сопоставлением текстов. Безответственные люди называли конкретные тексты. Подобные слухи неизменно порождали бунты против экуменизма и, конечно, новые остроты.

Прошло два года... три года.

Члены комиссии прервали свою работу — девятеро из них скончались, и следовало найти им замену. Было объявлено, что они трудятся над единой книгой и это поможет искоренить все «патологические симптомы прошлого религий».

«Мы создаем инструмент любви, на котором можно будет играть всеми возможными способами».

Многие считают странным, что именно это заявление привело к вспышкам разнузданнейшего насилия над экуменизмом.

Двадцать конгрегаций отозвали своих делегатов. Один из членов комиссии решился на самоубийство: похитил космический фрегат и бросился на нем в Солнце.

По оценке историков, бунты эти унесли восемьдесят миллионов жизней. В среднем для каждого мира, входящего в Лигу Ландсраада, это составит около шести тысяч. Учитывая беспокойные времена, такая оценка едва ли завышена, хотя любые потуги на точность здесь претенциозны. Связь между мирами в тот момент испытывала один из глубочайших отливов.

Трубадуры, вполне естественно, резвились. В одной из популярных музыкальных комедий этих времен делегат КПЭ, сидя на белоснежном песке, распевал под пальмой:

Ради бога, женщин и неги любви
Мы забыли здесь страх и дела.
Трубадур! Трубадур, спой иную песнь
Ради бога, женщин и неги любви.

Бунты и комедии – эти симптомы – выявляют истинную суть того времени. Они выдают психологический настрой, глубокую неуверенность, тягу к чему-то лучшему и боязнь, что все закончится ничем.

В те годы анархию сдерживали в основном Протогильдия, Дочери Гессера и Ландсраад, в течение двух тысяч лет продолжавший свои собрания, несмотря на ряд серьезнейших препятствий. Роль Гильдии ясна: она предоставила транспорт для всего Ландсраада и КПЭ. Роль Бинэ Гессерит куда менее очевидна. Конечно, именно в это время они объединились, исследовали действие тонких наркотиков, разработали методы обучения прана-бинду и произвели на свет Миссионарию Протективу со всеми ее черными предрассудками. Но тогда же была создана и литания против страха, и книга Азхар – библиографическое чудо, хранящее великие секреты древнейших верований.

Быть может, охарактеризовать это время можно лишь словами Ингсли: «И была эта пора временем глубочайших парадоксов».

В течение почти семи лет трудилась КПЭ. А когда стала близиться седьмая годовщина их трудов, комиссия начала готовить Вселенную к величайшему озарению. В день своей седьмой годовщины они явили мирам Оранжевую Католическую Библию.

«Книга достойная и значительная, – сказали они, – она способна заставить человечество воспринимать себя как творение Господа».

Заседавших в КПЭ называли «археологами идей», вдохновленными самим Богом на величественное повторное открытие. Говорили, что они извлекли на свет «великие бессмертные идеи из-под груза столетий», что они «заострили моральные императивы любого религиозного сознания».

Одновременно с О. К. Библией КПЭ представила «Литургическое руководство» и «Комментарии» – работу, выдающуюся не в последнюю очередь из-за ее краткости (объем ее – менее половины О. К. Библии), но также из-за несомненной искренности и разящего сочетания самобичевания и уверенности в своей правоте.

Начало очевидным образом обращено к правителям-агностикам:

«Мужи, что не обрели ответа на все вопросы, сведенные в сунну (десять тысяч религиозных вопросов из Шари-а), хотят воспользоваться собственным разумом. Все мужи хотят быть просвещенными. Что есть религия? Древнейший и достойнейший способ понять смысл творения Господа – Вселенной! Ученые ищут закономерности среди событий. Задача религии – найти место человеку среди этих закономерностей».

В заключении, впрочем, Комментарии приобретали тон более резкий, возможно, предопределивший их судьбу:

«Часто в том, что называлось доньше религией, крылась бессознательная враждебность к жизни. Истинное учение свидетельствует, что жизнь исполнена радостей, угодных очам Господа, что знание, лишнее действия, – пусто. Все должны понять, что зубрежка канонов бессмысленна, – надувательство, если угодно. Истинное учение узнать несложно. Оно там, где само сердце подсказывает: «Я знал это всю жизнь».

Типографские прессы стучали, и печатные шигафировые машины крутились, О. К. Библия распространялась по всем мирам среди странной тишины и покоя. Некоторые воспринимали их как Божью благодать, знак благословения установившемуся единству.

Обаянию этой тишины поддались и сами члены комиссии. Восемнадцать из них линчевали в течение ближайших двух месяцев, а не прошло и года, как еще пятьдесят три отреклись от своего труда.

О. К. Библию признали порожденной «притязаниями рассудка», утверждали, что страницы ее – чистый соблазн логики и гордыня людского рассудка. Сразу же начали появляться пересмотренные издания, что считались и с привычным фанатизмом, и с ханжеством. В этих трудах символика была привычной (крест и полумесяц, погремушка с перьями, двенадцать святых, тощий Будда и тому подобное), и скоро стало очевидным, что древние верования и предрассудки оказались не по зубам новому экуменизму.

Халлоуэй назвал результат семилетних трудов КПЭ «полипланетным биодетерминизмом»; название это с восторгом подхватили миллионы верующих, справедливо узревших в инициалах ПБ определение – «проклятый Богом».

Даже председатель КПЭ Туре Бомоко, улем дзенсуннитов, один из тех четырнадцати делегатов, кто так и не отрекся впоследствии от своего труда («Четырнадцать мудрецов популярной истории»), через некоторое время признал деятельность КПЭ ошибкой.

«Не стоило даже пытаться создавать новую символику, – сказал он. – Общепринятые верования не терпят неопределенности, и не следует возбуждать в толпе праздное любопытство к высочайшим истинам теологии. Мы ежедневно лицезрим, как мало живет и человек, но рамки религиозных учений становятся все более жесткими, тесными, несут конформизм и угнетение. Почему же затмился ясный путь божественных заповедей? Это значит, каноны живут, символика владеет умами, даже если начальный смысл забылся, а потому нельзя и мечтать достичь суммы всех известных нам верований».

Горечь этих слов не ускользнула от критиков Бомоко, и вскоре его вынудили бежать, положившись лишь на расположение Гильдии, скрывшей ото всех его маршрут. Считают, что он умер на Тупайле, окруженный почетом и любовью. Последними словами его были: «Религия существует, она для тех, кто может сказать себе, – я не таков, каким хочу быть. Она не для сборища самоудовлетворенных».

Принято думать, что Бомоко понимал пророческую суть собственных слов: «Каноны живут». Девятью десятками поколений позже О. К. Библия и «Комментарии» проникли во все уголки религиозной Вселенной.

Когда Пол-Муад'Диб встал, положив правую руку на каменную гробницу, в которой покоился череп его отца, слово в слово он процитировал строки из «Наследия Бомоко»:

«Вы, победившие нас, говорите, что Вавилон пал и дела его разрушены. Я же скажу вам, что каждого из нас ждет суд Всевышнего и каждому воздастся по делам его. Добро и зло сражаются в каждой душе».

Фримены говорили о Муад'Дибе, что он подобен Абу Зайду, фрегат которого посрамил гильдийские корабли и за день слетал туда и обратно. *Туда* – обозначало то место в мифологии фрименов, где

находится страна духа рух, алам-аль-миталь, где нет ничего невозможного.

Легко увидеть в этом идею Квизац Хадерача, которого пытались получить сестры в результате своей генетической программы. Он толковался ими как «Тот, кто сократит путь», или «Человек, который может быть сразу во многих местах».

Но оба эти определения, как нетрудно показать, восходили непосредственно к «Комментариям»: «Когда закон и религиозные обязанности совпадают, твое эго обнимает Вселенную».

Муад'Диб говорил о себе: «Я – сеть в океане времен, что можно забросить и в будущее и в былое. Я – разделяющая их движущаяся преграда, которой не избежит ни одна вероятность».

Все это восходит к 22-й Кальме О. К. Библии, гласящей: «Высказана мысль или нет – она реальна и обладает силой реальности».

И когда мы обращаемся к собственным комментариям Муад'Диб в «Столпах Вселенной» в интерпретации его священнослужителей Квизара Тафвид, мы видим, чем он обязан КПЭ и фрименам-дзенсуннитам.

Муад'Диб: «Закон и долг едины: да будет так. Но помните ограничение – вы никогда не обретете полного самосознания. Вы остаетесь погруженными во всеобщее тау. Поэтому любой из вас всегда меньше, чем личность».

О. К. Библия: идентичное изложение (61 Откровение).

Муад'Диб: «Религии часто черпают из мифа о прогрессе, что укрывает нас от ужаса перед непостижимым будущим».

«Комментарии» КПЭ: идентичное изложение (книга Азхар считает эту мысль парафразой высказывания религиозного писателя первого века Ницшоу).

Муад'Диб: «Если дитя, неуч, невежа или безумец возбуждает беспокойство, виноват старший, не предотвративший, не предупредивший этого».

О. К. Библия: «Любой грех целиком или по меньшей мере частично можно свести к злу природному, к тем чисто внешним обстоятельствам, что приемлемы Богом». (В книге Азхар эти слова возводятся к древней Торе.)

Муад'Диб: «Простри свою руку и вкуси того, что Господь приготовил тебе, а закончив трапезу, восхвали Бога».

О. К. Библия: Тот же смысл (книга Азхар прослеживает это изречение в несколько отличающейся форме от первого ислама).

Муад'Диб: «В доброте начало жестокости».

Фрименская «Китаб аль-Ибар»: «Тяжка десница доброго Господа. Разве не Бог дал нам палящее солнце Аль-лят? Но разве не дал нам Господь и Матерей Влаги (Преподобных Матерей)? Разве не Бог дал нам Шайтана (Сатану, Иблиса)? Но разве не от Шайтана узнали мы о вреде торопливости?»

(Таков источник фрименской поговорки: «Поспешность – дочь Шайтана». И действительно: на испарение каждой из сотни калорий, выделяемых при быстром движении, тело тратит около шести унций пота. Фримены называют пот – бакка, слезы, и в одном из вариантов это слово имеет смысл: «жизненная сущность, которую Шайтан выжимает из твоей души».)

Пришествие Муад'Диба по Конивеллу «религиозно своевременное», но понятие времени имеет к этому слишком мало отношения. Сам Муад'Диб говорил: «Я здесь, поэтому...»

Жизненно важно, однако, анализируя влияние Муад'Диба на религию, не терять из виду следующий факт: фримены были пустынными жителями, наследственность которых приспособилась к суровому миру. Трудно избежать мистицизма, если каждую минуту приходится преодолевать открытую враждебность природы. «Вы здесь, поэтому...»

В этой традиции страдание принимается, быть может, как неосознанное наказание, но принимается. Нужно отметить, что обряды фрименов почти полностью свободны от чувства вины. Оно им не нужно – их закон и религия идентичны, а неповиновение – грех. Точнее будет отметить, что они считают себя чистыми от вины, раз повседневное существование их требовало принятия жестоких (и часто смертельно опасных) решений, которые бы отяготили души людей из более мягких краев почти несмываемой виной.

Такова, по всей вероятности, одна из причин склонности фрименов к суеверию (не учитывая деятельности Миссионарии Протективы). Что значит предзнаменование, слышимое в свисте песков? Почему, увидев первую луну, надо воздеть кулак? Плоть

принадлежит человеку, а вода его – племени, и тайна жизни не загадка, которую надо решить, а реальность, которую следует пережить. Предзнаменования помогают не забывать об этом. И поскольку ты здесь, поскольку ты исповедуешь именно эту религию, тебе суждена в конце концов победа.

Этим словам веками учили Дочери Гессера, еще задолго до того, как с позором отступили они перед фрименами.

«Когда религия и политика едут в одной телеге и правит ею живой святой (барака), ничто не может преградить им путь».

Приложение III. О мотивах и целях деятельности Бинэ Гессерит

Ниже приводится в сжатом виде изложение отчета, подготовленное собственными агентами для леди Джессики сразу после арракийского дела. Смелость соображений, высказанных в этом отчете, делает его куда более ценным, чем любые другие работы Ордена.

Поскольку Бинэ Гессерит столетиями под покровом полумистической школы проводили программу генетической селекции человека, мы все время придаем им куда большую значимость, чем они заслуживают. Анализ собственного «суда над фактом» по арракийскому делу выдает глубочайшее непонимание Орденом своей роли.

С этим можно спорить, утверждая, что Бинэ Гессерит использовали только те факты, которыми могли располагать, что у них не было прямого доступа к личности пророка Муад'Диба. Но школе приходилось преодолевать и более серьезные препятствия, а потому корни ее ошибок уходят глубже.

Результатом программы Бинэ Гессерит должно было явиться получение личности, которую они называли «Квизац Хадерач», что означает «Человек, который может быть сразу во многих местах». Проще говоря, они пытались создать человека, который обладал бы умственными возможностями, позволяющими ему постичь и использовать измерения высших порядков.

Они пытались получить суперментата, одушевленный компьютер, обладающий в известной степени способностями предвидения подобно навигатору Гильдии.

Муад'Диб, рожденный под именем Пол Атрейдес, был сыном герцога Лето, за линией происхождения которого внимательно следили более тысячи лет. Мать пророка, леди Джессика, была побочной дочерью барона Владимира Харконнена, и гены ее несли маркеры, крайняя важность которых для генетической программы была известна уже более двух тысяч лет. Она была Дочерью Гессера и по рождению,

и по воспитанию и должна была стать заинтересованным исполнителем проекта.

Леди Джессике было приказано родить Атрейдесу дочь. Планировалось близкородственное сочетание ее с Фейд-Раутой Харконненом, племянником барона Владимира, при высокой вероятности происхождения Квизац Хадерача от этого союза. Вместо этого по причинам, как она сама признавала, не вполне понятным даже ей самой, наложница герцога леди Джессика презрела приказ и родила сына.

Один этот факт должен был встревожить Бинэ Гессерит, указать, что в их схемы вторглась непредвиденная переменная. Но были и другие, куда более важные свидетельства, которые игнорировал Орден:

1. В юности Пол Атрейдес обнаружил способность к предсказанию будущего. Стало известно, что ему являлись предвидения, точность и проницательность которых не поддавалась четырехмерному объяснению.

2. Преподобная Мать Гайя Елена Мохайем, прощупавшая человеческую сущность Пола, когда ему было пятнадцать лет, свидетельствовала, что при испытании он выдержал жесточайшую боль, какой никогда не подвергался никто из испытуемых. И тем не менее ее угораздило не отметить это в отчете!

3. Когда семья Атрейдесов переехала на планету Арракис, фримены приветствовали мальчика как пророка, как «Голос Извне». Бинэ Гессерит прекрасно знали, что трудности жизни на этой планете, где преобладает пустыня при полном отсутствии открытой воды, где главное в жизни – самые примитивные нужды, борьба за выживание, неизбежно порождают в большом количестве сенситивов. Но ни реакция фрименов, ни очевидный факт – избыток специи в пище Арракиса, не были отмечены наблюдательными Бинэ Гессерит.

4. Когда Харконнены и солдаты-фанатики Императора оккупировали Арракис, убив отца Пола, перебив почти целиком его армию, Пол исчез вместе с матерью. Но ведь почти сразу из пустыни поступили сообщения о новом религиозном вожде фрименов, человеке по имени Муад'Диб, которого именовали точно так же «Голос Извне». В отчетах ясно указывалось, что сопровождает его новая Преподобная Мать из числа сайидин обрядов, и она – «женщина, что родила его». В информации, доступной Бинэ Гессерит, просто констатировалось, что

в легендах фрименов о пророке говорилось прямо: «И он будет рожден от ведьмы-гессеритки».

(Здесь можно возразить, заявив, что столетия назад Бинэ Гессерит заслали свою Миссионарию Протективу на планету Арракис и распространили легенду для спасения сестер, которые могут попасть там в беду, и что легендой о Голосе Извне можно пренебречь, поскольку она является типичной Протект Профетикус. Это было бы верно, лишь если бы сестры так не ошиблись и не отказались от всех свидетельств о личности Муад'Дибба.)

5. Когда разразился арракийский кризис, Космическая Гильдия попыталась начать переговоры с Бинэ Гессерит. Гильдия намекнула, что ее навигаторы, использующие наркотик из добываемой на Арракисе специи, испытывают определенные трудности. Их навигаторы, умевшие вести космические корабли в пустоте, «обеспокоены будущим», бурей, закрывшей весь горизонт. Это могло означать лишь одно: перед всеми ними оказался узел, место слияния несчетных деликатных решений, и будущее за ним было сокрыто от провидцев. Отсюда следовало, что в ход событий вмешивается кто-то извне, из измерений более высокого порядка.

(Кое-кто в Бинэ Гессерит уже давно понимал, что Гильдия не может вмешаться напрямую, когда дело касается жизненно важного для них источника специи, поскольку, пусть несовершенным образом, они имели уже дело с измерениями высшего порядка и понимали, что малейший неточный шаг здесь, на Арракисе, может привести к катастрофе. Навигаторы Гильдии не могли отыскать способ овладения источником меланжа, не создав узла вероятностей. Вполне очевидным могло быть, что какая-то из высших сил берет под контроль специю. Но Бинэ Гессерит полностью прозевали и это!)

Перед лицом вышеизложенных фактов остается заключить лишь одно: неэффективная реакция Бинэ Гессерит в данном вопросе является следствием действий куда более высокого уровня, о котором Орден даже не имел представления.

Приложение IV. Аланак Эн-Ашраф (Избранные краткие биографии благородных Домов)

ШАДДАМ IV (10134–10202)

Падишах-Император, восемьдесят первый в своем роду (Дом Коррино) на престоле Золотого Льва, правил с 10156, когда его отец Элруд IX пал от чомурки, был смещен в 10196 регентством, учрежденным во имя его старшей дочери Ирулан. Правление его в основном отмечено Арракийской революцией, причинами которой многие историки, обвиняя Шаддама IV, считают чрезмерное увлечение его дворцовыми обязанностями и пышностью двора. За первые шестнадцать лет его правления число бурсегов удвоилось. Ассигнования на обучение сардаукаров непрерывно уменьшались в течение всех тридцати лет, предшествовавших Арракийской революции. Имел пятерых дочерей (Ирулан, Челис, Уэнсиция, Джосифа и Руга), законных сыновей не было. Четверо его дочерей последовали за ним в изгнание. Жена его Анирул, Бинэ Гессерит Тайного Ранга, умерла в 10176 г.

ЛЕТО АТРЕЙДЕС (10140–10191)

Кузен Дома Коррино по женской линии, часто называемый «Красным герцогом». Дом Атрейдесов правил файфом на Каладане в ранге сиридаря при жизни двадцати поколений, потом его вытеснили на Арракис. В основном известен как отец герцога Пол-Муад'Диб, регента-умма. Останки герцога Лето покоятся в усыпальнице на Арракисе. Смерть его объясняют предательством доктора Сукк, в котором виновен сиридар-барон Владимир Харконнен.

ЛЕДИ ДЖЕССИКА (АТРЕЙДЕС) (10154–10256)

Побочная дочь (по сведениям Бинэ Гессерит) сиридар-барона Владимира Харконнена. Мать герцога Пол-Муад'Диб. Выпускница школы БГ на Уаллахе IX.

ЛЕДИ АЛИЯ АТРЕЙДЕС (род. 10191)

Законная дочь герцога Лето Атрейдеса и его наложницы, леди Джессики. Леди Алия родилась на Арракисе примерно через восемь месяцев после смерти герцога Лето. Дородовое воздействие на нее

наркотика из спектра проясняющих сознание является причиной ее клички среди Бинэ Гессерит – «Проклятая». В популярной истории она известна как св. Алия или св. Алия-от-Ножа. (Подробно см. в книге «Св. Алия, охотница на многих мирах» Пандера Оулсона.)

ВЛАДИМИР ХАРКОННЕН (10110–10193)

Обычно именуется просто барон Харконнен, его официальный титул – сиридар-барон (губернатор планеты). Владимир Харконнен является прямым потомком по мужской линии баши Абулурда Харконнена, осужденного за предательство после битвы при Коррине. Возвращение Дома Харконненов к власти связывается с искусными спекуляциями на рынке китового меха, потом с обогащением на Арракисе. Сиридар-барон умер на Арракисе в ходе революции. Титул на несколько часов перешел к на-барону, Фейд-Рауте Харконнену.

ГРАФ ХАСИМИР ФЕНРИНГ (10133–10225)

Кузен Дома Коррино по женской линии, товарищ Шаддама IV по детским играм. (Часто дискредитируемая «Пиратская история Коррино» содержит любопытный эпизод, обвиняющий именно Фенринга в чомурки, погубившем Элруда IX.) Все сходятся на том, что Фенринг был ближайшим другом Шаддама IV. Работа графа Фенринга включала исполнение обязанностей агента Империи на Арракисе при Харконненах, позднее – исполняющий обязанности сиридара на Каладане. Он примкнул к Шаддаму IV в ссылке на Салузе Секундус.

ГРАФ ГЛОССУ РАББАН (10132–10193)

Глоссу Раббан, граф Ланкивейльский, был старшим племянником Владимира Харконнена. Глоссу Раббан и Фейд-Раута (оба приняли имя Харконнен, когда их выбрал барон для своего Дома) были законными сыновьями младшего сводного брата барона, Абулурда. Он отказался от фамилии Харконнен и от права на титул, когда ему предоставили субгубернаторство на Раббан-Ланкивейле. Имя Раббан получено по женской линии.

Терминология Империи

Изучая Арракис, Империю и всю культуру, породившую Муад'Диба, встречаешь много незнакомых терминов. Углубить понимание – достойная цель, поэтому ниже приводятся термины и их разъяснение.

А

АБА – свободное одеяние женщин-фрименок, обычно черное.

АДАБ – требующая действия память, что сама приходит к человеку.

АЙЯТ – признаки жизни (см. БУРХАН).

АКАРСО – растение с планеты Сикунг (70 Змееносца А), характерное своими почти прямоугольными листьями. Зеленые и белые полосы на листе соответствуют бодрствующим и покоящимся участкам хлорофилла в растении.

АКЛЬ – испытание разума, первоначально – «Семь загадок мистики», начинающихся с вопроса: «Кто есть тот, что думает?»

АЛАМ-АЛЬ-МИТАЛЬ – мистический мир всеединства, где нет никаких ограничений.

АЛЬ-ЛЯТ – Первоначальное Солнце человечества, общепотребительное название светила любой планеты.

АМПОЛИРОС – легендарный «Летучий Голландец» космоса.

АМТАЛЬ, или **АМТАЛЯ ЗАКОН** – обычное правило примитивных миров, по которому осуществляется проверка пригодности. Часто: испытание на разрушение.

АРРАКИН – первое поселение на Арракисе.

АРРАКИС – третья планета Канопуса, известная и под именем Дюна.

АССАСИНА СПРАВОЧНИК – книга третьего века о ядах, используемых в войне ассасинов. Позднее была дополнена описанием смертоносных новинок, разрешенных гильдийским мирным договором и Великой Конвенцией.

АУЛИЯ – в религии скитальцев-дзенсуннитов женщина по левую руку Бога, служанка Его.

АУМАС (в некоторых диалектах – ЧОМАС) – яд в твердой пище.

АШ! – «Налево!» – команда, используемая для управления червем.

Б

БАККА – во фрименской легенде плакальщица, оплакивающая все человечество.

БАКЛАВА – печенье из крутого теста на сиропе из фиников.

БАЛИЗЕТ – девятиструнный музыкальный инструмент, прямой потомок цитры, настроенный на чусукский лад, играют на нем перебирая струны. Любимый инструмент трубадуров в Империи.

БАРАБАНЫЕ ПЕСКИ – песок, уплотнившийся таким образом, что малейшее движение по нему отзывается повторяющимися ударами.

БАРАКА – живой святой, обладающий чудодейственной силой.

БАРЬЕР – крупная горная цепь в северной части Арракиса, ограждающая от кориолисовых бурь небольшой участок поверхности планеты.

БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД – см. ДЖИХАД, БАТЛЕРИАНСКИЙ (также ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ).

БАШИ, ПОЛКОВНИК-БАШИ – офицер сардаукаров, чуть выше полковника в обычной воинской классификации. Ранг этот соответствует военному правителю района на планете. Звание баши корпуса используется лишь в армии.

БГ – сокращение от Бинэ Гессерит. Записанное латинскими буквами (BG) рядом с датой, это сокращение обозначает период «до Гильдии» и основу имперского календаря, точкой отсчета которого является учреждение Гильдии.

БЕЛА ТЕГЕЙЗЕ – пятая планета Куенсинги, третье место остановки дзенсуннитов (фрименов) в их вынужденной миграции.

БИ-ЛА КАЙФА – «аминь» (дословно: «Больше объяснять нечего»).

БИНДУ – понятие связано с нервной системой человеческого тела, в особенности с ее тренировкой; часто используется сочетание «бинду-нерватура».

БИНЭ ГЕССЕРИТ – древняя школа умственного и физического воспитания студентов в основном женского пола, образованная после

того, как Батлерианский джихад уничтожил так называемые мыслящие машины и роботов.

БЛАСТЕР – лазер непрерывного действия. Использование бластера в качестве оружия ограничивается возможностью взрыва (субатомного синтеза) при попадании лазерного луча на щит.

БЛЕД – открытая ровная пустыня.

БОЕВОЙ ЯЗЫК – любой специальный язык с ограниченным словарем, пригодный для четкой передачи сообщений в бою.

БОТАНИ-ДЖИБ – см. **ЧАКОБСА**.

БРАТЯ СВОДНЫЕ – сыновья от разных наложниц в одном Доме, имеющие одного отца.

БУРКА – теплозащитная мантия, которую фримены носят в открытой пустыне.

БУРСЕГ – командующий сардаукаров.

БУРХАН – доказательства жизни (обычно: «айят» и «бурхан жизни»).

В

ВАЛИ – неопытный фрименский подросток.

ВАРОТА – известный мастер, изготовитель бализетов, житель Чусука.

ВЕЛИКАЯ КОНВЕНЦИЯ – универсальный договор, зафиксировавший равновесие сил Гильдии, Великих Домов и Империи. Основное условие его запрещает использование атомного оружия для поражения людей. Каждое из правил Великой Конвенции начинается так: «Следует выполнять следующее...»

ВЕЛИКАЯ МАТЬ – рогатая богиня, женская сущность Космоса (обычно «Мать Пространства»), женская ипостась троичного (женского-мужского-нейтрального) божества, в котором видит Всевышнего большинство религий Империи.

ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – обычное название Батлерианского джихада (см. **ДЖИХАД**, **БАТЛЕРИАНСКИЙ**).

ВЕРИТА – один из парализующих волю наркотиков планеты Икац. Делает человека неспособным на ложь.

ВЕТРОВАЯ ЛОВУШКА – размещаемое на пути господствующего ветра устройство, способное извлекать из воздуха влагу за счет резкого перепада температур в нем.

ВОДА ЖИЗНИ – «просветляющий яд» (см. ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ). Конкретно: продукт выделений песчаного червя (см. ШАЙ-ХУЛУД) в момент его смерти от утопления, изменяемый потом в теле Преподобной Матери для выполнения тау, ситченской оргии. Наркотик, проясняющий сознание.

ВОДНАЯ ДИСЦИПЛИНА – жестокая школа экономии, позволяющая обитателям Арракиса не тратить лишней влаги.

ВОДНЫЙ ДОЛГ – долг, который нужно выполнить во что бы то ни стало.

ВОДОНОС – прошедший посвящение фримен, выполняющий ритуальные обрядовые действия, касающиеся Воды Жизни.

ВПАДИНА – обитаемая низина на Арракисе, окруженная высокими формами рельефа, защищающими ее от ветра.

ВПАДИН КАРТА – карта поверхности Арракиса с нанесенными на нее маршрутами между надежными убежищами.

ВТОРАЯ ЛУНА – меньший из двух спутников Арракиса, известный фигурой кенгуровой мыши, угадывающейся в пятнах на диске.

ВЫСОКИЙ СОВЕТ – влиятельные круги Ландсраада, уполномоченные выступать в качестве высшего судебного органа при разрешении конфликтов между Домами.

Г

ГАЙЕДИ ПРИМ – планета звезды Змееносец В (36), родная планета Дома Харконненов. Планета средней жизнеспособности и низкой интенсивности фотосинтеза растений.

ГАЛАК – официальный язык Империи. Англославянский, с сильными культурными заимствованиями из других языков за всю долгую цепь миграций человечества.

ГАМОНТ – третья планета Ниуше, известна гедонистической культурой и экзотической сексуальной практикой.

ГАР – крутой холм.

ГАФЛА – позволять себе отвлекаться по пустякам; иначе: человек, не достойный доверия.

ГЕЙРАТ! – «Прямо вперед!» – команда, используемая для управления червем.

ГЕРМОКЛАПАН – герметичное уплотнение, используемое фрименами для обеспечения водной безопасности в их стоянках.

ГИЛЬДИЯ – Космическая Гильдия, одна из опор политического треугольника Великой Конвенции. После Батлерианского джихада являлась второй школой умственно-психического воспитания (см. БИНЭ ГЕССЕРИТ). Дата установления монополии Гильдии на космические грузовые и пассажирские перевозки и межпланетное банковское дело является точкой отсчета календаря Империи.

ГИНАЦ, ДОМ – прежний союзник герцога Лето Атрейдеса. Потерпел поражение в войне ассасинов от Груммана.

ГИУДИХАР – святая правда (часто используется в выражении ГИУДИХАР МАНТЕНЕ – истинная, основная правда).

ГОЛОС – сложное умение, позволяющее Бинэ Гессерит одной интонацией управлять человеком.

ГОМ ДЖАББАР – «строгий враг», определенной формы иголка, несущая смертельный яд; используется прокторами Бинэ Гессерит для испытания на человечность.

ГРАБЕН – форма рельефа, удлиненная впадина, образовавшаяся на поверхности в результате смещения в пластах.

ГРИДЕКС – электростатический сепаратор, используемый для удаления песка из меланжа. Устройство для повторной очистки специ.

ГРУММАН – вторая планета Ниуше, известная в основном враждой ее правителей (Моритани) с Домом Гинац.

ГХАНИМА – трофей битвы или поединка. Обычно – памятка, сувенир, напоминающий о битве.

Д

ДАКТИ-ЛОКЕР – замок или запор, открывающийся при контакте с ладонью только той руки человека, на которую был настроен.

ДАР АЛЬ-ХИКМАН – школа религиозного перевода, интерпретации.

ДЕЛАТЕЛЬ – см. ШАЙ-ХУЛУД.

ДЕЛАТЕЛЬ МАЛЫЙ – полурастение-полуживотное, является обитающим в глубоких песках зародышем песчаного червя Арракиса.

ДЕРЧ – «Направо!» – клич погонщика червя.

ДЖИХАД – религиозный фанатичный крестовый поход.

ДЖИХАД, БАТЛЕРИАНСКИЙ – крестовый поход против компьютеров, думающих машин, обладающих сознанием роботов. Начался в 201 BG, завершился в 108 BG. Главная заповедь его увековечена в О. К. Библии: «Да не создашь машины, наделенной человеческим умом» (см. также **ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**).

ДЖУББА – многофункциональный плащ, может использоваться для отражения или поглощения теплового излучения, а также в качестве гамака и укрытия. Его обычно носят поверх конденсостюмов.

ДЗЕНСУННИТЫ – последователи раскольнической секты, отпочковавшейся от учения Маомета (так называемый «Третий Мухаммед около 1381 BG). Дзенсунниты интересуются мистикой и идеями возвращения на пути отцов. Большинство ученых считают Али бен Охаши вождем раскола, однако некоторые свидетельства указывают, что его устами говорила вторая жена, Нисаи.

ДИКТУМ ФАМИЛИА – запрет Великой Конвенции на убийство особы королевской крови путем неформального предательства. Правило устанавливает определенные рамки и ограничивает возможные способы убийства.

ДИСТРАНС – устройство, создающее временный нейрооттиск нервной системы рукокрылых или птиц. Обычные крики, издаваемые после этого животным, несут на себе отпечаток-передачу, которая может быть расшифрована с помощью другого дистракса.

ДОМ – идиома для обозначения правящего клана планеты или планетной системы.

ДОМА ВЕЛИКИЕ – держатели планет-файфов, предприниматели межпланетного масштаба.

ДОМА МАЛЫЕ – выполняют функции предпринимателей в масштабах меньших, чем межпланетные (на галаке: «богатеи»).

ДУМПЕР – общее обозначение любого грузового контейнера неправильной формы, имеющего абляционное покрытие и систему амортизации. Используется для транспортировки материалов из космоса на поверхность планеты.

ДЮННЕРЫ – общее обозначение работников открытого песка, искателей специ и тому подобных. Пескообработчики. Собиратели меланжа.

И

ИБАД, ГЛАЗА ИБАДА – характерный признак употребления пищи с большим содержанием меланжа, при этом глаза целиком принимают интенсивный синий цвет (свидетельствуют о глубоком привыкании к меланжу).

ИБН КВИРТАЙБА – «Таковы святыя слова...» – обычное начало религиозного напева у фрименов (следует из Протект Пропетикус).

ИКАЦ – четвертая планета Альфы Центавра В, рай для скульпторов, называемый так, поскольку является местом произрастания туманного дерева – вида растительности, способного изменять свою форму прямо на месте под воздействием человеческой мысли.

ИКС – см. РИЧЕС.

ИКСУТ-ЭЙ! – крик продавцов воды на Арракисе, этимология неизвестна (см. СУ-СУ-СУУК).

ИЛМ – теология, наука религиозной традиции, одна из полулегендарных основ веры скитальцев-дзенсуннитов.

ИМПЕРСКАЯ ОБРАБОТКА – применяется в медицинских школах Сукк. Суть ее в глубочайшем психологическом запрете на покушение на человеческую жизнь. Подвергнутые ей отмечают вытатуированным на лбу алмазом, среди них принято носить длинные волосы, перехваченные серебряным кольцом школы.

ИНДЕКС ГЕНЕТИЧЕСКИЙ – главная ведомость, используемая Бинэ Гессерит для регистрации этапов осуществления генетической программы Ордена.

ИСКАТЕЛЬ-ОХОТНИК – металлический червь с генератором плавучести. Оружие это управляется с близкорасположенного пульта. Обычное оружие ассасинов.

ИСТИСЛА – закон всеобщего благоденствия племени, им обосновывается жестокая необходимость.

Й

ЙЕРЕГ – временный лагерь фрименов, размещенный в открытой пустыне.

К

КАЛАДАН – третья планета Дельты Павлина, место рождения Пол-Муад'Диба.

КАНАТ – открытый ирригационный канал для управляемого орошения пустыни.

КАНИКТ – акроним: Картель «Новейшие и качественнейшие товары», всеобщая корпорация, контролируемая Императором и Великими Домами при негласном участии Гильдии и Бинэ Гессерит.

КАНЛИ – объявленная вражда между Великими Домами, подчиняющаяся строжайшим ограничениям (см. СУДЬЯ ПЕРЕМЕНЫ). Первоначально законы ее предназначались для охраны не замешанных во вражду.

КАРАМА – чудо, действие мира духов.

КАРГОН – летающее крыло (или просто «крыло»), воздушная рабочая лошадь Арракиса, используется для транспортировки крупного добывающего, очистительного и охотничьего оборудования.

КАРМАН-УЛОВИТЕЛЬ – любой из карманов конденскостюма или конденстента, в котором накапливается и хранится вода.

КВИЗАРА ТАФВИД – священнослужители фрименов (после Муад'Диба).

КВИЗАЦ ХАДЕРАЧ – «Сокращение пути». Термин, которым Бинэ Гессерит называли некий неизвестный результат их генетической программы, Бинэ Гессерит мужского пола, ментальные способности которого позволят ему стать над временем и пространством.

КВИРТАЙБА – см. ИБН КВИРТАЙБА.

КИНЖАЛ – короткий обоюдоострый меч (или длинный нож), обычно длина слегка изогнутого клинка около 20 сантиметров.

КИСВА – любой объект из мифологии фрименов.

КИТАБ АЛЬ-ИБАР – обрядово-экологический справочник, свод религиозных и бытовых правил, обеспечивающих выживание на Арракисе фрименов.

КНИГОФИЛЬМ – любой отпечаток на шигафибре, используемый для обучения и несущий мнемонический ритм.

КОЛОТУШКА – короткий шест с заводной трещоткой на одном конце. Втыкается в песок и включается, чтобы стуком вызвать Шай-Хулуда (см. ДЕЛАТЕЛЯ КРЮКИ).

КОМБАЙН, КОМБАЙН-ФАБРИКА – крупная (обычно размером 120 x 40 метров) добывающая специю машина, используемая на

местах богатых, незасоренных выбросов меланжа (часто называется «краулером», поскольку жукообразный корпус ее ползет по грунту на нескольких независимых гусеницах).

КОНДЕНСКОСТЮМ – изобретенное на Арракисе одеяние, полностью охватывающее тело. Изготавливается из многослойной ткани, представляющей собой «микросэндвич», позволяет преобразовать выделения человеческого тела в питьевую воду. Вода поступает в карманы-уловители и выпивается через трубку.

КОНДЕНСТЕНТ – небольшая, герметично закрывающаяся палатка из многослойной ткани, позволяющей сохранять воду, выдыхаемую находящимися внутри.

КОНУС ТИШИНЫ – дисторсионное поле, ограничивающее возможность прохождения звуков различной частоты путем их глушения с помощью вибраций, противоположных по фазе.

КОРИОЛИСОВА БУРЯ – любая крупная песчаная буря на Арракисе, когда сила ветра на его равнинах увеличивается за счет собственного вращения планеты, достигая 700 километров в час.

КОРРИНСКАЯ БИТВА, чаще **БИТВА ПРИ КОРРИНЕ** – космическое сражение, по которому получил свое имя Дом Коррино. Произошла вблизи Сигмы Дракона в 88 BG. Победу одержал Дом правителей Салузы Секундус.

КРАСКОПУЛЬТ – электростатический пылевой пистолет, созданный на Арракисе для нанесения большого красочного пятна.

КРАУЛЕР – см. **КОМБАЙН**, **КОМБАЙН-ФАБРИКА**.

КРАШЕР – военный корабль, составленный из множества отдельных боевых блоков, сбрасываемых на вражеские позиции и подавляющих войска противника.

КРИМСКЕЛЛ (ВОЛОКНО или ВЕРЕВКИ) – «коготь-волокно», получаемое из лианы хуфуф, растущей на планете Икац. Узлы на веревке из кримскелла при ее натяжении затягиваются (более подробно см. в монографии Хольянса Воонбрука «Лианы-душители на Икаце»).

КРИС-НОЖ, **КРИС** – священный нож фрименов, изготавливается в двух видах из зуба мертвого песчаного червя. Виды эти называются «фиксированный» и «нефиксированный». Чтобы избежать разрушения, нефиксированный нож следует носить вблизи биоэлектрического поля человеческого тела. Фиксированные ножи

подвергнуты специальной обработке и предназначены для длительного хранения. Обе формы имеют длину около двадцати сантиметров.

КРЫЛО – см. КАРГОН.

КРЮКИ ДЕЛАТЕЛЯ – крюки, используемые для того, чтобы оседлать песчаного червя и управлять им.

КРЮЧНИК – фримен с крюками делателя, готовый взобраться на червя.

КУЗЕНЫ – кровные родственники.

КУЛЛ ВАХАД – «Я потрясен!» – выражение искреннего удивления, принятое в Империи. Точная интерпретация зависит от ситуации. (Говорят, что однажды Муад'Диб долго следил за тем, как проклевывался из яйца птенец пустынного коршуна, и наконец прошептал: «Кулл вахад!»)

КХАЛА – религиозное заклятие, предназначенное для успокоения разгневанных духов упоминаемого в заклинании места.

Л

ЛАЙНЕР – большой транспортный корабль, используемый Гильдией.

ЛА-ЛА-ЛА – крик горя фрименов («ла-ла» – переводится как предельное отрицание, как совершенно однозначное «нет»).

ЛЕГИОН, ИМПЕРСКИЙ – десять бригад, около 30 тысяч человек.

ЛЕПМЕТАЛЛ – металл, образующийся в результате проращивания кристаллов ясмия в дюралюминии, известен своей высочайшей прочностью и легкостью. Название получил от лепестковых конструкций, является основным материалом для их изготовления.

ЛИВАН – кушанье фрименов, представляет собой раствор специи с подболтанной мукой из юкки. Первоначально напиток из кислого молока.

ЛИНЗЫ МАСЛЯНЫЕ – линзы из масла хуфуфа, поддерживаемые напряжением поля. Расположены в подзорной трубе как части увеличительной или иной оптической системы. Поскольку линзы можно регулировать лишь по отдельности, изменяя положение на микроны, считаются наиточнейшими оптическими устройствами.

ЛИСАН АЛЬ-ГАИБ – Голос Извне; в легендах фрименов мессианского цикла – пророк-иномирнин. Иногда переводится как

«податель воды».

ЛИТРОВКА – контейнер для переноса воды на Арракисе емкостью один литр. Выполнен из плотного неразбиваемого пластика с уплотнением на горлышке.

ЛОЗА ЧЕРНИЛЬНАЯ – ползучее растение, происходящее с Гайеди Прим, часто используемое как кнут для наказания рабов, оставляет шрам свекольного цвета, вызывающий боль даже по истечении многих лет.

М

МАНТЕНЕ – глубинная мудрость, основной аргумент, первый принцип.

МАУЛА – раб.

МАУЛА-ПИСТОЛЕТ – пружинный пистолет для метания отравленных игл. Дальнобойность около сорока метров.

МАШАД – любое испытание, в котором на кон ставится честь, понимаемая как духовное состояние.

МЕЛАНЖ – «специя специй», продукт, единственным источником которого является Арракис. Специя, известная в основном своими гериатрическими свойствами. Вызывает слабое привыкание при умеренном потреблении. При потреблении свыше двух граммов на семьдесят килограммов веса вызывает сильнейшее привыкание (см. **ИБАД** и **ПРЕДСПЕЦИЕВАЯ МАССА**). Муад'Диб считал специю одним из источников своего пророческого дара. Аналогичного мнения придерживаются навигаторы Гильдии. Цена его на рынке Империи достигает 620 000 соляриев за декаграмм.

МЕНТАТЫ – группа граждан Империи, чьи логические способности чрезвычайно тренированы. «Люди-компьютеры».

МЕТАСТЕКЛО – стекло, выращенное в условиях высокотемпературного вдувания газа в листы ясмиевого кварца. Известно своей исключительной прочностью (около 450 000 килограммов на квадратный сантиметр при толщине листа 2 сантиметра), обладает способностью к селективному поглощению излучений.

МЕТЕОСКАНЕР – лицо, обученное специальным методам предсказания погоды, в том числе и шестованию (см. **ШЕСТОВАНИЕ**).

МИКРОФИБР – шигафибр диаметром в один микрон, часто используемый шпионами и контрразведчиками для хранения информации.

МИСР – историческое самоназвание дзенсуннитов, обозначающее «народ».

МИССИОНАРИЯ ПРОТЕКТИВА – учреждение Ордена Бинэ Гессерит, которое внедряет на примитивных мирах суеверия, подготавливающие почву для использования Орденом этих миров (см. ПРОТЕКТ ПРОФЕТИКУС).

МИХНА – время испытания фрименской молодежи, вступающей в ряды взрослых мужчин.

МИШ-МИШ – абрикосы.

МУАД'ДИБ – приспособившаяся к местным условиям Арракиса кенгуровая мышь, в мифологии фрименов связанная с рисунком на лице второй луны. Вызывает восхищение у фрименов умением выживать в открытой пустыне.

МУДИР-НАХЬЯ – имя, которое фримены дали Твари Раббану (графу Ланкивейльскому), кузену Харконненов, много лет бывшему сиридар-губернатором Арракиса. Часто переводится как «демон-правитель».

МУ ЗЕЙН, УАЛЛАХ (или ВААЛАХ)! – «му зейн» дословно означает «ничего хорошего», «уаллах» – усиленное восклицание. В этом традиционном проклятии, посылаемом фрименами на голову врага, «уаллах» усиливает значение слов «му зейн», придавая им следующий смысл: «Ничего хорошего вообще – ничего, никогда».

МУСКИ – яд, подмешиваемый в питье.

МУШТАМАЛЬ – небольшой палисадник, сад во внутреннем дворе.

Н

НА – префикс, означающий «наследник», «следующий в роду».

НАЕЗДНИК – «тот, кто способен ездить на песчаном черве».

НАИБ – «тот, кто поклялся, что живым не сдастся врагу»; традиционная клятва предводителя фрименов.

НЕЖОНИ – шарф, тонкая косынка, прикрывающая лоб, носимая замужней или «несвободной» фрименской женщиной на голове, под конденскостюмом.

НИЗИНА – на Арракисе местность, понижение, возникающее при оседании почв. На планетах с достаточным количеством воды низинам соответствуют места, где когда-то были водоемы. Считается, что на Арракисе есть по меньшей мере одна подобная местность, хотя это еще оспаривается.

НОСОФИЛЬТР – носовой фильтр, вставляемый в ноздри при ношении конденскостюма для извлечения влаги из выдыхаемого воздуха.

НУКЕР – офицер-телохранитель Императора, связанный с ним кровным родством. Обычный ранг сыновей императорских наложниц.

О

ОБУЧЕНИЕ – в применении к Бинэ Гессерит приобретает специальное значение, определяющее состояние нервов и мышц (см. **БИНДУ** и **ПРАНА**), доведенных до предельного совершенства, допускаемого природой.

ОГНЯ СТОЛБ – простая сигнальная пиротехническая ракета.

ОПАЛЮКСЫ – редкие опалины, драгоценные камни с Хагала.

ОРАНЖЕВАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ БИБЛИЯ – «Объединенное писание», религиозный текст, созданный комиссией переводчиков-экуменистов. Содержит в себе элементы древнейших верований, в том числе Маомет-Саари, махаянического христианства, католического дзенсуннизма и буддизма. Считается, что ее основной заповедью является: «Да не изуродуй души своей».

ОРНИТОПТЕР, или **ТОПТЕР** – летательный аппарат, способный зависать на месте. Имеет крылья, подобные птичьим.

ОСАДОЧНЫЙ (ОСТАТОЧНЫЙ) ЯД – нововведение, авторство которого приписывается ментату Питеру де Врие. Тело жертвы пропитывается субстанцией, требующей противоядия. Прекращение употребления противоядия вызывает смерть.

П

ПАНДИ-РИС – мутировавший рис, богатые сахаром зерна его достигают четырех сантиметров в длину. Основной предмет экспорта Каладана.

ПАРАКОМПАС – любой компас, определяющий направление по местной магнитной аномалии, используется там, где есть

соответствующие карты и где магнитное поле планеты нестабильно и подвержено сильным возмущениям в результате магнитных бурь.

ПЕНТАЦИТ – пятислойное поле для перекрытия небольших площадей (двери, коридора) – с увеличением размеров стабильность многослойных полей падает. Непроницаемо без соответствующего диссемблера, настроенного на нужную частоту (см. СТРАЖ-ДВЕРЬ).

ПЕОНЫ – закрепленные за планетой крестьяне, работники, один из основных классов по системе фофрелах.

ПЕРВАЯ ЛУНА – основной спутник планеты Арракис, первым восходит на небосклон; известен изображением на диске, напоминающим сжатый кулак.

ПЕСКОКРАУЛЕР – общее название машин, предназначенных для поиска специ и ее сбора с поверхности Арракиса.

ПЕСКОХОД – любой фримен, умеющий выживать в песках открытой пустыни.

ПЕСКОШНОРКЕЛЬ – устройство для забора воздуха в засыпанный песком конденстент.

ПЕСЧАНЫЙ ПРИЛИВ – изменение уровня песка в некоторых котловинах Арракиса, связанное с гравитационным воздействием лун и солнца.

ПЕСЧАНЫЙ ЧЕРВЬ – см. ШАЙ-ХУЛУД.

ПИРЕТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – так называемая «воспламененность», уровень запрета имперской обработки (см. ИМПЕРСКАЯ ОБРАБОТКА).

ПЛАСТАЛЬ – сталь, упрочненная волокнами стравидиума, пронизывающими ее структуру.

ПЛЕНИСЦЕНТА – экзотический зеленый цветок с Икаца, известный своим ароматом.

ПОРИТРИН – третья планета Ипсилон Аланки, которую многие из скитальцев-дзенсуннитов считают местом своего происхождения, хотя язык их и мифология имеют куда более древние корни.

ПОРТИГАЛС – сорт апельсинов.

ПРАНА, ПРАНА-МУСКУЛАТУРА – мышцы тела как отдельные объекты предельных тренировок (см. БИНДУ).

ПРЕДСПЕЦИЕВАЯ МАССА – стадия интенсивного роста фунгоидов после соприкосновения воды с выделениями малых делателей. На этой стадии происходит выброс, перемешивающий

материалы глубинных и приповерхностных слоев. Выброшенное вещество после воздействия на него солнца и воздуха становится специей (см. также МЕЛАНЖ и ВОДА ЖИЗНИ).

ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ – первоначально проктор Бинэ Гессерит. Та, которую преобразовал «просветляющий яд», переведя ее на более высокий уровень восприятия. Этот титул использовали и фримены для своих собственных религиозных предводительниц, испытавших аналогичное «просветление» (см. также БИНЭ ГЕССЕРИТ и ВОДА ЖИЗНИ).

ПРИЛИВНАЯ КОТЛОВИНА – любое из обширных углублений на поверхности Арракиса, заполненное за века пылью (см. ПЕСЧАНЫЕ ПРИЛИВЫ).

ПРОЕКЦИЯ – портрет, воспроизводимый проектором с шигафибра; отражает мельчайшие движения объекта, передающие сущность его эго.

ПРОКТОР СТАРШИЙ – Преподобная Мать Бинэ Гессерит, являющаяся также региональным директором школы Бинэ Гессерит (обычно Дочь Гессера, одаренная способностью прорицания).

ПРОТЕКТ ПРОФЕТИКУС – система заразных суеверий, распространяемых Бинэ Гессерит для эксплуатации примитивных районов.

ПРОЦЕСС ВЕРБАЛЬНЫЙ – полуофициальный донос о преступлении против Империи. С точки зрения закона – действие, являющееся промежуточным звеном между словесным и формальным обвинениями.

ПУТЬ БИНЭ ГЕССЕРИТ – умение замечать мельчайшие детали.

ПЫЛЕВОЙ ПРОВАЛ – расщелина или впадина в пустыне, заполненная пылью. На вид не отличается от окрестных песков. Смертельно опасны: засасывают вглубь неосторожного путника.

Р

РАЗЗИЯ – полуграбительский набег кочевников.

РАМАДАН – с древних времен период поста и молитвы, обычно девятый месяц по лунно-солнечному календарю. Фримены связывают это событие с циклом прохождения первой луны по меридиану.

РАПИРОН – любой тонкий клинок (часто отравленный), используемый в левой руке в бою со щитом.

РАСПЕВ И ВОЗГЛАС – ритуальное заклинание, часть Протект Профетикус, используемой Миссионарией Протективной.

РЕКАТЫ – трубки, связывающие выделяющие органы тела с фильтрами конденскостюма.

РИЧЕС – третья планета звезды Эридан А, вместе с Икс относится к числу планет, обладающих наиболее развитой технической цивилизацией. Известна тенденцией к миниатюризации. (Подробнее о том, как Ричес и Икс смогли избежать наиболее тяжелых последствий Батлерианского джихада, см. в «Последнем джихаде» Сумера и Каутмана.)

РОСЫ КОЛЛЕКТОР, ЛОВУШКА – не путать со сборщиками росы. Коллектор или ловушка представляет собой яйцеобразное устройство длиной около четырех сантиметров. Сделан из хромопласта – белого на свету и прозрачного в темноте. Такой коллектор имеет относительно прохладную поверхность, на которую выпадает роса, используется фрименами для заполнения углублений, чтобы добывать воду, и при посадке растений, чтобы поддерживать в них жизнь.

РОСЫ СБОРЩИКИ – работники, собирающие росу с растений Арракиса с помощью напоминающего косу устройства.

РУХ, ДУХ – в верованиях фрименов часть индивидуальности, вросшая в мир духов, способная ощущать метафизический мир (см. АЛАМ-АЛЬ-МИТАЛЬ).

РЭЧЕГ – стимулятор типа кофеина, получаемый из желтых ягод акарсо.

С

САДУ – судья, фрименский титул священного судьи. Приравняется к святому.

САЙЕЛАГО – любое модифицированное рукокрылое Арракиса, используемое для передачи сообщения дистрансом.

САЙИДИНА – женщина-священнослужитель в религиозной иерархии фрименов.

САЛУЗА СЕКУНДУС – третья планета Гаммы Вайпинг. После перемещения императорского двора на Кайтэйн считалась тюремной планетой Империи. Салуза Секундус – родная планета Дома Коррино, является второй остановкой на пути скитальцев-дзенсуннитов.

Согласно фрименской легенде, они были рабами на СС в течение девяти поколений.

САРДАУКАРЫ – солдаты-фанатики Падишах-Императора. Происходят с планеты столь свирепой, что из тринадцати человек к одиннадцати годам пребывания на ней выживает семеро. Для военной подготовки С. характерны безжалостность и почти самоубийственное пренебрежение собственной безопасностью. С детства их учат быть жестокими, терроризировать врага. В период максимальной активности С. в делах Вселенной уровень их фехтовального мастерства соответствовал десятому по шкале Гинац, а по боевой хитрости они были равны адептам Бинэ Гессерит. Каждого из них можно было считать равным десяти наемникам любого Дома Ландсраада. Ко времени Шаддама IV прежде грозные части были ослаблены самоуверенностью, а укрепляющий мистицизм религии воинов оказался подточен цинизмом.

САРФА – акт отречения от Бога.

САФО – высокопитательная жидкость, извлекаемая из барьерных корней на Икаце. Обычно используется ментатами, утверждающими, что она усиливает их мыслительные способности.

СВЕТОШАР – плавучее автономное осветительное устройство, обычно работающее на органических батареях.

СВОБОДНЫЕ ТОРГОВЦЫ – идиоматическое выражение, обозначающее контрабандистов.

СЕИД – офицерский чин у сардаукаров, присваиваемый военному начальнику, назначенному управлять гражданскими лицами, военному губернатору планеты. Выше баши, но ниже бурсега.

СЕЛЯМЛИК – приемная Императора.

СЕМУТА – вторая наркотическая производная (кристаллической выгонки), получаемая из углей элаккового дерева.

СЕРВОК – несложный механизм с часовым приводом для выполнения простейших работ. Одно из немногих устройств, чье использование разрешается после Батлерианского джихада.

СИРАТ – отрывок из О. К. Библии, в котором человеческая жизнь сравнивается с путешествием по узкому мосту (сират), где «Райские кущи по правую руку, жерло Ада – по левую, и Ангел Смерти гонится по пятам».

СИТЧ – фрименское слово, означающее «место сбора в момент опасности». Поскольку фримены так долго жили во всякого рода опасностях, это слово и стало означать любой пещерный поселок.

СИХАЙЯ – время пустынной весны (*фрименск.*); «время созревания», «грядущий рай», согласно религиозным взглядам фрименов.

СОБРАНИЕ – не следует путать с Собранием Совета. Представляет собой формальное приглашение предводителя фрименов наблюдать за ходом поединка за лидерство в племени (Собрание Совета – собрание, на котором решаются вопросы, касающиеся всех племен).

СОЛИДО – трехмерное изображение, создаваемое солидопроектором. Сигналы отражаются от объекта на 360° и записываются на ролике шигафибра. Лучшими считаются иксианские проекторы.

СОЛЯРИЙ – официальная денежная единица Империи. Покупательная способность ее была установлена в длившихся четверть века переговорах между Гильдией, Ландсраадам и Императором.

СОНДАГИ – папоротниковый тюльпан с Тупайла.

СПЕЦИЕВАЯ ФАБРИКА – см. ПЕСКОКРАУЛЕР.

СПЕЦИЯ – см. МЕЛАНЖ.

СПОТТЕР – легкий орнитоптер, входящий в состав летной группы, обеспечивающий безопасность и наблюдение при добыче специ.

СТАННЕР – стреляет отравленными или покрытыми наркотиком иглами. Боевая эффективность определяется уровнем мощности щита и подвижностью цели.

СТРАЖ-ДВЕРЬ, или СТРАЖ-БАРЬЕР – пентащит, обеспечивающий спасение (отступление) только определенным личностям в случае грозящей им опасности (см. ПЕНТАЩИТ).

СТРАННЫЙ – идиома, означает «мистический» или «связанный с колдовством».

СУБАХ УЛЬ-КАХАР – «Хорошо ли тебе?» – фрименское приветствие.

СУБАХ УН-НАР – «Мне хорошо, а тебе?» – традиционный ответ.

СУДЬЯ ПЕРЕМЕНЫ – официальное лицо, назначаемое Высоким Советом Ландсраада и Императором. Контролирует замещение файфа, переговоры в рамках канли или официальную схватку в войне ассасинов. Власть судьи перемены может быть оспорена лишь перед Высоким Советом в присутствии Императора.

СУ-СУ-СУУК! – крик продавцов воды на Арракисе. **СУУК** – площадь (см. ИКХУТ-ЭЙ!).

Т

ТАКВА – буквально «цена свободы», нечто представляющее великую ценность. То, что божество требует от смертного (и страх, вызванный требованием).

ТАУ – в терминологии фрименов единство людей ситча, усиливается употреблением специи и в особенности тау-оргией; единство, вызываемое Водой Жизни.

ТАХАДДИ АЛЬ-БУРХАН – предельное испытание, в котором не может быть пощады.

ТАХАДДИ ВЫЗОВ – вызов на смертный бой у фрименов.

ТЕМНЫЕ СЛЕДЫ – идиома, означающая заразные суеверия, внушаемые Миссионарией Протективной восприимчивым к ним цивилизациям.

ТЛЕЙЛАКС – единственная планета Талима, известная как отступнический центр воспитания ментатов; источник извращенных, испорченных ментатов.

ТП – телепатия (сокращение).

ТРАНСПОРТ ВОЕННЫЙ – любой из кораблей Гильдии, специально приспособленный для перевозки войск между планетами.

ТРАНС ПРАВДЫ – полугипнотический транс, вызываемый одним из наркотиков ясновидения, позволяющий находящемуся в трансе замечать мельчайшие признаки фальши (внимание: употребление наркотиков ясновидения грозит губительными последствиями всем, кроме десенситизированных личностей, способных преобразовывать ядовитые вещества в собственном теле).

ТРЕНОГА СМЕРТИ – первоначально треножник, на котором палачи в пустыне вешали осужденных. Употребляется как обозначение трех членов шерема, поклявшихся отомстить вместе.

ТУПАЙЛ – так называемая планета-убежище (быть может, несколько планет) для потерпевших поражение Домов Империи. Местоположение(я) известно(ы) лишь Гильдии, тайны охраняются ею в рамках мирного договора.

У

УАЛЛАХ IX – пятая планета Лаодзин, центр школы Бинэ Гессерит.

УЛЕМ – доктор теологии у дзенсуннитов.

УММА – принадлежащий к братству пророков (в Империи имеет пренебрежительный оттенок, означая дикаря, предавшегося фанатизму и видениям).

УРОШНОР – одно из нескольких слов, не имеющих прямого истолкования, которые Бинэ Гессерит впечатывают в психику избранных жертв с целью контроля. Сенситезированная таким образом личность, услышав такое слово, на мгновение замирает.

УСУЛ – основание колонны (*фрименск.*).

Ф

ФАЙ – водная дань, основной налог на Арракисе.

ФИДАЙИНЫ – отряды смертников среди фрименов, исторически: объединение воинов, решивших отдать жизни за победу над злом.

ФИКХ – знание, религиозный закон, один из полулегендарных источников религии скитальцев-дзенсуннитов.

ФОФРЕЛАХ – жесткие правила кастовой системы Империи: «Каждому человеку – свое место, каждому месту – свой человек».

ФРЕГАТ – крупнейший космический корабль из способных садиться на планету и взлетать с нее.

ФРИМЕНЫ – свободные племена пустыни Арракиса, потомки скитальцев-дзенсуннитов («пираты песков» в соответствии с имперской энциклопедией).

ФРИМПЛЕКТ – набор необходимых средств для выживания в пустыне, изготавливаемый фрименами.

Х

ХАГАЛ – планета самоцветов (II Тета Шаовой), месторождения были истощены ко времени правления Шаддама IV.

ХАДЖ – паломничество.

ХАДЖР – странствие по пустыне, миграция.

ХАДЖРА – скитание в поисках.

ХАЙ-Й-Й-Й-ЙОХ! – «Пошел!» – команда наездника.

ХАЛ ЙОМ – «Ну, наконец!» – восклицание фрименов.

ХАРМОНТЕП – Ингсли называет эту планету шестой остановкой на пути скитальцев-дзенсуннитов.

ХЕОПС – пирамидальные шахматы, девятиуровневые шахматы. Цель игры – провести своего ферзя в вершину и дать шах королю противника.

ХОЛЬЦМАНА ЭФФЕКТ – отрицательный отталкивающий эффект при работе генератора поля.

Ч

ЧАКОБСА – так называемый «магнетический язык», частично произошедший от древнего ботани (ботани-джиб; «джиб» – «диалект»). Смесь древних диалектов, усовершенствованная требованиями секретности. Был охотничим языком ботани – наемных ассасинов времен первых войн убийц.

ЧОМАС (в некоторых диалектах – АУМАС) – яд, добавляемый в твердую пищу, в отличие от используемых иначе ядов.

ЧОМУРКИ (МУСКИ, или МУРКИ в других диалектах) – яд, добавляемый в питье.

ЧУЖЕДАЛ – совершенно чуждый (*галак*), то есть не принадлежащий к общине, совершенный чужак.

ЧУСУК – четвертая планета Теты Шалиш, так называемая «музыкальная планета», известная качеством музыкальных инструментов (см. ВАРОТА).

Ш

ШАДУТ – «глубоко черпающий»; почетный ранг у фрименов.

ШАЙТАН – сатана.

ШАЙ-ХУЛУД – песчаный червь Арракиса, «Старик пустыни», «Дед-вечность», «Прародитель пустыни». Имя это, произносимое определенным тоном или написанное с заглавных букв, означает

устрашающего подземного демона. Песчаные черви вырастают до колоссальных размеров. В глубокой пустыне наблюдались особи длиной свыше четырехсот метров. Живут очень долго, если не гибнут в поединке с другим червем и не отравятся водой. Песок на Арракисе является в основном результатом жизнедеятельности песчаных червей.

ШАРИ-А – часть Протект Профетикус, устанавливающая ритуал суеверий (см. МИССИОНАРИЯ ПРОТЕКТИВА).

ШАХ-НАМЭ – полулегендарная первая книга скитальцев-дзенсуннитов.

ШЕРЕМ – братство в ненависти (обычно с целью мести).

ШЕСТОВАНИЕ ПЕСКА – искусство предсказания погоды с помощью шеста из пластика и волокон, размещаемого в открытой пустынной местности, по характеру ветровой эрозии.

ШИГАФИБР – металлические выросты наземной лианы (Narvi parvium), растущей лишь на Салузе Секундус и III Дельта Кайсинг. Известна ее прочность.

Щ

ЩИТ СИЛОВОЙ – защитное поле, создаваемое генератором Хольцмана. Поле это возникает на первой стадии обнуления эффекта плавучести. Щит пропускает лишь объекты, движущиеся с небольшой скоростью (в зависимости от мощности она составляет шесть-девять сантиметров в секунду), может быть нейтрализован только электрическим полем огромной мощности (см. БЛАСТЕР).

Э

ЭЛАККА – наркотик, образующийся при сжигании древесины элакка, растущего на Икаце. Почти полностью устраняет инстинкт самосохранения. Придает характерный морковный оттенок коже опьяненного. Обычно используется для обработки гладиаторов перед поединком.

ЭЛЬ-САЯЛЬ – «дождь из песка»; падение пыли, поднятой кориолисовой бурей на средние высоты (около 2000 метров). Эль-саяль часто вызывает увеличение влажности у поверхности.

ЭРГ – просторная область, покрытая дюнами, море песка.

Я

ЯДОИСКАТЕЛЬ – радиационный ольфакторный анализатор, настроенный на обнаружение ядовитых веществ.

ЯЛИ – личная квартира фримена в ситче.

ЯСНОВИДЯЩАЯ – Преподобная Мать, прошедшая проверку на умение входить в транс ясновидения, позволяющий обнаруживать фальшь и неискренность.

Я ХЬЯ ЧУХАДА! (ЙА ХЙА ЧУХАДА) – «Да здравствуют бойцы!» – боевой клич фидайинов. «Я» («теперь») в этом кличе усиливается формой «хья» («беспредельно продленное теперь»). «Чухада» («бойцы», «воины») означает здесь «бойцов против несправедливости». Само слово определяет бойцов не вообще, а против конкретного зла.

Я (ЙА)! Я (ЙА)! ЙОМ! – ритуальный возглас во время фрименских обрядов, имеющих глубокую значимость. «Я» («Йа») означает «Внимание!», «йом» призывает к немедленному исполнению. Обычно переводится как «Теперь внимайте!».

notes

Примечания

1

Вот так заварушка! (*фрименск.*)

2

-19–59 °C

3

11–29 °C

4

7 °C

5

71–86 °C